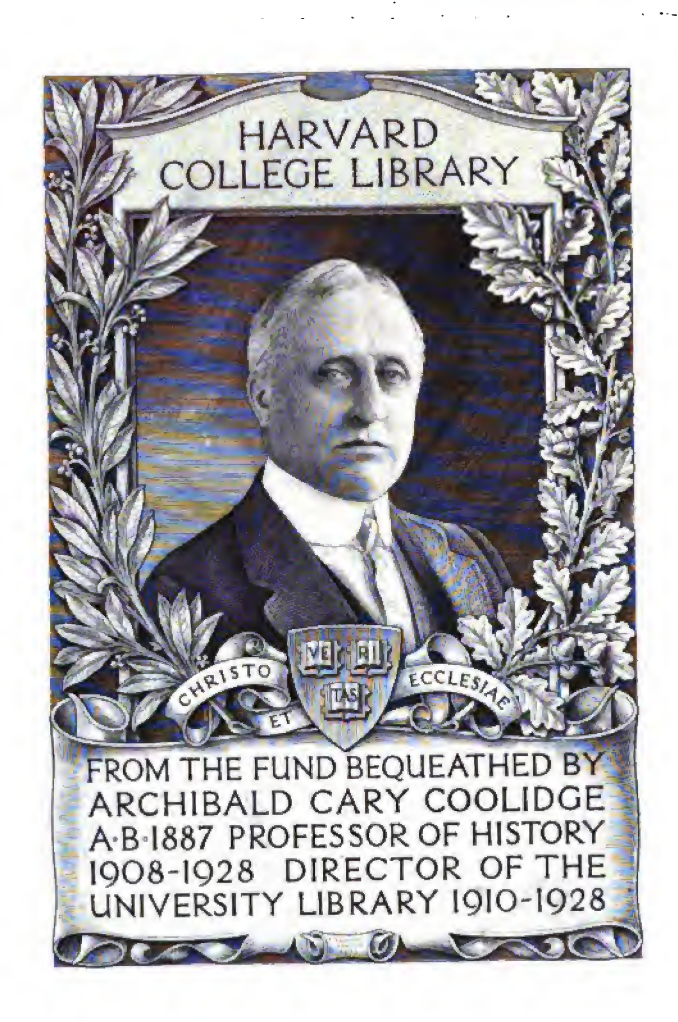
HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

АРХЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ДОКУМЕНТОВЪ

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ СѢВЕРОЗАПАДНОЙ РУСИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ УПРАВЛЕНІИ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВИЛЬНА.

Печатня Губернскаго Правленія.

1867.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Число археографическихъ мѣстонахожденій въ Западной Россіи и количество сохранившагося здѣсь древне-рукописнаго матеріала весьма обильно: доказательствомъ этому служатъ три Центральные Архива, которые учреждены съ 1852 года въ Вильнѣ, Кіевѣ и Витебскѣ. Для выбора и изданія актовъ, при первыхъ двухъ Архивахъ спеціально учреждены археографическія коммиссіи (въ Вильнѣ съ 1864 г., въ Кіевѣ, собственно при тамошнемъ генералъ-губернаторскомъ управленіи, еще съ сороковыхъ годовъ). Вмѣщаемое Виленскимъ Центральнымъ Архивомъ столь богато по содержанію и обширно по количеству волюмовъ (около 17.000), что конца работѣ нельзя предвидѣть даже и въ далекомъ будущемъ.

Помимо этого главнаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ археографическаго источника (Виленскаго Центральнаго Архива), для разбора и изданія актовъ котораго спеціально учреждена при немъ помянутая коммиссія, есть еще и другіе, заслуживающіе серьезнаго и неотложнаго вниманія: 1) Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки, почти ежедневно увеличивающееся новыми вкладами и пріобрѣтеніями, содержанія по преимуществу историческаго; и 2) вся площадь Сѣверо-Западнаго края съ ея археографическими мѣстонахожденіями—правительственными (¹), церковными, монастырскими и частными (²).

(¹) Витебскій Центральный Архивъ; архивы присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ хранится еще не мало древнихъ документовъ; генералъ-губернаторскій архивъ, заключающій въ себѣ богатые матеріалы, начиная съ послѣдняго двудесятилѣтія прошлаго вѣка и до 1833 года.

(²) См. Описаніе Минской епархіи архимандрита Николая, а также Описанія губерній Сѣверо-Западнаго края офицерами генеральнаго штаба, въ особенности, Гродненскую губернію—Бобровскаго.

Въ виду важности и неотлагательности археографическихъ работъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, Иванъ Петровичъ Корниловъ, обратилъ особенное вниманіе на открытіе, пріобрѣтеніе и изданіе рукописей, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Послѣ успѣшныхъ экскурсій въ 1864, 1865 и 1866 годовъ, давшихъ значительное число примѣчательныхъ рукописей, Г. Попечитель рѣшился ходатайствовать о назначеніи единовременной суммы на покрытіе издержекъ на ученыя командировки и полезныя изданія.

Годъ тому назадъ (съ Декабря 1866 года) были приглашены для археографическихъ работъ при Управленіи Виленскаго Учебнаго Округа *П. А. Гильтебрандтъ* (1), *Ѳ. Г. Елеонскій* (2) и *А. Л. Миротворцевъ* (3), трудами которыхъ приготовлены къ печати 4 тома Археографическаго Сборника. Первый, настоящій, томъ уже отпечатанъ, а остальные три печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени. Независимо отъ этого: уже печатается 5-ый томъ сборника (исключительно для исторіи Церкви въ Сѣверо-Западной Руси), подъ наблюденіемъ наставниковъ Литовской Духовной Семинаріи Елеонскаго, Демьяновича и Смирнова; А. П. Демьяновичъ оканчиваетъ приготовленіемъ къ изданію собраніе документовъ, относящихся къ исторіи Супрасльскаго и Коложскаго монастырей (сюда входитъ недавно найденный А. В. Рачинскимъ Супрасльскій лѣтописный сборникъ); поѣздка Гильтебрандта и Миротворцева въ Несвижъ и ихъ работы тамъ дали значительное количество матеріялу (4); трудами Начальника Витебскаго Центральнаго Архива А. М.

---

(1) Помощникъ Начальника Виленскаго Центральнаго Архива.

(2) Наставникъ въ Литовской Православной Духовной Семинаріи.

(3) Преподаватель въ Виленской Классической Гимназіи.

(4) Помимо документовъ, относящихся къ исторіи Люблинской уніи и вообще къ политической исторіи, любопытна и замѣчательна переписка Радивиловъ, и съ Радивилами слѣдующихъ лицъ: Русскаго фельдмаршала Апраксина, священника Бабарыки, Кіевскаго митрополита Діонисія Балабана, Владислава Бекеша, священника Бенедиктовича, Прусскаго министра Бланша, Андрея Боболи, священника Бокшанскаго, Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, полковника Акима Барсукова, іеромонаха Грозовскаго монастыря Борзиковскаго, Слуцкаго архимандрита Березинскаго, Литовскаго губернатора Булгакова, Богдана Хмельницкаго, Гедеона Хмельницкаго, Ходкевичей, Русскаго генерала Ѳеодора Хомякова, епископа Брестскаго и Владимірскаго Мелетія Хребтовича, епископа Пинскаго и Туровскаго Іоакима Цехановича, папскаго легата Комулеуса, Кіевскаго митрополита Гедеона Четвертинскаго, Алексѣя Дашкова (1703—1713), Запорожскихъ гетмановъ Михаила и Петра Дорошенковъ, Слуцкаго архимандрита Досиѳея Галаховскаго (1759—1763), князей Голицыныхъ, графа Головкина, Кіевскихъ и Луцкихъ епископовъ Яна и Станислава Гомолинскихъ, Гонсѣвскихъ, Гербуртовъ, князей Гольшанскихъ, Туровскихъ епископовъ Гедеона и Михаила Горбацкихъ, князей Горскихъ-Друцкихъ, митрополита и Полотскаго епископа Флоріана Гребницкаго, іеромонаха Якова, священника Яковича, священника Евдокимовича, игумена Дятеловска-

Сазонова приготовляется значительное число документовъ; инспекторъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ Д. Ѳ. Каширинъ и преподаватели въ Ковенской гимназіи Ю. С. Чеховичъ и Л. Ѳ. Лукашевичъ приготовляютъ къ изданію документы, по преимуществу на Русскомъ языкѣ, собранные въ предѣлахъ Ковенской губерніи; подъ наблюденіемъ Я. А. Брафмана уже печатается 6-й томъ Археографическаго Сборника, заключающій въ себѣ акты здѣшнихъ еврейскихъ кагаловъ, въ переводѣ на Русскій языкъ, съ подробными примѣчаніями и предисловіемъ. Что касается археографическихъ поѣздокъ въ нынѣшнемъ году, то одна изъ нихъ, Несвижская, уже упомянута; за нею слѣдовали— поѣздка А. В. Рачинскаго по Городенской губерніи, доставившая массу любопытнаго матеріяла, и—Гильтебрандта въ Ковенскую губернію, привезшаго, помимо мелкихъ документовъ, до пятнадцати рукописей историко-политическаго содержанія.

Помѣщенные въ первомъ томѣ *сто шестьдесятъ семь* документовъ могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики:

I) Церковная Исторія.

а) Собственно—исторія Православной церкви, и отчасти Греко-Уніатской, въ Сѣверо-Западной Руси, и церковныхъ имуществъ (№№ 2, 8, 59, 65, 87, 89, 96, 97, 102, 115, 117, 138—141 и 165).

б) Дарственныя записи: Витебской Богородицкой церкви (№ 1; напечатана въ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1858 г., № 22, но съ значительными пропусками), Сторожевецкой Покровской церкви (№ 4),

го монастыря Іоаннинскаго, Запорожскаго войсковаго судьи Гришки Ивановича, Кейзерлинговъ, митрополита Льва Кишки, митрополита Гавріила Коленды, Конецпольскихъ, Георгія Кониского, митрополита Рафаила Корсака, Кіевскаго вице-губернатора Костюрина, Слуцкаго архимандрита Козачинскаго, Ѳедора Краснощекова, Еронима Крочевскаго, Прусскаго посла Лукезини, Лопухиныхъ, Луки Мамонича (съ автографомъ), Масальскихъ, Запорожскаго гетмана Тимоѳея Михайловича, Русскаго генерала Михельсона, митрополита Петра Могилы, кардиналовъ Монтальто и Монтелуки, графа Миниха, Нарушевичей, Аѳанасія Нащокина, князей Оболенскихъ, Огинскихъ, Остиковъ, Оссолинскихъ, князей Острожскихъ, Пацовъ, Панина, Запорожскаго гетмана Полоуса, Полубенскихъ, Понятовскихъ, Потемкиныхъ, князей Пронскихъ, митрополита Раговы, Седмигродскаго князя Юрія Ракоци, Репниныхъ, Кіевскаго митрополита Іосифа Рутскаго, Слуцкаго архимандрита Виктора Садковскаго, Сапѣговъ, митрополита и Полотскаго архіепископа Антонія Селявы, митрополита и Могилевскаго архіепископа Станислава Сестренцевича, Андрея Скорульскаго, Запорожскаго войсковаго судьи Прокопа Сковрадки, Ѳедора Скумина Тишковича, князей Слуцкихъ Олельковичей, Слуцкаго православнаго духовенства, Слушковъ, митрополита и Полотскаго архіепископа Язона Смогоржевскаго, короля Яна Собѣскаго, Соколинскихъ-Друцкихъ (изъ нихъ Леонъ—архіепископъ Смоленскій), священника Соловьевича, Русскаго посла Штакельберга, Луцкаго и Острожскаго епископа Кипріана Слецкаго, члена Русскаго посольства въ Варшавѣ Струве, Запорожскаго гетмана Ивана Сулимы, намѣстника Слуцкой архимандріи Геронима Свадковскаго, Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, митрополита и епископа—Шептицкихъ, Шереметевыхъ, князей

Смолевичской Николаевской церкви (№№ 7 и 9), Витебской Богословской и Преображенской церкви (№№ 10, 11 и 86), Деречинской Спасской церкви (№№ 74 и 81), Соломеречскому Покровскому монастырю (№ 29) Кнышинской Спасской церкви (№ 34) и Глупонинской Михайловской церкви (№ 75). На послѣдній документъ обращаемъ вниманіе.

в) Притѣсненія, чинимыя Православію (№№ 3, 68, 69, 71, 72, 88 и 91), и, какъ слѣдствіе этихъ притѣсненій, — отступничество отъ Православія (№№ 129 и 132). На 88 обращаемъ вниманіе.

г) Стойкость Православія, не смотря на всѣ усилія къ совращенію: князь Константинъ Полубенскій, Мстиславскій кастелянъ, сознается, что хотѣлъ Православныхъ жителей Глушскаго своего имѣнія привести къ уніи *«прозбою и грозбою»*, отчего происходили со стороны Православныхъ *«частые бунты и розрухи»*; и не желая дальнѣйшаго *«спустошенья»*, князь дозволяетъ православнымъ мѣщанамъ построить въ Глушскѣ Богоявленскую церковь и имѣть при ней священника, рукоположеннаго Кіевскимъ Митрополитомъ, съ благословенія Константинопольскаго Патріарха (№ 92). Сюда также можно отнести документъ подъ № 104, изъ котораго видно, что Витебскіе мѣщане (вѣроятно, Православные), какъ можно догадываться, были приневолены подписать сумму на постройку уніатской Витебской Православной церкви; но потомъ отказались платить.

д) Жалобы на Православныхъ (№№ 133, 135, 137, 142, 143 и

Шуйскихъ, епископовъ Іосифа и Онуфрія Шумлянскихъ, Запорожскаго полковника Матвѣя Ширяя, Запорожскаго гетмана Павла Тетери, и многихъ другихъ. Здѣсь помянуты только тѣ лица, письма которыхъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи, назначены къ списыванію. О Несвижскомъ архивѣ слѣдуетъ замѣтить, что онъ разъ въ десять болѣе Сапѣжинскаго, поступившаго въ Рукописное Отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Между прочимъ, обращаетъ вниманіе на себя внутреннее устройство архива: историческіе документы строго отдѣлены отъ административныхъ и юридическихъ; грамоты и листы, на пергаминѣ и бумагѣ, составляютъ также особый отдѣлъ, хотя и не очень большой; наконецъ, письма, цифра которыхъ значительно больше чѣмъ въ помянутомъ Сапѣжинскомъ собраніи. Всѣ эти отдѣлы классически описаны, и къ описямъ приложены указатели лицъ и мѣстъ, встрѣчающихся въ описи. Приведеніе въ порядокъ писемъ и юридическихъ документовъ начато завѣдующимъ Несвижскимъ архивомъ г. Симоновичемъ лѣтъ тридцать тому назадъ и теперь уже окончено; одинъ только реестръ писемъ составляетъ громадный томъ in-folio, писанный почеркомъ весьма мелкимъ; это—трудъ г. Симоновича, трудъ весьма почтенный какъ по энергіи трудившагося, такъ и по практичности плана описанія, весьма удобнаго для справокъ. Опись грамотамъ и историческимъ документамъ составлена М. Р. Шишкою, весьма свѣдущимъ и образованнымъ человѣкомъ. Рукописи Несвижскаго архива идутъ, начиная съ XIV вѣка и кончая XIX-мъ; XIV вѣкъ заключается въ мѣновыхъ и продажныхъ частныхъ сдѣлкахъ и подтвердительныхъ королевскихъ листахъ на земли, исключительно па латинскомъ языкѣ. Въ XV

154); жалобы на бывшихъ Православныхъ, совращенныхъ въ латинство и унію, которые не соблюдаютъ обрядовъ ихъ новой вѣры (№ № 147 и 148). На № 154 обращаемъ вниманіе, а № 133 предлагаемъ сравнить съ № 132.

е) Частная жизнь епископовъ (№ № 62, 64, 70 и 76). Изъ 62 узнаемъ, что Мелетій Хребтовичъ, *«ку пильной а великой потребѣ»* своей долженъ былъ заложить за 17 копъ грошей родовое свое имѣніе Путятичи.

ж) Для библіографіи церковныхъ документовъ: перечень документовъ, принадлежащихъ Луцкой епископіи, захваченныхъ Ярошомъ Семеновичемъ Терлецкимъ (№ 93).

II) Политическая Исторія.

а) Отношенія правительства Сѣверо-Западной Руси къ Великой Россіи, т. е. къ такъ называемому Московскому государству (№ № 38, 39, 48, 49, 50 и 153).

б) Отношенія Русскаго населенія здѣшняго края къ Великой Россіи во время войны правительства здѣшняго края съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (№ № 94, 95 и 97).

в) Къ исторіи торговыхъ сношеній города Полотска съ Великорусскою столицею Москвою (№ 145).

г) Къ исторіи осады Стараго Быхова (№ 164).

д) Къ исторіи смутнаго времени (№ № 79 и 80).

е) Къ исторіи Кіева (№ 90).

ж) Козачьи наѣзды на г. Быховъ и село Холстово (№ № 60 и 61).

з) Отношенія къ Ригѣ (№ № 48 и 103).

и) Отношенія къ Крыму (№ № 32 и 33).

і) Военныя распоряженія и устройство (№ № 37, 41 и 44)

III) Общинное начало въ Сѣверо-Западной Руси (№ № 35, 58, 72 и 103).

и XVI в., между грамотами, встрѣчается десятка три—четыре русскихъ грамотъ; большею частью—купчихъ крѣпостей на земли. Между историческими документами замѣчателенъ маленькій отрывокъ изъ Слуцкой лѣтописи начала XV вѣка, въ латинской транскрипціи XVIII в., весьма странно озаглавленный Koniec praktyki. Отрывокъ этотъ взятъ изъ книги подъ № 63, у которой, судя по пагинаціи, не достаетъ начала; книга носитъ слѣдующую надпись: Notate różne, bardzo godne y zacnemu do wiadomości potrzebne, tak do oekonomiey służące, iako też niektóre do historij należące. Вотъ этотъ отрывокъ: ,,И заразъ кнегиня градъ около града заложила и низина ровнаты ся и подвышаты ся почела и въ короткомъ часѣ великое множство людзи славныхъ, годныхъ, можныхъ, вѣрныхъ и зычливыхъ мирянъ намножило ся на мѣшканье и тиснути ся почали взглядомъ покою отъ непріятелевъ наступившихъ. Тая жъ кнегиня церковь соборную Пресвятое Богородицы на высокомъ городѣ названымъ дытынецъ зачавшы и скончила року 1409.“ Во всякомъ случаѣ, эти нѣсколько строкъ важны уже по тому, что свидѣтельствуютъ о существованіи Слуцкой лѣтописи и, быть можетъ, послужатъ къ ея отысканію.

Кромѣ того, свѣдѣнія объ общинѣ можно найти подъ № 31, а также въ № 6. Этотъ послѣдній № особенно интересенъ: помимо того, что онъ (вмѣстѣ съ № 5) свидѣтельствуетъ объ употребленіи Русскаго языка на Жмуди не только въ юридической сферѣ (о чемъ впервые было заявлено нашимъ извѣстнымъ Русскимъ археографомъ Павломъ Александровичемъ Мухановымъ), но и въ частной жизни, въ сдѣлкахъ. Но важнѣе всего, что мы въ № 6 встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: *«а хто бы хотѣлъ зъ насъ, родъ племя братья наша, у пана Бартка поискивати»*; встрѣчаемъ счетъ грошей *не копами, а рублями;* встрѣчаемъ *не писаря, а дьяка*. Въ рѣзкомъ противоположеніи находятся эти историческія свидѣтельства съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ на Жмуди.

IV) Кабальныя записи (№ № 30 и 47).

V) Древняя географія и топографія. Первое мѣсто занимаетъ обширный документъ подъ № 31, объясняющій границы и сосѣдственныя отношенія между Литвою и Польшей въ первой половинѣ XVI вѣка. Для сличеній съ этою рукописью имѣются два документа: 1) одинъ XVII в., хранящійся въ Санктпетербургской Императорской Публичной Библіотекѣ, подъ заглавіемъ—Extrakt z metryki wielkiéj koronnéj spisania granic między Koroną y Wielkim Xięstwem Litewskim, zaczowszy od Brzeskiego województwa miasteczka i dworu Woinia i od woewodztwa Lubelskiego miasteczka Parczewa, Polesie, Wołyń z Łuckiem, Kijow, Bracław wlewo przy Litwie zostawując, do rzeki Morakwy, z Morakwy w Dnistr,—przez Wasila Ciszkiewicza y Woycieha Lenartowicza w roku 1546 za panowania króla Zygmunta Augusta, wydany z cancellaryi król., pod pieczęcią wielką z podpisem Andrzej Lipski, eppus Luc. 1620 (гербы и надпись свидѣтельствуютъ, что рукопись эта «ex bibliothecae Radivilione ducali Nesviensi»); 2) другой, напечатанный въ 1758 г., подъ заглавіемъ: Limites Regni Poloniae et Magni Ducati Lithvaniae, albo Dukt granic, etc. За № 31 слѣдуютъ № № 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 25, объясняющія границы между Городномъ, Бѣльскомъ, Ганяземъ, Раигородомъ, Кнышиномъ, Ваневымъ и Тикотиномъ.

VI) Описаніе имѣній, инвентари, отношенія крестьянъ къ землѣ и къ помѣщикамъ: № № 22, 23, 24, 26, 59, 63, 67, 73 и 78.

VII) Крестьянскій и мѣщанскій бытъ: № № 26, 27, 28, 66, 82, 83, 84, 85, 98, 101, 112, 113, 114, 121, 122 и 162.

VIII) Дѣло Радивиловъ съ Ганязскими земянами: № № 12, 13 и 14.

IX) Цеховое устройство: № № 57, 116, 127, 128 и 136.

X) Къ исторіи Евреевъ въ Полотскѣ: № 157.

XI) Частная переписка, на Русскомъ языкѣ: № № 36, 45, 51, 52, 53, 54 и 56.

XII) Чародѣйство: № № 105, 111, 125, 126 и 130. На послѣдній № об-

ращаем внимание: защитник Александр Шпакович мог бы составить честь и для нашего времени.

XIII) Юридические акты, в которых видно то или другое применение закона к практике, толкование артикулов Литовскаго Статута, Магдебургскаго и Саксонскаго права: №№ 40, 43, 77, 100, 106, 107, 108, 109, 110, 118, 119, 120, 123, 124, 131, 134, 144, 146, 150, 151, 152, 155, 156 и 158. К этому отделу примыкают два документа под №№ 160 и 161, в смысле юридических курьезов: два Полотских мещанина торжественно, перед судом, заявляют, что с этих пор (со дня своего обета) и вплоть до смерти своей не будет играть в карты, пить горелки и меда; в противном случае, начальство с одним из них может распорядиться по собственному усмотрению; а другой назначает себе за первое преступление обета—тюрьму и карбачи (плеть, кнут), за второе — публичное наказание карбачами.

XIV) Пожары, в соединении с библиографиею сгоревших рукописей: №№ 166 и 167. К этому можно присоединить доставленное А. М. Сазоновым извлечение из документа о пожаре в Полотске: «Книги справ месских Полоцких, по окрутном сплюндрованью места Полоцкого в року 1633 месеца Іюня з дня 12 на день 13, под который час *все першие книги погорели*, а так знову тые книги в том же месте Полоцком починают се в том же року 1633, месеца Іюня семнадцатого дня....» Об истреблении актовой книги Виленскаго Гродскаго Суда за 1785 г. см. в книге Трокской Земской за 1798—1804, на л. 272, откуда видно, что ревизия об истреблении и других книг Виленскаго Гродскаго Суда произведена была по приказанию Кнорринга 20 Февраля 1695 года.

Относительно Русскаго правописания в тексте этого тома должно заметить следующее: было взято за правило—возможная близость к современному правописанию, со стороны так сказать буквенной, не касаясь звуковой: таким образом введено повсюду *ѣ*, прописныя буквы, знаки препинания, словосокращения раскрыты, предлоги отделены. В правописании Польскаго текста было принято за правило держаться подлинника, что́ весьма важно для сравнения с современным польским правописанием.

При некоторых польских документах помещен и перевод. Примечания и указатель будут составлены впоследствии, к нескольким томам зараз.

Предположено было также приложить к настоящему тому несколько палеографических снимков; но потом нашлось более удобным и отвечающим цели издать особый палеографический сборник Северозападно-Русскаго письма (XI—XVII в.), с прибавлением снимков с славянских шрифтов здешних древних типографий и с параллелями здешняго уставнаго, полууставнаго и скорописнаго письма с такими же Великорусскими. Исполнение художествен-

ной стороны этого сборника принялъ на себя извѣстный Русскій Академикъ *И. П. Трутневъ*, завѣдывающій Рисовальною и Чертежною школою и Художественнымъ Классомъ при Учебномъ Округѣ.

Корреспондентами этого тома были: Полотскій Благочинный о. Юркевичъ, Туровскій Благочинный о. Лисицкій, Н. И. Соколовъ, А. И. Сазоновъ, А. В. Рачинскій, г. Ставровичъ и И. Н. Гижевскій.

Составленіемъ и изданіемъ перваго тома завѣдывали: *Гильтебрандтъ*, *Елеонскій* и *Миротворцевъ*.

1.

1406 г. Октября 9. Отступная запись Гридьки Дружиловича епископу Полоцкому Өеодосію на землю и людей къ церкви Пресвятой Богородицы.

Се язъ Гридько Дружыловичъ. Поне же отецъ мой Андрей Дружиловичъ далъ Црсища съ женою и зъ дѣтьми и землю ко Светей Богородицы у домъ на память собѣ, ставити имъ солоду општковъ десеть, да пять пудовъ меду, три општки ржи, да два општки пшеницы, да вологу, што попомъ и черньцемъ надобѣ, и язъ Гридько почалъ есми уступати ся у люди тѣхъ. И владыка мнѣ не велѣлъ уступати ся у тѣхъ людей у Богородицкихъ. И язъ Гридько Дружиловичъ добилъ ся есми чоломъ владыцѣ Өеодосью Полоцкому, штобы мене жаловалъ и вписалъ мене и сына моего у суботникъ со отцомъ моимъ по роду. И господинъ мой владыка Өеодосій Полоцкій жаловалъ и вписалъ мене и сына моего у суботникъ. А мнѣ Гридьку Дружиловичу не надобѣ уступати ся у тѣхъ людей, ни дѣтемъ моимъ; а тѣхъ людей пять братениковъ, а имена ихъ суть: большый Вельяминъ, Өеодоръ, Давыдъ, Кондратъ, Демъянъ; а слушати имъ анхимандрита, хто будеть у Светей Богородицы. А тутъ былъ анхимандритъ Азарья Богородицкій, а попъ Трухонъ Благовѣщенскій, да Велько намѣстникъ, да Филипъ чернецъ владычинъ, да попъ Глѣбъ Лукомльскій, да Першко попъ Богородицкій. А писана у Витебску. Въ лѣто 6,900-ное14 (ѕ҂ ѧ. ноє. дı҃), мѣсеца Актября 9.

Слѣдуетъ скрѣпа: А тая копея съ таковымъ листомъ скорыкгована. *Подписи*: Юрей Гавриловичь Захарчинскій, енералъ воеводства Витебского, власна рука. Өедоръ Гришиничъ Крупеничъ, рука власная. Петръ Тарасовичъ Крупеничъ, рука власная. *На бумагѣ вытиснуты три печати. На оборотѣ помѣтка позднѣйшимъ польскимъ почеркомъ о содержаніи акта. Сообщенъ Полотскимъ благочиннымъ о. Юркевичемъ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.*

2.

1488—1489. Челобитная отъ Русскихъ князей къ Цареградскому Патріарху о благословеніи на Кіевскую митрополію избраннаго ими Полоцкаго Архіепископа Іоны.

Иже по чину архіерея великаго Господа Бога Спасителя нашего Іисуса Христа прьвостоятельному и его вѣмъ (*) ученикомъ и апостоломъ равно власть имущему, въ яже отпущати грѣхи истинному подателю, въсточныя христіанскія церкви обручителю и тоя и сыновъ ея по вселеннѣй правителю и въ таковыхъ свѣтлому свѣтилнику православному, и отъ настоящаго нынѣ вълненія богодухновеннѣ церковь и соборъ ея утѣшающому и кротко и правително къ тихому пристанищу приводящому и руцѣ живодателныхъ водъ источники нескудно вездѣ по вселенѣй всѣмъ изливающому, святѣйшому, и честнѣйшому, и благословенѣйшому, великому, житіемъ равноангелному, господину господемъ и отцу отцемъ киръ имркъ святѣйшому патріарху, великому архіерею Константиноградскому, о Господѣ радоватися!

Сынове послушанія ти князи Русскіи, живущіи подъ державою великого господаря, наяснѣйшого пана Казиміра короля Польского и великого князя Литовскаго, и Русскаго, и иныхъ невымовныхъ земль владителя, иже держащіи вѣру православную Греческую, Богу помогающому, неоступно и до смерти, челомбитіе главъ нашихъ съ всѣми чувствы тѣлъ нашихъ великому святителству твоему чрезъ посла послали есмо. Вѣдомо да есть святителству твоему, яко предъ симъ въ мало мимошедшое время, Богу тако извольшу, отецъ нашъ и учитель нашъ, съслужебникъ святыни ти, добрепомянутый господинъ Симеонъ, митрополитъ Кіевскій, архіепископъ всеа Руси, житья отъиде, и престолъ митрополіи Кіевскія не мало вдовствуя бѣ; намъ же непрестанно прилежнымъ моленіемъ господаря нашего упросившимъ, да повелитъ его держава избрати годнаго настоятеля престолу Кіевскому и всея Руси; его же величеству, нами умолену, тако повелѣвшу. И тако взысканію многу бывшу въ всихъ странахъ державы господаря нашего, и по многихъ временныхъ днѣхъ обрѣтохомъ мужа свята, достойна вѣры, умѣющаго въ разумныхъ правителя христьянству, въ писаніехъ сугубо наказаннаго, могущаго иныхъ позловати (*), и противящимся закону нашему силного возбранителя и устъ таковѣмъ затыцателя, господина Іону, архіепископа Полоцкого. Оному же вышереченному архіепископу велико не хотящу и недостойна себе глаголющу, но повелѣніемъ господаря нашего и моленіемъ и прошеніемъ нашимъ, напередъ всего духовенства и посполства, едва умоленъ, волю приложи къ тому. Нынѣ же предреченый господинъ нашъ Іона архіепископъ, призволеніемъ господаря нашего короля его державства и зъ листы его державы величества, послалъ къ святителству твоему, яко къ отцу отцемъ и подателю повсюду благословенія, посла своего мужа выбранаго, честнаго господина Іосифа, архимандрита и настоятеля монастира Святыя Троицы, иже въ Слуцку, благословенія требуючи отъ святи-

(*) должно быть: „всимъ."

(*) пользовати.

телства твоего, яко да вразумѣетъ святителство твое въ листѣхъ господаря нашего и въ рѣчахъ посла оного. Мы же вси, имже образомъ бѣ написанная и глаголанная, отъ мала и до велика весь сонмъ, сынове Русскіи, якоже предрекохомъ, сынове послушанія паствы твоея, православія и уряду церкви Греческыя, молитву и прошеніе наше възсылаемъ святителству твоему, яко да учинитъ святыня твоя къ нашему утверженію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу нашему, имже оборонити насъ добро творящихъ, а злымъ изъначала.... (*) явлено, о томъ самому величьству святыни твоей разумно, яко да видѣвше дарованіе и благословеніе святителства твоего, вси по вселеннѣй державы господаря нашего, великаго князьства Литовскаго и Русскаго, усердно возрадуемся, хвалы въздавающи щедротамъ и милосердному благоутробію святителства вашего. Что ради самовидно обличне съслужебнику твоему, отцу нашому, невмѣстно преити тамо; но благоутробіемъ и смиреномудріемъ на краткое наше и неразумное написаніе вънми, святителю, и прошенія и моленія нашего, яко милостивый и щедрый отецъ, не презри, но пріими паче всѣхъ о Христѣ Іисусѣ о Господи нашомъ, Ему же слава съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Аминь.

Изъ рукописи въ листъ, хранящейся въ библіотекѣ Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря и значащейся по каталогу подъ № 4. Рукопись содержитъ списки Псалтири и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, сдѣланные съ изданія Скорины. Документъ составляетъ позднѣйшій списокъ съ первоначальнаго проекта челобитной; нѣсколько сдѣланныхъ въ текстѣ пропусковъ переписчикъ надписалъ на сторонѣ; здѣсь эти вставки внесены въ текстъ.

3.

До 1497. Листъ Константина Ивановича, князя Острожскаго, Туровскому его намѣстнику съ приказаніемъ не чинить впередъ неправдъ и убытковъ священнику Сторожевецкой Покровской церкви.

Отъ князя Костентина Ивановича Острозкого, воеводы Троцкого, гетмана господарского, старосты Бряславского и Виницкого. Намѣснику нашому Туровскому, пану Ивану боярину, и инымъ намѣсникомъ, хто и напотомъ будетъ отъ насъ Туровъ держати. Жаловалъ намъ богомолецъ нашъ съ Турова Сторожевецкій Покрова Пречистой Деонисей о томъ, ижъ дей ему кривду и переказу вчинилъ земянинъ нашъ Тишко Вовчькевичъ Чемурадскій въ Ровѣ его Быстромъ у подходѣ котцовъ его на устьи Глуска озера котецъ поставилъ, гдѣжъ, повѣдили намъ подданые Сторожовецкіе, ижъ тотъ котецъ Тишковъ на великой переказѣ.... его и рѣчцѣ нашей Деменной Сѣтицы есть. А такъ розсказуемъ вамъ, абы есте тотъ котецъ Тишковъ выметали и большей

(*) здѣсь пропускъ.

того въ томъ Ровѣ его крывды и переказы никому чинити не допустили конечно иначей того не чинече. Писанъ у Степани, мѣсяца Февраля 25 дня.

Писанъ на поллистѣ. Внизу видна печать на красномъ воскѣ. На оборотѣ надпись: право на котища на устью Глусца озера въ Ровѣ. *Ветхъ. Доставленъ Туровскимъ благочиннымъ о. Симеономъ Лисицкимъ.*

4.

1497 г. Сентября 4. Запись Криштофа Клишовскаго, старосты Туровскаго, отъ имени Константина Ивановича, князя Острожскаго, на котчище для рыбной ловли на Сторожевецкую Покровскую церковь.

Я, Крыштофъ Клишовскій, староста Туровскій. Ознаймую тымъ моимъ листомъ, ижъ, за росказаньемъ кнежати его милости пана моего милостивого про недостатокъ рыбныхъ лововъ на церковь Божію Сторожовецкую, даломъ котчище подлѣ села прозываемое Лобша Яцку Денисовичу, въ чомъ ему никто кривды чинити не мае, подъ зарукою на княжати его милость педма копами, а на врядъ Туровскій двѣма копами грошей. И на томъ далъ ему сесь мой листъ, зъ моею печатью, съ подписомъ руки моее. Писанъ у Туровѣ. Року 97, мѣсяца Сентября 4 дня. Krysztoff Kliszowsky ręką swą.

Доставленъ тѣмъ же.

5.

Начала 16 вѣка. Продажная запись отъ Дикриса Товгиновича Бартку Юревичу на селище.

Я, Дикрисъ Товдкгыновичъ, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ, кому будеть потреба того моего дѣла вѣдати, албо чтючи у листу моемъ будеть слышечи, штожъ зъ дозволеньемъ братьи своей продалъ есми селищо свое влостное за три копы грошей и за двадцеть грошей пану Бартку Юревичу и панеи его Олжбетѣ и дѣтемъ ихъ. А продалъ есми обѣлъ вѣчно и непорюшно, ни кому ни въ чомъ не пенно. А при томъ были добрыя люди, на имя: Юшко Миколаевичъ, Стецко Юшковичъ, Войтѣхъ Кгынтовичъ, Миколай. А я, Дикрисъ верхуписаный, на лѣпшю твердость, просилъ есми братьи своей Войтѣха а Миколая печати, и ихъ милость для моего челомбитья печати свои приложили къ сему моему листу для лѣпшей справедливости.

Писанъ на бумажной четверткѣ. Внизу двѣ явственныхъ русскихъ тисненыхъ печати. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

6.

Начала 16 вѣка. Продажная запись отъ Войтеха Гинтовича, Стецка Юшковича, Николая Дикриса и Августина Товдыгиновичей Бартку Юревичу на двѣ сѣножати.

Я, Войтѣхъ Кгынтовичъ, Стецко Юшковичъ, Миколай Дикрисъ, Овкгустынъ Товтъкгыновичи вызнаваемъ сами на себе симъ нашимъ листомъ, кому будеть потреба того моего дѣла, олбо чтючи у листу моемъ слышати, штожъ есмо двѣ сыножати, на имя Лейтепевесъ а дрюга Воялишке, пану Бортку Юревичю за три копы и за 4 десять грошей панеи и дѣтемъ его, абель вѣчно и непорюшно. А хто бы хотѣлъ съ насъ, родъ племя, братья наща у пана Бартка поискивати, тотъ заплатить господарю королю 30 рюблевъ, а пану воеводѣ 12 рюблевъ. А при томъ были добрія люди, на имя мистрь Адамъ Алюшевичъ Грицюсъ, а для лѣпшей твердости печати свои приложили къ сему нашему листу для лѣпшей справедливости. Писалъ тотъ дьякъ, на имя Олехно.

Писанъ на бумажной четверткѣ. Внизу двѣ тисненыхъ печати. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

7.

1507 Марта 27. Дарственная запись Константина Ивановича, князя Острожскаго, Смолевичской Св. Николаевской церкви на три волоки земли съ огородами и сѣнокосами.

Въ имя светое а нераздѣльное Троицѣ Бога Отца и Сына и Духа Светого аминь. Нѣхъ се то стане ку вѣчной памети аминь той речи, а ижъ вѣчне речи звыкли то люде бачніи письмомъ варовати а то на часы потомне зоставяти, абы то съ памети людской не выплынело, што уваживши я тое у себе добре, ижъ каждый чоловѣкъ, беручи добродѣйства одъ пана Бога наивышого, повиненъ тежъ оному дяковати и водлугъ наилѣпшого приможенья своего милуючи Его зо всего сердца своего хвалу Его светую помножати розшерати, абы на каждымъ мѣстѣ име Его вызнаване и увельбене было, хотечи той умыслъ и передъсевзятье мое до скутку привести и по собѣ на вѣкуистую паметку зоставить въ имя Его светое, бо што умыслиломъ выконывамъ просечи его светое милости, абы передъсевзятье до скутку привелъ и оно благословилъ и предъ маестатемъ его святымъ вздячъне принялъ и мнѣ грѣшному чоловѣкови ту на тымъ мизерномъ свѣтѣ, а потымъ и въ онымъ крулевствѣ своимъ небеснымъ милостивымъ быти рачилъ. Пре то я Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышый, чиню явно и сознаваю тымъ моимъ вѣчистымъ листомъ доброволнымъ записомъ усѣмъ посполите и кождому зособна, кому бы того потреба была вѣдати, нинѣйшымъ и напотымъ будучого вѣку людемъ, ижъ я помененый Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ най-

вышый, зъ доброй воли моей зажываючи въ тымъ, правъ свободъ и волностій шлехетскихъ водлугъ нашыхъ великого князства Литовского описаныхъ, на честь и на хвалу пану Богу всемогучому въ Тройцы светой единому и благословеной Дѣвицы панне Марые, Матки Божой, збудовалемъ церковь въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ (*), въ повѣтѣ Минскомъ лежачымъ, которую то церковь зъ ласки его светое добудовавши на.... отцы священники слуги Божіе мешкали при той церкве, и въ ней хвалу наивышому обычаемъ христіянскимъ услугуючи набоженство порядкомъ церковнымъ одправовали, и зъ того наданья выхованье и оздобу церкви на хвалу Божую мѣли, на которую то церковь мою Смолевицкую заложенья светого Миколы тымъ листомъ и доброволнымъ записомъ моимъ на вѣчность и непорушне записуе, дае, даруе и фундуе въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ волоки двѣ грунту пашного зъ огородами сяножатьми во три змѣны, огородъ тое церкви надъ озеромъ морги два и домъ тамже збудованый церковный для мѣшканья отцомъ священникомъ; сѣножать первая, называющаяся Черница (**), другая Преходa, третья въ Калюзѣ, четвертая у рѣчки Жежелки, пятая сѣножать въ Пресынку, третяя волока въ слободѣ Езерицкой также зъ сѣножатьми тымъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ на вѣчность и непорушне записуе и дае и даруе и фундуе; даю волности отцомъ священникомъ, при той церкви будучимъ, въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ на потребу ихъ власную въ млынѣ Смолевицкомъ молоть безъ мѣрки завше, при тымъ тежъ домъ церковный на плацу нашымъ и огородъ для... варива, то вѣчне зоставати маеть при церкви Божой. Которые то отцове священники мають люди научати и до хвалы Божой намовяти, абы пана Бога знали и ему яко пану и Створцы своему служили. Въ тымъ мають отцове священники упоминати а непослушныхъ водлугъ уставъ церковныхъ карати, и повинни они парафяне до тое церкве належачые своимъ отцомъ священникомъ во всемъ въ потребахъ церковныхъ допомогати, а по смерти моей мають о душѣ моей печаловати и въ церкви Божой молитвами своеми при хвалѣ Божой вспоминати. И то все яко се вышей поме.... записуе дае и фундуе на вѣчне часы на тую церковь.... при той церкви повинни будуть отцове священники слуги церковные для спѣванья и одправованья набоженства, якожъ то наданье мое и та фундацыя вѣчными часы при той церквѣ помененой не нарушне и вѣчне трвати.... которую то церковъ до владзы юрздычной его милости отца владыки Кіевского подае, еднакъ же подавцами тое церкви назначамъ и описуе державчыхъ имѣнья Смолевичи яко пановъ дѣдичныхъ по моей смерти позосталыхъ.... тотъ листъ мой доброволный записъ зъ речою въ нимъ описаною дае то церкви Божой и отцомъ священникомъ слугамъ Божимъ, которые въ ней будуть на вѣчне часы пребывати, до которого я Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышый печать свою приложилъ и рукою подписалъ. А притомъ за очевистою прозьбою моею ихъ милости люди зацные земяне того повѣту, которые того будучи свѣтками печати свое приложили и руки подписали, а мяновите его мило-

(*) Мѣстечко Смолевичи, прежде принадлежавшее къ Минскому уѣзду, въ настоящее время принадлежитъ къ уѣзду Борисовскому; оно находится въ 36 верстахъ отъ города Минска.

(**) Черница, Прехода, Калюга, рѣчка Жежелка, Пресынокъ, Слобода Езерицкая, это—урочища, гдѣ была фундушевая земля. Онѣ сохранили такія же названія и до настоящаго времени.

сти: панъ Ежый Скуминъ Тишковичъ, его милость панъ Иванъ Статкевичъ, его милость панъ Богданъ Ивановичъ Василевичъ, князь Соломерецкій. Писанъ въ Смолевичахъ. Подъ лѣты Божого Нароженья тысяча пятсотъ семого, мѣсеца Марта двадцать семого дня, индыкта десятого. Константынъ Ивановичъ Князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышый. Богданъ Ивановичъ Василевичъ князь Соломерецкій рукою власною. Ежый Скуминъ Тишковичъ рукою власною. Иванъ Статкевичъ рукою власною.

Списокъ этого документа доставленъ г. Ставровичемъ.

8.

1507 Апрѣля 17 дня. Гранота короля Александра, данная по жалобѣ протопопа Харлампея подстаростену Ивану Шимбору, о перенесеніи церкви Рождества Богородицы изъ Бѣльскаго замка на другое годное мѣсто.

Александеръ, Божіею милостію, великій король Польскій, князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Сѣверскій, Мазовецкій, Инфлянтскій и иныхъ. Войту и подстаростему нашому пану Ивану Шимбору. Жаловалъ намъ попъ замковый Бѣльскій Пречистенскій Харлампей, старшій протопопъ, о томъ, что жъ дей онъ трудность маеть, какъ приходить на утреню и на всякъ часъ: ворота замыкають, а къ тому жъ дей на праздники сего жъ горей. Матку Божью Рожество Ей люде душатся. Пакъ годъ тому назадъ какъ мы, господарь, будучи въ Бѣльску, разсмотрѣли, а къ тому и отецъ Васіянъ, владыка, къ намъ писалъ. Иножъ приказуемъ вашей милости, пане подстаростій, штобысь тую церковь Матки Божей Рожества Ей зъ того замку перенесль на мѣсто годное, ижъ бо дей зъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки нашое, создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло ей положено предъ Богородицею, которое съ богомольемъ пренеси. Преди жъ сего отецъ Васіянъ владыка мѣстце нехай посветить, албо попы пошлеть, иначей не сдѣлаешь. Писанъ у Ломжѣ. Подъ лѣты Божого Нароженья 1507, мѣсеца Апрѣля 17, индикта 10. Alexander Rex. Василей Горностай.

Доставленъ изъ Бѣльска.

9.

1508 Мая 10. Подтвердительная королевская гранота на пожалованіе княземъ Острожскимъ Смолевичской церкви трехъ волокъ земли.

Сигизмундъ первый, Божою милостію, король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянскій, Волынскій и Черниговскій. Билъ намъ чоломъ гетманъ нашъ найвышый, панъ Виленскій, староста Луцкій, Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій, и повѣдилъ передъ на-

ми, ижъ што онъ въ именью своимъ дѣдичнымъ, названымъ Смолевичахъ, фундовалъ церковь на честь Богу Найвышому и Пресветой Матцѣ Божой Марыи Присно-дѣвицы заложенья Светого Миколая, на которую то церковь Божую записалъ въ томъ же именью Смолевицкомъ грунту волокъ три змѣны зъ сѣнокосами и огородами и яко стоить описано въ томъ фундушу его. И просилъ насъ, абыхмо то ему нашимъ листомъ потвердили. Ино мы зъ ласки нашое господарское, того листу фундацыйного выслухавши и на чолобитье его то учынили, тотъ фундушъ его вѣчне утвержаемы и при моцы заховуемъ, и маеть то вѣчными часы быти держано, абы хвала Пану Найвышому шырылася и розмножалася. И на твердость того и печать нашую къ сему листу казали притиснути и рукою нашою подписали, и при томъ были воевода Виленскій канцлеръ панъ Албрыхтъ Мартиновичъ, каштелянъ панъ Ярошъ Корецкій, конюшій великого князства Литовскаго, панъ Иванъ Нарушевичъ, подскарбій нашъ. Писанъ у Вильни, подъ лѣты Божого Нароженья тысяча пятсотъ осьмого, мѣсеца Мая десятого дня, индикта семого.

Списокъ этого документа доставленъ г. Ставровичемъ.

---

10 и 11.

1522 Іюля 31. Двѣ королевскія граноты о пожалованіи церкви Св. Іоанна Богослова въ Витебскѣ земли на Плоской горѣ со льготами крестьянамъ, которые поселятся на ней.

I. Жикгимонтъ, Божою милостью, король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомоитскій и и иныхъ. Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сапѣзѣ. Билъ намъ чоломъ попъ церкви Светого Ивана Богуслова зъ Витебска Аѳанасей и просилъ въ насъ, абыхмо дали ему мѣстцо двумъ чоловѣкомъ на селидбу со огороды подлѣ церкви Светого Іоана Богуслова Плоское горы. Ино мы на его чоломбитье то вняли и тое мѣстцо подлѣ церкви Светого Ивана Богуслова двумъ человѣкомъ на селидбу со огородцы Плоское горы ему дали. И ты бы тое мѣстцо казалъ ему завести и подати. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божого Нароженья 1522, мѣсеца Іюля 31 дня, индикта 10. Копоть писаръ.

Внизу видны слѣды печати изъ краснаго воска. На оборотѣ акта позднѣйшая польская помѣтка о его содержаніи. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

II. Жикгимонтъ, Божею милостью, король Польскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сопѣзѣ и иншымъ воеводамъ Витебскимъ, хто и напотомъ отъ насъ тотъ замокъ Витебскъ будеть держати. Билъ намъ чоломъ священникъ нашъ и богомолецъ церкви Божей Светого Ивана Богослова зъ Витебска Офанасей и просилъ въ насъ землицы пустовщины, абыхмо дали къ церкви Божей мѣсто земли подлѣ церкви Божей Светого Ива-

на Богослова Плоское горы, напервѣй почонъ отъ рѣки Видбы рвомъ Ярковымъ просто до великое дороги уличное, а тою дорогою великою къ старому острогу, а тымъ острогомъ старымъ у Видбу жъ рѣку. И мы есмо на его чоломбитье то вчинили, тую землю къ церкви Божей придали вѣчно и неподвижно, гдѣ жъ бы собѣ мѣлъ священникъ сколко чоловѣковъ посадить для церкви Божей, ижъ тая церковь Божая на поли стоить за мѣстомъ, а велми зъубожена отъ непріятелей нашихъ, Московского, и его милости, светого храма служачи, не маютъ чимъ ся поживить. И мы есмо, для упалости храма Божего, тую землю пустовщину придали есмо церкви Божей Светому Ивану Богослову. И тежъ приказуемъ тобѣ, штобы еси тую землю казалъ завести и подать къ церкви Божей. Конечно маетъ священникъ Аѳанасей и по немъ будучіе священницы, въ того светого храма Божего служачіи, и тую землю къ церкви Божей держати, а которыхъ людцей священницы на той земли посадять, ино тымъ людемъ церковнымъ не надобѣ знати ни которыхъ служебъ, ни подачокъ всякихъ, ни сторожи воротное городовое не знати имъ съ того мѣстца. Вси тыи пошлины и подачки и тежъ и службы отставили есмо съ того мѣстца тымъ людемъ церковнымъ на вѣчныи часы для церкви Божой. А кому будетъ дѣло до тыхъ людей церковныхъ, ино священницы маютъ сами тыи свои люди и рядити и ими справовати водлугъ данины нашое господарское. И приказуемъ тобѣ, пане Иване, абы еси того священника Аѳанасія и по немъ будучихъ священниковъ тое церкви Божей ото всякихъ кривдъ обаполныхъ боронилъ и не далъ ихъ кривдити никому ни въ чомъ конечно. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божего Нароженья 1522, мѣсеца Іюля 31 день, индикта 10. Копоть писаръ.

Внизу видны слѣды восковой печати. На оборотѣ акта позднѣйшая польская помѣтка о содержаніи акта. Писанъ на поллистѣ. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

12.

1522 Декабря 6. Королевскій приказъ Миколаю Миколаевичу Радивилу, его женѣ и дѣтямъ, чтобы они не чинили притѣсненій Ганязскимъ земянамъ.

Князю Миколаю, бискупу Жомоитскому, и воеводиной Виленской, канцлеревой нашой пани Миколаевой Миколаевича панеи Алжбетѣ и съ сыномъ ее, подчашому нашому, державцы Марковскому, пану Яну, а намѣстнику Ушполскому и Пенянскому, пану Станиславу Миколаевичомъ. Што перьвѣй сего очивисто жаловали вси земяне Ганезскіи о томъ, штожъ дей небожчикъ панъ Миколай, воевода Виленскій, казалъ имъ собѣ служити и въ службы необычайныи ихъ повернулъ, золотыи и пенязи съ нихъ невинне бралъ и въ ловы дей имъ самимъ и людемъ ихъ ходити казалъ, и иныи многіи кривды и втиски имъ и людемъ ихъ почалъ былъ дѣлати и праве ихъ зневолилъ, яко простыхъ людей. И просили насъ, абыхмо имъ въ томъ зъ вами справедливость

вчинили и съ тое неволи ихъ вызволили и казали имъ доброволне съ тыми имѣньи намъ служити по тому, какъ и передъ тымъ намъ служивали. Какъ же и ваша милость о томъ зъ ними передъ нами мовили и привилей нашъ на то покладали, въ которомъ привильи выписуеть, ижъ они маютъ вамъ зъ имѣньи своими служити. А хто бы мѣлъ на то листы и привилья предковъ нашихъ зъ завѣсистыми печатми а не хотѣлъ вамъ служити, тотъ маеть доброволне поити прочь, а имѣнье вамъ зъоставити. А потомъ положили есте листъ судовый подъ привѣсистою печатью, и въ томъ тежъ листѣ тоже стоить, ижъ тыи земяне маютъ вамъ служити, ку которому жъ листу судовому земяне мовили, ижъ тотъ листъ первѣй писанъ, нижли тотъ привилей, за рокъ албо за полтора. И широко есте о томъ передъ нами съ обу сторонъ мовили, якожъ мы, въ тотъ часъ будучи въ справахъ нашихъ земскихъ и для скорого выѣханья нашого до коруны Польское, на тотъ часъ на конецъ тому справедливости есьмо не вчинили, и отложили то есьмо ажъ дасть Богъ до пріѣханья нашого къ великому князству Литовскому. А какъ дасть Богъ у въ отчизнѣ нашой будемъ, мы о томъ межи вами досмотримъ и справедливость тому на конецъ вчинимъ. А до тыхъ часовъ приказуемъ вамъ, абы есте тымъ земяномъ Ганезскимъ кривдъ и втисковъ ни которыхъ не дѣлали и тыхъ золотыхъ и пенязей, што будеть небожчикъ панъ воевода биралъ, черезъ то на нихъ не брали и самимъ имъ и людемъ ихъ въ ловы ходити не казали, нехай они на тыхъ имѣньяхъ своихъ будучи до росправы зъ вами служити вамъ по тому, какъ и передъ тымъ вамъ служивали. Писанъ у Вильни. Подъ лѣто Божого Нароженья 1522, мѣсеца Декабря 6 день, индиктъ 11.

На верху написано почеркомъ же акта: тотъ листъ писанъ первогонадцать, коли господарь его милость ѣхалъ зъ Литвы до Польски. *Внизу значится:* Тотъ листъ съ подписью руки господарское. Справы Горностаевы тотъ листъ. *Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.*

13.

Послѣ 1522. Отсрочка сроковъ по дѣлу Ганязскихъ земянъ съ Виленскою воеводиной и ея сыновьями.

Господарь король его милость казалъ про память записати: положилъ его милость рокъ завитый подъ страченьемъ права пани воеводиной Виленской и сыномъ ее милости зъ бояры Ганезскими передъ его милостью стати по Святомъ Юрьи въ тый день.

А потомъ господарь его милость тотъ рокъ пани воеводиной и сыномъ ее милости съ тыми бояры Ганезскими на другій часъ переложилъ, отъ понедѣлка по Святомъ Юрьи въ тый день подъ тымъ же способомъ какъ и первый рокъ его милость имъ былъ зложилъ.

Господарь король его милость казалъ про память записати, што его милость положилъ былъ рокъ панеи Миколаевой воеводиной Виленской и ее сыномъ па-

номъ воеводичомъ зъ земяны Ганезскими. Какъ же отъ тыхъ земянъ панъ Закревскій мовилъ, ижъ бы панове воеводичи положили привилей на тыхъ земянъ на тотъ рокъ отъ вашое милости положоный, ваша милость, господарь, рачьте розознати обѣюхъ сторонъ справедливость. Панъ Янъ воеводичъ отъ панѣ матки и отъ братьи своее мовилъ: милостивый господарь, мысмо первѣй сего вашой милости чоломъ били, ижъ ваша милость тымъ земяномъ, подданнымъ нашимъ, рачили дати прокуратора, абы ваша милость, господарь нашъ милостивый, и намъ слугамъ своимъ рачили того тежъ взычити, абыхмо могли мѣти прокуратора, а такъ и тыхъ часовъ вашой милости чоломъ бьемъ, абы ваша милость рачилъ намъ дати прокуратора, хтобы могъ речъ нашу передъ вашою милостью, господаремъ нашимъ, оповѣдити напротивку земянъ подданныхъ нашихъ, а не противку вашой милости господарское речи, бо естли бы было противку вашей милости господаря нашого, тогды мы не одно прокуратора, але и въ мысль нашу правовати ся або въ чомъ колвекъ отмовяти напротивку вашое милости брати не хочемъ.

Господарь его милость рачилъ имъ отказъ вчинити, якомъ первѣй вамъ повѣдилъ, ижъ есте хотѣли мѣти прокуратомъ собѣ дворянина нашого пана Нецшица, мысьмо вамъ того не дозволили для тое причины, ижъ мы дворянъ нашихъ ховаемъ на дворѣ нашомъ для нашое господарское потребы, а не для кого иного, бо то не есть слушная речь, абы чій служебникъ мѣлъ напротивку речи пана своего быти. А што мените, абы то были ваши подданныи, а мы ся тежъ къ нимъ прицовѣдаемъ, ижъ то суть наши земяне, але однакожъ то чинимъ для того, абысте вы и иныи подданныи наши не рекли, ижъ быхмо не милосердне съ подданными нашими поступовали, даемъ вамъ рокъ земскій отъ сего дня отъ пятницы назавтрѣе девятого четверга въ чотырехъ недѣляхъ, абы есте собѣ прокуратора доставали. А то вамъ приказуемъ вырокомъ нашимъ господарскимъ, подъ тымъ обычаемъ, абы есте на тотъ рокъ съ прокураторомъ предъ нами стали и привилья твердости передъ нами положили на Ганязь и на тыхъ земянъ. И панъ подчашій билъ чоломъ господарю его милости и повѣдилъ, ижъ они, не будучи безпечни непріятелей своихъ, тыхъ привильевъ твердостей своихъ у тутошнемъ панствѣ его милости не смѣли ховати, а маютъ ихъ у твердомъ захованьи далеко, въ иншой земли, и ни кимъ инымъ тыхъ привильевъ оповѣщати не могуть; одно мусить самъ по нихъ ѣхати, и за такъ короткій часъ не можетъ жадною мѣрою къ тому року съ тыми привильи къ его милости быти. И билъ чоломъ господарю его милости, абы его милость рачилъ имъ того року поотдалити, на который бы мялъ вси привилья твердости на Ганязь и на земянъ передъ его милостью положити и тымъ земяномъ въ отказѣ быти, какъ же и панове рады господаря его милости за нимъ о томъ жедали. Его милость господарь на жеданье пановъ радъ его милости и на его чоломбитье то вчинилъ, отъ того року положоного отъ его милости далъ имъ еще три недѣли, то есть отъ пятницы назавтрѣй девятого четверга далъ его милость имъ рокъ въ семи недѣляхъ, маетъ панъ подчашій посполъ зъ маткою и братьею своею на тотъ рокъ передъ его милостью стати и вси привилья твердости на Ганезь и на земянъ передъ его милостью положити и земяномъ на ихъ жалобы отповѣдати и прокуратора мѣти; естлижъ бы они

и на тотъ рокъ не стали и тыхъ привильевъ всихъ передъ его милостью не положили, тогды вжо господарь его милость будеть вѣдати, што маеть съ тымъ чинити.

Потомъ, кгды тотъ рокъ пришолъ и панове воеводичи Виленскіи передъ его милостью стали, и его милость господарь ещо тотъ рокъ, што былъ положонъ отъ пятницы назавтрѣе девятого четверга въ семи недѣляхъ у пятницу, переложилъ отъ тое пятницы и на четвертый день на понедѣлокъ, подъ тымъ же способомъ какъ его милость первѣй вырокомъ своимъ рачилъ имъ въ томъ росказати, а потомъ его милость тотъ рокъ отложилъ назавтрѣй во второкъ, а во второкъ ещо его милость тотъ рокъ имъ отложилъ назавтрѣй же въ середу подъ тоюжъ моцью, якъ у первшомъ выроцѣ его милость то рачилъ росказати.

Наверху акта: Выписы зъ реистровъ о Ганезъ. *Хранится тамъ же.*

14.

Послѣ 1522. Рѣшеніе отъ имени короля Сигизмунда, за подписью его секретаря Горностая, по дѣлу Ганязской шляхты и князей Радивиловъ.

Въ речи, которая была передъ нами, межи шляхтою Ганезскою и межи панею воеводиною, жоною небощика пана Миколая Радивиловича, воеводы Виленского, и сынми его, которыи привлащали собѣ тую шляхту Ганезскую моцно а въ розсказанье меначи, абы имъ была дана посполъ зъ имѣньемъ Ганяжскимъ, на штожъ привилья передъ нами покладали, даючи и припущаючи до ласки нашое розознанье и росудку въ той речи. Гдѣжъ мы, выслухавши привилей, пану небожчику воеводѣ черезъ насъ даный, и розмысливши ся добре на тое, водлугъ справедливости такъ знаходимъ и вырокуемъ, ижъ поневажъ въ надѣи имѣнья Ганязского а Раигорода въ листѣхъ а привильехъ, на тое имѣнье даныхъ, вызнали есмо всю шляхту, которая маеть привилья Витовтовы, Казимировы и Александровы, предковъ нашихъ, а то памятаючи на посполитые привильи всего князства Литовского, водлугъ которого шляхта не маеть ани может быти никому въ моцъ подана, а которыи привильи якъ иншіи земли посполитыи, при нашомъ на тое панство поднесеньи, держати а ховати поприсягнули есмо. А про то, присягу нашу въ цѣлости заховываючи а привильемъ пановъ воеводичовъ ничого не вщербаючи, всю шляхту Ганежскую, которыи жъ кольвекъ або привилья предковъ нашихъ маютъ, або мѣли, але имъ суть забраны, або шляхетства своего передъ нами водле розсказанья нашого доведуть при посполитомъ приреченымъ земскимъ привильи а при той свободѣ и вольности, при которой иншая шляхта поданые наши есть, оставляемъ и отъ нихъ всихъ таки отъ моцы и зъ росказыванья пановъ воеводичовъ вольныхъ чинимъ нынѣ и наипотомъ.

А што ся дотычеть имѣнья Ганязьского а описанья береговъ и границъ его, у чомъ тежъ пани воеводиная и зъ сынми своими дала ся на ласку нашу,

але ижъ ся ясне оказуеть съ привильевъ, небожчику пану воеводѣ отъ насъ даныхъ, ижъ на онъ часъ тая была воля и вмыслъ нашъ—Ганязь а Раигородъ съ тымъ дати небожчику пану воеводѣ, якъ и князь Михайло Глинскій мѣлъ и держалъ, а якъ за выступомъ Глинского на насъ спалъ, ничого больши ани меньши причиняючи або уймуючи, што есть такъ неомыльне описано, и съ той справы не маючи зрозумѣти, не можемъ чимъ быхомъ мѣли ласку оказати. А про то быхмы ся ни въ чомъ не мылили а певную истоту речи вѣдали. А ижъ бы кождый могъ познати и обачити, съ которою ласкою ся обыходимъ яко зъ иншими подаными нашими такъ тежъ съ панею воеводиною и сынми ее, хочемъ сослати нѣкоторыи персуны розумныи а вѣры годныи, которыи выѣдуть на имѣнье Ганезское и Раигородъ, а ихъ водлугъ стародавныхъ и тежъ водлугъ границъ въ привилью отъ насъ даннымъ очивисте огледають такъ, яко бы намъ о томъ певную а непохибную справу могли а умѣли дати. А такъ, гдыжъ познаемъ, около чого ласку маемъ чинити, тогды маючи бачность на причину напервѣй королевое ее милости и тежъ радъ нашихъ коруны Польское и того великого князьства Литовского и при томъ тежъ на заслуги предковъ отца и дядковъ пановъ воеводичовъ, ознаймимы имъ обычаи ласки нашое такъ, якъ тогдыжъ и мудрый а цнотливый мусить похвалити.

Писанъ на бумажномъ листѣ. Въ концѣ подпись: Горностай писаръ. *На оборотѣ написано рукой Горностая:* то есть вырокъ Ганезскій. *Хранится тамъ же.*

15.

1529 Ноября 1. Приказаніе Сигизмунда старостѣ Берестейскому Александру Ивановичу Ходкевичу, маршалку Матвѣю Войтеховичу, тивуну Виленскому Шимку Мацковичу и дьяку Богдану Мацкевичу, чтобы они не ждали подчашаго въ Городнѣ, а ѣхали прямо на мѣсто, для развѣдки и исправленія границъ между Ганяземъ и землями королевскими.

Жикгимонтъ, Божею милостью, король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. Старостѣ Берестейскому, маршалку нашому, державцы Вилкейскому и Острынскому, пану Александру Ивановичу Ходкевичу, а маршалку нашому, державцы Волковыйскому, пану Матею Войтеховичу, а тивуну Виленскому, конюшому Троцкому, державцы Радунскому, пану Шимку Мацковичу, а дьяку Богдану Мацковичу. Што есмо послали васъ о довѣдываньи и поправеньи границъ Ганезскихъ съ границами пущъ и земль нашихъ господарскихъ, какъ же есьмо устне вамъ науку дали, какъ ся маете тамъ справовати, нижли безъ подчашого нашого пана Яна Миколаевича не велѣли есьмо вамъ тамъ ѣхати, и казали его у Городнѣ подождати и со три дни тамъ змѣшкати, про то, штобы есте, вжо пана подчашого не ждучи, безъ мѣшканья тамъ на границы ѣхали и тамъ справовали ся водлѣ науки нашое. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божьяго Нароженья 1529, мѣсеца Ноября 1, индиктъ 3.

Хранится тамъ же.

16.

1536 Сентября 28. Грамота Сигизмунда къ Жмудскому старостѣ Яну Николаевичу Радивилу, чтобы онъ назначилъ съ своей стороны коммиссаровъ, для обозначенія границъ между Городномъ, Бѣльскомъ, Ганяземъ и Раигородомъ.

Жикгимонтъ, Божью милостью, король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Пруcкій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. Старостѣ Жомоитскому, Ковенскому, подчашому нашому, державцы Василишскому, пану Яну Миколаевичу Радивиловича. Жедала насъ тыми разы королевая наша ее милость и великая кнегиня Бона о томъ, што ся дотычетъ выроку нашого господарского, который есмо вырокъ тыхъ прошлыхъ часовъ межи еи милостью и тобою въ речи Ганезской, которая ся еи милости передъ нами съ твоею милостью оточила, вчинили, абыхмо ее милость, водлугъ того выроку нашого, заховали. И што ся дотычетъ менованья комисарей, которыи бы въ той речи, водлугъ того выроку нашого, на границы Ганязскіи и Раигородскіи зъ Городномъ и зъ Бѣльскомъ выѣхати мѣли, тыхъ вжо еи милость комисарей, водлугъ того выроку нашого, зъ руки своее меновати и выроку нашому досыть вчинити есть готова. А про то, кдыжъ еи милость насъ въ томъ упоминаетъ и комисарей своихъ меновати готова есть, ино и твоя милость, абы также на то комисарей своихъ меновалъ и намъ въ той речи волю свою ознаймилъ. Пакъ лишь бы еси меновати ихъ воли не мѣлъ, а хотѣлъ то мѣти, абыхмо мы, господарь, комисарей тамъ кого бы воля наша была зъ ремени нашого на тую речь выслали, ино королевая ее милость на томъ перестати и на нашыхъ одныхъ комисарей тую речь свою дати хочеть, твоя бы милость о томъ вѣдалъ. Писанъ у Вилни. Подъ лѣто Божого Нароженья 1536, мѣсеца Сентября 28 день, индиктъ 10. Горностай, подскарбій земскій.

Хранится тамъ же.

17.

1536 г. Донесеніе Ивана Лучинича Александру Ходкевичу, старостѣ Берестейскому о старыхъ и новыхъ границахъ Бѣльской пущи, вмѣстѣ съ ея описаніемъ.

На память господару моему пану Александру Ивановичу Хоткевича, старостѣ Берестейскому, маршалку господарьскому, державцы Вилкійскому, Остpынскому и Кнышинскому. Што я Иванъ Лучиничъ, ѣзжчалый служебникъ его милости, вже послѣ пана Ивана, старосты Пинского, Кобрынского и Клецкого, а опослѣ пана Рафала Чосновского, подкоморего Техоновского, войского Плоцкого, а опослѣ пана Юрья Зелепуги, старосты Жорославского, Малявицкого и Лабненского, ѣздилъ есми зъ осочники и бортники Бѣльскими по пущи Бѣльской, межи старыхъ и новыхъ граней, довѣдываючи ся справедливыхъ а слушныхъ знаковъ.

Напервѣй привели мене осочники къ

Войдиловцѣ рѣчцѣ въ пущи Бѣльской, подъ оступомъ Гвозднымъ, миля отъ Кнышина, повѣдили и вказали ми, ижъ на томъ мѣстцы былъ дворъ королевскій, ловища. Витолтъ, Жикгимонтъ, Казимиръ и Александръ короли ихъ милость въ томъ дворѣ стаивали и въ той пущи, гдѣ теперь Кнышинъ а Добренецъ и Долгая Лука, и тежъ въ Городенской пущи ѣздячи съ того двора, зубри и иншій звѣръ ловливали. А коли король не былъ, ино ловчій его Левко Басманъ ѣжчивалъ и въ томъ дворѣ стоивалъ и въ той пущи звѣръ на короля его милость бивалъ. А тотъ дворъ завжды волостью Бѣльскою будованъ и поправованъ, и сторожа тежъ завжды въ томъ дворѣ зъ Бѣльска бывала, которая жъ сторожа обецне того двора стерегивала. И кды панъ Миколай Радивилъ Бѣлескъ державъ въ тотъ часъ, якъ еще подчашимъ былъ въ короля его милости, и тотъ дворъ былъ сгорѣлъ, и онъ засе его заробилъ людьми Бѣльскими. И якъ князю Михайлу Глинскому Ганязь былъ у въ отчину досталея, онъ въ тую пущу и въ тотъ дворъ не вступалъ ся и въ томъ дворѣ не бывалъ, и тотъ дворъ за него былъ цѣлъ а держанъ ку Бѣльску и подъ моцью врядника Бѣльского бывалъ. А потомъ, кды пану Миколаю Радивилу Ганязь у въ отчизну достался и Бѣлескъ другій разъ ему данъ держати, онъ тотъ дворъ молчкомъ казалъ изжечи, и на то мѣсто на Соколдцѣ въ пущи Бѣльской собѣ збудовалъ дворъ, и тамъ вчинилъ собѣ ловища и ку Ганезю то повернулъ, гдѣжъ и теперь есть добре знати, гдѣ тотъ дворъ былъ, и теперь печи свѣтличныи и комины, гдѣ были и домы, гдѣ стояли, есть знати добре.

Вказали тежъ мнѣ осочники знакъ на рѣчцѣ Чорной, на великой дорозѣ, гдѣ околы, то есть стайни, королевскіи были, кды въ ловы ѣжчивали и въ тыхъ стайнѣхъ стоивали. А тыи околы робливали намѣсники Бѣльскіи и Саражскіи людьми Бѣльскими и Саражскими, а зъ Городна людьми Городенскими робливаны.

Вказали тежъ и повѣдили мнѣ осочники: въ рѣки Супряслы, гдѣ Соколдка въ Супрясло впала, ижъ на томъ мѣстцы, за Витолта и за Жикгимонта а за Казимира и за Александра короля, околы бывали господарскіи. Тыи станы въ намѣстника Бѣльского въ моцы были, и росказывалъ людьми Бѣльскими робити. И въ тыхъ околѣхъ короли ихъ милость стоивали и звѣръ ловливали въ той пущи Бѣльской и Городенской. А Бѣльскіи намѣсники все справовывали и росказывали людьми поки изъ лововъ выѣдуть. Тутъ тежъ отъ тыхъ околовъ Витолтова дорога была до того двора, што на Войдиловцѣ ловища были. Намѣстникъ Бѣльскій людьми Бѣльскими мостъ и гати робливали и поправовали ажъ до того двора и тыи сѣножати, што въ той Соколдки и въ Супряслы по кривую ольху звѣку на Бѣльскъ все волость Бѣльская, а Саражска кошивала на ловы. А коли которой зимы лововъ въ той пущи не было, тое сѣно на замокъ Бѣлескъ або на Саражъ бирали, а зъ Ганезя въ тую пущу и до тыхъ сѣножатей ничого не мѣли ани ступалися, бо Ганязь въ тотъ часъ былъ речь малая.

А приставы надъ тою волостью бывали, коли сѣно кошивали на тыхъ сѣножатѣхъ на рѣцѣ Супряслѣ въ Соколдки рѣки. И теперь въ Саражскомъ повѣтѣ живеть на имя Лучка Дегтяревичъ а другій Ѳедь Менецкій, третій Родъ Жиль, Саражанинъ же, нижли тотъ Родъ теперь живеть на Бѣломъ Стоку, за Бакаларевичомъ, есть старый мужъ велми. И тыи сознавають, ижъ коли тыи

сѣножати кошивали на Бѣлескъ або въ ловы, они сѣнничими надъ волостью Саражскою бывали; а до Ганезя николи съ тыхъ сѣножатей сѣна не бирано, ани были ку Ганезю. Потреба до Бакаларевича листа, ажъ бы тому Родови казалъ до Кнышина на тыи потребы королевой еи милости быти, бо тотъ Родъ отчичъ есть господарскій.

То есть печи смоляныи. Вказали ми тежъ осочники печи смоляныи, што въ пущи Бѣльской смолены: напервѣй, на Войдиловцѣ рѣчцѣ печь смоляная была, земенинъ Монюшко держалъ; другая печь на той же рѣчцѣ Войдиловцѣ у багонца, тотъ же Монюшко держалъ; третяя печь смоленая была на Яскрѣ рѣчцѣ, войтъ Богушовскій держалъ; четвертая печь на рѣчцѣ Борсуковцѣ, мѣщанинъ Ломзенскій старый Паликовскій держалъ и лучину къ той печи бралъ по рѣку Наровъ а по Супряслу; онъ тежъ въ той пущи подлѣ Нарва и Супраслы и мастъ робилъ, и къ Нарви и Супраслѣ рѣцѣ и къ берегу якъ смолу такъ тотъ мастъ возилъ. И теперь тая дорога знати, куды мастъ вожонъ къ Нарви, зовуть еи Паликовского дорога, и перевозъ на той же рѣцѣ Нарви также зовуть Паликовского, и сынъ его теперешній Паликовскій то паметаеть дей, и вальцышь и побережное до Бѣльска ношивалъ; тыи вже валгари сами померли, ино дѣти ихъ есть.

Повѣдили осочники Бѣльскіи, ижъ за пана Олехна Саковича и по немъ за вси старосты Бѣльскіе такъ тежъ и за пана Миколая Радивила, якъ первый разъ держалъ Бѣлскъ будучи подчашимъ, и по немъ панъ Кгаштольтъ, якъ первый разъ Бѣлескъ держалъ будучи воеводою Полоцкимъ, отъ тыхъ печей смоляныхъ и отъ цамру а отъ масту вгайное ихъ милость зъ Бѣльска на короля его милости бирали, а намѣстники ихъ Бѣльскіе свой доходъ врядницкій побережного по вердунку на себе бирали, и какъ пану Миколаю Ганязь у въ отчизну достался а панъ Кгаштолтъ Бѣлескъ держалъ предъ ся, его милость вгайное съ тое пущи биралъ на короля, а намѣстникъ его милость Бѣльскій свое побережное на себе биралъ. А мы осочники зъ лѣсничими панскими тымъ валгаромъ и тымъ печамъ смолянымъ боръ на лучину и тежъ на цаморъ и на мастъ заводили, по которыи мѣстца мѣли бы то брати, а зъ Ганезя въ тую пущу не вступалися и врядники не въѣзжчали. А естли бы хто зъ Ганезя въ тую пущу въѣхалъ, мы, осочники, ихъ имывали и до Бѣльска до казни давали. И войтъ Богушовскій, старый, печь смоляную мѣлъ въ пущи Кнышинской, то есть у Бѣльской угаивалъ ся тежъ зъ уряду Бѣльского въ гаи, и побережное и вси доходы до Бѣльска давалъ, а не до Ганезя. И Ганяжане тежъ угаивали ся въ лѣсничого, въ той пущи Бѣльской, будованье и драницы брати. Мы въ нихъ отъ того поклонъ собѣ брали. И держачи пану Миколаю Радивилу Ганязь вже у въ отчизну, а панъ Кгаштолтъ въ тотъ часъ Бѣлескъ держалъ, почалъ былъ зъ Ганезя въ той пущи Бѣльской село Добреневъ садити. И панъ Кгаштолтъ зъ Бѣльска тое пущи боронилъ и тыи люди розметалъ и пожогъ и не допустилъ ему людей селити. И кгды пану Миколаю Радивилу другій разъ Бѣлескъ у держанье зостался, и онъ, яко староста Бѣльскій, въ той пущи Бѣльской, гдѣ теперь Добрыневъ и Кнышинъ и Долгая Лука, люди садилъ. А повѣдилъ, ижъ то на короля, а не до Ганезя, а за тымъ моцью своею то ку Ганезю привернулъ, и боронилъ намъ по той пущи у въ обысоку ѣздити и бортниковъ съ тое пущи выгналъ.

Повѣдилъ тежъ Ленецъ Самотыя, и зъ сыномъ своимъ Зиновомъ: кгды мя тутъ напервѣй въ Добреневѣ, въ пущи Бѣльской, панъ Миколай Радивиловичъ, воевода Виленскій, посадилъ на томъ мѣстцы, гдѣ теперь домъ мой надъ рѣкой Супраслою, то была бендюга, и бирано на той бендюзѣ побережное отъ цамру и отъ смолы, а отъ масту по вердунку намѣстники Бѣльскіи на себе бирали. А бортниковъ Саражскихъ на томъ тежъ мѣстцы были станы ихъ бортницкіи заходныи. И небожчикъ панъ Миколай, кгды Ганязь у въ отчизну взялъ и Бѣлескъ держалъ и мене на томъ мѣстцы посадилъ, казалъ ми ихъ выгоняти съ пущи, хтобъ не хотѣлъ до Ганязя дани давати, и бобровниковъ тежъ Бѣльскихъ не велѣлъ до тыхъ рѣкъ пущати. И я вже на него почалъ бобры бити. И въ той бендюги почали отъ того часу побережное намѣстники Ганязскіи на себе брати. Я тежъ въ его милости служилъ, нагончимъ былъ. А потомъ онъ почалъ въ Добреневѣ волю (*) садити, и мовялъ, ижъ на короля, а не на себе, имѣнье тежъ на томъ мѣстцы садилъ на короля, а не на себе.

На то тежъ потреба земенина Бѣльского Войтка Сокола, который живетъ у Высокого Двора господарыни нашое королевои еи милости, у мили. Тотъ, повѣдаютъ, бралъ вгайное и валцышное отъ тыхъ печей на короля его милость ажъ бы еи милость королевая рачила до судьи Бѣльского листъ дати, ажъ бы его до Кнышина прислалъ ку опытанью достаточному а справедливому.

То бортники. Олтухъ съ Плесковъ лазню заходную мѣлъ въ тыхъ околовъ въ Соколдки и Супраслы рѣки, нижли повѣдилъ, ижъ панъ Миколай Радивилъ въ него отнялъ, и теперь онъ тое дерево бортное въ той пущи на себе ходитъ и дань даетъ, а другую съ тогожъ дерева до Ганезя, водлѣ приказанья пана Миколая Радивилова даетъ. Тыи околы и лазнище панъ воевода войту Добреневскому Лукашу отдалъ на земянство, и теперь знати, гдѣ околы были и есть того великій знакъ, нижли много у поле розроблено, недалеко пущи Городенской, подъ оступомъ Васильковомъ.

Кузьма Костеновичъ, гаевникъ Саражскій, повѣдилъ, ижъ лазня его была надъ рѣкою Супраслою, гдѣ теперь Лукашъ, войтъ Добрыневскій, домомъ сѣдитъ, и сѣножати его заходныи подъ нимъ, и дерево бортное небожчикъ панъ воевода въ него отнялъ и Лукашу отдалъ а такъ и теперь ключникъ Бѣльскій, водле давности, за тое дерево дань на мнѣ беретъ.

Бортникъ Саражскій Кацъ повѣдилъ, ижъ его станъ заходный бывалъ подлѣ рѣки Супраслы, гдѣ теперь Ленецъ Самотыя живетъ и теперь дерево ихъ подъ знамемъ есть.

Вороновъ Клепачовъ, лазня на Вороновцѣ, и теперь дерево подъ клейномъ есть, а дань до Ганезя даютъ, а передъ тымъ до Бѣльска даивали.

Андрей Лацевичъ повѣдилъ, ижъ то его станы заходныи были надъ рѣкою Супраслою, гдѣ теперь Ленецъ Самотыя живетъ.

Иншихъ тежъ осочниковъ и теперь дерево ихъ бортное есть и ходятъ его.

Тые осочники и бортники повѣдили: мы съ того дерева бортного звѣку одну дань на короля его милость до ключа Бѣльского даемъ, а кгды пану Миколаю Радивилу Ганязь у въ отчину достался, онъ насъ съ тое земли почалъ выгоняти моцне, и казалъ насъ вѣшати, естлибъ хто не хотѣлъ до Ганезя дани давати. Якожъ мы, жалючи дѣдизны своей, того дерева бортного не опустили, мусили есмо дань давати одну

(*) свободныхъ людей.

до Ганезя, а другую водлѣ давности до Бѣльска. А кгды королевой еи милости дворъ Кнышинъ и тая пуща досталася по тыи границы, якъ небожчикъ Радивилъ свовольне былъ забралъ, ино которую дань давали есмо, водлѣ новое моцное уставы, до Ганезя, тую теперь даемъ до Кнышина; а на томъ хочемъ присягнути, ижъ то пуща Бѣльская, а не Ганязская, а ку Ганезю тежъ съ тое пущи дань передъ тымъ николи не была, лечъ за небожчика пана воеводу Виленского тая дань моцью встановена.

Бобровники сознавали: дѣды и отцы наши и мы за Витолта, або и далѣй, на рѣцѣ Соколдцѣ и на рѣцѣ Супряслѣ завжды зъ одной стороны берегу господарского по тымъ и по иншимъ рѣкамъ бобры бивали и до Бѣльска давали, а зъ другой стороны Супряслы берегъ пана Александра Ходковича; въ то мы не вступалися. А кгды панъ Миколай Радивилъ Ганязь у въ отчизну взялъ, намъ не далъ по тымъ рѣкамъ бобровъ гонити и борти наши отъ насъ отнялъ; а на тыхъ рѣкахъ звѣку до скарбу господарского къ Бѣльску бобры давали, а Ганежане по тымъ рѣкамъ не ловливали ани бивали бобровъ и входовъ не мѣли.

Осочники Бѣльскіи, мужи старыи все: Мелехъ Чечетовичъ. Толочко Оноцковичъ съ Койловъ. Иванъ Петровичъ. Кузьма Тинковичъ зъ Локницы. Гринъ Клубникъ. Андрей Лацевичъ отъ Гацковъ. Мись Иваховичъ съ Проневичъ. Санець Сенковичъ. Степанъ Клубникъ. Ленець Самотыя.

Бортники и бобровники Бѣльскіи, все старые: Олтухъ Ивановычъ. Братъ его Степанъ Коляда. Кондратъ Струнка. Микита Ходоревичъ. Братъ его Сацъ. Иванъ Дѣдевичъ съ Хреболовъ. Децъ Кусевичъ. Протасъ Селивоновичъ. Мартинъ Олехновичъ. Пѣхъ Пашковичъ. Якимъ Кузмичъ, служебный зъ Бѣльска.

Бортники Саражскіи, все старыи: гаевникъ Саражскій Кузма Костеневичъ. Кацъ бортникъ. Стецко Саковичъ. Веремѣй Желозсовичъ. Иванъ Иваниковичъ. Ѳедко Селивоновичъ.

Еще тежъ вси осочники и бортники въ мене не были; а кгды всихъ зберу, будеть ихъ о сорокъ, або и большей, нижли тыхъ часовъ, для роботы пашной, трудно было ихъ собрати, хотя мало опашутца, будуть вси къ тому часу, коли я имъ закажу.

Хранится тамъ же.

18.

1536. Описаніе старыхъ и новыхъ границъ Городенскихъ, Бѣльскихъ и Ганязскихъ, произведенное, по королевскому повелѣнію, Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ, съ товарищами.

Зъ розказанья господаря короля его милости. Выѣздъ или одовѣдыванье границъ Городенскихъ и Бѣльскихъ зъ Ганяземъ—старыхъ и новыхъ.

Я, Александро Ивановичъ Ходковича, староста Берестейскій, маршалокъ господарскій, державца Вилкейскій и Остринскій, а Матѣй Войтеховичъ, маршалокъ господарскій, державца Волковыйскій, а Шимко Мацковичъ, тивунъ

и подконюшій Виленскій, державца Радуньскій, конюшій Троцкій. А при ихъ милости пописывалъ тыи границы Богданъ Мацковичъ Шаула, дьякъ господарскій.

То суть старыи грани. Которыи граници клали, зъ розказанья Казиміра короля его милости, Городну зъ Ганяземъ панъ Станко Судивоевичъ, въ тотъ часъ будучи старостою Городенскимъ, маршалкомъ дворнымъ, а панъ Олехно Саковичъ, староста Бѣльскій, а панъ Мишко Вѣштортовичъ, ловчій господарьскій, а панъ Александро Дрождча, намѣстникъ Каменицкій. Какъ же привели насъ напервѣй земяне Ганяскіи съ осочники къ Бобрей рѣцѣ, а отъ тое рѣки Боброе повели насъ Кмитовкою рѣчкою уверхъ и привели насъ тою Кмитовкою къ Толкачову болоту. А отъ того болота Толкачова смугою до могилецъ, гдѣ обаполныхъ селъ людъ-Русь кладутца. А отъ тыхъ могилицъ, дорогою, которая дорога идетъ зъ Дятелова къ Едешкомъ; а съ тое дороги вправо границою межи земль Славского и зъ Долистовци, держачи земли Долистовскіи по правой руцѣ къ Ганязю, а Славского земли по лѣвой руцѣ къ Городну,—и чрезъ конецъ багна границою до дороги, которая дорога идетъ отъ Торусы къ Монюшкамъ. А тою дорогою къ болотцу и подлѣ того болотца ступивши зъ дороги налѣво чрезъ поля опять къ той же дорозѣ первой великой, которая дорога идетъ отъ Дятелова до села до Едешокъ. И тою дорогою подлѣ самыхъ Едешокъ, держачи тое село Едешки по правой руцѣ дворы ихъ къ Ганязю, а по лѣвой руцѣ къ Городну земли ихъ пашни вси. И оттоль тою жъ дорогою мимо войта Матѣшского Миколая улицою,—а того войта дворъ поправу. И тоюжъ дорогою чрезъ рѣчку Стокъ, и отъ тое рѣчки Стока чрезъ село Мотѣшки улицою. А обаполъ тое улицы тое село Мотѣшки сѣдять и направѣ и налѣвѣ дворы ихъ. И съ того села Мотѣшокъ дорогою черезъ поля до верхъ рѣчки Смугуровки. А отъ Смугуровки рѣчки подлѣ самого села Бурбичъ, держачи село Бурбичи поправу. Ино того войта Миколая и тыхъ селъ Мотѣшокъ и Бурбичъ дворы ихъ и пашня одна на одно лѣто въ старыхъ границахъ къ Ганязю направѣ. А двѣ пашни ихъ на двѣ лѣтѣ въ новыхъ границахъ къ Городну на лѣвой руцѣ. А отъ того села Бурбичъ, отъ тыхъ старыхъ граней до новыхъ, до Березовое двѣ мили поперекъ. Также отъ того села Бурбичъ идетъ старая граница черезъ поля Бурбицкіи до болотечка Бѣлявки, и держачи тое болотечко по праву. И съ того болотечка Бѣлявки рѣчка Нерешля встала. И тою рѣчкою Нерешлею унизъ — отъ того болотечка Бѣлявки почонши, пошла граница черезъ дорогу, которая дорога идетъ отъ Рудковскихъ до Ганязя. И тою рѣчкою Нерешлею унизъ,— отъ тое дороги до двора до Шпакова. И тая рѣчка Нерешля границою идетъ чрезъ село Шпаково, держачи дворъ пановъ воеводичовъ и старое село по праву къ Ганязю,— а село новое за рѣкою Нерешлею по лѣву къ Городну; тутъ же на той рѣцѣ подъ дворомъ Шпаковомъ млынъ. Отъ того двора Шпакова отъ старыхъ граней до новыхъ до проворотья—поперекъ шесть миль. Съ которого проворотья встали двѣ рѣки Березовая а Чорная. А отъ Шпакова двора идетъ граница тою жъ рѣкою Нерешлею до капланского села до Кречкова: въ томъ селѣ ставъ капланскій на Нерешли; село старое сѣдить по правой руцѣ рѣки Нерешли къ Ганязю; а дворъ каплана Ганязского отъ Нерешли на лѣво новозбудованъ— въ Горо-

денскомъ повѣдили отъ пятнадцать лѣтъ: отъ того двора пуща не далеко прилегла. Въ томъ мѣстци стоячи Славскіи и зъ земяны и съ осочники повѣдили, ижъ то пуща по рѣку Нерешлю звѣку была Городенская; а зъ Ганязя николи ни одинъ чоловѣкъ въ тую пущу черезъ рѣку Нерешлю уступу не мѣлъ. Какъ же и князь Михалъ Глинскій, коли держалъ Ганязь, черезъ тую рѣку Нерешлю въ тую пущу вступу не мѣлъ—самъ и люде его. Тутъ подалѣй троха на той же Нерешли другій млынъ капланскій, а граница старая идеть все тою рѣкою Нерешлею. И за тымъ млыномъ другимъ капланскимъ впала въ рѣку Нерешлю рѣка Притулянка. И минувши тое устье недалеко на низъ рѣки Нерешли: тутъ стоить дворъ Васковъ земяниновъ, и тутъ на той рѣцѣ Нерешли два млыны его. А отъ тыхъ млыновъ Васковыхъ и отъ двора его пошла граница черезъ поле въ дорогу Ганезскую, которая дорога идеть отъ Кнышина къ Ганязю. Тутъ тежъ Славскій и Васко и зъ земяны и съ осочники мовили: мы васъ по тымъ гранямъ ведемъ, куды панъ Станко Судивоевичъ съ тыми паны разрубывалъ пущу къ Городну отъ Ганязя и грани клалъ на лѣвую сторону къ Городну, а на правую къ Ганязю. И съ тое дороги Ганязское повели границею на лѣво чрезъ поля Сикоринскіи. Какъ же панъ Станко Судивоевичъ съ тыми паны по правой сторонѣ рѣки Нерешли, перешодши черезъ тую рѣку, отрубалъ земль въ Городенскую сторону къ рѣцѣ къ Нерешли вдолже на полмили, а поперекъ на версту и зася привелъ границу въ Нерешлю жъ рѣку,—гдѣ и рубежи въ соснѣ поклалъ подлѣ тое рѣки, какъ же и теперь тые рубежи знати. Тутъ отъ тыхъ старыхъ граней, гдѣ зася въ Нерешлю рѣку приведены до новыхъ границъ до Чорное—пять миль поперекъ; а отъ Васкова двора до новыхъ границъ до Чорное пять миль же поперекъ; а отъ Сикоръ также до новыхъ границъ до Чорное пять миль поперекъ: на той же рѣцѣ на Нерешли Сикоринскій млынъ Ивахновъ; нижей того воеводичовны млынъ, нижей Мелкова—млынъ Ируда. А то все старая граница идеть Городну зъ Ганяземъ тою Нерешлею рѣкою черезъ вси тыи млыны. И какъ пришла граница тою рѣкою Нерешлею до того млына Ируды. Ино тутъ въ того млына Ируды пришла дорога великая, которая идеть отъ Городна до Богушова: а тая дорога ведеть границу Городну зъ Бѣльскомъ. Отъ Богушова, ѣдучи до Городна по лѣвой руцѣ дороги—Городенская земля, а по правой руцѣ дороги Бѣльская земля. Тая дорога чинить границу Городну зъ Бѣльскомъ до Чорное рѣки. А отъ того млына Ируды отъ старыхъ граней до новыхъ до Чорное рѣки пять миль поперекъ. По тотъ млынъ Ируду—конецъ границамъ старымъ Городенскимъ зъ Ганяземъ, куда панъ Станко Судивоевичъ съ тыми паны клалъ. А зася отъ тогожъ млына Ируды пошла старая граница Бѣльску зъ Ганяземъ тоюжъ рѣкою Нерешлею на низъ, куды панъ Станко Судивоевичъ съ тыми паны клалъ, къ Левоневу млыну. И на той же рѣцѣ на Нерешли внизу Левоновъ млынъ. И отъ того млыну Левонева зася тоюжъ рѣкою Нерешлею нанизъ пошла старая граница Бѣльску зъ Ганяземъ до земянъ, до Байковъ. И межи тыхъ Байковъ села тая рѣка Нерешля границею идеть: село старое тыхъ Байковъ на правой руцѣ сѣдить тое рѣки Нерешли, а на лѣвой руцѣ Нерешли почали дей были тыи Байки проробливати пущи Бѣльское. Ино панъ Станко Судивоевичъ,

какъ ѣздилъ съ тыми паны грани кладучи Бѣльску зъ Ганяземъ, въ тотъ дей часъ тое пущи Бѣльское по лѣвой сторонѣ рѣки Нерешли тымъ Байкомъ разробливати не велѣлъ и того имъ заборонилъ. А потомъ Александръ король его милость тымъ Байкомъ тыхъ пробковъ ихъ допустилъ, и еще къ тому придалъ имъ пущи розробити и писалъ листъ свой до пана Николая Миколаевича, какъ Бѣльскъ отъ его милости держалъ, ижъ бы имъ тое пущи отвелъ, съ того листу копѣю есмо взяли. То пакъ тыи Байки, зъ данины Александра короля его милости, по лѣвой сторонѣ рѣки Нерешли тое пущи Бѣльское розробили тридцать и три волоки и теперь держать и дворы собѣ побудовали на лѣвѣ Нерешли; и млынъ тыхъ Байковъ по той рѣцѣ Нерешли подъ ихъ дворы. Ино отъ тыхъ земянъ Байковъ отъ рѣки Нерешли, отъ старыхъ граней до новыхъ до Соколдки рѣки, гдѣ Соколдка въ Супряслу впала, шесть миль поперекъ. И отъ тыхъ земянъ Байковъ зася граница пошла Бѣльску зъ Ганяземъ тоюжъ рѣкою Нерешлею на низъ. И на низу тое рѣки Нерешли млынъ Тыкотынскій пана Кгаштолтовъ, воеводы Виленского, его милости новозбудованый. Потомъ на той же рѣцѣ Нерешли на низу, гдѣ Нерешля впала въ Наровъ рѣку, другій млынъ пана Кгаштолтовъ: того млынара зовуть Быстрый, а тотъ млынъ старобудованый ещо за дѣда нинѣшнего пана Кгаштовта его милости. Мы въ того млына стоячи, пытали земянъ Ганяскихъ и осочниковъ Бѣльскихъ; и они вси передъ нами повѣдили въ одно слово, ижъ панъ Станко Судивоевичъ съ тыми паны по рѣку Нерешлю пущу Бѣльскую отъ Ганязя къ Бѣльску отрубили и по тую рѣку Нерешлю къ Бѣльску тое пущи велѣли намъ осочникомъ завѣдати и боронити. Тутъ конецъ границамъ земли Бѣльское зъ Ганязскою землею.

Также тутъ стоячи на тыхъ границахъ, пытали есмо тыхъ земянъ Ганязскихъ и осочниковъ Городенскихъ и Бѣльскихъ: коли держалъ Ганязь князь Михайло Глинскій, черезъ тыи старыи грани и черезъ рѣку Нерешлю, куды панъ Станко Судивоевичъ съ тыми паны клалъ, чи мѣлъ какій уступъ у тыи пущи господарскіи Городенскіи и Бѣльскіи самъ, або люди его Ганязскіи? И они вси въ одно слово повѣдали: што князь Михалъ Глинскій чрезъ тыи старыи грани и черезъ рѣку Нерешлю, куды панъ Станко съ тыми паны клалъ, въ пущи господарскіи Городенскую и Бѣльскую ничимъ николи не вступался, какъ самъ, такъ и люди его Ганязскіи. Также повѣдили, ижъ который люди господарскіи межи тыхъ старыхъ граней и новыхъ дерево свое бортное мѣли—Городняне въ пущи Городенской, а Бѣляне въ пущи Бѣльской, тыи борти лазячи Городняне медъ давали до ключа Городенского господарского, а Бѣляне—до ключа Бѣльского господарского. А князь Михайло Глинскій того дей имъ не заборонялъ. Ино какъ панъ Миколай, небожчикъ, воевода Виленскій, тыи пущи господарскіи межи тыхъ граней старыхъ и новыхъ за себе забралъ къ Ганязю, такъ и въ людей господарскихъ тое дерево отнялъ и ихъ оттоль вытиснулъ.

То суть новыи грани, гдѣ были недавно новопокладены черезъ грани пана Станковы Судивоевича въ пущи Городенской и Бѣльской. На первѣй почалася граница отъ проворотья. Съ того проворотья рѣка Чорная встала и пала въ Соколдку Лядцкую: тою Черною до Соколдки двѣ мили вдолжъ. А

Соколдка рѣка впала въ Супраслу рѣку: тою Соколдкою до Супраслы три мили вдолжъ. А Супрясла впала въ Наровъ рѣку, которая рѣка Супрясла ведеть границу съ пущею Бѣльскою именьямъ пана Александровымъ Ходковича. Ино тою Супряслою до Нарви, гдѣ впала въ Наровъ—шесть миль вдолжъ. А Наровою рѣкою отъ того устья, гдѣ Супрясла впала до Нерешли рѣки, чотыры мили вдолжъ. А Нерешлею рѣкою до Боброе до Кмитовки рѣки, гдѣ Кмитовка впала въ Бобрею рѣку, семь миль вдолжъ. А отъ Кмитовки троха подалѣй до Березовое рѣки, гдѣ Березовая впала въ Бобрею рѣку, ино тою Березовою рѣкою уверхъ до того жъ проворотья, откуль встала Березовая, шесть миль вдолжъ. То тутъ новыи грани зася вмѣсто (*) зышлися у того проворотья. Около тыхъ всихъ новыхъ граней вдолжъ тридцать миль безъ дву миль. А межи тыми новыми и старыми граньми ширины поперекъ индѣ чотыри мили, а индѣ пять миль, а индѣ шесть миль, то въ наширномъ мѣстѣ.

Тутъ же на тыхъ пущахъ и села насажоны: того ничого князь Михаилъ Глинскій не держалъ. Такъ передъ нами вси земяне и осочники повѣдили.

А то суть грани старыи Ганязскіи и какъ тежъ князь Михаилъ Глинскій Ганязь держалъ по тымъ гранемъ: отъ Бобрее рѣки Кмитовкою рѣкою и польми, куды граница идеть, и Нерешлею рѣкою до Нарви, гдѣ Нерешля впала въ Наровъ рѣку—семь миль вдолжъ. А Нарвою рѣкою до Бобрей, гдѣ Бобрея рѣка впала въ Наровъ, три мили вдолжъ. А Бобрею рѣкою подъ самый Ганязь, подъ стѣну отъ того устья, гдѣ Бобрея впала въ Наровъ до Ганязя, три мили вдолжъ. А отъ Ганязя Бобрею рѣкою уверхъ до Кмитовки рѣчки, гдѣ Кмитовка въ Бобрею впала, двѣ мили вдолжъ. То около обошли граници старыи Ганязскіи и зася тутъ въ тое Кмитовки снялися вмѣсто. То около старыхъ границъ Ганязскихъ какъ и князь Михаилъ Ганязь держалъ пятнадцать миль укругъ, а поперекъ тыхъ старыхъ граней, какъ Ганязь здавна въ собѣ ся мѣлъ и какъ Глинскій его держалъ, отъ Кмитовки и отъ Шпакова двѣ мили, отъ Левонева млына и отъ Богушова три мили, отъ Быстрого ставу, отъ Нерешли пять миль, отъ Тростянки три мили. То широкость Ганязская въ старыхъ границахъ и какъ тежъ Глинскій держалъ.

Межи старыми границами и новыми въ пущи Городенской села къ Ганязю населены: напервѣй село Забѣлье а Ятвезь Великая. Въ тыхъ двухъ селѣхъ: въ Забѣли и у Ятвези осмдесятъ волокъ, а млынъ на рѣцѣ Березовой. Въ тыхъ селѣхъ войтомъ Карпъ; тутъ же дворъ Карповъ съ пашнею, а къ двору Карпову войтову полъ одиннадцаты волоки и три огородники. Другій дворъ Карповъ же на Березовой съ пашнею; а къ нему двадцать и полтретьи волоки, а млынъ зъ двѣма колы его жъ на той же рѣцѣ Березовой. Отъ Кмитовки, отъ старое граници до новое, до Березовое, до Карпова двора—миля поперекъ. Потомъ земянскій дворъ Тарусинъ зъ пашнею, —къ нему двадцать волокъ: тутъ отъ старое граници, отъ смуги до Березовое, до новое граници—миля поперекъ. Потомъ земянскій дворъ Славского съ пашнею, —а къ нему сорокъ волокъ, а млынъ на Березовой; тутъ отъ старое граници, отъ могилницъ Русскихъ до новое граници, до Березовое—двѣ мили поперекъ. Потомъ села пановъ воеводичовъ: отъ Славского имѣнья напервѣй село Ясвилы, —а въ немъ сорокъ волокъ; село Ро-

(*) вмѣстѣ.

мейки и Ятвезь Сухая—въ тыхъ двухъ селѣхъ тридцать волокъ; потомъ село Шпаково, которое село новопосажоно озлѣ рѣчки Нерешли на лѣвой сторонѣ. Къ нему суть волоки: нихто о нихъ не вѣдалъ споведати, а тамошнii мужики ни одинъ къ намъ не шолъ. Потомъ— Калиновка, пановъ воеводичовъ, — а войтовство Ивахново, старосты Пинского: къ тому войтовству его Калиновскому — семь селъ. Напервѣй село Багно: въ немъ волокъ двадцать и пять; Воля—вверхъ Калиновки: въ немъ пятдесятъ волокъ безъ одное; Закостельная Калиновка: въ немъ волокъ тридцать безъ дву; Заболотная Калиновка: въ немъ волокъ пятнадцать; Нерешля Великая: въ немъ волокъ двадцать и чотыри; Малая Нерешля: въ немъ шесть волокъ. Такъ повѣдали передъ нами земяне вси Ганязскiи и осочники Городенскiи, ижъ тыи вси села насажоны на пущи Городенской.

А то суть села, насажоныи на Бѣльской пущи, пановъ воеводичовъ: тыижъ земяне Ганязскiи и осочники Бѣльскiи повѣдили. Дворъ Кнышино: къ тому двору пашня дворная; а окромъ дворное пашни къ Кнышину сто и тринадцать волокъ; потомъ село Долгая Лука: въ немъ сто волокъ; потомъ лѣсничого Станиславовыхъ чотырнадцать волокъ; потомъ Пеского дворъ съ пашнею: къ тому двору кромъ пашни его двадцать волокъ; потомъ село Добрынево, два войта въ немъ, одинъ войтъ Васко. Его войтовства пятдесятъ волокъ. Другiй войтъ Лукашъ; его войтовства сто волокъ. А то земянскiи обрубы, што панъ воевода подавалъ земяномъ пущи Бѣльское на розробленье и на посаженье селъ: Грегоръ Стрѣлецъ подъ ними обрубъ; Васко подъ нимъ обрубъ; Гриневичи подъ ними обрубъ; Ленецъ подъ нимъ обрубъ; подъ сыномъ его Зиновомъ другiй обрубъ; Лукашъ подъ нимъ обрубъ, подлѣ Василькова и гдѣ Соколдка въ Супряслу впала. Ещо съ Кнышына мужикъ, на имя Есипъ, взялъ обрубъ подлѣ тогожъ Лукаша. То села межи старихъ и новыхъ граней; а Байковъ тридцать и три волокъ.

Сума всихъ волокъ выписаныхъ, которыи налѣвѣ за границою старою на Городенской и на Бѣльской пущи разроблены: осмсотъ и пятдесятъ волокъ. Кромъ тыхъ волокъ, што намъ не повѣдали села нового въ Шпаковѣ и села Едешокъ и войта Матѣшского Миколая и села Мотѣшокъ и села Бурбичъ; бо ни одинъ мужикъ съ тыхъ селъ къ намъ не шолъ. Нежли на вгадъ земяне и осочники намъ повѣдали, ижъ въ тыхъ селѣхъ и въ тыхъ обрубахъ можетъ дей быти съ полтораста волокъ.

Въ кождый годъ съ каждое волоки въ року идетъ сорокъ грошей безъ трехъ: годового три гроши; военщины дванадцать грошей; овса два корци Бѣльскихъ; гусь; двое куръ; двадцать яецъ кокошихъ. А въ недѣли кождый мужикъ день ходить на роботу съ каждое волоки.

То суть земяне Ганязскiи, которыи границы выводили. То ихъ имена: Янъ Славскiй, Григорей Торуса, Якубъ Войтеховичъ Вротенскiй, Езофъ Байка, Миколай Мрочекъ, Станиславъ Бяласукня, Едамъ Собѣщка, Матей Милевскiй, Борута Жаконскiй, Бартошъ возный, Борюта Кранковскiй, Миколай Кранковскiй, Янъ Пенчиковскiй, Петръ Вишоватый, Миколай Милевскiй, Марекъ Милевскiй, Янъ Милевскiй, Вавринецъ Милевскiй, Войтехъ Милевскiй, Павелъ Милевскiй, Матѣй Вротенскiй, Станиславъ Милевскiй, Станиславъ Байка, Янъ Бялосукня, Войтехъ Милевскiй, Янъ Монковичъ, Бартошъ Жаконскiй, Марекъ Макгнушъ, Миколай Монковицъ, Марекъ Олдаковицъ, Янъ Собѣщка, Матысъ Збылитовскiй, Станиславъ Свир-

биньскій, Петръ Монекъ, Янъ Бяласукня, Миколай Бяласукня, Матѣй Бяласукня, Петръ Матѣевичь Писанка, Кгрекгоръ Яновичь Писанка, Миколай Писанка, Станко Томковичь Хойновскій, Якубъ Станиславовичъ Писанка, Мартинъ Миколаевичъ Хойновскій, Янъ Кулешъ Мартиновичъ, Рафалъ Мартиновичъ Кулѣшъ, Станиславъ Кулѣшъ, Мартинъ Кулѣшъ, Петръ Кулѣшъ, Петръ Мрочкевичъ, Григоръ Монюшкевичъ, Петръ Монюшко, Шиманъ Монюшковичъ, Едамъ Собѣщка, сынъ его Янъ, Павелъ Собѣщка, сынъ его Ендрей, возный Бартовъ Собѣщка, Станиславъ Крамковскій, Лавринецъ Крамковскій, Грегоръ Крамковскій, Жикгимондтъ Невировскій, Ленартъ Невировскій, Богданъ лѣкарь съ Прейвойшовъ, ЯкубъБогушекъ,ПетръБогушекъ,Якубъ Вишоватый, Павелъ Вишоватый, Матѣй Вишоватый, Михалъ Вроценскій, Янъ Якубовичъ Вроценскій.

То осочниковъ Городенскихъ имена: Супрунъ Рудевичъ, Трохимъ Бобыничъ, Гринъ Хведцевичъ, Максимъ Бовшевичъ, Жданъ Болшевичъ, дьякъ Путиловичъ, Степанъ Сухиничъ, Петранецъ Сухиничъ, Олехно Зеновичъ, Макарецъ Болшевичъ, Иванъ Матѳеевичъ, Куль Болшевичъ, Андрѣецъ Рудевичъ, Цашко Зубовичъ, Сенко Крегелевичъ, Ѳедецъ Гордѣевичъ, Карпецъ Дубничанинъ, Максимъ Артимовичъ, Тимошъ Кунашевичъ, Олихферецъ Яцыничъ, Дешко Харанковичъ.

То имена осочниковъ Бѣльскихъ: Якимъ Кузмичъ, Санко Сенковичъ, Мись Ивановичъ, Полута Тинцовичъ, Инецъ войтовичъ Клепачъ, Иванъ Ивовичъ.

Также повѣдилъ передъ нами войтъ Долголуцскій Езофъ Байка, штожъ дей Александръ король его милость роскасалъ былъ мнѣ на его листъ волю садити тутъ на Долгой Луцѣ и листъ свой господарскій на томъ былъ далъ въ Кракове. А я въ тотъ часъ былъ въ Кракове съ паномъ Миколаемъ Миколаевичомъ, подчашимъ, старостою Бѣльскимъ. И я прыѣхавши сталъ тую волю садити тутъ на Долгой Луцѣ. И панъ Кгаштолтъ почалъ былъ мнѣ того забороняти отъ Тыкотина. А потомъ довѣдался, што то пуща господарская Бѣльская и его милость далъ тому покой. И я сталъ тутъ село садити за листомъ и роскасаньемъ господарскимъ. И потомъ, какъ Ганязь господарь король его милость Жикгимонтъ далъ пану Миколаю и панъ Миколай тотъ листъ Александра короля его милости въ мене отнялъ, и на то ми далъ свой листъ, и тотъ листъ пана Миколаевъ, писаный на паркгаменѣ по латынѣ съ привѣсистою печатью передъ нами положилъ: мы того листа копѣю въ него взяли. Тежъ повѣдилъ передъ нами дворянинъ господарскій Чешейка, ижъ онъ какъ держалъ отъ князя Михаила Глинского Саражъ, онъ тое пущи къ Саражю боронилъ, починши отъ дороги великое, которая идеть отъ Богушова къ Городну по рѣку Чорную и въ той пущи печи смоленыи давалъ робити и, беручи золотыи, отдавалъ ихъ королю Александру его милости. Богданъ Мацковичъ Шаула.

Хранится тамъ же.

19.

1536. Описаніе старыхъ границъ мѣстечка Раигорода.

Мѣстечко Раигородъ.

Тое мѣстечко маеть войта дѣдичного, немаючого волокъ вымѣроныхъ; маеть дворъ панскій, вельми добрій. Тежъ маеть, подлѣ двора, фольваркъ добрій, на пашню дворную панскую, маеть границы (*) ку Городну на пять миль алижъ до рѣки, речоной Мѣта, Городенской, а зъ другой стороны ку Ганезю на другую пять миль. Ма тежъ (**) село, речоное Вожна старую, надъ рѣкою Ягрна, зъ млыномъ дву колъ, и платъ плати 10 копъ гроши кождого году за цыншъ рочный.

Тежъ другое село, старая Меча речоное, безправне забраный. Тежъ село Чорный Лѣсъ. Тежъ два дворцы фолварковы. Тежъ одно село Пленское Раигородское. Тежъ колько съ всей речоныхъ обрубы служачихъ и дани за чиншъ рочный подлугъ обычая Ганезкого платечихъ. Тежъ село Белеве, старое. Село Едикове, старое тежъ.

Тежъ дани господарской зъ бортей отъ бортниковъ Раигородскихъ есть плачоно 20 и 2 меду пресного (***) на господаря, абовѣмъ зъ боровъ господарьскихъ Городенскихъ близко лежачихъ.

Тежъ шляхетный Янъ Жробекъ, войтъ, выкопалъ зъ нового кореня на земли господарьской Городенской, съ поданья воеводы Радивила, одно свое село пятьдесятъ волокъ, а для себе 5 волокъ.

Тежъ границы Раигородскіе въ Прусы, ку селу Прускому, Криве речоному, одну милю. А на другой сторонѣ ку селу Станислава Щуриха и Богдана къ Мыши на шесть миль, штожъ тыи Радивилове все безправне взяли. А ку Мазовшу границы Раигородскіе стегають ся на 6 миль отъ Мѣты. Еще есть (*) намнѣй лѣсовъ и боровъ на 6 миль ку будованью селъ на господаря.

А тамъ суть чистые ловы ку ловенью розмаитыхъ звѣровъ на столъ господарьскій, которыхъ Радивилове безправне вживали.

Тежъ шляхетные Бѣлосукненци садеть ся нынѣ на земли господарьской, Раигороду прилеглой, одно новое село пятидесятъ волокъ, а для его войтовства 5 волокъ особно. Шляхетные Рудковскіе садеть нынѣ одно село новое, на земли королевской, тамъ же близко, пятьдесятъ волокъ, а ку своему войтовству 5 волокъ.

Беруть тежъ Радивилове часу зимы отъ приходневъ и домовниковъ, которые до Прусъ ѣздять и ворочають ся, цло незвыклое (**) по два грошы и по 2 пѣнези Литовскіе противъ привилеевъ своихъ, за што тежъ вси добра свои Раигородскіе суть и могуть быти забраны правомъ посполитымъ и моцью короля его милости. Вносить тое цло Радивиломъ въ добрахъ тыхъ Раигородскихъ каждого году неслушне беручихъ на полтораста копъ грошей.

Але старцы кажуть, ижъ старовѣчная граница Раигородская были и суть отъ ратуша Раигородского на полмили, то стоить при воли господарьской. Ачколвекъ Глинскій, Раигородъ держачи, вступалъ ся ширей на вси стороны, але ему того зъ Городна моцне боро-

(*) Противъ этого слова сбоку приписано: новую, безправную, Радивиловскую.

(**) Наверху приписано: тежъ безъ данины забраныи.

(***) Наверху: штожъ они держать безправне.

(*) Сбоку: властныхъ господарьскихъ.

(**) Сбоку прибавлено: и небывалое.

нено; алижъ потомъ Радивилъ насталъ и забралъ, безъ заѣзду, што хотѣлъ противъ данинѣ своей и справедливости королевской.

И просять тыи земяне Раигородскіи, абы были при тыхъ старыхъ границахъ зоставени были, торговое и мыта безправне вставленыи на сказу чоловѣка посполитого абы скажоны были. Просять тежъ тыи земяне Ганезкіи, абы были зложены были торговое мыта, черезъ Радивила вставленыи, абы было все по старому.

Хранится тамъ же.

20.

1536. Описаніе старыхъ границъ Ганязскихъ.

Границы старіе Ганезскіе.

Тые границы старіе были завжды отъ Ганезя до села Шпакова у двухъ только миляхъ отъ мѣстечка Ганезьского, лежачіе подлѣ рѣки Нересла, правдивые и старіе Городенскіе границы. Отъ Шпакова уверхъ рѣки тое идучи алижъ до границъ шляхетного Яна Славского. Отъ Славского до села Ятьвежъ, которое граничить зъ землею Городенскою, тежъ уверхъ рѣки Нерешлы идучи.

А на долъ тое рѣки Нерешлы отъ Шпакова съступуючи алижъ до озера Левонового млынаря Красовского, тежъ надъ Нерешлою. А отъ Левона тежъ на долъ Нерешлы до Богушова. А отъ Богушова тежъ на долъ до Тртяны. А отъ Тртяны тежъ на долъ рѣчки Нерешльки заполой въ землю, алижъ до лововъ речоныхъ Добаръ слушне господарскихъ, але неслушне забраныхъ. А отъ Добаръ землею идучи до рѣки Бобреи, которая граничить зъ Мазовшомъ, то есть, зъ землею Визненскою и Вансошемъ князства Мазовецкого. А въ гору идучи тое рѣки Бобри до дѣдицтва Забебе, вкругъ, алижъ до Ятвежи; а тутъ былъ завжды конецъ старихъ границъ Ганезькихъ.

Повѣдають тежъ, иже, еще будучи въ животѣ, наеснѣйшій король Александръ, король и великій князь Литовскій, даровалъ вельможному пану Миколаю, нѣколись воеводѣ Виленскому, нѣкоторую часть лѣсу, за село Калиновку (*), ку выробенью на земли Городенской, або въ ловѣхъ Городенскихъ надъ рѣкою Калиновкою, въ борѣхъ и въ лѣсѣхъ ку поставленью подлугъ привилья его, отъ того жъ короля его милости ему даного.

А тотъ панъ воевода, выступуючи стешки и границы дарованья его выслуги, поставилъ на оной земли королевской село Большую Калиновку, маючу въ собѣ сто и пятьдесятъ волокъ поля выробленого, на него вымѣроныхъ, которые и теперь осѣлъ.

Далъ тежъ тотъ воевода Ивахну служебнику, а тогды подскарбему своему, земли господарской, подлѣ Городна лежачой, нѣкоторую часть лѣсовъ и боровъ и лововъ Городенскихъ, пречоныхъ ку выробенью, въ обычай войтовства черезъ тогожъ Ивахна потомъ вчиненого. Поставилъ тежъ тотъ же Ивахно, съ пріязностью того воеводы пана своего пречоного, тамъ же дворъ собѣ войтовскій, съ фольваркомъ, черезъ него выробенымъ, маючомъ въ собѣ волокъ 15, черезъ него ажъ до тыхъ мѣстъ

(*) Настороне: Калиновка Большая.

подъ закрытостью поставеного войтовства выробеныхъ и посѣлыхъ.

Казалъ тежъ тотъ же речоный земянинъ Ивахно преробить собѣ на тоежъ войтовство Калиновское на подданые и кмети свои влокъ кметовскихъ 20 и 5. Тежъ маеть тотъ же Ивахно подлѣ тогожъ двора своего два озери и два млыны по одномъ колѣ.

Тежъ въ той же Большей Калиновцѣ есть костелъ фарный, которого костела плебанъ маеть за подаванье свое шесть волокъ особно выробеныхъ. Тотъ же тежъ плебанъ маеть вколо и подлѣ тогожъ костела веле корчемъ, костелу преслушачихъ.

Тотъ же тежъ воевода подлѣ тое Большое Калиновки выробилъ тамъ же недавно на земли Городенской же не гораздъ и неслушне иншихъ селъ шесть, черезъ тогожъ войта Ивахна въ часть пановъ земли злѣ посѣлыхъ. Напередъ Меншая Калиновка. Тежъ Нова Воля. Тежъ Багно. Нерешла Большая. Нерешла Меньшая. Кгузова. Которые вси села вышей выписаные мають въ собѣ сто и пять волокъ ку робенью мужицкому або кмецкому вышейречонымъ. А черезъ тое неслушное таковыхъ земль королевскихъ выробенье и забранье тые вси села моцъ ухвалы посполитой земской, недавно уставеной, слушне могуть быти отняты.

Забралъ тежъ пречечоный воевода Радивилъ безъ жадное королевское данины лѣсы и бори и нивы господарьскіе Городенскіе. Напередъ почавъ отъ двора Большое Калиновки, забралъ тотъ Радивилъ бори, лѣсы и ловы Городенскіе королевскіе на шесть миль ку Городну идучи, алижъ до рѣки Чорной, гдѣжъ поставилъ и збудовалъ на себе дворъ, ловомъ своимъ потребный.

А (*) отъ того двора, надъ рѣкою Чорною учиненого, забралъ потомъ тотъ же воевода бори, лѣсы и ловы господарьскіе Городенскіе на три мили, алижъ до рѣки Супреслы.

Отъ которое рѣки Супреслы тотъ же воевода забралъ повторѣ лѣсы и бори и ловы королевскіе Городенскіе на двѣ мили въ сторону идучи подлѣ рѣки Нарвы.

А рѣкою Нарвою идучи въ гору тотъ же воевода Радивилъ забралъ земли королевской неслушне на пять миль.

А зоставляючи тую рѣку Наревъ забралъ засе тотъ воевода боръ Бѣльскій на двѣ мили, алижъ до границъ шляхетного Яна Шорца, подданого пана Кгаштолтового, идучи въ кругъ, яко бы въ обычай правдивого граниченья Ганезкого.

А тамъ же забралъ на двѣ мили подлѣ рѣки Бобри.

А отъ тое рѣки Бобри пречечоный воевода забралъ неслушне, въ гору идучи, подлѣ Ганезя, перешодши бори и ловы, боровъ и лѣсовъ Добаръ на шесть миль, гдѣжъ только въ полумилю вжо старіе Ганезьки границы были держаны.

Въ тыхъ шесть миляхъ вышейписаныхъ, черезъ тогожъ Радивила неслушне забраныхъ, есть много селъ земянскихъ, правыхъ слугъ наеснѣйшей королевской милости.

А отъ Ганезя идучи рѣкою Бобрею были старіе границы, алижъ до села Забѣлы, выкидаючи на двѣ мили.

А отъ Забѣлы рѣки тотъ же Радивилъ и зъ Забѣлою посполую забралъ тую новую землю недавно выробленую и рѣку речоную Березовую тежъ на милю.

Тая тежъ рѣка Березовая вышейписана завжды отъ початку Городенская была, але черезъ пречечоного воеводу Радивила остаточне забрана зъ земями и зъ лѣсы и боры всими на шесть миль, алижъ до початку рѣки Чорной.

Платеть тежъ каждого году такъ зе-

(*) Сбоку приписано: новые границы забраные.

мяне, яко тежъ и мѣщане и иншіе люди и бортьники и данники каждого году 20 и двѣ бочки меду пресного зъ лѣсовъ и зъ боровъ королевскихъ до Городна и до Бѣльска, посполу и непосполу отъ початку слушащихъ. Которіежъ то бочки меду до комори королевской залежать для боровъ королевскихъ. А такъ неслушне тотъ медъ або тую дань медовую каждого году тые Радивилове беруть, не маючи сами Радивилове жадной наимнѣйшей части лѣсовъ и боровъ Ганезькихъ въ старихъ своихъ границахъ описанья Ганезкого старшого и давнѣйшого.

Хранится тамъ же.

21.

1536. Описаніе части Ганязскаго имѣнія, отошедшей къ королю.

Дѣльница всего добра Ганезкого въ часть пана Миколая Радивила, бискупа Жомойцкого, господарю его милости записаная, выписана, яко есть нижей написано.

И напервѣй село Кнышинъ, нового выробенья, маючи въ собѣ 110 волокъ кмецкихъ, выневши фольваркъ дворный, маючій въ собѣ 15 волокъ поля, нового выробенья. Маеть тежъ война речоного Кореневского, маючого 10 волокъ своихъ войтовскихъ, выневши пречеченые волоки кмецкіи. А надъ то маеть тежъ тое село торгъ гораздъ початый и накритый, але еще недобре справеный. А тамъ же есть дворъ гораздъ збудованъ. А тотъ дворъ маеть свой фольваркъ, яко есть вышей написано. А тамъ суть два ставы заняты надъ рѣкою Яскеръ речоною. Надъ тыми ставы два млыны суть збудованы, одинъ двухъ колъ, а другій млынъ направують трехъ колъ, которій вельми борздо направеть.

Третяя сажавка зъ пречечоныхъ зъ млыномъ третимъ, вжо справеный, съ которого плату 10 копъ на рокъ платеть, поставенымъ на земли королевской черезъ Радивилы, бискупа и его брата Станислава, кгды вжо ся право было почало передъ королемъ его милостью о добра Ганезкіе, пану Кгаштолту до Тыкотина поступлены.

Тежъ надъ иншою рѣкою речоною Нерешлою справленъ есть другій млынъ объ одномъ колѣ, ку Кнышину прислушачій. Тежъ надъ тою жъ рѣкою Нерешлою есть млынъ, съ которого платеть черезъ годъ 10 копъ грошей пану Кнышинскому, вынявши пожитокъ, выходячій зъ муки.

Тежъ кгды ся тое право точило, пречечоныи два браты Радивилове, бискупъ и Станиславъ, зъ ласки и пріезни своей, або тежъ лѣпѣй для тое справы вышейписаное отриманья поступили вѣчне пану Кгаштолту лѣсовъ королевскихъ Бѣльскихъ до Кнышина, до тыхъ мѣстъ держаныхъ и долго осѣлыхъ на пять миль удолжъ, а на ширю на двѣ мили, а индѣ на милю, а индѣ тежъ на полмили.

Тежъ пречечоные два братья Радивилове поступили тежъ тому пану Кгаштолту земли королевской, недавно выробеной, до мѣстечка его Тыкотина отъ земли Кнышинской отдѣленой. То есть села, напередъ: Городище. Шадый Кершъ. Гора зъ млыномъ одного кола. Рудники. Куликовка, въ которимъ суть нинѣ огородники роли свои кмецкіе

стуля выробени. Воля Грегорова. Малиново.

Тежъ осмую весь нового тежъ выробенья даную вѣчне нѣкоторому земянину Гриню на его землянство. Тотъ же земянинъ, съ селы пречечоными и зъ землею своею власною, отъ Радивиловъ первѣй доступеной, въ подданность неповинную пану Кгаштолту есть поступенъ.

Тежъ пречечоныи два братья Радивилове поступили тому пану Кгаштолту некакіе роли войтовскіе отъ войтовства села Добринева первѣй слушачіе ку сѣянью тридцати бочокъ солянокъ. Тежъ пречечоныи два Радивилове поступили вѣчне до Тыкотина пану Кгаштолту млынъ свой Кнышынскій одного кола подлѣ села Байки речоной Нова Весь, а лежачій надъ рѣкою речоною Нерешлою. Тежъ надъ тоюжъ рѣкою Нерешлою, Большою речоною, иншій тежъ млынъ однымъ коломъ тому пану Кгаштолту поступили. Тежъ другій млынъ, тежъ одного кола, надъ рѣкою речоною Сухою Нерешлою справленый, тые два братья Радивилове тому пану Кгаштолту поступили. Тежъ пречечоныи два братья Радивилове, бискупъ и Станиславъ, поступили, кгды ся то право точило еще нескончоно, тридцать бочокъ ку сѣянію тому пану Кгаштолту, взявши напередъ тые поля посполу зъ лѣсы и зъ бори отъ земянъ речоныхъ Вишоватыхъ. Тежъ пречечоныи два братья Радивилове, взявши неслушне нѣкоторіе поля зъ бори отъ дѣдицтва шляхетныхъ зъ Баикъ, дали тыхъ же боровъ и поли пану Кгаштолту.

А тые вси добра отъ Радивиловъ пречечоныхъ, яко речоно есть, кгды ся право точило, пречечонымъ обычаемъ набытые, тотъ панъ Кгаштолтъ собѣ своими власными границами описати на тыхъ мѣстъ поспѣшилъ, ся приворочаючи тые добра до добра своего Тыкоцкого пречечоного въ моць и надѣю вѣчного отдаленья отъ земль королевскихъ и великого князя Литовского нинѣ и напотомъ будучого.

Тежъ новые выробенья на земли королевской Бѣльской вчиненыи: село Долгая Лука, маючая осьмдесятъ волокъ и войта Езофа, десять волокъ поля войтовского маючого, державы князя бискупа Жомоитского зъ дѣлу брацкого. Тежъ село Крипно Новое, тежъ державы бискупей, томужъ войту ку его войтовству подданое. Тежъ селцо Шнипово, маючи осубный свой обрубъ, которое державца плати на рокъ соль за чиншъ рочный подданое присудку тогожъ войта.

Тамъ же поставлено есть одно село особное, съ поданья неслушного пана Миколая Радивила, черезъ шляхетного Миколая Пенского прероБена и осѣлая, маючи дворъ и фольваркъ ему прилучоный, але на земли королевской Бѣльской поставена и вмоцнена, а для того тотъ земянинъ отъ бискупей подданости есть вызволенъ.

Тежъ ты села вышейнаписаные черезъ бискупа Жомойцкого зъ роздѣленья брацкого осѣлы суть здавна, посполу зъ другимъ имѣньемъ вышейписанымъ части бископей, королевской милости недавно записаные, которихъ большая на земли королевской есть справлена. Напередъ Микговиче, маючи въ собѣ 20 волокъ. Тежъ Цышове маютъ 10 влокъ. Тежъ Горностаи 20 волокъ. Тежъ Римдеве маютъ (*) волокъ, соль и чиншъ на Кнышинъ платечи. Тежъ Масеве, тежъ Мейлы, маютъ пять волокъ, службу и чиншъ платечи. Тежъ Олишково маютъ три волоки, службу и чиншъ платеть. Тежъ Колесники маютъ (**) волокъ.

(*) Нѣтъ въ подлинникѣ.
(**) Нѣтъ въ подлинникѣ.

Тыхъ вси пречечоныхъ шляхетный Миколай Пенскій есть войтъ и тежъ державца зъ рукъ пана бискупа Жомойцкого.

А въ селѣ пречечономъ Микговичи одинъ татаринъ осѣлъ, зъ дозволенія воеводы Радивила, двѣ волоцѣ, съ которихъ пану земли ничого не платить, але только дворную службу есть обвезанъ служить.

Тежъ тые два села нижейписаные нового розкопанья, на земли господарьской Бѣльской роскопаные съ слушными служебными людми, тежъ нижейнаписаныхъ осѣлъ панъ Станиславъ Радивилъ.

Першое—Добринево Меншое, маючи въ собѣ волокъ пятьдесятъ, въ которомъ Васко выробникъ того села есть войтомъ; тотъ маетъ особно отъ себе выкопаныхъ пять волокъ войтовскихъ.

Тежъ другое село новое—Большое Добринево, черезъ Лукаша войта зъ нового кореня выкопаное, маючи волокъ кмецкихъ сто, а пречечоного Лукаша 10 волокъ войтовства особно отъ себе выкопаныхъ. Въ томъ селѣ есть костелъ фарный, въ которомъ плебанъ маетъ на пашню свою шесть волокъ особно надъ пречечоные волоки, съ призволенья и съ наданья воеводы Радивила выкопаныхъ.

Подлѣ того села справено было знаменитое озеро, або ставъ, на которомъ есть млынъ, але того ставу греблю розгребъ Хотковичъ, а такъ пусто лежить.

А тамъ же въ тылѣ тое вси Большого Добринева сѣдить на власной и особной своей земли своего выкопанья, съ поданья воеводы Радивила и тежъ зъ его описанья нѣкоторій ловецъ жмойдинъ осочникъ.

Тежъ его сыну речоному Женъ тотъ же воевода даровалъ частю лѣсу королевского, въ которомъ тотъ же Жонъ выкопалъ собѣ десять волокъ черезъ того жъ то воеводу въ моцъ своихъ границъ описаныхъ, съ которихъ пану тое земли ма служиць, яко стрѣлецъ.

Тотъ же Жонъ на пана земли урядъ замковъ кождого году ма служить, абовѣмъ тамъ течеть рѣка Супресла; а въ ней много бобровъ есть ловено.

Тежъ отъ той же вси Добринева идуть великіе лѣсы ажъ до Бѣльска и бори непожиточные, ку осаженью вси королевскихъ потребные, ку скарбу королевскому залежачіе.

Въ тыхъ всихъ всяхъ, новыхъ и старихъ, кмети платеть рочне паномъ своимъ за чиншъ рочный по золотому въ золотѣ Угерскомъ съ каждой волоки отъ нихъ засѣдлыхъ и по одной гуси и по двѣ курицы и по сороку яецъ въ Кнышинскомъ, а въ Ганезскомъ повѣтѣ по 30 яецъ и по дву корцу овса, шесть бочекъ солянокъ вношачихъ.

Тежъ межи границами много селъ пречечоныхъ въ лѣсѣхъ и въ борѣхъ немало еще селъ черезъ выкопанье моглибы быти роскопаны ку пожитку господарскому.

Приворочаючи тежъ черезъ сказанье королевское до скарбу господарьского вси села нового розкопанья межи бори и лѣсы и ловы, такъ Городенскихъ, яко и Бѣльскихъ вышейписаныхъ, ловы оные господарьскіе отъ забранья Радивиловского вѣчне были бы вызволены зъ великимъ пожиткомъ и роскошу наяснѣйшого господаря нашого и потомкомъ его.

Хранится тамъ же.

22.

1536. Описаніе имѣнія Ганязскаго, Раигородскаго, Кнышинскаго и Ваневскаго.

Перьшая часть замокъ Ганязь.

Напередъ къ Ганязю мѣсто Ганязское зъ околнимъ мѣстомъ, а дворецъ Ганязскій съ пашнею того дворца.

А волость всихъ мѣсткихъ Ганязкихъ 100 и 8 волокъ, а огородовъ 112.

Плату зъ волости идеть по золотому, а съ огорода по три гроши, то вчинить огородного плату полъ 6 копы и 6 грошей. Ино съ тыхъ золотыхъ циншовыхъ менцунаромъ и капличникомъ идеть 80 золотыхъ, а войту Ганезкому 10 золотыхъ.

А на замокъ останеть 36 золотыхъ, а золотый по полукопью и по 7 грошей.

Огородного плату полъ 6 копъ грошей, 6 грошей то тежъ на замокъ остало.

Подъ войтомъ Ганязкимъ 3 волоки.

Ку тому тежъ замку къ Ганязю войтовство Калиновское со всими селы Калиновскими.

Сума всимъ волокамъ того войтовства Калиновского полтора ста и двѣ волоцѣ.

А подъ войтомъ Калиновскимъ 15 волокъ.

Монюшково войтовство 60 и полосмы волоки.

Того жъ войтовства Монюшкова подъ служебными полпятынадцаты волоки.

Подъ Монюшкомъ подъ войтомъ 10 волокъ.

Сума волокъ 360 и полтрети волоки.

А войтовскихъ 25 волокъ.

А зъ войтовскими волоками 380 и полъ 9 волоки.

Плату готовизного съ тыхъ волокъ полтретя ста золотыхъ, а зъ огородниковъ мѣсткихъ полъ 6 копы грошей. Къ тому мыто чоповое, торговое, ярмарковое. А особное зъ рибаковъ. Овесъ циншовый, гуси, куры, яйца, съ Калиновки подлѣ давного обычая.

Другая часть Раигородъ.

А ку тому двору къ Раигороду людей 13 служобъ кождого дня служеть, а циншу не дають, только 11 бочекъ овса дають; тыи люди положили есмо за 11 волокъ. А зъ мѣста плату 6 копъ и полъ 2 гроша. А въ возномъ войтовствѣ 8 волокъ осѣлыхъ, на годъ каплану дають по 20 грошей. А 9 волокъ пустыхъ положили есмо за 4 волоки. Жробокъ войть 19 волокъ новоосадилъ. Другій войтъ Рудковскій 8 чоловѣковъ осадилъ. За тую 27 положили есмо 10 волокъ, бо тамъ платъ маеть быти и служба съ тыхъ люди Прускимъ обычаемъ. А ку тому дворецъ Шпаковъ съ пашнею того дворца волокъ осѣлыхъ 24. А съ тыхъ плату идеть зъ волоки по полукопью, усихъ ровнуючи къ тымъ волокамъ учинить 16 золотыхъ и осмь гроши. Къ той же части къ Раигороду прилучили есмо войтовство Забѣльское; а въ томъ войтовствѣ Забѣльскомъ волокъ осѣлыхъ 76. Другое войтовство Долистовское, волокъ въ немъ осѣлыхъ 47. Третье войтовство городничого 103 волоки осѣлыхъ. А тыхъ жо трохъ войтовствъ пустыхъ волокъ 210, съ которыхъ теперь плату нѣтъ. Сума готовизны съ тыхъ волокъ двѣстѣ осмьдесятъ и 2 золотыхъ. А мѣстского плату 6 копъ и 10 грошей. А подъ войтомъ Жбронкомъ 4 волоки, то есмо положили за 2 волоки. А подъ Зеленугою войтомъ осмъ волокъ. А подъ Каркомъ войтомъ 9 волокъ. А подъ городничимъ войтомъ полъ 13 волоки. А войтовскихъ 30 полторы волоки. Сума усихъ волокъ у Раигородѣ триста и полъ 14 волоки. Млыновъ 2, 3 кола. А въ Долистовѣ 4

кола млиновыхъ. Въ той же части на Смовкгѣ рѣчцѣ 2 кола. А въ Ятвези коло.

Третья часть, замокъ Кнышинъ.

Замокъ Кнышинъ зъ войтовствомъ Кнышинскимъ 87 волокъ. А другое войтовство крайчого 54 волоки. А пустыхъ 10 волокъ. Третье войтовство Долгая Лука 84 волоки. А подъ войтомъ Кореневскимъ 10 волокъ. Подъ войтомъ крайчимъ 9 волокъ. А къ тому Соленицкихъ 7 волокъ осѣлыхъ. А пустыхъ волокъ 6 безъ чверти. А подъ войтомъ Долголуцкимъ 10 волокъ. Въ той части 200 сорокъ и осмъ волокъ готовизны, съ которыхъ чиншъ идеть. А къ тому зъ Рудъ 16 копъ грошъ. А подъ войты всего тридцать волокъ безъ чверти. Сума всихъ волокъ въ той части двѣстѣ семдесять и семь волокъ, то есть, съ селми и съ служебными, съ пустыми и зъ войтовскими. А къ той жо части млынъ Мѣлковскій. А другій млынъ на той жо рѣцѣ нижей, коло одно. На другои рѣцѣ на Ясирѣ млынъ справують. А четвертый млынъ на той жо рѣцѣ, коло одно. Пятый млынъ на Лодѣяхъ у Миколая Рудника на Нарви, коло одно.

Четвертая часть, Ваневская.

Волокъ у немъ осѣлыхъ 85. Служобныхъ 7 волокъ осѣлыхъ. Пустыхъ волокъ 18. Войтовскихъ волокъ Ваневского, Бчолчинского, Яковского 11 волокъ. А дворецъ Бокиничи къ той жо части прилучоно земли пашное 5 бочокъ. А Туросенскій дворецъ къ той же части есмо прилучили также зъ землями пашными 10 волокъ. А къ тому земля Ваневская пашная. У Бокиничахъ волокъ 15. А подъ двѣма служобными полъ 4 волоки. А пустыхъ волокъ у Бокиничахъ 7. А къ тому прилучили есмо къ той же части два войтовства Добриневскихъ, а въ тыхъ двухъ войтовствахъ 90 и полъ 4 волоки. А пустыхъ волокъ 20 и полъ 4 волоки. Войтовскихъ 20 волокъ. А Богушовское войтовство къ той жо части есмо прилучили 50 волокъ безъ одное. Сума усихъ волокъ ку Ваневской части, съ которыхъ циншъ ма быть 300 и одна волока. А подъ докторомъ Лисомъ 30 и полъ 4 волоки. А подъ войты 31 волока. А подъ слугами путными полъ 11 волоки. То у той часъ, кромѣ Лиса, положили есмо 386 золотыхъ плату зъ мѣстечка Ваневского 6 копъ безъ 10 грошей. А мыто Богушовсное къ той же части положили есмо за 10 копъ грошей. А млынъ на рѣцѣ на Супраслѣ, къ той жо части къ Ваневу.

Хранится тамъ же.

28.

1536. Раздѣлъ Литовскихъ имѣній воеводини Виленской между ею и ея сыновьями.

Ровность имѣній Литовскихъ межи пани воеводиное ее милости Виленское зъ сынми ее милости.

Перваячасть,КейданиБуйвидишки.

Людей Кейданскихъ, которыи тяглую службу служать и дякла дають, житныи, овсяныи, 60 и 6 человѣковъ. А имена ихъ выписаны у великомъ реистрѣ, дяколъ съ нихъ приходить семьдесятъ и 4 бочки жита, овса таяжъ сума. Куничныхъ пѣнязей 6 копъ безъ 12 грошъ зъ волости, а къ велико-дню съ тыхъ жо людей 2 яловици, по куряти, по 12 еецъ.

Койминцовъ, которыи около двора сѣдять, тыи дяколъ не дають, только службу тяглую служать. А плату ни которого не дають.

А положили есмо сумою дякла житныи и овсяныи: бочку жита по семи грошей, овса бочку по 3 гроши. То учинить 12 копъ и 20 грошей. А семь земль пустыхъ тяглыхъ то за три чоловѣки, такъ есмо положили 2 пустовщины за чоловѣка. А въ мѣстѣ Кейданскомъ домовъ мѣщанъ сто и семьдесятъ и 4 домы. Плату грошового зъ мѣста Кейданского 80 копъ грошей безъ копы капщизныхъ. А зъ рѣзниковъ копа грошей, кромъ серебщизны, коли на нихъ положать. То всего плату съ Кейданъ пріиде зъ мѣста и зъ волости и зъ дяклы сумою 80 копъ и осмь копъ и осмь грошей. Людей всихъ сумою тяглыхъ дяколныхъ и съ Койминцы 80 и 2 человѣки. Бояръ 5 головами. Людей подъ ними 5 человѣкъ. Сума всихъ людей Кейданскихъ зъ мѣстомъ двѣстѣ 66 чоловѣковъ.

Буйвидишки къ той жо части, ку Кейданямъ, прилучили есмо къ тому дворцу семь чоловѣкъ тяглыхъ, съ тыхъ людей ни дяколъ, ни платовъ жадныхъ нѣтъ. Тамъ жо у Буйвидишкахъ пять служобъ людей заставныхъ боярина судеревского Беделевича. Въ тридцати копахъ грошей тыхъ есмо людей въ дѣлъ не ставили; тотъ панъ маетъ сплатити паномъ, кому ся Буйвидишки достануть.

Къ той жо части ку Кейданямъ прилучили есмо дворецъ Ясевскій 19 чоловѣковъ, дякла жита 18 бочекъ, бочку сумуючи по 7 грошей; то вчинить 2 копѣ безъ 4 грошей, што на неводъ дають. А дани меду 10 медницъ, безменъ и 2 воски. Слугъ путныхъ 8. Пашни дворное полтораста бочекъ. Сѣножатей 50 возъ. Къ той жо части ку Кейданямъ дворецъ Дуботолки; людей тяглыхъ къ тому дворцу 23 человѣка; дякла съ тыхъ людей 15 бочекъ жита, сумою за жито вчинить рубль грошей и 5 грошей. Слуга путный одинъ. Пашни дворное 200 бочекъ. Сѣножатей 100 и 20 возовъ, а семь человѣковъ данниковъ Кейданскихъ. Съ нихъ дани 12 пудовъ; пудъ сумовали по 12 грошей, то есть 2 копѣ и 24 гроши. То въ той Кейданской части плату всего грошми пріидеть девеносто копъ и шесть копъ и пятьдесятъ и 4 грони. Сума всихъ людей въ той части Кейданской съ тыми дворцы и селы сто и 40 и два человѣки, кромъ мѣщанъ. А зъ мѣщаны 300 и 16 домовъ.

Другая часть, Упники.

Зъ дворцомъ Жеклинскимъ и дворъ Солы, дворъ Томиловичи, дворецъ Хотенчичи, а къ тому село Камено, село Дорогомичи а дворецъ Турецъ, къ тому Милчи 17 человѣковъ. Зъ Упницкое волости данныхъ людей Упнитцкихъ 80 пудовъ меду. А съ Томиловскихъ людей и зъ Докшицкихъ 33 пуды и полъ безмена; а съ Каменчанъ и зъ Дорогомычъ 30 пудовъ и полпуда; а съ Хотенчицкихъ людей 6 пудовъ; зъ Милча съ половици люди съ сминадцати человѣка 10 пудовъ и 4 безмены. Сумою въ той части 160 пудовъ. Тыхъ людей тяглыхъ Каменчанъ 4 чоловѣки; въ Дорогомычанъ 30 чоловѣковъ; Хотенчицкихъ 20 и одинъ чоловѣкъ съ пустовщинами; Милчанскихъ 17 чоловѣковъ; а другую 17 чоловѣкъ къ Холхлу отлучили. Сумою всихъ людей въ той части триста и сорокъ чоловѣка безъ одного чоловѣка. Плату усего въ той части грошми шестьдесятъ копъ и полтрети копы, сумуючи за медъ, за жито, за овесъ, пудъ сумуючи полъ 12 грошей. Пашни дворное тисяча и двѣстѣ бочекъ. Сѣножатей тысяча и полтараста возъ. Боя-

ринъ одинъ Каризна. Слугъ путныхъ 24, мѣщанъ 20. Доходу намѣсничого зъ Упникъ пять копъ грошей.

Третья часть, Мусники.

Мусники, Митковскій дворецъ, Жырклишки, Андреевскій дворъ, Поляны дворъ, Зебино, а два села Домашковичи, Мытижане, земля Айнаровская съ сѣножатми. А для того есми тую землю къ той части прилучили, што тамъ пашни и сѣножатей мало, нижли въ иншихъ частехъ. Людей усихъ къ тому двору у той части триста и 24 человѣки. Дани медовое зъ Магницкихъ людей 36 медницъ, медница по 20 грошей; а зъ Дубинцовъ 50 пудовъ; съ Полянъ одинадцать медницъ и полъ 2 безмена; а зъ Домашковичъ и съ Мстижа 34 пуды и 2 безмены. Въ той части сумою меду 84 и полъ 4 безмена, а медницами 47 медницъ. Плату грошового въ той части семьдесятъ и 6 копъ и 40 и 5 грошей. Пашни Мусницкое и всихъ дворцовъ тисяча и триста и 15 бочокъ, сѣна осмь сотъ и 60 возовъ. Бояръ 13. Слугъ путныхъ 15.

Четвертая часть, Холхло.

Холхло, Годутишки, дворецъ Петрашковсшкій, Пѣтковскій, Черневскій, Тучинскій, Рудыи, Бѣлки. А то для того убачивши, ажъ тотъ дворъ Холхло землями добре поровнованъ, нижли платы велми малы, а къ тому тотъ дворъ не во впокои отъ непріятелевъ, а иншіи двори у покойномъ мѣстцу лежать. Сума усихъ людей къ Холхлу Холхолскихъ и тыхъ дворцовъ триста и 20 чоловѣкъ. Бояръ 10. Слугъ путныхъ 25. Дани медовое зъ Рудыхъ 85 медницъ; а зъ Милча половины села 10 пудовъ и 4 безмены. Огородниковъ 33 положили есмо за 8 чоловѣковъ тяглыхъ. А сумуючи меду, и жита, и овса, того прійдеть сумою грошми семьдесятъ и полъ 6 копъ. Пашенъ дворныхъ усихъ тисяча и девятъ сотъ бочекъ. Сѣна 2 тисяча и 50 возовъ.

Хранится тамъ же.

24.

1536. Описаніе войтовства пана Пенскаго.

Попись войтовства пана Пенского, людей господарскихъ и села Колодезского.

Слуга путный Леманъ, татаринъ, на двухъ волокахъ сѣдить а служить господарю конемъ. А съ тыхъ волокъ ни одныхъ подачокъ не даеть, толко всегды на кони сѣдить а на войну ѣдеть; а на войну ѣдеть, такъ слушне а гожне, яко на молодца доброго прислушить.

Попись людей тяглыхъ.

Янъ Коромашьковичъ, на волоцѣ, золотый, овса корцей два, гуся, куръ двое, яець двадцать. Янъ Котугталовичъ на полволоки. Степанъ Якубовичъ на волоцѣ. Войтко Кенделѣвичъ на волоцѣ. Юцисъ на полволоки. Петрашь Кенделѣвичъ на полволоки. Демьянъ на волоцѣ. Янели Кенделѣвичъ на волоцѣ. Сидоръ Радоцкій на волоцѣ. Станко Ясколдовичъ на полволоки. Богданъ Ясколдовичъ на полволоки. Станко Корчьмитъ на волоцѣ. Минъ на полволоки. Петко Тупталовичъ на волоцѣ. Янко Мицовичъ на волоцѣ. Павелъ Дашьковичъ на волоцѣ. Станко Дешьковичъ на волоцѣ. Мацко Тимо-

моховичъ на полволоки. Ондрѣй Марковичъ на волоцѣ. Ондрѣй Олѣшьковичъ на волоцѣ. Гринъ Олѣшьковичъ на полволоки. Петръ Пилѣйковичъ на волоцѣ. Войтко Олѣхновичъ на полволоки. Василь Симоновичъ на полволоки. Ходко на полволоки. Игнатъ Олешьковичъ на полволоки. Бартошъ Сенютючъ на полволоки. Сенюта на полволоки. Того жъ села Колодезского волокъ двацать.

Пописъ того жъ войтовства села Горностаева.

Войтко Носовичъ на волоцѣ, золотый, овса корцей два, гусь, куръ двое, яецъ двацать. Янъ Коганцовичъ на волоцѣ. Станко Санцовичъ на полволоки. Степанъ Мартиновичъ на волоцѣ. Никонъ Бондаровичъ на полволоки. Степанъ Жуковичъ на полволоки. Станко Кинѣвичъ на полторы волоки. Петръ Новичъ на полволоки. Василь Бондаровичъ на волоцѣ. Костукъ Саковичъ на волоцѣ. Ондрѣй Мартиновичъ на полволоки. Павелъ Янковичъ на полволоки. Того села Горностаева волокъ девять.

Пописъ того жъ войтовства села Колесницкого.

Янъ Миткѣвичъ на волоцѣ, золотый, овса корцей два, гусь, куръ двое, яецъ двадцать. Ондрѣй Мартиновичъ на трехъ четверьтей волокъ, а четвертька пуста лежить. Юшко Мартиновичъ на полторы волоки. Пашко Мартиновичъ на полволоки. Того села волокъ четыри.

Пописъ того жъ войтовства пана Пенского села Тишовского.

Першько Мостолижичъ на волоцѣ, золотый, овса корци два, гусь, куръ двое, яецъ двацать. Демешь Демновичъ на волоцѣ. Глушко на волоцѣ. Войтко Поляховичъ на волоцѣ. Сухта Мостолижичъ на волоцѣ. Тимошъ на волоцѣ. Сташко Мостолижичъ слуга къ двору, служить конемъ на волоцѣ, золотый, овса, ни куръ, ни гуся, ни яецъ не даеть.

У томъ же селѣ отчичъ Пашко Станковичъ слуга конный, служить господарю изъ дѣдизны конемь збройне, яко прислушить на доброго молодца на шляхту. А подъ нимъ и зъ братомъ тры волоки, не даеть золотый, овса и иныхъ подачокъ и службу тяглое не служить.

Пописъ того же войтовства пана Пенского села Рындевского.

Войшко Соленикъ на двухъ волокахъ, золотыхихъ два, соли бочокъ двѣ, и службы тяглое не служить, и овса не даеть. Петръ Соленикъ на волоцѣ, золотой, соли бочка, овса не даеть. Кришьтохъ Соленикъ на волоцѣ, золотый, соли бочку, овса не даеть.

Того жъ войтовства пана Пенского сума волокъ осѣлыхъ пятьдесятъ и полволоки и чвирть.

На тыхъ волокахъ дымовъ девеносто. Сума золотыхъ сорокъ и полшеста и чвирть золотого. Сума овса циншового семьдесятъ корцей безъ полкорца. Сума гусей тридцатеро и четверо. Сума куръ семьдесятъ. Сума яецъ шестьсотъ и осмьдесятъ и пять еецъ. Того жъ войтовства Пенского осѣлыхъ волокъ шесть. А самъ войтъ пашеть чотыри волоки. Въ тыхъ войтовствѣхъ волокъ полтретинадцати пустыхъ. Того жъ войтовства 20 волокъ отдано Каменицкому. Того жъ войтовства дано на шпиталь четыри волоки; полторы волоки дано за домъ Потоцкому.

Хранится тамъ же.

25.

1536. Ноября 3. Письмо Луцкаго бискупа Хвальчевскаго, Александра Ивановича Ходкевича и другихъ къ королю о томъ, что ими покончено описаніе границъ королевскихъ и Радивиловскихъ между Городномъ, Бѣльскомъ, Ганяземъ и Раигородомъ, Кнышиномъ и Тикотиномъ.

Наяснѣйшій милостивый господару, королю! Ознаймуемъ вашей милости, господару нашему милостивому, ижъ есмо, водлугъ росказанья вашей милости господаря нашого милостивого, на границы Городенскіи и Бѣльскіи зъ Ганяземъ и зъ Раигородомъ, межи господаремъ нашимъ милостивымъ королемъ его милостью молодымъ и паномъ Яномъ Миколаевичомъ Радивиловичомъ, старостою Жомойтскимъ, подчашимъ вашей милости господарьскимъ, вжо выѣздили и на рокъ положоный, яко на завитый, на мѣстцу положономъ становили. И будучи на ономъ року и на мѣстцы положономъ, пана старосту есмо его милость Жомойтского и комисарей его, абы къ намъ на тую справу водлугъ росказанья и знайденья вашей милости выѣхали, обсылали, и сами есмо о томъ зъ нѣкоторыми комисарьми его милости на тотъ рокъ положоный очивисто мовили, и ихъ въ томъ упоминали, абы къ намъ на тую справу были. То пакъ, милостивый господару, якъ панъ староста его милость Жомойтскій, панъ Янъ, такъ тежъ и панове комисары его милости, не вѣдати въ которую прычину, отказали до насъ, ижъ къ намъ ѣхати не хотять, якожъ ани ѣхали ани зъ нами на оный рокъ, яко на завитый, на мѣстцу положономъ были. А такъ мы, наяснѣйшій милостивый господару, на онъ рокъ, яко на завитый, подлугъ комисей и выроку вашей милости господарьского, поступъ права въ той речи учинили, которого жъ поступу нашого послали есмо до вашей милости господаря нашого милостивого, справивши и выписавши актъ подъ печатьми нашими. Ваша милость, господарь нашъ милостивый, всему тому съ того акту нашого достаточне вырозумѣти рачишь; пры томъ тежъ вашей милости, господару нашому милостивому, ознаймуемъ, ижъ што ваша милость мнѣ, Хвальчевскому, бискупу Луцкому, а мнѣ, Александру Ивановичу Ходкевича, старостѣ Берестейскому, а мнѣ, Шимку Мацкевичу, тивуну Виленскому, особнымъ листомъ своимъ господарьскимъ росказати рачили, абыхмо выѣхали и огледали тежъ границъ старыхъ Тыкотинскихъ съ Кнышиномъ, которые былъ небожчикъ панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича, воевода Виленскій, зъ нинѣшнимъ паномъ воеводою его милостью Виленскимъ, паномъ Ольбрахтомъ Мартиновичомъ Кгаштолтомъ, межи тыми имѣньи своими положили, и новыхъ тежъ зася границъ, которые вжо потомъ панъ Кгаштолтъ, по смерти пана Миколаевой Радивиловича съ сынми его, княземъ Миколаемъ, бискупомъ Жомойтскимъ, и зъ братомъ его паномъ Станиславомъ, межи тыми жъ имѣньи ихъ, Кнышиномъ и Тыкотиномъ, ново были положили. Ино мы, милостивый господару, и на тые границы, старые и новые Кнышинскіе съ Тыкотиномъ, выѣздили, и што кольвекъ есмо тамъ очима видѣли и вырозумѣли, то такежъ вашей милости, на спискохъ пописавши, шлемъ. Ваша милость, господарь нашъ милостивый, съ тыхъ списковъ нашихъ всему тому добре вырозумѣти рачишь. Писанъ у Кнышинѣ.

Подъ лѣто Божего Нароженья 1536, мѣсеца Ноября 7 день, индикта 10.

Наменшіе слуги вашей милости, господаря нашого милостивого, комисары зъ руки господаря нашого короля его милости молодого, отъ вашей милости даные: князь Юрій бискупъ Луцкій, а Александро Ивановичъ Ходкевича, староста Берестейскій, а Шимко Мацкевичъ, тивунъ Виленскій, а Балтазаръ Патковскій, судья земскій Бѣльскій, покорне низко челомъ бьють.

Хранится тамъ же.

26.

Послѣ 1536 года. Объяснительная записка Александра Ивановича Ходкевича королевѣ Бонѣ по дѣлу земянина Славскаго о землѣ, о помѣрѣ Кнышинской и по жалобѣ Кнышинскихъ мѣщанъ на притѣсненія отъ Ходкевича.

Наяснѣйшой господарыни нашой милостивой Бонѣ, зъ ласки Божьей, королевой Польской, великой кнегини Литовской, Жомоитцькой, Мозовецкой и иныхъ.

Наяснѣйшая, милостивая господарыне! Што ваша милость рачили до мене, слуги вашей милости, писати о томъ, што земянинъ вашой милости Бѣльскій панъ Славскій зъ имѣнья своего Микитинки нововчинеными границами своими Воли Новой вашой милости Кнышынской Березовои трети поля отнялъ, и ваша милость, господарыня наша милостивая, рачили ему, яко подданому своему, на то литость и ласку свою господарскую вдѣлати, за чоломбитьемъ его рачила ваша милость на томъ зъ нимъ зоставити тому селу Березовой, гдѣ есть пятьдесятъ и три волоки казати вымѣрити и выполнити сполна волоки за нововчинеными границами его. А што бы ся отъ того зостало, ваша милость, яко пани хрестьянская, при томъ его зоставити рачили, якожъ ваша милость въ листѣ своемъ и рокъ мнѣ рачили назначити по святомъ Михалѣ прошломъ святѣ у дву недѣляхъ тамъ на тую помѣру выѣхати съ подкоморымъ Бѣльскимъ. Нижли я, милостивая господарынѣ, на тотъ рокъ къ той помѣрѣ ѣхати не смѣлъ, для злого повѣтрея. А такъ кгды ся ласка Божья стала и тое злое повѣтрее оминуло, я, рокъ пану Славскому на то зложившы, и восполокъ съ подкоморымъ вашой милости Бѣльскимъ паномъ Яномъ Скваркомъ а вознымъ Кгрекгоромъ Писанкою и зо всими войты Кнышинскими тамъ на тую помѣру выѣхалъ и той Воли Березовой, гдѣ пятьдесятъ и три волоки, выполнилъ волоки за нововчинеными границами Славского, займуючи поля и лѣсу до рѣки Березовой на обѣ сторонѣ, яко Славскому такъ и подданымъ вашое милости безъ кривды, и грани въ деревью положилъ и копцы засыпалъ и Воляномъ подалъ. И якъ Славскій, такъ тежъ и Воляне къ той помѣрѣ приступили и то вдячне приняли, повѣдамъ вашой милости: въ Славского поля и лѣсу за тыми новыми границами его отышло къ той Воли вашой милости двадцать и чотыри волоки сполныхъ, каждая волока по три поля. А окромъ того зостало тежъ еще ему по новодѣланы границы его земль,

поль и лѣсу по сей сторонѣ рѣки Микитинки може быти здвое того, якъ што отыйшло теперь отъ него. И ваша бы милость, господарыня наша милостивая, рачила о томъ вѣдати. И естли бы, милостивая господарыне, панъ Славскій вашой милости о то мѣлъ просити, же бы ваша милость рачили казати лѣсъ мокрый, который ся на поля ани на луки не годить, у помѣру пущати, ажъ до самого берегу рѣки Березой, ваша милость не рачьте въ томъ на Волю его здавати, бо я, милостивая господарыне, съ паномъ подкоморымъ, водлугъ тамошнего обычею, мѣру тягнули, лѣсу мокрого, который ся на поля ани на луки не годить, того не мѣрили, дали есмо то подданымъ вашое милости. на дрова. Милостивая королевая, не рушаючи той помѣры теперешней, за ласкою вашой милостью господарскою добре ся и такъ Славскому стало, то панъ есть на ласцѣ вашой милости господарской.

Милостивая господарыне, штотежъ ваша милость рачили мнѣ, слузѣ вашое милости, росказати войтовства вашой милости Кнышинскіи помѣрити, а такъ я, милостивая господарыне, тыхъ войтовствъ вашей милости той осени, для злого жъ повѣтрея, не мѣрилъ, и началомъ былъ той весны, того посту, мѣрити, и одно войтовство Кнышинское змѣрилъ, гдѣмъ волокъ вымѣрылъ суполныхъ и зъ наддавками зъ достаточными польми сто волокъ, такъ яко на волоку прислушы девяносто волокъ на вашу милость а десять на войта. И знашоломъ злишъ околько надцать волокъ и даломъ тотъ злишокъ мѣсту вашой милости Кнышину на платъ вашой милости господарскій, и хотѣломъ вси войтовства вашой милости мѣрити того посту; нижли его милость, господарь король, рачилъ казати до мене, слуги своего, листъ его милости господарскій писати, приказуючи мнѣ, абыхъ конечне на соемъ до пановъ ихъ милости до Вильни ѣхалъ. И по соймѣ скоро, дасть Богъ по святѣ, вси войтовства помѣру, гдѣ будеть вашей милости спожиточнымъ, бо есть тыхъ войтовствъ много, што звышъ держать, нижли съ чого чыншь дають, а такъ въ томъ на мя отъѣжають, и може ваша милость въ томъ мнѣ вѣрити, ижъ справедливе мѣру и достаточныи волоки выдаю. При томъ тежъ, милостива государыне, повѣдаю вашой милости, господарыни нашой милостивой, штожъ довѣдяломъ ся, ижъ подданая вашой милости Пенская, которая отъ вашой милости войтовство Колодезское маеть ркома бы она зъ мужемъ своимъ купила двѣ волоки въ подданого вашой милости, у войтовствѣ своемъ, у слуги путного, который зъ листы и при скарбу вашой милости господарскомъ ѣзжчивалъ, въ татарина вашой милости Лемана, а тотъ Леманъ не мѣлъ жадной моцы тыхъ волокъ продавати, яко то простый человѣкъ. И я тыи двѣ волоки сполныхъ въ ней отнялъ и далъ на платъ вашой милости господарской. Къ тому тежъ подданыи вашой милости то ижъ Пенской войтовства перевели то на Пенскую жъ, ижъ она у томъ жо войтовствѣ своемъ, не вѣмъ въ который обычай, держала подъ собою безъ кождое даты волоку и чверть волоки. И я о томъ еи пыталъ, естли бы она на то дату вашой милости, або небожчика воеводы Виленского, або бискупа Жомоитцкого мѣла. Она повѣдила, ижъ тую волоку панъ Янъ, староста Жомоитцкій, мужу еи далъ, листу тежъ его ани увяжчого въ себе не повѣдила. И я, милостивая господарыне, узнавши то, ижъ она даты ни которой, ани увяжчого листу не маеть, ани пакъ которого

доводу на то не мѣла, тую волоку въ ней отнялъ ку двору вашой милости господарскому Кнышину, и ваша милость рачьте о томъ вѣдати.

Милостивая господарыне, што ваша милость, господарыне наша милостивая, рачила росказати до мене, слуги вашой милости, писати на жалобу подданыхъ вашой милости господарскихъ мѣщанъ Кнышинскихъ, ажъ быхъ я ихъ грабилъ и поля замыкалъ для поклоновъ своихъ и ихъ казалъ збивати и поль имъ достатку не далъ и крывды великіи имъ чинилъ, гдѣ ваша милость, яко пани наша намилостившая, рачила ласку свою господарскую мнѣ, слузѣ вашей милости, вчинити, и жалобницу ихъ рачили ваша милость казати, въ листѣ своемъ господарскомъ зашивши, до мене прислати. Милостивая господарыне, повѣдаю вашой милости, господарыни нашой милостивой, ижъ тыи подданыи вашой милости господарскіи, мѣщане Кнышинскіи, несправедливе мене предъ вашою милостью ожаловали, хотячи мене на ласцѣ вашой милости господарской сказити, якожъ я, милостивая господарыне, не хотячи въ томъ довниманьи вашой милости господарской быти и той славы водле невинности моей по собѣ мѣти, осадиломъ на то людей добрыхъ: подкоморего вашой милости Бѣльского пана Яна Скваркуа, возного Кгрекгора Писанку, а земянина вашой милости Бѣльского Станислава Байку, и войтовъ вашей милости Кнышинскихъ: Лукаша, войта Добрыневского, Миколая Маколинского, войта Кнышинского, Яна, войта Долголуцкого, и рокъ на то мѣщаномъ зложилъ. Милостивая господарыне, на рокъ положоный мѣщане сами по своей доброй воли до мене пришли и судей зъ руки своей земянъ Бѣльскихъ Жаконскихъ мѣли, и я якъ своимъ, такъ тежъ и мѣстцкимъ судьямъ даломъ ся въ моцъ, и што бы они мѣли найти, того мяломъ втерпѣти, гдѣ же, милостивая господарыне, тыи судьи наши обѣюхъ сторонъ во всихъ тыхъ плонныхъ, ане правдивыхъ жалобахъ мѣщанскихъ мене и слугъ моихъ, предъ ними правыхъ, знашли. Которое жъ справы нашое комисаре нашы, обѣ сторонѣ, якъ мои комисаре, такъ и мѣстцкіи и реистръ подъ печатми своими справившы и мнѣ дали, я тежъ тую справу ихъ ку вашой милости, господарыни нашой милостивой, тыхъ часовъ послалъ. Про то я вашой милости, господарыни моей милостивой, покорне а низко чоломъ бью, рачьте ваша милость, яко пани христьянская, ласку и милость свою панскую мнѣ, слузѣ вошой милости, на то вдѣлати и росказати тую справу комисаровъ нашихъ прозрѣти, тамъ ваша милость найдете невинность мою, ижъ тыи подданыи вашой милости невиннѣ мя предъ майстатомъ вашой милости господарскимъ оскаржыли. А естли бы пакъ ся тая справа тыхъ людей добрыхъ видѣла ся подданымъ вашей милости съ крывдою, и я за то вашой милости, панеи нашой милостивой, покорне чоломъ бью, рачьте ваша милость росказати кому есть воля вашой милости господарская, въ той невинности моей мене съ тыми мѣщаны судити. Милостивая королевая, не радъ быхъ, въ которомъ довниманьи вашой милости господарскомъ былъ, и такъ бачу, ижъ тыи мѣщане вашой милости Кнышинскіи за то ся на мя звазнили, ижъ они, яко то ещо права своего Маитьбарского не маютъ и сами себе судять, поборы зъ мѣста и зъ вбожьства берутъ и ихъ вбожать, летровъ досвѣтчоныхъ забіяковъ вмѣстѣ ховаютъ, ижъ я имъ того бороню и то имъ по мнѣ не мило. А

што ся дотычеть, милостивая господарыне, поль, ижъ быхъ я имъ къ мѣсту не выдавалъ достатку, милостивая господарыне, повѣдамъ вашой милости, господарыни нашой милостивой, ижъ я дубровы достатокъ къ мѣсту вашой милости имъ далъ и на волоки розмѣрылъ, и штось мало проробили, а иншіе мѣщане ни починали робити, а на поселенье домовъ и огородовъ поля готовыи на то далъ, и все хотять поль готовыхъ мѣти, а енакжо не мало и выробеного поля даломъ имъ, и, за то ся на мене звазнившы, ку вашой милости, господарыни нашой милостивой, оскарживають, якожъ, милостивая господарыне, што настаршыи мѣщане предъ тыми судьями мовили, ижъ они жадныхъ кривдъ отъ мене, старосты, не мають и къ той жалобницы ся не знали, и повѣдили, ижъ не росказывали Дронку бурмистру тыхъ речей на мене писати.

Милостивая королевая, есть тыхъ збытковъ и непослушенствъ мѣщанскихъ ку мнѣ много, нижли я имъ того терпѣлъ, яко то новымъ людемъ, и зъ никоторою жалобою на нихъ до вашей милости ся не втекалъ, а ни паки имъ въ томъ жадное прикрости не дѣлалъ, для того, же бы они, яко то новыи люди, охотне ся ку осаживаню мѣста збирали, то пакъ они, милостивая господарыне, не маючи жадной бачности на мя, враднпка вашой милости, втекли ся на мя и зъ жалобою невинне ку вашой милости, господарыни нашой милостивой, которую жъ невинность мою рачите ваша милость узнати съ той справы комисаровъ нашыхъ.

При томъ тежъ вашой милости, господарыни нашой милостивой, покорне жалую на мѣщанина вашой милости Кнышинского Дранка, ижъ онъ, не жалуючи мнѣ ани врянику моему тамошнему, безъ кождой причины, упившися, яко тотъ, который завжды своволѣнства своего радъ вживаеть, съ помочники своими дву служебниковъ моихъ въ дому своемъ билъ и ималъ, и не вѣдучи ихъ до казни двора вашой милости ани тежъ до войтовы, въ дому своемъ въ ленцуху и въ путехъ ихъ три дни держалъ и водилъ ихъ по мѣсту окованыхъ въ ленцухохъ, якобы которыхъ летровъ, и надъ то ещо врядпику моему отповѣдь учынилъ. Про то я вашой милости, господарыни нашой милостивой, покорне а низко чоломъ бью, рачь ваша милость ласку свою господарскую мнѣ, слузѣ вашой милости, вчинити и росказати, кому есть воля вашой милости господарская, мене съ тымъ мѣщаниномъ о тую легкость мою и тежъ о невинное иманье и збитье тыхъ служебниковъ моихъ справедливость вчинити, и хто въ томъ будетъ виненъ, нехай бы того, водле выступу своего, втерпѣлъ. А ведже я въ томъ во всемъ давамъ ся на ласку вашой милости, господарыни нашой милостивой. Писанъ на Роси, мѣсеца Марта 29 день. Слуга вашой милости Александръ Ивановичъ Ходковича низко чоломъ бьеть.

Хранится тамъ же.

27.

Послѣ 1536 года. Донесеніе Ивана Горностая королевѣ Бонѣ объ окончаніи платежей королевскими крестьянами Трокскаго воеводства и о бывшихъ при семъ волненіяхъ крестьянскихъ.

Наяснѣйшей господарыни нашой милостивой, зъ Божее ласки, Бонѣ, королевой Польской и великой кнегини Литовской, Руской, Пруской, Жомоитской, Мазовецкой и иныхъ.

Наяснѣйшая, милостивая господарыне! Што господарь нашъ, король его милость, и ваша милость, господарыня наша, рачили росказати мнѣ, слузѣ своему, абыхъ я, списавши люди вси, подданыи вашой милости, воеводства Троцкого, и платы вси на реистрахъ ку вашой милости послалъ, я, милостивая господарыне, на росказанье вашой милости працоваломъ ся о томъ мало не около десяти недѣль и давно быхъ въ томъ вашой милости вѣдомо далъ и тотъ попись вчинивши, реистра послалъ; нижли, милостивая господарыне, то ся дѣеть не за моею недбалостью, але за непослушенствомъ и тутежъ за убожствомъ подданыхъ вашой милости, яко на волость вашой милости Впитскую, которая есть около сорока миль отъ Троковъ, посылаломъ трикротъ дьяковъ своихъ, абы попись тому вчинили, ледвы зъ великою працою могли подданыхъ вашое милости и тыи платы пописати, а тымъ людемъ и платомъ водлѣ, росказанья вашой милости, попись есми вчинилъ. А што ся дотычеть тыхъ иныхъ дворцовъ, прислухаючихъ къ тому воеводству, тамъ тежъ есми подданыхъ вашое милости пописалъ, нижли есть великое убожство и тыхъ троха; въ которыхъ же дворцохъ въ нѣкоторыхъ и пашню есми засѣялъ о сто бочокъ зъ гумна и дяклы тамошними, што ся троха было остало; бо еще передъ моимъ пріѣздомъ врядники небожчика князя воеводы его милости тыи дякла были выбрали съ тыхъ дворовъ Троцкихъ; а въ иныхъ дворцахъ, милостивая господарыне, нечого и сѣяти, зерняти одного не зоставили, все вывезли вонъ, и самъ не маю ся, чимъ поживити. А што ся дотычеть Грезское волости, которая волость на другую сторону подъ Случескъ отъ Троковъ больши сорока миль, тамъ тежъ есми посылалъ служебниковъ своихъ о тотъ попись по два и по трикротъ, абы подданыи вашое милости сами себе и платы воеводины списали и дань вашое милости господарскую. И они, милостивая господарыне, жадною мѣрою пописати ся не хотѣли и слугъ моихъ перебили а жадного куса у волости писати не дали. Не жаль бы ми, милостивая господарыне, коли бы отъ кого иного, не отъ таковыхъ простыхъ хлоповъ таковоей легкости своее терпѣти, чого бы и не вѣмъ, хто не смѣлъ вчинити. А тыи хлопи таковое непослущенство ку вашой милости и ку мнѣ, посланцу вашой милости, чинять, а сами себе писати ани плату жадного пѣнязя выдати не хотѣли и до сихъ часовъ. Ваша милость рачьте мя навчити листомъ своимъ послати моцне того старца взяти до казни вашой милости и ихъ пописати, чили пакъ бы то свято а судъ на второмъ, нижли, милостивая господарине, што ся тычеть плату съ тое волости Впитское на воеводу и на его врядниковъ, который на нихъ недавно уставенъ есть отъ пана Григорья, вое-

воды Троцкого, бо передъ тымъ того николи небывало, только дань медовая а дякла овсяныи а куничныи и пѣнязи давано, а сто копъ грошей сѣнныхъ пѣнязей а сто копъ посѣдныхъ, а кромъ того больши ничого съ ихъ не было. А потомъ панъ Григорей почалъ имъ новину чинити и врядниковъ своихъ тамъ всылати и тотъ платъ непобожный, грѣшный, на нихъ положилъ. И мѣли тыи пѣнязи давати, а намѣстники не мѣли въѣжчати, гдѣжъ теперъ того плату на самого воеводу и на его врядниковъ, совсимъ про все на кождый годъ выбираючи, прійдетъ съ тое волости мало не полторы тисячи копъ грошей. Которыи платы розложены на три роци съ тое волости выбирати: первый о Матцѣ Божей первой и послѣдней а о Божемъ Нароженьи, а третій о Святомъ Юрьи вешнемъ. И што ся тычеть, милостивая господарыне, того плату, который идеть съ нихъ о Матцѣ Божей первой а послѣдней, то врядники князя Костантиновы выбрали передъ моимъ пріѣздомъ за колько дней и съ тое волости повывозили, а иншое, милостивая господарыне, тотъ останокъ я съ нихъ выбралъ на себе, слугу вашой милости. Тымъ же если и справовалъ себе и вже тотъ платъ прошлый весь съ нихъ выбранъ, нижли, милостивая господарыне, теперь о Божемъ Нароженьи маетъ плату съ нихъ прійти на воеводу полтретя ста копъ грошей а триста бочокъ овса. Къ тому зъ Грезска и съ Курсіевское волости по нѣкольку десять копъ грошей. Которого всего плату со всихъ тыхъ часовъ о Божемъ Нароженьи на воеводу прійдеть вышей трехъ сотъ копъ грошей, къ тому триста бочокъ овса. Атакъ, естли бы на то воля а ласка вашой милости была мене, слугу своего, для мѣшканья у двора успомочи, бо тотъ доходъ николи на вашу милость не приходилъ, а кождый, хто отъ вашой милости на мѣстцы воеводиномъ бывалъ, тотъ тыи доходы на себѣ выбиралъ; такъ же и мнѣ рачьте росказать тыи доходы выбрати. И естли бы на то воля вашой милости была, ваша милость рачьте казать о томъ до мене отписати и мнѣ въ науку свою дати не мѣшкая воеводѣ тыи платы оставити, або на вашу милость, чили пакъ на себе ихъ выбрати, я все такъ вчиню водлѣ воли и росказанья вашой милости. А тыхъ часовъ, милостивая господарыне, выписавши доходы зъ реистровъ на списокъ всихъ дворцовъ и волостей Троцкихъ и платовъ, кромъ Грезское волости, которыи ся не дали писати, послаломъ до господаря, нашого короля, его милости и до вашой милости, господарыни нашое милостивое: ваша милость рачьте росказать пану Коптю писарю тыи списки передъ себе принести и зъ нихъ зрозумѣти, колько есть всего плату съ того воеводства Троцкого. Большіи реистра зоставиломъ при великихъ реистрехъ вашой милости земскихъ, ваша милость, господарыне наша милостивая, рачьте о томъ вѣдати. Писанъ у Троцѣхъ, Ноября 15 день. Наменьшій слуга вашой милости, господарыни нашое милостивое, Ивашко Горностай низко чоломъ бьеть.

Хранится тамъ же.

28.

Послѣ 1536 г. Объяснительная записка Александра Ивановича Ходкевича королевѣ Бонѣ по дѣлу Яна Николая Радивила, Жмудскаго старосты, о жалованной грамотѣ великаго князя Александра.

Наяснѣйшей господарыни нашой милостивой Бонѣ, зъ ласки Божей, королевой Польской, великой кнегини Литовской, Руской, Пруской, Жомоитцькой, Мазовецкой и иныхъ.

Наяснѣйшая наша милостивая господарыне! Што ваша милость рачили казати до мене, слуги вашое милости, писати, штожъ панъ Янъ Миколаевичъ Радивилъ, староста Жомойцкій, прысылалъ ку майстату вашей милости господарскому, оповѣдуючи то, яко быхъ я не водлѣ привилья его тотъ кгрунтъ земли верхъ Нерешли ему поступовалъ, который отець его на короли Александрѣ его милости выслужилъ, и такъ вашу милость справуеть, абыхъ ему штось мало той земли поступовалъ. И пишете ваша милость, абыхъ о томъ ку вашей милости отписалъ, якъ много волокъ я ему на онъ часъ поступовалъ. Наяснѣйшая, милостивая господарыне, кгды ваша милость рачила мнѣ росказать тотъ кгрунтъ земли пану старостѣ Жомойцькому, водлѣ привилья его, поступити, рачили ваша милость оного часу и копѣю привилья его мнѣ дати и расказати, абыхъ я водлѣ привилья его ему тотъ кгрунтъ земли завелъ и поступилъ. А такъ я, милостивая господарыне, на росказанье вашей милости господарское, посполъ съ паномъ Янюмъ Скваркомъ, подкоморымъ, и возными Бѣльскими, и къ тому тежъ мяломъ и зъ собою сторону земянъ вашей милости, тотъ кгрунтъ земли ему поступовалъ и заводилъ, яко у привильи его есть описаны границы, и тую справу и тежъ сторону мою, которуюмъ и зъ собою мялъ, ставиломъ на замку вашой милости въ Бѣльску и въ книги замковыи то увелъ. А панъ Левицкій скоро по службѣ земской мѣлъ то въ земскіи книги увести, бо на тотъ часъ книги земскіи были для службы земское замкнены, а то тежъ заховываетца, ижъ изъ замковыхъ книгъ въ земскіи книги уводять. И надъ то еще отъ тое стороны взяломъ листъ подъ печатьми ихъ, въ которомъ листѣ ихъ описуеть тыи границы, по которымъ то я тотъ кгрунтъ земли верхъ Нерешли служебнику пана старостиному Матіясу поступовалъ. А такъ я вашой милости, господарыни нашой милостивой, то повѣдамъ, ижъ я пыталъ о томъ войта Калиновского, служебника пана старосты Пинского, и людей вашей милости тамошнихъ старцовъ, яко того кгрунту земли много пану старостѣ поступовали. Они повѣдили: шестьдесятъ и двѣ волоки суполныхъ осѣлыхъ на трои поля, а окромъ того три волоки пустыхъ. А тыхъ, которіи суть не зуполны, осмьнадцать волокъ и три чверти. Двои поля въ томъ кгрунтѣ ку сторонѣ старосты Жомоитцкого; а третіи поля, за границою его, за рѣкою Калиновкою, отыйшли въ сторону вашей милости. Къ тому тежъ плебанеи Калиновское чотыри волоки у границы пана старосты Жомоитцкого. А при тыхъ тежъ волокахъ фольварковыи поля: одно поле подлѣ ставу Шпаковского, на которомъ ся сѣе на одно лѣто пятьдесятъ бочокъ солянокъ; а другое поле, которое зовуть Кореневского по-

ле, на сюю зиму посѣяно на немъ сорокъ бочокъ; третее поле подлѣ села Бакгно може быти на десять бочокъ. Тыхъ всихъ трехъ поль фольварковыхъ може быти на сто бочокъ, бо, милостива господарыне, трудно ихъ мѣрити, для того, ижъ тыи поля суть круговинами по розну не въ одномъ мѣстцы, о которыхъ же я волокахъ ещо много часу, кгдымъ тотъ кгрунтъ земли пану старостѣ поступовалъ, ку вашей милости тую справу мою достаточне отнималъ, который жо листъ мой внимали и теперь у вашой милости есть. Которого жъ писанья моего перьшого и теперешнего рачите, ваша милость, тому достаточне вырозумѣти, и тежъ рачите, ваша милость, писати, штожъ господарь, король его милость, Вторый Жикгимонтъ, пану старостѣ далъ листъ до мене, абыхъ ему того кгрунта земли, водлѣ привилья его, поступилъ; и ваша милость рачьте казати на тотъ часъ пана Корытцкого, судью Бѣльского, и пана подкоморего и возныхъ Бѣльскихъ и тежъ сторону къ тому мѣти, и предъ нимъ быхъ ему то поступилъ, што привилей его несеть. Милостивая господарыне, водлѣ росказанья вашой милости тыхъ цановъ къ тому часу обошлю и буду ихъ мялъ и водлѣ привилья его по тымъ границамъ и врочищамъ, по которымъ я перво поступовалъ, и теперь тежъ потуль буду поступовати. Лечъ ещо панъ староста о то до мене не присылалъ, а кгды пришлеть, я, водлѣ росказанья господарского, буду ся въ томъ справовати, яко навука его милости будеть.

А што ваша милость рачили мнѣ росказати фольварка вашой милости Кнышинского жито молотити на сплавъ, и я, милостивая господарыне, водлѣ росказанья вашой милости господарьского, жита молотити и цаморъ возити казалъ. И вже то справлю, и водлѣ росказанья и воли вашое милости панское то ся наполни.

Што тежъ ваша милость, господарыня наша милостивая, рачила росказати писати, приказуючи, абыхъ я тыхъ границь и копцовъ боронилъ, которыи суть вашой милости отъ Ганезя черезъ пановъ комисаровъ положены, и не далъ быхъ пану старостѣ черезъ границы переходити. Милостивая господарыне, я на то великую чуйность мамъ и того моцно бороню и стерегу. И теперь суть границы и копцы цѣлы и не тыле на пядь, але на полпальца земли вашое милости никому не поступилъ и пильне того стерегу. Ваша милость, господарыня наша милостивая, рачи о томъ вѣдати. Писанъ на Мыши, Генварь 3 день. Слуга вашой милости Александръ Ивановичъ Ходковича, низко чоломъ бьеть.

Хранится тамъ же.

29.

1540 Мая 4. Запись князя Василья Ивановича Солоперецкаго Покровскому Солоперецкому монастырю.

Се я князь Василей Ивановичь Соломирицкій приписую тыи люди, што есми купилъ у Вашенцович су 30 копа къ церкви Божей манастырю Покрову Пресвятой Богородицы въ Соломиричу, гдѣ родители мои лежать. А естли тыи люди мои выметь. . . . , ино за тую тридцать копъ грошей мають

индѣ гдѣ люди купити и къ тому тежъ манастырю въ Соломиричи тыи люди привернути. А то все чиню тымъ собѣ память и родителемъ моимъ на вѣчно. А не маеть жадинъ сынъ мой тымъ манастыремъ расправляти, ани которымъ ся обычаемъ уступати, только жона моя Ганна. А по своемъ животѣ, маеть жона моя тотъ манастыръ полецати у въ опеку съ тыхъ моихъ сыновъ одному которому нашому сыну, видячи водлѣ годности охотнѣйшого ку церкви Божей, на вѣчную память мнѣ и родителемъ моимъ. А естли бы некако хто съ того выступить, або будетъ перекажати, тотъ будеть со мною судъ мѣти на второе пришествіе передъ Богомъ. А мають тыи люди вышеписаны и къ тому манастырю и съ подводами, и съ дякломъ, на которую колвекъ работу игуменъ повернеть; ани намѣстникъ Соломирецкій безъ бытности жоны моее, а, по животѣ жоны моее, сынъ нашъ, маючи тотъ манастырь у опецѣ, не маеть тыхъ винами карати людей; единъ игуменъ того монастыря маеть ими справовати, во всемъ судити и рядити и винами ихъ карати. А намѣстникъ нашъ у Соломиричи не маеть ихъ ни судити, ани рядити и ни чимъ ся не уступати; бо и серебщизну игуменъ же на тыхъ людехъ маеть брати. А для всякого свѣдомья и вѣчное твердости, тое нашо приданье вышеписаное вписали есмо у Евангеліе напрестольное въ манастыри нашомъ Покрова Пресвятое Богородицы. А не маеть того приданья моего жона моя Ганна, ани дѣти наши ни которымъ обычаемъ рушити, хотя бы и тотъ Ивашенцевичъ тыи люди вышеписаныи выкупилъ борздо по животѣ моемъ. Ино нихто не маеть тыми пѣнезми тридцатма копами грошей користовати. Лечь ты пѣнези мають на вѣчныи часы церкви Божей служити манастырю нашому Покрова Пресвятое Богородицы въ Соломиричахъ. А хто тое нашо приданье отъ того манастыря рушить, рушь того самого Богъ и Пресвятая Богородица въ сій вѣкъ и въ будущій. Писанъ въ лѣто 7048, мѣсеца Марта 4 день, индикта 13.

Запись эта находится въ рукописномъ Евангеліи, хранящемся въ Богоявленскомъ Кутеинскомъ монастырѣ. Въ этомъ Евангеліи въ началѣ каждаго Евангелиста сдѣлано живописное украшеніе въ видѣ сложной арабески, переплетенной по угламъ цвѣтами, заглавіе писано четырьмя красками и заглавная буква во всю страницу. Вышеприведенная запись помѣщена на двухъ сторонахъ чистаго листа передъ Евангеліемъ отъ Луки. Datum *переходитъ на первую страницу Евангелія отъ Луки. Подлинникъ ея писанъ съ титлами и сокращеніями. Мы имѣли эту запись въ спискѣ, сообщенномъ А. В. Рачинскимъ.*

30.

1545 г. Кабальная запись Грина Петровича на себя и на сына.

Я, Гринъ Петровичъ, и зъ сыномъ моимъ Лукашомъ. Вызнаваемъ сами на себе симъ нашимъ листомъ кождому доброму, кому будеть потреба того вѣдати. Штожъ прышолъ есми доброволъно служити пани Катерынѣ Миколаевой Яновича и сыну ее милости пану Яну. И дали ихъ милость намъ зъ до-

момъ и землею Мацютиною и зъ статки домовыми и зъ житомъ засѣянымъ. И маемъ ихъ милости до смерти нашое служити, якъ ихъ милость розкажуть. А я Гринъ ани сынъ мой не маемъ зъ того дому прочь пойти, ихъ милости чоломъ не ударивши. А если быхмо, не учтивши ихъ милость пана Яна и паню Катерыну, прочь зъ того дому пошли, тогды маемъ ихъ милости тую головщизну, которую жъ для брата моего Яргеля и для мене, людемъ пана Третьяковымъ одпустить и вси наклады и домовы речи добре заплатити, кромъ жадного права. А гдѣ мене або сына моего нашодшы и подкавшы, моцно маеть поймати кромъ жадного вижа и до тыхъ часовъ держати, поки мы ихъ милости тые вси шкоды и наклады заслужимъ, або заплатимъ. А пры томъ были люди добрые Станиславъ Муствиловичъ, быдля Янъ Янушовичъ, Матей Григоровичъ. А, для лѣпшое справедливости, я Гринъ и зъ сыномъ моимъ Лукашомъ били есмо чоломъ тымъ паномъ вверху писанымъ о ихъ милостей печати, и ихъ милости на чоломбитье нашое рачили свое печати приложити къ сему нашому листу. Писанъ въ Мейшоголи. Подъ лѣто Божого Нароженья 1545.

Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

31.

1546 г. Августа 3. Границы между великимъ княжествомъ Литовскимъ и Короною Польскою въ концѣ первой половины XVI вѣка.

Лѣта Божего Нароженья 1546, мѣсеца Августа 3 день, у волторокъ, индиктъ 4. За росказаньемъ господаря короля его милости великаго князя Жикгимонта Августа, Васильемъ Тишкевичомъ а Войтехомъ Ленартовичомъ стался пописъ границъ и шкодъ межи великого князства Литовского и Коруны Польское.

Обводъ Коруный.

Напервѣй отъ Берестейского повѣту двора и мѣстечка Воиня, а съ Коруны Польское, отъ Парцова, зъ имѣнья земянъ повѣту Любельского, Андрея и Едама Бранецкихъ. Напервѣй тые-то Бранецкіе оказали початокъ быти границы имѣнью своему зъ великимъ князствомъ рѣку Бранку, которая идетъ отъ Воиня, отъ мѣста великого князства, у млынка плебана Воинского, который млынокъ тужъ, подлѣ мѣста Воиня. И повѣдилъ панъ Андрей Бранецкій, ижъ тотъ млынокъ Воинцы держать отъ тридцати лѣтъ; потомъ тотъ же Андрей оповѣдилъ, ижъ тотъ млынъ Воинцы держать отъ двадцати и шести лѣтъ; а въ третій разъ повѣдили (*) отъ двадцати лѣтъ, и менили собѣ великіе забійства, драпежства, бороначи своее властности отъ людей зъ великого князства Литовского, и реистръ шкодъ своихъ передъ нами оказывали. И повѣдили Бранецкіе, ижъ король его милость рачилъ росказати старостамъ своимъ, абы насъ ото всихъ наѣздокъ, забійства, грабежовъ и ото всихъ крывдъ отъ людей великого князства боронили, и къ тому выводечи свою справедливость ку большому свѣ-

(*) т. е. Бранецкіе.

децтву того ставили шесть свѣтковъ, шляхтичовъ, людей старыхъ, и сами тые Бранецкіе зъ оными свѣтками готовы были ку прысезѣ.

Тутъ же стоячы, два земянины Луковского повѣту Едамъ Кгутъ а Петръ Туровскій оповѣдали, ижъ дей тутъ же пришла земля наша Луковская до того млынка, до рѣки Бранки.

Зъ великого князства врадникъ Воинскій, на имя Сума, съ подданными господарскими Воинскими повѣдили, ижъ то есть кгрунтъ зъ вѣковъ вѣчыстыхъ великого князства по обѣимъ сторонамъ тое рѣчки, и не Бронкою ее зовуть, але зовуть ее Воинкою, а нижей впала у Бронку рѣчку, а млынокъ тотъ въ томъ мѣстѣ стоитъ уже отъ дву сотъ лѣтъ у во покои, а былъ то млынокъ хлопскій, на имя Яголчинскій, и потомка того Яголки становили, оповѣдали тежъ того млынка и пали згнилые, ижъ тамъ першіе млыны бывали, и доводъ на то ставили людей добрыхъ старыхъ, бояръ, мужовъ сугранныхъ многихъ. И повѣдилъ тежъ тотъ же врадникъ Воинскій, ижъ дей тотъ млынокъ на той рѣчцѣ на Воинцѣ приданъ есть зъ ласки господарское плебану Воинскому отъ шести лѣтъ, яко господаръ король его милость фундовалъ костелъ у Воинѣ, гдѣ жъ врадникъ и люди Воинскіе и зъ свѣтками готовы были присягнути.

А што ся тычеть шкодъ ихъ и забійствъ, на то врадникъ и люди Воинскіе повѣдили, ижъ мы жадныхъ шкодъ и забійствъ имъ не чинили и къ тому ся не знаемъ, але намъ многіе шкоды отъ нихъ стали, о которые шкоды свои будемъ мовити на мѣстцу, гдѣ оповѣдати будемъ границы свои.

Бранецкіе отъ того прудка, отъ рѣки, которую менили быти Бронкою, а зъ другое стороны Воиня не менили быти Воинкою, повели насъ черезъ поля, волоки займаючы о плотки мѣста Воинского, и черезъ кустовья и дубровки, яко бы на милю, и оповѣдали, ижъ по праву то есть корунно, а по лѣву великое князство. И ѣдучи черезъ поле, оповѣдали Бранецкіе, яко бы мѣлъ имъ быти копецъ посредъ поля росконанъ, а знаку жадного нѣтъ. И ѣдучи черезъ тые поля и кустовья, жадныхъ тежъ знаковъ не оказали, ажъ до трехъ копцовъ, которые менять быти угольницами. И повѣдили, ижъ то копецъ одинъ Парцовскій зъ Воинемъ, другій Бранецкій зъ Воинемъ, третій Копеинскій зъ Воинемъ, а Копейная зъ Воинемъ великого князства. Едно бачили есмо, ижъ одинъ копецъ цѣлый есть, а два повѣдили, яко бы мѣли быти розсыпаны отъ Воинянъ, тыхъ двухъ копцовъ знаковъ мало.

Тые жъ панове Бранецкіе повѣдили, ижъ привилей короля Владислава на тые границы нашъ естъ у пана Петра Копеинского, у земянина великого князства Литовского, который прывилей замыка границу Бранецкую съ Копеинскою.

Петръ Копеинскій, земянинъ великого князства, повѣдилъ: мамъ я привилей, але не Бранецкіе, едно свой на свою отчизну, и будеть ли часъ, тогды его оважe.

Врадникъ Воинскій Сума, зъ людьми Воинскими, повѣдили, ижъ яко есмо первѣй того повѣдили, ижъ то есть ставокъ на рѣцѣ, которую Бранецкіе менять быти Бронкою, а Воинцы называють Воинкою, плебана Воинского, даный отъ короля и великого князя его милости господаря нашого милостивого, а такъ што Бранецкіе повѣдають, якобы посередь поля мѣла быти граница ихъ, куды они вели, того копца не было никгды, и тые поля и кустовье и дубровы по обѣимъ сторонамъ все

есть великого князства Воинское, и теразъ то суть волоки Воинскіе, а въ держанью стародавномъ а звѣчыстомъ завсегды въ покойномъ мають.

А што се тычеть копцовъ тыхъ трехъ, которые менують угольницами быти, то есть копцы не граничные зъ великимъ князствомъ. Едно выѣждчалъ панъ староста Берестейскій, панъ Александро Ходковичъ, воевода Новгородскій, за росказаньемъ короля его милости, и тые копцы казалъ усыпати Войняномъ отъ Копеянъ, земянъ великого князства, а тому есть семь лѣтъ. А на вси чотыры стороны отъ тыхъ копцовъ то все есть великого князства Литовского къ Воиню, а тые два копцы, которые Бранецкіе менять быти, яко бы Воиняне мѣли роскопати тые копцы, не Воиняне розсыпали, але панъ воевода Судомирскій, панъ Тенчынскій, староста Парцовскій, выславши казалъ роскопати не тыле одны тые два копцы, але и иншые копцы Воинскіе казалъ его милость панъ староста Парцевскій розсыпати, которыхъ знаки слушны есть.

Панъ воевода Судомирскій, панъ Тенчинскій, черезъ прокуратора своего Яна Гришковского, судью Луковского, оповѣдити рачилъ, ижъ тые копцы нарожные Парцовскіе не суть розсыпаны зъ росказанья пана старосты, ено отъ Воинянъ и иншые большъ, которые укаже, ижъ ту есть пры тыхъ нарожникахъ стѣна Парцовская.

Тутъ же стоячы, на томъ же мѣстцу его милости пана воеводы Новгородского, старосты Берестейского, пана Александра Ходковича, земянинъ господарскій, подстаростій Берестейскій, панъ Иванъ Яцыничъ, оповѣдилъ именемъ пана воеводы его милости Новгородского, ижъ то есть копцы сыпаные, за росказаньемъ короля его милости, за выѣханьемъ его милости пана моего, ижъ его милость господарь розказалъ Воинцомъ отъѣхати межы земяны его милости Копеинскими, а не есть то стѣна Парцовская, але есть то со всихъ чотырехъ сторонъ великое князство Литовское, а многіе тутъ копцы были засыпаны, которые его милость панъ воевода Новгородскій росказалъ усыпати межи подданныхъ господарскихъ великого князства, ено врадникъ Парцовскій тые копцы казалъ пороскопывати, и готовъ я теперъ, врадникъ пана моего, до тыхъ знаковъ роскопаныхъ привести.

Потомъ отъ тыхъ трехъ копцовъ угольныхъ панове Бранецкіе повели просто къ дорозѣ, которая идеть зъ Воиня до Глинного Стоку и оказали копцовъ десеть, одинъ за другимъ роскопаны, менячы ихъ быти межы имѣньемъ Сухое Воли на полдень, а межы Бранецкихъ на заходъ солнца, менячы то быти на обѣдвѣ сторонѣ Коруны Польское, и оповѣдили ся, ижъ тые копцы розсыпаны отъ Воинцевъ.

Врадникъ Воинскій Сума и зъ людьми Воинскими къ тому ся знали, ижъ тые копцы розсыпали, а то въ тотъ обычай, ижъ панъ воевода Судомирскій росказалъ сыпати копцы по властнымъ землямъ на кгрунтъ великого князства двора Воинского. И мы жаловали королю его милости и пану старостѣ Берестейскому, и тые копцы есмо розсыпали за вижомъ пана старосты Берестейского, яко жъ листъ господарскій и листы пана воеводы Новгородскаго на то оказывали, ижъ, за тыми листы и за росказаньемъ господарскимъ, тые копцы роскопали. И оттуль засе повели насъ Бранецкіе черезъ дуброву ку дорозѣ, которая идеть отъ Бранецкихъ до Парцова, и оказали намъ копцовъ осмъ, то вжо всихъ

осмнадцать. И повѣдили Бранецкіе, ижъ тые копцы росконали Воинцы. И Воинцы се ку тому знали, ведлѣ первого описанья, и повѣдили, ижъ тому тры годы, яко были всыпаны, а тры годы яко розсыпали; а на оной сторонѣ дороги, што оны повѣдають, якобы мѣли копцы розсыпаны быти, мы ся ку тому не знаемъ, и тыхъ копцовъ есмо не роскопывали. И повѣдали Бранецкіе, ижъ потуль вже есть граница наша.

Обводъ Великого Князства.

Мѣсеца Августа 4 день, назавтрѣе, въ середу, индиктъ 4. Початокъ границъ великого князства двора Воинского повѣту Берестейского.

Напервѣй повели врадникъ Воинскій Сума и подданые великого князства Воинскіе отъ Бѣльска болота, границъ пана Забрзенского Межырѣцкихъ, болотомъ до Луцова ставка, отъ Луцова ставка черезъ гребелку до рѣки Бронки, гдѣ впадываеть Воинка въ рѣку Бронку, а Бронкою рѣкою до Городища. И кгды были на Городищу, тогды врадникъ Воинскій, ставшы на Городищу, повѣдилъ, ижъ то есть на той сторонѣ рѣчки повѣтъ Луковскій, а тое Городище кгрунтъ есть великого князства Воинскій, и поля тые, которые суть около него и зъ стороны Воинское, то есть все Воинское. И готовъ былъ врадникъ Воинскій того доводомъ доводити свѣтки, людьми добрыми, шляхтою, и передъ нами ихъ ставилъ, и прысегами поправити хотѣлъ.

И на томъ тежъ Городищу съ Коруны польское Андрей Бранецкій зъ братьею своею оповѣдилъ, ижъ тотъ кгрунтъ Городищо, на которомъ ваша милость стоите, есть властная отчызна наша, гдѣ дѣдъ нашъ седѣлъ, на имя Сребро, и часу войны, кгды Литва съ Коруною вальчыли, тогды тотъ замокъ Литва спалила, и поля тые, которые суть коло него, наши. И того хотѣли доводомъ довести.

Потомъ зася отъ того Городища вели насъ Воинцы подлѣ рѣчки Бронки, и менили тую рѣчку собѣ быти границею. И недалеко отъѣхавшы, повели насъ влѣво, долиною, до дороги, менуючы быти поправу землю коруны польское, а полѣву великого князства Воинскую. А оттуль вели насъ до гребли, до ставку, который ставокъ прозывають Кокорецкій, и противку того ставка указали намъ на другой сторонѣ дороги селище. И повѣдили Воинцы, ижъ тотъ ставокъ Кокорецкій и селище было чоловѣка Воинского, на имя Кокорека, которого потомки и теперъ есть у Берестьи.

На то Бранецкіе повѣдили, ижъ што Воинцы менують быти рѣку Воинку, тая рѣчка не есть Воинка, але Буеновка, которая впала въ рѣчку у Бронку. А што ся тычеть оного ставку Кокорецкого, то есть ставокъ нашъ, до которого ставку хлопъ Кокорейка за чотыры корцы жита греблю засыпалъ.

А потомъ отъ того ставку вели насъ черезъ поле до стоку. И будучи на томъ поли, вказали Воиняне крыжъ, и повѣдили, ижъ на томъ мѣстцу забили Бранецкіе чоловѣка Воинского, который жито свое жалъ на властности своей, и о путь двухъ чоловѣковъ Воинскихъ забито на томъ же мѣстцу.

Бранецкіе на то повѣдили: правда, ижъ забито одного чоловѣка тамъ, ѣдучи зъ ярмарку, а о тыхъ не вѣдаемъ. И о того чоловѣка, кому бы мѣли вину дати, хотѣли есмо право дати, ено вины никому ни дано.

И тымъ стокомъ вели насъ Воиняне

яко бы чверть мили до дороги Парцовское, которая идеть отъ Бранецкихъ до Парцова, оповѣдаючи, ижъ по правой сторонѣ то есть корунно, а по лѣвой сторонѣ великое князство, Воинское. А на томъ стоку оповѣдили намъ копецъ, потомъ пень великого дуба оказали, который пень повѣдили быти граничный. А кгды прышли до дороги, тою дорогою оповѣдили намъ Воиняне копецъ, которого прозывають врочищемъ Шадымеръ. И тымъ гостинцомъ вели насъ яко бы на милю до мѣстца врочища до Бабы и повѣдили, ижъ по лѣвой сторонѣ то есть князство, а по праву корунно.

Бранецкіе оказали по правой сторонѣ дороги копцы значные, повѣдаючи, ижъ на лѣвой сторонѣ есть наше, а по правой сторонѣ Суховольское, корунное жъ, указуючи на то листъ права своего подкоморего Любельского.

Воиняне повѣдили, ижъ то есть по праву корунное, а по лѣву наше, ено Бранецкіе своволне а кгвалтовне тые копцы усыпали отъ шести лѣтъ на кгрунтѣ князства Литовского.

И тамъ же тежъ Воиняне повѣдили, ижъ на томъ врочищу Бабѣ сходятьсе села многіе, яко зъ великого князства, такъ съ Коруны Польское.

Тамъ же освѣтчалъ се панъ судья Луковскій прокураторъ именемъ пана Точинского, ижъ тое урочище Баба не есть князства Литовского, але корунное.

Врадникъ Воинскій повѣдилъ, ижъ отъ початку границъ Межырѣцкихъ болота Бѣльского дерево бортное, которое есть по лѣвой сторонѣ и зъ грунтомъ посполу, то есть все великого князства. И готовы есмо того довести знаками, которые есть у деревѣ.

Потомъ вели насъ Воинцы мимо села Чехостовъ дорожкою, займаючи оплотковъ. И повѣдили Воинцы, ижъ тое село Чехостово осажено есть черезъ пана Точинского отъ девети лѣтъ, и вказывали проробки новые; и къ тому дей селу полуволочковъ Воинскихъ семдесятъ отмѣреныхъ, которыхъ былъ панъ Александро Ходковичъ отмѣрилъ Воинцомъ; панъ Точинскій отнялъ и къ тому селу привлащилъ тому три годы. Оттоль привели насъ Воинцы къ Сажевцѣ Фракгантовѣ, а отъ Сажевки просто доломъ черезъ огороды Миляновскіе до Божее Муки, отъ Божее Муки дорожкою до Перeровцу. И повѣдили Воинцы, ижъ въ того мѣстца Перeровца збирается се копа зъ великого князства и коруны польское. А отъ того Перeровцу повели насъ до границъ князя Василія Полубенского.

И тутъ поткалъ насъ врадникъ князя Василья Полубенского Митько, зъ людьми и зъ свѣтками, и повѣдилъ, ижъ тутъ граница князя моего села Ясенского снела ся зъ границею великого князства двора Воинского, и на то былъ готовъ свѣтками и шляхтою довести. Врадникъ Воинскій зъ людьми Воинскими переводили то людьми добрыми старыми, вѣры годными, и шляхтою многою, ижъ почевшы отъ границы Межырѣцкое, врочища Бѣльска болота и всими тыми граньми, куды насъ вели, по праву корунно, а по лѣву великого князства. И ставили людей добрыхъ сграничниковъ, шляхту добрелѣтную, и готовы были съ тыми свѣтками яко о кгрунтъ, такъ о борти и о границы покаженье, и о копцы разсыпываные, прысегами своими поправити.

Обводъ Корунный.

Мѣсеца Августа 7 день, въ суботу, индиктъ 4.

Ставши у першого копца, гдѣ мены быти три копцы отъ пановъ Бра-

нецкихъ, самъ панъ воевода Судомирскій, панъ Янъ Точинскій, повѣдилъ, ижъ тутъ тры копцы были, то есть: нарожница единъ копецъ отъ Воиня, другій копецъ отъ Бранецкихъ, третій копецъ отъ Чехостова съ Копеинскими земяны, и тое село Чехостовъ я осадилъ отъ десяти лѣтъ. А што панове Бранецкіе вели до дороги, которая идеть отъ Бранецкихъ до Парцова, тая дорога не есть граница великому князству съ Коруною, бо дороги не чинять границъ, ено рѣки, болота, долы, горы и копцы. А што ся жалують на мене Воинцы, яко быхъ я семдесятъ полуволочковъ мѣлъ взяти, тогомъ я не вчынилъ, абовѣмъ села засѣли королевскіе, земянскіе, которые села границу межи копцы мають, презъ которые копцы не могу я жадныхъ крывдъ Воиняномъ вчынити. И повелъ его милость насъ панъ воевода отъ тыхъ копцовъ лѣсомъ, яко бы на чтверть мили, и повѣдилъ его милость, ижъ по правой сторонѣ то есть корунно, а по лѣвой сторонѣ великого князства земянъ Копеинскихъ. Въ томъ лѣсѣ не вказалъ его милость намъ жадного знаку и прывелъ его милость насъ до копца и повѣдилъ его милость, ижъ то есть копецъ нарожница селу Чехостову корунному и зъ земяны великого князства Копеиными, и рекъ его милость: томъ я велъ яко зъ ураду моего, а далѣй южъ не веду.

Въ того копца повѣдилъ врадникъ Воинскій, ижъ тотъ копецъ есть не стародавный, але тому есть шесть годъ, якожъ панъ воевода его милость Судомирскій рачилъ повѣдити, ижъ такъ есть, яко тотъ копецъ казалъ сыпати, тому вже шесть годъ. И оттоль взяли земяне Коруны Польское, Миляновцы и Костровцы, яко бы на полночь, и повели черезъ дорожку поблизу того копца и черезъ поля волокъ Копейницкихъ, утираючи дворовъ земянъ Копейницкихъ великого князства, дорогою черезъ болото, которое Миляновцы зовуть Миляновское, а Копеиницкіи зовуть Ратайско, яко бы на чверть мили.

И надъ тымъ же болотомъ оказали намъ копецъ, и менуючи, яко бы тотъ копецъ мѣлъ быти граничный Корунѣ Польской зъ великимъ князствомъ. Напротивку того повѣдили земяне великого князства Копейницкіе: то есть копецъ нашое граници зъ Воинцы, которыхъ копцовъ и граней въ деревьи есть удолжъ не мало. Панъ воевода его милость Новгородскій, панъ Александро Ходковичъ а панъ Никодимъ, староста Мельницкій, за росказаньемъ и за листомъ господарскимъ намъ тыми копцы и гранями заграничыли отъ мѣста его милости господарского Воиня. И оказали листъ господара короля его милости, въ которомъ его милость господарь пишеть, росказуючи пану воеводѣ Новгородскому, старостѣ Берестейскому, а пану Никодиму, старостѣ Мельницкому, абы ихъ милость тымъ земяномъ Копеинцомъ заграничили на тыхъ мѣстцахъ отъ мѣста его милости Воиня. Другій тежъ листъ положили тыхъ пановъ вышеймененыхъ судовый, у которомъ описуеть, ижъ за росказаньемъ господарскимъ по тымъ мѣстцамъ ихъ милость заграничили яко копцы, такъ тежъ въ деревѣ знаки на все на то. Тежъ оказали листъ господаря короля его милости перкгаменовый съ привѣсистою печатью, ижъ господаръ король его милость рачылъ имъ тотъ судъ и выѣздъ на тые земли листомъ своимъ господарскимъ потвердити на вѣчность; яко жъ панъ Точинскій, тужъ стоячи въ копца, повѣдилъ: дармо ся Миляновскіе и Кострове въ то вкладають, менять собѣ быти тотъ копецъ граничный зъ

великимъ князствомъ, а то не есть такъ, але то есть копцы промежку Воина и Копеинцовъ. Зася Миляновцы и Кострове земяне корунные повели у боръ на чверть мили, менячи корунное быти по праву, а по лѣву великого князства. И оказали намъ еще тры копцы, ку которымъ врадникъ Воинскій повѣдилъ, ижъ то есть копцы, на которые есми первѣй листъ господарскій и пана воеводы Новгородского и пана Никодима, старосты Мельницкого, заграниченые Копеинцомъ отъ Воиня, покладалъ.

Потомъ Миляновцы и Костровцы повели насъ черезъ дуброву и боръ, яко бы на двѣ мили, а жадного знаку намъ не оказываючи, и прывели къ селу Рудну Воиницкому великого князства, и черезъ тое село повели насъ на всходъ солнца до болота, на имя Рудна. И ставши посередъ того болота повѣдили: то есть граница посередъ того болота князя Василья Полубенского, по лѣву великого князства, а по праву корунно.

Врадникъ князя Василья Полубенского Митько, тужъ ставшы посередъ того болота, повѣдилъ: правда, ижъ то есть граница посередъ того болота князю моему зъ Воинемъ, а не съ Коруною, а Миляновцомъ далѣй, якожъ и копцы посередъ того болота маю зъ Воинемъ. И готовъ былъ довести того свѣтки, людьми добрыми, шляхтою.

Тутъ стоечы врадникъ Воинскій Сума рекъ: я готовъ того доводити свѣтки, людьми добрыми, ижъ то не есть граница Миленовская, ани Костровская, ено Воинская зъ Яблонскою князя Василья Полубенского. И ставилъ людей добрыхъ шляхту и мужовъ двадцати чоловѣковъ.

Посередъ того болота повели Миляновцы и Костровцы весполокъ зъ урядникомъ князя Василья Полубенского. Тогды Миляновцы и Костровцы менили быти тутъ границу съ княземъ Васильемъ Полубенскимъ. А врадникъ князя Васильевъ менилъ быти тутъ границу зъ Воинемъ. И шли тымъ болотомъ на полторы версты, ажъ до Руденского моста, до дороги, которая бѣжитъ отъ Руденца до Костровъ.

Тутъ повѣдилъ врадникъ князя Полубенского: то есть по обѣимъ сторонамъ поправу и полѣву земля князя моего, а корунное земли тутъ пяди нѣтъ. И прывелъ лѣсомъ до гребелки, и повѣдилъ, ижъ тая гребелка есть на рѣцѣ Ясенцѣ, а тая Ясенка идетъ болотомъ и дѣлитъ Коруну зъ великимъ князствомъ, то вже отъ тыхъ мѣстъ починаеть ся земля великого князства князя моего полѣву, а поправу корунно. Отъ тое гребелки Миляновцы и Костровцы пошли налѣво болотомъ, менячи собѣ границу, а врадникъ князя Василья Полубенского повелъ поправу болотомъ, менячы собѣ быти границу. И ведучы насъ врадникъ князя Васильевъ, поки дерево великое было, оказывалъ намъ грани зарослые старые въ ольхахъ и въ дубѣхъ на многихъ мѣстцахъ, потомъ велъ насъ болотомъ менячы, яко бы туды мѣла быти Ясенка рѣчка.

Миляновцы и Костровцы также вели болотомъ, недалеко промежку собою, индѣй у полверсты, а индѣй на стрѣленье, и сышли се у въ одно мѣсто, гдѣ наужшое болото. И тутъ вже менили съ обѣихъ сторонъ, яко зъ великого князства врадникъ князя Василья Полубенского, такъ Миляновцы и Костровцы, за вѣчыстую и правдивую границу упокойную отъ давнихъ часовъ быти. И повели тымъ болотомъ рѣчкою Ясенкою до великое дороги, которая идетъ зъ Берестья до Парцова, и черезъ тую дорогу на крыжъ Ясенкою рѣкою до рѣки Переволоки, которая идетъ подъ Пар-

цово, а отъ рѣки Переволоки уверхъ, которую рѣку Переволоку другимъ именемъ называють Пивонеею, а тою рѣкою Пивонеею до Переволоцкихъ земянъ, а отъ Переволоцкихъ земянъ до Хмѣлевскихъ земянъ великого князства и коруннымхъ, тоею жъ рѣкою до ставу, который ставъ занялъ панъ Янъ Точинскій, меначы быти все по лѣву великое князство, а поправу отъ Парцова корунное.

Обводъ Великого Князства.

Индиктъ 4, мѣсеца Августа 8 день.

Съ того ставу повѣдилъ подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ, ижъ тотъ ставъ есть вдѣланъ ку шкодѣ великого князства, бо тая рѣка дѣлить корону польскую зъ великимъ князствомъ. Панъ Янъ Точинскій повѣдилъ: король ми его милость казалъ заняти.

Подстаростій Берестейскій жалобу тежъ положилъ у того ставу, ижъ съ тыхъ селъ ново осажоныхъ зъ Гугнина и зъ Бондаревки, которыхъ панъ Точинскій осадилъ, переходячы тые воляне съ тыхъ селъ, островокъ на сей сторонѣ у великомъ князствѣ розробливають и шкоду великую чинять. Панъ Точинскій рекъ: южъ я не каже черезъ то тамъ уступати, а мѣйте вы то ку великому князству.

Поѣхавшы далѣй тою рѣчкою уверхъ по сторонѣ коруны польское съ полверсты, оповѣдилъ подстаростій Берестейскій зъ людьми господарскими Коденскими а князя Ивана Полубенского Русиловцы, то есть болото, которое прышло съ тое рѣчки Пивонеи, тымъ болотомъ уверхъ, держачи лѣсъ Бочдаревъ поправу корунный, а островъ великого князства Коденскій и Русиловскій по лѣву. И вели насъ тымъ болотомъ Коденцы яко бы съ полверсты до болота, которое зовуть Гугнино, надъ которымъ село черезъ пана Точинского осажено отъ десяти лѣтъ.

И тутъ ставши надъ тымъ болотомъ, оповѣдили, ижъ по тое болото то есть намъ грань съ Парцовомъ. И повели зася просто къ той жо рѣцѣ Пивонеи, направѣ меначы Хелмскій повѣтъ земянъ Сосновскихъ корунное, а по лѣву ажъ до рѣки Пивонеи—великого князства. И отъ того болота ажъ до рѣки Пивонеи оказывали намъ грани старые зарослые звѣчыстые у соснахъ великихъ у двадцати и въ шести, а иншые многіе повѣдили, ижъ выкажены и выжжены. А отъ тыхъ граней пошла просто граница наша черезъ рѣку Пивонею весполокъ зъ границею Хелмскою: великое князство полѣву, а корунное поправу. Панъ Янъ Точинскій повѣдилъ, ижъ я мамъ загрань корунѣ зъ великимъ князствомъ тую рѣку Пивонею, а то хлопство забрали собѣ здавна входами своими, того я не мамъ за границу, и король ми тежъ его милость казалъ того боронити; я кажу ихъ хлоповъ вѣшати, и тые грани вси каже вырубати.

То початекъ границъ Великого Князства съ Коруною польскою, описуючи гдѣ на колько миль.

Бранецкіе съ коруны почали вести отъ ставку плебана Воинского великого князства вдолжъ на милю.

А панъ воевода Судомирскій, самъ панъ Янъ Точинскій, велъ на чверть мили.

А Миляновскіе съ коруны вели до князя Василья Полубенского границы на три мили; ино про тыхъ Миляновскихъ самъ панъ Точинскій повѣдилъ, ижъ зле оны туды ведуть, а прожне ся въ то вступають.

Тые жъ Миляновскіе князя Василья

Полубенского границею вели на полторы версты.

Врадникъ Воинскій зъ великого князства велъ отъ границы Межирѣцкое пана Ивана Горностаева на пять миль до князя Василья Полубенского границы.

Тое всее рознииы промежку коруны и великого князства у тыхъ мѣстцахъ индѣ на полмили, а индѣ на милю, а индѣ на версту, а индѣ на стрѣленье зъ лука.

А князя Василья Полубенского граница мало не вся супокойливая, мало розницы, на болотѣ на полторы версты и вельми узка, а отъ великое дороги князя Васильевою границою, то есть супокойливо, до Переволоцкихъ земянъ якобы миля.

А отъ Переволоцкихъ земянъ до Хмѣлевскихъ земянъ миля: то тежъ у вупокои; а Хмѣлевскимъ съ Кодняны людьми господарскыми великого князства миля жъ спокойного до болота Гугнина.

Тутъ ставъ панъ Точинскій занялъ къ берегу великого князства на рѣцѣ Пивонеи. И самъ то сознаваеть панъ Точинскій, едножъ повѣдаеть: король ми его милость казалъ. Тутъ панъ Точинскій отнялъ не далеко отъ того ставу у Коденчанъ у Берестейского повѣту въ людей короля его милости великого князства островъ на полмили вдолжъ и поперекъ.

Обводъ Корунный.

Индиктъ 4, мѣсяца Августа 9 день, въ понедѣлокъ.

То ся почынаеть отъ Парцевского повѣту повѣтъ Хелмскій зъ Берестейскимъ же отъ болота Гугнина, троху попошодъ якобы на стрѣленье къ шапцѣ болотомъ; тутъ ся почали черезъ боръ грани до рѣки Пивонеи: Хелмское поправу, а великое князство по лѣву,—просто черезъ рѣку Пивонею въ долъ на имя у Мостищо, тымъ доломъ Мостищомъ у вольховый багонъ, отъ ольхового багну у Кропивку, отъ Кропивки у Сколотую рѣку вдолъ, а отъ Сколотое рѣки у Турную до поллѣса, а отъ Турное до Андреевскихъ границъ коруны польское до крыжа: то есть всѣхъ Сосновскихъ границъ на полторы мили; тые границы описаные уверху Сосновскіе съ коруны, а Кодняне, люди великого князства, супокойливе зъ обѣихъ сторонъ держать.

Тутъ у того крыжа панове Сосновскіе повѣдили, ижъ потуль есть наше, а то вже по праву Андреевскихъ корунное Хелмского повѣту, а по лѣву то вже есть великого князства Коденское.

А отъ крыжа повѣдили одностайно, яко съ коруны польское Андреевскіе, такъ тежъ Коденчане и Сополчаны, ижъ отъ того крыжа отъ границы Сосновскихъ наша граница есть супокойная до Жадова верха, того есть яко бы на полмили. И повѣдили, ижъ знаки наши зъ обусторонъ тыми мѣстцы по деревью идуть урубываны.

Обводъ Великого Князства.

Индиктъ 4, мѣсяца Августа 12 день, у четвергъ.

Подданые великого князства Литовского повѣту Берестейского люди господарскіе Кодняне, на имя Куль а Омельянъ, Наумъ, зъ иншыми потужники своими, Коденчане, такъ яко въ понедѣлокъ, прыводили ку остаточной стѣнѣ границъ своихъ Жадова верху, которую мають зъ имѣньемъ князя старосты Володимерского Володавскимъ, а зъ другое стороны зъ имѣнья земянъ повѣту Хелмского корунными Андреевскими. А такъ про недбалость и непильность а небытность, и за об-

сыланьемъ передоѣждчихъ корунныхъ, которые зъ нами ѣздять, иже есмо тыхъ Андреевскихъ отъ понедѣлка три дни ажъ до четверга ждали, оказуючи и освѣтчаючи ся, ижъ другій разъ выводять пановъ передоѣждчихъ обойга панства, оказали суть границы, которые ся кончать зъ имѣньемъ князя старосты Володимерского. А почынаеть се граница князя старосты его милости Володимерского князя Ѳедора Андреевича Санкгушковича Володковская отъ Жадова верху, на которой стѣнѣ и на почáтку границъ врадникъ князя Володимерского поткалъ насъ на первшой стѣнѣ и зъ свѣтками, шляхтою, людьми добрыми, оповѣдаючы, ижъ то есть граница князя моего и тутъ се почынаеть граница отъ подданыхъ великого князства повѣту Берестейского съ Коденскими, которая идеть, ѣдучи отъ Парцова по лѣвой сторонѣ отъ Жадова верху, а по правой сторонѣ то есть Хелмскій повѣтъ землнъ корунныхъ пановъ Андреевскихъ, а отъ Жадова верху болотомъ Прыбаражомъ до колодезя, который есть подлѣ гостинца Бруского, который идеть съ коруны до великого князства, отъ того колодезя рѣчкою Скородницею, которая идеть лѣсомъ до броду Ульянова, а отъ того броду Ульянова тоею жъ рѣкою Скородницею до Липичъ. И тутъ на томъ броду Ульяновѣ пріѣхали къ намъ панове Андреевскіе, якобы вже на концу границъ своихъ, и повѣдили, ижъ намъ корунного отнято ку великому князству отъ короля Александра, и хотѣли были то по насъ мѣти, абыхмо ещо третій разъ для нихъ ворочать мѣли. А такъ мы про недбалость ихъ мѣшкаючи для ихъ чотыры дни не годилося намъ для ихъ омѣшкиванья больши того часу тратити. И отъ Ульянова броду по липы, по которые рѣка Скородница дѣлить, граница прышла пановъ Ганскихъ корунная земли Хелмское, и лежыть граница рѣкою Скородницою ажъ до мосту, который идеть изъ Сухавы до Колачовъ. А отъ мосту тою жъ рѣкою Скородницою ажъ до рѣки Володавы, и тая рѣка, повѣдили, на полы дѣлить имѣнье князя старосты Володимирского съ паны Ганскими. И ѣдучи подлѣ рѣки Володавы внизъ ку мосту Володаву, по правой сторонѣ, повѣдили, корунно, а по лѣвой сторонѣ великое князство. Гдѣ въ того мосту стоячы урадникъ князя Володимирского ставилъ свѣтки шляхту людей, старыхъ розныхъ пановъ, хотячи и будучы готовъ доводити границу князя своего, а панове Андреевскіе яко наѣхали насъ у броду, также ѣдучи зъ нами ажъ до мосту, повѣдили, ижъ што по лѣвой сторонѣ, то есть все наше, еножъ князь староста Володимерскій то въ насъ отнялъ.

На то врадникъ князя старосты Володимерского повѣдилъ, ижъ то николи Андреевскихъ не было, ани они того никгды во вживанью не были.

А отъ мосту тоею жъ рѣкою Скородницою до рѣки Володавы, тоею жъ рѣкою Володою идеть граница князю старостѣ Володимерскому съ паны Ганскими рѣкою наполъ внизъ: по правой сторонѣ корунно, а по лѣву великое князство, тою рѣкою граница идеть на милю олижъ до рѣки Лютое, которая впадываеть въ рѣку Володову. И повѣдили, ижъ тутъ стѣна князю старостѣ Володимерскому съ паны Ганскими по тую рѣку Лютую.

А на другую сторону тоею жъ рѣкою Лютою починаеть се граница пани Крупское съ Коруны князя старостою Володимерскимъ границою. Тою жъ рѣкою Володавою, гдѣ впала Лютая у Володаву, а такъ тая Володава рѣка чы-

нить границу пани Крупской съ княземъ старостою Володимирскимъ, ажъ до мосту того, черезъ который мостъ лежить дорога съ князства до коруны.

Обводъ Великого Князства.

У нятокъ, мѣсеца Августа 13 день, индиктъ 4.

Выѣхали есмо зъ Володавы до мосту, который есть мостъ на рѣцѣ Володавѣ, и повѣдилъ подстаростій Хелмскій пана Тарлова Станиславъ Зубрыцкій, ижъ тотъ мостъ Хелмяне на полрѣки робять зъ людьми повѣту Берестейского.

Врадникъ Володавскій князя старосты Володимерского Балтромей Минцовскій повѣдилъ: панове милые, оповѣдамъ то вашей милости, ижъ князя моего отецъ небощикъ чинилъ границу съ паномъ Крупскимъ небощикомъ, и копцы промежку собою засыпали и листы описали подъ винами, естли бы которая сторона ихъ держати не хотѣла, а такъ князь мой розказалъ ми то ознаймити, ижъ тое вгоды своее не отступуеть, а естли бы тежъ пани Крупская держать не хотѣла, тогды тежъ князь мой прыпоминаеть свою границу старую отъ рѣки Лютое ажъ за Орховъ за двѣ мили по болото багонъ.

На то врадникъ пани Крупское повѣдилъ: ждаломъ пановъ моихъ и до тыхъ часовъ, але я о границы науки отъ пановъ моихъ не мамъ, а ни ся въ то вдаваю вымовяючи забѣгами, ижъ съ того имѣнья пани выѣхати мусила до замку Городла.

А такъ есмо опустившы имѣнье пани Крупское и ѣхали есмо отъ подгорья границъ, гдѣ ся починаеть пета пановъ Уханскихъ съ княземъ старостою Володимирскимъ имѣнья княжного Володовского болотомъ Юницею. И съ того болота идеть рѣчка Уюница, которая рѣчка упала у другую рѣчку у Снетонку. А съ тое рѣчки Снетенки пошла граница лѣсомъ великимъ, чрезъ который лѣсъ есть копцы и грани въ деревьи. А съ того великого лѣсу пошла граница черезъ боръ багномъ, по которымъ багнѣ есть граница по деревью грани а по земли копцы ажъ до лѣса и рѣки Радогощи. И тутъ уже граница пришла князя Головнина. Тутъ же стоячы врадникъ пановъ Уханскихъ, на имя Флеріянъ Желехъ и зъ мужми пановъ своихъ повѣдилъ, яко почалася граница отъ подгорья отъ пановъ Крупскихъ стѣны ажъ до того мѣстца рѣки и лѣса Радогоща, то мають панове мои Уханскіе съ княземъ старостою Володимерскимъ зъ имѣньемъ его милости зъ Володовомъ границу по тымъ мѣстцамъ супокойливую.

И тутъ врадникъ князя старосты Володимерского повѣдилъ, ижъ потуль вже есть граница князя моего имѣнья моего милости Володавы.

Отъ Жадова верху, гдѣ князя старосты Володимерского врадникъ оказалъ свою границу съ Кодняны до липъ, до стѣны пановъ Ганскихъ, якобы двѣ мили, а отъ липъ до Володавы рѣчки яко бы двѣ мили.

А отъ Володавы рѣчки, гдѣ впадываеть Лютая, до мосту, который есть на той же рѣцѣ Володавѣ, чрезъ который идеть дорога зъ великого князства до Коруны, того есть на тры мили. А отъ мосту до подгорья якобы миля; а отъ подгорья до рѣки Радогощи до границы князя Головнины двѣ мили. Тое всее границы князя Володимерского Володаевское отъ Коруны десеть миль.

И тогожъ дня, у пятницу, на томъ же мѣстцу, у лѣсѣ подлѣ рѣки Радогощи, то есть у границы князя старосты Володимерского, поткалъ насъ

врадникъ князя Өедора Головнинъ зъ именья его Рожанецъ, на имя Богушъ Чешинскій, и вказалъ намъ границу именью князя своего и повѣдилъ, ижъ тутъ ся починаеть граница князя моего Рожанская и подалъ списокъ, у которомъ описуеть границу съ паны Уханскими рѣчкою Радогощою; тою рѣчкою Радогощою черезъ болото, на полы дѣлячи болото, по лѣвой сторонѣ князство, а по правой сторонѣ корунное. И съ того болота уверхъ Лубли лѣсу, уверхъ богна, а отъ богна на боръ.

И тутъ стоячы врадникъ пановъ Уханскихъ Флеріанъ Желехъ повѣдилъ, ижъ потуль есть граница пановъ моихъ и потуле люди пановъ моихъ ведуть границу, а далѣй ся я не поднимаю вести, ани люди пановъ моихъ, а гдѣ того будеть часъ, тогды панове мои укажуть границу.

. Врадникъ князя Головнина повѣдилъ, ижъ я веду границою стародавною князя моего, напервѣй ку Тяменому лѣсу, а оттоль чрезъ болото къ Соломени градѣ, а отъ Соломени черезъ рѣку Дубоцкую у болото, изъ болота у лѣсъ Деревецкій, а зъ лѣсу Деревецкого къ Сергѣевой ямѣ, а отъ ямы Сергѣевы на Баракови ку гостинцу Луцкому, и тамъ ѣдучи указывалъ знаки зъ обусторонъ у деревьи старые и глубокіе и повѣдилъ, ижъ тыхъ знаковъ есть еще больши.

А врадникъ пановъ Уханскихъ повѣдилъ: я границъ не вѣдаю, але то вѣмъ, ижъ то есть земля пановъ моихъ и часу потребы тогды ся то окаже.

А тое границы всее князя Головнины съ паны Уханскими якобы на двѣ мили.

Обводъ великого князства.

Индиктъ 4, мѣсеца Августа 14 день, въ суботу.

На Береховичахъ, на гостинцу Луцкомъ, ставшы панъ Янъ Угровецкій изъ староства Любомского повѣдилъ, ижъ моя граница съ Пешча не есть ку границы великого князства прылеглая, але люди староства Любомского изъ Шацка а зъ Свиташа зашли мя отъ великого князства, безъ которыхъ я ничого не могу чинити, а тые дей люди Любомскіе за тымъ не стали, ижъ староста Любомскій есть на послузѣ короля его милости, а подстаростій есть өоръ.

Тужъ подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ отъ людей великого князства повѣту Берестейского Олтушковичъ повѣдилъ: я вашу милость поведу границою, которая идеть межи великого князства и Любомля, и прывелъ до Березового броду и повѣдилъ, ижъ то есть граница великого князства съ повѣтомъ Любомскимъ съ паны Угровецкими, посередъ того болота починаеть се отъ границы князя Головнины села его Дубка, а тымъ Березовымъ бродомъ до врочыща Тросковыхъ мховъ, по праву Любомское, а по лѣву великое князьство. Отъ тыхъ Тросковыхъ мховъ до болота Зеленца, которое дѣлить Любомле зъ великимъ князствомъ, по праву Любомское, а по лѣву великое князьство. Отъ того болота до врочища Утовки боромъ ажъ до каменого крыжа, по праву Любомское, а полѣву великое князство. Отъ каменого крыжа до лѣсковъ подлѣ ясеня, отъ лѣсковъ до Заколникъ, отъ Заколникъ до болота Небимеховъ, которое подлѣ озера Орѣхова. По тымъ врочыстымъ мѣстцамъ оказывали знаки грани старые и новые, у многомъ деревью на обѣ сторонѣ урубываные и зарослые. И повѣдили, яко бы иншые грани мѣли быти вырубаны и выжжены; и готовъ былъ подстаростій Берестейскій того

доводомъ довести, ижъ то есть старовѣчная граница великого князства селъ зъ Любомлемъ, и ставилъ свѣтковъ, людей добрыхъ, шляхту.

А вдолжъ тыхъ граней по тымъ мѣстцамъ якобы на двѣ мили. Панъ Угровецкій рекъ: которые знаки указують изъ великого князства, тогды я тыхъ знаковъ за знаки не прыймую, бо не суть слушны, а идуть посередъ кгрунту моего.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Августа 16 день, у понедѣлокъ.

Ставшы на дорозѣ, которая идеть зъ Берестья до Луцка, подстаростій Любомскій Павелъ Чорностовскій зъ людьми повѣту Любомского повѣдилъ: то есть врочыщско Кобылка, ту есть по лѣву великое князство, а по праву Любомско. Котора грань иде отъ тое Кобылки до озера Олтушского, а отъ озера Олтушского до озера Орѣховского.

Подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ зъ людьми великого князства повѣту Берестейского повѣдилъ, ижъ то по обѣимъ сторонамъ есть великого князства и во впокойномъ а звѣчыстомъ держаньи мають. И повелъ насъ подстаростій Любомскій Павелъ и въ Ухански болоты и островы и дубровами, якобы на милю не вказуючы жадныхъ знаковъ. Потомъ оказывалъ намъ знаки зъ обусторонъ у деревѣхъ урубываные якобы на полтори мили. И потомъ привели насъ подстаростій Любомскій съ паны Уханскими къ соснѣ, которую менили остаточную знаковъ и повѣдили, ижъ по правой сторонѣ Любомско, а полѣву великое князство, которая сосна подъ лѣсомъ стоить, на дорогѣ, которая дорога идеть отъ Радоша до Олтуша межи селъ великого князства, и повѣдили, ижъ въ той соснѣ были знаки гранные, едножъ ихъ вырубали Олтушцы, люди великого князства.

На то повѣдилъ подстаростій Берестейскій панъ Иванъ Яцыничъ зъ мужми тыхъ селъ: по которымъ гранемъ усимъ, урубываныиъ у деревью, вели подстаростій Любомскій съ паны Уханскими и зъ мужми Любомскими Свитяжцы Полемчаны, то есть грани людей повѣту Берестейского села Олтушского а Радешского, мененая здавна Хрипская, которую Хрипщизну Олтушцы отъ давныхъ часовъ держать, а то есть грань положеная отъ пана Сеньки Олизаровича, старосты Берестейского, который за роскаэаньемъ великого князя его милости Александра судилъ и грани туды поклалъ, и на то подстаростій Берестейскій листъ судовый пана Сенька Олизаровича оказывалъ, у которомъ описуеть, ижъ панъ Сенко Олизаровичъ судилъ и тые грани туды межи тыхъ селъ положылъ. Которые жъ грани идуть непереставаючи межи иншихъ многихъ селъ Берестейскихъ, дѣлячи вышей пяти миль, ажъ до села князя бискупа его милости Луцкого до Замшанъ. И просилъ насъ, абыхмо ѣхали тыхъ граней осмотривати до князя бискупа Луцкого села его милости до Замшанъ яко на три мили, хотячи ихъ намъ оказати. Потомъ оказалъ другій листъ намѣстника Берестейского пана Станислава Михайловича, у которомъ описуеть потвержаючи тотъ судъ и тые грани пана Сенька Олизаровича.

На то повѣдилъ подстаростій Любомскій съ паны Уханскими, ижъ то есть граница, которая дѣлить великое князство зъ Любомлемъ, а то Хрыпъ былъ хлопъ нашъ, который мялъ у Любомли и въ князствѣ, якожъ я мамъ на Хриповщыз-

нѣ волю, село свое,именуеть тое село Хрипская вода. А мы, яко первѣй повѣдили, ижъ тые грани наши идуть до озера Олтуша, и готовы есмо знакъ указати у соснѣ, у которой уложена была зъ давныхъ часовъ мотыка.

И отъ тое сосны вели на чверть мили, и всю тую границу съ початку якобы въ коло, а на той чверти мили не вказали жадныхъ знаковъ, и привели насъ до пня огорѣлого, у которомъ менили быти отъ предковъ ихъ зъ давныхъ часовъ мѣла быти вложена въ пень мотыка и зарощена; якожъ дей Олтушцы, люди великого князства, довѣдавшися того, и тую мотыку съ тою сосною сожгли, якожъ намъ оказали тотъ пень, у которомъ повѣдили, ижъ грани ихъ выкажены, але мы знаковъ жадныхъ у томъ пни не бачыли. И вели насъ до озера Олтушского, которое озеро подъ селомъ Олтушомъ великого князства якобы на полмили, не вказуючы жадныхъ знаковъ. И повѣдили, ижъ озлѣ того озера Олтушского, которое озеро подъ селомъ Олтушомъ, грань наша лежить до рѣки, которая идеть отъ озера Орѣхова до озера Олтушова. И менили на вголъ того Орѣховского озера двѣ тони ку Любомлю, просто до млынка Орѣховского якобы на милю. И повѣдили, ижъ тотъ млынокъ теперь держать къ великому князству къ селу Орѣхову, а тотъ млынокъ стоить на земли Любомской.

Обводъ великого князства.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ: куды вели подстаростій Любомскій и паны Уханскіе, то есть по обѣма сторонамъ великое князство; а тые озера великого жъ князства, запродають ихъ кождое зимы, и тотъ платъ до скарбу господарского дають. А тыхъ дву тонь у въ озерѣ Орѣховскомъ никгды яко жыво съ коруны не волочывали, ани жадного уступу у тое озеро не мѣвали. А што менують рѣку межи тыхъ озеръ быти собѣ границою, тое рѣки никгды тамъ не бывало, и теперь ее нѣтъ, якожъ ся то оказало, ижъ ее нѣтъ, босмы тамъ доѣждчали. И повелъ насъ подстаростій Берестейскій зася отъ того врочыща отъ Небимеховъ якобы на чверть мили, и повѣдилъ, ижъ тутъ поправу корунно пановъ Угровецкихъ ажъ до рѣки Перевѣски, а по лѣву великое князство. Тужъ сознали Любомскіе люди Шатцане, ижъ то есть стѣна паномъ Угровецкимъ зъ нами Шатчаны. И велъ насъ подстаростій Берестейскій до рѣки Перевѣски, не оказуючы знаковъ жадныхъ, якобы на полмили голымъ болотомъ, и повѣдилъ, ижъ тою рѣкою Перевѣскою, уверхъ якобы на полмили, дѣлечы великое князство зъ Любомлемъ: по праву Любомское, а по лѣву великое князство ажъ до врочыща Перевѣсья.

Того обводу куды подстаростій Берестейскій велъ, поченшы отъ Березова брода до врочыща Перевѣсья, якобы на тры мили.

А того обводу, куды съ коруны вели, отъ Кобылии до млынка вдолжъ якобы на полпяты мили.

А тое розницы межи Березова броду и межы Кобылки по млынокъ въ ширки съ початку якобы на полмили, а въ серединѣ на милю, опять зася ужѣй се почала сходити, а на остатку якобы на чверть мили.

Обводъ великого князства.

Индиктъ 4, мѣсеца Августа 17 день, у волторокъ.

Привелъ насъ подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ зъ людьми Орѣ-

ховскими, и повѣдилъ, ижъ то есть врочыщо Перевѣсье: то есть по праву за рѣкою Перевѣскою Любомско, а по лѣву великое князство. И оказалъ тутъ въ дубѣ грань, на обѣдвѣ сторонѣ урубываные. Подстаростій Любомскій Павелъ повѣдилъ: што ты менишь границу быти тую рѣку Перевѣску и тое врочыще Перевѣсье, то есть по обѣма сторонамъ тое рѣки, то есть Любомско, а гдѣ стоимъ, то есть Шацкій островъ, а на той сторонѣ рѣки, то есть пановъ Уханскихъ людей Островецкихъ, и мы тыхъ граней не прыймуемъ за грани. Зася тоеюжъ рѣкою велъ насъ подстаростій Берестейскій якобы на тры стрѣленья зъ луку и оказалъ намъ сосну, въ которой грани на обѣдвѣ сторонѣ урубываные и повѣдилъ, ижъ тутъ рѣка пришла тая Перевѣска зъ Любомского повѣту; тамъ же по рѣцѣ по обѣма сторонамъ Любомско, а великому князству зъ Любомлемъ идеть граница посередъ того болота на дванадцать миль. И оттоль повелъ насъ болотомъ, якобы съ чверть мили або ближей, менячы границу посередъ болота. И прывелъ насъ до островка, у которомъ повѣдилъ копецъ стародавный: того копца троху знакъ есть; и просто тымъ болотомъ велъ насъ якобы на чотыры стрѣленья до другого островка. И въ томъ островку оказалъ намъ грани въ дубѣ, на обѣдвѣ сторонѣ урубываные, а другій дубовый пень выжженый, у которомъ менилъ быти грань. Отъ того островка просто повелъ насъ болотомъ до третего островка якобы на версту великую, и межы тыхъ острововъ противъ озера Мошонъ оказалъ намъ два копцы. И въ томъ островѣ третемъ оказали намъ двѣ грани въ соснахъ урубываные на обѣдвѣ сторонѣ. И тымъ болотомъ просто вели якобы еще на двѣ версты и оказали посередъ болота копецъ великій, хворостомъ оброслый и дерево зъ него береза выросла. Отъ того копца вели просто болотомъ до лѣса Унеча острова якобы на версту, и оказали у двухъ деревѣхъ у соснахъ грани врубываные. А отъ того лѣса Унеча болотомъ же до груда Побій-Коня якобы на полторы версты а отъ того груда Побій-Коня вели лѣсомъ и болотомъ; съ которого болота повѣдилъ, ижъ рѣка Оръ устала, оказываючы грани свои якобы на добрую милю, и оказали намъ граней на той мили двадцать и двѣ въ деревью, въ соснахъ урубываные на обѣдвѣ сторонѣ, менячы по правой сторонѣ Любомско, а по лѣвой великое князство и прывелъ насъ къ Бабьему.

На то повѣдилъ подстаростій Любомскій съ тивуномъ и зъ людьми села Шацкого, ижъ, куды ты велъ тыми болоты и оказывалъ еси грани и копцы, мы тыхъ граней и копцовъ не прыймуемъ за слушность; бо то есть по обѣма сторонамъ, куды ты велъ, Любомско; а нехай намъ выдадуть або вспоменуть тыхъ, хто бы мѣлъ тые копцы засыпывати и граничити, бо того никгды нибыло, завсегды мы держывали у ву покои. И въ того Бабьего повѣдилъ подстаростій Берестейскій, ижъ тутъ ся кончить граница Любомская, а почынаеть ся повѣтъ Ратенскій.

Граница села Орѣховского великого князства зъ границою Залѣскимъ селомъ Ратенскимъ у Бабьего, оттуль пошла берегъ Пегого врочыща, острова, отъ Пегого до врочыща Урека, отъ Урека до Ора болота посередъ мосту, которая рѣчка Оръ идеть тымъ болотомъ индѣ поникла а индѣй оказала.

А отъ тыхъ рѣкъ граница прышла Хотеславская до середины мосту Королева и посередъ болота. И тутъ повѣдилъ подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ: якомъ взялъ первѣй того отъ

Перевѣсья и веломъ ажъ до тыхъ часовъ болоты по тымъ верхумененымъ врочыщамъ, то все по праву Любомское, а по лѣву великое князство.

Подстаростій Ратенскій панъ Войтехъ Свѣтицкій повѣдилъ: куды оказывалъ панъ подстаростій Берестейскій по рѣцѣ Орю посередъ болота, то и по тымъ врочыщам все есть Ратенско; а куды я поведу завтра, тогды то все по праву будеть у Ратенскомъ, а по лѣву великое князство.

Обводъ корунный.

Тогожъ дня, мѣсеца Августа 17 день, у волторокъ.

Подстаростій Любомскій Павелъ зъ людьми Шацкими повелъ насъ отъ млынка Орѣховского, который подъ селомъ великого князства Орѣховомъ, оповѣдаючы грани межы Любомля и великого князства, и велъ насъ черезъ поля, черезъ болота и дубровы, посередъ гуменъ Орѣховскихъ на великую полторы мили, але жадныхъ знаковъ по тымъ мѣстцамъ не оказалъ. и прывелъ къ болоту Ору, которое болото подстаростій Берестейскій зъ людьми великого князства Орѣховскими менять собѣ границу быти зъ Любомлемъ. И повѣдилъ подстаростій Любомскій, ижъ потуль есть Шацкое, повѣтъ Любомскій, а то ся вже починаеть граница Ратенская.

Того обводу корунного, почевшы отъ млынка, до горы Плѣшивое, якобы на полторы мили.

А куды подстаростій Берестейскій велъ, почевшы отъ Перевѣсья до Бабьего, якобы на полтрети або на три мили; а тое розницы отъ ставку до Перевѣсья якобы на милю, такъ тежъ и въ посредку; едно ижъ ку Концови ку врочищку названому болоту Орю, гдѣ ся зышли, индѣ на полмили, а индѣ на чверть мили.

Обводъ корунный.

Индиктъ 4, мѣсеца. Августа 19 день, въ четвергъ.

Панъ Войтехъ Свѣтицкій подстаростій Ратенскій, зъ людьми короля его милости Ратенскими Залѣсцы, прывелъ насъ ку горѣ, которую менилъ быти, ижъ то есть гора Плѣшивая, и повѣдилъ, ижъ ту ку той горѣ трои грани прышли: одна Любомская и зъ селомъ Шацкимъ, а другая Ратенская, а третяя Берестейская великого князства. И повѣдилъ, ижъ оттуль хочу вести, оказуючы границу Ратну зъ великимъ князствомъ.

Подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ зъ людьми великого князства Орѣховскими повѣдилъ, ижъ тая гора есть у великомъ князствѣ Литовскомъ, якожъ бачите ваша милость, ижъ и чертежи по той горѣ есть наши, а граница Ратну зъ великимъ князствомъ, якомъ повѣдилъ третего дня, ижъ идеть посередъ того болота на дванадцать миль, дѣлячи Ратно зъ великимъ князствомъ, якожъ и границы есми вашей милости на томъ болотѣ оказывалъ, бо Ратно и Любомль то было великого князства и взято за короля Казимера. И отъ початку тое горы велъ насъ Свѣтицкій подлѣ болота доломъ, дубровою и лѣсомъ, якобы на полторы версты, а тую гору Плѣшивую всю упустившы у великое князство на лѣво, и велъ насъ Свѣтицкій черезъ болото, которое вышло зъ болота великого, которого есть на стрѣленье; а въ томъ лѣсѣ рѣпа сѣена Орѣховская, гдѣжъ и самъ то панъ Свѣтицкій созналъ, ижъ то есть рѣпа людей великого князства Орѣховскихъ.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то есть по обѣма сторонамъ великое князство и по тому болоту по островахъ есть гречыхи и проса и пчолы въ

деревѣ бортномъ людей великого князства Орѣховскихъ.

Панъ Свѣтицскій повѣдилъ, ижъ куды я веду то, есть по праву Ратенское, а полѣву князство. И велъ насъ дубровкою, замежкомъ нивы якобы зъ версту и прывелъ насъ до дороги, до греды, которая гряда есть подлѣ болота великого, тоею градою ѣдучы якобы съ полверсты, и опустивши тую греду управо, ку болоту великому, и велъ насъ налѣво презъ мхи и борки якобы на версту, а знаковъ по тымъ мѣстцамъ нигдѣ жадныхъ не оказалъ и прывелъ насъ къ горѣ, которую менилъ быти Бабилецкая.

На то панъ подстаростій Берестейскій зъ людьми повѣдилъ, ижъ то не есть гора Бабилецкая, але зовутъ ее Подмаковищемъ, а Бабилецкая гора вже назаде. И отъ тое горы долъ невеликій нереѣхавшы, повелъ зася боромъ горою и Иржищи, гдѣ оповѣдалъ, ижъ Иржищько тое у князствѣ, и потомъ зася горою велъ якобы на стрѣленье, а отъ тое горы доломъ, а отъ того долу направо и налѣво горками малыми, и великую граду опустилъ налѣво у князство, отъ тыхъ горъ прывелъ до другое горы троху большое.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то есть по обѣма сторонамъ великого князство, а тая гора не есть Бабилецкая, але зовуть ее Гочинская, и туто грань селамъ великого князства Хотеславцомъ и Орѣховцомъ.

Отъ тое горы велъ Свѣтицкій боромъ якобы на чверть мили и потомъ зася грядою боровою якобы на чверть мили поблизу болотъ, а знаковъ жадныхъ нигдѣ не оказалъ, а зъ гряды ѣхавшы и повелъ черезъ боръ якобы на чверть мили, и прывелъ насъ до горы, которую менилъ Лисову гору, которая гора прышла намъ злѣва, зъ великого князства, а знаковъ жадныхъ и тыми мѣстцы не оказалъ, едно оказывалъ по праву Ратенско, а полѣву великое князство.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ: то есть по обѣма сторонамъ кгрунтъ великого князства ажъ до половицы болота Оря, и ѣхали тою грядою Боромъ якобы на милю. И повѣдилъ Свѣтицкій, ижъ по праву есть Ратенско, а полѣву великое князство. И опустившы тотъ грудъ у великое князство улѣво, повелъ насъ зле болота управо.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то есть по обѣма сторонамъ великого князства ажъ по половицы болота Оря. И велъ насъ Свѣтицкій черезъ боръ и черезъ болота, утираючи великого болота якобы на чверть мили ажъ до полмосту, не вказуючи знаковъ жадныхъ, менячы собѣ половицу мосту границу: по праву Ратенско, а по лѣву великое князство.

На то подстаростій Берестейскій повѣдилъ: куды панъ Свѣтицкій, подстаростій Ратенскій, зъ людьми Ратенскими Залѣсцы велъ, то все есть по обѣма сторонамъ великое князство посередъ болота Оря ажъ до полмосту; то есть правда, ижъ полъ мосту есть великому князству зъ Ратномъ граница: бо тая рѣка индѣ поникла, а индѣ ся оказала.

Панъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими, съ Тураны и Залѣсцы, повѣдилъ, ижъ отъ мосту по полъ болота рѣка дѣлить Орь по праву Ратенское, а по лѣву великое князство. И зъ обу сторонъ, яко подстаростій Ратенскій Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими: Турены и Залѣсцы, такъ подстаростій Берестейскій Иванъ зъ людьми великого князства: Хотеславцы и Орѣховцы, Ляховчаны и Рычаны повѣдили, ижъ то естъ звѣчыстая граница Ратну зъ великимъ князствомъ посередъ того мосту, и мостимъ его по половицы, и то созна-

ваемъ, ижъ тое болото есть Оръ. А отъ тое горы, которую панъ Свѣтицкій менилъ Плѣшивую, до мосту Королева, ку которому зъ обу сторонъ прызнавають, ижъ то есть Ратну зъ великимъ князствомъ граница, то есть на тры мили, а болотомъ отъ Залѣское границы, куды подстаростій Берестейскій велъ, до тогожъ мосту Королева двѣ мили, а розницы промежку тыхъ мѣстъ индѣ на полмили, а индѣ на чверть мили.

Обводъ великого князства и корунный.

Мѣсеца Августа 20 день, у пятницу.

Вели насъ весполокъ подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ зъ людьми великого князства: зъ Ляховцы и Хотеславцы, зъ Орѣховцы и зъ Рычаны— а подстаростій Ратенскій панъ Войтехъ Свѣтицкій—зъ людьми Турскими села Ратенского—отъ того мосту званого Королева, который мостъ зъ обу сторонъ менують быти супокойный Ратну зъ великимъ князствомъ, и вели по половицы того болота, менуючи то болото Оръ супокойливую границу великому князству зъ Ратномъ, якобы на полмили до островка Соснового. А отъ того островка повелъ насъ подстаростій Ратенскій на лѣво, меначи туды границу Ратну зъ великимъ князствомъ и повѣдаючы, ижъ туды Оръ идеть.

Подстаростій Берестейскій повелъ около того островка у право, менечы тамъ границы великого князства зъ Ратномъ, и туды Оръ идеть. И отъѣхавшы троха отъ того островка на стрѣленье, оказалъ намъ панъ Войтехъ Свѣтицкій ровокъ и воды троха въ немъ и езки малые, менячы быти рѣку Оръ. Подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то не есть рѣка Оръ, але есть ровокъ людей великого князства Хотеславцовъ, у которомъ уюны ловять.

И оттоль отъѣхавшы троху, оповѣдалъ Свѣтицкій долокъ безъ воды, менячы, якобы ту мѣла рѣчка выникнути, а знаку жадного нѣтъ. А отъ того долку отъѣхавшы якобы на чверть мили, оказалъ намъ ровокъ, гдѣ менилъ быти знакъ, гдѣ рѣка Оръ ходи. А подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то не есть рѣка Оръ, але по обѣимъ сторонамъ великого князства, а то долы есть копаные, яко обычай есть по болотамъ для въюновъ. И повелъ насъ панъ Свѣтицкій отъ болота влѣво болотомъ подлѣ бору, а великое болото управу опустившы, и прывелъ насъ къ водѣ, которая есть вода у рову, менячы тутъ быти рѣку Оръ, на которомъ рову козы оказывалъ.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то есть по обѣма сторонамъ великое князство, и оттоль велъ насъ болотомъ якобы милю, оказываючы знаки на многихъ мѣстцахъ, ровки, ижъ знать то, коли въ дождчовые лѣта або весною тогды тутъ можеть рѣчка быти, и менять ее Оремъ, и оказывали на многихъ мѣстцахъ езки сухіи по болоту. Подстаростей Берестейскій повѣдилъ, ижъ тое врочыщо не есть Оръ, але то есть рѣчка Непская, подъ Заломличомъ островомъ, и течеть подъ село великого князства, подъ Ляховцы; а по тому болоту, по обѣма сторонамъ тое рѣчки, и куды вели теды, то есть все великого князства. И отъ тыхъ мѣстъ велъ насъ Свѣтицкій, якобы на полмили и привелъ, видячы село великого князства Леховцы, ку броду, который повѣдилъ быти Оремъ. А подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ то есть врочыщо Вечье, а то есть бродъ, куды изъ села великого князьства Ляховичъ быдло гонять, а по обѣма сторонамъ то есть великого князства. И оттоль велъ насъ Свѣтицкій болотомъ, якобы на чверть

мили ку броду мнѣйшому, а отъ того броду на три стрѣленья привелъ ку третему броду и менилъ, якобы то мѣлъ быти Оръ, и повѣдилъ, ижъ потуль есть граница села Турского, а то вже почынаеть ся села Кортелишского Ратенского. Подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ тые броды вси отъ села Ляховецъ быдло выбило, гоначы у пущу, а то есть болото,—а Оря и рѣчки жадное тутъ нѣтъ,—бо индѣ не маютъ куды гонити быдла, едно туды: и то все естъ по обѣимъ сторонамъ великое князство, якожъ и сами ваша милость бачите, ижъ болото простое. А оттоль велъ Свѣтицкій болотомъ мало не милю и привелъ ку горѣ кгредѣ, которую гору менилъ быти подгорьемъ, и повелъ тоею горою надъ болотомъ, менячы по праву Ратенско, а полѣву великое князьство.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ: тая гора, которую ты менуешь подгорьемъ, не естъ подгорьемъ, але тая гора идеть зъ великого князства, зовуть ее и тое болото Мокрянское; и по обѣма сторонамъ то естъ великое князство. И вели тоею горою съ полмили надъ болотомъ, которое болото менилъ Оремъ, и зася повернулъ влѣво болотомъ къ Райскому лѣсу, коло борку, до крывыхъ проходовъ, а оттуль ажъ до мостка Перевѣсья. И менилъ подстаростій Ратенскій, якобы тое болото мѣло быти Оръ, и повѣдилъ, ижъ по праву Ратенско, а по лѣву великое князьство.

Подстаростій Берестейскій повѣдилъ зъ людьми великого князьства: куды велъ подстаростій Ратенскій зъ людьми Ратенскими, то есть по обѣма сторонамъ великого князьства, а не естъ то болото Оръ; але то естъ болото простое Мокрянское селъ великого князьства. И отъ тое горы вели по всимъ тымъ врочыщамъ верху менеными болоты якобы на полторы мили вдолжъ.

Тогожъ дня, у пятницу.

Отъ того сосновогo гайку велъ насъ подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ, зъ людьми великого князства Ляховцы и Хотеславцы и зъ Орѣховцы и зъ Рытчаны, до врочища Велихова острова якобы на милю. Отъ того мѣстца острова Соснова ни чого не видѣли знаковъ, одно спредку смы знашли ровы значные, въ которыхъ были езы, але мѣстца тыи сухи, безъ воды, болото сухо.

И тутъ повѣдилъ подстаростій Берестейскій, ижъ то есть рѣка Оръ, едножъ того лѣта сухоѓо высхло. А потомъ, пріѣждчаючы до острова Велихова, межы островомъ и озеромъ Велиховомъ, тамъ же указалъ намъ мѣстце, гдѣ подстаростій Берестейскій повѣдилъ, ижъ ту рѣка выникла, и потомъ—три мѣстца продлуговатые, недалеко промежку собою, на которыхъ езовъ осмъ, и повѣдилъ, ижъ то есть поникъ тое рѣки Ора, и отъ того мѣстца зася понурилася. И панъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ то не есть рѣка Оръ, але рѣчка зъ озера выходить ивыжжарище, а отъ Велихова якобы на трои стаи вынурилася опять рѣка Оръ и идеть якобы на милю, не переставаючи, и опять поникла и якобы на двои стаи вынурила, и зася до третьего разу вынурила такежъ,—а на томъ мѣстцу езовъ пять, а потомъ поникла и далѣй ее не было знать ажъ до ястребецъ врочыща Обча, отъ Обча до Папоротного, отъ Папоротного до Доманова. И тутъ оказывали намъ воду якобы студню, менуючы, ижъ тутъ рѣка Оръ указала. Отъ того мѣстца вели насъ сухими болоты на чверть мили, и вказали намъ знакъ другій на болотѣ езъ, а передъ езомъ воду, которую менили, ижъ то есть рѣка тая Оръ, которая идеть отъ Доманова понуремъ. И ведучи насъ до млын-

ка сухими болоты на чверть мили, указывали намъ два знаки, одинъ знакъ ровъ межи лозами и воды не много, и менили быти, ижъ туды рѣка Оръ идеть понуремъ. А недалеко того мѣстца, презъ дорогу переѣхавши Куртелискую, указали на болотѣ воду, такъ якобы студня. Отъ того мѣстца привели насъ до млынка. И повѣдили люди села Мокрянского великого князства, ижъ тотъ млынокъ есть намъ по половицы и зъ селомъ Кортелищскимъ Ратенскимъ. Отъ того млынка вели насъ болоты сухими, и повѣдили, ижъ тутъ рѣка поникомъ идеть, и знакъ указали ку подобенству рѣки воду, и на ономъ мѣстцу два езы. И отъ того опять вели насъ до другого мѣстца ку границы Дивинской, и вказали намъ тоежъ рѣки знакъ воду, которое воды знакъ есть, ижъ рѣкою идеть черезъ дорогу Кортелискую зъ Новоселокъ ѣдучы до Ратна, и менили, ижъ тая рѣка Оръ дѣлить князство Литовское зъ Ратномъ: поправу Ратенское, а полѣву великое князьство.

Подстаростій Ратенскій повѣдилъ, ижъ то не есть граница великому князству. зъ Ратномъ, але по обѣма сторонамъ есть Ратенское, а то, што оказывають, якобы мѣла быти рѣка Оръ, то есть выжары, а иншое хлопи Ратенскіе копали ровы для ловенья въюновъ.

Отъ мосту Королева, яко почалъ подстаростій Ратенскій зъ людьми Ратенскими вести, до Дивинское границы, до Перевѣсья мостку, всего того по всимъ тымъ границамъ якобы на шесть миль.

Отъ тогожъ мосту Королева, куды велъ подстаростій Берестейскій зъ людьми великого князства болотомъ ажъ до Дивинское границы, до врочыща Годеня, якобы на пять миль, а розницы промежку тыхъ обводовъ съ початку на версту, а индѣ на полмили, а индѣ на три мили, и зася опять ку концу ку Дивинскимъ границамъ якобы на милю.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Августа 23 день, у понедѣлокъ.

Подстаростій Берестейскій, Иванъ Яцыничъ, зъ людьми великого князства Дивинцы, привели насъ до острова Годеня и вказали противъ острова Годеня знакъ рѣки ровъ, у которомъ есть вода, и менили, ижъ посредъ того рова болотомъ рѣка Оръ идеть поникомъ, индѣ ся оказала, а индѣ поникла, которого ровку есть поперечного на стрѣленье ку шанцѣ (?). И вели насъ болотомъ, на которомъ болотѣ оказали три ровки безъ воды, менячы быти, ижъ туды рѣка Оръ идеть, а два езки оказали намъ, одинъ на болотѣ, а другій въ ровѣ. Потомъ, приводячы насъ болотомъ ку озеру Берзскому, оказали ровъ предлуговатый безъ воды, которого рову якобы на три стрѣленья. И повѣдили, ижъ то есть рѣка Оръ, которая рѣка есть граница великому князству зъ Ратномъ, поправу то есть Ратенско, а полѣву великое князство. И повѣдили, ижъ тутъ уже у тое озеро Берзское тая рѣка Оръ упала, и привели ку озеру, которое озеро менили быти по половицы Ратну зъ великимъ князствомъ. И вели насъ отъ того озера троха управо болотомъ до островка до сосны, у которой соснѣ менили быти грани свои звѣчыстыи у трехъ мѣстѣхъ. И повѣдили, ижъ тыи грани вырубали и выказили Кортелисцы люди Ратенскіи: того куды насъ вели болотомъ отъ Годеня до сосны якобы на полмили; а отъ сосны вели насъ посередъ болота просто до островка до дуба на полмили, у которомъ дубѣ оказывали грани старые зъ обудву сторонъ уру-

бованые крижы. Отъ дуба вели просто посредъ болота на полмили до врочищка Залазовъ до липы, у которой оказывали грани урубываны зъ обудву сторонъ крижы. А отъ липы вели насъ болотомъ и оказали намъ на берегу болота двѣ сосны, у которыхъ менили быти грани; але есмо бачили зъ едное стороны знаки не вельми значные. И вели насъ отъ липы болотомъ, якобы на чверть мили, и привели до врочища Бабы, до сосны сухое противъ Дѣдня, и повѣдили, ижъ въ той соснѣ были грани наши звѣчисты, але люди Ратенскіе Кортелишскіе тые грани выказили и вырубали.

Подстаростій Ратенскій панъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ куды подстаростій Берестейскій зъ людьми Дивинскими велъ, теды то все по обѣма сторонамъ есть Ратенское, тыи ровы, которые по болоту они менили быти рѣкою Оремъ, тые ровы люди Ратенскіе Кортелискіи выкопали для вьюновъ ловенья; а тые дерева, у которыхъ менили грани быти, тые древа не суть граничные, але бортные людей Кортелискихъ.

Обводъ корунный.

Тогожъ дня въ понедѣлокъ, мѣсеца Августа 23 день.

Подстаростій Ратенскій, панъ Войтехъ Свѣтицкій, зъ людьми повѣту Ратенского Кортелискими, вели насъ отъ мосту, который указывають Перевѣсьемъ и Оремъ, до кривыхъ проходовъ, отъ крывыхъ проходовъ до Собичового мху, отъ Собичова мху до перекопа, отъ перекопа до рѣки Рѣсицы до врочища Дѣдня, а отъ Дѣдня до броду Кривого. Ту южъ Самаровская граница села Ратенского починаеть.

Подстаростій Берестейскій, Иванъ Яцыничъ, зъ людьми великого князства Дивинцы, повѣдилъ, ижъ куды подстаростій Ратенскій Свѣтицкій и люди Ратенскіе вели, то есть по обѣма сторонамъ, поправу и полѣву, великое князство, а тотъ бродъ не есть Кривый, але зовуть его Межигорами.

Отъ того мосту Перевѣсья, которого другимъ именемъ называють, зъ Ратна, Оремъ, а зъ великого князства, Перевѣсьемъ, куды вели зъ великого князства по врочищамъ отъ того Годеня до Бабы, якобы на двѣ мили вдолжъ. А куды зъ Ратна вели, отъ того мосту Перевѣсья, по тымъ всимъ урочищамъ, куды оны вели, до врочища, которое называють Кривый бродъ, а зъ великого князства называють тотъ бродъ Межигорами, якобы двѣ мили, а разницы промежку тыхъ врочищъ въ шыршомъ мѣстѣ якобы на милю.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Августа 24 день, у волторокъ, индиктъ 4.

Подстаростій Берестейскій Иванъ Яцыничъ зъ людьми великого князства Дивинцы вели насъ отъ тое Бабки сосны сухое посредъ болота Хванева, а отъ болота посредъ крывое нивы, отъ кривое нивы до Бороцкое гати, а отъ гати къ Добрицы, и повѣдили, ижъ ся тутъ вже граница Дивинская и зъ границою Самаровскою села Ратенского доконала, а тутъ вже пришла граница села Ратенского Щедрогоская.

Тогожъ дня подстаростій Берестейскій зъ людьми великого князства Дивинцы вели насъ отъ Добрицъ ку врочищу Гончаревѣ, отъ Гончарихи у Кунево болото, отъ болота у Хоморъ къ перевозу, а отъ перевоза къ Гончарововому лѣску, отъ лѣска къ острову Кіеви, отъ Кія къ Угольскимъ горицамъ: тые вси врочища подлѣ рѣки

Хомора идуть. И повѣдили, ижъ тутъ вже знела ся граница и зъ селомъ великого князства пана Андрея доктора, съ Углянскимъ, повѣту Кобринского.

Подстаростій Ратенскій, панъ Войтехъ Свѣтицкій, зъ людьми повѣту Ратенского Самаровцы и Щедрогосцы, повѣдилъ: куды велъ подстаростій Берестейскій и зъ людьми Дивинцы повѣту Берестейского, то есть по всимъ тымъ врочищамъ Ратенское, а великому князству тамъ нѣтъ.

Обводъ коронный.

Тогожъ дня подстаростій Ратенскій Войтехъ Свѣтицкій, зъ людьми Ратенскими Леликовцы и Повѣтяны и Радостовцы, вели насъ отъ врочища менованого и зъ ихъ стороны Ратенское броду кривого, рѣкою, гдѣ тая рѣка привела на Осмулницы плесо, а другое плесо на тойже рѣцѣ нареченное Колода, а на тойже Колодѣ рѣцѣ плесо Городецъ, а отъ Городца Личково плесо, отъ Личкова плеса до полъ озера Любаня, а отъ озера пошла рѣка Нетеча до Чалищовское пяты села повѣту Кобрынского.

Подстаростій Берестейскій зъ людьми Дивинцы повѣдилъ: што менилъ подстаростій Ратенскій зъ людьми Ратенскими Кривый бродъ, то есть бродъ, такъ его прозываютъ, Межигорѣ, а тую рѣку зовуть Дивинка, и по той рѣчцѣ озеро зовуть Дивино; и съ того озера великого князства Дивина рѣчка Нетеча вышла, и тая рѣчка течеть якобы на двѣ стрѣленья по острову великого князьства злѣ Кривотина и неходячы границы Челищевское села великого князства и понерла мало не у двухъ миляхъ отъ границы Челищовское; и куды оны вели тыми границами, то есть все великого князства отчизна наша Дивинская, и тое озеро и рѣчку зовуть Дивиномъ, по которомъ озерѣ и по рѣчцѣ и село наше зовуть Дивиномъ. Вдолжъ, куды зъ Ратна вели, отъ того броду, который зъ Ратна зовуть Кривымъ, а зъ великого князства называють Межигоремъ, всего того до Чалищовское границы якобы на три мили; а куды вели зъ великого князства подстаростій Берестейскій и зъ людьми Дивницы отъ врочища Бабы Довглянскихъ людей великого князства вдолжъ якобы на чотыри мили, а розницы въ шырки у шыршомъ мѣстѣ якобы на двѣ мили, а индѣ на полмили, а индѣ на милю.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Августа 25 день, въ середу.

Люди великого князства повѣту Кобринского Угляне вели насъ отъ границы Дивинское повѣту Берестейского болотомъ и привели до острова Горицы, гдѣ менили быти пяту свою зъ Дивинцы, на которомъ островѣ оказали знакъ у соснѣ зъ едныи стороны скаженый и выжженый, и повѣдили, ижъ тотъ островъ есть нашъ властный звѣчистый, съ которого мы службу служимъ и поплаты даемъ. Оттоль до Сухого лѣса вели презъ болото, и на другомъ островѣ въ березѣ старой оказали намъ знаки зъ обудву сторонъ древа и, ѣдучи болотомъ отъ тыхъ Горицъ до Сухого лѣса, менили быти поправу Ратенское а полѣву великое князьство, и на третемъ островку указали дерево березу старую, зъ обудву сторонъ пробиту, и повѣдили, ижъ то суть сторожи знаковъ нашыхъ, а граница наша посредь болота идеть, и привели до Сухого лѣса, а отъ Сухого лѣса до Дубина до Ровича, отъ Дубина до Слепятища, оттоль до липы ажъ до пяты

Осиповское села повѣту Кобринского людей пана Андрея доктора.

Подстаростій Ратенскій Войтехъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими Повѣтцы повѣдилъ: не то есть грань Ратну зъ великимъ князьствомъ, а то оны вели пю Ратенскому.

А того всего вдолжъ отъ Горицъ границы великого князьства людей Угольницкихъ до границы людей Осиповскихъ пана Андрея доктора на полторы мили, а села Ратенского Повѣтцовъ отъ границы, гдѣ оны мянують пяту свою отъ Чалищевичовъ, до Андрея докторовыхъ людей села его Осиповского вдолжъ на полторы мили.

А розницы отъ Горицъ, куды изъ князьства люди Углянскіе вели и куды зъ Ратна Повѣтцы вели, межы тыми мѣстцы въ ширьки на полъ мили, а индѣ на версту.

Обводъ корунный.

И тогожъ дня подстаростій Ратенскій Войтехъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими повѣту Ратенского Повѣтцы велъ насъ отъ Чалищевское пяты села великого князьства повѣту Кобринского до врочища Ранника, отъ Ранника до Всуховъ, отъ Всуховъ до Пруглибка, отъ Пруглибка до волока, гдѣ южъ приходи граница людей пана Андрея докторовыхъ села его Осиповского, а Головчынского а Татариновичъ.

Врадникъ Городецкій Иванъ зъ людьми великого князьства Угляны на то повѣдилъ: Ратенская граница зъ великимъ князьствомъ не есть то, куды оны вели, але то есть кгрунтъ великого князьства повѣту Кобринского, бо привели есте до Кобринского села Челищевичовъ, свою грань отъ Чалищевичовъ есте взяли, то все водите кгрунтомъ великого князьства.

Обводъ корунный.

Индиктъ 4, мѣсеца Августа 26 день, въ четвергъ.

Вземшы отъ петы людей пана докторовыхъ Осиповичовъ Волоки рѣки, повелъ староста Ратенскій панъ Янъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими Радошскими до врочища Кривца, которое естъ врочыще на рѣцѣ Волоцѣ, Волокою рѣкою ажъ до Витерки пяты до границы села корунного Ветелъ.

Пана Андреевы докторовы люди селъ его, Осиповцы, Головчычы, Татариновичы ани ихъ врадникъ Бобровницкій на томъ мѣстцу не сталъ, ани границъ своихъ не выводилъ, за объѣждчаніемъ дворенина господарского Сасина, которого еще избити хотѣлъ, и того дня, коли мы къ Угломъ пріѣхали, онъ передъ нами съ тыхъ селъ зъѣхалъ. Якожъ есьмо и служебника своего Боновского до него посылали, упоминаючы его, абы границы вывелъ и кривды оповѣдилъ, и врадничокъ его отповѣдялъ: король его милость до пана моего меновите въ листѣ не писалъ, а панъ тежъ мой тые села маетъ до живота, а границъ не повиненъ водити. Отъ Волоки рѣки до Витерка, куды панъ Свѣтицкій зъ людьми корунными Радошскими велъ, до границы Ветелское вдолжъ якобы на полторы мили.

Обводъ великого князства.

Тогожъ дня мѣсеца Августа 26 дня, въ четвергъ.

Землянинъ великого князства Гаврило Морхотка велъ насъ границою села своего Велавля, почеашы отъ пяты села пана Андрея доктора повѣту Кобринского людей Головчичовъ, отъ Кривого острова по болоту, по рѣтцѣ Волоку ажъ до Красное дубровки, до пяты села Суличовского Павла Біютивского. И повѣдилъ Мархотка, ижъ тая граница посередъ болота того есть мнѣ супокойливая съ повѣтомъ Ратенскимъ, и по-

вѣдилъ, ижъ по праву то есть Ратенское, а полѣву великое князство, а вдолжъ тое границы, отъ пяты села пана докторова Головчичовъ до пяты села Суличовского, куды Морхотка велъ, вдолжъ на милю.

Тогожъ дня въ четвергъ люди великого князства повѣту Пинского Павла Біютивского Суличовцы повѣдили, ижъ наша граница есть и зъ селы повѣту Ратенского Радошовомъ а Ветляны, и вели насъ Суличовцы, почевшы отъ границы земянина великого князства Гаврила Морхотки отъ дубровки земское рѣкою Пиною до острова Тростянки, отъ острова Тростянки до Дошника острова, до границы села Пинского Ляховецъ, и повѣдили, ижъ то есть поправу Ратенское, а полѣву великое князство. Суличовское границы отъ зеленое дубровки до острова Дошника вдолжъ на полъ мили.

Тутъ уже въ того Дошника починаеться граница села повѣту Пинского Ляховецкая бояръ королевое ее милости Мартина Ширмина а Ивана Почеповского, и повѣдили Суличовцы, ижъ мы по тымъ мѣстцамъ границу супокойливую съ тыми людьми Ратенскими Радошовцы и Ветляны маемъ.

То есть Гаврила Морхотчыны и людей Павла Біютивского Суличовцовъ границы супокойливое зъ Ратномъ удолжъ на полторы мили.

Обводъ великого князства.

Августа 27 день, въ пятницу.

Повели насъ люди земянъ повѣту Пинского, Мартина Ширмина а Ивана Почеповского, села ихъ Ляховецкого, почевшы отъ Тростянки острова, отъ пяты людей Павла Біютивского села его Суличовского, и вели межи Батыева а межи селища болотомъ ажъ до Калиновки острова, отъ Калиновки край Хмѣлева лѣса, отъ Хмѣлева лѣса до Бѣсова лѣса, отъ Бѣсова лѣса край Зеленое дубровки, отъ Зеленое дубровки межи Почаева и сельца. Почаевское Ветелское— Ратенско, а сельце Ляховицкое—великого князьства, оттуль межи Красное и общее до Липилъ до пяты Бѣлинское села великого князьства, и по тымъ всимъ врочищамъ поправу Ратенско, а по лѣву великое князство.

Тое границы села Ляховицкого, почenъ отъ Тростянки острова до пяты Бѣлинское, вдолжъ якобы на полторы мили доброе.

Къ той ся границы староста Ратенскій панъ Янъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими Ветляны оповѣдали, ижъ по тымъ врочищамъ верхуменемымъ яко панъ Гаврило Морхотка зъ людьми своими и зъ людьми Ляховецкими велъ, граница спокойная есть людемъ Ратенскимъ Ветляномъ, едножъ наконецъ тыхъ границъ объ одинъ островокъ невеликій, наймя Дѣденъ, зъ обудву сторонъ споръ маютъ.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Августа 28 день, въ суботу.

Отъ того врочища Залипья люди повѣту Пинского королевое ее милости Бѣлинцы вели насъ границою своею, которую границу менили собѣ быти и зъ селомъ Ратенскимъ Ветлемъ, почевши отъ того Залипья до Великого лѣса, отъ Великого лѣса до Затученья острова, отъ Затученья до Заболотья до границы Горецкое людей князя Александра Чорторыйского, и повѣдили, ижъ по тымъ урочищамъ грани были въ деревѣ урубываные, и тые грани почали казити за небощика старосту Пинского пана Ивана Михайловича, и ту тежъ за росказаньемъ королевое ее милости вы-

ѣздилъ теперешній староста Пинскій панъ Петръ Кирдей на рокъ положоный отъ ее милости, ижъ мѣло о тую землю право быти тымъ Бѣляномъ зъ людьми Ратенскими Ветляны, а за тыми Ветляны мѣлъ выѣхати староста Ратенскій панъ Райскій; ино панъ Райскій на тотъ рокъ зложоный отъ королевое ее милости не выѣхалъ, и мы тые грани оповѣдили пану старостѣ Пинскому и многимъ людемъ добрымъ, которые были на томъ року при пану старостѣ.

На то староста Ратенскій панъ Янъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ то естъ грунтъ, куды тые Бѣляне вели, корунный по обѣма сторонамъ, а не то есть граница Ратну зъ великимъ князствомъ.

Обводъ коронный.

Тогожъ дня въ суботу староста Ратенскій панъ Янъ Свѣтицкій зъ людьми корунными Ветляны, повелъ насъ отъ острова Красного до Прекопу, отъ Прекопу до Дѣдня, отъ Дѣдня до Озерищъ, отъ Озерища до Малеевое веретеи, отъ Малеевое до Заньковы рѣчки, отъ рѣчки до Шибеника, отъ Шибеника съ паномъ Полозомъ повѣту Пинского князства великого граница есть, которая идеть до Сырова лѣса, отъ Сырова лѣса до Коростова, отъ Коростова до Заечьего, и тутъ пята съ паномъ Полозомъ и съ княземъ Чорторыскимъ села Горецкого великого князьства, а то вже стрѣтила граница земянъ Чырскихъ корунныхъ.

Того, куды панъ Янъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими Ветляны отъ острова Красного до Заечьего велъ, вдолжъ якобы на три мили.

На то повѣдилъ земянинъ господарскій Пинского повѣту отъ старосты Пинского пана Петра Кирдея Матей Войтковичъ и зъ людьми Пинского повѣту Ляховцы и Бѣляны и Глиняны: по которымъ мѣстцамъ и врочищамъ велъ староста Ратенскій панъ Войтехъ Свѣтицкій и зъ людьми Ратенскихъ селъ, то есть по всимъ врочищамъ кгрунтъ великого князьства повѣту Пинского королевое ее милости по обѣма сторонамъ, завсегды было у въ упокойномъ держанью тыхъ селъ вышей мененыхъ великого князства, и не токмо тыхъ селъ Бѣлина земли, островы завели тепере, але которые не суть прилеглые ку границы того села Ратенского Ветелского, то есть Бѣлинское село одно маеть зъ Ратномъ границу зъ людьми Ветляны, а Глиняне и другое село Бѣлино жъ тые села королевое ее милости, и земянскіе сѣдять за границою Бѣлинскою того первшого села Бѣлина; то пакъ вжо перешедшы первшого села Бѣлина земли и зашли тепере Глинянскую и Бѣлинскую другого села землю.

А вдолжъ, куды вели Бѣлянцы, повѣту Пинского люди, отъ Залипья до Заболотья, границы князя Чорторыйского Горецкое, якобы на полторы мили; а куды велъ староста Ратенскій, почenшы отъ Прекона, который естъ злѣ Красного острова, ажъ до границы Горецкое князя Чорторыйского и Полозовы до врочища Заячьего вдолжъ якобы на три мили; а розницы въ ширки межы тыхъ границъ индѣ якобы на милю, а индѣ на полторы мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Августа 29 день, въ недѣлю.

Отъ Заболотья, отъ пяты Бѣлинское села великого князства повели люди князя Александра Чорторыйского Горчане по своимъ врочыщамъ, по границы великого князства зъ Ратномъ, бо-

лотомъ, што Горчане мають зъ Ратномъ, напервѣй къ Перекопу, то есть врочище Окрыково, отъ Перекопа до Липниковъ острова, отъ Липниковъ межы Лядца и Стареча, менячи Лядецъ островъ великое князство, а Старечь островъ Ратенское Цырскихъ, а оттоле къ Припяти рѣцѣ ку врочыщу Проритицы и Припятью рѣкою унизъ држачы, полѣву великое князство, а поправу Ратенское ажъ до Воймина дуба. Едножъ повѣдили, ижъ тая рѣка Припять по обѣимъ сторонамъ великое князство села князей Чорторыйскихъ Горецкого, а справа пришла земля къ Припяти рѣцѣ земянъ Ратенскихъ Цырскихъ, еножъ тые земяне Цырскіе уступу у тую рѣку не мають. А на той сторонѣ направѣ Ратенско: покуль вешшня вода бываеть, потуль Горчане гаты и езы свои мають. А потымъ всимъ врочыщамъ повѣдили, ижъ супокойливое захованье зъ Ратномъ мають и по всимъ тымъ границамъ князей Чорторыйскихъ, куды насъ вели, якобы на три мили вдолжъ.

Обводъ коруниый.

Индиктъ 5, мѣсеца Сентебря 1 день.

Мартинъ а Суринъ, Чырскіе земяне Ратенскіе, указують свои границы села Чырского стѣну свою отъ границъ села Ратенского Ветелъ; на которой стѣнѣ ставшы оказали пень и менили его врочищомъ: Селивоновъ пень подлѣ рѣки Припяти повѣдаючы, ижъ, по правой сторонѣ до полъ рѣки Припяти естъ наше звѣчыстое, а по лѣвой сторонѣ Ратенского села Ветелъ, а потомъ рѣкою Припятью до врочыща Торопля, повѣдаючы, ижъ до полъ рѣки по правой сторонѣ наше, а полѣву отъ полъ рѣки вже князство Литовское села Горокъ князя Чорторыйского. При томъ ся освѣтчали, ижъ дей князь Чорторыйскій тутъ на нашомъ кгрунтѣ по половицы рѣки тотъ то млынъ збудовалъ, гдѣ панъ Янъ Точынскій, воевода Судомирскій и староста Ратенскій тотъ млынъ по двакротъ, бороначи нашого кгрунту, казалъ разметати. Потомъ вели тоею рѣкою Припятью внизъ до врочыща Стульня, повѣдаючи: по правой сторонѣ естъ наше по полъ рѣки звѣчыстое, а полѣву великое князство села князя Чорторыйского Горокъ, тоеюжъ рѣкою до врочыща Сулишова, отъ Сулишова до врочыща Ментъ, отъ Ментъ до врочыща Копуръ; и ставшы въ того врочыща Копуръ повѣдили, ижъ дей люди Горецкіе князя Чорторыйского кгвалтомъ на ихъ кгрунтѣ звѣчыстомъ, на полъ рѣки Припяти, мѣстцо заступили, гдѣ ледва могли есмо шесть езовъ поставити, и повѣдаючы, ижъ до полъ рѣки Припяти по правой сторонѣ естъ звѣчыстое Ратенское, а полѣву великое князство повѣту Пинского села Илбезя. Отъ того врочища Копуръ привели до врочища Могилки, гдѣ рѣка Чырь упадаеть у Припять. Того всего Припятью вели якобы на милю, повѣдаючы, ижъ до полъ рѣки Припяти по правой сторонѣ естъ наше звѣчыстое, а по лѣвой сторонѣ великое князство повѣтъ Пинскій, и повѣдаючы, ижъ люди великого князьства Илбежане езовъ осмъ ку нашой кривдѣ на нашомъ властномъ грунтѣ поставили, а два ихъ зрубали, гдѣ толко чотыри цѣлыхъ зостали—отъ того врочыща Могилки черезъ болото до врочыща Передѣла, отъ Передѣла лѣсомъ до Дрежокъ, отъ Дрежокъ лѣсомъ до Шоша острова, отъ Шоша до Болошова боромъ, отъ Болошова до горы Ловчое, отъ горы Ловчое подлѣ болота до Сморчъ, отъ Сморчы подлѣ болота тогожъ Хотимиричь, отъ Хотимиричь мимо средне врочыщо до

Добрининъ, отъ Добрининъ подлѣ болота до мостка, отъ мостка до Смычна лѣса, тымъ лѣсомъ черезъ болото до врочища Медвѣдевы Головы, и тутъ границу оповѣдали Глушскую землянина Ратенского Скорутину. Тыхъ Цырскихъ обвожеңья вдолжъ якобы на три мили.

На то отповѣдали врадники князя Андрея Кошырского, старосты Луцкого: Ирикъ Сметанка а Тимоѳей Волынецъ а дворанинъ господарскій панъ Левъ Образцовъ, и ту тежъ врадникъ князя Андрея Козечинъ Аввакумъ зъ людми селъ своихъ Ильбязцы, Деревчаны, Быховцы, Орокомцы, Церяны, Любешевцы, Ведерцы, Льбляны, Глушаны, ижъ што староста Ратенскій панъ Янъ Свѣтицкій и зъ земяны и зъ людьми Ратенскими тые границы менують, якобы мѣли тые границы дѣлити князство зъ Ратномъ, по которымъ границамъ вели и врочыща описали, то не естъ граница великому князству зъ Ратномъ, але то естъ грунтъ по обѣимъ сторонамъ великого князства и въ томъ грунтѣ тые врочища, все естъ великого князства.

Панъ Янъ Свѣтицкій, староста Ратенскій, повѣдилъ: правда, ижъ Ратенъ и Любомль былъ великое князство, то пакъ не вѣмъ, яко отшолъ; мовте собѣ съ королемъ его милостью.

Врадники князя Кошырского повѣдили: то будеть вѣдати Богъ а князи нашы, и надѣваемся на Бога, ижъ его милость господаръ отчызнъ князей нашыхъ не отдалить. И въ того мененого врочыща Медвѣдевы Головы мовилъ панъ Янъ Свѣтицкій именемъ пана Олехна Скоруты, меначы быти границу пана Скорутину села его Глушы межы островы ажъ до Каменя, замку князя Андрея Кошырского старосты Луцкого, менуючи по правой сторонѣ Ратенскій островъ на имя Девинъ, а другій островъ Осова и мимо Тихоръ, повѣдаючы ноправу Ратенско, а полѣву великое князство. И привелъ насъ панъ Янъ Свѣтицкій зъ людми Глушаны до ставу князя старосты Луцкого замку его Каменицкого, который ставъ естъ подъ самымъ замкомъ Каменемъ: того заводу отъ Медвѣдевы Головы до ставу Каменского якобы на полторы мили. И повѣдилъ панъ Свѣтицкій именемъ Скорутинымъ: то естъ села Скорутина Глушы посредъ тое рѣки по полпотока того до испуста и тутъ ся Скорутина граница кончы.

И тутъ оповѣдилъ предъ нами панъ Войтехъ Свѣтицкій, подстаростій Ратенскій: то есть моя граница съ паномъ Олехномъ Скорутою Скорутина села Глушы кончить, а моего села Ракова лѣса Илбля починаеть ся по полъ рѣки Цря, подъ замокъ Каменицкій, гдѣ тое мѣсто Каменское осажено: то естъ на правѣ Ратенское, а на лѣвѣ великое князство. И заѣхали мѣста Каменя якобы на осьмдесятъ, або на сто дымовъ, и тою рѣкою подъ замокъ уверхъ до острова до врочыща Дубровицы, якобы на милю. И повѣдилъ, ижъ поправу естъ Ратенское, а полѣву великое князство. И тутъ повѣдилъ служебникъ пана Семашковъ старосты Ковельского Андрей Ивановичъ, ижъ то естъ вже земля королевое ее милости села ее милости Нюйна, и направѣ и налѣвѣ великое князство. Тутъ пану Свѣтицкому съ повѣту Ратенского и людемъ его Ракова Лѣса Илбляномъ жадного уступу нѣтъ.

Князя Кошырского тежъ врадники: Волынецъ а Сметанка повѣдили, ижъ куды велъ панъ Свѣтицкій, то все естъ по обѣма сторонамъ кгрунтъ князя нашого замку его Каменицкого, а то вже пришла граница королевое ее милости села ее милости Нюйна.

Панъ Войтехъ Светицкій и зъ людьми своими Ракова Леса а Илбляны велъ насъ, менячы быти границу свою и зъ селомъ королевое ее милости Нюйномъ: въ того врочыща Дубровицы острова увошолъ лугъ у реку Цырь, который лугъ менуеть быти панъ Войтехъ Светицкій речкою Дмитровкою, и тою Дмитровкою речкою до леса врочыща Передела, отъ леса Передела до озера Мочулна, отъ Мочулна озера до речки Голышовки, отъ Голышовки до реки Турьи, менячи быти по праву корунно, а по леву князство. И поведилъ Светицкій, ижъ тутъ ся граница моя кончы, а тутъ пришла граница села королевского Ратенского Велимецкого а королевое ее милости села зъ великого князства Нюйна.

На то поведилъ врадникъ пана Богдана Семашка, старосты Ковельского, Андрей Ивановичъ зъ людьми королевое ее милости Нюенскими, ижъ по тымъ усимъ врочыщамъ, по которымъ панъ Войтехъ Светицкій и зъ людьми своими велъ и описалъ, то все есть земли властные а кгрунтъ именья королевое ее милости Нюенского, а тая речка, которую онъ менуеть Дмитровкою, не есть Дмитровка, але то есть речка Сагожа.

Тогожъ дня люди села Ратенского Велимчане вели насъ, менячы быти границу свою и зъ селомъ королевое ее милости Нюйномъ, речкою Голышовкою у верхъ до млынца попа Нюенского, который млынокъ есть на ретце Голышовце, а отъ млынца до Быстрижа речки, и поведили Велимчане, ижъ въ тое речки Быстрыжы кончи наша граница зъ Нюйномъ, а починаеть ся граница отъ тое речки села Ратенского Датынского и зъ селомъ великого князства владыки Луцкого—Качиномъ.

На то врадникъ королевое ее милости Нюенскій Андрей Ивановичъ и зъ людьми королевое ее милости Нюенскими поведилъ: куды панъ Войтехъ Светицкій и зъ людьми своими повету Ратенского Ракова Леса и Илбляны и Велимецкими велъ по тымъ усимъ врочыщамъ вышей писанымъ, то все есть властная а звечистая земля кгрунтъ именья королевое ее милости села Нюенского, и того въ держаньи королевое ее милости люди отъ великого князя Витолта ажъ и до сихъ часовъ; а тая речка Быстрижъ есть граница селу королевое ее милости Нюенскому зъ селомъ владыки Луцкого Качиномъ. И тутъ же стоячы въ тое речки Быстрыжы люди великого князства села владыки Луцкого Качинцы поведили, ижъ тая речка Быстрыжъ насъ делить зъ людьми королевое ее милости Нюенскими и по обема сторонамъ тое речки есть великого князства, а Ратенского тутъ ничого нетъ.

Датынцы, люди села Ратенского, вели отъ Быстрижы речки до Матеева острова, отъ Матеева острова до Сыновки реки. Качинцы люди великого князства поведили, ижъ то есть отъ реки Быстрыжы до реки Сыновки наша властная отчызная и дедизная земля, и отъ давныхъ часовъ мы ее во вжыванью и въ спокойномъ держанью отъ великого князя Витолта ажъ и до тыхъ часовъ маемъ.

Отъ Дубровицы острова до речки Сыновки, куды панъ Войтехъ Светицкій и зъ людьми Ратенскими велъ, вдолжъ на пять миль.

Сыновцы люди Ратенскіе вели насъ, менячы быти границу свою и зъ селы великого князства князя старосты Володимірского князя Өедора Андреевича Сангушковича, маршалка земли Волынское зъ Мелцы а зъ Сыновцы, отъ реки Турьи Сыновкою речкою до озера Сынова, отъ

озера Сынова до Мокры рѣчки, внизъ отъ Мокры рѣчки до Осечна болота, отъ Осечна болота до Песечна озера; а тамъ отъ озера Песечна люди села Ратенского Замшане вели, менячы быти свою границу и зъ селы великого князства князя старосты Володимерского Сереховичы, Грабовцы, рѣчкою Студенкою унизъ, которая рѣчка упада у Вижву рѣку.

Отъ Турьи рѣки, гдѣ Сыновка рѣчка у Турью впада, до Вижвы рѣки, куды люди Ратенскіе Сыновцы, которыхъ изъ князства другимъ именемъ называють Василками, а Замошане вели насъ, вдолжъ на три мили.

На то повѣдилъ врадникъ князя Ѳеодора Андреевича Сангушковича, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, Лука Фурсовичъ и зъ людьми князя своего: што повѣдили люди Ратенскіе Замъшане и Василки, менячы быти границу свою отъ Турьи рѣки, гдѣ Сыновка рѣчка у Турью впадаеть до озера Сынова князя моего, то есть по обѣма сторонамъ тое рѣчки кгрунтъ а земля властна великого князства князя моего; а отъ Мокры рѣчки до рѣки Вижвы, то есть земля а кгрунтъ великого князства по обѣма сторонамъ, князя моего, и зъ людьми королевое ее милости селъ великого князства: Облапскими, а Секунцы, а Гридчаны а Бояры Городищаны посполитая судеревъ. А тые села Василки и Замшане сѣдять на земли а кгрунтѣ великого князства на отчызнѣ князей Санкгушкевичовъ и осажены тые села за Казимера короля и за Олександра, и не одны тые села, але и иншые многіе, бо Ратенъ замокъ былъ великого князства, якожъ часу потребы панове наши будуть о то мовити, яко давно зашло. И тужъ повѣдилъ врядникъ королевое ее милости зъ великого князства Нюенскій Андрей Ивановичъ, ижъ тамъ особливый островъ королевое ее милости на имя Коровичы, церковный и боярскій и людей королевое ее милости великого князства даныхъ пришолъ ку рѣцѣ Вижвѣ.

Коронный обводъ.

Мѣсеца Сентября 3 день.

Панъ Янъ Свѣтицкій, староста Ратенскій, зъ людьми Ратенскими села Глуховъ вели насъ, менячы быти границу свою, и зъ людьми великого князства королевое ее милости Вижовцы, черезъ рѣку Вижву смугою, которую смугу менили быти рѣчкою Березовкою, але воды въ ней не было, и вели насъ якобы на полъ мили до дороги, которая идеть отъ мѣста великого князства Вижвы до Ратна. И тутъ въ тое дороги поткалъ насъ врадникъ Любомскій пана Миколая Кграбинъ Андрей, и зъ людьми Любомскими Кремняны. И повѣдилъ панъ Янъ Свѣтицкій весполокъ зъ урадникомъ Любомскимъ пана Кграбинымъ и съ тыми людьми Ратенскими и Любомскими Кремняны, ижъ то вже за тую дорогу посполитая есть земля Ратенская зъ Любомскою села Кремна. И тою Березовою смугою вели насъ Кремняне до болота Чавля якобы на чверть мили, менячы по праву Любомское а Ратенское, а по лѣву великое князство кгрунтъ королевое ее милости, отъ Чавля вели до врочыща Светого озера, отъ озера до врочыща Оста лѣса, отъ Оста гредою до Теремца. И повѣдилъ врадникъ пана Кграбинъ зъ людьми Кремнянскими, ижъ у тое горы врочыща Теремца кончить ся граница того села Ратенского и Любомского Кремнянского, а починаеть ся граница у того Теремца земянъ Любомскихъ Городенскихъ Яна а Василья Обрамовичовъ.

По тымъ усимъ врочыщамъ вдолжъ якобы на двѣ мили. И оповѣдили по тымъ врочыщамъ на многихъ мѣстцахъ знаки урубываны у соснахъ и въ дубѣхъ, а иншіе менили быти повыколываны и пожжены отъ людей королевое ее милости Вижовцовъ, и повѣдили, ижъ отъ своее памяти и предковъ своихъ тыхъ земль были въ держанью въ покойномъ ажъ до тыхъ мѣстъ, поки князь Ковельскій тые имѣнья свои королевой ей милости продалъ.

На то повѣдилъ панъ Петръ Семашко именемъ брата своего пана Богдана Семашка, старосты Ковелского: яко почали вести панъ Янъ Свѣтицкій зъ людьми Ратенскими и Любомскими села Кремна отъ рѣки Вижвы смугою, менили рѣчкою Березовою, и по всимъ тымъ врочыщамъ вышей описанымъ до горы, которую менують быти врочыщомъ Теремцомъ, то есть кгрунтъ великого князства королевое ее милости, села ее милости Вижовского, которое село ее милость королевая маеть отъ князя Василья Ковелского, якожъ тые люди королевое ее милости Вижовцы сами, яко памяти ихъ зайдуть и предковъ ихъ, тыхъ земль у покойномъ держанью и вжыванью были ажъ и до сихъ часовъ. А тые границы, которые оны указывають у деревъи врубываны, тыи грани покладалъ князь Сендюшко, который держалъ Ковель и Ратенъ и Любомль и Вижву и вси тые села; ино тые грани чынилъ отъ села своего Вижовского для лововъ, и по тые грани далъ уходъ и на пашню Вижовцомъ; а другіе грани тотъ же князь Сендюшко вчынилъ промежку своихъ имѣней: Ратномъ и Вижвою, бо тое Ратно и Любомль отняли ку Корунѣ за Казимира короля. И хочу вашу милость по тымъ гранямъ повести, которые дѣлять Ратенъ съ Ковлемъ и зъ Вижвою.

Обводъ великого князства.

Врядники князя Андрея его милости Михайловича Санкгушковича Кошырского, старосты Луцкого, Ирикъ Сметанка, а Тымоѳей Волынецъ, а дворанинъ господарскій Левъ Борисовичъ Образцовъ и панове Завишы, и тутежъ князя Андрея Козечынъ врядникъ Аввакумъ и зъ селы своими: Илбяцы, Деревчаны, Выховцы, Орокомцы, Любешевцы, Ведерцы, Льбляны, Глушаны, ставшы у того врочыща, у Войминa дуба, повѣдили, ижъ то естъ у верхъ Припятью рѣкою по праву великое князство людей князя Чорторыйского Городкое, а по лѣву великое жъ князство, едножъ Цырскіе, которые живуть у селѣ Цырскомъ посполите и теперь зъ нашыми людьми у томъ же селѣ Цырскомъ, маючы отъ нашыхъ людей того села Цырского десятую часть земли межу объ межу, ниву зъ нивою, сѣножать зъ сѣножатью, борть зъ бортью, посполите маютъ; бо тые Цырскіе зъ вѣку вѣчыстого великого князства Пинского повѣту, и заложилися ку повѣту Ратенскому за короля его милости Казиміра, и одно тые Цырскіе сами служать до Ратна, а люди нашы, которые въ Цырскомъ селѣ живуть, яко зъ вѣку служывали намъ ку великому князству, такъ и теперь намъ ку князству служать. А што Горчане, люди великого князства повѣдили границу рѣкою Припятью внизъ, то для того, ижъ тые Цырскіе выломився зъ великого Князства съ Пинского повѣту, и служать ку Ратну, а граница Великого князства съ Коруною то есть Пинско зъ Ратномъ.

Въ томъ мѣстѣ яко вели Горчане, люди князя Чорторыйского, болотомъ оказуючы свои грани и привели ку Припятѣ рѣцѣ, ку врочыщу Прорити-

цы, и тоею Припятью рѣкою у верхъ граница пришла великого князства Пинская зъ Ратенскою по праву Ратенскихъ селъ Ветлянъ а Щедрогоща, а полѣву великое князство. И вели отъ Проритицы врядники князя Кошырского рѣкою Припятью у верхъ до врочыща Липова острова, отъ Липова острова рѣкою жъ Припятью у верхъ до Брыщова острова, отъ Брыщова острова къ Лысой горѣ, отъ Лысое горы до Косова берега, и повѣдили, ижъ тутъ ся кончыть граница тыхъ селъ нашыхъ.

И ту стоячы повѣдили врядники князя Андрея Кошырского, старосты Луцкого: и дворанинъ господарскій Левъ Образцовъ, и панове Завишы, и врадникъ князя Андрея Козечынъ и съ тыми селы своими верху писаными, ижъ за короля его милости Казимера и за короля Александра и за счастливого панованья короля его милости старѣйшого Жикгимонта, на томъ кгрунтѣ великого князства въ томъ обводѣ осадили зъ Ратна села на имя: Щитинъ, Черниче, Илбле, Раковъ Лѣсъ, Бузаки, Михновичы, Глушу, Борки. И повѣдилъ тежъ врадникъ князя Кошырского, ижъ дей другій годъ, яко панъ Янъ Свѣтицкій, староста Ратенскій, моцне кгвалтомъ на кгрунтѣ великого князства властное озеро князя моего, князя Кошырского, уступуеть на имя въ Доброе. Къ тому тежъ у томъ же кгрунтѣ великого князства многое дерево бортное со бчолами вырубываючы, люди Ратенскіе и свое знамена кладуть, и на все на то доводомъ слушнымъ хочеть доводити. Отъ Проритицы до Косова берега, куды съ князства врадники князя Кошырского вели рѣкою Припятью того всего вдолжъ якобы на шесть миль.

Привели врядники князя Андрея Кошырского Ирикъ Сметанка а Волынецъ и съ товарышы своими, къ мосту, который есть на Припяти рѣцѣ и, переѣхавшы Припять рѣку, повѣдили, ижъ тоею Припятью рѣкою у верхъ граница стародавная есть Пинску зъ Ратномъ, и то есть Косовъ берегъ. И тутъ стоячы повѣдили врадники королевое ее милости, Насонъ а Андрей Ивановичъ и зъ мужьми королевое ее милости имѣнья ее милости Хотѣшовского, ижъ зъ другое стороны зъ лѣвое Припети рѣки, ку которой приходи Турья рѣка съ князства отъ Ковля, на которой есть млынъ пана Яна Свѣтицкого, подъ дворомъ его Щитиномъ, который меновали быти врадники королевое ее милости и врадники князя Кошырского, ижъ тотъ млынъ стоить ку кривдѣ нашой на властномъ кгрунтѣ великого князства, и повѣдили, ижъ тоею рѣкою Турьею поправу внизъ князя Кошырского, а по лѣвой сторонѣ королевое ее милости ажъ до Припяти рѣки и Припятью внизъ ажъ до врочыща берега Косова менячы по обѣма сторонамъ Припяти кгрунтъ великого князьства.

Панъ Янъ Свѣтицкій на то повѣдилъ, ижъ то есть по обѣма сторонамъ, яко Припяти рѣки, такъ тежъ и Турьи наше отчызное отъ давныхъ часовъ у въ упокои. А Хотешовъ и Мостища, села королевое ее милости, то менили быти повѣту Ратенского.

И отъ того Косова берега вели насъ королевое ее милости врядники и зъ мужми королевое ее милости Хотешевскими внизъ Припяти рѣки, и повѣдили, ижъ по правой сторонѣ тое рѣки Припяти князя Кошырского земля, а по лѣвой сторонѣ королевое ее милости; и привели насъ рѣкою Припятью ку врочыщу селищу Солнечкову, и повѣдили, ижъ то есть островъ королевое ее ми-

лости людей Хотешовскихъ, и то есть селище подданого королевое ее милости Хотешовского Солнечково, издавна тотъ островъ былъ въ держанью къ селу Хотешову за великого князя Витолта и за Швитригайла. А граница Пинску зъ Ратномъ рѣка Припять, а тотъ островъ есть у Ратенскомъ повѣтѣ, которого острова отъ давныхъ часовъ люди королевое ее милости Хотешовскіе у спокойномъ держанью и во вжываню были за великого князя Витолта и за Швитригайла.

Панъ Янъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ то есть дѣдизна моя, и то есть правда, ижъ Солнечко, который вышолъ былъ съ Хотешева, былъ на томъ трохy дальшомъ мѣстцу, альбо на иншомъ кутѣ, дальшомъ того острова, который ку Ратну служылъ, съ чого былъ повиненъ служыти и служылъ, але кгды потомъ престалъ служыти, зася ему то отнято и при Ратну предъ ся зостало.

И вели насъ врядники королевое ее милости отъ рѣки Припяти, опустивши Припять управо, отъ селища Солнечкова болотомъ Яровымъ мимо озера, которое называютъ Светое, державы тое озеро Светое влѣвѣ, и просто болотомъ до другого озера Островъя, а тое озеро Островъе менячы быти по половицы королевое ее милости съ паномъ Яномъ Свѣтицкимъ.

Панъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ врядники королевое ее милости вели полторы мили назадъ, и вели все имѣньемъ моимъ властнымъ Щитинскимъ ажъ до другого имѣнья Невѣрского и до двора моего, который есть на озерѣ Островьи.

Врядники королевое ее милости, ставшы на концу того озера Островья, повѣдили, ижъ съ того озера граница вышла болотомъ Островьемъ ажъ до озера Орѣховского.

Панъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ то все, яко болото, такъ и озеро Островье до границы села короля его милости Щедрогоща повѣту Ратенского, и ѣхавшы тымъ болотомъ якобы чверть мили оповѣдилъ панъ Свѣтицкій, ижъ то вже земля пришла селъ Ратенскихъ Щедрогощская по лѣву, а Радостовская по праву.

Врядники королевое ее милости повѣдили, ижъ то не есть земля Щедрогощская а ни Радостовская, але есть то все земля королевое ее милости Хотешевская ажъ до озера Орѣхова. И вели врядники королевое ее милости краемъ озера Орѣховского, озеро по праву, а землю королевое ее милости Хотешовскую по лѣву, и привели до рѣчки, которая идеть болотомъ, которую называють Щучья, але того часу въ ней воды не было, и повѣдили, ижъ ся вже тутъ кончыть граница королевое ее милости Хотешевская, а починаеть ся граница князя Андрея Кошырского имѣнья его Рѣчыцкого. И вели насъ врядники князя Андрея Кошырского Сметанка а Волынецъ и зъ людьми князя своего Рѣчыцкими тоею рѣчкою Щучьею уверхъ до рѣчки Вязовенъ, отъ Вязовенъ до Тесоболя озера, пущаючы озеро у право въ Ратенское, отъ Тесоболя ко Мшаному озеру, ото Мшана до Конищъ поповъ Ратенскихъ, отъ Конищъ къ Залубицкимъ мостомъ въ рѣку Припять. Тутъ повѣдили врядники князя Кошырского, ижъ то есть рѣка Припять, яко есьмо первѣй того повѣдили, ижъ тая рѣка Припять чынить границу Пинску зъ Ратномъ; а тотъ островъ, куды врядники и люди королевое ее милости Хотешовскіе и мы тежъ зъ людьми князя своего вели, то есть за границою Пинскою, але естъ у во вжываныо пановъ нашыхъ и людей ихъ за велико-

го князя Витолта ажъ до сихъ часовъ, едножъ моцне кгвалтомъ пчолу намъ дерутъ, дерево бортное казятъ; а тые села Щедрогощъ а Каморово въ томъ островѣ на кгрунтѣ нашомъ осажены.

И вели Припятью рѣкою якобы на полъ мили, у верхъ держачы посредъ Припяти границы до Выжвы рѣки, отъ Выжвы рѣки до мосту, который есть на Выжвѣ рѣцѣ, черезъ который дорога идетъ зъ Ратна до Волыня и до Володимера. И повѣдили, ижъ ся ту кончы граница князя Кошырского имѣнья его Рѣчыцкого и менячы Ратенско по праву, а великое князство по лѣву.

Панъ Янъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ якомъ первѣй того повѣдилъ, такъ и теперь повѣдамъ, ижъ, куды вели съ князства теды, то естъ по обѣма сторонамъ Ратенско, бо оны опустившы границу, и вели презъ кгрунтъ Ратенскій.

Отъ Косова берега, куды врядники и люди королевое ее милости и врядники и люди князя Кошырского вели отъ Припяти по тымъ врочыщамъ вышей мененымъ до Припяти жъ того острова вдолжъ якобы на пять миль, а въ ширки розницы якобы на три мили, а индѣ меньшы, а индѣ большы.

Обводъ великого князства.

Индиктъ 5, мѣсеца Сентебра 7 день.

Врядникъ королевое ее милости Андрей Ивановичъ и врядникъ князя старосты Володимерского князя Өедора Андреевича Санкгушкевича Лука Фурсовичъ и зъ людьми селъ своихъ королевое ее милости селъ, Облапскими, Секунцы, Гридьковичи, Городищаны а князя старосты Володимерского селъ: Сереховичы, Грабовцы, Мелчаны, Сыновцы, отъ мосту, который есть на Выжьвѣ рѣцѣ, и презъ который дорога идетъ зъ Ратна на Волынь и до Любомля, и вели тоею рѣкою Вижвою уверхъ якобы на полтрети мили, и привели до рѣчки Хочевы, которая, повѣдають, идетъ отъ Панева ставища и впадаетъ у рѣку Вижву, и повѣдили, ижъ отъ того мосту, который естъ на Вижвѣ рѣцѣ, до тое рѣчки Хочевы, то естъ земля людей королевое ее милости и князя старосты Володимерского посполитая тыхъ селъ вышейписаныхъ, и по праву тое рѣки Вижвы то естъ Ратенское, а по лѣву великое князство, а за тою рѣчкою Хочевою то естъ вже одныхъ людей королевое ее милости земля, селъ ее милости Городищанъ, Гридьковцовъ Секунцовъ, а то есть островъ Коровичы.

Панъ Янъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ што вы тою рѣкою Выжвою вели, менячи быти кгрунтъ свой, то не естъ такъ, але то Ратенскій кгрунтъ селъ Выдреныцкихъ, а никгды не бывало то ку великому князьству. Панъ Петръ Семашко именемъ брата своего пана Богдана Семашка, старосты Ковельского, зъ людьми великого князства королевое ее милости Вижовцы, вели немного тою рѣкою Вижвою до врочыща Колодины на поле малое, на которомъ рѣпы посѣяны зъ Глухъ села Ратенского, и вказалъ панъ Петръ Семашко сосну, у которой врубъ глубокій съ одное стороны сосны, а другій пень сосны зрубаный, и повѣдилъ зъ мужми села Вижовского, ижъ въ той соснѣ были грани врублены зъ обудвухъ сторонъ, але ихъ такъ годъ скажено, якожъ тое скаженье знаковъ естъ обвожено вижы замковъ короля его милости зъ Луцка и зъ Володимера. И повѣдилъ, ижъ то естъ граница межы Выжвы, села великого князства, а Ратенского села Глуховъ.

Панъ Войтехъ Свѣтицкій именемъ брата своего старосты Ратенского повѣдилъ, ижъ тые границы указуетъ

панъ Семашко, тогды не суть то границы тыхъ селъ, але то естъ зъ обудву сторонъ Глушская земля.

Потомъ панъ Семашко зъ людьми Вижовскими указалъ полька нововыробленые, на которыхъ рѣпы посѣяны, и повѣдилъ, ижъ то Глушчане села Ратенского ново выробили, и два пни на нихъ выжжены, у которыхъ повѣдилъ, ижъ тутъ знаки были, которые Глушчане показили. И оттоле велъ до рѣчки Колодины черезъ поле, на которомъ иржищо и три стожки жыта стоять, и тою рѣчкою Колодиною вели насъ ку горѣ якобы на полъ мили, и надъ тою рѣкою указали дерево ясень, у которомъ указали грани крижы, и повѣдили, ижъ то естъ врочыщо Лядски Берви, и по лѣву естъ князство, Вижовское, а по праву села Ратенского Глуховъ, одно же тая рѣчка высхла, ижъ въ ней вода индѣ есть, а индѣ нѣтъ.

А въ той мили на колькусь мѣстцахъ рѣпы насѣяны и поля нововыроблены, а индѣ жита на новинахъ же Глушчане посѣяли. И велъ насъ недалеко того мѣстца и вказали дерево ясень у которомъ, зъ одное стороны выколото знакъ, а зъ другое стороны выжжено.

На то Глушчане люди Ратенскіе повѣдили, ижъ то естъ наша стѣна зъ Дубичаны и съ Кремняны, людьми Ратенскими, и того есьмо и теперь во вжыванью; потомъ вказали у деревѣ ясеню такежъ зъ одное стороны знакъ вырубаный, а зъ другое стороны выжженый. И отъ того дерева привелъ насъ до врочыща Липинъ и тамъ указали у двухъ ольхахъ великихъ камень великій, межы тыми древы урослый, и то повѣдили быти границы Вижвенскіе по лѣву, а по праву Дубичинского села Ратенского.

Панъ Свѣтицкій на то повѣдилъ, ижъ то естъ зъ обу сторонъ Ратенскій кгрунтъ, а Дубичане его во вжыванью.

Панъ Семашко зъ Вижвенскими людьми повѣдилъ, ижъ то естъ звѣчысто Вижвенско князства великого. И вели насъ надъ рѣкою, которая съ Колодынь идеть надъ Холопинымъ лѣсомъ; и вели презъ полька и кошары ажъ до дороги, которая идеть зъ Вижвы до Дубична, и тамъ на дорозѣ оказали Вижвяне дубъ порубаный, въ которомъ повѣдили быти знаки, але покажены, не знати ихъ, и черезъ тую дорожку на туюжъ рѣку, которая съ Холопина лѣса, якобы на два стрѣленья зъ лука указали дубъ, въ которомъ указали знакъ съ одное стороны древа, а зъ другое стороны вырубаный; а потомъ привели насъ надъ тымъ же Холопимъ лѣсомъ и вказали намъ дубъ, въ которомъ крижи зъ обудву сторонъ, и повѣдили, ижъ то естъ граница Вижвенская, котора чыни граница зъ Дубичаны села Ратенского: по лѣву Вижвенское, князство великое, а по праву Ратенское село Дубичанское. И недалеко того дуба въ дву дубахъ такъ же оказали знаки, ижъ тые дубы три посполу одинъ отъ другого на колько кроковъ, а потомъ отъ тыхъ трехъ дубовъ вели насъ надъ лѣсомъ Лютымъ презъ поля и пашни, межы стоги Кремнецкіе Ратенскіе, и повѣдили, ижъ тые поля были Вижевскіе, але ихъ кгвалтомъ съ Кремна села Ратенскіе отнято. И вели насъ рѣчкою Лютою, которая идеть лѣсомъ Лютымъ, и повѣдили, ижъ и быдло забрано на тыхъ поляхъ, къ чому ся и Ратняне сознали; а потомъ привели до дубу великого, и повѣдили, ижъ то естъ граница наша Вижевская съ Кремномъ; а Кремняне повѣдили, ижъ то естъ граница наша Кремнянская зъ Любочынцы селы Ратенскими, одное половицы съ Кремна, а зъ дру-

того села зъ Любочынца, зъ Любомска; а отъ того дуба вели насъ рѣчкою Лютою до Теремца до врочыща до горы.

А того всего обводу отъ рѣки Вижвы отъ врочыща Колодина до Теремца горы якобы на три мили.

А въ томъ заводѣ куды, зъ Ратна панъ Янъ Свѣтицкій староста Ратенскій велъ, почевшы отъ пня Селивонова, который естъ надъ Припятью, по всимъ урочыщамъ выше описанымъ ажъ до горы врочыща Теремца, такъ тежъ куды обводили зъ великого князства врядники королевое ее милости, и врядники князя Кошырского съ товарышы своими и врядники князя старосты Володимерского, въ тыхъ обѣюхъ заводехъ Ратенскихъ селъ, которые осажены повѣдають на кгрунтѣ великого князства, то естъ: первое село у Цыри селѣ десятая часть Цырскихъ, другое Борки, третяя Глуша, четвертая Щедрогощъ, пятое Щитинъ, шостое Черниче, семое Бузаки, осьмоеРаковъ Лѣсъ, девятое Михновичы, десятое Илбле, первоенадцать Велимче, другоенадцать Поступле, третеенадцать Замъшане, четвертоенадцать Датынь, пятоенадцать Васильки; а то въ томъ же заводѣ, который менуеть староста Ратенскій якобы на кгрунтѣ Ратенскомъ мѣли быти осажены села зъ великого князства, то естъ на имя: первое у Цырску, якобы деветь частей, другое Глушка, третее Ведеръ, четвертое Илбле, пятое Лахвичы, шестое Хотешовъ, семое Мостища, а того всего, куды панъ Янъ Свѣтицкій велъ, почевъ отъ Селивонова пня до горы Теремца, вдолжъ якобы на пятнадцать миль.

А куды врядники королевое ее милости и князя Кошырского съ товарыщы своими, почевши отъ рѣчки Проритицы, и куды врядники князя старосты Володимерского вели ажъ до горы Теремца, вдолжъ якобы на семнадцать миль. А розницы въ шырки промежку тыхъ обводовъ индѣ на десеть миль, а индѣ на пять, а индѣ на двѣ, а индѣ меньшы.

Обводъ корунный.

Индиктъ 5, мѣсеца Сентебря 13 день, въ понедѣлокъ.

Ставшы у горы, у врочыща Теремца земяне повѣту Любомского Городецкіе, Янъ а Василей вели черезъ болото рѣчкою Лютою унизъ до рѣки Вижвы, гдѣ впадываеть Лютая у рѣку Вижву, и тою рѣкою Вижвою уверхъ до рѣки Оходное, и повѣдили межы тыхъ граней Теремца тоею рѣчкою Лютою, и тоею рѣчкою Вижвою до рѣчки Оходное съ обудвухъ сторонъ, яко съ Коруны такъ и съ князьства упокойную границу. И вели Городенскіи земяне тоею рѣчкою Оходною уверхъ до горы Кремяное до дороги великое; отъ тое горы взяли земяне Любомскіе Кграбинскіе а Окунинскіе вели тою дорогою великою, которая идеть зъ Берестья къ Володимеру на Вижву, менячы тую дорогу границу собѣ зъ селомъ великого князства князя Өедора Вишневского Видютемъ а зъ селомъ князя Өедора старосты Володимерского Смединомъ ажъ до врочыща рѣчки Черньца, и вели тою дорогою якобы на полторы мили. Тутъ панъ Петръ Семашко зъ людьми королевое ее милости Паридубскими повѣдилъ: къ той дорозѣ въ томъ мѣстѣ граница пришла села людей королевое ее милости Паридубского. И вели насъ весполокъ тою дорогою яко зъ великого князьства, такъ съ Коруны якобы на чверть мили, менячы собѣ тую дорогу за впокойливую границу. Потомъ Кграбинскіи съ Окунинскими земяны Любомскими повели съ тое дороги дорогою другою на лѣво, которая идеть до села

королевое ее милости великого князства къ Паридубомъ, и вели тою дорогою якобы на чверть мили и прѣзждчаючы къ селу Паридубомъ, поблизу тую дорогу опустившы влѣво въ село, а насъ повели на право сѣножатьми и польми и перелѣсанками якобы на полъ версты безъ дороги, ижъ тамъ намнѣйшого куса дороги не оказало, и взвели насъ на тую жъ великую дорогу, которою панъ Семашко зъ людьми королевое ее милости велъ. И тутъ на той дорозѣ Кграбинскій съ Окунинскими повѣдили, ижъ потуль естъ наша граница, а то вже естъ земля земянъ Стокорскихъ корунныхъ.

Тогожъ дня въ понедѣлокъ земяне Любомскіе Стакорскіе повѣдили быти границу свою и зъ людьми великого князства королевое ее милости Паридубцы отъ пяты Кграбинского, отъ дороги гостинца Витолтова, у которыхъ мѣстѣхъ Кграбинскій здалъ границу свою противъ села великого князства Сомина, до дорожки, которая идеть отъ Перевалъ до Лукова, и повѣдилъ, ижъ тутъ у тое дорожки пришла граница Кграбинского у потоку.

На то повѣдилъ панъ Петръ Семашко именемъ брата своего пана Богдана Семашка, старосты Ковельского и зъ людьми королевое ее милости Паридубцы: куды Городенскіи и Кграбинскіи и Окунинскіе и Стакорскіе вели, то естъ властная а звѣчыстая земля а кгрунтъ королевое ее милости имѣнья ее милости Паридубского.

Того обводу Стакорскихъ якобы на чверть мили.

Обводъ великого князства.

Тогожъ дня у понедѣлокъ мѣсеца Сентебря 13 дня.

Ставшы у горы у врочыща Теремца оповѣдилъ панъ Петръ Семашкоименемъ брата своего пана Богдана Семашка, старосты Ковельского, што есьми въ субботу оповѣдалъ границу межы селъ королевое ее милости, то естъ замку ее милости Вижовского и села старого Вижовского, ижъ границы великого князства съ Коруною тутъ нѣтъ, бо Ратенъ и Любомль было великого князства а отчызна князей Сендюшковичовъ, а отышолъ тотъ Ратенъ и Любомль за Казимера короля, яко часу своего то все будеть оказано. А то грани промежку селъ Ковельскихъ: Вижвою мѣстечкомъ и селомъ старымъ Вижовскимъ. А теперь тежъ повѣдаю грани такъ же межы селъ: напервѣй отъ того Теремца поченшы рѣчкою Лютою, по праву тое рѣчки Лютое, земянъ Любомскихъ Городенскихъ Яна а Василья, а полѣву королевое ее милости Вижевское, и тою рѣчкою Лютою у рѣку Вижву и рѣкою Вижвою уверхъ.

И повѣдили, межы тыхъ граней, Теремца, тоею рѣчкою Лютою и тоею рѣчкою Вижвою до рѣчки Оходное, зъ обудвухъ сторонъ, яко съ Коруны, такъ съ князства упокойную маютъ границу. И оттуль вели ку врочыщамъ Лавамъ, отъ Лавъ ку двору Сенкгушкову, который бывалъ у ловищахъ, оттоль тоеюжъ рѣкою къ мостищу Корнину, отъ мостища къ Чорному плесу, отъ Чорного плеса зъ рѣки Вижвы, опустившы рѣку Вижву направо, у рѣчку Чорную, а рѣчкою Чорною уверхъ къ Соломени и тымъ Соломенемъ къ Можковымъ лѣскомъ, отъ лѣсковъ у рѣчку Чернче, и Черчомъ рѣчкою у Демьяново болото, отъ Демьянова болота на дорогу великую, которая идеть зъ Берестья къ Володимеру на Вижву, тою дорогою чрезъ сельце Стахоры земянъ Любомскихъ на бродъ, меначи тое село поправу Любомское, а полѣву великое

князство селъ королевое ее милости Паридубского и Годевицкого. И повѣдили люди королевое ее милости Паридубскіе и Годевитскіе, ижъ у того коловорота наша граница доконала.

На то земяне Стакорскіе Любомскіе повѣдили, ижъ тутъ по обѣимъ сторонамъ наша естъ отчызна.

Обводъ Коруны польское, почевшы отъ Теремца и поки Кграбинскіи съ Окунинскими перестали на дорозѣ, на противку села королевое ее милости Сомина,—по всимъ тымъ врочыщамъ вдолжъ якобы на чотыри мили.

А куды зъ великого князства Семашко зъ людьми Паридубцы вели, почевшы отъ Теремца ажъ до села Стахоръ, по всимъ тымъ врочыщамъ вдолжъ на чотыри мили; а въ тыхъ обводѣхъ обѣюхъ у шырки якобы на милю.

Тогожъ дня скоро съ того сельца у коловорота выѣждчаючы поткали насъ люди великого князства села королевое ее милости Соминцы и повѣдили, ижъ тутъ наша граница зняла ся съ Паридубскою и Годевецкою, и зоставившы тую дорогу великую налѣво и насъ вели направо черезъ поля къ болоту якобы на стрѣленье зъ лука и повѣдили, ижъ посередъ того болота наша граница Соминская, а поправу того болота половица села Луковского земянина Любомского Кграбинского и тымъ болотомъ до Ольхова Лаза, отъ Ольхова Лаза до Дорогинина лѣса; тутъ менили собѣ границу быти съ Окунинскими а зъ Моковскою земяны Любомскими тотъ лѣсъ Дорогининъ наполы. И съ того лѣса Дорогинина вели насъ Соминцы якобы на двѣ стрѣленья зъ лука, и привели къ двумъ озеромъ и менили направѣ озеро быти Окунинскихъ земянъ Любомскихъ, а полѣву озеро Соминъ села великого князства Соминского; тутъ повѣдили направѣ кгрунтъ пановъ Окунинскихъ и пана Свѣтицкого, села его Трушковского повѣту Любомского, и вели насъ сѣножатьми до рѣчки Рудки, менячы быти поправу землю пана Свѣтицкого Трушковскую, а полѣву Сомнискую великого князства, отъ тое рѣчки Рудки вели ку Лазищомъ лѣсу: у того лѣса менили быти поправу землю Каспора Новоселского, земянина Любомского, а полѣву великое князство, Соминское, Отъ того лѣса Лазищъ до другого лѣса Серебова, у того лѣса Серебова повѣдили, ижъ тутъ вже земля пришла съ права пана Свѣтицкого Поревальская отъ того лѣса Серебова вели насъ до Окуньего болота, отъ того болотца до Коршокова дуба, отъ дуба до дороги Соминское, которая идеть изъ Сомина до Перевалъ; и повѣдили, ижъ тутъ ся вже граница наша кончыть, а поткала граница Торговищская села князя старосты Володимерского. Того обводу, куды врядникъ князя Кошырского зъ людьми Соминскими велъ, почевшы отъ Стахорского села до дороги Торговицкое, по всимъ тымъ врочыщамъ вдолжъ якобы на полторы мили.

На то панъ Янъ Свѣтицкій и Кграбинскіе и Окунинскіе повѣдили: куды вели зъ князства люди королевое ее милости Соминцы, то все естъ кгрунтъ а властная земля наша.

Обводъ Любомскій.

Мѣсеца Сентебря 14 день, у волторокъ.

Земянинъ Любомскій Кграбинскій зъ людьми села своего Лукова повѣдили быти границу свою и зъ людьми великого князства села королевое ее милости Сомина отъ пяты потока, гдѣ здали ему земяне Стакорскіе, до врочыща Соломца, до пяты земянъ Любом-

сихъ, Окунинскихъ и Гомаковскихъ. Обводу Кграбинского вдолжъ якобы на полъ мили.

На то люди великого князства королевое ее милости Соминцы повѣдили: куды Кграбинскій велъ, то есть по всимъ тымъ границамъ наша властная а звѣчыстая земля, а во вжываню спокойномъ мы ажъ до сихъ часовъ; лечь яко тотъ Кграбинскій тое село купилъ, тогды насъ почалъ вытискати отъ шести годъ.

Тогожъ дня мѣсеца Сентебря 14 день, у волторокъ.

Отъ Соломца, пяты Кграбинского села его Луковского земяне Любомскіе Окунинскіе повѣдили быти границу свою и зъ селомъ великого князства королевое ее милости Соминомъ отъ болота Омакова рѣчкою до Соломца рѣчки, отъ Соломца до рову выкопаного зъ озера Соминского, отъ рову до врочыща Трошака Рачыны, и повѣдили, ижъ ся наша граница тутъ кончыть, а пришла граница пана Яна Свѣтицкого. Того обводу Окунинскихъ якобы на милю.

На то повѣдили врядникъ и люди королевое ее милости Соминцы: куды Окунинскіе вели, то есть властный а звѣчыстый кгрунтъ нашъ и того смы у въ упокойномъ держаню.

Обводъ зъ Любомля.

Мѣсеца Сентебря 14 день, у волторокъ.

Панъ Янъ Свѣтицкій повѣдилъ, менячы быти границу свою имѣнья своего Перевальского и зъ селомъ великого князства королевое ее милости Соминомъ, и взявъ границу отъ земянъ Любомскихъ Окунинскихъ села ихъ Омаковского, отъ млына отъ Окунинскихъ оттоль ровкомъ до озера Соминского, и повѣдилъ посредъ того озера границу свою и зъ Соминомъ, отъ того озера уверхъ до млынка Соминского, и повѣдилъ якобы тотъ млынокъ мѣлъ быти збудованъ на кгрунтѣ его, и менилъ тую рѣчку Румянкою, и тою рѣчкою Румянкою до броду, который повѣдилъ на той же рѣтцѣ Румянцѣ, оттоль до лѣса Осового тамъ повѣдилъ панъ Свѣтицкій по лѣвой сторонѣ великое князство князя старосты володимерского, князя Θедора Андреевича Санкгушковича, имѣнія его Торговицкого, а поправу Перевальская, отъ того лѣса Осового, займаючи посредъ болота великого до копцовъ старыхъ, которые дей середъ болота стоять, о которыхъ намъ первѣй не повѣдилъ, оттуль до гребелки, которая есть на тойже рѣтцѣ Румянцѣ, тамъ отъ тое гребелки боромъ, менуючы тую жъ рѣчку Румянку Лозами, до верху болота, и повѣдилъ, якобы съ того болота тая рѣчка Румянка мѣла ити, оттуль презъ двѣ дороги, которые идуть съ перевалъ, одна до Торговица, а другая до Видутя ку дубу надъ озеро. И повѣдилъ, якобы мѣли тотъ дубъ называти кудрявымъ, отъ того дуба якобы на кликъ и повѣдилъ межи дву сосонъ копецъ, и повѣдилъ, ижъ то по лѣву есть земля князя старосты Володимерского, а поправу имѣнья своего Перевальского, и оттуль полемъ до дву могилъ, отъ тыхъ дву могилъ до лѣса, который зовуть Волчыщомъ, посредъ лѣса того Волчыща до Горожанъ до копца, отъ того копца до другого копца и до Василькова ставку, оттуль до дву могилъ до озера Светого. И посередъ озера ставшы повѣдилъ по лѣву кгрунтъ великого князства, а поправу своихъ селъ, и въ того озера Светого повѣдилъ, ижъ ту пришла земля князей Курцевичовъ имѣнья ихъ Туричанъ. На то повѣдилъ врядникъ Соминскій зъ

людьми великого князства Соминскими, и врядникъ князя старосты Володимерского Дольскій Богданъ Кголимонтъ куды панъ Свѣтицкій велъ яко зъ селомъ Соминскимъ королевое ее милости, такъ тежъ зъ имѣньи князя Ѳедора Санкгушкевича, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, Торговицкого и Долзьского, по всимъ тымъ границамъ и врочыщамъ многіе повѣдилъ имена, которые не суть такъ названы, и куды онъ велъ, то естъ кгрунтъ села королевое ее милости Сомина и имѣней князя старосты Володимерского, Торговицского и Долзьского, и которые копцы собѣ меновалъ быти за грань, тамъ копцы никгды не бывали, а не есть то грань межы тыми имѣньи.

А по тымъ границамъ мы сами не ѣздили, чотыри дни есьмо товарышовъ нашыхъ ждали, хотячы по границамъ ѣхати, оны въ пана Свѣтицкого въ Перевалехъ мѣшкали, потомъ олижъ шостого дня списки намъ прислали.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебря 14 день, у вовторокъ.

Тутъ въ тое дороги, которая изъ Сомина до Перевалъ идеть, у Кошаркова дуба оповѣдилъ врядникъ и зъ людьми князя старосты Володимерского, его милости князя Ѳедора Андреевича Санкгушковича, Долзскій Богданъ Кголимонтъ, ижъ тутъ въ тое дороги кончыть граница села великого князства Соминская, кгрунтъ королевое ее милости, а поткала граница села князя моего Торговицкая; и повѣдилъ, ижъ тутъ границы корунное нѣтъ, бо Ратенъ и Любомль было князей нашыхъ Сендюшковичовъ, якожъ на оный часъ того ихъ милость молчати не будуть. А што ся тычеть границы межы селъ, я оповѣмъ. И велъ насъ отъ того Кошаркова дуба ко млыну вѣтренему, гдѣ теперъ каплчка стоить; и повѣдили, ижъ тая капличка поставена на властной земли князя моего, а тому есть два годы. Отъ млынка велъ болотомъ Волческимъ ажъ къ перетоку къ Мошенскому лѣсу а ку дорозѣ, которая къ Туричаномъ идеть съ Перевалъ; у которое дороги копецъ оказали, и по праву менили быти корунное, а по лѣву великое князство. И повѣдили, ижъ ся тутъ граница села князя моего Торговицкого кончыть, а починаеть ся земля князей Курцевичовъ, имѣнья ихъ Туричынского. Того обводу князя старосты Володимерского имѣнья его Торговицкого отъ Кошаркова дуба до Мошенского лѣса до дороги, которая къ Туричаномъ съ Перевалъ идеть, вдолжъ на милю.

Панъ Янъ Свѣтицкій на то повѣдилъ, ижъ куды врядникъ князя старосты Володимерского Долзскій велъ, то все есть властная земля имѣнья моего Перевальского.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебря 15 день, въ середу.

Панъ Янъ Свѣтицкій, староста Ратенскій, повѣдилъ, менячы быти границу имѣнья своего Перевальского и зъ князи Курцевичы имѣнья ихъ Туричына отъ того озера Светого къ долу, и менилъ якобы тымъ доломъ мѣла рѣчка Романиха выйти съ озера Светого, и повѣдилъ границу свою съ князи Курцевичы до рѣки Турьи, а отъ Турьи повѣдилъ у рѣчку Турку, и повѣдилъ, ижъ на той рѣтцѣ ставъ збудованъ, которого зовуть Вопиханки, отъ того ставку Опиханки повѣдилъ рѣчку Глубочыцу, которая, повѣдаеть, упала у

тотъ же ставъ, тою Глубочыцою черезъ лѣсъ Зябки на рогъ болота Королева у Бартошовъ островъ, и тутъ панъ Свѣтицкій повѣдилъ, ижъ ту доконала земля князей Курцевичовъ, а прышла земля великого князства пановъ Овлучемскихъ села ихъ Овлучима, а по праву менилъ свою землю Перевальскую.

Князь Богданъ а князь Михайло Курцевичы на то повѣдили: по которымъ границамъ панъ Свѣтицкій велъ, то естъ властность наша и въ упокойномъ держанью, а кгды будетъ того часъ, будемъ умѣти и зъ Свѣтицкимъ о то мовити.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебря 15 день, у середу.

Въ тое дороги, которая идеть съ Перевалъ до Турычанъ, у копца, гдѣ подалъ границу врадникъ князя старосты его милости Володимерского Долзскій Богданъ Кголимонтъ и зъ людьми села его милости Торговицкого, повѣдили князи Курцевичы: Князь Богданъ а князь Михайло, ижъ то есть на лѣвѣ наша граница, почeншы отъ озера Светого, которое озеро на полы маемъ съ княземъ старостою Володимерскимъ его милости и межы того озера и копца, злѣ которого стоимъ, маемъ два копцы съ княземъ старостою его милостью. И тые копцы намъ оказали, и повели черезъ дорогу гредою, которая дорога идеть съ Перевалъ до Турычанъ, и повѣдили, ижъ тутъ на правѣ земля повѣту Любомского, кгрунтъ пана Свѣтицкого имѣнья его Перевальского, а на лѣвѣ великое князство села нашого Туричанского повѣту Володимерского, и тымъ грудомъ вели до ставу Хотеновичъ, отъ того ставка посередъ болота Чыстого стругою у Чорную Воду. И повѣдили, ижъ у тоѣ Чорное Воды граница наша кончить, а починается земля пановъ Овлучемскихъ, а шкодъ не повѣдили.

Того обводу, куды князи Курцевичы вели, почeншы отъ того озера Светого до тое Чорное Воды, вдолжъ якобы на полъ мили.

Обводъ корунный.

Тогожъ дня въ середу.

Панъ Янъ Свѣтицкій повѣдилъ менячы быти границу свою Перевальскую и зъ земяны великого князства Овлучимскими: паномъ Андреемъ а Иваномъ а Юръемъ Гнѣвошевичы, отъ болота, которое прозываетъ панъ Свѣтицкій Королевымъ болотомъ, и повѣдилъ, якобы по тому болоту тая жъ рѣчка Глубочица мѣла ити на гору до лѣса Тишина, отъ того рогу лѣса тоею жъ рѣчкою Глубочицою до Жукова острова, до Обидова: тутъ повѣдилъ, ижъ пята прышла земянъ Любомскихъ Олѣскихъ.

На то панове Овлучемскіе повѣдили: куды Свѣтицкій велъ, то есть наша звѣчистая земля, которое мы зъ давныхъ часовъ у держанью; а то есть граница правдивая межи селъ нашихъ съ паномъ Свѣтицкимъ, куды мы окажемъ.

Тогожъ дня оповѣдали земяне Олѣскіе и съ людьми короля его милости Олѣскими повѣту Любомского границы свои отъ пяты Свѣтицкого имѣнья его Перевалъ а врочища Потымъя по врочищамъ, то есть: отъ Потымъя посередъ болота до Лютого лѣсу, отъ Лютого до броду Неретуе, отъ Неретуя до Городища надъ озеромъ, а зъ Городища посредъ озера Неретуя и посредъ болота до Мѣшка лѣса, и посредъ того лѣса рѣчкою до Домашнего рѣкою, а зъ Домашнего до Перехрестья врочища при гостинцу Володимерскомъ, а отъ Перехрестья до греды, отъ греды до Кочано-

ва ставку. А тамъ уже пришла граница волости Городельское, староства земли Белзское Стешырыть а Заболотья: по тыхъ усихъ врочищахъ менили собѣ быти Олѣскіе границу съ паны Овлучымскими, князство пущаючы на лѣво, а направо въ Коруну.

На то панове Овлучемскіе повѣдили: по которымъ границамъ вели земяне Олѣскіе и зъ людьми короля его милости Любомского повѣту Олѣскими, то естъ властная земля наша; лечъ оны кгвалтомъ, моцью насъ самыхъ и людей нашихъ изъ земль нашихъ вытискають и вдѣлали намъ шкоду у збожъи у гвалтехъ, у боехъ у грабежохъ въ забираньи быдла и въ подраньи пчолъ, въ порубанью дерева; бо мы малы отца остали, и матка наша вдова: што хотѣли, то грабили, жыто и збожъе брали, земли нашы посѣдали, якожъ въ тыхъ грабежохъ и кгвалтехъ шкодуемъ собѣ на осмъ сотъ копъ грошей.

Обводъ великого князства.

Тогожъ дня въ середу.

Панове Овлучемскіе: панъ Андрей, а панъ Иванъ, а панъ Юрей Гнѣвошевичи зъ людьми своими Овлучемскими вели отъ Чорное Воды Чыстымъ болотомъ, гдѣ подали имъ границу князи Курцевичи и повѣдили, ижъ тутъ по праву земля повѣту Любомского а кгрунтъ пана Свѣтицкого имѣнья его Перевальского, а по лѣву великое князство, а кгрунтъ имѣнья нашого Овлучемского, и вели тымъ болотомъ двѣ части у великое князство, а третюю часть ку имѣнью пана Свѣтицкого Перевальскому, и менили тымъ болотомъ врочищо Чорную Воду, и вели ажъ до Жукова ставка, и повѣдили, ижъ тутъ ся кончить граница пана Свѣтицкого имѣнья его Перевальского, а вже намъ естъ граница зъ земяны и зъ людьми Олѣскими, и ту тежъ зъ людьми королевскими Олѣскими жъ повѣту Любомского. И отъ того Жукова ставка вели насъ тоею жъ рѣчкою Чорною Водою черезъ Чортовъ лѣсъ, меначи быти поправу кгрунтъ земянъ и людей Олѣскихъ повѣту Любомского, а полѣву имѣнья своего Овлучимского, отъ Чортова лѣса тою жъ рѣчкою Чорною къ ставищу. И повѣдили, ижъ у того ставища посадилъ люди свои земянинъ Любомскій Юхно Олѣскій на кгрунтѣ нашомъ великого князства отъ десети лѣтъ. Отъ того ставища вели тою жъ рѣчкою Чорною, держачы Тешовъ лѣсъ по лѣвой сторонѣ, и мало проѣхавшы тотъ лѣсъ повели насъ на лѣво отъ Чорное Воды, и оповѣдили намъ три копцы, копецъ просто, отъ копца до врочища лѣса Въюнищъ у рѣчку Невѣдомку и тою рѣчкою Невѣдомкою уверхъ до селища Щотова и повѣдили, ижъ тое селищо Щотово по праву Корунно; оттоле вели тоюжъ рѣчкою Невѣдомкою до Ставрова лѣса ажъ у въ озеро Невѣдомку. У того озера повѣдили, ижъ тутъ земянъ и людей Олѣскихъ граница кончаеть ся, а прышла граница села Стежерицкого повѣту Городельского, отъ того озера Невѣдома, куды вели черезъ багны къ Горицамъ, отъ Горицъ багномъ на рогъ лѣса Ванилова черезъ болото къ Паровцу, и повѣдили, ижъ тутъ вже граница наша кончить, а пришла граница села великого князства повѣту Володимерского Пузовская.

Того обводу, куды панове Овлучемскіе вели, почонъ отъ болота Чистого ажъ до Паровца границы Пузовское, вдолжъ якобы на полъ четверты мили. А куды Олѣскіе вели, почоншы отъ врочища Потымья, по всимъ врочищамъ до Каченова ставку якобы на чотыры мили, а розницы якобы на двѣ мили, а индѣ на милю.

Тогожъ дня присылалъ до насъ владыка его милость Володимерскій Генадей врадника своего Гаврила, оповѣдаючы, ижъ которое село на имя Стежеричы надано на церковь Володимерскую Пречыстое Богородицы, которое село естъ на сей сторонѣ Бугу отъ великого князства, то пакъ тыхъ недавныхъ часовъ воевода Белзскій панъ Крупскій тое село Стежеричы забралъ и теперь его держить; которое село межы многихъ селъ Володимерского повѣту ено у дву миляхъ отъ Володимера, на што его милость владыка листы и твердости ма и часу своего то хоче оказати.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебря 16 день, у четвергъ.

Ставшы у того врочыща Паровца, въ которого подали Овлучемскіе земяне великого князства повѣту Володимерского панъ Богушъ, а панъ Тимошъ а Өедоръ зъ имѣнья своего Пузова повѣдили, ижъ тутъ естъ наша граница у пяты пановъ Овлучымскихъ у Паровца и повѣдили, ижъ по праву естъ земля села Стежерицкого Городельского повѣту, а полѣву великого князства, земля имѣнья нашого Пузовского. И вели насъ отъ того врочища Паровца отъ болота границою своею; которую менили быти промежку великого князства села своего Пузова и промежку села Стежерицкого Городльского къ Пещаному броду, отъ броду къ ставищамъ, край грады, держачи граду по праву у Коруну, ажъ до врочища Лѣсковъ, отъ Лѣсковъ вели насъ къ Самотешы, отъ Самотешы до дороги, которая идеть съ Стежеричь къ Володимеру. Тутъ повѣдили панове Пузовскіе, ижъ тутъ у тое дороги граница наша кончить, а пришла земля Устилузская великого князства а села владыки Володимерского Өедоровского великого жъ князства.

Того обводу, куды земяне Пузовскіе вели, почёнъ отъ Паровца болота до дороги, которая идеть съ Стежеричъ къ Володимеру, вдолжъ якобы на милю, а поперекъ на полъ мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебря 16 день, тогожъ дня у четвергъ.

Земенинъ господарскій панъ Михайло Котовичъ а врадникъ князя Александра Вишневского Устилузскій и зъ людьми своими села Устилузского вели, меничы быти границу свою и зъ селомъ Городельскимъ Стежеричы, которое село Стежерычы повѣдили быти владыки Володимерского наданое на церковь Володимерскую Пречыстое Богородицы, еножъ тыхъ недавныхъ часовъ Крупскіи кгвалтомъ тое село Стежеричы забрали. И велъ насъ Михайло Котовичъ и врадникъ князя Вишневского отъ гребли Пузовское села великого князства до Волчихъ бродовъ, отъ Волчихъ бродовъ до лѣса Городельского Выдреницы посредъ рѣчки Выдреницы до дороги, которая идеть отъ Городла до Володимера, отъ тое дороги черезъ Бугъ къ тополю до полгаю сосновог, отъ гаю на Красную гору, и повѣдили, ижъ тутъ у тое Красное горы наша граница кончыть, а починаеть ся граница князя Александра Вишневского села его Езовского. А што Пузовскіе повѣдили быти пяту свою у дороги, которая изъ Стержеричъ до Володимера идеть, тая дорога естъ у нашой земли.

Того обводу Михайлова и врадника князя Вишневского отъ гребелки Пузовское до Красное горы вдолжъ якобы на двѣ мили.

Обводъ Городельскій корунный.

На тыхъ есмо границахъ не были.

Мѣсеца Сентебря 17 день, въ пятницу.

Врочыща границъ Городельского старороства земли Белзское отъ замку и отъ мѣста и отъ села починаеть ся отъ границы земянъ и людей Олѣскихъ повѣту Любомского зъ имѣньемъ Овлучимомъ земянъ великого князства пановъ Гнѣвошовъ повѣдили быти пяту повѣту Городельского. Отъ врочища, которое называють зъ Городла Ставрово, отъ Ставрова врочища до гати, отъ гати черезъ багонъ, отъ багна боромъ черезъ гору, отъ тое горы черезъ малый багонъ, а отъ того багна черезъ боръ ку великому багну, который багонъ идеть до Невѣдома озера: менили на лѣвѣ великое князство, а по праву Городельское. Отъ Невѣдома озера до великого багну, черезъ который багонъ дорода идеть съ Линя мѣстечка къ дубу, отъ дуба ку соснѣ, которую менили быти зеленою, которое сосны только пень, отъ сосны на рогъ грады презъ дорогу, которую градою повѣдили якобы мѣла быти граница великому князству зъ Городельскимъ старостволъ: по праву Городельско, а по лѣву великое князство до врочища Качанъ ставка, отъ Качанъ ставка середъ болота къ Паровцу лѣску, и черезъ тотъ лѣсокъ посередъ болота мимо врочищо Черницы островъ: на лѣво князство менили быти. а по праву Черницы островъ ку Городлу до врочища Свѣтымя озера и по полъ озера того до врочища Городища и мимо врочищо Королевское Становище посредъ болота ку врочищу Годенямъ. Отъ Годеня врочища болота посредъ того болота ку относѣ, которая идеть съ того болота, отъ тое отноги черезъ кустовъе ку дорозѣ, а за тою дорогою у подолъ и черезъ поле къ межы, отъ межи до сугранн за дорогу Володимерскую ку Милееву озеру и по полъ озера того черезъ Бугъ, отъ Бугу у болото, и тымъ болотомъ подлѣ лозы къ потоку, который идеть отъ тое лозы къ сѣножатемъ князя бискупа Луцкого, отъ тыхъ сѣножатей бискупихъ подлѣ Лозъ доломъ ку колодезю врочищу, которого называють Каменымъ до Стрыжовское границы: на лѣвѣ менили быти великое князство, а по праву Городельское.

На то повѣдили зъ великого князства панове Овлучемскіе и земяне Пузовскіе зъ имѣнья своего Пузова, а панъ Михайло Котовичъ а враднинъ князя Александра Вишневецкого зъ имѣнья Устилуга и другій врадникъ князя Вишневского Езовскій и врадникъ Щасного Львовича Чернейковскій, тотъ тежъ Михайло Котовичъ и зъ зятемъ своимъ паномъ Яронимомъ, воеводичомъ Крупскимъ и зъ урядникомъ Щасного Львовича зъ имѣнья своего посполитого Лудина одностални куды вели отъ Городла и зъ староства корунного, почевшы отъ границы пановъ Овлучемскихъ земянъ великого князства, тые вси грани и врочища есть у великомъ князствѣ и кгрунтъ отчызна наша и зъ вѣку великое князство. Коли будетъ того часъ, ясне то оповѣмы и доводомъ слушнымъ водлѣ обычаю права подперети хочемъ.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца. Сентебря 18 день, въ суботу, индиктъ 5.

Врадникъ князя Александра Вишневского Езовскій Богушъ зъ людьми князя своего села Езовского, ставшы у тое горы врочыща Красного, повѣдилъ, ижъ отъ тое горы Красное отъ пяты пана Михайла Котовича и князя моего села

Суличовского починаеть се граница имѣнья князя моего Езовская и по правой сторонѣ то есть земля Городельская повѣту Бѣлзкого, а по лѣву великое князство, и велъ насъ подлѣ тое Красное горы якобы на полторы версты, и тую гору Красную опустившы управо и отъ тое горы просто у Савинъ ровъ у Бугъ, и тутъ оповѣдалъ се врадникъ Хочетовскій князя бискупа его милости Луцкого Собестіанъ Вивинскій, ижъ тутъ ку Бугу на лѣвѣ у великомъ князствѣ посполъ и зъ землями князя Вишневского имѣнья его Езовского у сѣножати князя бискупа его милости кгвалтомъ уступують и забираеть панъ Янъ Свѣтицкій зъ имѣнья своего Стрыжовки. И повѣдилъ врадникъ князя Вишневского, ижъ тутъ се вжо кончи граница села князя моего Езовская и князя бискупа его милости Луцкого сѣножати имѣнья его милости Хотечовского, и по лѣву повѣдилъ быти великое князство, а по праву Городельского повѣту имѣнья пана Свѣтицкого Стрыжовского.

Того обводу врадника князя Вишневского отъ Красное горы до Савина рову до Бугу вдолжъ якобы на полторы версты, а въ ширки якобы на полъ мили.

Тогожъ дня отъ того мѣстца Савина рову велъ врадникъ Щасного Львовича села великого князства Чернейкова Турчынъ до Бугу и повѣдилъ, ижъ тутъ пану моему селу его Чернейкову по полъ Буга по праву Городельского повѣту имѣнья пана Свѣтицкого Стрыжовского а по лѣву великое князство земля пана моего и велъ насъ подлѣ Буга, меначи собѣ по половицы рѣки Буга границу и велъ насъ мимо село и мимо замочокъ Стрыжово уверхъ рѣки Буга, меначи собѣ границу по половицы Буга якобы на полъ мили. И оттоль прывелъ ку долинѣ, которая идеть зъ Лудинское дубровы у Бугъ, и повѣдилъ, ижъ тутъ ся кончить граница пана моего села его Чернейкова и починаеть ся граница отъ тое долины пана Михайла Котовича и пана моего Щасного имѣнья ихъ Лудинского, а съ тое стороны Буга земля пана Яна Свѣтицкого села его Гусинского. И тутъ стоячы въ того логу оповѣдилъ панъ Михайло Котовичъ и зъ зетемъ своимъ паномъ Яронимомъ Крупскимъ, ижъ починаеть ся земля села нашого отчызного Лудинского, и менили собѣ быти границу по полъ рѣки Буга уверхъ, и вели насъ злѣ Буга подъ село Гусино якобы на чверть мили. И повѣдили, ижъ посредъ ставу Гусинского то есть наша граница, а отъ ставу вели насъ уверхъ же Бугомъ ажъ до валу врочища Торопля, который къ самому Бугу прышолъ, и повѣдили, ижъ по праву за Бугомъ граница Свѣтицкого села его Гусина кончить, а прышла земля Петровского а Османского имѣнья ихъ Городка. И вели насъ уверхъ Буга, менечи собѣ границу по половицы рѣки Буга на правѣ Городельскій повѣтъ села Городецкого, а по лѣву великое князство села Лудинского, и вели мимо село Городецкое Бугомъ и мимо Городищо Волынское, которое есть по правой сторонѣ Буга, и мимо село свое Аммуково ажъ до Цутнева до села воли королевское повѣту Грубешовского. И повѣдили, ижъ тую волю Цутнево староста Грубешовскій панъ Дубовскій на властной отчизной земли нашой Лудинской осадилъ, и вели черезъ рѣку Цутнево Бугомъ уверхъ до врочища Чорное лозы, и повѣдили въ тое Чорное лозы, ижъ тутъ наша граница отъ Буга идеть влѣво до врочища Глинищъ мимо Поромовскій гай ажъ до села земли владыки Володимерского

Боженки, а Бугомъ уверхъ то есть повѣтъ Володимерскій дѣлить съ повѣтомъ Бѣлзскимъ ажъ до Крылова въ тое границы рѣки Буга отъ Ляховъ забраны села Володимерского повѣту на имя Михалъ, а Поромово, а Кречово а Ясепово.

Отъ того логу, куды велъ Михайло Котовичъ и зъ зятемъ своимъ паномъ Яронимомъ Крупскимъ рѣкою Бугомъ уверхъ до врочища Чорное лозы вдолжъ якобы на двѣ мили, а отъ Чорное лозы до границы Боженицкое вдолжъ якобы на милю а розницы въ шырки, што Свѣтицкіе и Петровскіе и Османскіе изъ селъ своихъ завели, индѣ на полъ мили а индѣ на чверть миль.

Того Михайло Котовичъ и врадникъ Щасного повѣдили отъ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ у держанью, еножъ Петровскіе а Османскіе изъ села своего Городка, бои, кгвалты, грабежы на многихъ мѣстцахъ намъ чынять.

Обводъ Свѣтицкого.

Мѣсеца Сентебря 18 день, въ суботу.

Оповѣдилъ панъ Янъ Свѣтицкій границу имѣнья своего Стрыжовки зъ имѣньемъ князя Александра Вишневского, селомъ великого князства Езовомъ, а зъ имѣньемъ Щасного Львовича Чернейковомъ, а зъ имѣньемъ Михайла Котовича и зятя его пана Яронима Крупского, воеводича Бѣльзкого, Лудинскимъ, оповѣдилъ грани, почевшы отъ Каменя колодезя, гдѣ повѣдили, якобы мѣла быти пята въ того колодезя повѣту Городельского, отъ того колодезя до Бакачъ врочища, отъ Бакачъ до Буга и Бугомъ по полъ рѣки до Чернейкова, отъ Черникова черезъ Бугъ лозами до врочища Рудки, отъ Рудки полемъ до Могилы, отъ Могилы дорогою черезъ дубровы до Гусинское границы до врочища Глубинъ села своего Гусина и зъ селомъ Лудинскимъ великого князства, и повѣдилъ, ижъ отъ тое Глубины починаеть ся граница села моего Гусина зъ селомъ Лудинскимъ отъ Стрыжовское границы дубровами до врочища Дивіи горы, а отъ Дивеи горы польми ку озеру Веремемишу. И тамъ здалъ панъ Свѣтицкій пяту Петровскому села его Городка; которыхъ границъ обудву селъ панъ Свѣтицкій велъ якобы на двѣ мили, и повѣдилъ панъ Свѣтицкій, ижъ мамъ то у въ упокойномъ держанью.

На то панове Лудинскіе повѣдили: въ томъ мѣстѣ зъ вами насъ Бугъ дѣлить по полъ рѣки, а куды ты велъ, то есть властность наша.

Тогожъ дня, мѣсеца Сентебря 18 день, въ суботу.

Земяне Городельскіе, Петровскіе и Османскіе повѣдили быти границу свою имѣнья своего Городка зъ имѣньемъ Лудинскимъ великого князства пановъ Котовичовъ: напервѣй отъ врочыща рѣченого Рову дубровою горою до врочища Глубокое долины, отъ долины польми и дубровами до Кочаное могилы, отъ тое могилы посредъ озера Ракова, отъ того озера черезъ лѣсъ до Буга.

А того всего укругъ якобы на милю, а въ ширки межы тыхъ двухъ обводовъ Лудинского и Городского якобы на полъ мили.

На то повѣдили панове Людинскіе: куды вели панове Городенскіе, Петровскіе а Османскіе, то есть отчызна наша по всимъ тымъ границамъ, а намъ граница Бугъ.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебря 19 день, у недѣлю.

Въ Чорное лозы отъ пяты пановъ Котовичовъ села ихъ Лудинского Бортнова повѣдилъ панъ Гаврило, дворенинъ королевое ее милости и великое кнегини Боны, именемъ владыки

его милости Володимерского Генадея и зъ людьми селъ владыки его милости Божанки, Дорогиничъ, Фурсовичъ, Тишковичъ, Полупанщыны, штожъ дей граница повѣту Володимерского съ повѣтомъ Бѣлзскимъ Бугъ есть по полъ рѣки, а межы тыхъ селецъ вышей описаныхъ владыки его милости и межи селъ повѣту Володимерского, которые села Ляхове привлащыли къ собѣ, а иншые осадили на кгрунтѣ Володимерскомъ и владычества Володимерского, то естъ тые села, которые взяты ку Коруне: первое Михалъ, другое Поромовъ, третее Лезница, четвертое Кречово; а то тые села, которые осажены на кгрунтѣ Володимерскомъ и владычнемъ на имя Волчокъ, а другое село на рѣчцѣ Лезницы ново осажено и менують его Лезницою, и повѣдилъ, ижъ тые верху писаные села забраны за короля Александра, а тые осажены отъ осми або надалѣй отъ десети лѣтъ. При томъ тежъ повѣдилъ князь Миколай Збаразскій, штожъ дей съ тыхъ селъ, которые взяты отъ Володимера и ту тежъ зъ имѣнья пана воеводы Судомирского, пана Яна Точинского его милости, съ Крылова земли имѣнья моего Морозовичъ розобрали и на врочищу Волчку, гдѣ было село людей моихъ осажено и его милость панъ воевода Судомирскій тыхъ людей моихъ выграбилъ и съ того врочища ихъ согналъ и свою волю на томъ врочищу Волчку осадилъ. И повѣдилъ панъ Гаврыло, ижъ которые границы межи селъ владыки его милости и межы селъ повѣту Володимерского, я вашу милость по тымъ гранямъ поведу. И велъ насъ отъ Чорное лозы, отъ пяты Котовичовъ имѣнья ихъ Лудинского Бортнова къ Долгой лозѣ, къ Глиницамъ, отъ Глиницъ до Скоморохова кургана, отъ Скоморохова кургана къ долинѣ ку врочищу Жолобову, отъ врочища Жолобова къ Лезницы до дороги, которая идеть отъ Поромова до Лезницы села, тоею дорогою до Петрова озера, держачы Петрово озеро въ лѣвѣ у рѣчку Гуску, и тоею рѣчкою Гускою у Бугъ и посередъ Буга уверхъ до Литовижское границы, до села Молникова Литовижского.

Того всего, куды Гаврило велъ, почеишы отъ Чорное лозы, по всимъ тымъ врочищамъ ажъ до рѣки Гуски и гдѣ рѣчка Гуска упала въ Бугъ и Бугомъ до границы Литовижское, якобы на двѣ мили удолжъ.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебря 19 день.

Граница ее милости пани воеводиное Судомирское имѣнья ее Крыловского зъ Волынемъ починаеть ся у нарожницы королевское у Цуцновки, отъ Цуцновки ажъ до Колечагъ лѣса, отъ Колечогъ лѣса до гостинца, который идеть до Буртнова, а тотъ гостинецъ напередъ идеть отъ стѣны Лудинское до стѣны Рогошанское князя бискупа Луцкого отъ тое стѣны до стѣны Зельновское тежъ князя бискупа Луцкого, опять отъ тое стѣны Зелиновское ажъ до Бортнова пана Лудинского, которая туды идеть до крыницы, а отъ крыницы до езерка Яновки дороги, и отъ езерка до дубу отъ дубу до нарожницы Порымоской къ Божанки, а отъ тое нарожницы до Петрова озера, а отъ озера до рѣчки Гуски, отъ Рогиничъ села владыки Володымерского его милости, а тая рѣчка упала на верхъ Лесницы ставку ее милости пани воеводиное Судомирское, отъ ставку до Тудорковичъ, а отъ Тудорковичъ до озера, которое идеть подъ горою Тудорскою, а оттуль до Густое лозы, а отъ Густое лозы до рѣчки Свинки, а тая Свинка пришла до границы Морозо-

вичъ, а отъ стѣны Морозовичъ ажъ до стѣны Осмиловское княжатъ Чорторыйскихъ, а отъ того Петницъ става Домоникова тежъ княжатъ Чорторыйскихъ ажъ до села Голубей пани Кголдачовое чого естъ на двѣ мили, которая граница естъ звѣчыстая имѣнья Крыловского зъ Волынемъ. Пры томъ, мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великого князства ку отказу небыли.

Обводъ великого князства князей Чорторискихъ.

Мѣсеца Сентебря 20 день, въ Понедѣлокъ.

То естъ граница князя Александра а князя Ивана Чорторыйскихъ имѣнья ихъ милости Литовижского, которая недавно положена промежку села, которое село было Володимерское, а теперъ служить до Крылова повѣту Бѣлзского, то естъ на имя Кречево, а князя Чорторыского селъ Литовижскихъ на имя Смиловичи а другое Молниково: напервѣй съ Кречевскою землею у ставка Пятичъ, отъ ставка дорогою Голубскою, которая идетъ изъ Смиловичъ до Голубей, тоею дорогою ку озеру Жуковцу. И оповѣдилъ намъ врадникъ князей Чорторыскихъ Литовижскій Василей и зъ людьми Литовижскими на томъ мѣстцу отъ врочища ставка ажъ до озера Жуковца вдолжъ дороги копцовъ тринадцать. И тутъ повѣдилъ въ того Жуковца озера у копца, ижъ тутъ граница кончыть Кречовская села пани воеводиное Судомирское, а починаеть ся земля пани Колдачовое села ее милости Голуби, а зъ другое стороны зъ великого князства кгрунтъ князей Чорторыскихъ села ихъ милости Молникова. И отъ того озера Жуковца вели насъ смужалиною черезъ Бугъ ажъ до Каменое лозы, отъ лозы дубровою у Козій Рогъ черезъ болото уверхъ ставу Карповца, въ томъ мѣстѣ отъ Буга до верха Карповца оказали намъ шестъ копцовъ и повѣдили, ижъ пани Колдачовое земля имѣнья ее Голубки повѣту Бѣлзского по праву, а полѣву земля князей Чорторыскихъ имѣнья ихъ милости Литовижского и повѣдили, ижъ въ томъ обводѣ за тыми границами посадилъ панъ Кголдачъ отъ девети лѣтъ село свое на имя Песечное на сыромъ корени и повелъ насъ отъ Карповца врочища къ Днѣпресѣ рѣчцѣ, отъ Днѣпрехи рѣчки къ Блищацкому озеру, отъ озера дорогою Угринскою къ Волчку и къ Гатцѣ; тутъ повѣдили: на правѣ земля пани воеводиное имѣнья ее Тудырковского, а на лѣвѣ Литовижская въ тогожъ врочыща Волчка пришла земмля земянъ повѣту Бѣлзского пановъ Бзовскихъ, и повѣдилъ, ижъ тую границу маетъ съ паны Бзовскими у въ упокои, почевшы отъ Волчка врочища до Бѣлыхъ Береговъ и просто черезъ Бугъ ажъ до Ливина острова а по кругелъ по дорогу, которая идеть отъ Литовижа до Ждчаровъ, держачы великое князство по лѣву, а повѣтъ Бѣлзскій по праву зъ дороги просто ровомъ врочищомъ розъѣзднымъ ку озеру Бужыщу, отъ озера у Бугъ. Тутъ повѣдилъ врадникъ Литовижскій: на той сторонѣ Буга по праву земля пани воеводиное Судомирское имѣнья ее Пяти-Коровъ посередъ Буга до земянъ границы Городиловцовъ, а съ тыми земяны Городиловскими по полъ Буга жъ ажъ до крыницы Дыменницы, въ тое крыницы гостинецъ естъ, который идетъ зъ Сокаля къ Володимеру, и повѣдили, ижъ тотъ гостинецъ дѣлитъ князей Чорторыскихъ имѣнья ихъ милости Ждарского зъ селомъ земенина великого князства Лаврына Иваницкого, и по праву повѣдили тое дороги земля земянина великого князства Иваницкого, а по

лѣву земля Литовижская села Ждарского князей Чорторыскихъ, и тутъ здали пяту пану Лаврыну Иваницкому.

Того всего, куды велъ врадникъ Литовизскій Василей, почевшы отъ ставка Пятичъ до Буга, якобы на полъ мили, отъ Буга, отъ озера Жуковца, до Бѣлыхъ Береговъ до Буга жъ якобы на полторы мили, отъ Бѣлыхъ Береговъ до Ливина врочыща и до Кругля и до гостинца, который идеть отъ Литовижа до Ждчаровъ, гдѣ граница Литовизская князей Чорторыскихъ вышла зъ Буга, якобы на милю, то есть на три мили.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебря 20 день.

А отъ тое нарожницы, гдѣ здалъ пяту границы пану Кгалдачови урадникъ паны воеводиное Судомирское, узявши панъ Кголдачъ границу свою звѣчыстую, тою рѣкою, которая ся починаеть Бугомъ межы селми пани воеводиное Судомирское Кречевомъ а тягнеть се ажъ до рѣки, которую зовуть Урыновка, которая впадываеть у Бугъ, а Бугомъ ажъ до рѣки Волчка, а Волчкомъ ажъ до нарожницы пани воеводиное Судомирское села ее милости Тудорковского до гребли у млынка: того есть на милю.

При томъ мы сами, ани вижы нашы ани сторона зъ великого князства ку отказу не были.

Обводъ великого князства Лаврина Иваницкого.

Мѣсеца Сентебря 21 день, у волторокъ.

Въ того врочыща у Дыменницы крыницы повѣдилъ земенинъ великого князства панъ Лавринъ Иваницкій: тутъ я отъ тое пяты врочища Дыменицы, гдѣ князи Чорторыскіе здали, веду вашу милость границами стародавными, которая есть промежку великого князства повѣту Володимерского и промежку села Сокальского Скоморохов просто дорогою, которая идеть зъ Володимера до Сокаля подъ гай села Сокальского Скомороховъ, пущаючы гай и село Скоморохи у правѣ, а въ лѣвѣ великое князство, кгрунтъ мой, отъ гаю тою жъ дорогою до гребелки Ильковицкое, которая гребелка есть на рѣчцѣ на Роятинѣ, и тутъ здалъ границу свою пани Ляховской и людемъ ее Ляховскимъ.

Тою границою, куды панъ Лаврынъ велъ, почевши отъ Дыменинцы до гребли Илковицкое якобы на полъ мили.

Обводъ великого князства пани Ляховское.

Тогожъ дня у волторокъ.

Отъ тое гребли вели насъ люди пани Ляховское села ее милости Ляховского тоею рѣчкою Роятиною у верхъ ажъ до ставу, который ставъ панъ Млечко, земенинъ Бѣлзскій заставилъ къ берегу великого князства на кгрунтѣ пани Ляховское, меначи по правой сторонѣ тое рѣчки повѣтъ Бѣлзскій, а по лѣвой сторонѣ великое князство. И повѣдили, ижъ посередъ того ставу граница ихъ съ паномъ Млечкомъ есть, такъ тежъ у верхъ тое рѣчки ажъ до крыницы, которая есть обрублена тыхъ часовъ отъ пана Млечка. Тутъ въ тое крыницы здали люди пани Ляховское пяту свою князю Александру Порыцкому именьемъ его милости Порыцку и селу Грушову.

Того обводу, куды вели люди панее Ляховское, почевшы отъ тое гребли Ильковицкое ажъ до крыницы, якобы на полъ мили.

Обводъ великого князства.

Тогожъ дня у волторокъ.

Отъ тое крыницы повелъ князь Александръ Порыцкій логомъ у верхъ, откуль тая рѣчка устала, якобы на полъ мили, и менилъ полѣву великое князство, повѣтъ Володимерскій, имѣнья его Порыцка а Грушова, а по праву повѣтъ Бѣлзскій имѣнья пана Млечкова Станятина, и тую долину покинувшы у право и велъ насъ просто черезъ гору до другое долины, на которой долинѣ оказалъ намъ кошарыще. И повѣдилъ, ижъ тутъ предковъ его и его самого Волошъя зъ овцами стоивали и тыхъ дубровъ ужывали, и менилъ тутъ по праву землю пановъ Рудкировъ села ихъ Лучичъ, которое было за Александра короля великое князство ку имѣнью Бокѣеву Печиѳостомъ, а по лѣву землю свою села своего Грушова; отъ того кошарыща повелъ до лужка Осового, отъ Осового луга до Глубокое ямы, отъ Глубокое ямы до колодезя, отъ колодезя до Кузмины могилы, отъ Кузмины могилы велъ насъ до копцовъ трехъ, которые копцы есть подъ селомъ его Грушевою, одлѣ дороги, которая дорога идеть зъ Милетина до Володимера на село его Грушово, и тутъ повѣдилъ, ижъ у тыхъ копцовъ трехъ кончыть граница моя села моего Грушова, а починаеть ся земля пановъ Бокѣевъ имѣнья ихъ Милетина, и ту тежъ прышла земля пановъ Рукировъ имѣнья ихъ Лучичъ.

Того обводу, куды князь Александро Порыцкій велъ, почевшы отъ крыницы обрубленое ажъ до копцовъ, по всимъ тымъ врочищамъ якобы на двѣ мили.

Обводъ корунный.

Дня 21 Сентебря.

Панъ Городиловскій, земенинъ корунный, велъ границу свою, узявши отъ остаточное нарожницы села корунного Печикуровъ отъ Буга рѣки, Бугомъ все у гору Гольвово ажъ до села королевского повѣту корунного, менячы быти по лѣву князство, а по праву Корунно, менячы стороны великого князства села Ждчаровъ княжатъ Чорторыскихъ, а зъ другое стороны Буга повѣдаючы быти у въ упокойномъ ужываныю, крывдъ ни которыхъ не маеть, границы вдолжъ на милю все Бугомъ.

Тогожъ дня люди села короля его милости Гольвова повѣдили свою границу звѣчистую Бугомъ рѣкою у гору ажъ до стѣны села Скоморохъ королевского, которое держить панъ Янъ Стрѣльковскій до живота своего, зъ другое стороны Буга селомъ Ждчарскимъ великого князства княжатъ Чорторыскихъ, менечы по правой сторонѣ Корунно, а по лѣву князство, повѣдають быти у въ упокойномъ держанью звѣчыстомъ, крывдъ жадныхъ не маючы.

Тамъ же люди корунные села Скоморохъ замку Сакальского державы пана Миклаша подкоморого короля его милости молодого вели отъ Буга до врочища Дыменицы крыницы до дороги, которая идеть зъ Володимера до Сакаля, и тою дорогою ажъ до Волчка болота, и тымъ болотомъ якобы на версту, и покинувшы тое болото у право вели дорожкою малою якобы на двѣ версты до дубровы, у которой дубровѣ оказали намъ три дубы и повѣдили, якобы мѣли тые дубы окопаны быти, але такъ нѣтъ, и тую дорожку опустившы влѣво а насъ повели гостинцомъ, которого прозывають Татинцомъ ажъ до гостинца, который идеть съ Порыцка до Станятина села пана Млечкова, надъ которымъ менили быти два копцы сыпаные, и повѣдили, ижъ тые копцы мѣли быти промежку селъ ве-

ликого князства Порыцка а Ляхова, а скажены отъ князя Порыцкого. А того обводу почевшы отъ Дыменницы, по тымъ всимъ врочищамъ якобы на милю. Тутъ тежъ люди села Скоморского здали границу свою земенину повѣту Бѣлзского пану Станиславу Млечку. Панъ Станиславъ Млечко повелъ насъ отъ того мѣстца тымъ же гостинцомъ мененымъ Татинцомъ до долины, отъ долины тоюжъ дорогою ажъ до дубовъ, въ которыхъ менили знаки граничные быти, и повѣдили, якобы князь Порыцкій казалъ тые знаки выжечы, отъ тыхъ дубовъ велъ насъ тою жъ дорожкою Татинцомъ до врочыща Горокъ, отъ Горокъ до врочыща Язвинъ. Тутъ подалъ панъ Млечко границу свою пану Рудкиру селу его Лучычъ, и менилъ тутъ быти по праву повѣтъ Бѣлзскій, а по лѣву великое князство а кгрунтъ князя Порыцкого.

При томъ мы сами, ани вижы наши, ани сторона зъ великого князства ку отказу небыли.

Обводъ великого князства пановъ Бокеевъ.

Мѣсеца Сентебра 22 день, въ середу.

Ставшы въ тыхъ трехъ копцовъ, ку которымъ привелъ князъ Александро Порыцкій, ку нарожницы тужъ подлѣ лѣса князя Порыцкого Грушевы панъ Өедоръ а панъ Гаврыло Бокѣй повѣдили, ижъ тутъ ся почынаетъ наша граница замочку нашого Милетина отъ границы князя Порыцкого села его Грушовы. У тыхъ тежъ трехъ копцовъ третяя граница пришла съ правое стороны земенина повѣту Сакальского Яна Рудкира села его Лучичъ, которое село Лучычы за Александра короля было великого князства Печиеостское; и вели насъ Бокеи дорогою, которая идеть зъ Володимера къ Вужску по праву менили быти землю Рукиреву, а по лѣву великое князство, кгрунтъ имѣнья своего Милетина; отъ тыхъ трехъ копцовъ якобы на двѣ стрѣленья зъ лука оказали намъ третій копецъ по правой сторонѣ дороги и тою жъ дорогою ѣдучы такежъ якобы на двѣ стрѣленья оказали намъ копецъ по лѣвой сторонѣ и оттоль вели насъ якобы зъ версту и оказали намъ копецъ неподалеку отъ замочку своего Милетина межи дорогъ, которая идетъ зъ Володимера, а другая изъ Сакала до Милетина; потомъ прывели до копца, который есть подлѣ берегу озера пановъ Бокѣевъ Лугу, отъ того копца вели черезъ отногу Серпанецъ посредку болота на имя Луга и берегъ ставу Рукирова посредъ болота потуль вели по тымъ копцомъ и всимъ тымъ мѣстцамъ зъ обудву сторонъ вгодливе тое вгоды отъ тыхъ трехъ копцовъ посредъ болота якобы на милю.

А от толе панове Бокеи вели до отноги посредъ урочища Жидовки долины, менячи быти по праву Рукирово, а по лѣву князство кгрунтъ свой имѣнья своего Милетина, отъ врочыща Жидовки вели насъ панове Бокеи долиною якобы на двѣ стрѣленья, привели до рольи по лѣвой сторонѣ дороги, указуючи намъ горку на той рольи, менячи, ижъ бы ту былъ копецъ, але его взорали панове Рудкирове, а отъ того мѣстца вели дорогою и тоюжъ долиною Жидовкою якобы на стрѣленье и вказали намъ по правой сторонѣ другую горку, менечи тежъ быти копцомъ, и повѣдили, ижъ то естъ другій копецъ. И опустивши тую дорогу и долину у право, а сами ѣхали черезъ гору поораную, и вказали намъ горку менячи быти третій копецъ и подлѣ тое горки дубъ порубаный, въ которомъ знаки крижы зъ обудву сторонъ и далѣй

тежъ указали два дубы, въ которыхъ крижы по обѣма сторонамъ, и мало отъѣхавши, опять два дубы съ крыжами, потомъ отъѣхавши указали копецъ, и недалеко отъ того копца два дубы, въ которыхъ крижы по обѣма сторонамъ, и мало отъѣхавши опять два дубы съ крыжами. Потомъ отъѣхавши указали копецъ, и недалеко отъ того копца два дубы съ крыжами зъ обудву сторонъ, потомъ вели насъ на стрѣленье и вказали дубъ, у которомъ знаки крижы и подлѣ него копецъ значный, и потомъ якобы на двое стрѣленья зъ лука прывели насъ по трехъ копцовъ добре значныхъ, и повѣдили, ижъ тутъ ся зышли трои грани: одинъ копецъ менили быти Лещотовскій пана Остророговъ, другій Лучицкій пана Рукировъ, а третій Матовскій пановъ Бокеевъ. И повѣдили, ижъ куды мы вели, то все по праву Рукирово, а по лѣву великое князство кгрунтъ нашъ. А отъ тыхъ трехъ копцовъ вели насъ до врочища Бѣлое крыницы.

А то Рудкиръ повѣдилъ, ижъ тые знаки не суть зъ паны Бокѣи, але суть съ паномъ Остророгомъ села его Лещетовомъ а села моего Лучицы.

Тогожъ дня земенинъ Сакальскій Янъ Рудкиръ велъ насъ отъ посредку болота до врочища Пугачовы горы, отъ Пугачовы горы долиною и горою черезъ дуброву якобы на чверть мили до кургана; тутъ повѣдилъ панъ Янъ Рукиръ, ижъ я тутъ здаю границу пану Остророгови имѣнью его Лещотову.

Панъ Хведоръ а панъ Гаврыло. Бокеи повѣдили, ижъ тутъ нѣтъ земли пана Остророговы, але то есть властная земля наша имѣнья нашого Матова. Отъ того кургана велъ насъ врадникъ пана Остророговъ Пашковскій черезъ дуброву до Бѣлое криницы якобы на тры стрѣленья зъ лука, въ которое Бѣлое крыницы стоячы яко врадникъ пана Остророговъ, такъ панове Бокеи повѣдили, ижъ то естъ граница тая Бѣлая крыница: по лѣву князство, а по праву Корунно. И вели панове Бокеи весполокъ зъ урадникомъ пани воеводиное Судомирское тою Бѣлою крыницою внизъ посредъ болота до копца якобы на тры стрѣленья, который копецъ естъ посредъ болота, и повѣдили, ижъ посредъ того болота граница пани воеводиное Судомирское селу ее Лещетомъ, а на лѣвѣ земенина великого князства Медвѣдеву села его Лешка.

Того обводу пановъ Бокеевъ отъ Жыдовки врочыща долины до Бѣлое крыницы вдолжъ якобы на полъ мили.

А куды Рукиръ велъ, отъ Пугачовы горы до Бѣлое крыницы вдолжъ якобы на полъ мили; а розницы въ шырки межы тыхъ обводовъ на три стрѣленья, а въ иншомъ мѣстѣ якобы на стрѣленье зъ лука.

Повѣдили тежъ панове Бокеи: што на тотъ часъ обвели есмо границу съ паномъ Рукиромъ, то на тотъ часъ маемъ, а стародавная граница то естъ и тое село Лучычы, яко ся у своихъ границахъ маеть: тое село Лучычы было Печыеостское пановъ Бокеевъ зъ вѣку вѣчыстого а взято за Олександра короля.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебра 23 день, въ четвергъ.

Врадникъ пани воеводиное Судомирское Пашковскій а двореникъ господарскій зъ великого князства панъ Станиславъ Медвѣдь вели насъ отъ того копца, который естъ посредъ болота, который копецъ естъ граница пани воеводиной Судомирской съ паны Бокеи до гати, которая гать подъ селомъ

великого князства Медьвѣдевымъ Ляшки, и повѣдилъ въ тое гати врадникъ пани воеводиное Судомирское, ижъ потуль панее моее граница зъ великимъ князствомъ села ее Лещотова, а тутъ здаю границу съ князствомъ пану воеводичу Равскому селу его Тартакову, а панее моее граница иде болотомъ въ Коруну на право. И велъ насъ Медьвѣдь посредъ болота рѣчкою внизъ, менуючы свою границу по праву пани воеводиное Судомирское Лещетова, а по лѣву великое князство, кгрунтъ свой, и велъ тоею рѣчкою отъ того конца отъ границы пани воеводиное Судомирское и пановъ Бокеевъ якобы на полъ мили. И отъ тое гати велъ посредъ болота рѣчкою ажъ до Чорное Лозы и межы гати и Чорное Лозы оказалъ осмъ концовъ а пятнадцать паль набитыхъ. И повѣдилъ Медвѣдь, штожъ тутъ граница противку имѣнья моего естъ земянъ Бобятинскихъ имѣнья ихъ Бобятинъ. А отъ Чорное Лозы велъ насъ посредъ тогожъ болота рѣчкою внизъ якобы на чверть мили до гати Бобятинское и повѣдилъ, ижъ тутъ границу свою зоставую болотомъ, а беру собѣ границу дорогою, которая идетъ зъ Бобятина до Тартакова.

Тутъ тежъ въ тое гати оповѣдилъ панъ Станиславъ Волчко, именемъ князя бискупа его милости Луцкого, ижъ тое село Бобятинъ естъ зъ давныхъ часовъ великое князство повѣту Луцкого и мѣлъ бы то повѣдити его милость князь староста Луцкій, еножъ естъ на послузѣ, на войнѣ короля его милости, а съ Коруны жадного оповѣданья и отнору напротивко того не было. И велъ насъ Медьвѣдь тоею дорогою якобы на чверть мили до перехростное дороги, которая идетъ зъ Ляшковъ до Колпытова, и велъ тою дорогою первшою до Тартакова, и тою дорогою отъ тое перехростное дороги велъ якобы на чверть мили до млына, который занятъ отъ пана воеводича Равского изъ села его Тартакова. И повѣдилъ, ижъ тутъ тая рѣчка у верхъ посередъ болота дѣлитъ имѣнье мое Ляшки зъ имѣньемъ пана воеводича Тартаковомъ ажъ до гати, чрезъ которую гать дорога идетъ до Спасова села, отъ Первятичъ, менячы по праву пана воеводича Равского, а по лѣву князство. И тутъ въ тое гати здалъ границу пану Александру Кгетолту.

Тужъ панъ Станиславъ Волчко именемъ князя бискупа его милости Луцкого оповѣдилъ, ижъ село Колпытово а другое Стонятинъ—великое князство, а взято за короля Александра. И ту въ тое гребли стоячы служебникъ пана воеводича Равского Михалъ Березовскій повѣдилъ, ижъ куды велъ панъ Медвѣдь, то все естъ кгрунтъ пана моего, пана Яна воеводича Равского.

Того обводу Медьвѣдева отъ того конца отъ границы пани воеводиное Судомирское и пановъ Бокеевъ до гати, презъ которую гать дорога идетъ до Спасова села, вдолжъ якобы на милю, а въ ширки въ шыршомъ мѣстѣ якобы на полъ мили.

Обводъ великого князства.

Тогожъ дня. Отъ того половицы болота якобы на двѣ стрѣленья велъ насъ панъ Александро Кгетолтъ зъ людьми своими Шпиколосцы, менячы быти границу свою и зъ земяны повѣту Бѣлзского Шофаровскими и села ихъ Спасовского болотомъ же до гребли, и повѣдилъ посредъ того ставку границу свою по праву Шафаровскихъ села ихъ Спаского, а полѣву князство, кгрунтъ свой села своего Шпиколосовъ. И отъ того ставку велъ на лѣво дорогою ве-

ликою, которая идеть до ставковъ врочыща до гребелки якобы на двѣ версты.

Служебникъ Шафаровскихъ Янъ повѣдилъ, ижъ яко почалъ вести отъ тое половицы болота панъ Кгетолтъ и троху вышей села Первятичъ яко Медвѣдь велъ, то есть кгрунтъ пановъ моихъ. Отъ тыхъ ставковъ велъ панъ Кгетолтъ посредъ болота, меначи по праву Шафаровскихъ, а полѣву кгрунтъ имѣнья своего Шпиколоского ажъ до гребелки, которая есть на долинѣ врочищу Пугачовѣ. Служебникъ Шафаровскихъ повѣдилъ: куды веде панъ Кгетолтъ, то есть кгрунтъ пановъ моихъ. И велъ насъ тою долиною панъ Кгетолтъ у верхъ якобы на полъ мили мимо гору миловую до колодезя, которого повѣдилъ верхъ Пугачовы долины, и отъ того колодезя чрезъ гору и дуброву якобы на чверть мили и черезъ дорогу, которая идеть съ Шпиколосъ до Переспы. И повѣдилъ, ижъ въ тое дороги граница Шафаровскихъ кончыть, а почынаеть ся граница пани Пересопское пани Добричовское, и прывелъ насъ до копца, который менилъ быти собѣ границу съ пани Пересопскою села ее повѣту Белзского Пересопского. И повѣдилъ, ижъ съ тою Пересопскою границу спокойную мамъ; отъ того копца велъ насъ якобы на тры стрѣленья зъ лука ку дорозѣ, которая идеть изъ Сокаля до Стоянова. И оповѣдилъ злѣ тое дороги копецъ и менилъ быти границу свою на правѣ пани Пересопское, а полѣву кгрунтъ свой, и повелъ черезъ дорогу посередъ болота Молозива ажъ до ставку, которого называють Молозовскимъ, а отъ того ставку логомъ ажъ до дороги, которая идеть изъ Стоянова до Сокаля. Съ тое дороги гостинца повернули влѣво другою дорогою, которая идеть до Княжатъ; тутъ здалъ границу Грыцкову Олексѣевича служебнику Денису селу его Хусову, и менили быти поправу повѣту Бѣлзского пана Млечково села его Раждчаловского, а полѣву великое князство села Грыцкова Хусова.

Того обводу Кгетолтова отъ гати, презъ которую дорога идеть на Спасово село, до дороги, которая идеть до Княжатъ, вдолжъ якобы на милю.

И велъ насъ врадникъ Грыцковъ Денисъ тою дорогою якобы на добрую полъ мили до кургана, и менили собѣ быти границу туды и зъ селы повѣту Бѣлзского Бишевомъ а Пересопцы, а отъ того кургана менили собѣ быти границу на правѣ пана Липского, земенина повѣту Бѣлзского, села его Сошна, а полѣву Грыцково села его Хусова, и прывелъ насъ къ ростанемъ и повѣдилъ, ижъ тая дорога на право идеть къ Стоянову, а на лѣво ку Княжу, и велъ насъ тою дорогою Княжскою и повѣдилъ, ижъ на правѣ Стояновское повѣту Сакальского, а полѣву великое князство Грицкова земля. И велъ насъ тою дорогою якобы на полъ мили до лозы Чорное и повѣдилъ, ижъ тутъ граница Стояновская доконала, а прышла земля Торская; менили по праву быти корунно, а полѣву князство, землю Грыцкову села его Хусова. И отъ тое Чорное Лозы повели управо дорогою перехростною долиною, и прывели ку врочищу Вербову Логу, и потомъ прывели насъ ку дорозѣ перехростной и повѣдили, ижъ то есть врочище Збоище. Того обводу Грыцкова вдолжъ якобы на полторы мили.

И тутъ взялъ врадникъ владыки Володимерского Генадея Гаврыло зъ людьми мѣстечка его Квасовского, менячы быти границу свою и зъ мѣстомъ Сакальскимъ Стояновомъ и велъ насъ долиною и дорожкою влѣво, которая до-

рога идеть отъ села Бешева до церкви Стояновское Ильи Светого, и повѣдилъ: по праву мѣстечка Стоянова, а полѣву великое князство мѣстечка Квасова. И вели насъ дубровою якобы на чверть мили, и перевели черезъ дорогу, которая идеть зъ Луцка до Бужска, и вели насъ презъ поле якобы на чверть мили и взвели на дорогу, которая идеть отъ Бешева до Стоянова и тоею дорогою прывели насъ до Сакальского гостинца къ могилѣ врочищу Перелайному. И тутъ повѣдилъ врадникъ владыки Володимерского, ижъ дей тутъ граница владыки Володимерского мѣста его Квасова кончыть, а пана Марка Васильевича, села его Жеравнина, починаеть и зъ мѣстомъ Сакальскимъ Стояновомъ, и поправу повѣдилъ быти мѣста Стоянова, а полѣву имѣнья его Жоравницкого. Отъ Княжское границы до могилы Перелайное обводу владыки Володимерского на полторы мили, а въ ширки якобы на милю.

Отъ тое могилы Перелайное велъ насъ панъ Марко дорогою до воли, которая воля сѣдить одлѣ Церкви Светого Ильи, которую волю менилъ панъ Марко быти осажену отъ осми лѣтъ на кгрунтѣ своемъ великого князства, и тую волю держачы полѣву, а мѣстечко Стояново по праву, ку болоту великому черезъ озерце посредъ гребли. И повѣдилъ панъ Марко, ижъ тымъ болотомъ великимъ по половицы дѣлить границу села моего Жоравниковъ и зъ селомъ корунным Тетовчычы, и тымъ болотомъ великимъ велъ якобы на чверть мили до врочыща кургана, до Турьего Рогу, и тутъ здалъ границу панъ Марко земенину великого князства Микитѣ Ржищовскому.

Подстаростій Сакальскій Андрей повѣдилъ: куды велъ панъ Марко то все есть корунно, а пану Марку ту ничого нѣтъ.

Того обводу пана Маркова отъ Перелайное могилы до врочища Турьего вдолжъ якобы наполъ мили, а розницы въ шырки якобы на милю.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебра 23 день, у четвергъ. Врадникъ пани воеводиное Судомирское пани Точынское Пашковскій, стоечы въ гати повѣдилъ: штомъ менилъ первѣй того посредъ болота границу пана своего села Лещетова, а по лѣвой сторонѣ великого князства села Медьвѣдева Ляшковъ, тутъ тежъ здавамъ на лѣвой сторонѣ пану воеводичу Равскому селомъ его Тартакову, Хлопимъ Рогомъ, Стрѣльчу, Копытомъ, а по правой сторонѣ предъ се веду корунным.

И панъ воеводичъ велъ отъ тое гати и отъ рѣчки посредъ болота якобы на стрѣленье и потомъ взялъ влѣво другимъ болотомъ около самого села Ляшковъ, и велъ до гребелки подъ самое село Ляшки якобы на двѣ стрѣленья зъ лука, и тутъ стоячы на гребелцѣ здалъ границу Шаѳаровскому и Озерскому, земяномъ повѣту Бѣлзского, и повѣдилъ панъ воеводичъ: ижъ дей на тые имѣнья мои верхуписаные прывилья въ себе мамъ, и часу своего хочу ихъ оказати. И повѣдилъ, ижъ полѣву князство, а по праву корунно. И отъ тое гребелки велъ насъ долиною якобы на три стрѣленья зъ лука, потомъ узъѣждчаючы на гору одну долину пустилъ управо на Божанки, а сами вели другою долиною улѣво до горы до Спиколосъ, и тамъ ѣхали черезъ поля и дубровки и черезъ дороги, не вказуючы жадныхъ знаковъ ажъ до дороги, которая идеть зъ Ляшковъ до Шпиколосъ. И тутъ стоячы служебникъ Медьвѣдевъ именемъ пана своего повѣдилъ, ижъ гдѣ панъ Шаѳаровскій ведеть съ паномъ Озерскимъ, то есть земля пана мое-

го до тое дубровки, а отъ тое дубровки земля естъ пана Кгетолтова.

И панъ Кгетолтъ повѣдилъ, ижъ куды ведуть панъ Шаѳаровскій и Озерскій, то естъ властная земля имѣнья моего Шпиколосъ, и потомъ съ тое дороги вели насъ черезъ поля до долины, не вказуючы жадныхъ знаковъ, черезъ ржище и мимо гумна людей пана Кгетолтовыхъ. И повѣдилъ панъ Озерскій, ижъ то естъ долина, которая дѣлить князство съ Коруною, которую зовуть Набожанка, а панъ Кгетолтъ повѣдилъ: яко поля и гумна, куды ведуть, то все естъ имѣнья моего Шпиколосъ, и ѣхавшы отъ тое ґребелки якобы близу мили.

Панъ Озерскій по полъ болота здалъ границу пану Шаѳаровскому, которій повѣдилъ: гдѣмъ велъ по тымъ мѣстцомъ, по правой сторонѣ Корунно, имѣнья нашого сполного Набожанокъ, а по лѣвѣ пана Кгетолтово; а тутъ по полъ болота здаваю границу пану Шафаровскому имѣнью его Браневу. А панъ Кгетолтъ повѣдилъ, ижъ куды вели панове Ляхове, то все естъ по обѣимъ сторонамъ имѣнья моего Шпиколоского, и панъ Шафаровскій велъ болотомъ около села, займуючы оплотокъ Шпиколосъ рѣчкою ку горѣ, якобы на тры стрѣленья зъ лука, которая выходить съ ставу Шпиколоского до дороги и долины, которая дорога идеть отъ Бешева до Шпиколосъ. А потомъ кгды ся упоминалъ панъ Янъ Бешевскій, повѣдаючы: пане Шафаровскій чому заводишъ мое? и панъ Шафаровскій повѣдилъ: кгды твое, я дамъ покой. И ведшы тою дорогою и вернулся опятъ назадъ до тое жъ крыницы, и здалъ пану Бишевскому. Панъ Бишевскій отъ тое крыницы велъ по полъ ставу пана Кгетолтова, который подъ дворомъ его Шпиколоскимъ, ажъ до долины, которая дѣлить имѣнье пана Грыцка Кощенского Хосово, которо Хусово повѣдилъ быти корунно, едно князство держить. И тою долиною велъ, повѣдаючы: по правой сторонѣ естъ мое имѣнья моего Бешева, едножъ панъ Кгетолтъ того уживаеть, а по лѣвѣ панъ Грыцко ку князству; и тою долиною велъ насъ якобы на шесть стрѣленья зъ лука, не вказуючы знаковъ; и первѣй того велъ якобы на полдень, а потомъ якобы на усходъ солнца черезъ поля и дубровки до дуба великого, который въ долинѣ стоить, въ которомъ повѣдилъ быти знакъ зъ едны стороны, але выжжены, а зъ другое стороны незнать ницъ, а того якобы на версту. А панъ Кгетолтъ повѣдилъ: гдѣ води панъ Бишевскій, то все естъ по обѣма сторонамъ мое, имѣнья моего Шпиколоского, а по лѣву то естъ Грыцково имѣнья его Хусова, а отъ того дуба велъ насъ черезъ дубровки и поля и хрусты до Лозы Пинчуковы. А отъ Пинчуковы Лозы такежъ вели долиною презъ поля и дубровки до Лысое горы, не вказуючы намъ жадныхъ знаковъ, ани въ деревѣ, ани копцовъ; едно повѣдилъ, ижъ то были знаки копцовы, але я не вѣмъ, гдѣ ихъ шукать, кгды пожажены. И тутъ въ тое горы Лысое панъ Бишевскій осталъ, а подалъ пану Матею Вишневскому и пану Онтонему Чистовскому, селу ихъ Торковъ, и тутъ взялъ панъ Вишневскій отъ тое горы Лысое долиною подъ село свое Торки, и тамъ велъ насъ долиною Стыковатицою до другое долины до Рудки, мимо села князства великого, едно Хусово Грыцково, а другое Княже, што Москва держить, маючы тые села влѣвѣ, презъ поля ораные и ржища, и повѣдилъ, ижъ тые рольи и поля и ржища естъ моего села Торокъ, але съ князства его кгвалтомъ робять. И одтоле велъ черезъ поля и долины и черезъ дрокгу великую, которая идеть

съ Стоянова до Лудна, а оттоле на дорогу, которая идеть съ Княжа до Квасова, и тою дорогою ѣхавшы, которая идетъ надъ долиною и менилъ тую долину Полинова долина, и тутъ уздалъ пану подстаростему Сакальскому пану Андрею Островскому.

А того обводу пана Вишневского есть съ полъ мили добрую, а по тымъ всимъ мѣстцамъ, куды насъ водилъ, не вказалъ знаковъ, ани концовъ жадныхъ.

А отъ тое долины Пилиповы крыницы велъ насъ панъ Островскій, менячы быти кгрунтъ имѣнья короля его милости Сакальского Стоянова, который кгрунтъ панъ подстаростій менилъ и повѣдилъ, ижъ на тотъ часъ во вжыванью владыки Володимерского и его подданыхъ мѣста Квасова. А то повѣдилъ, ижъ оны забрали, кгды то пусто лежало, и тою долиною до гостинца, который идеть съ Стоянова до Володимера якобы на шесть стрѣленья изъ лука, и тымъ гостинцомъ до могилъ, и повѣдили, ижъ на той могилѣ бабу сожгли зъ мѣста Квасова такъ яко на границахъ, а отъ тое могилы Бабъи до долины Чернца презъ поле, и тою долиною врочыщомъ Чернцемъ до крыницы Чернца, и гай на ней. Отъ тое крыницы презъ болото до могилъ Высоцкихъ, отъ могилъ до ставку черезъ греблю Высоцкую просто презъ поле якобы чверть мили, которыхъ дей полъ суть во вжыванью кгвалтовномъ презъ пана Марка Жоравинского и владыки Володимерского, Квасова, до гостинца Орѣховского, отъ гостинца до Рудки презъ дубровы мимо Сыново до могилы, гдѣ повѣдили, ижъ естъ конецъ при ней, а оттоле до Небожки озера, и тамъ здаветь пану Душы, повѣдаючы, ижъ того озера половицу въ князствѣ, а половица въ Корунѣ. Панъ Марко Жоравинскій повѣдилъ, ижъ гдѣ панъ подстаростій Сакальскій велъ съ паны шляхтою корунною, то вышстко по обѣма сторонамъ естъ князство великое, отчизна властная моя имѣнья моего Жоравинского. А имѣнья владыки Володимерского Квасова и цо панъ подстаростій указуеть конецъ, то есть конецъ владыки Лудкого и пана Семашковъ и мой, а кгрунтъ князства великого.

Того обводу, почёншы отъ гати Медьвѣдевы села Ляшковъ, по всимъ тымъ врочыщамъ до болота и озера Небожки якобы на три мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебра 24 день, въ пятницу. Земенинъ великого князства Микита Ржищовскій велъ отъ того Турьего Рогу посредъ болота великого, менячы быти границу свою и зъ селомъ корунным Тетивчычы, а Пиръятиномъ, а зъ Синковомъ якобы на добрую полъ мили ажъ до болотца, которое пришло зъ лѣвое стороны, которое болотцо называють Рудкою, которое болото Рудка естъ противъ двора Микиты Ржищовского. И повѣдилъ Ржищовскій, ижъ мнѣ ту естъ граница посредъ болота великого зъ имѣньемъ пана Богдана Семашковымъ Бужиномъ, и повѣдилъ, ижъ ту въ того болота Рудки граница моя кончыть, а почынаеть ся граница имѣнья пана Семашкова Бужина.

Тутъ въ того болотца Рудки враднинъ пана Богдана Семашковъ Бужинскій Игнатъ повѣдилъ быти границу свою и зъ селомъ корунным Бариловскимъ, и велъ насъ посредъ того болота великого, держачы селю земенина великого князства Микиты Ржищовского и людей его по лѣву у князствѣ, а село Барилово по праву. И повѣдилъ враднинъ пана Семашковъ, ижъ про-

тивъ Ржищовского пана Микиты двора земенина великого князства рѣчка на имя Судиловка устала и иде по тому болоту, и великое болото пущаючы у право, и тою рѣчкою Судиловкою и болотомъ меншымъ велъ ажъ на противку села пана Семашкова Бужына, а на противку села корунного Борылова.

На то земенинъ корунный Матей Рокалъ повѣдилъ, ижъ тая рѣчка Судиловка изъ стороны болота моего устала, а иде по моей сторонѣ, а граница села моего Барилова и зъ селомъ великого князства пана Семашковымъ Бужиномъ по половицы болота великого и болота малого Конского. Тужъ панъ Александро Кгетолтъ повѣдилъ, ижъ въ тое болото Коньское и поля и дубровы и островъ, который надъ болотомъ Коньскимъ естъ, посполитое мнѣ съ паномъ Богданомъ Семашкомъ. И вели врадники пана Семашковъ и пана Александровъ тоею рѣчкою Судиловкою по полъ рѣчки, менячы быти границу свою до палечного кола, на правѣ повѣдилъ Бариловского села, Бужского повѣту, а по лѣву великое князство, кгрунтъ имѣнья пана своего Бужинского, а отъ палечного кола тоюжъ рѣчкою внизъ до границы князя Коширского, села его церковного Скрыголова до врочыща Кадолбища. И тутъ здали границу враднику князя Коширского Скрыголовскому. Того обводу пана Семашкова отъ Рудки болота до врочища Кадолбища вдолжъ якобы на милю. Земенинъ корунный Рокалъ повѣдилъ, ижъ то есть врочыще мое, и тые поля и сѣножати суть мои, быломъ ихъ завжды у вживанью. А што панъ Кгетолтъ повѣда, ижъ то естъ кгрунтъ его спольный съ паномъ Семашкомъ, то естъ мой кгрунтъ, и ту въ того Кадолбища здалъ Ракальскій границу пани Майковой, селу ее Увину.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебра 25 день, въ суботу. Врадникъ князя Александра Коширского Скрыголовскій Пашко велъ насъ отъ того врочыща Кадолбища, менячы быти границу свою и зъ земениномъ корунным Рокалевскимъ, селомъ его Бариловомъ, посредъ рѣки Судиловки, и тоюжъ рѣкою велъ до ставу млина подъ селомъ Уивиномъ. И въ того ставу повѣдилъ, ижъ на правѣ тое рѣчки пани Майковое повѣту Бужского, села короля его милости Уивинского, а по лѣву князя Коширского, и велъ отъ того ставу менячы быти границу свою посредъ рѣчки Судиловки ажъ до Рудки, которая Рудка пришла злѣва и впала у туюжъ рѣчку Судиловку, и повѣдилъ, ижъ ту граница моя кончить, а пришла граница земенина великого князства Микиты Хутровского, села его Мервенского, повѣдаючи по праву корунно а по лѣву князство.

Того обводу врадника князя Коширского Стрыголовского отъ врочыща Кадолбища до Рудки, вдолжъ якобы на милю.

Тогожъ дня земенинъ господарскій великого князства Микита Хутровскій велъ отъ Рудки, менячы быти границу свою и зъ селомъ корунным Миколаевомъ, тоюжъ рѣчкою Судиловкою до ставу, который естъ на той же рѣцѣ Судиловцѣ, а отъ того ставу тоеюжъ рѣкою Судиловкою, менячы быти границу свою по половицы тое рѣки до врочыща селища Стерковца, и повѣдилъ, ижъ ту граница села Миколаевского кончыть, а пришла земля пановъ Лащовъ, замочку ихъ корунного Стрымелча, и менилъ ту границу свою по полъ тоежъ рѣки на правѣ повѣту Бужского, а по лѣву великое князство, кгрунтъ свой повѣту Луцкого.

На то повѣдилъ служебникъ Петръ именемъ подстаростегo Бужского Якуба Лопатинского: откуль велъ панъ Микита Хутровскій, меначи собѣ по половицы рѣки границу, то есть кгрунтъ села Миколаевского, староства Бужского, а граница села Миколаевского съ паномъ Микитою тамъ далѣй лежить. Отъ того селища Стерковца велъ Микита тоюжъ рѣчкою подъ замочокъ пана Лащовъ Стрымелчь а подъ село Хутровского Мерве черезъ ставъ, который есть промежку замочку пановъ Лащовъ и села Хутровского Мервы, якобы на милю. А отъ того ставу велъ якобы на стрѣленье зъ лука до рѣки Стыра, и менилъ поправу пановъ Лащовъ, а по лѣву великого князства, кгрунтъ свой, и тымъ Стыремъ рѣкою уверхъ до врочища Сушковы смуги якобы на милю, и тою смугою велъ уверхъ, менечи по праву корунно, Щуровское, повѣту Бужского, а по лѣву великое князство, кгрунтъ свой села своего Хутрова. И велъ отъ тое смуги Сушковы черезъ дуброву до врочища колодезя якобы на три стрѣленья зъ лука, а отъ того колодезя низкимъ мѣстомъ велъ дубровою мало не на полъ мили до дороги великое, которая идеть отъ Олеска до Луцка на противку врочища Круглого борку, и повѣдилъ Микита Хутровскій, ижъ ту граница моя кончы, а пришла земля князей Курцевичовъ села ихъ Корсовского, менилъ быти поправу корунно, мѣста Щуровского, повѣту Бужского, а по лѣву великое князство, села его Хутровского; и тутъ здалъ пяту свою княземъ Курцевичомъ, селу ихъ Корсовскому.

Обводъ корунный.

Тогожъ дня. Земенинъ корунный Матѣй Рокаль Барыловскій велъ, меначы быти границу села своего Барилова, болотомъ великимъ, которое идеть съ Стоянова, которое дѣлить зъ имѣньемъ пана Богдана Семашка Бужиномъ. И отъ того болота, опущаючы болото и рѣку, которую менилъ встати на своемъ кгрунтѣ на его сторонѣ, и меншымъ болотомъ, которое зовуть Коньскимъ болотомъ, и надъ тымъ болотомъ велъ черезъ дуброву сѣножатьми. И прыходячы къ селу князя Коширского къ Скрыголову тое болото Коньское опустилъ улѣвѣ, черезъ поле велъ опять ку томужъ болоту великому, и тамъ ведучы указалъ намъ дубъ, зъ одное стороны зжоный, и повѣдилъ, ижъ тутъ зъ одны стороны знакъ былъ, але выжженъ, а зъ другое стороны знаку небыло, и въ того болота здалъ границу пани Майковой имѣнья ее Увина. Того обводу, гдѣ велъ Рокаля, якобы на чверть мили, и повѣдилъ: куды веду, то есть въ лѣвѣ князство, а поправу корунно, а то дей поля панъ Семашко сего году началъ сѣяти.

На то врадникъ пана Семашковъ Бужынскій и врадникъ пана Александровъ Кгетолтовъ Полгановскій повѣдили, ижъ гдѣ води Рокаля, то есть яко поля, такъ дубровы и сѣножати и селища Бужынскіе, на которомъ первѣй тутъ село Бужынъ седѣло: то все есть великое князство а кгрунтъ пановъ нашихъ имѣнья пана Семашкова Бужына а имѣнья пана Кгетолтова Полганова, и то попове нашы у во вжыванью зъ давныхъ часовъ.

А отъ того болота пани Майковая зъ людьми села корунного, державы своее Увина вела отъ того болота черезъ поле, займуючы все село князя Коширского Скрыголово до болота другого и презъ лѣсъ до Олешкова дуба, отъ того дубу до Точыща врочыща, отъ Точыща до Княжое Водицы, отъ

Водицы Особыми лужки до Миколаевское границы, которую менилъ Миколаевскій до могилы, котора стоитъ подлѣ дуба Столоватого, а то вела межы селъ великого князства Галичаны а Колмова а коруннымъ селомъ своимъ Увиномъ, пущаючы князство влѣвѣ, а Коруну вправо.

Того обводу отъ Увина до могилы якобы съ чверть мили, а тутъ у тое могилы пани Майковая здала границу Миколаеву селу пана Познанского, староства Бужского, и отъ тое могилы вели люди села Миколаевского до Вербня, презъ горы, отъ Вербня черезъ врочищо Стырковъ до границы Стрымелицкое замочку пановъ Лащовъ. Того обводу Миколаевцовъ естъ болшъ мили.

И недоѣжчаючи до Стиковца врочища у болотка на дорозѣ, которую зовуть шляхъ Татарскіе, тутъ здали границу Миколаевцы паномъ Лащомъ, и повѣдили, ижъ куды мы вели по тымъ мѣстцамъ, по тую нарожницу дорогу, которая намъ естъ съ паномъ Лащомъ и съ паномъ Микитою Хутровскимъ, то все естъ по праву корунно, а по лѣву великое князство.

И тою дорогою, которую зовуть шляхъ Татарскіе, велъ панъ Лащъ якобы на стрѣленье за лука, а потомъ зъ дороги влѣво дубровою якобы на шесть стрѣленей зъ лука прывелъ насъ на дорогу, которая идеть отъ гостинца до Стрымелча. А надъ тымъ мѣстцемъ, гдѣ взъѣхалъ на дорогу, стоить береза безъ верху стара, а врочыща тому мѣстцу нѣтъ, и тою дорогою до отноги ставу, оповѣдаючи, ижъ влѣвѣ пана Хутровского, а по праву мое, и тою дорогою якобы о двѣ стрѣленья зъ лука. Потомъ повелъ управо дубровою, а дорогу опустилъ влѣвѣ, и тою дубровою посредъ озера просто чрезъ поле до долины, которая естъ подъ селомъ Мервою пана Хутровского, земенина великого князства, а зъ нижнемъ Стримельча замочку пановъ Лащовъ, бо тотъ замочокъ Лащовъ отъ села Хутровского Мервы на стрѣленье зъ лука презъ рѣчку и болотце, и отъ того рову въ рѣчку Судиловку якобы на стрѣленье велъ насъ, котора впада и ставку пановъ Лащовъ въ рѣку Стыръ. И тою рѣкою Стыремъ внизъ границу менилъ быти зъ великимъ князствомъ по половицы по праву: корунно, а по лѣву князство, и тою рѣкою Стыремъ до Шельгова границы Берестецкое пани Богушевое подскарбиное земское имѣнья ее милости Берестечка. А отъ Шельгова дорогою, котора иде до Слунви, и тою дорогою велъ якобы на полъ мили до врочыща Сушковы долины до нарожницы Корсовское князства великого, а съ Коруны Щуровича пана Познаньского державы, и тутъ панъ Лащъ здалъ свою границу пану Познаньскому.

Того всего обводу пана Лащова отъ могилы до Сушковы долины на три мили. А Хутровского обводу зъ великого князства отъ Рудки до дороги, котора идеть отъ Олекса до Луцка, на противку врочыща Круглого борку якобы на три мили, а розницы въ ширшомъ мѣстѣ якобы на милю, а индѣ на полъ мили, а индѣ на чверть мили.

На то врадникъ пана Богдана Семашковъ Бужинскій и врадникъ пана Александра Кгетолта Полгановскій, а врадникъ князя Коширского Скрыголовскій а земенинъ великого князства Микита Хутровскій повѣдили: куды вели Матѣй Рокаля Бариловскій, и пани Майковое люди Уиняне, и люди пана Познанского Миколаевцы и панове Лащи, то все вели по великому князству а по властному кгрунту имѣней пановъ нашихъ, якожъ мы того отъ

давныхъ часовъ у спокойномъ держанью и вжываню ажъ до тыхъ часовъ, а Церковъ Матей Рокаля тыхъ недавныхъ часовъ на властномъ кгрунтѣ нашомъ поставилъ; а што пани Майковая село Скрыголово заѣхала, тое село звѣчыстое церковное а повѣту Перемильского. Къ тому тежъ повѣдилъ Хутровскій, ижъ тое Шольгово естъ у властной земли моей кгрунтъ мой, а границы жадное пану Лащу и съ пани Богушевое нѣтъ, ено я мамъ границу съ пани Богушовою.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебра 27 д. въ понедѣлокъ. Отъ того врочыща отъ Круглого борка, который естъ по близу дороги великое, которая идеть съ Олекса до Луцка, гдѣ прывелъ панъ Микита Хутровскій, повѣдилъ врадникъ князя Василья Курцевича, державцы Ровенского, Слоновскій Васко и зъ людьми князя своего Слоновскими, ижъ тутъ по праву земля Олексого повѣту Бужского села Конюховъ, а по лѣву великое князство а кгрунтъ князя нашого села его Слоновского. И вели отъ того Округлого борку врочыща дорогою великою, которая идеть отъ Олекса до Луцка, якобы на полъ мили до горы, которую гору называють Узводнемъ, и тою горою вели насъ до рѣки Стыра, гдѣ рѣчка Слоновка упала у Стыръ, якобы на полъ мили, и Стыремъ рѣкою уверхъ вели якобы на милю ажъ до рѣки Смоленки, тоею рѣчкою Смолянкою уверхъ вели якобы на полъ мили до руды ставу, которое мѣстцо называють врочищомъ Болдары, который дей ставъ заставилъ панъ Фридрушъ Олексій зъ именья своею Олеска отъ десети лѣтъ. И повѣдили, ижъ по тымъ всимъ границамъ, куды есмо вели, по праву земля Олексого села его Конюховъ и Щуравицкое, а полѣву великое князство а кгрунтъ нашого села его Слоновского, и тутъ у того ставу врочища Болдаръ пришла граница земянъ великого князства пановъ Опарыпескихъ пана Степана а Михайла а Яска Михайловичовъ. И повѣдилъ врадникъ князя Курцевича Слоновскій, ижъ въ томъ обводѣ нашомъ за тыми границами нашыми посадилъ панъ Фридрушъ Олексій село свое, на имя Поповцы, на кгрунтѣ князя нашого отъ десяти лѣтъ.

На то повѣдилъ панъ Петръ Подгорецкій именемъ пана Станислава Хвридруша, хоружого Галицкого, ижъ почоншы отъ Щуровичъ мѣстечка короля его милости повѣту Бужского, куды велъ врадникъ князя Василья Курцевича, то естъ все корунно а кгрунтъ села пана моего Новосельского замку Олексого, а то естъ граница пана моего рѣка Слоновка: тая дѣлить великое князство зъ кгрунтомъ пана моего ажъ до села великого князства Опарипсовъ, а тое границы тою рѣкою Слоновкою на двѣ мили.

Обводъ великого князства.

Въ того ставу врочыща Болдырского здалъ врадникъ князя Василья Курцевича села его Слоновского границу земяномъ великого князства паномъ Опарипескимъ Степану а Михайлу. На то повѣдилъ Петръ Подгорецкій именемъ пана Фридрушовымъ, ижъ якомъ первѣй повѣдилъ, такъ и теперъ повѣдамъ, ижъ рѣка Слоновка естъ граница великого князства зъ кгрунтомъ пана моего, а тотъ млынъ Болдарскій и тая Руда естъ кгрунтъ пана моего.

Тымъ ставомъ и рѣкою Смоленкою вели земяне великого князства Опарыпескіе якобы на полъ мили, менячи быти границу свою и зъ селомъ пана Фридрушовымъ Олексого Конюхи, а съ тое рѣки вели презъ лѣсъ якобы

на чверть мили до Бѣлевца села, а отъ того села градою, и повѣдили, ижъ то село теперь естъ пана Фридрушово, але сѣди на властномъ кгрунтѣ нашомъ за Старшого короля господара нашого его милости и великого князя Жикгимонта посажено. И повѣдили Опарипескіе, ижъ за тымъ селомъ Бѣлевцомъ на врочыщы Вербовцы дворъ и гумно отца нашого былъ.

На то повѣдилъ панъ Петръ Подгорецкій, ижъ то все, куда ведутъ Опарипескіе и повѣдаютъ быти кгрунтомъ своимъ, то естъ кгрунтъ пана Фридрушовъ, которого естъ отъ давныхъ часовъ у вжываныо, и не естъ то граница князству съ Коруною, ено то, которуюмъ я первѣй повѣдилъ, рѣка Слоновка. И тою градою прывели насъ Опарыпескіе ку соснѣ порубаной, у которой менили быти зъ обудву сторонъ грани, еножъ повѣдили выпалены. Потомъ прывели до другое сосны спаленое, у которой тежъ менили быти грани и повѣдили, ижъ вызжены. И тужъ оказали намъ знакъ копцовый, и вели тою градою якобы на чверть мили, отъ тое грады вели презъ поле и дубровою якобы на двѣ стрѣленья, и зася вели градою якобы тежъ на двѣ стрѣленья, и на той градѣ оказали намъ два знаки копцовые, потомъ вели насъ дубровою якобы на двѣ версты, а полемъ врочыщомъ Бренымъ якобы на чверть мили, и зася вели боромъ якобы на полъ стрѣленья зъ лука, оказали намъ дубъ, въ которомъ менили быти грани зъ обудву сторонъ. И повѣдили, ижъ люди пана Фридрушовы Конюховцы вырубали и выказили, якожъ и знакъ того естъ, ижъ грани были, и вели тою дубровою якобы на полъ мили и оказали намъ въ той дубровѣ могилу и дубъ на ней зрубанъ, въ которомъ менили быти грани, и прывели къ дорозѣ, которая идетъ отъ села великого князства Опарыпсовъ до села корунного пана воеводича Подольского пана Яна Олексого до Бродовъ, и менили въ тое дороги врочыщо Бесѣды и повѣдили, ижъ дей се тутъ сходятъ завжды на копу село Опарипеское и зъ селомъ Бродскимъ, и направа всякіе. И повѣдили, ижъ то вже на правѣ земля села Бродского ку Лексу тягнеть, а на лѣвѣ великое князство а кгрунтъ села нашого Опарипеского. И вели Опарипескіе отъ того врочыща Бесѣдъ презъ дуброву якобы на милю, а полемъ якобы на чверть мили до врочыща Сопелницы до трехъ курганцовъ, и на той дубровѣ оказали намъ два колодези, менили собѣ быти граничные: одинъ пана воеводича Подольского пана Яна Олексого села его Бродовъ, а другій села своего Опарипеского. И отъ тыхъ колодезей оказали гору, которую менили быти Орле, отъ тое Орли оказали знаки трехъ копцовъ одинъ подлѣ одного неподалеку, потомъ дубовое пеневье оказали, и повѣдили, ижъ въ нихъ грани были, еножъ люди пановъ Олексихъ выказили, и въ того врочыща горы Сопелничицы и въ тыхъ трехъ курганцовъ повѣдили, ижъ тутъ три грани зышли: одна села великого князства Опарыпеская, а другая земянъ тежъ великого князства Лидуховскихъ, а третяя грань села пана Яна воеводича Подольского Бродского, и повѣдили: куды есмо вели, то все по праву корунно, а по лѣву великое князство, и тутъ дей повѣтъ Луцкій кончыть, а вже починаеть ся повѣтъ Кремянецкій.

При томъ тежъ оповѣдили земяне Опарипескіе, ижъ дей у томъ заводѣ нашомъ на властномъ кгрунтѣ а звѣчыстой властивой земли нашой панове Олексіе осадили села: первое Бѣлевецъ, другое Вербовецъ, третее Шнере-

во сего лѣта осажоно. Къ тому тежъ ставы на властномъ кгрунтѣ нашомъ засыпали млыны и руды ку пожытку своему посправляли поля, и сѣножати и дерево бортное и озера наши властные позабирали, якожъ на то маемъ листы и свѣдомъе, и часу потребы то оказати хочемъ, которыхъ мы земли зъ вѣку вѣчыстого у держанью и вжыванью были и теперь зъ держанья своего не выпущаемъ.

Къ тому тежъ земяне Луцкіе Рогозницкіе и Ингненскіе оповѣдили: штожъ дей тое село Броды Огерница за короля Александра взято ку Корунѣ отъ пановъ Олексихъ, а то дей естъ близкость наша.

На то панъ Петръ Подгорецкій именемъ пана Яна воеводича Подольского повѣдилъ, ижъ по тымъ всимъ омененымъ врочищамъ, куды вели Опарипескіе, естъ кгрунтъ пана воеводичовъ корунный по обѣма сторонамъ, а тые врочища не суть граница съ князствомъ, але властность пана воеводичова, который ту не ма ни съ кимъ границы, але индѣ вышей по лѣвой сторонѣ естъ съ князствомъ граница Корунѣ, а того кгрунту панъ воеводичъ у вжыванью отъ давныхъ часовъ.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебра 27 день, у понедѣлокъ.

Тутъ на той дорозѣ стоячы, панъ Лащъ, которая идетъ зъ Берестечка, имѣнья пани Богушовое, до Слунви села князя Курцевича Булыгина урочища, которое зовуть Сушкова долина, гдѣ здалъ урurяднику пана Познаньского пану Яну Закровскому имѣнья пана Познаньского повѣту Бужского Щуровица, отъ того урочыща Сушковы долины велъ насъ панъ Закровскій тоюжъ дорогою якобы на чверть мили до горы, которую называютъ Узводнемъ, и отъ тое горы, опустивши дорогу улѣвѣ, повелъ насъ горою Узводнемъ якобы на стрѣленье зъ лука, а потомъ опустившы тую гору управо, велъ насъ на укосъ горы оное полъ мили черезъ межы поля засѣяные ржищки и гречьнищами якобы на полъ мили добрую, не вказуючы намъ жадныхъ знаковъ, ажъ черезъ селище князя Курцевича до рѣки Слоновки до езу, которого зовуть Головный езъ. И тутъ врадникъ пана Познанского здалъ границу Щуровицкую имѣнья его милости пану Фридрушу хоружому Галицкому имѣнью его милости Поповцомъ и Новоселкомъ, и повѣдилъ, ижъ тутъ полѣву земля великого князства имѣнья князя Курцевича Слонова, а поправу земля корунна имѣнья Щуровицкого.

И тутъ зъѣждчаючы съ тое горы вышейписаное Узводня, гдѣ велъ врадникъ пана Познаньского, и зъ войтомъ Щуровицкимъ, и зъ мѣщаны, тогды тыежъ мужы пана Познаньского сами повѣдили, ижъ куды врадникъ нашъ зъ войтомъ ѣдуть, мы того не вѣдаемъ, але мы старѣлися тутъ, а границы иншое не мѣли съ Лунвляны, одно тою горою Узводнемъ, а съ тое горы просто у рѣку Стырь.

Но то врадникъ князя Курцевича зъ мужми села князя своего Слововскими повѣдилъ: куды врадникъ пана Познаньского велъ зъ мужми и зъ войтомъ, то зъ обудву сторонъ естъ князство великое а кгрунтъ князя моего и то езъ Головный властный князя моего, якожъ и тые мужы пана Познанского сами сознаваютъ.

Того обводу корунного, почепшы отъ врочыщаСушковы долины, по всимъ тымъ мѣстцамъ ажъ до рѣки Слоновки до врочища езу Головного якобы на милю, а обводу великого князства, куды велъ Курцевича врадникъ, почепши отъ Круглого борка, по всимъ тымъ врочищамъ

ажъ до ставу Болдырского, якобы на полъ трети мили, а розницы промежку тыхъ границъ въ ширшомъ мѣстѣ якобы на полторы мили.

И отъ того врочища езу Головного, гдѣ здалъ границу свою врадникъ пана Познаньского Щуровицкій, повѣдилъ панъ Фридрушъ хоружый Галицкій, ижъ то естъ рѣка Слоновка и тутъ починаеться граница Олѣская повѣту моего, а Бузскій повѣтъ кончить. И повѣдилъ, ижъ тоею рѣкою Слоновкою по полъ рѣки уверхъ, на которой рѣцѣ естъ мостъ межы села великого князства Слонова а межы села пана хоружого Новоселокъ, который мостъ по половицы робятъ и мыто на полъ берутъ, ажъ до врочища Везищъ гати, а отъ Везищъ по бродъ Сетратинскій, што ѣздять отъ Конюского села до Бродского села, посередъ ставу Опарипеского земянъ повѣту Луцкого, а отъ млына тоюжъ рѣкою уверхъ до крыницы Гливятинки. Въ тое крыницы пустилъ тую рѣку Слоновку улѣво, а отъ тое крыницы Гливятинки велъ панъ Фридрушъ дорогою, которая идеть изъ села Опарипсовъ до Красного поля, и ведшы тою дорогою якобы на стрѣльбище, и тамъ одну дорогу управо пустилъ до Сопелничъ поля, а влѣво повелъ долиною дорогою, которую зовуть Суходолъ. И тою дорогою ведши якобы на милю и пустили дорогу улѣво на пашни Опарипескіе, а управо насъ довели отъ Суходоль черезъ поле Красное до горы Дранчы. И тутъ ведучы насъ повѣдилъ, ижъ по лѣву великое князство, а по праву корунно, и на той горѣ здалъ границу брату своему пану Яну воеводичу Подольскому селу его Бродомъ а другому Черницы. На то повѣдили земяне великого князства Опарипескіе: куды кольвекъ велъ панъ Фридрушъ, то все естъ великое князсдво а кгрунтъ нашъ села нашого Опарипеского и Немировского, и тогосмы отъ давныхъ часовъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и отцовъ нашыхъ у спокойномъ держанью, лечъ кгвалтовне то въ насъ отыймують.

Обводу корунного, куды велъ панъ Фридрушъ отъ урочища езу Головного по всѣмъ тымъ врочыщамъ ажъ до лѣсковъ Лидуховскихъ якобы на три мили.

А обводу великого князства земянъ Опарипескихъ, почевшы отъ ставу Болдырского по всимъ тымъ врочыщамъ ажъ до врочыща Сопелничъ, якобы на полъ трети мили; промежку тыхъ обводовъ розницы въ ширшомъ мѣстѣ якобы на милю.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебра 28 день, у волторокъ.

Отъ тыхъ трехъ курганцовъ и отъ тое горы, которую называють Сопелницкою, гдѣ подали земяне великого князства Опарицескіе пяту свою земяномъ тежъ великого князства Лидуховскимъ пану Гаврилу а пану Михайлу а пану Гнѣвошу и братьи ихъ. И тые панове Лидуховскіе вели насъ отъ тое горы Сопелницкое и отъ тыхъ трехъ курганцовъ на долъ полемъ якобы на версту до долины, которую называють врочищомъ Смолною, и вели насъ посредкомъ тое долины якобы на милю до дороги, которая идеть зъ Бродовъ къ Наквашы, и тою дорогою, которая идеть по той долинѣ верхумененой, до рѣки Икови. Тутъ повѣдили, ижъ куды вели тымъ логомъ, по праву земля селъ Олексихъ: Наквасовского и Черницкого, а по лѣву великое князство а кгрунтъ нашъ. И повѣдили панове Лидуховскіе, ижъ надъ тою рѣкою Иковью посадили панове Олѣскіе люди отъ пяти лѣтъ на властномъ кгрун-

тѣ нашомъ, якожъ мы тымъ людемъ поль и сѣножатей своихъ робити не допущаемъ, едножъ съ Олѣска моцне кгвалтомъ збожья наши побирають и насъ самихъ бьють и земли и сѣножати наши позабирали и многіе грабежи и крывды намъ чинять, еножъ мы предъ се того у держанью и во вживанью. И вели насъ тою рѣкою Иковью унизъ черезъ ставки до ставу, который естъ противъ села Поповского Олеского, и въ того ставу сдали границу свою врадникy князя Вишневского, князя Дмитрея и братьи его Вишневецкихъ, Стецку селу ихъ милости Вишневскому Крутнову, и повѣдили ижъ отъ того ставу нижей еще рѣкою сугранною землю мають съ княземъ Дмитреемъ Вишневскимъ зъ имѣньемъ его Крутневомъ.

На то повѣдилъ панъ Лаврынъ Носовскій именемъ пана Яна воеводича Подольского, ижъ, куды вели земяне Лидуховскіе, то все естъ кгрунтъ пана воеводичовъ властность его, и тутъ панъ воеводичъ границы съ князствомъ не ма ни съ кимъ.

Того обводу, куды вели панове Лидуховскіе, почeншы отъ трехъ курганцовъ и отъ горы Сопелницкое, по всимъ тымъ врочыщамъ ажъ до ставу, который подлѣ села Олексого Поповского, якобы на двѣ мили. А розницы промежку тыхъ обводовъ якобы на милю, а индѣ меншы.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебра 28 день, у волторокъ.

Отъ горы Дранчое, гдѣ здалъ границу свою панъ Фридрушъ хоружій Галицкій села своего Бѣлевца а Вербова а Шнерева пану Яну Олѣскому воеводичу Подольскому и селомъ его Броду и Черневца зъ селми князства великого межы Опарыпсами Немѣревомъ и Лидуховомъ повѣту Кремянецкого, велъ насъ панъ Андрей Жабицкій отъ горы Дранчее и отъ лѣсовъ Лидуховскихъ на другую гору межы лѣсы Супелнича а Середнимъ, гдѣ панъ староста лѣсъ Сопелничій менилъ быти Залозскимъ села Черницъ а Наквасы селъ пана воеводичовъ корунным, а Середній лѣсъ менилъ быти Лидуховскимъ ку князству великому, пущаючи его улѣвѣ. И велъ насъ черезъ горы и долы и черезъ дубровы ажъ до дороги крыжовое, которую зовуть Королевская дорога, котора иде зъ Лидухова до Олекса, а другая дорога съ Поповичъ иде до дуба, которого воженья естъ тою дубровою якобы съ полъ мили, и тою дубровою ведучы не вказалъ намъ жадныхъ знаковъ. А отъ тое дороги крыжовое, которую менили быти Королевскою, велъ насъ до дороги Почаевское черезъ дуброву якобы на чверть мили такъ же безъ знаковъ, и кгды прывелъ къ дорозѣ Почаевской, которая идеть съ Черницы села до Почаева, указалъ тамъ подлѣ тое дороги по лѣвой сторонѣ могилку. И повѣдилъ врадникъ пана воеводича, якобы тая могилка мѣла дѣлити Лидухово село князства великого и зъ селми корунными Олѣскими: Велены а Поповцы, и повѣдилъ, ижъ по лѣву то естъ Лидуховское, князство, а по праву корунно.

А панове Лидуховскіе, земяне великого князства повѣту Кремяницкого, повѣдили: гдѣ панъ Андрей подстаростій Олѣскій вашу милость води, то естъ все зъ обудву сторонъ великое князство а кгрунтъ нашъ вѣчный, которого есмо во вжыванью ажъ до сихъ часовъ, а отъ тое могилы опустившы тую дорогу влѣво велъ насъ управо дубровою до другое могилы, которую зовуть Бугаева могила, якобы на чверть мили.

И тутъ повѣдилъ панъ Андрей, врадникъ Олѣскій, ижъ тая могила чинить границу пану воеводичу съ княземъ Дмитромъ и зъ братьею его князи Вишневецкими, але не зъ Лидуховскими. И тутъ стоячы въ тое могилы на то повѣдилъ врадникъ князя Дмитрея Вишневского Стецко: што ты менишъ тотъ копецъ за границу собѣ мѣти съ княземъ моимъ, то граница не есть князю моему зъ границою пана твоего, але то естъ граница князя моего съ паны Лидуховскими и съ паны Лосатинскими земяны великого князства повѣту Кремяницкого, которую промежку собою маемъ у великомъ князствѣ, а граница князя моего съ паномъ твоимъ на томъ мѣстцу, гдѣмъ я вашу милость ждалъ и вашей милости то оповѣмъ.

А земяне тежъ повѣту Кремяницкого панове Лидуховскіе повѣдили: што врадникъ пана воеводичовъ Жабицкій мени быти туды границу свою съ князи Вишневецкими, ино мы вашей милости то оповѣдамы, ижъ ту никгды панъ воеводичъ не мялъ, ани ма границы съ князи Вишневскими, але то естъ наша граница весполокъ и зъ земяны Кремянецкими, паны Лосатинскими и съ князи ихъ милости Вишневецкими, которыхъ мы границъ отъ прадѣдовъ и отъ отцовъ своихъ у спокойномъ держаныо были и теразъ держымы и вжывамы.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Сентебра 29 день, въ середу. Отъ тое гребли, которая естъ подъ селомъ Поповцы, гдѣ здали пяту земяне великого князства повѣту Кремяницкого Лидуховскіе изъ села своего Лидухова, велъ врадникъ князя Дьмитрея Вишневецкого Стецко зъ людьми князя своего Крутенскими, менячы быти границу свою съ паномъ Яномъ воеводичомъ Подольскимъ тою рѣчкою Иковъю внизъ якобы на чверть мили до села Дудина и подъ тымъ селомъ Дубиномъ у броду тое рѣчки повѣдилъ, ижъ то естъ бродъ граница: тутъ права даемъ межы собою, яко зъ великого князства князи и панове, такъ съ Коруны людей своихъ ставять ку справедливости всякое речы; а отъ того броду велъ дорогою, и повѣдилъ, ижъ тое село Дудинъ по праву естъ Олѣское пановъ воеводичовъ Подольскихъ, а по лѣву великое князство грунтъ князей нашихъ селъ ихъ Крутенского и Лопушенского и Бобровецкого, а полѣву тое дороги осадилъ панъ Янъ воеводичъ люди на властномъ кгрунтѣ князей моихъ. И отголь велъ тою дорогою якобы на двѣ версты, и повѣдилъ, ижъ подлѣ тое дороги по деревъю въ дубѣхъ были грани, але люди пана Яна воеводичовы выказили, еножъ мы ихъ не видѣли. И тою дорогою велъ на долъ до крыницы, которую зовутъ Нѣмечова, надъ которою село Нѣмечово сѣди. И повѣдилъ врадникъ князей Вишневскихъ, ижъ то на правѣ село пана воеводичово, а по лѣву грунтъ князей моихъ, и тутъ въ тое крыницы здалъ пяту князю Щепану а князю Водиславу Збаразскимъ селамъ ихъ Нежковцомъ, а Серестцу а Загоръю.

Того обводу князя Вишневского якобы на милю.

На то отъ пана воеводича Подольского Лаврынъ Носовскій, Янъ Каменскій повѣдили, ижъ по тымъ всимъ врочыщамъ, яко почалъ вести врадникъ князя Вишневецкого ажъ до тое крыницы, то все велъ по кгрунту пана воеводичову, которого завжды былъ у вжываныо и теразъ естъ.

Отъ тое пяты, гдѣ здалъ врадникъ князя Вишневского, вели князи Збаражскіе дорогою, держачы село пана Яна вое-

водичово Нѣмечово по праву, а по лѣву великое князство кгрунтъ отчызны своее, и повѣдили, ижъ на кгрунтѣ нашомъ по лѣвой сторонѣ его милость панъ Янъ воеводичъ осадилъ человѣка своего. И вели тою дорогою презъ гору якобы на чверть мили до озерца малого, которого называютъ Чеховомъ, отъ того вели дорогою якобы на двѣ стрѣленья до ставу до врочыща Мокрого, который ставъ естъ подъ селомъ пана воеводича Подольского Пали-Коровы, и повѣдили князи Збаражскіе, ижъ по полъ ставу того естъ граница наша, по праву корунно Олѣское, а по лѣву кгрунтъ нашъ.

На то повѣдилъ Лаврынъ Носовскій именемъ пана Яна воеводича Подольского, ижъ што кольве князи Збаражскіе менили быти кгрунтомъ своимъ, то все естъ кгрунтъ пана воеводичовъ корунный, и ту ни съ кимъ границы съ князствомъ панъ воеводичъ не ма. И вели насъ князи Збаражскіе отъ того ставу влѣво дорогою якобы на версту, село пана воеводича Пали коровы держачы по праву, до долины врочыща Урви-Хвостовъ вертепа. И подлѣ тое горы оповѣдили на дву мѣстцахъ, менячы быти знаки каменьемъ складеные, и повѣдили, ижъ розвожено, губячы знаки, еножъ одинъ камень великій въ одной ямѣ естъ, а другая яма безъ каменья. И оповѣдили князи Збаражскіе, ижъ дей панъ воеводичъ Подольскій панъ Янъ осадилъ село отъ дву лѣтъ на властной земли а кгрунтѣ нашомъ, которое панъ воеводичъ называетъ Кутищомъ; отъ того врочыща Урви-Хвостовъ вертепа вели до дороги, которая естъ по близу оного врочища, котора дорога идеть отъ Кремянца къ Залозцамъ, и тою дорогою вели якобы на чверть мили. И оповѣдилъ врочыщо долъ, которого прозываютъ Воробъева Лоза, котора естъ по близу оное дороги, и вели тою рѣкою на полъ мили до ставу, который естъ на рѣтцѣ на Серетцу. И повѣдили, ижъ тотъ ставъ зоставилъ панъ воеводичъ того року на властномъ кгрунтѣ нашомъ селъ нашихъ Нѣжковцовъ и Серетецъ на кгрунтѣ тежъ на властной земли нашой осадилъ панъ воеводичъ села Ячнище, другое Березцы а третее, якомъ первѣй повѣдилъ, Кутище. А воеводиная Подольская пани Ядвига властное отчызное село наше, на имя Дудинъ, безправне тому семь лѣтъ взяла и теперъ держить. И тутъ подалъ пяту свою враднику князя Дьмитрея Вишневского селу его Олексинцомъ на низъ рѣчкою Серетцемъ.

Того обводу князей Збаразскихъ якобы на полторы мили.

На то повѣдилъ Лавринъ Носовскій именемъ пана воеводыча Подольского, ижъ куды ведуть княжата Збаражскіе спочатку и до того врочища рѣчки Серетцы, то все естъ кгрунтъ пана воеводичовъ, и тотъ ставъ и тые села суть осажены на кгрунтѣ пана воеводичовѣ, на который повѣдаеть мѣти привилья, и тутъ панъ воеводичъ не ма ни съ кимъ границы съ князства Литовского.

А што повѣдають, якобы мѣла пани воеводиная Подольская село Дудинъ взяти, то ее милость взяла зъ розсудку съ права пановъ комисарей корунныхъ.

Тою рѣчкою Серетцемъ отъ того ставу, гдѣ подали княжата Збаражскіе границу враднику князя Дьмитрея Вишневского пану Стецку, велъ врадникъ князя Дьмитрея Вишневского зъ людьми князя своего Олексинцы рѣчкою Серетцемъ внизъ якобы на легкую милю до рѣки Серетя, и тою Серетемъ внизъ до Залозецъ якобы на милю, отъ Залозецъ тоюжъ рѣчкою Серетомъ внизъ до Чернеховское границы кнегі-

ни Ильиное ее милости кнегини Біяты якобы на милю до врочыща ставу Реневского на тойже рѣцѣ Серету, который повѣдають засыпалъ панъ Янъ воеводичъ Подольскій. И повѣдилъ врадникъ князя Вишневского зъ людьми князя своего, ижъ панъ Янъ воеводичъ Подольскій ку властному кгрунту князей нашыхъ по рѣтцѣ Серетцѣ и по Серету чотыры ставы засыпалъ и пять селъ осадилъ на властномъ кгрунтѣ князей нашыхъ, едно противъ Залозецъ. А чотыре села на рѣтцѣ Мелной.

На то отъ пана воеводича повѣдано, ижъ куды кольве ведуть до границы Залозское и до границы кнегини Ильиноо ее милости Біяты Чернеховское, то все вели презъ грунтъ пана воеводичовъ. А цо повѣдають, же бы ставы чотыры на кгрунтѣ князя Вишневского на рѣтцѣ Серетцѣ и на другой на рѣцѣ Серетѣ засыпалъ и пятъ селъ засадилъ вышемененыхъ, то все учинылъ яко на своемъ властномъ кгрунтѣ, на которые и листы и прывилья маеть. Князя Дьмитрея Вишневского обводу и князей Збаражскихъ, почонши отъ тое гребли, которая естъ подъ селомъ Поповцомъ, гдѣ Лидуховскіе земяне здали пяту князю Дьмитрею Вишневскому до ставу Реневского, по всимъ тымъ вышей описанымъ врочищамъ вдолжъ якобы на полъ шесты мили.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Сентебра 29 день, въ середу.

Тотъ же врадникъ пана Яна воеводича Подольского Олѣскій Андрей Жабицкій зъ людьми пана своего Велюны а Поповцы велъ, менячы быти границу свою и зъ селы великого князства князя Дьмитрея Вишневского: съ Крутенскимъ а Бобровцомъ, а Лопушнемъ, отъ тое Бугаевы могилы на конецъ лѣса черезъ гору просто якобы на чверть мили до врочыща Озерецъ, которые естъ на рѣцѣ Иквѣ понижей Бобровецъ. Отъ того врочыща Озерецъ до Локотковецъ селища якобы на двѣ стрѣленья зъ лука. И тутъ повѣдили, ижъ дей княжата Вишневскіе осадили двѣ селѣ на кгрунтѣ Олѣскомъ, на имя Крутнево а Бобровцы и полъ села Лопушного. Отъ Локотковецъ вели якобы на версту презъ горы до Лопушное, и тутъ повѣдили, ижъ по полъ села крыницою по праву земля пана воеводичова Олѣская, а по лѣву великое князство а кгрунтъ князей Вишневскихъ. А отъ тое крыницы Лопушенское вели черезъ поля и дубровы якобы на полъ мили до врочища Березовыхъ лозъ, а отъ Березовыхъ лозъ дубровою якобы на чверть мили до могилъ, которыи по близу селища Красногодубкого. А отъ могилъ вели дорогою, котора дорога иде зъ Нѣжковцовъ до Збаража якобы на милю до горы Холма, до дороги, которая идеть отъ Чернехова до Вишневца, и повѣдилъ, ижъ тут ся кончить граница Олѣская и зъ княжаты Вишневскими, а почынаеть ся и зъ границою кнегини Ильиное замку ее Колодна.

На то повѣдилъ врадникъ княжатъ Вишневскихъ Стецко: куды менилъ быти собѣ границы врадникъ Олѣскій и куды велъ, по всимъ тымъ врочищамъ то есть властная отчизна и дѣдизна князей Вишневскихъ, и отъ отцовъ и отъ дѣдовъ своихъ тыхъ земль завжды князи мои у держанью и вжываныо и въ упокою ажъ до тыхъ часовъ, а то есть граница Вишневцу съ Черниховомъ, куды я велъ и врочища описалъ, едножъ за тыми границами и врочищами, которыемъ я описалъ по смерти князя Ивана Вишневского тому тры годы, черезъ тые границы презъ мене описаные приходячы люди пана воеводичовы Олѣскіе кгвалты, бои, грабе-

жи чинять. Къ тому тежъ на властной отчизной земли князей моихъ отъ трехъ годовъ осадилъ панъ воеводичъ пять селъ, якомъ вышей тые села меновите описалъ.

Тутъ тежъ оповѣдилъ князь Щепанъ Збаражскій зъ братьею своею, и тутежъ врадникъ князя Дьмитрея Вишневского панъ Стецко, ижъ въ томъ обводѣ, куды врадникъ пана воеводичовъ Андрей по властной земли нашей велъ, завелъ нашихъ властныхъ селъ, которыхъ есмо отъ дѣдовъ и отъ отцовъ своихъ въ держанью и вживанью упокойномъ были и теперь держимъ, князей Вишневскихъ Крутнево а Лопушное а Бобровцы, а князей Збаражскихъ дворъ Нѣжковцы и зъ селомъ а другое село Серетецъ, а третее, Загорье, то въ тыхъ двухъ обводѣхъ у княжатъ Збаражскихъ и князей Вишневскихъ, которыхъ у въ упокойномъ держанью князи Збаражскіе и князи Вишневскіе, и которые на властномъ кгрунтѣ ихъ панъ воеводичъ осадилъ всѣхъ тыхъ пятнадцать селъ.

Того обводу, куды врадникъ пана воеводичовъ Олѣскій велъ отъ могилы Бугаевы до горы Холма до дороги, которая идеть отъ Чернехова до Вишневца, вдолжъ якобы на три мили.

А куды съ князства врадникъ князей Вишневскихъ и князи Збаражскіе вели отъ гребли, которая естъ подъ селомъ Поповцомъ, до ставу Реневского, въ тыхъ обѣихъ обводахъ вдолжъ якобы на полъ шесты мили.

А разницы въ ширки межи тыхъ обводовъ якобы на три мили.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Октебра 1 день, въ пятокъ. Отъ тое дороги, котора идеть отъ Чернехова до Вишневца, недалеко отъ горы Холма тотъ же врадникъ Олѣскій Андрей Жабицкій велъ отъ тое дороги дубровою, меначи быти границу пана Яна, воеводича Подольского, и зъ замкомъ кнегини Ильиное Колодномъ, и и велъ до Бѣлого Холма до горы, и на той горѣ менилъ быти могилу за копецъ каменемъ зложеную, отъ тое могилы, повышей Игровицы врочища, повышей Ивачева, ажъ до Частоловское границы до могилы, котора лежить подлѣ дороги Колоденское въ дубровѣ по лѣвой сторонѣ. И ту стоячи въ тое могилы, врадникъ пана Яна воеводичовъ Жабицкій весполъ зъ урадникомъ его милости пана Познанского зъ имѣнья его милости Злочевского, которое естъ пять миль отъ Чернехова и зъ инщихъ селъ повѣдили, ижъ тое имѣнье спольно есть пановъ нашихъ съ одного, и тутъ мы здаемъ границу свою врадника Тарнопольскому его милости пана Краковского, пану Пыстринскому.

Того обводу врадника пана Яна, воеводича Подольского, Жабицкого отъ горы Холма и отъ дороги, котора идеть отъ Чернехова до Вишневца до Частиловки границы до могилы, вдлужъ якобы на три мили.

На то повѣдилъ врадникъ кнегини Ильиное ее милости кнегини Біяты Костелецкое Колоденскій Беняшъ зъ людьми кнегини Ильиное, и тутъ тежъ врадници князей Збаражскихъ и князей Вишневскихъ: гдѣ кольве врадникъ пана воеводичовъ Жабицкій водить, то все по обѣма сторонамъ естъ князство великое а кгрунтъ отчизнъ пановъ нашихъ, съ которыхъ кгрунтовъ отчизнъ своихъ панове наши отъ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ завжды у спокойномъ держанью суть; ено не вѣмы, для которыхъ прычинъ то теперъ обводять, и села осажывати и ставы засыпати хочуть, и въ то ся уступуе, до чого отецъ и предкове его ничего

не мѣли, ани ся въ то уступовали, яко жъ часу потребы ясне ся то окажеть, и будуть умѣти панове наши о то съ паномъ воеводичомъ мовити.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 1 день, въ пятокъ. Въ того ставу Реневского повѣдилъ врадникъ князства Дьмитрея Вишневского Стецко, ижъ тутъ князи моихъ имѣней ихъ милости граница кончить, то есть въ того ставу Реневского, которое мѣстце называли звѣчистое, коли еще того ставу не было, бродъ Реневскій. Тутъ здаю границу кнегини Ильиной кнегини Біятѣ имѣнью ее милости Чернехову. Отъ того ставу броду врочища Реневского велъ понамѣстникъ Чернеховскій Богданъ зъ бояры и зъ мѣщаны и людьми кнегини Ильиное Чернеховскими. И вели тымъ ровомъ якобы на стрѣленье зъ лука меначи по праву Залозское а по лѣву великое князство а кгрунтъ кнегини Ильиное имѣнья ее Чернехова. И съ того рову вели насъ на лѣво презъ гору до дороги, котора идеть отъ Залозецъ презъ село Реневское, которое село, повѣдили, ижъ осажено на кгрунтѣ Чернеховскомъ отъ пана Яна, воеводича Подольского, отъ десети лѣтъ, и вели того дорогою якобы на стрѣленье, и одну дорогу опустили влѣво, а другую дорогу управо. И повѣдили, ижъ тутъ отъ двадцати лѣтъ дороги жадное не было: какъ Залозцы поставилъ панъ Мартинъ, такъ тые дороги стали. И въ томъ мѣстѣ повѣдили грани въ дубѣ, але Залозскіе люди выказили, и вели межи тыхъ дорогъ и черезъ дорожки якобы на двѣ стрѣленья до долу, который врочищомъ называють Лозы. А отъ того врочища Лозы вели дубровою якобы на двѣ версты, и привели къ логу Бѣлоголовскому, и оказали на той долинѣ яму якобы колодезь, и вели тою долиною якобы на версту ажъ въ рѣчку Бѣлоголовку, на которой рѣтцѣ ставъ вдѣлалъ панъ воеводичъ отъ дву лѣтъ, и презъ тотъ ставъ просто до кургана, повѣдили по лѣву кгрунтъ кнегини Ильиное имѣнья ее Чернехова, а по праву пана Яна воеводича Подольского Залозское. А отъ того кургана якобы на стрѣленье черезъ гору до долины, которую зовуть Бзовичи, и тою долиною вели уверхъ якобы на версту добрую, и одну долину опустивши управо, а насъ вели влѣво долиною жъ якобы на версту, и зася такежъ одну долину опустивши управо, а насъ вели улѣво долиною жъ якобы на полъ стрѣленья, и оказали колодезь. И повѣдили, ижъ дей съ того колодезя стада, быдла, кони князей нашихъ поивали, которыи по тымъ дубровамъ хожывали. И вели отъ того колодезя черезъ дуброву на версту до дороги, котора идеть отъ Чернехова до Львова, и подлѣ тое дороги оказали врочищо Жидовскіе Лозы. И повѣдили, ижъ тутъ по праву земля пана воеводичова Залозская кончить, а починаеть ся земля пана Познанского села его Олшевского. А отъ того врочища Жидовскихъ Лозъ вели полемъ якобы на великую полъ мили до дву кургановъ врочища Дѣвіихъ и до дороги, которая идеть отъ Золочова до Козлова и до Теребовля, и вели тою дорогою до кургановъ, которые были по лѣву. Тутъ повѣдили, ижъ граница пана Познаньского села его Олюевского кончить, а пришла земля пана Яна Сѣненского селъ его Глинное и Золочовки, и вели тою дорогою якобы большы мили до врочища Лозъ, которые меновали Олехновы Лозы, и повѣдили, ижъ въ тыхъ Лозъ завсегды со всихъ селъ пограничныхъ яко зъ великого князства такъ съ Коруны Поль-

свое на тыхъ границахъ право съ обѣюхъ сторонъ дають, якожъ и съ Коруны Польское Янъ Каменскій и войтъ Залозецкій Шиманъ именемъ пана воеводича то сознали, и оттуды вели якобы на стрѣленье до крыжа каменого, и повѣдили, ижъ то естъ врочище крыжъ Олехновъ, который крыжъ каменный громъ напополы роскололь, але самъ увесь цѣлъ.

На то отъ пана Яна воеводича Подольского, Янъ Каменскій и зъ войтомъ Залозецкимъ Шимономъ повѣдили, ижъ яко врадникъ князей Вишнеѣвскихъ границу здалъ у ставу Реневского кнегини Ильиное. И велъ врадникъ княгини Ильиное ажъ до врочища Жидовскихъ Лозъ, гдѣ повѣдили быти, ижъ граница пана воеводича Подольского кончить, а починаеть ся граница пана Познанского имѣнья его Золочевского. То все вели презъ властный кгрунтъ пана воеводичовъ имѣнья его Залозского и по обу сторонамъ естъ корунно не маючи зъ жадны стороны границы съ князствомъ, тыле зъ его милостью паномъ Познанскимъ, съ которымъ маю сполны имѣнья и сполны права на тое жъ имѣнье отъ предковъ его королевское милости. А отъ пана Познаньского служебникъ его милости Миколай Островскій а Ондрей Мякитскій а войтъ Едренопольскій повѣдили, ижъ куды врадникъ кнегини ее милости Ильиное Богданъ почалъ вести отъ Жидовскихъ Лозъ отъ границы пана воеводичовы ажъ до врочища Лозъ и крижа названого Олехнова, то все велъ презъ кгрунтъ пана нашого имѣнья Злочевского, которого граница естъ пану моему съ паны зъ Олѣска, съ которыми панъ нашъ ма сполный кгрунтъ и сполны права на тые имѣнья, а ту съ князствомъ жадное границы не ма, ено рѣку Серетъ, то естъ граница великому князству съ Коруною. И вели отъ того врочища крыжа Олехнова тоею жъ дорогою якобы на полторы версты до долины Глубокое, и тую дорогу опустили управо, а насъ вели тою долиною Глубокою влѣво, и повѣдили, ижъ тутъ вже граница Гологорская Синанского кончить, а то пришла граница повѣту Теребовского села Козловского. И вели тою Глубокою долиною ажъ до рѣчки Озерное, и тою рѣчкою унизъ якобы на три версты, и привели до врочища броду Дерлова, и тую рѣчку пустили на право, а насъ вели влѣво и менили быти по праву Теребовского повѣту села Козлова а по лѣву великое князство повѣту Чернеховского.

На то повѣдилъ отъ пана Познаньского, ижъ по тымъ всимъ врочищамъ, куды велъ врадникъ кнегини Ильиное, то все естъ кгрунтъ пана моего, и ту нѣтъ границы пана моего съ кнегинею Ильиною, ено намъ естъ граница рѣка Серетъ.

Отъ того броду Дерлова вели полемъ троху дубровы, займуючи якобы на милю, и привели до руды, которую называютъ Грузкая. И повѣдили, ижъ тутъ въ тое долины права даютъ съ обѣюхъ сторонъ яко съ князства такъ съ Теребовского повѣту, тутъ завжды на право ся зъѣждчаемъ. Отъ тое Грузское руды вели якобы зъ версту до каменя, которого менили быти граничнымъ, отъ того каменя вели полемъ межи дубровъ мимо врочище Пуцкову Лозу якобы на милю до врочища могилы Дупленатое, и повѣдили, ижъ у тое могилы такъ же тутъ права даютъ зъ обу сторонъ на границы яко съ Коруны такъ съ князства. Отъ тое Дупленатое могилы вели до ставу якобы на полтора стрѣленья, который ставъ естъ на Серету рѣцѣ якобы у полъ ставу, и просто презъ тотъ ставъ до озера Плоти-

чого и долины врочища Плотичого, надъ которою долиною могила сыпаная. И повѣдили, ижъ тотъ ставъ отъ полтора года панъ Тарновскій зоставилъ ку великой шкодѣ имѣнью кнегини Ильиное Чернеховскому, якожъ тотъ ставъ уже у пана Тарновского замовленъ за двѣ тысечы и за двѣстѣ золотыхъ. И тутъ повѣдили, ижъ то по праву повѣтъ Теребовскій селъ Петрикова а Березовицы а Пронятина а полѣву великое князство а кгрунтъ кнегини Ильиное имѣнья ее замку и селъ Чернеховскихъ, и ту ся кончить граница кнегини Ильиное имѣнья ее Чернехова, а починаеть ся земля князей Збаразскихъ села ихъ Лозовое.

Того обводу княгини Ильиное вдолжъ якобы на шесть миль.

А корунного обводу вдолжъ отъ Бугаевы могилы по всимъ тымъ врочищамъ ажъ до Частоловское границы якобы на шесть миль.

А розницы межи тыхъ обводовъ двухъ якобы на пять миль.

А въ томъ заводѣ кнегини Ильиное селъ старыхъ звѣчистыхъ, которые тягнули отъ дѣдовъ и прадѣдовъ ку Чернехову и служили предкомъ князей Збаражскихъ и потомкомъ ихъ ажъ до кнегини Ильиное, а забраны по смерти князя Ильиное, то есть первое Глубочокъ, другое Цебровщина, третее Озерная мѣсто, четвертое Сервироги, пятое Вертелка, шостое Мшанецъ.

А то, которые села осадилъ панъ Познанскій, яко вынялъ тотъ кгрунтъ зъ рукъ княгини Ильиное, первое Сорвироги село Нагоришнее, которое другимъ именемъ называють Киселевцы, другое Масковцы, третее Воробьевщина. А панъ воеводичъ Подольскій осадилъ двѣ селѣ на Мельной а третье Носовцы.

А то, которые села по смерти князя Костентиновей забраны: первое Реневъ, другое Петрашевцы, третье Ванинъ, четвертое Бѣлоголовы.

А то въ томъ обводѣ ставовъ, которые панъ Краковскій и панъ Познаньскій и панъ Янъ воеводичъ Подольскій по смерти князя Ильины поотнимали а иншіе новые позасыпали. На Глубоцкой рѣтцѣ ставовъ двадцать и чотыры. Подъ мѣстомъ Озернымъ два ставы. Села Сорвироговъ ставъ. Бѣлоголовского села два ставы, а меншихъ у Бѣлоголовѣхъ три ставы. На Вертельцѣ рѣтцѣ ставъ другій. У въ Омшанцы рѣтцѣ ставъ. А то которые ставы по смерти небощика князя Ильина той же земли Черневской посыпали. Первый Бозенскій ставъ. Другій у въ Омшанцы ставъ. Два на Мелной. То всихъ ставовъ старыхъ спустныхъ, што по смерти князя Ильи его милости отняты, тридесте и чотыры.

Въ томъ шкоды о три тисечы копъ грошей менять быти по тые лѣта зайспусты. А тыхъ ставовъ, што новозаставлены по смерти князя Ильи его милости, чотыры ставы.

Въ томъ же заводѣ, куды панъ Янъ воеводичъ Подольскій меначи границу свою заѣхалъ, первое мѣсто и замокъ Чернехово, другое Плясковцы, третее Копшанцы, четвертое Янковцы, пятое Сѣрые Береги, шостое Обаренцы, семое и осмое Найгоровицы, девятое Ивачевцы, десятое Малшовцы, первое надцать Ивачовцы Долешніи.

А то тые ставы, которые еще кнегиня Ильиная держить въ томъ же обводѣ пана воеводичовѣ, которыхъ хочеть собѣ мѣти два ставы на Серетѣ, за которыи береть княгиня Ильиная тысячу копъ, а иногды и больши.

На томъ же Серетѣ третій ставъ подъ селомъ Ивачевомъ, который былъ

спущенъ, а не занятъ. А на Игоровецкой рѣтцѣ пять ставовъ; на Чернеховцѣ рѣтцѣ два ставы; на Плескорѣцкой рѣтцѣ пять ставовъ. То всѣхъ ставовъ въ томъ обводѣ, куды Ляхове завели, пятьдесятъ и три ставы, а селъ и мѣстъ двадцать и семъ.

Обводъ корунный.

Мѣсеца Октобра 3 день, въ Недѣлю.

Врадникъ пана Краковского Тарнопольскій, Пыстрынскій, велъ насъ менячи быти границу свою и зъ князи Збаражскими села ихъ Лозовое, а отъ тое могилы до рѣки врочища Ходоровки дубровою якобы на полъ мили, и тою рѣкою Ходоровкою велъ якобы на милю до крыницы врочища, при которой крыницы суть двѣ могилы и камень на нихъ, и тутъ врадникъ пана Краковского здае границу Давидовскому, и по праву менилъ быти корунно, а по лѣву великое князство князей Збаражскихъ.

На то князи Збаражскіе повѣдили: куды врадникъ пана Краковского Пыстрынскій велъ, то все естъ властный отчизный кгрунтъ нашъ, и велъ по властному кгрунту нашему, которого мнѣ отъ давныхъ часовъ у спокойномъ держанью и вживанью ажъ до того часу.

Тогожъ дня, въ Недѣлю.

Земенинъ Коруны Польское повѣту Теробовского Янъ Довидовскій зъ братомъ своимъ Миколаемъ вели отъ того врочища крыницы отъ дву могилъ, гдѣ врадникъ пана Краковского здали ему границу свою, и менячи быти границу имѣнія своего Ходоровичъ и зъ имѣньемъ великого князства князя Александра Порыцкого зъ Лозовомъ а Байковцы врочища Язвинъ, отъ врочища Язвинъ, которое естъ надъ дорогою, которая идеть до Бѣлого ажъ до долины черезъ дуброву, и тою долиною до рѣчки Ходоровки, а отъ рѣчки Ходоровки поперекъ до осми могилъ сыпаныхъ, которыи, повѣдилъ, якобы мѣли быти усыпаны межи имѣней пановъ Довидовскихъ мѣстечка Черленова а межи имѣней князства великого князей Збаражскихъ, Збаражомъ а Охремовцы. А отъ тыхъ могилъ вели насъ до кургана, которому врочища не оповѣдили, а отъ того кургана велъ насъ черезъ поля и дубровы до врочища Берестокъ, а отъ Берестокъ врочища ку рѣцѣ Задьмишовцѣ. И тутъ здалъ границу свою пану Галицкому каштеляну селу его Каменой, и менили тые границы быты межи имѣней Збаражскихъ замку ихъ милости Збаража а села Охремовца а межи селищъ Довидовскихъ Кропивною а Колиновы руды.

Того обводу ихъ почении отъ врочища Язвинъ до рѣки Задмишовки вдолжъ якобы на три мили великихъ.

Князь Щепанъ зъ братьею своею Збаражскіе на то повѣдили: куды вели Давидовскіе, то естъ властная звѣчистая отчизна наша, которого мы отъ давныхъ часовъ у держанью и вживанью спокойномъ маемъ ажъ до тыхъ часовъ. А што ся тыче лѣска Березстька, тутъ стоивали подданые наши и дани давали, и ещо надъ то укупывалися и стоивали Теребовского повѣту Скалачане, и намъ съ того ку Збаражу дань давали.

На то подстаростій Теребовскій Якубъ Нелискій зъ людьми Скалатскими повѣдилъ: правда, ижъ тутъ стоивали люди Скалатскіе и дань съ того ку Збаражу даивали, але за мушеньемъ, ижъ князи Збаразскіе на нихъ бирали.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра, 3 день.

Отъ тое долины и озера врочища

Плотичьего, гдѣ здалъ границу свою врадникъ кнегини Ильиное Чернеховскій Богданъ, вели князи Збаражскіе, князь Александро Порыцкій а князь Щепанъ зъ братьею своею, меначи быти границу замку своего Збаража и зъ паномъ Краковскимъ селомъ его Петриковомъ а зъ Теребовского повѣту зъ селомъ королевскимъ зъ Боркомъ, и повѣдили, ижъ тое озеро на Серетѣ рѣцѣ естъ, которое озеро затопилъ отъ полтора года панъ Краковскій панъ Тарновскій ставомъ, который ставъ заставилъ ку берегу князей Збаражскихъ. И повѣдили, ижъ тое озеро Плотичое зъ вѣку было ихъ властное, и вели отъ того озера якобы на полторы мили ставомъ внизъ рѣкою Серетомъ ажъ до врочища Грузкое долины, и тою долиною Грузкою уверхъ якобы на чверть мили до дву каменей ставеныхъ, а отъ того каменья до рѣчки Дичковы якобы на двѣ стрѣленья ажъ до конецъ лѣска, которій зовуть Стѣнки. А отъ лѣсовъ Стѣнокъ якобы на три стрѣленья до конецъ мосту Борковского, который мостъ естъ на рѣцѣ Гнѣздной. И повѣдили князи Збаражскіе, ижъ тутъ была корчма отъ предковъ нашихъ звѣчистая, и повѣдили, ижъ на томъ мосту пры той корчмѣ половину мыта бирали предкове наши. Отъ того мосту вели якобы на три стрѣленья рѣкою Гнѣздною уверхъ, и тую рѣку Гнѣздную опущаючы улѣво, а насъ вели управо рѣчкою Теребною, которая Теребовка впадываеть у рѣку Гнѣздную. И тою Теребнею рѣкою вели уверхъ якобы на милю до дубровы до гаю врочища Климкова, а отъ Климкова гаю черезъ дуброву до врочища Марынины Руды. Отъ Марынины Руды до Сабарихи могилы вели князи Збаражскіе, меначи быти границу замку своего Збаражского и зъ селомъ королевскимъ повѣту Теребовского Скалатомъ полемъ до дороги, которая дорога идеть отъ Рамановки до Скалата, и отъ дороги дубровою до врочища Михновы пасѣки, а отъ Михновы пасѣки дубровою до врочища Голого Каменя, а отъ Голого Каменя дубровою до Лѣска, отъ Лѣска дубровою и полемъ до дороги, которая идеть отъ Скалата до Волочищъ, и того дорогою якобы на полъ мили до врочища до Вербовыхъ Лозъ, отъ Вербовыхъ Лозъ долиною якобы на полъ мили до крыницы. И повѣдили князи Збаражскіи, ижъ тутъ ся Скалатская граница кончить, а починаеть ся граница земенина повѣту Теребовского Андрея Орѣховского села его Орѣхова. И вели отъ тое криницы дубровою презъ гору якобы на полъ версты до врочища долины Глубокое, и тою долиною Глубокою якобы на полъ версты ажъ до рѣки Збручи. И повѣдили князи Збаражскіе, ижъ куды есмо вели, то все по лѣву великое князство а кгрунтъ отчизны нашое, а по праву корунно. И ту ся граница замку нашого и селъ Збаражскихъ кончить, а починаеть ся граница другого замочку нашого Волочищского.

Того всего обводу, князей Збаражскихъ отъ долины и отъ озера Плотичого по всимъ врочищамъ до рѣки Збручее якобы на осмъ миль.

А Давыдовскихъ обводу, почемши отъ врочища Язвинъ ажъ до рѣки Задимшовки, вдолжъ якобы на тры мили а въ ширки розницы межи тыхъ обѣюхъ обводовъ якобы на три мили, а индѣ меншъ, а индѣ больши.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 5 день, у волторокъ. Што князь Щепанъ Збаражскій зъ

братьею своею привели границу замку своего и селъ Збаражскихъ до рѣки Збручи, и оповѣдили, ижъ тутъ ся граница ихъ Збаражская въ долины Глубокое въ рѣки Збручи кончи, а починеть ся граница замочку ихъ другого Волочищского. И тою рѣкою Збручею вели внизъ якобы на двѣ мили, меначи быти границу свою по полъ рѣки, великое князство по лѣву, а по праву Теребовского повѣту села Орѣховского, а другого села старосства Каменицкого пана Влодковымъ Рожищомъ ажъ до врочища Пустоловского болота, которое зовуть болото Руда. А тымъ болотомъ Рудою уверхъ до крыницы, отъ крыницы на гору долиною ажъ до копца, на которомъ копцу естъ камень поставленый, того якобы на милю. А отъ того копца и каменя на рогъ дубровы презъ поле до копца, который естъ у дубровѣ Шоломной якобы на полъ мили, а отъ того копца Шоломного черезъ поле якобы на полъ мили до копцовъ трехъ, отъ тыхъ трехъ копцовъ до Сягловки руды якобы на чверть мили, гдѣ Сягловка впала у рѣчку Болванецъ, и перешедши руду Сягловку у вустьи опустивши руду управо, и рѣчкою Болванцомъ уверхъ якобы на чотыры стрѣленья зъ лука до ставу князей Збаражскихъ, который на той рѣтцѣ Болванцу. А отъ тое гребли на гору рѣчкою Болванцомъ ажъ ку Глубокой долинѣ якобы на милю, и тою Глубокою долиною на гору ку Бозкой дубровѣ и ку гостинцу, которій гостинецъ идеть зъ Волочищъ до Чорного острова якобы на полъ мили. И черезъ тую дорогу просто дубровою до Зеленое крыницы якобы на милю. И повѣдили князи Збаражскіе, ижъ дей въ той дубровѣ нашой естъ пасѣка старосты Каменецкого пана Влодкова, которую онъ теперь маеть на властной земли нашой за дозволеньемъ нашимъ и за листомъ его, который намъ на себе далъ. И повѣдили, ижъ тутъ ся въ Зеленое крыницы доконала граница наша Волочищская зъ великого князства а зъ селы корунными Андрея Орѣховского селомъ его Орѣховомъ, а зъ селомъ пана Матея Влодка Рожищы, а зъ мѣстечкомъ Сатановымъ Ходоровского, а съ Телефусовымъ Кумановомъ, а зъ городкомъ Свирщовымъ съ Чорноостровомъ, который сполно держать панъ Свирщовскій съ паномъ Влодкомъ, старостою Каменицкимъ.

Того обводу князей Збаражскихъ отъ Глубокое долины до Зеленое крыницы вдолжъ якобы на полъ семы мили. И тутъ въ тое Зеленое крыницы здали границу князи Збаражскіе князя Ѳеодора Вишневского имѣнью Дорофеевцамъ а кнегини Збаразской, матцѣ своей, замку ее милости Ожеговцомъ.

Тогожъ дня, врадникъ князя Ѳеодора Вишневского Дорофеевскій Мартинъ зъ урадникомъ кнегини Збаражское Ожеговскимъ Миклашомъ вели отъ тое Зеленое крыницы, меначи быти границу свою и зъ селомъ старосты Каменицкого пана Влодковымъ Чорноостровомъ полемъ до врочыща Чорное Лозы, гдѣ стоивала пасѣка, съ которое дань давано князю Вишневскому, отъ тое Чорное лозы долиною до верхъ болота Бога, и повѣдили, ижъ тутъ ся у того болота Бога доконала граница князя Вишневского и кнегини Збаражское, а починаеть ся граница Кузминская.

Того обводу князя Вишневского и кнегини Збаражское отъ Зеленое крыницы до болота Бога якобы на двѣ мили.

Напротивку того обводу князей Збаражскихъ замочку ихъ Волочищъ мѣлъ быти обводъ корунный, але его намъ

не дано. Оттуль есмо съ товариши нашими корунными розъѣхали.

Въ замочку князей Збаражскихъ у Волощычахъ намовили есмо съ тыми товарышы нашими корунными, ижъ мѣли есмо зъ ними знятися на границахъ назавтрее. Оны къ намъ не выѣхали, и ѣхали до Межибожа, отступуючи отъ границъ семъ миль, и велѣли намъ до себе ѣхати до Межибожя. Мы не ѣхали, а ѣхали есмо предъ се по границы великого князства до Кузминское волости, ажъ до Чудновское границы, отъ Чудновское границы Кіевского повѣту до Веницкое и до Браславское границы алижъ до Семаковцовъ, и ихъ есмо яко служебниками такъ тежъ листы нашими навпоминали, абы оны, ведлугъ росказанья господарей ихъ милости, на границы ѣхали. Оны къ намъ прыслали дьяка своего, вымовляючися Татары, другое, ижъ не маютъ, хтобъ имъ границы оповѣдилъ, яко Чорноострова замочку старосты Каменицкого пана Влодкова, такъ тежъ Межибожья замку воеводы Бѣльзского, такъ тежъ замку господарского Хмѣльницкого, повѣдаючи, ижъ яко староста Каменицкій, такъ тежъ воевода Бѣльскій естъ на послузѣ господарской, а панъ Вислицкій тотъ естъ у во Львовѣ. А врадникъ Хмѣльницкій повѣдаеть, ижъ науки ему отъ пана его о тые границы нѣтъ. И мы на то отповѣдили: гдѣ есмо кольве первѣй того пописывали зъ вами старостъ и державецъ, замковъ и дворовъ господарскихъ, такъ тежъ по князскимъ и панскимъ имѣньямъ, гдѣ ихъ самихъ не бывало, однакожъ врадники и старыи люди границы и шкоды свои намъ оповѣдывали, затымъ есмо жадного омѣшкиванья не прыймовали, и тотъ тежъ староста Кузминскій, панъ Семашко, а кнегини Ильное съ Чуднова врадники и слуги и бояре ее милости пошли въ погоню за Татары, а врадниковъ и людей старыхъ на мѣстце свое оставили и науку имъ дали, и тые намъ тежъ границы свои оповѣдили и ихъ есмо списали, и предъ ся есмо просили черезъ того служебника ихъ, абы ся оны зъ нами зъѣхали межи Вонячина и села Хмѣльницкого и Евча, и о всемъ томъ обмову зъ нами вчинили. И лежали есмо у Вонячинѣ тыйденъ ждучи ихъ, оны пріѣхати не хотѣли. Потомъ ѣхали есмо до Веницы, люди съ погони пришли и панъ воевода Бѣльзскій самъ былъ у Веницы. И лежали есмо послѣ пана воеводы тыйдень, и ихъ есмо обсылали, оны быти не хотѣли и до насъ не отписали.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 7 день, въ четверкъ.

Войтъ Кузминскій Максимъ зъ бояры и зъ мужми Кузминскими вели отъ болота Бога, гдѣ подали границу свою врадникъ князя Александра Вишневского Дорофеевскій Мартинъ а врадникъ кнегини Збаражское Ожеговскій Миклашъ просто черезъ дуброву и поле до болота Божка, съ которого болота устала рѣка Божокъ, и тою рѣкою Божкомъ внизъ по полъ рѣкою ажъ до села Кузминского Глѣбовцовъ, и менили по праву тое рѣки Божка повѣтъ Каменицкій замку Чорноострова старосты Каменицкого пана Влодкова а пана Свирща, а полѣву великое князство волости Кузминское. Отъ того села Глѣбовцовъ тою жъ рѣкою Божкомъ унизъ до села земянъ Кузминскихъ Котюжинцовъ. Тутъ повѣдили, ижъ границу маютъ по полъ тое рѣки Божки зъ селомъ Межибожскимъ Везденками. Отъ того села Котюженцовъ вели тою жъ рѣкою Божкомъ унизъ до села Кузминского Дешковцовъ, и повѣдили, ижъ

тое село Дешковцы мають границу по полъ рѣки зъ селомъ Межибожскимъ съ Ходковцы. И оттоле тою жъ рѣкою Божкомъ унизъ ажъ до села Еремеевского повѣту Кузминского менячы собѣ границу посредъ тое рѣки зъ селомъ Межибожскимъ Пашковцы, а отъ того села Еремеевского тымъ же Божкомъ унизъ по полъ рѣки ажъ до села Межибожского Митковцовъ и до рѣчки Смалчее, которая рѣчка упала у Божокъ, и менили собѣ границу тую рѣчку Смальчю на полы, по праву повѣтъ Межибожскій, а по лѣву повѣтъ Кузминскій. И тою рѣчкою Смальчею уверхъ до дороги, которая идеть отъ Пилевцовъ до Межибожья, и тою дорогою до крыницы, которая крыница идеть посредъ села Пилевцовъ ажъ до рѣки Икови, и просто отъ тое крыницы, гдѣ упала черезъ рѣку Икву и черезъ поле Круглое ажъ до дорогъ, которые дороги розышлися: одна пошла къ Басарабову броду, а другая къ Губину. И тою Басарабовскою дорогою ажъ до Сторожовое могилы, а отъ тое могилы до рѣчки Золви, и тут подали границу свою замку кнегини Ильиное ее милости Чуднову.

Того обводу почевши отъ болота Бога по всимъ тымъ врочищамъ ажъ до рѣки Золчи на дванадцать миль.

А въ томъ обводѣ волости Кузминское посадили Ляхове села свои на кгрунтѣ Кузминскомъ, великого князства королевое ее милости.

Съ Каменца село осажено Половцы отъ девети лѣтъ, а зъ Межибожья первое село Янагинцы осажены за Александра короля, другое село Игнатовцы осажено отъ дванадцати лѣтъ, третее Маломолинцы осажено отъ тридцати лѣтъ, четвертое село Волосовцы осажено сего году. То всихъ селъ на кгрунтѣ Кузминскомъ королевое ее милости осажены пяти.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 9 день, въ суботу.

Врадникъ кнегини Ильиное кнегини Біяты Костелецкое Чудновскій еня *) зъ бояры и людьми кнегини Ильиное Чудновскими велъ отъ тое могилы Сторожовое и отъ рѣки Золчи, гдѣ здали границу свою люди великого князства королевое ее милости волости Кузминское, менячы быти границу Чудновскихъ селищъ Журбинцовъ а Калинцовъ а зъ Грузскимъ а зъ Ланевщиною а Пелепельщиною а Гридьковщиною а Бурковцы пановъ Калениковичовъ а теперь держить панъ Василей Тишковичъ а Головенчичъ и зъ замкомъ Хмѣльницкимъ и зъ селы замку Хмѣльницкого Ильятьковцы а Кумановцы а зъ Березною. И вели отъ тое могилы Сторожовое отъ рѣки Золчи Чорною дорогою, и повѣдили, ижъ тутъ пришла граница селища Бурковского пановъ Калениковичовъ, а теперъ пана Василья Тишковича, и тою Черною дорогою на могилу Гончариху, отъ могилы Гончарихи къ верхомъ болота врочища Мытника. И тутъ повѣдили, ижъ пришла граница селища Бердичовского пановъ Калениковичовъ, а теперь пана Василья Тишковича, отъ Мытника болота къ Немировцѣ дубровцѣ. И повѣдили, ижъ тутъ пришла земля повѣту Кіевского Улановского городища, отъ дубровки Немировки у руду ку врочищу Бѣлому Рукаву, которую называютъ другимъ именемъ Тростенецъ, и тою рудою унизъ ажъ до устья руды Головчины. И повѣдили, ижъ тутъ пришла граница Городища пана Семена Кмиты Пыкова и тую Головчину руду опустив-

*) Вѣроятно: его.

ши влѣво къ рѣтцѣ Сневотовцѣ поверхъ лѣса Ходоровского, а отъ того лѣса посредъ руды Березовцы, а отъ тое руды Березовки до верху руды Бересницкое, отъ руды Бересницкое до Румынова ставка, а отъ ставка Румыновского тоею жъ рѣчкою внизъ въ рѣку Богъ, и повѣдили: куды по тымъ врочищамъ вели, почонши отъ могилы Сторожовое ажъ до рѣки Бога, по лѣву великое князство повѣтъ Кіевскій волости Веницкое, а по праву повѣтъ Хмѣльницкій.

Того всего обводу отъ могилы Сторожовое по всимъ тымъ врочищамъ ажъ до рѣки Бога вдолжъ якобы на деветь миль, и тутъ здали границу селу великого князства повѣту Кіевского пани Дубицкой Каменагоркамъ.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 11 день, въ понедѣлокъ.

Люди пани Настасьи Дубицкое села повѣту Кіевского Каменагорскіе волости Виницкое Семенъ атаманъ а Василей Ивановичъ а Павелъ зъ иншими людьми панее своее вели менячы быти границу свою и зъ селомъ повѣту Хмѣльницкого Евладовскимъ отъ рѣки Бога, гдѣ Румыновка рѣчка упала у Бугъ рѣку просто презъ рѣку Богъ у болото, и болотомъ у въ озеро врочище Уюнее, и посередъ озера къ рубежомъ, которые рубежи на дорозѣ великой Каменогорской. И повѣдили, ижъ въ тое дороги и рубежовъ отъ давныхъ часовъ и отъ предковъ ихъ о злодѣйство и о всякіе крывды яко зъ селъ Лядскихъ такъ зъ селъ великого князства повѣту Кіевского, права собѣ дають. А оттоль просто презъ лѣсъ ку пасѣцѣ Іевовѣ, которую пасѣку Хмѣльничане тыхъ недавныхъ часовъ отнемши на себе держать, а тое Іевовсное пасѣки дорогою, которая идеть отъ села повѣту Хмѣльницкого Евладовского, къ селу повѣту Веницкого Яцковцомъ, до рѣчки Бобровки, а отъ рѣчки Бобровки до руды Кропивное до границы земенина Веницкого Кондрата села его Яцковцовъ. И тутъ здали границу Кондрату селу его Яцковцомъ, и повѣдили: куды есмо вели по тымъ всимъ врочищамъ по лѣву великое князство повѣту Кіевского земля панее нашее, а поправу повѣту Хмѣльницкого.

Того обводу людей пани Настасьи Дубицкое отъ рѣки Бога до руды Кропивное по тымъ усимъ врочищамъ вдолжъ якобы на двѣ мили.

Земянъ Веницкого повѣту Кондрата въ братьею его дворяниномъ господарскимъ обсылали и сами есмо передъ паномъ Семеномъ Кмитою тому Кондрату Яцковскому мовили и зъ уряду Веницкого неоднокроть его обсылали, абы намъ границы и крывды свои оповѣдилъ и списалъ, и ждали есмо его тыйдень, онъ не былъ. Мы границъ села его Яцковского не писали, бо не мѣли есмо отъ кого справы взяти.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 20 день, въ середу.

Панъ Семенъ Кмита зъ людьми двора господарского держанья своего Воняччына оповѣдилъ границы Вонячинскихъ людей повѣту Веницкого и зъ селомъ повѣту Хмѣльницкого Журавлемъ отъ верху Коломозова потока лѣсомъ грядою къ Лозѣ Долгой, которая естъ вышей Бризнелева врочища, отъ Долгое Лозы черезъ Суходольскій потокъ лѣсомъ же на усть Бѣлавинского потока, гдѣ потокъ Бѣлавинскій упалъ въ рѣчку Изгарикъ, и повѣдили: ижъ тутъ пришла граница села повѣту Хмѣльницкого Іевча. Отъ того устья Бѣла-

винского вели держачи поляну Бѣлавинскую по лѣву до Романовское дороги, и через тую дорогу до Лозы до дороги Оревитское, которая вышла зъ лозы отъ Іевча через поле просто до Долгого лѣса, тотъ лѣсокъ держачи управѣ до врочыща Лунева лѣска, который естъ посредъ поля, и посредъ того лѣска через поле на рогъ дубровы посередъ лозы, которая естъ у Меткова лѣска, и повѣдили: куды село вели то все по лѣву великое князство повѣту Кіевского волости Веницкое людей Вонячинскихъ, а по праву людей повѣту Хмѣльницкого села Іевча а Журавлевъ, и тутъ ся граница Вонячинская доконала, а починаеть граница пана Семена Кмиты села его Летина.

Того обводу Вонячинского отъ верху Коломозова потока до лозки, которая естъ у Меткова лѣска, вдолжъ якобы на полъ трети мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 21 день, въ четверкъ.

Панъ Семенъ Кмита зъ людьми села своего Летинского велъ, менячы быти границу села своего Летина, и зъ селомъ повѣта Каменицкого Дьяковцы отъ лозки, которая естъ у Меткова лѣска, гдѣ здали селу границу люди Вонячинскіе до руды Жаселовское полемъ, а отъ руды Жаселовское дубровою до сѣножати человѣка пана Кмитина Летинского Буйнаковы, а отъ сѣножати Буйнаковы дубровою презъ рѣчку Летинку до лозы, которая естъ на рѣтцѣ Летинцѣ. И повѣдилъ панъ Кмита, ижъ тутъ граница повѣту Каменицкого Дьяковская доконала, а пришла граница другого села повѣту Каменицкого Багриновского. И велъ отъ тое лозы дубровою грядою до болота врочыща Кулиги, и просто черезъ тую Кулигу долиною и дубровою къ лѣсу ку врочыщу Должку, а отъ того лѣса Должка до дороги, которая идеть отъ Летина къ Багриновцомъ и къ березѣ, которая подлѣ тое дороги стоить пробитая, и къ пасѣцѣ Летинской держачи тую пасѣку влѣвѣ. И повѣдилъ панъ Кмита: куды есми велъ, то все по лѣву великое князство повѣту Кіевского Веницкое а кгрунтъ властное земли моее Летинское, а по праву земля селъ повѣту Каменицкого Дьяковского а Багриновского, и тутъ ся граница моя доконала а пришла граница земянъ Микулинскихъ села ихъ Микулина.

Того обводу пана Кмитина Летинского отъ лозы, которая естъ у Меткова лѣска до дороги, котора идеть зъ Летина къ Бограновцомъ къ березѣ пробитой вдолжъ якобы на полъ трети мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 22 день, у пятницу.

Земяне повѣту Веницкого Иванъ а Петръ Микулинскіе вели менячы быти границу села своего Микулина и зъ селомъ повѣту Каменицкого Богриновомъ отъ березы пробитое, здѣ здалъ имъ границу панъ Семенъ Кмита дубровою мимо лѣсокъ врочищя Должокъ, отъ лѣска Должка дубровою ажъ до Згари рѣки, и тутъ здали границу матцѣ своей пани Микулинской селу ее Почапинцомъ.

Того обводу Микулинскихъ отъ березы пробитое до рѣки Згари вдолжъ якобы на милю.

Тогожъ дня въ пятницу.

Земянка господарская повѣту Веницкого Духна Микулинская вела менечы быти границу села своего Почапинецъ и зъ селомъ повѣту Хмѣльницкого Лысогорцы, отъ Микулинское границы отъ рѣки Згари, гдѣ рѣчка Кобелка упала

у рѣчку Згарь, и тою рѣчкою Кобелкою уверхъ до Лобойковы долины, и черезъ тую долину Лобейкову до лѣса врочыща Сковородчина. А отъ того рогу Сковородчина рудою до рѣчки Ровца, и презъ тую рѣчку Ровецъ до долины Бубновы. И повѣдила Микулинская, ижъ тутъ пришла граница села повѣту Барского Курыловцовъ, и тою долиною Бубновою вела бъ гору лѣсомъ Мыховымъ до потока и до дороги, которая идеть съ Почапинецъ до Курыловичъ, и повѣдила: ижъ куды я вела, то все по лѣву великое князство повѣту Кіевского волости Веницкое земля села моего Почапинецъ а по праву земля села повѣту Хмѣльницкого Лысогорского а другого села повѣту Барского Курыловцовъ, и повѣдила: ижъ ся ту граница моя кончить, а пришла граница пани Михновое Якубовича и зятя ее пана Өедора Бокея.

Того обводу Микулинское села ее Почапинецъ отъ рѣки Згары до дороги, которая идеть съ Почапинецъ до Куриловецъ, вдолжъ якобы на три мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 23 день, въ суботу.

Земянка господарская повѣту Веницкого пани Михновая Якубовича пани Богдана и зъ зятемъ своимъ паномъ Хведоромъ Бокеемъ вели, менячы быти границу села своего Махнавского и зъ селомъ повѣту Барского Курыловцы отъ границы пани Микулинское села ее Почапинецъ отъ дороги, которая идеть съ Почапинецъ до Курыловецъ, гдѣ здала имъ границу Микулинская. И вели отъ тое дороги на лѣво черезъ лѣсъ Мыхновскій до долины и тою долиною до крыницы, съ которое крыницы вышла рѣчка Ольшанка, и тутъ повѣдили: ижъ граница села Махновского кончи, а починаеть ся другого села пани Михновое жъ Новоселецкая граница и зъ селомъ повѣту Барского Бѣликовцы. И вели тою рѣчкою Ольшанкою внизъ до крыницы, и тую рѣчку Ольшанку опустивши влѣво, и отъ тое крыницы просто черезъ гору ку врочыщу Пропастищамъ и къ липамъ, а отъ того врочыща Пропастищъ и отъ липъ долиною черезъ дорогу, которая идеть отъ Бѣликовецъ до Семаковичъ до врочыща Осья, которое Осье по близу дороги. Отъ Осья долиною жъ черезъ лѣсъ пасѣку Семаковскую держачи по лѣву а по праву лѣсъ Бѣликовскій, а отъ того лѣсу черезъ дуброву до Янчалинова рогу, пущаючи пасѣку Семакову влѣво, а по праву земля Бѣликовская. А отъ того рогу Янчалиновского черезъ дуброву до врочыща Язвинъ, отъ врочыща Язвинъ долиною до врочища Саги озерца, отъ Саги черезъ рѣку Ровъ до пяти копцовъ, которые одинъ подлѣ одного по ряду стоять, отъ тыхъ копцовъ долиною презъ лѣски Мжачинскіе, отъ тыхъ лѣсковъ Мжачинскихъ до села Молохонова, и тымъ лѣсомъ Молохоновымъ пасѣки села повѣту Барского Бѣликовскіе держачи по праву, а пани Михновое села Семаковского пасѣки полѣву вдолжъ лѣса ажъ до шляху Кочманского. И повѣдила земянка господарская пани Михновая Якубовича и зъ зятемъ своимъ паномъ Өедоромъ Бокеемъ, ижъ тутъ ся граница селъ нашихъ кончи, а починаеть се повѣтъ Браславскій земянъ Браславскихъ Носковичовъ, и куды есмо вели то все полѣву великое князство повѣту Кіевского волости Веницкое селъ нашихъ Махновцовъ а Новоселецъ, а по праву селъ повѣту Барского Курыловцовъ а Бѣликовцовъ.

Того обводу Михновое Якубовича отъ границы Микулинское до шляху Коч-

манского по всимъ тымъ врочыщамъ вдолжъ якобы на двѣ мили.

Тогожъ дня, мѣсеца Октебра 23 день, въ субботу.

Земяне повѣту Брасловского Иванъ, а Михайло а Стецко а Брайко Носковичи вели, меначи быти границу солища своего Носковского, и зъ селомъ повѣту Барского Слободками отъ шляху Кочманского, гдѣ здала границу имъ пани Михновая Якубовича и тымъ шляхомъ Кочманскимъ черезъ рогъ лѣсу Молохоновского до лѣсу Глинищъ, а отъ того лѣсу врочыща Глинищъ опустивши шляхъ Кочманскій управо вели насъ дорогою дубровою до лѣсу врочища Яроватого, а отъ того лѣса Яроватого до рѣчки Мараѳы, до каменя бѣлого, который лежить на край рѣчки Мораѳы, и черезъ тую рѣчку Мораѳу до врочища Трилѣсу и черезъ тотъ Трилѣсъ до руды потоку Гойчаловского, и тою рудою внизъ мимо пасѣку тыхъ земянъ повѣту Брасловского Носковичовъ, держачи пасѣку влѣвѣ тымъ же потокомъ до горы, которая есть надъ Войчаловскою долиною, и тутъ здали границу земянину повѣту Браславского Ѳедору Зъяловскому, и повѣдили: куды есмо вели, то все полѣву великое князство повѣту Брясловского а наша властная отчизная земля.

Того обводу Носковичовъ отъ шляху Кочманского до горы, которая естъ надъ Войчаловскою долиною вдолжъ якобы на двѣ мили.

Обводъ великого князства.

Мѣсеца Октебра 24 день, въ Недѣлю.

Земенинъ повѣту Брасловского Ѳедоръ Зъяловскій велъ, меначи быти границу селища своего Зъяловского и зъ селищомъ повѣту Барского Качмазовскимъ, отъ тое горы, которая естъ надъ Войчаловскою долиною, гдѣ здали ему границу земяне Носковскіе, лѣсомъ тымъ же врочыщомъ Трилѣсовскимъ долиною, потокомъ врочыщомъ Гойчаловскимъ и тоею долиною Гойчаловскою, выходячи съ того лѣса покуль ся тотъ лѣсъ кончилъ, и менилъ быти по лѣву землю повѣту Кіевского отчину свою, а по праву землю Барскую повѣтъ Каменицкій, и тутъ здалъ границу земянину повѣту Брясловского Данку Копыстерынскому.

Того обводу Зъяловского якобы на полъ мили.

Тотъ Копыстеринскій живетъ у Барѣ, а тое селищо свое Копыстеринское зъ Бару уживаетъ, того границы некому было вывести, и мѣлъ бы тотъ Данко Копыстеринскій здати границу земенину повѣту Браславского Петру Братковичу.

Ино того Петра Братковича подстаростій Веницкій Богушъ Шельвовскій мы тежъ по кольку разъ обсылали, лежали полторы недѣли, тотъ Братковичъ не былъ, потомъ тотъ Петръ Братко прислалъ на списку границы свои зъ земяниномъ повѣту Браславского Игнатомъ Клещовскимъ, и мы тотъ списокъ казали у книги уписати, то естъ имѣніе Петра Братковича Братковцы суграничь зъ Ляхи съ Ѳедоромъ Сеньковскимъ у повѣтѣ Каменицкомъ. Напервѣй грани почонъ отъ земли Верхняцкое пошла Братковская земля зъ Лядскою землею суграничь поверхъ ставу Мишкова, отъ Мишкова ставу поверхъ долинъ Кальшовыхъ, а отъ долинъ Калышовыхъ долиною Побойною ажъ до конца Побойное, отъ Побойное долины черезъ Усовича руду, отъ Усовича руды до лѣска до Волчихъ Язвинищъ.

А тотъ Братковичъ мѣлъ бы здати

границу свою Бѣлому Скиндирю селищу его Черневцомъ, а тотъ Бѣлый Скиндиръ мѣлъ бы здати границу земенину повѣту Брасловского Русинцу, а такъ вси земяне повѣту Брасловского, которые границы маютъ съ повѣтомъ Барскимъ и Каменицкимъ ажъ до границы земенина Брасловского Игната Клещовского не стали и послушенства на росказанье его милости господарское, и за обсыланьемъ и росказаньемъ князя Димитрея Өедоровича, старостича Володимерского, который естъ на мѣстцу отца своего и на обсыланье подстаростего Брасловского не вчинили и границъ своихъ не вывели.

Пришедши передъ насъ земенинъ повѣту Браславского Игнатъ Стецкевичъ Клещевскій повѣдилъ: отъ кого быхъ я мѣлъ границу свою взяти не вѣдаю, бо ихъ Татаре давно побрали, а отъ давныхъ часовъ пуста, едножъ я свою границу оповѣдаю, селища своего Русова и зъ земениномъ Барскимъ повѣту Каменецкого Бенькомъ, почевши отъ устья рѣчки Буши, которая пришла съ повѣту Бряславского вппла у рѣку Мораөу, и тою рѣкою Мораөою унизъ полемъ и дубровою ажъ до рѣки Днѣстра, границы его якобы на три мили, тутъ менилъ посередъ тое рѣчки Мораөы границу—великое князство Литовское полѣву, а повѣтъ Каменицкій кгрунтъ Барскій по праву по рѣку Днѣстръ, а внизъ Днѣстра по половицы рѣки ажъ до Видова озера великое князство Литовское. И повѣдилъ тотъ Клещевскій, ижъ Петръ, воевода Волоскій, минулый, на властномъ кгрунтѣ моемъ и на Барскомъ на рѣцѣ Змарагтѣ поставилъ млинъ, и по той земли моей Волохове свовольне пасѣки маютъ и сѣна косять и пашню пашуть.

Хранится тамъ же.

32.

1548 г. Посольство отъ Польскаго короля и великаго князя Литовскаго Сигизмунда-Августа къ царю Перекопскому.

Посельство отъ короля его милости къ царю Перекопскому.

Братъ вашъ, великій король Польскій и князь Литовскій, Рускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ, Жингимонтъ Августъ, господарь мой, вамъ, брату своему, казалъ поклонитися, пріязнь братскую повѣдити, здоровье вашо, брата своего казалъ видѣти а жалость свою и (тежъ) вашу казалъ его милость вамъ, брату своему опо(вѣдети), ижъ тыхъ часовъ прошлыхъ, зъ Божего допущенья отца нашого а (брата) вашого, короля его милости старшого Жикгимонта въ живо(тѣ не) стало. И скоро было по смерти его милости небосчиков(ой) тогожъ часу послали есмо были до тебе, брата нашого, толмача нашого Тактомыша, даючи тобѣ, брату нашому, великому вольному царю знать о смерти отца нашого (а брата) вашого, который зъ вами, братомъ своимъ, вѣрне а сердечне (брат)скую пріязнь неотмѣнно ажъ до живота своего тверд(о дер)жалъ. Абы ты братъ нашъ, великій вольный царь уп(аме)тавши на его милости вѣрное доживотное а одно(стай-)ное ку собѣ братство тое жалости на-

шое и своее жаловалъ, а намъ, сыну его милости, а брату своему вѣрнымъ а сердечнымъ братомъ былъ, ведлугъ докончанья и присяжнаго (привиль)я нашого такъ, яко его милости небожчику отцу нашому, а брату своему вѣрнымъ а правдивымъ братомъ былъ. Топ(томышъ) тотъ толмачъ нашъ до васъ, брата нашого не дошолъ.... на поли забито его, чого мы велико жалуемъ, ижъ листы наши, (чрезъ) него посланныи, до тебе, брата нашого не дошли.

Братъ вашъ, великій король Польскій и великій князь Литовскій, казалъ вамъ, брату своему, великому вольному царю говорити и о томъ дать вѣдать: брате нашъ великій вольный царю, скоро по смерти отца нашого а брата вашого, зъ ласки Бога Вышнего, на всемъ стольцы отца нашого, на всихъ панствахъ нашихъ осѣли и всихъ панствъ подданыхъ нашихъ въ рукахъ и въ моци нашой маемъ:........ы братъ нашъ, великій вольный царь, ведлугъ братства..........вого своего, ку намъ съ того ся веселилъ, ижъ Богъ Вышній правдивому брату вашому рачилъ взычити на всемъ стольци отца нашого осѣсти. И будучи на томъ стольци нашомъ хотимъ съ тобою, братомъ нашимъ, великимъ вольнымъ царемъ, вѣрне а сердечне братскую пріязнь твердо держати ажъ до живота нашого, на пріятеля и на непріятеля вашого а нашого хотимъ зъ тобою, братомъ нашимъ, великимъ вольнымъ царемъ, за одинъ быти и во всемъ братство и пріязнь (наш)у къ тобѣ, брату нашому, твердо держати и достаточно полнити, хотимъ, ведлугъ докончаней и присягъ нашихъ, такъ яко и отецъ нашъ небожчикъ къ тобѣ, брату своему, ажъ до живота своего братства и пріязнь, ведлугъ докончанья и присяги своее, твердо здержалъ. А ты бы тежъ, братъ нашъ, великій вольный царь, также къ намъ, брату своему, братскую свою пріязнь вѣрне а сердечне твердо держалъ, ведлугъ докончанья и присяги своее царское, такъ яко и отцу нашому, а брату своему небожчику его милости королю старшому Жигимонту, ажъ до живота его милости, тв(ердо) а правдиве держалъ—и чинечи знакъ вѣрного (а вѣ-)чного братства нашого ку тобѣ, брату нашому, великому вольному царю, тыи вси упоминки год(овалъ.) Безъ жадного омѣшканья до тебе брата нашого (послали) посла нашого, великого Олександра владыку, (а) бы ты, братъ, великій вольный царъ, то отъ насъ, брата своего, вдячне принялъ, яко братъ нашъ вѣрный(на) кождый годъ, ведлугъ докончанья, тыи упоминки до тебе, брата нашого, посылати будемъ. А што писалъ (есть) братъ нашъ до насъ, жедаючи насъ, брата своего ор(ужіе) панцери,—мы, чинечи тобѣ брату нашому, великому вольному царю, вдячно, и тыи два панцери до тебе есмо брата нашого черезъ тогожъ посла великого послали,—ты бы, братъ нашъ, великій вольный царь, то отъ насъ, брата своего, вдячно принялъ и за тымъ насъ брата своего у милости своей братней не запоминалъ. А то есть слово брата вашей милости ку вамъ черезъ мене, посла его милости, есть послано.

Хранится тамъ же. Весьма ветхъ.

88.

1549 Декабря 21. Письмо Сигизмунда II къ Ходкевичу объ измѣнѣ царя Перекопскаго.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазоветцкій и иныхъ. Пану Троцкому, старостѣ Жомоитскому, державцы Плотельскому, Вилкейскому и Телешовскому, пану Ерониму Александровичу Ходкевича. Што перво сего не будучи намъ безпечнымъ того непріятеля нашого, Царя Перекопского, который, Бога и присягу свою пропомнивши и впоминки годовыи отъ насъ допобравши и посла нашого великого съ своимъ посломъ зо всимъ добрымъ до насъ отправивши и пріязнь свою къ намъ оказавши, безъ кождое причины въ панства наши царевичовъ и войска свои пославши, казалъ великую шкоду и сказу панству и подданымъ нашимъ вчинити. И видячи таковое зрадливое обуренье его, казали есмо до всихъ подданыхъ нашихъ писати, ажъбы они, мѣшкаючи въ дворѣхъ своихъ, ку службѣ нашой поготову были, кони держали сыты, а зброи чисты. Ино тыхъ часовъ писали къ намъ старосты наши украиныи, повѣдаючи, штожъ дей тыи царевичи, не переходячи на тую сторону Днѣпра, по сей сторонѣ кочують, ожыдаючи зимного часу и хотячи зася въ панство наше поити, плѣнити и воевати, чого имъ Боже милый рачь помъстою быти. А такъ мы, не опускаючи звыклое милости и бачности къ подданнымъ нашимъ и маючи о томъ пильную мысль, абыхмо панство и подданныхъ нашихъ отъ того непріятеля нашого въ добромъ безпеченствѣ заховали, тымъ листомъ нашимъ напоминаемъ и приказуемъ тобѣ, ажъбы твоя милость, о томъ вѣдаючи, противку тому поганству непріятелемъ нашимъ почотъ слугъ своихъ, которыи еси, водлѣ уфалы земское, зъ имѣней своихъ ку службѣ нашой къ земской повиненъ ставити, што и часъ по готову мѣлъ кони сыты а зброи чисты държалъ, и тое службы нашое военное на кождый день и часъ ожыдалъ. Для которого жъ собранья того войска нашого обрали и встановили есмо гетьманомъ быти и тое справы военное на тотъ часъ доглedати подчашему нашому, справцы воеводства Троцкого, державцы Лидскому, Василишскому и Бѣлицкому, пану Миколаю Радивилу и скоро бы ся тое поганство, гдѣ въ который край панства нашого оказали, абы твоя милость, маючи въ томъ отъ иншихъ пановъ радъ вѣдомость и не ожидаючи на то другихъ листовъ и росказанья нашого съ почтомъ слугъ своихъ и зо всими паны тивуны и шляхтою земли Жомойтское на мѣстце назначоное конно а збройно ѣхалъ и будучи посполъ зъ его милостью гетманомъ нашимъ послуги нашое пильни были и вземши Бога на помочъ и справедливость нашу противку тому поганству, гдѣбы того потреба вказывала, тягнули и отпоръ и оборону панствомъ нашимъ а надъ ними непріятельми нашими помсту чинили сколько вамъ Богъ милый допоможеть, а мы тую охотность и пильность вашу ку службамъ нашимъ хочемъ вамъ паметати ласкою нашею господарьскою. Писанъ у Краковѣ. Подъ лѣто Божого Нароженья 1549, мѣсеца Декабра 21 день, индиктъ 8. Патей писаръ. *Хранится тамъ же.*

84.

1551 Октября 26. Привилегія Сигизмунда II священнику Кнышинской Спасской Церкви на двѣ волоки земли.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Пруский, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. Билъ намъ челомъ богомолецъ нашъ попъ съ Светого Спаса въ мѣстѣ нашомъ Кнышинскомъ Игнатей, и повѣдилъ передъ нами, ижъ онъ, будучи при той церкви, поживенья ни которого мѣти не можеть, для того ижъ наданья жадного къ ней нѣтъ, земли тежъ, съ чого бы мѣлъ хлѣбокорменье мѣти, ему не придано, а звлаща, ижъ вси земли межи подданыхъ нащихъ на волоки помѣрены и на цыншу розданы. И билъ намъ челомъ, абыхмо ему къ той церкви Божой надали двѣ волоки вольныхъ, такъ яко по иншимъ двором нашимъ на церкви Божьи съ росказанья нашого по двѣ волоки вольные есть надано, якожъ и воевода Новгородскій, маршалокъ дворный, подскарбей земскій, староста Слонимскій, панъ Иванъ Горностай о томъ насъ жедалъ. А такъ мы, для размноженья фалы Божое и на причину пана воеводы Новгородского, за чоломбитьемъ того попа, зъ ласки нашое господарское то учинили, придали есьмо къ той церкви Божой двѣ волоки вольныхъ межи волокъ мѣстскихъ, маеть онъ и по немъ будучые священники, которые въ той церкви Божой будуть, тые двѣ волоки держати и вживати на вѣчные часы, а за насъ Господа Бога просити, а плату ни которого съ нихъ давати и повиноватства жадного полнити не маеть. И на то есьмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Кнышинѣ. Лѣта Божого Нароженья 1551, мѣсеца Октября 26 день. Подписъ руки его королевское милости. Иванъ Горностай, маршалокъ дворный, подскарбій земскій.

Хранится тамъ же.

85.

1553 Ноября 3. Жалоба Ивана Служчича о чинимомъ ему Тихномъ Совичемъ насиліи, съ упоминовеніемъ объ областной копѣ.

Присылалъ до мене, Петра Пневского, намѣсника Менского, его милость панъ Иванъ Григорьевичъ Служчичъ, староста Любецкій, городничій Кіевскій, посланца своего, на имя Есюка, оповѣдаючи и жалуючи о кривды и ошкоды свои, которыи ся дей его милости самому и тежъ слугамъ и людемъ его Гатовскимъ и Новодворскимъ стали отъ земенина господарского пана Тихна Михайловича Совича и тежъ отъ слугъ и людей его въ боехъ, головчинахъ, въ гонахъ бобровыхъ и въ невчиненью справедливости, и тежъ у въ иншихъ многихъ речахъ. И къ тому дей тежъ копа люди обополные сугранчники присудили на людехъ его Гатовскихъ шкоду злодѣйскую за кони его милости дворныи пана Ивановы и за нѣколько клячь людей его десеть копъ грошей,

которой жа дей заплатѣ роки уже давно минули, а Тихно дей, нѣтъ вѣдома для которое причины, пану городничому самому и людемъ его милости того платити людемъ своимъ не кажетъ. А такъ тотъ посланецъ пана старосты Любецкого, оповѣдавши мнѣ тыи вси кривды и шкоды пана своего, жадалъ мене именемъ пана своего о вижа, съ которымъ бы вижомъ, ведлѣ обычая права, о тыи кривды и шкоды свои мѣлъ Тихна обослати и справедливости собѣ въ томъ доводити. И ямъ его милости на то вижомъ далъ служебника моего Васка Панковича, которій же служебникъ мой, отъ мене пану старостѣ Любецкому его милости на тыи потребы вижомъ даный до пана Тихна въ домъ его зо врядникомъ пана Ивановымъ Новодворскимъ Миклашомъ и зъ служебникомъ его милости Васкомъ дьякомъ и зъ стороною людьми добрими ѣздилъ. Ино передъ тымъ вижомъ и передъ тыми людми сторонними, которыхъ онъ на тотъ часъ при собѣ мѣлъ, тыи посланцы его милости пана Служчины отъ пана своего Тихна просили, абы на слугъ своихъ, на име Авкгуштына а на Енеля, и тежъ на люди имѣнья своего, которыхъ ему на списку панъ староста Любецкій черезъ нихъ прислалъ, напередъ его милости самому и тежъ слугамъ и людемъ его Гатовскимъ и Новодворскимъ справедливость вчинилъ, и ту тежъ десеть копъ грошей, што копа присудила за кони его дворныи и мужицкіи, абы платити казалъ. И Тихно на то тымъ посланцемъ пана старостинымъ верхуписанымъ отказалъ, не хотечи ни которое справедливости пану ихъ, ани подданымъ его на слугъ и людей своихъ чинити, и тое тежъ присужоное десети копъ грошей платити не казалъ, и повѣдилъ: хто будетъ пану вашому на людехъ моихъ тую десеть копъ грошей присудилъ, тыи судьи нехай и отправу чинять. А на остатокъ и самихъ тыхъ посланцовъ пана Служчиныхъ и сторону, которая зъ вижомъ въ него была, посоромотилъ и справедливости ни которое вчинити не хотѣлъ. А такъ тыи посланцы пана старостины Любецкого его милости именемъ пана своего Тихну тыхъ слугъ и людей его, на которыхъ справедливости въ него просили, до росправы слушное у сту копахъ грошей приручили передо мною вижомъ. Одножъ я тыхъ слугъ и подданыхъ верхуписаныхъ очевисте не видѣлъ, которыхъ они припоручали, одномъ тые слова верхуписаныи вси есми слышалъ, которыи были въ розумѣ промежку служебниковъ его милости, и тутежъ тые слова, которіи имъ были у въ отказѣ отъ пана Тихна. А при немъ выжу была сторона люди добріи земянинъ господарьскій Абрамъ Пашковскій, а намѣстникъ пана Оникея его милости Гатовскій Собестьянъ, а бояринъ пана Андреявъ Шалушинъ его милости, на име Иванъ, а бояринъ князя Мосальского его милости, на име Станиславъ. Я оповѣданья и жалобу его милости и сознанье вижово казалъ у книги замковыи записати и далъ есмо его милости выпись съ книгъ подъ моею печатью. Писанъ у Менску.

Документъ этотъ— выпись съ книгъ замку господарьского Менского. *Хранится тамъ же.*

86.

Около 1553. Письмо Андрея Богдановича Шалухи къ Ивану Григорьевичу Служчичу, по частнымъ дѣламъ.

Вельможный пане господине и шурине мой милый а добродѣю великій, ку мнѣ особно ласкавый! Щерезъ сесь мой листъ щастливого здоровья твоей милости, весполокъ съ панею малженкою вашей милости а нашою ласкавою госпожею и зъ милыми Богомъ даными дѣтками вашей милости, навежамъ, которого здоровья вашей милости господину моему отъ милого Бога вѣрне а правдиве и сердечне зычу не иначе одно такъ веле, яко властне собѣ самъ съ тое великозычливое ласки и доброти вашей милости, господину и шурину моему милому и добродѣю ласкавому, высоце дякую и чоломъ бью. Ижъ ваша милость презъ листъ писанье о здоровьи вашей милости мнѣ дать вѣдать и тутежъ и моего навѣдить рачилъ, которую жъ и ласку и зычливую доброть тую вашей милости ку собѣ буду вашей милости поволностьми моими задѣлывати и всимъ добрымъ отдавати, водлугъ набольшое можности моее а воли и расказанья вашей милости. Што тежъ затымъ твоя милость господине рачишь до мене писати, повѣдаючи и жалуючи на врядника моего Заозерского Якшу, ижъ бы онъ мѣлъ вашей милости самому и людемъ вашей милости которые крывды и шкоды чинити, абы сими часы, безъ бытности вашей милости, передъ мясопусты подославши людей моихъ зъ возы на имѣнье вашей милости Новое Село четырехъ ковалевъ вашей милости, котырыхъ, повѣдаешь ваша милость, купилъ ихъ въ пана Якуба зъ жонами и зъ дѣтми и со всими статки ихъ, побрать и въ имѣньи моемъ ихъ держать, а вашей милости ихъ выдати не хочеть,—абы ему росказалъ тыхъ ковалевъ вашей милости выдати. Ино я о томъ, господине пане милый Иване, ничого не вѣдаю: што врядникъ мой будеть вчинилъ, абомъ я того ему не поручилъ, анимъ того росказывалъ чинити, ани есть на то воля моя, абы онъ людей вашей милости отъ вашей милости отбовлялъ. А въ томъ, въ которую мерзячку и въ непріязню зъ вашею милостью, господиномъ и шуриномъ моимъ милымъ, заводилъ, тому есми ничому не радъ ани того хочу. Ено жемъ то слышалъ, ижъ тые люди безъ жадного подсыланья врядника моего, але дей они сами добровольне на свои земл.....изню въ имѣнье мое, которое я закупилъ въ пана Павла Пелжинского, пришли, гдѣжемъ я, не хотечи въ томъ никоторого зайденья зъ вашею милостью мѣть, яко жемъ еще первѣй сего писанья ваша милость до мене писалъ, о то даючи навуку тому врядникови моему Якши, черезъ тего служебника моего Ивана, который передъ симъ листомъ моимъ у твоей милости былъ, гдѣ и теперь есми повторе о то до него писалъ, абы онъ на нихъ вашей милости право далъ и справедливость вчинилъ, передъ тымъ, кого ваша милость на тое право прислати рачишъ; и съ права если они вашей милости зостануть винными отчичами, я за ними винными не съ права не стою, казалъ ихъ выдати. Ено же о то не вѣмъ, што ся тамъ около того буде вѣдить отъ человѣка моего, которого твоя милость теперь рачишъ у вязеньи своемъ мѣти, ижъ бы онъ мѣлъ быти по-

ручникомъ по тыхъ то ковалехъ; же ми то повѣдилъ служебникъ зятя моего, который теперь сюда ѣдучи ко мнѣ заѣждялъ и былъ у вашей милости и видѣлъ того человѣка моего у дворѣ вашей милости вязнемъ осаженого и въ желѣзѣхъ и прикованого ленцугомъ, гдѣ того, по вашей милости господину моемъ, есть велико дивно и жаль, ижъ ваша милость ничого на повольность мою и жоны моее а сестры своее бачить не рачишь: чего ни кгды есмо того по вашей милости не надѣвали; вѣдь же ачкольве тые люди вашей милости пришли въ имѣнье мое, а вѣдь же я на нихъ твоей милости права не бороню и съ права за винныхъ не стою. Але твоя милость, не обсылаючи въ томъ мене людцей моихъ у везенью..ардуешь. Того пакъ запевне (не) вѣдаю: естли есть то такъ, бо въ томъ еще о то врядника моего вѣданья нѣтъ, лечъ ми то повѣдилъ служебникъ зятя моего. И такъ надѣвамъ ся есмо того по вашей милости, абы ваша милость рачилъ отъ посторонних людей людцей нашихъ отъ... обороняти. Ино того ничего обѣтницою вашей милости не оказало, але ещо большая кривда и шкода водять людцемъ нашимъ отъ вашей милости, ижъ ваша милость, моцно кгвалтомъ насылаючи, людцей нашихъ одно казалъ до смерти убить, а иншихъ наѣждяючи збивають, грабеть, плоты ламлють и въ иншихъ многихъ речехъ великіе крывды и втиски людцемъ нашимъ водять: того всего много, а я то терплю гдѣ ваша милость, пане милый Иване, ни на которы тыи повольности мои и сестры своее а жоны моее бачности мѣти не хочешь, вѣдь жо ни чіее ласки кгвалтомъ къ собѣ не набыти, то есть на воли вашей милости; и я быхъ то вмѣлъ чинить, стало бы съ тое и мене, або и не я и кождый, видечи..... отъ кого великіе крывды, какъ мога бы ся боронилъ. Але я того не чиню и чинить не хочу, ено Богъ судья нехай будеть неправдѣ, гдѣ и тыи слухи.......ходеть съ повѣстей нѣкоторыхъ людей, же ваша милость въ нѣкоторыхъ мѣстцахъ рачишь большь себе одного выставлять и выхвалять и постановлятися тымъ, ижъ бы ваша милость мѣлъ намъ болшую пріязнь и поволность чинити, нижли бы мѣла зъ мене которая пріязнь и поволность на противку вашей милости сказывать. Ино я о то ся зъ вашею милостью не спираю, а ни тымъ ся выфаляю которою своею ку вашей милости пріязнью; лечъ то одинъ Богъ вѣдаеть и всякой правдѣ въ томъ Створитель нашъ свѣдаеть, хто кому што большъ чинилъ: я того никому ничого не мовлю, а ни ся тымъ выфаляю. Але вжды о то съ твоею милостью мовили тогды не мнѣй, ено съ такъ было много и моее пріязни и поволности передъ вашею милостью, яко и вашей милости передо мною: вжо то Богъ вѣдаеть и свѣдѣтель всякой правды и теперь хто кому чого доброго зычитъ гдѣ я о то... яко предъ ся водлѣ давныхъ обѣтницъ вашей милости яко великого ласкавого добродѣя покорне прошу и челомъ бью, абы ваша милость рачилъ намъ ся и до жоны моее а сестры вашей милости по старому ласкавымъ добродѣемъ быти и о здоровьи своемъ и панеи и дѣткахъ вашей милости намъ частокроть давать вѣдать; бо мы, слышачи здоровья вашей милости, естьмо тымъ отъ милого Бога велико потѣшены и тому ся сердечне радуемъ. За тымъ ся поручаемъ у въ особливую ласку вашей милости, съ которое просимъ не рачите насъ пропомнять, а мы вашу милость никгды. Писанъ у Кричовѣ. Апрѣля 26 дня. Повольный вашей милости Ан-

дрей Богдановичъ Шалуха, державца Кричовскій, весполокъ зъ жоною своею а сестрою вашей милости низко чоломъ біеть.

Хранится тамъ же. Адресъ: Велеможному пану господину и шурину моему милому, добродѣю великому, ку намъ особно велице ласкавому, пану Ивану Григоревичу Служчича, старостѣ Любечцкому и городничому Кіевскому.

37.

1554 г. Іюля 17. Наказъ отъ всѣхъ прелатовъ и каноииковъ главнаго Виленскаго костела Станислава начальнику Каменицкой волости Проню объ укрѣпленіи Каменицъ подъ угрозою смертной казни.

Отъ пролатовъ канониковъ всихъ костела головного Виленского святого Станислава мужомъ нашимъ волости Каменицкой, такъ тежъ и старцу нашому Каменицкому Проню. Дивуемся тому не помалу, што есмо вамъ были розказали и листи наши неоднокроть казали писати до васъ, росказуючи вамъ, жебы есте замокъ робили, вамъ самымъ, жонамъ и дѣтямъ вашимъ для особливей оборони и схованью вашему отъ непріятель, абовѣмъ мы то не для насъ самыхъ тотъ городъ кажемъ робити, одно для васъ самыхъ хотячи вамъ часу потребного оборону мѣти. И вы такъ недбалыи и нашему росказанью противни, того города не хочете будовати. А такъ мы вамъ приказуемъ подъ заруками нашими трыма стами копъ грошей, жебы сте конечно, скоро жито знявши съ поля, до тое городовое роботы пристали зо всимъ достаткомъ. А скоро доробивши того города, абы ты, старче, взявши собою мужовъ пять або шесть, до насъ до Вильни пріѣхалъ. Такъ ли бысь не хотѣлъ съ мужами городу робити и до насъ пріѣхати, о томъ вѣдай конечно, же пошлемъ по тебе Татаръ нашихъ зъ вижомъ господарскимъ, которыи васъ и жоны ваши будуть имати, на останокъ васъ горлы вашими будуть карати. И ты бысь, старче, скоро тобѣ подасть врадникъ нашъ листъ, и тогожъ часу былъ взявшй собою мужовъ старшихъ, конечно бысь того не чинилъ подъ ласкою и караньемъ нашимъ. Писанъ въ Лынтупи, мѣсеца Юля семнадцатого дня, лѣта Божего Нароженья 1554.

Документъ этотъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вписанъ въ латинскую книгу Septem canonice epistole beatorum apostolorum, *хранящуюся въ Виленской Публичной Библіотекѣ.*

38.

1559 г. Декабря 19. Письмо Сигизмунда II къ Ходкевичу о движеніи войскъ Московскихъ.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій и иныхъ. Пану Ви-

ленскому, старостѣ Жомоитскому, державцы Плотельскому, Вилкейскому и Тельшовскому, пану Ярониму Александровичу Ходкевича, дня нинѣшнего, мѣсеца Декабра девятнадцатого. Мѣли есмо листъ черезъ посланца обраного мистра Ифлянтского, княжети Кетлера, которымъ онъ даеть знать о збиранью великого войска Московского, и то тежъ ознаймуеть, же тые люди, што ку Дерпту притягнули, Московскіе, деветь тисячь вышанцовали ся зъ мѣста Дерпту и лежять въ окопѣ, съ которыми на поторжкахъ ачь ся Ифлянтскимъ людемъ нѣшто пощастило и о колко сотъ поражено. Вѣдже, сподѣваючися вборзде большихъ силъ Московскихъ, просить насъ о помочи. А яко розумѣмы, же въ тыхъ часѣхъ битву звели, альбо естли имъ Московскіе люди уступили, тогды Дерптъ облегли. Который листъ для прудкое отправы до тебе преложонъ не могъ быти, але когды въ насъ твоя милость будешь, вырозумѣешь яко не безпечни суть. Гдѣжъ порозумѣвши есмо таковому писанью и чинячи престрогу панствамъ и границамъ нашимъ, абы ку большой небезпечности не пришло, гдѣ бы ся тымъ людемъ Московскимъ пофортунило, звлаща естлибы при границахъ войска нашого не слышали про то, ведля намовы, которую есмо зъ вашею милостью паны радами нашими мѣли, кгдыжъ гонецъ нашъ Мартинъ Володковичъ, оповѣдачи повинность обороны нашое господарское земли Инфлянтскои, до Великого Князя Московского пошолъ, росказали есмо вже листы наши писати о рушеньѣ всее земли, ижъ бы ку воеводѣ Троцкому, гетману навышшому великого князства Литовского, старостѣ Мозырскому, державцы Лидскому, Бѣлинскому и Сомилишскому, пану Миколаю Юрьевичу Радивилу, тягнули яко на кваптъ поспѣшаючися. А збиратися всимъ въ тую сторону ку Полоцку на новое лѣто на певномъ мѣстцы, водлугъ першихъ листовъ нашихъ. Твоя бы милость на тыхъ днехъ влегце до насъ пріѣхати поспѣшилъ для большое намовы и порады на отправу пана воеводы Троцкого зъ войски и о посилокъ а помочь до земли Ифлянтское ку ихъ войску. Ачь есмо старостѣ Чечерскому и Пропойскому пану Юрью Зеновьевичу ознаймили, же онъ тягнути маеть съ тыми людьми, которые подъ справою его суть. Вѣдже большого посилку людьми до ихъ войска розумѣмы быти потребу, бо то твоя милость, яко рада наша, можешь уважить въ себе, гдѣбы ся пощастило войску того непріятеля нашого надъ Ифлянтскимъ тымъ войскомъ, не попересталъ бы на томъ, кгдыжъ мало не вси люди зъ замковъ до войска звели прото яко естъ о чомъ, намовяти такъ и спѣшне отправовати, для чого твоее милости, рады нашое, пильно поспѣшного пріѣханья естъ потреба. Писанъ у Вильни. Лѣта Божого Нароженья 1559, мѣсеца Декабра 19 день. Остафей, маршалокъ, писаръ. *Хранится тамъ же.*

39.

1562 г. Августа 9. Письмо Сигизмунда Августа къ Филону Семеновичу Кмитѣ о движеніи войскъ Московскихъ.

Жикгимонтъ Августъ, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Пруcкій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфляндскій (sic) и

иныхъ. Державцы Острскому, пану Филону Семеновичу Кмитѣ. Што пишешь до насъ, ижъ посылалъ еси служебниковъ своихъ подъ замокъ непріятеля нашого Князя Великого Московского подъ Путивлы, которые оттоль зъвернувшися привели съ собою вязня ранного, именемъ Кузму, а ты для зраненья его до воеводы Троцкого, гетмана навышшого великого князства Литовского, старосты Мозырского, державцы Лидского, Бѣлицкого и Сомилишского, пана Миколая Юрьевича Радивила, подлѣ воли и росказанья нашого, отъ насъ тобѣ даного, не слалъ; але о чомъ еси вѣдомость отъ него взялъ, то до насъ по достатку на листѣ своемъ выписалъ. Мы съ писанъя твоего тому зрозумѣли, и добре то чинишъ, же таковую чуйность и дбалость въ службѣ нашой и речи посполитое оказуешь. Якожъ абы еси впередъ тое службы нашое и земское подлугъ звыклости своее пиленъ былъ и о всякой справѣ непріятельской, чого бы еси зъ земли его вывѣдатися могъ, намъ и пану гетману великому не омѣшкивая вѣдати давалъ. Къ тому писалъ еси до насъ, ижъ которые пенязи и сукна жалованье людемъ служебнымъ козакомъ до тебе послати есмо велѣли,— ино тые сукна тамъ къ тобѣ привезены, а пенязи еще тебе не дошли. А такъ маейъ за то, ижъ тые пенязи вжо до сего часу тобѣ отданы. А што просишь въ насъ науки, естли пѣшихъ, або конныхъ людей за тые пенязи а яко ихъ много и на якій часъ способляти маешь, то мы на твое баченье здаемъ, и абы еси водлѣ зданья своего за тые пенязи наши и людей служебныхъ козаковъ тамъ способлялъ, которыхъ налѣпей и напотребнѣй оному замку разумѣти будешь. И такъ много и на таковый часъ яко се тобѣ видѣти будеть, и съ которыми еси часу всякое небезпечности отъ непріятеля намъ господару и речи посполитой на оном замку яко налѣпей и напожиточнѣй служити могъ. А мы всякую чуйность твою въ службѣ нашой ласкаве отъ тебе приймовати хочемъ. Писанъ у Вильни. Лѣта Божого Нарожеьня тисяча пятьсотъ шестьдесть второго, мѣсяца Августа девятого дня.

На оборотѣ тисненая на бумагѣ печать и подпись: Миколай Нарушевичъ писаръ. *Кромѣ того:* Дякованье за службы Путивльскіе.

Хранится тамъ же.

40.

1562 Сентября 26 дня. Грамота Сигизмунда Августа, утверждающая обмѣнъ земли дворянину Дорошковичу.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій великій, князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифлянтскій и иныхъ. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Богуфалъ Дорошковичъ о томъ, ижъ справца дворовъ Городенскихъ, державца Озерскій и Новодворскій, Собестьянъ Дыбовскій, а державца Красницкій и Квасовскій Лавринъ Война за росказаньемъ нашимъ, становячи помѣру волочную на кгрунтѣхъ замку нашого Городенского, не мало земль его властныхъ имѣнья его отчизного Понѣмонского на разныхъ мѣстцахъ у волоки подданымъ

нашимъ мѣщаномъ и волощаномъ Городенскимъ заняли, а ему за то отмѣну кгрунтомъ нашимъ такъ жо по розныхъ мѣстцахъ къ тому имѣнью его Понѣмонскому дали и завели, и на то листъ свой подъ печатьми ихъ они ему дали, который передъ нами онъ вказывалъ, и билъ намъ челомъ, абыхмо тую отмену ему листомъ нашимъ утвердили. А такъ мы, того листу ихъ на то ему даного огледавши, велѣли его слово отъ слова въ сесъ нашъ листъ уписати, и такъ ся въ собѣ маетъ: Выписъ зъ реистру помѣры волокъ волости Городенское. Зъ росказанья господара короля его милости, Собестьянъ Дыбовскій, справца дворовъ Городенскихъ, державца Острынскій, Озерскій и Новодворскій, а Лаврынъ Война, дворанинъ его королевское милости, на тотъ часъ справца помѣры волокъ Городенскихъ, сознаваемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ помѣраючи и простуюйчи и выполнячи волоки подданыхъ господарскихъ мѣщанъ и волощанъ Городеньскихъ занело ся и замѣрило кгрунтовъ пана Богуфала Дорошковича, дворанина господарского, двора его Понѣмонского на мѣстьцахъ нижейпомененыхъ, то есть: на первшомъ мѣстцу у волоки обрубу мѣстского Ходоровичого, подлѣ земли пана Беняша Млынского мѣстское ажъ въ рѣку Нѣмонъ моркговъ двадцать два, прутовъ десеть кгрунту среднего. На другомъ мѣстцу въ томъ жо обрубѣ села Ходоровичъ надъ Нѣмономъ, подлѣ земли подданого господарского Микиты зъ одное стороны а подлѣ земли Сидора Москвитина въ тотъ жо обрубъ занятое зъ другой стороны моркговъ два, прутовъ чотыри грунту среднего. На третьемъ мѣстцу уволоки села Побережанъ межи землями подданыхъ господарскихъ Космича а О(ни) симовичовъ моркговъ пятнадцать, прутовъ двадцать два и полъ кгрунту среднего. На четвертомъ мѣстцу межи землями тыхъ жо подданыхъ господарскихъ Космичевичовъ и Онисимовичовъ въ тотъ жо обрубъ Побережанъ моркговъ девять, прутовъ двадцать семъ кгрунту среднего. На пятомъ мѣстцу въ тотъ жо обрубъ села Побережанъ подлѣ земли подданыхъ господарьскихъ тыхъ жо Космачевичовъ зъ одное стороны а подлѣ земль подданныхъ господарскихъ Онисимовичовъ зъ другое стороны, подлѣ земель пана Непрецкого съ третее стороны, а подлѣ земль подданыхъ господарскихъ Ковшовниковъ съ четвертое стороны, моркговъ девятьнадцать прутовъ чотырнадцать кгрунту средняго. На шестомъ мѣстцу подлѣ земль подданыхъ пана Непрецкого Колочевцовъ зъ одное стороны а подлѣ земль подданыхъ господарскихъ Жогаловичъ зъ другое стороны концомъ въ рѣку Нѣмонъ моркговъ осьмнадцать, прутовъ двадцать кгрунту среднего. На семомъ мѣстцу въ тотъ жо обрубъ волокъ села Побережанъ съ трехъ сторонъ межи землями подданыхъ пана Непрецкого Колычевцовъ, а съ четвертое стороны до рѣки Нѣмона моргкъ одинъ, прутовъ девять и три части прута одного. На тыхъ всихъ верху писанныхъ мѣстцахъ занелося кгрунтовъ пана Богуфала Радошковича дворца его Понѣмонского уволоки подданыхъ господарскихъ волокъ двѣ, морковъ двадцать девять, прутовъ шесть и полъ и три части прута одного. За которые земли пана Богуфала Родошковича естъ ему отъ мене даны кгрунты подданыхъ господарскихъ на мѣстцахъ нижейпомененыхъ, то естъ на первомъ мѣстцу земли съ селидбами подданыхъ господарскихъ села Космачевича Сергѣя а Моисея Онисимовичовъ не далеко дворца тогожъ пана Богуфала Понѣ-

монского и межъ его стародавныхъ зъ одное стороны, а подлѣ рову, который есть недалеко села Берега отъ Нѣмна зъ другое стороны, концомъ отъ межи пана Богуфаловы другимъ до рѣки Нѣмна, моркговъ чотырнадцать прутовъ девять кгрунту среднего. На другомъ мѣстцу подлѣ межи боярина Θедора Сасина и подлѣ гаю пана Богуфала зъ одное стороны, а подлѣ кгрунтовъ, которые держалъ бояринъ его милости пана воеводы Троцкого Миколай Райна зъ другое стороны, концомъ отъ земли пана Богуфаловы ажъ въ рѣку Нѣмонъ, ополь подданыхъ господарскихъ Сехна Космачевича, Сергѣя а Моисея Онисимовичовъ а Дениса и Ждана Радивоновича, моркговъ шестнадцать, прутовъ пять. На третьемъ мѣстцу недалеко двора пана Богуфалова подлѣ земли его съ одное стороны, а межи землями боярина Θедора Сасиновича зъ двухъ сторонъ нивы тыхъ же подданыхъ господарскихъ Космачевичъ ажъ въ рѣку Нѣмонъ моркговъ три, прутъ одинъ и полъ и три части прута одного. На четвертомъ мѣстцу поля и зъ дубровами подданыхъ господарскихъ Дениса Космачевича и его потужниковъ подлѣ земль пана Богуфаловыхъ зъ двухъ сторонъ, а подлѣ земли, которую держить бояринъ его милости пана воеводы Троцкого Миколай Райна съ третее стороны, а подлѣ межи боярина Θедора Сасиновича съ четвертое стороны, волока одна, моркговъ дванадцать кгрунту среднего. На пятомъ мѣстцу земля, которую держалъ бояринъ его милости пана воеводы Троцкого Миколай Райна, за которую землю его милости пану воеводѣ Троцкому ку имѣнью его милости Индурскому отмѣна дана зо всихъ сторонъ межи землями пана Богуфаловыми, недалеко гаю его, моркговъ девять, прутовъ чотыри кгрунту среднего. На шостомъ мѣстцу нивы подданого господарского Θедка Гичича, подлѣ межи пана Богуфаловы зъ отмѣны новоотогнаное съ одное стороны, а подлѣ земли боярина Θедора Сасина зъ другое стороны, моркговъ чотыри, прутовъ семъ и три части прута одного. На тыхъ всихъ верхуписаныхъ мѣстцахъ дано въ отмѣнѣ пану Богуфалу Дорошковичу за кгрунты дворца его Понѣмонского уволоки подданыхъ господарскихъ забраные кгрунтами подданыхъ господарскихъ такъ много, яко кгрунту его взято, волокъ двѣ, моркговъ двадцать девять, прутовъ шестнадцать и полъ и три части прута одного, якожъ тое занятье земли его и отмѣна ему дана есть достаточне вымѣрона и выморкгована черезъ мѣрниковъ шляхетныхъ Миколая Ковнацкого а Ендрыха Вышеборского за выволенье подданныхъ господарскихъ Сехна Марка Космачевичовъ, Сергѣя и Нила а Моисея Онисимовичова, Θедка Гичича, Жогала Кошовника и ихъ потужниковъ, которыхъ земль, въ отмѣнѣ пану Богуфалу даныхъ, маеть онъ держати и вживати по тому яко и первшихъ земль своихъ уволоки его королевское милости забраныхъ держати и вживать. И на то есмо пану Богуфалу Дорошковичу дали нашъ сей квитъ зъ нашимип ечатьми. Писанъ у Городнѣ. Року Божого Нароженья тысяча пятьсотъ шестьдесятъ первого, мѣсеца Октябра тридцать второго дня. И кгдыжъ тые посланцы наши помененые, водлѣ науки нашое на то имъ даное, тую отмѣну за земли его у помѣру волокъ нашихъ забраные ку тому имѣнью его безъ шкоды нашое дали и завели, мы, зъ ласки нашое господарское, на чоломбитье его то чинячи, при томъ его заставили и утвержаемъ то симъ листомъ нашимъ, маеть онъ самъ, его жона, дѣти

и потомки ихъ тую отмѣну, водлѣ листу тыхъ справецъ помѣры волочное, на семъ листѣ нашомъ быти описаную къ тому имѣнью своему Понѣмонскому держати и вживати вѣчными часы. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни. Лѣта Божого Нароженья тисеча пятьсотъ шестьдесятъ второго, мѣсеца Сентября двадцать шостого дня. Sigismundus Augustus Rex. Миколай Нарушевичь, секретаръ и писаръ.

Хранится тамъ же.

41.

1563 г. Февраля 5. Приказъ Сигизмунда Августа Еронину Квилецкому объ увеличеніи числа сторожей въ Плотельскомъ замкѣ.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазоветскій, Ифляндскій и иныхъ. Державцы Ясвонскому, писару скарбу нашого, Ярониму Квилецкому. Мовилъ намъ стольникъ нашъ великого князьства Литовского, державца Плотельскій и Тельшовскій, панъ Янъ Яронимовичъ Ходкевича, о томъ, ижъ што дей передъ тымъ здавна бывало по дванадцати сторожовъ до замку нашого Плотельского. Ино дей ты, будучи ревизоромъ оного замку Плотельского, половицу тыхъ сторожовъ выставилъ, а только шесть ихъ зоставилъ, которые дей шесть человѣковъ оной сторожи замковой, такъ яко бы зъ добрымъ порадкомъ и опатрностью оного замку мѣло быти, досыть вчинити не могуть, але дей потреба абы по первшому — дванадцать сторожовъ до оного замку было. Ино кгдыжъ панъ стольникъ, будучи державцою тамошнимъ, справу намъ того даеть, же большъ сторожовъ надъ тую уставу твою до того замку есть потреба, якожъ и сами разумѣемъ, же шести сторожовъ до таковое замку мало, про то приказуемъ тобѣ, абы еси такъ постановилъ и подданымъ нашимъ тамошнимъ росказалъ, же бы они зъ волости тамошнее на сторожу до оного замку, водлугъ давного обычаю, по двадцати чоловѣковъ колеею на отмѣну, такъ яко о томъ устава нашаволочна есть, посылали, а то иначей нехай не будеть конечно. Писанъ у Петрковѣ. Лѣта Божего Нароженья 1563, мѣсеца Февраля 5 дня. Янъ Шимковичъ, маршалокъ, писаръ.

Хранится тамъ же.

42.

1565 г. Октября 18. Универсалъ короля Сигизмунда II о назначеніи Яна Іеронимовича Ходкевича на пограничную службу.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифляндскій и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ посполите и кождому зособна.

Ижъ што съ потребы речи посполитой тутошнего панства нашого великого князьства Литовского, за волею и росказаньемъ нашимъ, зъѣхавшися тыхъ часовъ до Трабъ панове рады наши ихъ милость обоего стану, такъ духовного яко свѣтского, и тежъ панове врядники земскіе и дворные, княжата, панята и все рыцерство того панства нашого, обмышляючы и радечи около обороны и лѣпшого убезпеченья отъ непріятеля тутешнего панства, а звлаща особы и маестату нашого господарьского, и бачечи пильную потребу, абы яко налѣпей и потушней быти можеть границы залогою людей осмотрѣны были, а немогучи сами и съ почты своими повинными далѣй ку постреганью границъ на войнѣ зостати, про то ихъ милость панове рада и все рыцерство знаходили дорогу и обычай, яко бы границы опатрены и особа наша господарьская и тое панство убезпечено было. Ино инакшы ни который обычай того на сесь часъ вынайти се не могъ, одно абы ку первшимъ чотырма тысячамъ людей служебныхъ ѣзныхъ, вже принятыхъ и выведеныхъ, еще другая чотыри тисячи людей также служебныхъ, ѣзныхъ ново прыната и выведена была, а ижъ на тую чотыры тисячи людей, которые новопринаты и выведены быти мають, пенязи такъ напрудце быти не могли. А такъ староста Жомойтскій, державца Плотельскій и Тельшовскій, панъ Янъ Яронимовичъ Ходкевича зъ вѣрное хути чинечи то для речи посполитое того панства нашого, отчизны своее, а особливе зъ звыклое милости продковъ своихъ ку продкомъ нашимъ господарьскимъ, такъ же тежъ и ку намъ, пану и господару своему, и за жаданьемъ ихъ милости пановъ радъ и всего рыцерства обывателей тутошнего панства, самъ доброволне давшы ся на то, привести въ то ся поддалъ, поднялъ и обовезалъ, ижъ на сесь часъ своимъ стараньемъ и усилованьемъ, властнымъ коштомъ и накладомъ своимъ, маеть приняти и вывести тисячу и двѣстѣ коней, людей служебныхъ на цѣлую полрока, для отпору и залоги противъ непріятеля, посполу зъ оными первшыми чотырма тисячми людей, вжо принятыхъ и выведеныхъ. Нижли панъ староста Жомойтскій, яко рада наша, съ причины потребъ нашихъ господарьскихъ и земскихъ, самъ особою своею при тыхъ людехъ служебныхъ, черезъ себе принятыхъ и выведеныхъ, уставичне лежати не будеть повиненъ, одно черезъ поручника своего, тотъ таковый почотъ вывести и справовати вольно будеть его милости, вѣдже за рушеньемъ нашимъ господарьскимъ або всихъ земль того панства самъ особою своею и съ почтомъ домовымъ на войну ѣхати повиненъ будеть, и тамъ на войнѣ будучы, гдѣ бы самъ особою своею и съ почтомъ своимъ повиннымъ домовымъ быти мѣлъ естли посполу при томъ почтѣ людей служебныхъ, черезъ него выведеныхъ, або пакъ на иншомъ звыкломъ мѣстцу то при воли его самого зостати маеть.

А што ся дотычеть заплаты той тисячу и дву стомъ служебныхъ, черезъ пана старосту выведеныхъ, тая его милости дойти маеть съ постановенья, которое ся вынайдеть отъ всихъ становъ на близкопришломъ соймѣ, который всимъ обывателемъ того панства складаеть въ року нинѣшномъ тисяча пятсотъ шестьдесятъ пятомъ въ тыждень по святѣ светого Мартина, въ столечномъ мѣстѣ нашомъ у Вильни. Або естлибы зъ якихъ причинъ а особливе для небезпеченства отъ повѣтрея морового тутъ быти не могло, тогды въ Городнѣ которая жъ то заплата за службу оно-

му почту подъ тымъ обычаемъ дойти маеть, ижъ, при выслузѣ першое чверти, маеть ему дано быти за тую першую чверть на кождого коня по пети копъ грошей личбы великого князьства Литовского; также по выслузѣ второе чверти року, маеть его дойти заплата заслужоного на тотъ почотъ, даючи такожъ на кождого коня по пети копъ грошей. И гдѣ бы за выслугою першое чверти року заплата заслужоного, подлѣ того постановенья и умовы на то вчиненое, пана старосты не дошла, тогды панъ староста маеть ся въ томъ заховати на всемъ подлѣ опису ихъ милости пановъ радъ и иныхъ всихъ становъ, на то его милости даного и отъ насъ симъ листомъ нашимъ утвержемого; такъ же и по выштью другое чверти року, гдѣ бы его заплата заслужоного подлѣ тогожъ постановенья и вмовы дойти не мѣла, тымъ же обычаемъ заховати ся маеть подлѣ тогожъ опису пановъ радъ ихъ милости и иныхъ всихъ становъ зъ ихъ милостью. И дослуживши второе чверти року, то есть сполна полрока, естли ему наново заразъ на початку службы пенязи даны не были, тогды вольно будеть съ тое послуги стягнути и тотъ почотъ помененый его милости звести, а то ничого ему и доброй славѣ его николи напотомъ шкодити не маеть ани можеть, кгдыжъ его милость того почту далѣй за такимъ коштомъ и накладомъ своимъ безъ заплаты заслужоного и приповѣданья службы наново задержати мочи не будеть ани подыйметь. И вынашедьши ихъ милость панове рада и все рыцерство для обороны, таковую оборону и вбезпеченье границъ намъ ознаймили и ку вѣдомости нашой господарьской то припустили, а мы, господарь, бачачи, ижъ панове рады и тежъ рыцерство нашо про милость насъ пана своего и того панства, яко вѣрные слуги и подданые нашіе то вчинили на таковую оборону и вбезпеченье и на все тое постановенье слушне вынайденое, призволили есмо и призваляемъ и симъ листомъ нашимъ то умоцняемъ и мѣти хочемъ, абы вжо на часъ певный, яко помененo, каждый съ тыхъ особъ пречечоныхъ таковый почотъ, яко вышей назначоно, черезъ поручниковъ своихъ тамъ, гдѣ того потреба будеть, вывели на мѣстцы, отъ насъ господаря або отъ пана гетмана великого ознайменомъ, оказавши съ тыми перво сего принятыми и вынайдеными чотырма тисячей людей положили. А мы тежъ господарь, яко се вже и вышей поменило, складаемъ съемъ на тотъ помененый часъ въ тыйдень по светомъ Мартинѣ, на которомъ со всими станы обывватели тутешнего панства великого князьства вынашедши обычаи, тымъ людемъ за службу ихъ маемъ заплату вчинити такимъ способомъ, яко вышей описано, пильне постерегаючи того, абы тотъ пречечоный панъ староста, добровольне вдавшися въ таковое выведенье тыхъ людей служебныхъ въ мѣсто пристойное, ласки и вдячности невинне на властной маетности не шкодовалъ, што, все упевняючи, даемъ пану старостѣ Жомойтскому сесь нашъ листъ зъ нашою печатью и съ подписаньемъ руки нашое. Писанъ у Вильни. Лѣта Божьего Нароженья тисяча пятсотъ шестьдесятъ пятого, мѣсяца Октября осмнадцатого дня. Sigismundus Augustus Rex. Миколай Нарушевичъ, писаръ.

Хранится тамъ же.

43.

1566 г. Мая 2. Приповѣдный листъ Сигизмунда Августа Яну Іеронимовичу Ходкевичу о томъ, что деньги, израсходованныя Ходкевичемъ на войско, будутъ ему возвращены.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Лифляндскій и иныхъ. Старостѣ Жомойтскому, маршалку земскому великого князьства Литовского, державцы Плотельскому и Тельшовскому, пану Яну Яронимовичу Ходкевичу. Што мы, господарь, намовивше ся зъ вашею милостью паны рады нашими панства нашого великого князьства Литовского, устне прыповѣдали есмо твоей милости службу до земли Ифлянтское на шестьсотъ коней, по чотыры копы грошей на конь, на чверть году третюю, которая починаеть ся отъ выслуги тыхъ жолнеровъ, которыхъ твоя милость съ постановенья Трабского за свои пенязи вывелъ, за которымъ устнымъ нашимъ съ тобою постановеньемъ сесь листъ прыповѣдный, упевняючи тую заплату на конь на чверть году по чотыры копы грошей, твоей милости посылаемъ, которую заплату подскарбій земскій великого князьства Литовского, писаръ нашъ, державца Марковскій и Мядельскій, панъ Миколай Нарушевичъ, або бирчіе земскіе князь Янъ Маковецкій, писаръ нашъ скарбный, а тивунъ земли Жомоитское Дирванскій, Янъ Кградовскій, зъ пенязей поголовныхъ на тую новую чверть пенязи твоей милости за симъ листомъ нашимъ дадуть, около чого вже росказанье и науку нашу они отъ насъ мають. Писанъ въ Люблинѣ. Лѣта Божого Нароженья 1566, мѣсеца Мая 2 дня. Sigismundus Augustus Rex. Матысъ Савицкій, писаръ и секретаръ.

Хранится тамъ же. Послѣ адреса, сходнаго съ обращеніемъ, помѣщеннымъ въ заголовкѣ, приписано: приповѣдный.

44.

1567 г. Мая 16. Письмо Сигизмунда Августа къ Яну Іеронимовичу Ходкевичу, съ извѣстіями по внѣшнимъ и внутреннимъ дѣламъ.

Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій и великій князь Литовскій, Рускій, и Прускій, и Жомоитскій, и Мазовецкій, и Ифлянтскій, и иныхъ. Старостѣ Жомоитскому, маршалку земскому великого князьства Литовского, гетману и справцы нашому зъ великого князства въ земли Ифлянтской, старостѣ Ковенскому, державцы Плотельскому и Тельшевскому, пану Яну Яронимовичу Ходкевича. Тыхъ часовъ, мѣсеца Мая третегонадцать дня, данъ намъ есть листъ твоей милости, которымъ ознаймилъ еси намъ около трактату зъ Рижаны зачатого о добра намъ належачіе и о зуполнѣйшое ку намъ подданство ихъ, тежъ о замѣшаньи, которое ся тамъ зъ розныхъ сторонъ дѣеть. Къ тому, ижъ ся король Дунскій съ королемъ Швецкимъ еднаеть, и ижъ король Швецкій сестру свою молодшую за сына князя великого Московского въ малженство далъ, и о збираньи войска Московского во Псковѣ и на Лукахъ. Чому всему съ писанья твоей милости достаточне есмо вырозумѣли, и добре то еси вчинилъ, же намъ о томъ вѣдати дати не занехалъ, што вдячне

зъ ласкою нашою господарскою отъ твоей милости принявши, хочомъ мѣти, же бы твоя милость и впередъ о новинахъ, которыи бы ся тамъ въ томъ краи, отколь поновили, намъ вѣдати давати не омѣшкивалъ. И што ся дотычеть еднанья короля Дунского съ королемъ Шведскимъ, маемъ того вѣдомость, ижъ ачколве король Дунскій на еднанье съ королемъ Швецкимъ позволяеть, але окромъ вѣдомости нашое, ничого чинити и становити не хочеть. Къ тому писалъ твоя милость, абыхмо мандатъ нашъ до тебе послали, которымъ бы твоей милости отъ насъ дана зуполная моць на утверженье старыхъ привильевъ ихъ и на держанье непорушное новыхъ кондыцей. Кгдыжъ твоя милость есть престрежонъ, же они таковогo мандату въ тебе домовяти ся мають, и съ тымъ же мандатомъ абыхмо росказали до тебе послати привилья Ифляндскіе, о которыхъ твоя милость и перво сего до насъ писалъ. Мы таковый мандатъ росказавши здѣся справити подъ печатью и съ подписаньемъ руки нашое, тобѣ посылаемъ здаючи то большъ на ростропное баченье твоей милости. А што ся дотычеть тыхъ привильевъ Ифляндскихъ, яко перво сего такъ и теперъ, росказали есмо писати до подскарбего земского великого князства Литовского, писара нашого, державцы Марковского, Ушпольского, Пенянского и Мядельского, пана Миколая Нарушевича, черезъ которого тые привилья съ Кнышина до мѣста Виленского до скарбу нашого суть посланы, же бы привилья, которыхъ пилней потребовати будешь, а зъ иншыхъ видымусы тобѣ далъ, а твоя милость которыхъ привильевъ самыхъ, а съ которыхъ переписовъ потребовати будешь, съ паномъ подскарбимъ въ томъ порозумѣйся. Еще писалъ твоя милость до насъ около статечное обороны панству нашому, ино яко есмо не фолкгуючи и здоровью нашому здѣся до Петрикова квапилися, и теперъ се здѣ на соймѣ ни на што не оглядаючися, вси справы спѣшне отправуемъ, а то ни для чого иного, одно абыхмо ку той потребѣ до тамошнего панства пріѣхати не омѣшкали. Нижли панове рада ихъ милость и панъ гетманъ ознаймуеть, ижъ войско еще не собрано и податокъ, на соймѣ Городенскомъ уфаленый, и до сего часу не выданъ, зачимъ людемъ служебнымъ не всимъ пенези розданы, и на тые ротмистры, которые отсель съ Польщи выведены быти мають, пенези не послано, и ачколве вонтпити не потреба, дали Богъ особою нашого господарскою въ часъ тамъ прибыти не омѣшкаемъ, одножъ потреба, жебы ся уфалѣ соймовой на всемъ досыть стало, абыхмо мѣли къ чому пріѣхати. Писанъ у Петрковѣ. Лѣта Божого Нароженья 1567, мѣсеца Мая 16 дня. Михайло Гарабурда, писаръ.

Хранится тамъ же.

45.

1567 г. Іюля 28. Письмо Ивана Горностая къ Еронину Александровичу Ходкевичу, съ придворными извѣстіями и съ просьбою о заступничествѣ противъ пана Виленскаго.

Вельможный пане господине и свате и добродѣю мой великій, мнѣ особливе ласкавый! Здоровье вашей милости, весполокъ съ пани малжонкою и зъ Богомъ данными дѣтми вашей милости слышачи, радуюся! Боже Створителю, дай,

абы ваша милость здорови, щастни были на много лѣтъ. Напредъ твоей милости, господину моему, повѣдамъ, ижъ его королевская милость, господарь нашъ милостивый, зъ ласки Милостивого Бога, есть въ добромъ здоровьи. Съемъ коронный Петриковскій вже ся скончилъ, и съ Петрикова его королевская милость мѣлъ до Кракова выѣхати въ суботу минулую, яко вже надѣвамся его королевская милость и выѣхалъ. О ѣханьи его милости господарьскомъ ку здѣшнему панству его милости великому князству Литовскому слышати, ижъ маеть волю его королевская милость въ Литвѣ быти по светомъ Михалѣ въ осень, але еще, господине, не запевно иншіи повѣдають такъ, а нѣкоторыи тое ѣханье его милости иначей собѣ розумѣють. Естемъ тежъ господине, велико съ того радостенъ, ижъ твою милость, господина и свата моего, ѣханье на тотъ съемъ до Петрикова оминуло; ачъкольвекъ твоя милость мене повольного своего предъ тымъ рачилъ ся стронити и обѣгати, але ся правдиве твоей милости служиломъ и служу. Ижъ ваша милость на томъ соймѣ въ Петриковѣ быти не рачилъ, съ того Пану Богу хвала, и то я собѣ за великій даръ Божій и за особливую потѣху мамъ, бо на томъ соймѣ коронномъ одного пана съ которою вдячностью принято, и яко а съ чимъ отъѣхалъ, того мнѣ о немъ ку твоей милости выписовати непотреба. И отъ иншихъ ваша милость потомъ, кромъ мене, довѣдатися рачишь—одно тымъ ѣханьемъ своимъ то собѣ справилъ, ижъ на мя позвы одержалъ, о которыхъ смѣле мамъ рѣчь, ижъ неправдивыи а потварныи, што ся дали-Богъ передъ его королевскою милостью, паномъ нашимъ милостивымъ, и передъ вашею милостью, паны радами, часу своего невинность моя ясне окажеть. Што ся дотычеть ѣханья твоей милости ку его милости господару, и ражу и прошу твою милость за то, абы ваша милость не рачилъ ся квапити до Польши ѣхати, але кгды, дасть Богъ, его королевская милость до здѣшнего панства своего великого князства Литовского рачить поѣхати, на онъ часъ ваша милость рачите на границахъ Лядскихъ его королевскую милость поткати и привитати зъ нами, пріятельми своими, лѣпей нижьли въ чужой земли, и все доброе свое у его милости господаря у здѣшнемъ панствѣ его королевское милости справити и постановити рачишь. А естлибы его королевская милость еще такъ рихло въ панствѣ своемъ быти не рачилъ, тогды твоя милость, предъ се до пріѣханья его королевское милости здѣся до Литвы, въ речахъ своихъ рачи терпливымъ быти. А чимъ до его милости господаря послалъ, пытаючися о певномъ выѣханьи его королевское милости, для стацей зготованья по дорозѣ, и надѣвамся неомѣшканую вѣдомость отъ его милости господаря мѣти, о чомъ и твоей милости черезъ листъ мой дамъ вѣдати.

А при томъ твоей милости низко чоломъ бью за тую ласку и добродѣйство, которое твоя милость зъ себе ко мнѣ повольному своему показывати рачишь, обѣцуючися при мнѣ стати и помоцою быти противко пану Виленскому, который ся въ невинности моей на мя звазнилъ, а чѣмъ твоей милости тое ласки и добродѣйства не заслуговалъ, алемъ отцу вашей милости правдиве завжды служилъ, гдѣ и твоя милость тую ласку и добродѣйство, которое по вашей милости знамъ, и зъ дѣтми моими потомужъ у службахъ своихъ и воли и росказанью вашей милости буду готовымъ. Што ся ткнеть тое ласкавое обѣтницы твоей милости и теперь прозьбъ моихъ ку вашей милости о то повторямъ, абы

ваша милость при мнѣ въ той дисейшой потребѣ моей быти рачилъ. Не стоечи, але седечи при его королевской милости, панѣ нашомъ милостивомъ, рачь ми зычливостью и пріязнью вѣрною зъ серца своего у справедливости и въ невинности моей противко того пана допомогати. А естли, пане господине, усхотять мя бити и за бороду рвати, ваша милость рачьте мя боронити и не рачьте мя ваша милость повольного своего отъ себе отметывати, але по старому рачь те ласкави быти. А я за то вѣрне вашей милости служити буду. Затымъ ся ласцѣ вашей милости господина и добродѣя и свата моего милого залецамъ. Писанъ у Вильни. Мѣсяца Іюля 28 день. Иванъ Горностай, маршалокъ дворный, подскарбій земскій, твоей милости низко челомъ бьеть.

Хранится тамъ же. Адресъ: Вельможному пану господину и добродѣю милому, мнѣ особливе ласкавому, пану Ерониму Александровичу Ходкевича, пану Троцкому, старостѣ Жомоитскому, державцы Плотельскому и Тельшовскому.

46.

1571 Іюня 1. Инвентарь имѣнія Роскаго, съ описаніемъ церкви при немъ находившейся.

Реестръ списанья имѣнья Роского, дворовъ и кгрунтовъ и всее можности тыхъ дворовъ отъ мала и до велика, што въ нихъ есть, по смерти ее милости небожчицы панее Юрьевое Ходкевича, панее Троцкое, кнежны Зофѣи Юрьевны Слуцкое, спадаючихъ на дѣтей ихъ милости а приходячихъ опекою на его милость пана Яна Ходкевича, старосты Жомойцкого, черезъ мене служебника его милости пана Григорья Ходкевича, пана Виленского, Семена Гутора Симоновского, за листомъ и росказаньемъ его милости пана моего, служебнику его милости пана старосты Жомойцкого Яну Демидовичу подалъ року по Нароженью Сына Божего тисеча пятсотъ семьдесятъ первого, мѣсеца Іюня третьего дня.

То есть напервѣй будованье двора Роского. Отъ воротъ домъ не великій, приземный, новоперепpавеный, свѣтлочка съ коморкою, а въ ней печи, лавы, двери и окна безъ завѣсовъ и безъ оболонъ. Посредку ее на кухню врянднику, противъ свѣтлочка съ печью бѣлою на зложенье капусты и иншихъ речей ѣдомыхъ, а въ ней капусты кадь 1, порожнихъ кадей 13, окна 2 безъ оболонъ, двери безъ завѣсовъ и зъ защепкою.

Домъ старый великій на подклѣтехъ. Свѣтлица великая столовая, печъ поливаная, столъ и лавы, служба, оконъ 6 на завѣсахъ, оболоны старые и побитые, лихтаръ олений, посредку двери, на завѣсахъ, безъ защепки; посредку сѣни, двери на завѣсахъ, безъ замка, коморка потребная, двери на завѣсахъ безъ защепки; противъ свѣтлица великая, печъ поливаная, столъ великій, а при немъ заслонъ, оконъ 6 на завѣсахъ, оболонъ 6 новыхъ, а коминъ; съ тое жъ свѣтлицы сѣнцы малые, до нихъ двери на завѣсахъ; съ тыхъ сѣней комора, до ней двери на завѣсахъ безъ защепки, оконъ 2 на завѣсахъ зъ оболонами новыми, коморка въ тылѣ, потребная, до ней двери на завѣсахъ. Подъ тымъ домомъ подклѣты 3, двери одны и зъ защепкою, а въ нихъ ницъ.

Домъ старый на подклѣтахъ, въ которомъ намѣстникъ мешкалъ. Въ немъ

печъ и лавы, оконъ 2, на завѣсахъ, а двѣ малыхъ засовистыхъ, зъ оболонами новыми, двери на завѣсахъ и зъ защепкою; посредку сѣни, двери на завѣсахъ и зъ защепкою; напротивку свѣтлица, до ней двери на завѣсахъ и зъ защепкою, а въ ней печъ и лавы, оконъ 3 на завѣсахъ, а четвертое на одномъ завѣсѣ, а въ нихъ оболонъ чотыри новыхъ; коморка потребная, а двери на завѣсахъ, подлѣ тыхъ хоромъ кганокъ старый ничемный.

Домъ новый отъ воротъ, подмурованый. Напервѣй свѣтлица великая столовая, а въ ней ни печи, ни лавъ, ни помосту, только оконъ осмъ на завѣсахъ, а въ нихъ оболонъ 8, въ тыхъ оболонахъ фортокъ зъ гербы 3 нитъ, двери на завѣсахъ и зъ замкомъ нутренымъ и зъ клямкою, а коминъ ся обвалилъ; передъ тою свѣтлицею сѣнь великая и зъ кганкомъ, у кганку двери 2 и зъ клямками, оболона збитая 1; въ сѣней двери на завѣсахъ и зъ замкомъ нутренымъ, а въ нихъ оконъ двѣ на завѣсахъ, оболонъ2, одна цалая а другая збита; противъ няя свѣтлица а въ ней печъ поливаная, столовъ 2, лавы, заслонъ 1, оконъ 5 на завѣсахъ, двери на завѣсахъ и зъ клямкою и зъ замкомъ нутренымъ.

При ней комната, двери на завѣсахъ и зъ клямкою и зъ замкомъ, оконъ 3 на завѣсахъ, оболонъ 3 безъ фортокъ збитыхъ.

Съ тое комнаты свѣтлица, двери на завѣсахъ и зъ клямкою, печъ поливаная, лавы, оконъ на завѣсахъ 3, оболонъ 3 збитыхъ; съ той свѣтлицы коморка погребная, двери на завѣсахъ и зъ клямкою, оконъ 2, оболона 1, а другой нитъ, коминъ ся обвалилъ; съ тыхъ сѣней до крыжового дому двери на завѣсѣхъ, и зъ замкомъ слѣпымъ, другіе двери на свѣтлицы крыжовой на завѣсѣхъ и зъ замкомъ слѣпымъ, у свѣтлицы печъ поливаная, лавы вси, оконъ 2 на завѣсѣхъ, оболонъ 2 нитъ, съ той свѣтлицы двери двои, одны до сѣней великихъ на завѣсахъ и зъ замкомъ, другіе двери до комнаты на завѣсѣхъ и зъ замкомъ нутренымъ. Комната а въ ней коминъ цалый, оконъ на завѣсѣхъ 3, оболонъ 3 збитыхъ, коморка потребная, двери на завѣсѣхъ; съ той комнаты до свѣтлицы двери на завѣсѣхъ и зъ клямкою и зъ замкомъ нутрънымъ, а въ ней печъ поливаная, столовъ три, лавы вси, оконъ на завѣсѣхъ 4, оболонъ 4, безъ фортокъ 2, крѣсло. Съ той свѣтлицы до сѣней двери на завѣсѣхъ съ клямкою, а въ сѣнехъ окно 1 на завѣсѣхъ, оболона цалая и коминъ, заслоны 2. Съ тыхъ сѣнцей малыхъ до сѣней великихъ посреднихъ двери на завѣсѣхъ и зъ замкомъ нутренымъ.

Подъ тымъ же домомъ пивницы мурованые 2, пригребица, двери 3 и на завѣсахъ съ пробоями и зъ защепками, замокъ 1, оконъ 5 и зъ кратами желѣзными; а въ ней меду пресного бочка 1 полная, полтора вшатка а дежокъ полныхъ 2, пива росходного бочокъ 10, оцту пивного бочки 2, а медового оцту полубочокъ.

За тымъ домомъ ку ставу за сажевкою лазня бѣлая, а въ ней печъ мурованая, въ печи котелъ и пановъ меденая на крукохъ желѣзныхъ, оконъ 2 на завѣсѣхъ, оболонъ 2 новыхъ, ванны 3. Зъ лазни до сѣней двери на завѣсѣхъ, у сѣнехъ двери на завѣсѣхъ; съ тыхъ сѣней коморка потребная; двери на завѣсѣхъ. Противку лазни черезъ сѣни свѣтлица, а въ ней печъ и лавы, оконъ 4 на завѣсахъ, оболонъ 3 цалыхъ, а четвертая збитая. Съ той свѣтлицы комора, оконницы на завѣсахъ, оболонъ нитъ. Съ той коморки коморка потребная, двери на завѣсахъ и зъ защепками.

Свирновъ три надъ сажовкою, въ первомъ въ томъ свирнѣ отъ лазни масла дежокъ 16. Пряжи кужилное поставовъ 5. Пилъ старыхъ ручныхъ, што дерево труть, 5. Пила водная, што дерево труть, 1. Въ другомъ свирнѣ, подлѣ того, овса бочокъ 6, гречки бочки 2. Въ третемъ свирнѣ ничого нитъ, только замокъ нутрьный у дверей. За тыми свирнами свѣтлица дому старого, кухня старая вся изгнила. Пекарня и зъ дверми и зъ лавами и зъ окны; противку сѣни недоробленые.

Домъ приземный, новопереставленый, подлѣ воротъ отъ церкви свѣтлица на отца, а въ ней печъ и лавы, двери и окна безъ желѣза, одна защепка и пробой; посредку сѣнь, а въ сѣнехъ броваръ и осетъ и горнъ, въ горну котелъ старый пивный, чопъ 1, квасникъ 1, медовыхъ квасниковъ 3, бочокъ 20, вшатки 3, корытъ 2; противъ изба, што солоды робять. Дворъ увесь укругъ одылеванъ тартицами добре, воротъ новыхъ двои, и зъ защепками желѣзными. Въ томъ же дворѣ сажовокъ 3. Въ томъ же дворѣ подъ домомъ новымъ огородъ овощовый.

Млынъ внизъ рѣки Роси. Во млынѣ колъ 6 съ каменемъ, кола и валы окованы, шестеренъ окованыхъ и пановокъ 5, а шостая шестерня зъ веретеномъ украдена. Скрыня, што мѣрки збирають, порожняя.

Дворецъ, гдѣ рикуня живеть. Изба челядня, сѣни, комора на млечно, а въ ней ничого нѣтъ; клѣтка рикунина, сырница на столпьи.

Оборы на быдло велми плохи, все погнило; а въ ней быдла коровъ дойныхъ 13, коровъ тельныхъ 3, яловица 1, быковъ буяковъ до коровъ 2, быковъ лонщаковъ 14, телушокъ лонщаковъ 10, телятъ сеголѣтнихъ 13, свиней великихъ 7, вепровъ 2. Грабежныхъ свиней Полѣновича 2, поросятъ 16, гусей старыхъ 16, молодыхъ гусей 35, курицъ 6, пѣтухъ 1, молодыхъ куръ 20, утокъ 4, пятый селезень, козъ старыхъ 2, козеня 1, козелъ 1.

Гумно. Въ гумнѣ клуни 2 порожнихъ, и зъ защепками и съ пробоями, замокъ 1 дворный, евья и зъ сѣнцами, клѣтка на куры, одрина на солому, озереды новыи въ гумнѣ, около горожа старая съ трехъ частей, а четвертая часть не огорожона. Въ гумнѣ жита копъ 15.

Пашнѣ засѣяно на рокъ 71: жита бочокъ 197, пшеницы посѣялъ бочокъ 9, ячменю посѣялъ бочокъ 31, ярицы посѣялъ бочокъ 10, овса посѣялъ бочокъ 98. А иншого збожья ни которого засѣяного болшей того нѣтъ.

Бчолъ въ гаехъ въ деревѣ бортномъ 25, а подъ дворомъ въ садку у въ ульехъ 4.

При дворѣ томъ церковъ Божья заложенья Светого Пророка Ильи. Олтаръ, у олтари престолъ Божественный, на престолѣ Евангелія апракосъ, другая тетро, крестъ мѣдяный позлотистый, антимисъ, покровцы полотновыи, бойка за престоломъ, святость светого Ильи и трехъ Светителей, образъ Спасетеля нашого Исуса Христа и Светои Пречистои, на жертовнику келихъ, миска и ложка циновая, кадило мѣдяное, двери сиверскіе вы бокѣ, двери царскіе китайченые, на тябли иконъ 11, намѣстныхъ 3, одна Спаса Христа, другая Светой Пречистой, третяя Светого Иліи, иконъ старыхъ пять, а малыхъ иконъ 5, книгъ: уставъ, треоди 2, шестоденецъ, охтаикъ старый, и служебникъ, псалтыри 2, Апостолъ старый; ризы адамашковые, стихаръ коленскій, поручи атласовые, поясъ нитяный, лихтаръ, двери на завѣсѣхъ и зъ замкомъ нутренымъ и завѣсистымъ, на звонницы звонки 2. Подъ

попомъ земли огородовъ и оремыи и сѣножатей волокъ 2 и полъ.

Корчма двора Роского. Будованье: свѣтлица а въ ней печь, лавы, оболонъ скляныхъ новыхъ 4, столъ одинъ, двери безъ желѣзъ; сѣнь уѣздная, а въ сѣнехъ коморка малая; противку изба чорная, столъ, лавы, двери на завѣсѣхъ, изъ избы коморка.

Паробки двора Роского: Степурка, козачокъ, жона вольная, дѣтей нѣтъ. Василь, кухаръ, Дуло, жона вольная. Минецъ козачокъ, жона вольная. Иванъ Рудый, и жона невольная, сынъ 1. Денисъ Манцевичъ, жона невольная, дѣтей нѣтъ. Иванецъ Манцевичъ, жона невольная, дѣтей нѣтъ. Овдотья Бойбаковая, вдова, дѣтей: сынъ и дочка. Ѳедко и жона невольные, дѣтей: дочки 2 и сынъ. Маня Бутковая, дочки 3 сынъ 1.

Тымъ всимъ невольникомъ мѣсячины дають на годъ каждому зъ нихъ на голову по 4 копы жита.

Люди тяглые войтовства Роского. Село Красное: волокъ тяглыхъ осѣлыхъ 24, копныхъ волокъ 4, войтъ, волока вольная. Село Боблово: волокъ тяглыхъ осѣлыхъ 12, копная полъ. Село Студенецкое: волокъ тяглыхъ осѣлыхъ 21, вольная 1. Въ томъ войтовствѣ Роскомъ слугъ путныхъ 2: Ондрей а Киливонъ Артюшкевича на конь волокъ 2; подъ тыми жъ Артюшковича 2 доли волоки на цыншу. Лукашъ и зъ братомъ Богдановичи на конь волокъ 2. Ключникъ волока 1 вольная. Огородники того жъ войтовства 4 въ Бобловѣ, а на Роси огородниковъ 7.

Войтовства Вехотницкого. Село Вехотница: волокъ вымѣроныхъ 41, осѣлыхъ волокъ тяглыхъ 36 и полъ, пустыхъ волокъ 3. Въ томъ же селѣ войта волока вольная 1, копна волока 1, вольная полволоки. Село Шолково: вымѣроныхъ волокъ 27 и полъ, осѣлыхъ волокъ тяглыхъ 17, а пустыхъ волокъ полъ 3, копныхъ волокъ 6, на службѣ пустой волокъ 2. Село Игнатовское: волокъ вымѣроныхъ 21, волокъ осѣлыхъ тяглыхъ 10 и полволоки, копныхъ волокъ 8, пустыхъ волокъ 2 и полъ. Село Шнипово: вымѣроныхъ волокъ 23, волокъ осѣлыхъ тяглыхъ 13, копныхъ волокъ 7, а пустыхъ волокъ 2. А волока вольная на тивона Зубовского.

Повиноватость тыхъ всихъ людей тяглыхъ двора Роского: мають на каждой недѣли служити, съ чимъ кажуть, по 2 дни, а у жниво якъ почнуть жати жито и ярыво ажъ пожавши и повозивши до гумна засе почнуть ходити по два дни, а съ каждое волоки винни дати въ каждый годъ по бочцѣ жита, по бочцѣ овса, по гусяти, по куряти, по 10 яецъ, цыншу съ каждое волоки цо 40 грошей и по 2 гроши.

Въ томъ же имѣнью Роскомъ копники съ каждое волоки винни дати по полъ 2 копы грошей и по два гроши, по бочцѣ жита, по бочцѣ овса, по гусяти, по куряти, по 10 яецъ, моркгъ орати, посѣяти и заволочити на жниво по 4 дни только, жито возити до Тыкотина бочокъ 5, а если до Вильни, везти бочки 3—то ихъ повинность. Въ томъ же имѣнью Роскомъ тивонъ, ключникъ, войты 2, подлазникъ отъ службы и отъ всихъ подачокъ вызволены. Въ томъ же имѣнью Роскомъ во всѣ подданыхъ хто маеть бчолы прилазу отъ бчолъ меду половина на дворъ маеть быти давана. Огородники повинни служыти съ чимъ кажуть въ каждой недѣли по 2 дни. Паробки повинни въ каждой недѣли служити съ чимъ кажуть пѣшимъ 84 дни.

Имѣнья бояръ Роскихъ.

Андрея Станкевича, земли его двор-

ное и людей его волокъ 9, наддатку на кгрунтъ лихій волока 1.

Василья Станкевича, земли его дворное и людей его волокъ 9, а наддатку на кгрунтъ лихій волока 1.

Съ тыхъ именей своихъ повинни они ку службѣ военной земской 3 кони ставить, а четвертый конь маеть панъ Степанъ ставить по животѣ матки своее.

Прокулѣю Станиславовой пашни ее дворное и людей ее волокъ 12, а наддатку на злый кгрунтъ волока 1, моргговъ 11.

Съ того винна ку службѣ военной земской 2 кони ставить.

Семеновой Ивашкевича, земли ее дворной и людей ее волокъ 12. Съ того имѣнья повинна ставить ку службѣ военной земской коней 2.

Василья Ивашкевича, земли его дворной и людей его волокъ 12, Съ того имѣнья повиненъ ставить ку службѣ земской военной коней 2.

Гарянина Коташевича, земли его дворное и людей его волокъ 12. Съ того имѣнья ку службѣ повиненъ земской ставить коней 2.

Олексѣя Михновича, земли его дворное и людей его волокъ 6. Съ того имѣнья повиненъ ставить ку службѣ земской конь 1.

Офанаса Михновича, земли его дворное и людей его волокъ 6. Съ того имѣнья повиненъ ставить ку службѣ земской конь 1.

Яна Бакаляра, земли его дворной и людей его волокъ 12, наддатку волока. Съ того имѣнья повиненъ ставить ку службѣ земской коней 2.

Матѳея а Олехна Ждановичовъ, земли ихъ дворной и людей ихъ волокъ 12. Съ того имѣнья своего повинни ставить ку службѣ господарьской земской коней 2.

Антипы Лучичъ, земли его дворное и людей его волокъ 12. Съ того имѣнья своего повиненъ ставить ку службѣ земской коней 2.

Андріяновой Кимиты Ивашкевичъ, земли ихъ дворное и людей его волокъ 6. Съ того имѣнья своего повинни ставить ку службѣ земской конь 1.

Бенеша Ворошиловича, земли его дворное и людей его волокъ 24. Съ того имѣнья своего повиненъ ставити ку службѣ господарской земской коней 4.

Яна Онцушкевича земли его дворной и людей его волокъ 12. Съ того имѣнья своего повиненъ ставить ку службѣ господарской земской коней 2.

Дворъ Зубовскій, будованье.

Домъ новый, на столпи подмурованый и побитъ, а въ немъ ничего ни дверей ни печей, ни лавъ, ни оконъ ниц.

Свѣтлица великая, старая и зъ сѣньми, ни печей, ни лавъ.

Свѣтлочка малая, а въ ней печъ и лавы и окна.

Гридня великая и съ сѣньми, гдѣ тивонъ и рикуня живуть.

Стайня на кони, новая, побита драницами.

Свирновъ порожнихъ 2, погребъ мурованый, лазня.

Клѣтка порожняя, броваръ лихій, котелъ пивный, чопъ, корыто.

Обора. А въ ней быдла воловъ рабочихъ быковъ валашаныхъ 2, короовъ дойныхъ съ теляты 6 яловицъ чотыри быковъ третяковъ и лонщаковъ 7, телушокъ третяковъ и лонщаковъ 6, овецъ старыхъ 7, молодыхъ 3, козъ старыхъ 4, козлы 4, козенятъ 4, свинья 1, подсвинковъ 4, гусей старыхъ 15, курь старыхъ 8.

Гумно. Клуня евья, а у клуни и въ гумнѣ збожа ни якого нѣтъ.

Жита засѣяного на рокъ 71 бочокъ 100.

Пшеницы посѣяно бочки 2, яроцы бочка 1.

Ячменю посѣяно бочокъ 13.

Овса посѣяно бочокъ 25.

Грики посѣяно.

Паробковъ 4.

Панасъ и зъ жоною, дѣтей 4. Минецъ и зъ жоною, дѣтей нѣтъ.

Санецъ и зъ жоною, дѣтей 3. Антипка и зъ жоною, дѣтя 1.

Мѣсячины имъ дають на годъ на каждого по 4 копы жита.

Повиноватость службы ихъ до гумна або гдѣ кажуть по 4 дни.

Село Зубовщина, волокъ вымѣроныхъ 33. Съ тыхъ 30 трехъ осѣлыхъ волокъ 14. пустыхъ 11. копная волока.

Съ тыхъ 14 волокъ повинни служити съ чимъ кажуть по 3 дни, цыншу въ каждый годъ давать по 20 грошей, жита по бочцѣ овса по бочцѣ, по гусяти, по куряти, по 10 яецъ.

Што я, Семенъ Симоновскій, сей рейестръ все по достатку отъ мала до велика пану Яну Демидовичу далъ, тотъ рейестръ списавши подъ моею печатью и съ подписаньемъ власное руки моее. Семенъ Гуторъ, рука власна.

Внизу тисненая печать. Хранится тамъ же. На оборотѣ надпись: Рейстръ Роскій и Зубовскій.

47.

1571 г. Марта 10. Кабальная запись Андрея Петкевича на себя и дѣтей своихъ.

Я, Андрей Петкевичь, чоловѣкъ похожій, посполъ и зъ дѣтми своими Павломъ и Лавриномъ, чинимъ явно и сознаваемъ тымъ нашимъ листомъ, што кому будеть потреба того дѣла вѣдати, або чтучи его слышати, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ. Што жъ я, Андрей вышейописаный, мешкаючи посполъ и зъ дѣтми своими, черезъ немалый часъ за паномъ Матеемъ Григоровичомъ Буйвидомъ на земли пашной и маючи одъ пана своего черезъ немалый часъ наданье немалое, яко грошми готовими, збожьемъ молочонымъ и немолочонымъ, коньми, быдломъ рогатымъ и нерогатымъ, и иншими речми всякими, ку подворью потребными. А такъ вси тые речи, которыемъ побралъ отъ пана своего, пана Матея Буйвида, черезъ вси тые часы немалые ошацовалемъ собѣ за все тое, што мнѣ дано, копъ десеть грошей монеты и личбы Литовское. Я, Андрей, посполъ съ дѣтми своими вышеописаными, маемъ пану своему, пану Андрею Буйвиду, малжонцѣ и потомкомъ его вѣчными часы служити и ни въ чемъ пана своего выступити не маемъ. А если быхмо мѣли въ чимъ пана своего выступити або тотъ листъ свой пропомневши, мѣли быхмо одъ пана своего, одъ пана Матея Буйвида, малжонки и потомковъ его прочъ отыти, тогды панъ Матей, малжонка и потомки его мають насъ гдѣ колвекъ нашодши въ мѣсцы урадовномъ, або тежъ и у земянъ, маеть насъ за тымъ листомъ нашимъ взяти яко своихъ власныхъ отчичовъ. А если бы што мѣлъ для того одытья нашого правуючи се наложить, тогды тую всю шкоду маеть на насъ ошацовати, а мы маемъ, яко въ первшой десети копахъ, такъ

тежъ и въ тыхъ шкодахъ маемъ вѣчне служити. А при томъ были люде добрые, вѣры годные, земяне господарскіе земли Виленской панъ Миколай Яновичъ, панъ Валентинъ Балтромеевичъ, панъ Юрій Яновичъ, возный земли Виленской, панъ Балтромей Каспаровичъ Нацевичъ. И для лѣпшой твердости того нашого листу просилихмо о притѣсненье печатей ихъ милости пановъ вышейописаныхъ. Ихъ милость то на нашу прозбу вчинили, печати свои приложить рачили. Писанъ у Дукштахъ. Лѣта Божого Нароженья 1571, мѣсеца Марца 10 дня.

Хранится тамъ же.

48.

1573 Марта 17. Предписаніе отъ высшихъ чиновъ в. кн. Литовскаго Филону Кмитѣ, старостѣ Оршанскому, о томъ, чтобы онъ явился съ сотней лошадей и со служебниками на границу, для встрѣчи Московскихъ пословъ.

Зацне урожоному пану брату и прыятелю нашому милому, пану Филону Кмитѣ Чорнобыльскому, старостѣ Оршанскому—отъ Валеріана зъ ласки Божей бискупа Виленского, отъ Миколая Радивила, воеводы Виленского, канцлера великого князства Литовского, старосты Мозырского, Лидского и Борысовского, отъ Миколая Нарушевича, подскарбего земского великого князства Литовского, писаря его королевской милости, державцы Марковского, Ушпольского, Пѣнянского и Мяделского, отъ Миколая Криштофа Радивила, на Олыцѣ и Несвижу княжати, маршалка дворного великого князства Литовского, державцы Шовленского. Што твоя милость писалъ до насъ, даючи намъ знати о томъ, ижъ князь великій Московскій послы свои великіе до ихъ милости пановъ радъ коруныхъ Польскихъ и тежъ до насъ пановъ Литовскихъ шлеть, которые скоро по Велицѣ Дни, святѣ блиско пришломъ, на Проводной Недѣли къ Орши зъ немалымъ почтомъ людей быти мають, мы съ таковогo съ престреженья твоей милости велико дякуемъ, и бачачи того быти потребу великую, абы противъ тымъ посломъ стрѣча была послана на границу. А людей служебныхъ индѣ ку потыканью тыхъ пословъ звласча подъ такъ прудкимъ часомъ не могучи найти, писали есмо до его милости пана воеводы Витебского, абы пятдесятъ коней; до его милости пана каштеляна Полоцкого, жебы пятдесятъ коней; князь Константинъ Лукомскій, староста Ульскій, пятдесятъ коней; панъ Баркулабъ Ивановичъ Корсакъ, староста Дисенскій, пятдесятъ коней; панъ Оникей Корсакъ тридцать коней—почтовъ своихъ абы послали передъ Проводною Недѣлею за часу, покуля тые послы въ границу того панства не въѣдуть. Съ тое причины и твоей милости жедаемъ, абысь твоя милость самъ зе стомъ коней почту своего тыхъ пословъ Московскихъ на границы водлѣ звыклого обычаю съ тымъ людомъ служебнымъ стрѣлъ, якожъ и его милость панъ Криштофъ Радивилъ, гетманъ дворный и подчашій великого князства Литовского, староста Кокенгавзьскій и Ленвартскій, державца Жижморскій, первѣй того сто коней почту своего казавши пана Михаила Гара-

бурду, посла нашого, за границу въ землю Московскую провадити, тамъ послалъ, и теперь тая сто коней въ Орши есть. А надъ то есче за намовою нашою маетъ его милость пятдесятъ коней тамъ отправити и впровадивши пословъ тыхъ въ границу панства тутошнего, скоро они зъ Орши выѣдуть, тые почты вси нехай до мѣстцъ своихъ назадъ ся вернуть. Съ тымъ доброго здоровья и счастливого на всемъ въ ласкѣ Божой поводженья твоей милости съ панею малжонкою и зъ милымъ потомствомъ твоей милости въ долгій вѣкъ вѣрне зычачи, себе милости братской твоей милости поручаемъ. Писанъ у Вильни. Лѣта Божого Нароженья 1573, мѣсяца Марца 17 дня. *Хранится тамъ же.*

49.

1578 г. Іюня 13 дня. Росписка Дмитрія Скумина Тишковича, данная Лаврину Войнѣ въ полученіи отъ него пенезей и другихъ предметовъ, назначенныхъ для пословъ Московскихъ.

Я, Дмитръ Скуминъ Тишковичъ, маршалокъ короля его милости, сознаваю самъ на себѣ симъ моимъ квитомъ, ижъ его милость вельможный панъ Лавринъ Война, подскарбій земскій великого князства Литовского, писаръ его королевское милости, староста Пинскій, державца Олитскій и Квасовскій, отправуючи мене приставомъ до пословъ Московскихъ, которые шли до его королевское милости въ року теперешнемъ семдесятъ осьмомъ, рачилъ ми прислати съ скарбу короля его милости, черезъ руки его милости пана Мартина Стравинского, тивуна и городничого Троцкого, пенезей стравныхъ сорокъ копъ грошей Литовскихъ и къ тому адамашку локоть петнадцать, сукна Люнского поставъ одинъ: которые пенези, одамашокъ и сукно панъ Стравинскій до рукъ моихъ отдалъ. Съ чого квитуючи, далемъ его милости сесь мой квитъ подъ моею печатью и съ подписомъ руки мое, писмомъ Рускимъ. Писанъ у Борисовѣ. Року тисеча пять сотъ семдесятъ осмого, мѣсяца Іюня тринадцатого дня. Дмитръ Скуминъ Тишковичъ, маршалокъ короля его милости, властною рукою.

У сего печать съ буквами D. S. *и въ щитѣ звѣзда внутри подковы, кверху обращенной (нынѣшній гербъ графовъ Тышкевичей). Хранится тамъ же.*

50.

1579 г. Апрѣля 20. Универсалъ Стефана Баторія къ обывателямъ земли Полоцкой съ призывомъ на войну съ Московскимъ Царемъ Иваномъ Грознымъ.

Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Иолянтскій, княже Седмигродское. Княземъ паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ,

врадникомъ земскимъ, хоружкому и всему рыцерству, шляхтѣ, обывателемъ земли Полоцкое. Есть добре вѣдомо вашей милостямъ, ижъ на прошломъ соймѣ вальномъ Варшавскомъ, за зволеньемъ пановъ рады всихъ становъ и пословъ земскихъ обоего панства Короны Польское и великого князства Литовского, зъ великое а кгвалтовное потребы, война противъ непріятелю панствъ нашихъ князю великому Московскому есть уфалена, до которое войны, за пріѣханьемъ нашимъ до великого князьства Литовского, особливого хутью и позволеньствомъ всихъ становъ, естехмо не помалу способлены, кгдыжъ за разомъ многіе сами зъ вашей милости зъ нами господаремъ у войско съ почты своими ѣхати,—а другіе зъ зъѣздовъ повѣтовыхъ и тежъ черезъ посланцовъ своихъ таковую жъ упреймость свою на тую потребу здоровья и маетности своее не минуючи, противъ тому непрыятелю зъ нами тягнути оферовали со всихъ воеводствъ и повѣтовъ. Што мы не одно вдячно отъ всихъ вѣрныхъ, зацныхъ подданыхъ нашихъ и милосниковъ отчизны своее пріймуемъ, але тежъ всимъ а зособна и вамъ за то дякуемъ и водлѣ оказый кождому зъ васъ ласкою нашою господарскою нагорожати хочемъ. Мы тежъ господарь повинности нашой досыть чынечи и таковую вашу склонность и хутьку отпартью того непрыятеля до скутку прывести хотечи, абы тежъ часъ погодный до войны не уплынулъ, а таковое предсевзятье вашо великого похваленья годное за недбалствомъ и сплошенствомъ якимъ не было загамовано, зъѣхавшысе здѣсе съ паны радами нашими, за радою и зволеньемъ ихъ милости часъ ку тягненью до войска на день двадцать осьмый теперешнего пришлого мѣсяца Іюня въ року теперешнемъ складаемъ на мѣстце певное до Свира, и жадаемъ, жебы ваша милость, панове рады нашы, и вси станы съ почты своими на часъ назначоный до насъ прыбыти не омѣшкали. Кгдыжъ мы познавшы таковую хуть за пріѣханьемъ нашимъ до тутошнего панства отъ всихъ становъ рады выносимъ здоровье наше противко непрыятеля за всихъ вѣрныхъ слугъ и подданыхъ нашихъ и для славы и доброго речы посполитое, и певни есмо того, же для насъ пана своего и прикладомъ славныхъ и зацныхъ предковъ своихъ каждый стану рыцерского поспѣшыти ся и прыбыти до насъ на часъ назначоный не омѣшкаете. А мы то яко симъ листомъ нашимъ варуемъ вамъ такъ и въ войско зъѣхавшыся со всими станы и рыцерствомъ нашымъ особливымъ прывильемъ нашимъ варовати хочемъ: ижъ што ваша милость панове рада духовные и свѣтскіе и иные станы врадники земскіе и духовные рыцырство того панства нашого великого князства Литовского, которые не будучы повинни за поступеньемъ податку на отправу войны тое, алижъ за уфалою соймовою рушенье посполитое посполъ зъ братьею своею паны Поляки, водлѣ спису уніи, але толко до тое потребы зъ нами господаремъ тягнути есте обѣцали; тое таковое рушенье уближенья ни которого вольностямъ и свободамъ обывателемъ того панства нашого приносити и на вси потомные прышлые часы въ пошлину пойти не маеть. И каждый таковый—хто ся съ почтомъ своимъ намъ господару у войско окажеть—близшій будеть ласки нашое и опатренья водлугъ службы и стану своего, якожъ не вонтпимы же чинячи то для учтивости своее и зъ милости ку намъ господарю и речы посполитой и тежъ для успокоенья от-

чизны своее насъ пана своего въ полю не опустите. Писанъ у Вильни. Лѣта Божого Нароженья 1579, мѣсеца Апрѣля 20 дня. Stephanus Rex. Михалко Гарабурда, писаръ.

На оборотъ замѣчено: року семдесятъ девятого, мѣсяца четвертого дня принесено до враду кгродского Дисненского черезъ коморника его милость пана......... *Хранится тамъ же.*

51.

Между 1573—79 гг. Письмо Константина Константиновича князя Острожскаго къ Филону Семеновичу Кмитѣ, старостѣ Остерскому, съ просьбою объ огражденіи посылаемыхъ Острожскимъ на службу господарскую служебниковъ отъ злого человѣка Мышки, Мозырскаго подстаросты.

Вроженый пане а пріятелю мой милый и ласкавый!

Здоровья и всего добра вашей милости вѣрне зычу, яко собѣ самъ. Даю вашей милости вѣдати, ижъ есми послалъ на тую службу господарьскую служебниковъ моихъ и росказалъ есми имъ, абы они просто ку вашей милости ѣхали и во всихъ справахъ ся зъ волею вашей милости згожали. О што прошу, абы ваша милость рачилъ ку тымъ служебникомъ моимъ во всемъ прихильнымъ и зычливымъ быти, и въ чомъ бы рады вашей милости уживали, рачилъ бы ваша милость имъ зычливе радить, яко бы тежъ мнѣ самому. А естли бы тежъ тотъ злый человѣкъ Мышка, подстаростій Мозырскій, тамъ ся зъ вашею милостью трафилъ быть на той службѣ господарьской, а хотѣлъ бы надъ служебники моими што переводити, чинечи имъ якую зелживость мнѣ на деспектъ, яко ся тотъ злый человѣкъ здавна зъ нецнотъ своихъ наложилъ лотровства людемъ чинити а о нихъ жвать не переставаючи, особливе о то прошу, абы ваша милость, заховываючи ся мнѣ въ томъ, яко зычливый а добрый пріятель будучи зъ стороны моее, не рачилъ допущать тому злому чоловѣку таковыхъ лотровствъ чинить, абы онъ въ томъ собѣ хелпы чинечы нецнотѣ своей оброку не далъ; а хотѣлъ ли бы што чинити, рачь ваша милость служебниковъ моихъ престрегать во всемъ. А ширей въ потребахъ своихъ, росказалъ есми зъ вашею милостью словне мовить служебникови своему пану Богдану Патркею; прошу, абы ваша милость, его выслухавши, во всемъ вѣру дать рачилъ, а я въ тыхъ всихъ потребахъ своихъ, познавши по вашое милости вчинность и доброе захованье, завжды всимъ добрымъ задѣловати буду повиненъ. Затымъ ся пріязни вашое милости залецамъ. Писанъ въ Кіевѣ, Мая 6 дня.

Вашей милости зычливый пріятель Константинъ Острозскій, воевода Кіевскій, маршалокъ Волынской земли, староста Володимерскій.

А для Бога прошу и напоминаю, абы ваша милость безъ языковъ ничого починати не рачилъ: бо не то воевникъ або боевникъ, хто ся у войску бъеть, але то чоловѣкъ, хто людьми справуе добре. И повторе, и потрете, и подесятое для пана Бога прошу: а естли бы тотъ жвачь Мышка а невымытое губы чоловѣкъ такъ въ щастью, о которое я

Пана Бога прошу, яко тежъ и въ каждымъ часѣ хотѣлъ ми якій псій кусъ выродить, а ваша милость бы того не престрегъ, будучи зъ стороны моее пріятель, на которого я руки слугъ и братью свою посыламъ; тогды бысь мя ваша милость съ пріятеля доброго и вѣрного такого непріятеля удѣлалъ, же быхъ того вѣчне на вашу милость выжаловати не могъ. А наконецъ волялъ быхъ, абы ми ся слуги зъ Остра вернули; але ваша милость того пилне престрегать рачь, яко панъ братъ и пріятель мой милый и ласкавый, бо то вашу милость еще въ часъ съ Кіева престрегамъ.

Адресъ: Врожоному пану а пріятелеви моему милому и ласкавому пану Филону Кмитѣ, старостѣ Остръскому. *Хранится тамъ же.*

52.

1579 Августа 31. Письмо Константина Константиновича князя Острожскаго къ Филону Семеновичу Кмитѣ, старостѣ Острскому, съ поздравленіемъ побѣды, одержанной Кмитою надъ Московскими войсками и съ приглашеніемъ прибыть въ Кіевъ съ старшими плѣнниками.

Пане милый староста! Нехай то будеть пану Богу честь и фала, Который то справеть рачелъ, ижъ ваша милость, восполокъ зъ служебнеками моеми, славное и немалое звытязство надъ непрятелемъ пана нашого взятесь рачелъ. Дякуймы жъ все восполокъ Пану Богу, якобы Емя Его было Святое отъ насъ богославеное. Прошу за то, абысь ваша милость тогожъ дня былъ у мене, которого и Бѣлогородцы; а для велю слушныхъ преченъ, абысь ваша милость зъ собою взялъ пете або шесте вязневъ старшехъ, и того воеводу Васелева, Өедоровича Володимера Петемкина, для большое учтевости пана нашого и для розвѣдыванья вшелякехъ справъ тамошнехъ и для веле преченъ. И повторе прошу, абысь ваша милость того иначей не чинелъ, яко панъ а преятель мой. За тымъ се ласцѣ вашей милости залецаю. Песанъ у Кіевѣ, Августа 31 дня. Вашей милости зычлевый преятель Костентинъ Острозскей, воевода Кіевскей, маршалокъ земле Волынское, староста Володимерской.

Адресъ: Его милостѣ пану Фелону Семеновичу Кмятѣ, старостѣ Острскому, пану брату а преятелю мнѣ вельце милому. *Хранится тамъ же.*

53.

Около 1579 г. Письмо Каленика Васильевича Тишковича къ Филону Семеновичу Кмитѣ, по поводу войны съ Царемъ Московскимъ.

Велеможный пане а пане господине а добродѣю мой, мнѣ особливе а милостиве ласкавый! Доброго здоровья и на всемъ добрыхъ фортунъ вашей милости отъ Пана Бога на часы долгія вѣрне мѣти зыче и сердечне спріямъ такъ

властиве, яко будучи къ воли добрый пріятель вашей милости. При томъ, милостивый пане, што ваша милость рачилъ росказати до мене писати, даючи мнѣ вѣдомость, ижъ ваша милость зъ дворомъ своимъ и съ Татары Бѣлогородцы зъ немалымъ людомъ до земли непріятеля господаря нашого тегнути рачишь, чому естемъ отъ Пана Бога не помалу потѣшонъ и ба(р)зо тому естемъ вдячонъ. Пане Боже, дай, абы Панъ Богъ рачилъ дати звитеженье надъ непріятелемъ господаря нашого и покорити подъ ноги господаря нашого и нашы, чому вѣру, ижъ даремне працы нашое Панъ Богъ опустить не рачить, а звлаще невинное кръви хрестьянское розльянье помстить рачить. А ижъ тежъ ваша милость росказати рачилъ писать до мене, ижъ быхъ я самъ съ почтомъ своимъ ку вашей милости ѣхалъ и рокъ ваша милость ознаймити на листѣ своемъ рачилъ, ижъ быхъ я на томъ ночлегу знайдовалъ, на Утьи. Нижли, милостивый пане, ачъ ми не мало коней поздыхало и тежъ служебникомъ моимъ также не мало коней поздыхало. А вѣдь же милостивый пане, яко звыкли предкове наши служити вѣрне а правдиве господарю своему, такъ тежъ и я естемъ ку тому охотливый и буду у вашей милости; и служити господарю своему завжды се не одрекамъ и буду, што дай, Пане Боже, въ Тройцы Едыный, ижъ быхъмо послугу его королевской милости господарю своему якую вчинити могли милосердьемъ Божьимъ а фортуною господаря своего. Што тежъ рачилъ ваша милость писати, абыхъ я на томъ ночлегу вышеймененомъ, на Утьи, знайдовалъ, нижли, милостивый пане, давней ми вашей милости, и ваша милость вѣдомости не далъ, ижъ быхъ я на тотъ рокъ поспѣшилъ, бо ми въ пятницу листъ отъ вашой милости принесенъ: а такъ рыхло на тотъ ночлегъ не поспѣю. За што покорне проше, абы ваша милость рачилъ помалу тегнути а дождалъ бы ваша милость мене на Кузминичахъ: въ суботу ку вашей милости сподѣвамъ се доити. Еслижъ на Кузминичи ку вашей милости не долягу и ваша милость рачь потиху ити, за чимъ быхъ ку вашей милости дошолъ а посламомъ при томъ тежъ посланцы вашей милости вожа, о томъ ваша милость рачь вѣдати. За тымъ самъ себе и службъ моихъ въ ласку вашей милости залецамъ. Писанъ въ Гомьи, Августа....день. Повольный у службахъ пріятель вашей милости Каленицкій Васильевичъ Тишкевича, староста Гомельскій, низко чоломъ бьеть.

Адресъ: Велеможному пану а пану добродѣеви моему великому и до мене особливе милостиве ласкавому, его милости пану Филону Семеновичу Кмитѣ, старостѣ Острскому.

Хранится тамъ же.

54.

Около 1580. Письмо Ивана Горностая къ Еронину Александровичу Ходкевичу, съ увѣдомленіемъ, что дороги изъ Прусеіи закрыты вслѣдствіе появившагося повѣтрія на границахъ земли Жмудской.

Вельможный пане Троцкій, господине и добродѣю мой великій, мнѣ особливе ласкавый. Дай, милый Боже, абы твоя милость здоровъ щастенъ былъ, веспо-

локъ съ пани малженкою и зъ Богомъ даными дѣтми вашей милости на много лѣтъ, чого я вашей милости, пану и добродѣю своему, вѣрнымъ и правымъ серцемъ взычамъ, яко собѣ самъ. Рачишь твоя милость писати до мене, повѣдаючи, ижъ на границахъ земли Жомойтское, гдѣ ваша милость мыто завѣдати рачишь, въ Клойпедѣ и въ Кретеленцѣ на люди повѣтрее. Для чого твоя милость еще отъ Светого Петра дороги замкнути казалъ, и што ся ткнеть мыта Ковенского, абыхъ тежъ я дороги съ Прусъ замкнути велѣлъ. А если быхъ тому не вѣрылъ, же быхъ кого тамъ на довѣданье послалъ, ино, господине, были бы то дивныи и неподобныи речи, ижъ бы еще не мѣло быти вѣры додавано вашей милости предней радѣ его королевской милости. Досыть я мамъ на томъ писанью вашей милости такъ яко быхъ самъ очима своими мѣлъ видѣти, и писаломъ до пановъ мытниковъ и до войта и мѣщанъ Ковенскихъ, абы дороги отъ Прусъ были замкнены. Естли же пакъ послушенства на писанье мое не вчинять, нехай то кромъ мене будеть, а на на таковыхъ непослушныхъ обляжеть. При томъ тежъ рачишь твоя милость до мене писати, ижъ Ѳедоръ Сорока, который служебникомъ твоей милости есть, твоей милости чоломъ не вдарывши и не пожегнавши и личбы зъ уряду не вчинивши, приказалъ ся пану подчашому, а якобы мѣлъ онъ быти мнѣ кревнымъ, абыхъ его гамовалъ, жебы о вашей милости, панѣ свымъ, не шемралъ. Ино, господине, про вашей милости великую ласку и добродѣйство дому вашей милости, которую я ку собѣ завжды знамъ, не только которого кревного але и отца и брата роженого, таковобо, отъ кого быхъ шемранье якое о вашей милости пану и добродѣю своемъ слышалъ, отрекъ быхъ ся. Панъ Сорока, яко живо, не есть ми жаднымъ кревнымъ, а вѣдже естли ваша милость рачите казати мнѣ мовити около того пану подчашому, або тежъ самому Сороцѣ, я на росказанье вашей милости то вчинити готовъ. Затымъ проше, абы твоя милость на ме ласкавымъ быти рачилъ. Писанъ у Вильни, мѣсяца Августа 4. Иванъ Горностай, маршалокъ дворный. подскарбій земскій твоей милости низко челомъ бьеть.

Адресъ: Вельможному пану господину моему великому, мнѣ особливе ласкавому, пану Ерониму Александровичу Ходкевича, старостѣ Жомоитскому, державцы Плотельскому и Тельшовскому. *Хранится тамъ же.*

55.

1580 г. Октября 9. Листъ Стефана Баторія Филону Кмитѣ съ извѣстіемъ о взятіи Великихъ Лукъ и объ отдачѣ ихъ въ его управленіе.

Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифляндскій, княжа Седмикгродское и иныхъ. Воеводѣ Смоленскому, старостѣ Оршанскому, пану Филону Кмитѣ Чорнобыльскому. Даемъ твоей милости вѣдати, ижъ за притягненьемъ нашимъ зъ войски нашими подъ Луки Великіе, тотъ замокъ зо всими належностями

подъ опанованье нашо пришолъ. А такъ мы съ певныхъ а слушныхъ причинъ, якъ заслуги твоей милости, которыми намъ и речи посполитое зъ себе оказуешь, на баченью маючи, такъ и мѣстце воеводства Смоленского чимъ значнымъ приоздобити хотячи, замокъ Великіе Луки зо всими его належностями въ справу и державу твоей милости поручити есмо умыслили. Твоя бы милость о томъ вѣдаючи, замокъ нашъ Оршу на мѣстцу своемъ яко чоловѣку годному и въ речахъ рыцерскихъ умѣетному злетивши, самъ до насъ, яко наборздѣй быти можеть, поспѣшилъ, ижъ бы насъ се здѣ еще подъ Великими Луками засти мога. А мы таковое опатренье, якого будеть тое мѣстцо потребовать, учинивши, тотъ замокъ Великіе Луки у справу твоей милости такъ поручити хочемъ яко то о твоей милости розумѣемъ, ижъ намъ господару и речи посполитое на томъ мѣстцу будучи вшелякую хуть пильность вѣры своее оказовати не занехашь. Писанъ зъ обозу нашого зъ Великихъ Лукъ. Лѣта Божего Нароженья 1580, мѣсеца Сентебря 9 дня. Stephanus Rex. Миколай Ясенскій, писаръ.

Адресъ: Воеводѣ Смоленскому, старостѣ Оршанскому, пану Филону Семеновичу Кмитѣ Чорнобыльскому, намъ вѣрне милому. *Хранится тамъ же.*

56.

Около 1580 г. Письмо Горностая къ Еронину Александровичу Ходкевичу, по семейнымъ дѣламъ.

Вельможный пане и добродѣю мой великій, мнѣ особливый, здоровье твоей милости радъ есми слышалъ! Боже милый, дай, абы твоя милость здоровъ щастенъ былъ, весполокъ съ пани малженкою и зъ Богомъ данными дѣтьми, вашей милости пану а добродѣю своему низко чоломъ бью. Съ таковогo милосердого а хрестьянского вчинку, которого ваша милость не водлѣ заслугъ моихъ, але зъ звыклыхъ цнотъ ваша милость рачишь оказывати, и въ томъ смутку моемъ тяжкомъ а горкомъ, которого Богъ милостивый, зъ воли Своее светое а за мой грѣхъ, на мя рачилъ допустити, а малженку и доброго пріятеля моего, а вашей милости служебницу, зъ сего свѣта взяти.

Рачилъ мя ваша милость черезъ писанье листу вашей милости яко засмученого чоловѣка прижаловати, которое, господине, жалости моее съ трудностью мнѣ престати, ижемъ у вѣчномъ сиротствѣ зосталъ и позбылъ пріятеля и добродѣя своего, которая ми праве маткою была и вашей милости паномъ и добродѣемъ моимъ великимъ становъ такъ и кровнѣйшимъ всимъ служила и невымовною добротью была наполнена, и хто одно ее зналъ вси паметаючи доброть ее, о смерти ее вжаловалися. Тая жъ мя, господине, доброть ее изневолила, и праве на полы мертвымъ чоловѣкомъ вчинила.

Рачишь тежъ ваша милость до мене писати, хотечи на погребѣ тѣла ее быти, ино я и на той ласцѣ и добродѣйствѣ вашей милости досыть мамъ, же мя ваша милость черезъ писанье свое прижаловати рачилъ, и якобы тежъ и былъ

твоя милость на погребѣ ее, кгды мя въ томъ смутку навѣдить пропометати не рачилъ, чого я не могу твоей милости пану и добродѣю своему заслуговать, одно Бога милостивого за то просить, абы его светая милость рачилъ вѣчною отплатою вашей милости быть. За тымъ ся ласцѣ вашей милости залецамъ и проше, абы ваша милость на мя ласкавымъ паномъ быти рачилъ. Ни анъ у Вильни, мѣсеца Іюня 24 день. Иванъ Горностай, маршалокъ дворный, подскарбей земскій, твоей милости чоломъ бьеть.

Адресъ: Вельможному пану господину и добродѣю моему великому, мнѣ особливе ласкавому, пану Еронину Александровичу Ходкевича, старостѣ Жомоитскому, державцы Плотельскому и Тельшовскому. *Хранится тамъ же.*

57.

1582 г. Мая 1. Грамота Стефана Баторія, утверждающая уставъ и порядокъ цеха и братства шапошниковъ Пречистенской церкви на Росѣ.

Лѣта Божего Нароженья 1588, въ четвергъ, мѣсеца Мая 5 дня.

Предъ славными паны бурмистры и радцы мѣста Виленского, на тотъ часъ часъ въ посполитомъ собранью на ратуши будучими, пришедши учтивые люди закону Римского и Греческого мѣщане мѣста Виленского старшіе мистрове трохъ ремествъ, то есть шапочники, што шапки аксамитные и суконные шыють и робять, сермяжники и ноговичники, которіе до одного цеху, за вѣдомостью и позволеньемъ враду мѣстского первѣй, а потомъ за потвержденьемъ и привиліемъ его королевское милости нашого милостивого пана схадцки свое мають и всѣ справы свое цеховые посполу у одномъ собранью своемъ отправують, сами зъ особъ своихъ и именемъ всее братьи своее молодшое мистровъ цеху ихъ шапочницкого явне есть оказали привилей свой цеховый отъ славное и светое памети короля его милости Стефана пана нашого зешлого, цеху ихъ сполному зъ ласки его королевское милости на постановенье и потверженью цеху ихъ и змоцненье артыкуловъ ихъ цеховыхъ черезъ позволенье врадовое, имъ первѣй уфаленыхъ наданый, подъ датою року прошлого тисяча пять сотъ осмдесятъ второго, мѣсеца Мая первого дня, писаный на паркгаменѣ писмомъ рускимъ съ подписомъ руки его королевское милости и съ печатью привѣсистою великого князства Литовского. И просили, абы тотъ привилей его королевское милости, цеху ихъ наданый, врадъ мѣстскій Виленскій, до вѣдомости своее врадовое припустивши и его огледавши, для вшелякихъ пришлыхъ якихъ кольвекъ причинъ и припадковъ, абы напотомъ и завжды о немъ каждый, кому бы то вѣдати было належало, вѣдалъ, до книгъ врадовыхъ мѣстскихъ радецкихъ приняти и вписати позволили, ведлѣ способу и иншихъ цеховъ мѣстскихъ Виленскихъ упривілієваныхъ. Которого привилю тымъ тромъ ремествомъ шапочъникомъ и сермяжникомъ и наговичникомъ на одинъ цехъ отъ его королевское милости имъ наданого, врадъ мѣстскій Виленскій, огледавши и передъ собою его прочитати казавши, до книгъ мѣстскихъ вра-

довыхъ раденцкихъ вписати за прозбою ихъ допустили и позволили. А такъ ся въ собѣ слово отъ слова маеть: Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоицкій, Ифлянскій, княже Седмигородское и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы того потреба была вѣдати, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ. Били намъ господару чоломъ подданные нами, мѣщане мѣста Виленского ремесла шапочницкого оксамитного, сермяжницкого и ноговичницкого, на имя Супронъ Стефановичъ, Кузма Остаповичъ, Павелъ Яковлевичъ, Тимофей Григорьевичъ, Яковъ Давыдовичъ а Гарасимъ Михайловичъ, сами и именемъ всее братьи своее ремеслъ помененыхъ, и покладали передъ нами на писмѣ порадокъ братства и цеху своего сполного тыхъ трехъ ремеслъ, которій имъ за прозбою ихъ и за позволеньемъ войта, бурмистровъ и всее рады мѣста Виленского подъ печатью мѣстскою выданъ есть, просечи насъ господара, абыхмо, то ку вѣдомости нашой припустивши, тое постановленье ихъ, нижей описаное, во всемъ при моцы зоставивши, привиліемъ нашимъ то имъ утвердили. А такъ, мы господаръ, съ повинности нашое межи иншими справами непослѣдней постерегачи того, яко бы въ мѣстѣхъ панства нашого, звлаща въ тутошнемъ столечномъ мѣстѣ Виленскомъ панства великого князства Литовского, не только што доброго порадку уняти мѣло, але и овшемъ всякій добрій порадокъ ку славѣ нашой господарской и ку доброму речи посполитое безъ шкоды и нарушенья правъ и вольностей мѣстскихъ, ку оздобѣ ихъ становити и примножати могли, за чоломбитьемъ тыхъ подданыхъ нашихъ, велѣли есмо тое постановенье цеху ихъ сполного ремеслъ помененыхъ, передъ нами покладаное, ку вѣчной памети и твердости тыхъ всихъ речей, въ немъ нижей описаныхъ, въ сесь нашъ привилей вписати, слово отъ слова такъ ся въ собѣ маеть: Мы, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Виленского. Чинимъ явно тымъ нашимъ листомъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы то належало вѣдать, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ, будучи намъ въ звыкломъ собранью нашомъ на ратушу въ радѣ мѣстской, пришедши передъ насъ учтивые люди ремесла шапочницкаго, што шапки аксамитные робять, и тежъ сермяжники и ноговичники, мистрове и мѣщане Виленскіе, съ пилностью просили насъ, абыхмы имъ тыхъ трехъ ремествъ, для учтивости и порадку мѣстского, у въ одномъ мѣстцу и сполныхъ схацкахъ братство и цехъ прикладомъ иншихъ цеховъ мѣстскихъ упривилеваныхъ мѣти допустили и позволили, якожъ и артыкулы тому своему цеху потребные сами собѣ за намовою всее братьи своее сполне списавши предъ нами на писмѣ оказали. Которыхъ тыхъ артыкуловъ мы врадъ мѣстскій вычитавши и добре ихъ зрозумѣвши, ижъ всей речи посполитой мѣстской и иншимъ цехомъ и обывателемъ мѣсткимъ не есть на жадной переказѣ и шкодѣ, а тому ихъ братству и цеху есть потребный и пристойный, за полною намовою тымъ вышей менованымъ мужомъ и мѣщаномъ Виленскимъ троимъ реместникомъ, то есть шапочникомъ, сермяжникомъ и ноговичникомъ, вси посполу одинъ цехъ и брацтво и схацки сполные мѣти и тыхъ всихъ артыкуловъ, которіе передъ нами показовали, вживати зъ вирхности враду нашого мѣстского въ томъ мѣстѣ Виленскомъ есмо допустили, якожъ и симъ листомъ нашимъ имъ допуща-

емъ, и вживати имъ самимъ и потомству ихъ на вѣчные часы позволяемъ, и тые артыкулы братству и цеху ихъ уфаленые и потвержоные на писмѣ за печатью мѣстскою врадовою до цеху ихъ выдать есмо казали, которіе такъ ся въ собѣ слово отъ слова маютъ: Артыкулы потребные цеху шапочницкому, сермяжницкому и ноговичничкому. Напервѣй, ведлѣ звычаю и порадку въ иншихъ цеховъ мѣста Виленского, вся братья, то есть шапочники и сермяжники и ноговичники, изшедшися въ домъ свой братскій, на сполную схацку вчиненый, въ каждый рокъ на часъ первый, то есть на день светого Юрья, свято врочистое, которое бываеть въ мѣсецу Апрѣлю по веснѣ, за сполною намовою маютъ съ посродку себе выбрати старшихъ чотырохъ мужовъ людеъ добрыхъ, статечныхъ, осѣлыхъ и вѣри годныхъ, въ тыхъ ремеслахъ добре вмѣетныхъ, то есть двухъ шапочниковъ, а третего зъ ремесла сермяжмяжницкого, а четвертого зъ ремесла ноговичницкого, которіе тые чотыри мужи обраные маютъ быть въ томъ ихъ цеху и братствѣ старостими черезъ цѣлый рокъ, порадковъ и добрихъ звычаевъ и пожитковъ цеховыхъ и братскихъ съ пилностью догледати и перестерегати маютъ, подъ присегами своими. И въ тыхъ же чотырохъ старостъ скринька цеховая братская, то есть въ старшого скринька, а у трехъ молодшихъ ключи въ схованью и иншіе вшелякіе справы и речи цеховые въ завѣдованію быть маютъ и тыежъ старостове, на рокъ обраные . . . . . въ кождый рокъ, кгды рокъ будетъ приходить всей братьи цеховой въ дому братскомъ со всихъ справъ своихъ и пожитковъ братскихъ и цеховыхъ личбу и скутечную вѣдомость вчинить и дать маютъ и будутъ повинни. Артыкулъ 2. Для потребъ братскихъ и цеховыхъ вся братья старшая и молодшая за обосланіемъ тыхъ рочныхъ до дому братскюго до сполной намовы повинни будуть въ цехахъ пильновать въ каждую двѣ недѣли, то есть въ каждомъ мѣсецы разъ, до которыхъ схачокъ вси старшіе и молодшіе братья цеховые маютъ ся сходить, вси трезвы и седѣти на мѣсгцахъ своихъ учтиве и пристойне и о томъ розмовлять, о што будуть обосланы, а не о чомъ иншомъ. И каждый пришодши маетъ дати по полгрошу до скрыньки цеховое. Артыкулъ 3. А естли бы тежъ для якое потребы его королевской милости нашого милостивого пана, або мѣстское, тогды на росказанье пановъ бурмистровъ и радецъ, не ждучи тыхъ двухъ недѣль, до дому братского вся братья цеховая обосланые сходитися, и о томъ, што отъ пановъ бурмистровъ будеть наказано, розмавяти маютъ. Артыкулъ 4. А естли бы тежъ до посполитое цеховое схацки братья до того цеху вписные старшіе або молодшіе колько ихъ, альбо и одинъ которій зъ нихъ обосланый не пришолъ, таковый кождый зъ нихъ маеть быти каранъ виною братскою, то есть за первое непристье свое маеть дати вины до скриньки цеховое три гроши Литовскихъ, а за второе непристье свое маеть дати шесть грошей, а за третій разъ дванадцать грошей, а за четвертый разъ яко непослушный, окромъ вшелякого отпусту, маеть дати камень воску, што на немъ старостове рочные пильне отправити и до скриньки цеховое маютъ взяти неотпустне о соромоту. А вѣдь же каждого брата старшого и молодшого отъ таковыхъ винъ вымовить и вольнымъ вчинить причина слушная, то есть хороба обложная, або веселье въ дому, або смерть жоны, дитяти и пріятеля. Артыкулъ 5. Тежъ до каж-

дыхъ схажокъ цеховыхъ вси братья старшіе и молодшіе безъ брони сходити ся мають, посварковъ або словъ неучтивыхъ одинъ другому задавати не мають, а естли бы тежъ которій братъ пьянъ або съ бронею до цеху пришолъ, або на которого брата слова неучтивые почалъ примавять и лаять, таковый за первымъ разомъ маеть дати вины до скриньки дванадцать грошей, а за вторимъ разомъ гривну, то есть сорокъ осмъ грошей Литовскихъ, а за третимъ разомъ неотпустне камень воску и седѣнье маеть принять на ратушу двѣ недѣли, яко непослушный и упорный, до которого седѣнья маеть быти обосланъ мѣстскими слугами отъ ихъ милости пановъ бурмистровъ и радецъ, за обжалованьемъ старостъ рочныхъ. Артыкулъ 6. Тежъ естли бы свовольный а упорный братъ цеховый, которій же кольвекъ старшій або молодшій при сходцѣ цеховой, для упору своего, зваду почалъ, и которого брата чимъ же кольвекъ ранилъ або образилъ, тогды старостове рочные таковаго свовольного брата заразъ мѣстскими слугами або цеклярми поймавши, до везенья мѣсткого до ратуша мають дати осудити, и тамъ же на ратуши панове бурмистрове и радцы таковаго выступного брата за то мають карать седѣньемъ и виною, ведлѣ узнанья своего, которыхъ винъ половица маеть быть паномъ бурмистромъ и радцомъ и половица до скриньки цеховое. Артыкулъ 7. Староста роковый самъ который зъ нихъ старшій, або молодшій, кгды бы ся въ томъ братствѣ и цеху непристойне справовалъ и заховалъ, што было надъ пристойность цеховую, и ку шкодѣ того цеху або скриньки братское, теды вся братья цеховая таковаго старосту, за вѣдомостью враду мѣстского бурмистровского и радецкого, съ того мѣстца зложивши, а другого на то мѣстцо всадить мають. Артыкулъ 8. А для лѣпшого ихъ порядку того ихъ цеху шапочницкого, вси мистрове сами господари на ворстатѣ своемъ работниковъ то есть товаришовъ, которіе зъ мыта робять, не мають мѣти больши только товаришовъ двухъ, а хлопятъ зъ науки двухъ, которыхъ хлопятъ, кгды на ремество пріймовати будуть, тогды на первой сходцѣ мистръ цеховый, которій до себѣ хлопца пріймуеть, теды по выштью мѣсеца, маеть его до реестра цехового вписати и всей братьи оповѣдать, а вписного до скриньки маеть быть дано два гроши только. Артикулъ 9. Хлопятъ на таковое ремество вси мистрове цеховые не мають на большіе лѣта собѣ до службъ вытегивать, и брать только каждый съ нихъ хлопца выростка на навуку и выслугу маеть взяти на чотыри лѣта. Артикулъ 10. Кгды хлопецъ лѣта свои вмовеные въ мистра своего цехового выслужить и ремества се навчить, теды панъ его маеть въ цеху то оповѣдать и до реестру дать вписать, а записаного маеть быть до скриньки дано два гроши, и тотъ же хлопецъ, кгды зъ науки выйдеть, тогды первый рокъ за товариша въ того жъ мистра пана своего маеть робить, а не въ кого инього, а мыта за роботу его до року ему маеть быть дано небольши только копа грошей Литовскихъ; а потомъ отробивши рокъ въ мистра своего и заплату взявши, вольно будеть тому товаришу его у инших мистровъ цеховыхъ зъ мыта робить еще два годы. Артыкулъ 11. Мистрове цеховые вси старшіе и молодшіе не мають одинъ отъ другого товариша ани учня отбавять до себе, а естли бы ся таковый мистръ оказалъ, естли бы товариша або учня отъ брата своего от-

бавить або надъ тую уставу братскую больши въ себе товаришовъ або хлопятъ мѣлъ, або хлопца до реестру вписать не далъ, або въ ремеслѣ якую жъ перевазу вчинилъ, а то бы на его явне было показано, таковый кождый за первымъ разомъ вины маеть дать до скриньки братское грошей дванадцать, а за вторымъ разомъ дати вины грошей двадцать чотыри, а за третимъ разомъ камень воску и седѣти маеть на ратуши двѣ недѣли. Артикулъ 12. Тежъ естли бы за мистра або за брата цехового товаришъ жаденъ которій зъ науки выйдеть, не маеть быть принятъ ажъ первѣй по выштью своемъ зъ науки въ тогожъ мистра своего на варстатѣ седечи зъ мыта цѣлый рокъ будетъ робить, а потомъ у иншихъ мистровъ два роки зъ мыта маеть робить, а потомъ право мѣстское на ратуши у пановъ бурмистровъ и пановъ радецъ принять и присягу мѣсту вчинить маеть. Артыкулъ 13. А ижъ въ тыхъ ремеслахъ того цеха шапочницкого, сермяжницкого майстеръ штукъ жадныхъ чинить и вендровать отъ мѣста до мѣста товаришомъ не есть потреба, кгды жъ тое ремество и безъ того быти можеть, тогды каждый того ремества товаришъ естли бы хотѣлъ мистромъ цеховымъ зостать и на себе робить, маеть первѣй на себе мѣстское принять право, а до скрыньки цеховое братское вкупу четыри копы грошей Литовскихъ маеть дати и всее братьи упросить, абы до цеху его собѣ за брата приняли и до реестру вписали, а колацыи жадные справованы быти не мають. Артыкулъ 14. Каждому таковому товаришу цеховому и иншимъ людямъ, до того ихъ цеху не вписаному, ремество ихъ шапочницкое, сермяжницкое и ноговицкое робить по мѣстѣ шинковать и продавать невольно, але врадъ мѣстскій за прозбою и жонданьемъ ихъ таковыхъ выступныхъ, естли бы ся оказать и реместву ихъ перевазу явную чинить мѣли, маеть гамовать и таковымъ своволнымъ людямъ не маеть допущать тое роботы ихъ робить, и ихъ карать мають винами врадовыми, яко выступныхъ людей. Артыкулъ 15. Шапокъ мускихъ, невѣстьихъ, новыхъ, аксамитныхъ, едвабныхъ и конныхъ подшитыхъ футротъ и неподшитыхъ робить такъ тежъ и шатъ едвабныхъ и суконныхъ старихъ на шапки перешивать и переробливать и кравцы и иншіе вшелякіе реместники не мають, которіе до цеху ихъ шапочницкого не вписные, подъ срокгимъ караньемъ и подъ виною врадововою. Артыкулъ 16. Мистрове цеховые и товариши и учни ихъ у продаванью своихъ товаровъ ремесныхъ на рынку и на каждомъ мѣстцу одинъ другому перевазы чинити и купцовъ отбавляти и отзывати не мають, подъ винами вышейменоваными и описаными цеховыми и врадовыми. Артикулъ 17. Крамари и крамници Виленскіе шапокъ невѣстьихъ подшитыхъ и неподшитыхъ на крамахъ своихъ и на локтяхъ продавати не мають тыхъ, которіе бы отъ кого иншого куповать, або сами робить мѣли; але отъ реместниковъ цеховыхъ купивши, на зыскъ продавать маеть быть вольно. Артыкулъ 18. Тымъ же мистромъ цеховымъ до потшитья шапокъ музскихъ и женскихъ футра вшелакіе и бобри до шапокъ куповать вольно, такъ отъ гостей пріѣзджихъ, яко и отъ мѣщанъ только на роботу свою властную а не на перекупъ. Артыкулъ 19. Гости, купцы, купчики пріѣздчые до мѣста Виленского суконъ сермяжныхъ и полотна по возомъ на ринку шинковати не мають, але на

господѣ съ комори продавати и шинковать на локоть фунтомъ, вагою, ... альбо хто жъ кольвекъ домовое роботы сукна або полотна до мѣста Виленского привезъ, то вольно имъ на ринку зъ воза продавати и шинковати на локоть. Артыкулъ 20. Старостове рочные и вся братья цеховая каждый самъ отъ себе маеть того съ пильностью дозирать, абы братъ который цеховый мѣстскій .... и суконъ сермяжныхъ въ купцовъ пріѣждчихъ не закуповалъ, але абы вся братья, ведлѣ премноженья, а звлаща люди вбогіе, хто кольвекъ што преможе ть, собѣ вольно купилъ, а естли бы то на которого мистра цехового было переведено и досвѣтчоно, естли бы хто перекуповалъ, таковый каждый маеть быть отъ враду мѣстского и отъ братьи цеховое каранъ винами вышей описаными. Артыкулъ 21. Естли бы которій братъ цеховый умеръ, теды, по смерти его, жонѣ его тое ремество съ товаришами и учнями вольно робить и живать только до року и до шести недѣль, а не далѣй, а потомъ маеть быти отъ враду отъ цеху ей то заборонено. Артыкулъ 22. Тежъ естли бы вдова пошла за мужъ за вдовца, або за товариша того жъ цеху и тотъ товаришъ естли бы не былъ уписный до цеху, тогды таковый товаришъ вдову, што вдову пойметь, вписного до скриньки цеховое маеть дать только двѣ копѣ грошей и право мѣстское принять, яко иншая братья. Артыкулъ 23. На похованье брата умерлого вся братья маеть быть обослана отъ старостъ рочныхъ, а естли бы которій братъ обосланій не былъ на поховавью брата вмерлого, таковый вины маеть дать до скриньки три гроши Литовскихъ. Артыкулъ 24. А ижъ въ тыхъ ремествахъ вся братья вписная есть послушенства до Церкви хрестіанского закону Греческого, тогды олтарь и богомольство свое и приходъ свой мають мѣти до церкви Светое Пречистое, на предмѣстью Виленскомъ на Росѣ, на которій олтарь и на иншіе потребы церковные и на попа, ведлѣ намовы и постановенья, которое межи собою вчинять, съ тое скриньки цеховое и братское мають накладати и давати, такъ тежъ и на шпиталь. Артыкулъ 25. А до потребъ господарскихъ и мѣстскихъ, кгды иншіе цехове мѣстскіе, ведлѣ порадковъ своихъ звыклыхъ, на потыканье его королевское милости въ поле, або на сторожу мѣстскую выходити будуть, тогды тотъ цехъ шапочницкій за цехомъ швецкимъ и зъ своимъ прапоромъ ходити и мѣстце мѣти мають. Артыкулъ 26. Каждый мистръ того цеху, которій ново мистромъ зостанеть, до року и до шести недѣль на тое ремество учня и товариша приймовать до себе не маеть, подъ виною цеховою полкопы грошей Литовскихъ; а по выштью року и шести недѣль, вольно ему на науку приняти одного учня и товариша тежъ одного и небольшъ, и то каждый мистръ кгды учня приймовать будеть, теды его по принятью до себе въ чотырохъ недѣляхъ маетъ дати до реестру цехового вписати, а больши въ себе надъ тою чотыри недѣли невписного не маетъ держати надъ виною двадцать грошей литовскихъ, а кгды ся учень въ того мистра вывчить, теды оповѣдного до скриньки цеховое тотъ учень маетъ дати шесть грошей. Артыкулъ 27., Естьли бы тежъ вдова по которомъ мистру цеховомъ зосталая пошла за товариша або за учня того жъ ремества и цеху и того ремества вживать хотѣли, тогды тотъ товаришъ або учень, што вдову пойметь, также яко и иншіе право мѣстское на рату-

ши принявши до скриньки цеховое чотыри копы грошей литовскихъ маетъ дати.—Артыкулъ 28. А сынове мистровскіе естьли бы по смерти отцовской, або и за живота отца своего оженившися, мистромъ цеховымъ зостать и на своемъ варстатѣ тое ремество робить которій съ нихъ хотѣлъ, теды до скриньки братское не маетъ большъ дать только дванадцать грошей Литовскихъ.—Артыкулъ 29. Тежъ естли бы которій мистръ цеховый або и товаришъ того жъ ремества и цеху, взгаржаючи братьею своею цеховою, а тыхъ артыкуловъ и всего цеху послушнымъ быти и до схажокъ цеховыхъ за обосланьемъ отъ старшихъ приходити не хотѣлъ, або естли бы покутне зъ дому подъ правомъ мѣстскимъ лежачого подъ присутъ замковый выпровадившися и бискупій и якій кольвекъ иншій, поддавшися ку шкодѣ того цеху ремество робить хотѣлъ, таковому каждому непослушному а упорному сь цеху маетъ быть заказано, абы жаденъ хлопецъ ани учень ани товаришъ у него не робилъ, и на ринку до торгованья не маетъ быть припущонъ и за помочью враду мѣстского маетъ быть грабенъ и каранъ седѣньемъ и виною, ведлѣ узнанья врадового. Артыкулъ 30. Естли бы тежъ которому брату цеховому албо комужъ кольвекъ потреба якая вказывала цехъ обослать, тогды за тое обосланье до скриньки братское не маетъ быти дано большъ только гроши три, а слугамъ цеховымъ, которіе обходить будуть, гроши два; а вѣдь же естли бы въ потребѣ якой кому жъ кольвекъ вынализокъ цеховый здалъ се быть неслушный, теды тотъ, хто цеху обосланья потребовалъ, маетъ ся съ тою справою, которую въ цеху мѣти будеть, отозвать на ратушу до пановъ бурмистровъ и радецъ и тамъ же на ратушу разсправу и розсудокъ отъ враду мѣстского собѣ одержать и приняти маеть. Артыкулъ 31. Тежъ на торгъ зъ речами або товаромъ продажнымъ каждый мистръ отъ себе не маетъ посылать хлопятъ, только по одному, и въ продажи тыхъ своихъ товаровъ, такъ тежъ и у пріймованью роботы и челяди або учневъ своихъ, одинъ другому не маетъ чинить жадное переказы и шкоды подъ виною цеховою полкопы грошей Литовскихъ.—Надъ то все тотъ цехъ пречоный съ тыхъ винъ цеховыхъ имъ иншихъ грошей, которіе до скриньки ихъ цеховое и братское приходити будуть, мають и повинни будуть, ку потребѣ и оздобѣ речи посполитое мѣстское, зброи и ручницы куповать и барвы и иншіе речи, цеху належачіе, справовать, и въ томъ же цеху и братствѣ своемъ ховать приспораючи и прибавляючи въ каждой рокъ ведлѣ премноженья цехового што быти можеть. Писанъ у Вильни. Лѣта отъ Нароженья Сына Божого Пана а Збавителя нашого тисеча пять сотъ осмдесятъ второго, въ четвергъ, четвертое недѣли по Великодню, мѣсеца Мая десятого дня. У того постановенья ихъ печать мѣста Виленского и подписъ руки писарское тыми словы: Иванъ Андреевичъ Куянъ, писаръ мѣста Виленского, властная рука. Которое постановенье и порядокъ цеху и братства сполного шапочницкого аксамитного и сукенного ремесла, ноговичницкого и серменжного, передъ нами покладаного и въ сесь нашъ привилей вписаного, мы, господарь, ни въ чомъ ненарушаючи, во всихъ пунктѣхъ и артыкулѣхъ при моцы оставили есмо, и симъ привилеемъ нашимъ то имъ вѣчне утвержаемъ. Ку тому тежъ просили насъ господаря вышейописаные подданые наши мѣщане цеху того сами и отъ всее иншое братьи своее, а-

быхмо имъ тую вольность, которая въ постановенью ихъ описано не было, прикладомъ иншихъ цеховъ, отъ насъ упривиліеваныхъ надали, ижъ бы имъ вь каждый рокъ чотыри разы празники свои, то есть первый на день Светого Юрья Вешнего, другій на день светого Яна, третій на день Нароженья Прочистое Светое, а четвертый на Громницы вольно мѣти и медъ розсытивши, водлугъ потребы братское, на каждое таковое свято по три дни тотъ медъ сытивши межи собою выпить, а воскъ зъ розсыченья того меду оборочати на свѣчи до церкви Светое Пречистое на Росѣ и тежъ на пaverseхованье умерлыхъ, и абы есмо ихъ отъ плаченья капщизны, чопового и отъ медницъ вызволили а тотъ домъ братства ихъ отъ стоянья всякого гостя вольнымъ учинили, ижъ бы они тымъ снаднѣй всякіе справы свои, братству ихъ належачіе, безъ перекавы справовати могли. Въ чомъ мы, господарь, прозбу ихъ видечи быть слушную, позволили есмо и симъ привильемъ нашимъ вольность имъ даемъ, ижъ они маютъ въ каждый годъ по чотыры разы на празники вышейпомененые ку потребѣ братству медъ сытити, и на каждое таковое свято медъ розсытивши по три дни межи собою пити и воскъ зъ розсыченья таковаго меду маютъ оборочать на свѣчи до Светое Пречистое на Росѣ, и тежъ на похованье умерлыхъ, отъ которого розсыченья меду на празники менованые не маютъ они капщизны, чопового и отъ медницы давати и платити не будуть повинни вѣчными часы, а особливе тотъ домъ братскій, лежачій на Росѣ, недалеко отъ церкви Светое Пречистое на предмѣстью подлѣ дому Хомы Роского, до которого се они въ потребахъ братскихъ сходять и празники мѣвають, отъ станья всякихъ гостей, такъ при бытности нашой господарской въ тутошнемъ мѣстѣ Виленскомъ, яко и безъ бытности нашое, вольнымъ чинимъ и вѣчне симъ привильемъ нашимъ вызволяемъ и на твердость тыхъ всихъ речей и вольностей, тому цеху и братству шапочницкому, сермяжницкому и ноговичницкому отъ насъ имъ наданого, дали есмо сесь нашъ привилей съ подписомъ руки нашое господарское, до которого и печать нашу привѣсити есмо велѣли. Писанъ у Вильни. Лѣта Божьего нароженья 1582, мѣсеца Мая 21 дня. Въ того привилею подпись руки его королевской милости Латинскими словы есть написано: Stephanus Rex, и подписъ руки писара его королевской милости Рускими словы: Венцлавъ Агрипа, писаръ. А по вписанью того привилея его королевской милости до книгъ врадовыхъ вышейпомененому цеху шапочницкому, сермяжницкому и ноговичницкому выданъ есть.

Внизу видны слѣды печати. Писанъ на пергаминѣ большаго формата. Хранится въ библіотекѣ Литовской Духовной Семинаріи.

58.

1584 Сентября 24. Донесеніе вознаго Ошмянскому суду о томъ, какъ онъ исполнилъ рѣшеніе сельской копы по дѣлу о потравѣ овса у помѣщика Адама Амбросьева скотомъ помѣщика Матвея Болтромеевича.

Я, Щепанъ Матеевичъ Ромашко, возный повѣту Ошменского. Сознаваю симъ моимъ вызнаньемъ, ижъ въ року теперешнемъ тысеча пятьсотъ осмдесятъ четвертомъ, мѣсеца Сентебра двадцать четвертого дня, за прозбою земенина господарского, повѣту Ошменского, Адама Амброжеевича, былъ я, возный, для окопанья шкоды въ збожью, въ овсѣ его, которую передо мною возным менилъ быти сталую испасвеную всвиньями и иншимъ быдломъ отъ земенина господарского повѣту Ошменского Матея Болтромеевича, съ которого того овса подравленого, врочищомъ зъ нивы Ликутенятахъ, дня верхуписаного мѣсеца Сентебря двадцать четвертого дня, онъ, Адамъ, подлѣ обычаю права, занявшы двухъ воловъ его, Матея Балтромеевича, шерстью рыжыхъ, зъ испаси овса его, и скоро занявшы тогожъ часу за-разомъ черезъ мене возного и сторону людей добрыхъ шляхту обослалъ его Матея, даючи ему вѣдать, ижъ его два волы зъ шкоды зъ испаси заняты суть зъ овса его, абы на копу зъ овса того шолъ, и тые волы въ шкодѣ на паруку до заплаченья взялъ. То пакъ онъ Матей Болтромеевичъ, зацытаньемъ и мовеньемъ Адамовымъ, передо мною возным и стороною въ дому своемъ повѣдилъ, ижъ тыхъ воловъ яко на паруку не беру, такъ и на копу не пойду, копайте дей сами и безъ мене. А потомъ я возный и зъ стороною людьми добрыми шляхтою до тое шкоды испаси овса Адамового прїѣхали, у которомъ овсѣ томъ испаси всее огледавшы и ее обышодшы гораздъ, накопала сторона при мнѣ возномъ Адаму Амброжеевичу на Матею Болтромеевичу овса копъ деветнатцать, въ которой той шкодѣ присудили сторона при мнѣ возномъ Адаму Амброжеевичу, ошацовавшы каждую копу овса водлугъ статуту, одного вола шерстью рыжого до заплаченья, и рокъ заплатѣ зложыли водлугъ статуту до Божего Нароженья, водлугъ нового календару, въ року теперешнемъ осмдесятъ четвертомъ, которого если бы не окупилъ до того року, волно будеть его Адаму на свой пожитокъ обернути, гдѣ хотя; а другого вола шерстью рижого, черезъ мене возного и сторону, до дому Матеева отогналъ и ему самому Матею отдалъ, которого Матей Болтромеевичъ пры мнѣ возномъ прынялъ, а о той шкодѣ, Адаму присуженой, ему Матею справу далъ, абы вѣдалъ и на паруку вола похочеть ли, взялъ. На штомъ далъ той мой копный квитъ подъ печатью моею власною и съ подписью руки моей власной. Писанъ у Сипелевскомъ. Року тысеча пятьсотъ осмдесятъ четвертомъ, мѣсеца Сентебра двадцать четвертого дня. Утого квиту печать притиснена и подпись руки возного по руску тыми словы: Щепанъ Матеевичъ Ромашко, рукою своею.

Документъ этотъ напечатанъ по выписи изъ земскихъ Ошмянскихъ книгъ. Хранится тамъ же.

59.

1588 г. Декабря 13. Увязчій (вводный) листъ дворянина Годебскаго епископу Полотскому Аѳанасію Терлецкому, на владѣніе имѣніями архіепископіи, съ инвентаремъ.

I. Я, Ѳедоръ Кгодебскій, дворянинъ его королевское милости, сознаваю тымъ моимъ увяждчымъ листомъ, ижъ, за посланьемъ и листовнымъ росказаньемъ его королевское милости пана моего милостивого, на поданье имѣней, добръ владычеству Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому належачыхъ, велебному въ Бозѣ его милости Архіепископу владыцѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому киръ Афтанасію Терлецкому, за даниною оному отъ короля его милости, тогды въ року теперешнемъ тисяча пятьсотъ осмъдесятъ осмомъ, мѣсеца Декабря третего дня, будучы мнѣ тутъ у Полоцку, въ замку вышнемъ Полоцкомъ, у дому намѣстника Полоцкого, пана Якуба Семашка, пры отправованью на онъ часъ рочковъ кгродскихъ, а маючы пры собѣ возного земли Полоцькое, именемъ Деменьтея Прокоповича, отъ тогожъ пана Якуба Семашка, намѣстника Полоцького, зъ ураду прыданого, и сторону шляхту людей добрыхъ, и напервѣй показываломъ передъ паномъ намѣстникомъ и передъ немало людьми добрыми шляхтою, обывательми воеводства Полоцького, которые на тотъ часъ при врадѣ были, прывилей данину его королевское милости, на тую архіепископію Полоцькую верхопомененому его милости архіепископу даный. Показываломъ тежъ два листы его королевское милости, то естъ: одинъ листъ до всихъ обывателей воеводства Полоцького, а другій листъ до его милости пана воеводы Полоцького писаные, въ которыхъ писати его королевская милость росказати рачылъ, абы такъ ихъ милость, панове обыватели земли Полоцькое, яко тежъ и его милость панъ воевода, о томъ вѣдаючы воли его королевское милости, въ томъ противни не были. Подаломъ тежъ до пана намѣстника листъ отворыстый отъ его милости пана воеводы Полоцького до него писаный, въ которомъ его милость писать росказати рачылъ, абы онъ вси имѣнья и пожитки, владычеству Полоцькому належачые, такъ, яко то зошлый архіепископъ Полоцькій, небожчыкъ отецъ Ѳеофанъ Богданъ держалъ, черезъ мене, посланца его королевское милости, тому архіепископу теперешнему отцу Афтанасію Терлецкому въ моцъ и вжыванье подавати не забораняль. Которые листы его королевское милости передъ урадомъ и передъ всими паны шляхтою, которые на онъ часъ были, чытаны. А по прочытанью тыхъ листовъ, панъ намѣстникъ, не хотечы на онъ часъ чытать вслухъ передъ всими людьми листу пана воеводиного, до него писаного, взявшы его отъ мене, до дня третего на отказъ мнѣ съ того листу, то естъ, сегожъ мѣсеца Декабря пятого дня, отложылъ. Вѣдь же я домагаломъ ся того, абы тотъ листъ его милости пана воединъ до книгъ кгродскихъ Полоцькихъ слова отъ слова вписанъ, а мнѣ выписъ съ книгъ выданъ былъ. На што панъ намѣстникъ позволившы, тотъ листъ до книгъ кгродскихъ вписати казалъ, а мнѣ выписъ подъ печатью его и съ подписомъ руки писара кгродского Полоцького, пана Миколая Подборского, одъ нихъ выданъ естъ. И кгды тотъ пятый день мѣсеца Декабря прыпалъ, тогды панъ намѣстникъ, не

кончечы тое справы со мною, зложылъ ми еще рокъ до дня третего, сего мѣсеца Декабра семого дня, давшы того прычыну, же дей безъ ознайменья ихъ милости пановъ шляхты, а меновите пану Есифу и пану Андрею.... Рыпиньскимъ, сыномъ владыки зошлого Полоцького, и иншымъ паномъ шляхтѣ, которые сполне со мною церковъ Светое Софеи печатовали: отказу и становенья скутечного, вашмостю пане Кгодебскій, чынити не могу, а такъ будь дей вашмость до того дня терпливымъ. А кгды тотъ день семый мѣсеца Декабра прыпалъ, домагаломъ ся у пана намѣстника, абы имѣнья и вси добра, къ владычеству Полоцькому прыслухаючые, въ воеводствѣ Полоцькомъ лежачые, тому, кому то належыть, черезъ мене подаваны были, и абы се онъ водлугъ листу его милости пана воеводиного заховуючы, воли его королевское милости ни въ чомъ противенъ не былъ. На то панъ намѣстникъ повѣдилъ: готовъ дей есми росказанью его милости пана моего досить чынити, ино же дей перьвѣй вашмость озми отъ мене зъ завѣданья церковъ Светое Софеи зъ скарбами церковными, тутъ у замку вышнемъ Полоцкомъ, тогды дей и вси имѣнья, владыцѣ належачые, вашмость подавати будешъ. А ямъ, ему на то отказъ чинечы, повѣдилъ тыми словы: кгды отецъ владыка не будеть мѣть за поданьемъ отъ мене имѣней, съ которыхъ бы сторожа, водлугъ давного звычаю, той церкви зъ скарбами, которыхъ, яко маю вѣдомость, же естъ много, быти мѣла, тогды нельза ми се то важить, абыхъ первѣй церковъ отъ вашмостя взялъ, а потомъ имѣнья; але нехай поѣду по тыхъ имѣньяхъ, подаючы ихъ его милости архіепископу, тамъ же взявшы певную вѣдомость о той сторожы, съ которого села передъ тымъ до тое церкви належала, тогды, взявшы сторожовъ, а оттуль (*)........ Светое Софеи зъ скарбами зъ завѣданья отъ вашмостя вземшы, его милости архіепископу самому, або умоцованому его милости, подамъ; якожъ панъ намѣстникъ напервѣй самъ черезъ себе подалъ мнѣ дворъ владычный, въ замку вышнемъ Полоцкомъ, пры церкви Светое Софеи, который я зъ владзы пана намѣстниковой взявшы, будованье въ немъ на особливый реестръ списалъ есми; а потомъ, прыдавшы мнѣ панъ намѣстникъ служебника своего Яна Миколаевича и того жъ возного Деменьтея Прокоповича зъ ураду, до тыхъ имѣней ѣхати и его милости архіепископу самому, або умоцованому его милости, подавати позволилъ. А такъ я, заховуючыся водлугъ воли и листовного росказанья его королевское милости, а маючы пры собѣ того возного повѣтового зъ служебникомъ пана намѣстниковымъ, а земянина господарьского воеводства Полоцького пана Семашка Яцьковича Телицу, и наперьвѣй въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ, мѣсеца Декабра осмого дня, у Четьвергъ, прыѣхавшы до фольварку владычнего, до двора, называемого Струненьского, у мили отъ Полоцка лежачого, будованье въ немъ все и подданыхъ меновите, также шкоды,........ раду Полоцкого, по зостью небожчыка владыки починеные, на особливый реестръ по достатку списалъ и сыну его милости архіепископа Полоцького, пану Богдану Терлецкому, за моцъю, ему отъ отца его даною, въ моцъ подалъ есми. А потомъ на завтрѣе у Пятницу, сего-жъ мѣсеца Декабра девятого дня, прыѣхавшы мнѣ до другого села владычнего, называемого Усвицы, подданыхъ всихъ

(*) „Звернувши и тую церьковъ". Въ текстѣ выблекли чернила.

меновите и шкоды ихъ на тотъ же реестръ списалъ и тому пану Богдану Терлецькому подалъ есми. Того-жъ дня прыѣхавшы мнѣ до фольварку владычнего, называемого Теньченьского, а маючы пры собѣ того-жъ возного съ служебникомъ пана намѣстниковымъ и вжо двухъ шляхтичовъ, то естъ: земянина господарьского воеводства Полоцького пана Григорья Шышку и того-жъ пана Семашка Телицу, будованье въ немъ все и подданыхъ меновите, также шкоды ихъ, на тотъ же реестръ списавшы, тому-жъ умоцованому подалъ есми; вѣдь же тамъ у дворцы на Тетчы обачывшы не мало людей, зачынивсешы ся имъ у свѣтлоцѣ, и послаломъ того возного и тыхъ двухъ шляхтичовъ, довѣдываючы се о тыхъ людехъ, для чого тутъ, у тотъ дворецъ зъѣхавшы се, прыбываютъ, а и впоминаючы тежъ оныхъ, абы вжо съ того дворца владычнего прочъ ѣхали, кгды-жъ вжо тотъ дворецъ его милости отцу владыцѣ Полоцькому подаломъ; которые, за наупомненьемъ возного, повѣдилъ одинъ зъ нихъ до возного, иже-мъ я естъ урядникъ Червяцкій Станиславъ Мерла, и за росказаньемъ его милости пана намѣстника Полоцького, пана Якуба Семашка, и пана Миколая Подборского, писара кгродского Полоцького, увезанья въ тотъ дворецъ бороню и не поступуе, а ижъ вжо тотъ дворецъ и люди списавшы на инвентаръ, подалемъ, а никто ми не боронилъ. . . . . . то и самъ я мовилъ до нихъ, абы вжо тому дворцу Течьчы дали покой и съ тое свѣтлицы абы прочъ шли. А они тежъ, оповѣдавшы се возному и сторонѣ, вышедшы съ свѣтлицы, съ того дворца прочъ отъѣхали. А на третій день, того-жъ мѣсеца Декабра десятого дня, у Суботу, съ тымъ вознымъ и зъ стороною шляхтою верхопомененою, пры служебнику пана намѣстниковомъ, прыѣхавшы мнѣ до четвертого села владычнего, называемого Завечелья, подданыхъ всихъ меновите и шкоды ихъ на тотъ же реестръ списавшы, тому умоцованому подалъ есми, а того подаванья тыхъ фольварковъ и селъ, меновите Струньни зъ населицами и зо всими прылеглостями, Течьча, Усвицы и Завечелья мнѣ на онъ часъ нихто не боронилъ. Того-жъ дня прыѣхавшы мнѣ и до пятого села владычнего, называемого Долецъ Великихъ и Весницка, тамъ служебникъ пана Ленарта Чарнавского, служебника его милости пана воеводы Полоцького, Станиславъ Боровскій, показавшы листъ отворыстый отъ пана своего, до него писаный, а маючы пры собѣ многихъ козаковъ Полоцькихъ съ розными бронями, до бою належачыми, именемъ пана своего мнѣ, посланцу короля его милости, спротивился и тыхъ селъ верхопомененыхъ умоцованому архіепископа Полоцкого подавати и подданыхъ на реестръ списовати мнѣ не допустилъ; завинившы тымъ подданымъ подъ стома копами грошей на пана воеводу Полоцкого, срокго имъ грозилъ, абы мене, также и того, кому бымъ ихъ подавати мѣлъ, послушни не были, повѣдаючи, же дей панъ мой мнѣ тыхъ селъ, которые я отъ него въ завѣданью своемъ маю, до горла боронити казалъ, и такъ дей того боронити буду. А затымъ я, освѣтчывшыся тымъ вознымъ и стороною шляхтою, людьми добрыми верхопоменеными, прочъ есми оттуль отъѣхалъ. А назавтрее у Недѣлю, сего-жъ мѣсеца Декабра одинадцатого дня, прыѣхавшы мнѣ до шостого имѣнья владычнего, называемого мѣстечка Вороничa, тамъ забѣгшы тотъ же верхопомененый Станиславъ Боровскій, тыми жъ словы именемъ пана своего мнѣ противилъ се и того имѣнья Воронича

умоцованому архіепископа Полоцького подавати и подданыхъ списывати мнѣ не допустилъ, завинившы тымъ подданымъ подъ тисечма копами грошей на пана воеводу Полоцкого, сроюго имъ грозилъ, абы мене и того, кому бымъ ихъ подавати мѣлъ, послушни не были, и повѣдилъ, ижъ дей и того имѣнья зъ росказанья пана моего моцно боронити буду. Яко жъ я оттуль, освѣтчывшыся возным и стороною шляхтою, людьми добрыми верхопоменеными, прочъ есми отъѣхалъ. Того-жъ дня, прыѣхавши мнѣ до семого села владычнего, называемого Уличъ, тамъ забѣгши тотъ же Станиславъ Боровскій, тыми жъ словы мовилъ и именемъ пана своего мнѣ спротивилъ се и того села Улича умоцованому архіепископа Полоцкого подавати и подданыхъ списывати мнѣ не допустилъ и повѣдилъ: не задавай дей вашмость, пане Кгодебскій, собѣ трудности и працы, абысь мѣлъ ѣздити до тыхъ селъ владычнихъ, менoвите до Бѣлого, до Каменя Хоробрoва, до Крынокъ, до Деготокъ, до Оходна и до Званого, бо дей конечне маючы росказанье пана своего, тыхъ всихъ селъ моцно бороню и боронити буду. Што все я тымъ возным и стороною шляхтою, людьми добрыми, освѣтчалъ. А ижъ я взяломъ того певную вѣдомость, же сторожа до церкви Светое Софеи зъ села Дольца и Весницка, которыхъ мнѣ подавати не допущоно и спротивено се, передъ тымъ здавна належала, съ тыхъ прычынъ, не маюцы певное сторожы до тое церкви зъ скарбами, на сей часъ зъ завѣданья пана намѣстникового брати и ее отпечатовати, такъ-же скарбовъ списовати, важыти ся не смѣлъ есми. А потомъ, прыѣхавшы мнѣ тутъ до Полоцка, року теперешнего осмдесятъ осмого, сего мѣсеца Декабра дванадцатого дня, у Понедѣлокъ, ходиломъ съ тымъ же возным и съ тою стороною, людьми добрыми вышейпоменеными, до ратуша мѣста Полоцкого. Тамъ же кгды панъ Дмитръ Добрынскій, лентвойтъ Полоцкій, посполъ зъ бурмистрами, райцами и лавниками мѣста Полоцкого, яко дня судового на справахъ мѣстца свои засѣли, тогды, показавши я передъ ними листъ его королевское милости, пана моего милостивого, до мене писаный, домагаломъ ся, повѣдаючы тыми словы, ижъ маю того вѣдомость, же архіепископъ зошлый Полоцкій, отецъ Өеофанъ Богданъ, мѣлъ пляцы свои тутъ у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ у Плиговкахъ, на которыхъ пляцахъ люди побудовавшы се мѣшкають и повинность всякую зошлому владыцѣ полнивали; а такъ, хотечы я и то зъ рамени его королевское милости теперешнему архіепископу Полоцкому, его милости отцу Афтанасію Терлецкому, водлугъ листу его королевское милости, до мене писаного, подать; напоминаю и прошу васъ, абысте зъ владзы враду вашого тымъ мѣщаномъ всимъ передо мною стати казали, абымъ ихъ на реестръ списалъ и тому, кому то належить, подалъ. Тогды панъ лентвойтъ, обмовившы се зо всею радою мѣстскою, на тые слова мои отказъ чинечы, повѣдилъ тыми словы: не есть дей то у вѣдомости нашой, абы отецъ владыка зошлый мѣщане свои и пляцы тутъ у мѣстѣ Полоцькомъ на посадѣ Великомъ у Плиговкахъ за живота своего мѣти мѣлъ; про то дей и теперь уступовать вашмостю не маемъ чого, бо дей не естъ есмо мощни мѣщанъ короля его милости ни............ заводить, але дей его королевская милость, вольно хотя и по.........., мѣста Полоцкого кому хотечы отдать. Затымъ освѣтчывшыся я возным и стороною, людьми добрыми, прочъ есми зъ

ратуша отпюсъ. А тотъ привилей и листы короля его милости до пановъ шляхты, обывателей земли Полоцкое, до его милости пана воеводы Полоцького и до мене дворанина господарского писаные, для подпору права его милости архіепископу Полоцькому, до рукъ сына его милости, верхопомененого пана Богдана Терлецького, отдалъ есми. И на томъ его милости отцу Аѳтанасію Терлецькому, архіепископу Полоцькому, черезъ сына его милости пана Богдана Терлецького, далъ сесь мой увязчый листъ, подъ моею печатью и подписомъ властное руки моее, такъ же подъ печатьми и подъ написаньемъ рукъ властныхъ возного повѣтового Деменьтея Прокоповича и тыхъ пановъ шляхты, которые въ той справѣ при мнѣ были и того суть добре свѣдоми, то естъ: пана Грыгорья Шышки и пана Семашка Телицы. Писанъ у Полоцку. Лѣта по Нароженью Сына Божего тисеча пятьсотъ осмдесятъ осмого, мѣсеца Декабра трынадцатого дня, водлугъ нового календару.

Подписи сдѣланы по руски. Телица подписался красивою вязью. Печати истерлись. Доставленъ о. Юркевичемъ. Писанъ на двухъ листахъ. Весьма ветхъ.

II. Реестръ, альбо инвентаръ списанья добръ именей и селъ, владычеству Полоцкому прислухаючыхъ, у земли Полоцкой лежачихъ, которые я Ѳедоръ Кгодебскій, дворянинъ его королевское милости, велебному въ Бозѣ его милости архіепископу владыцѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому, киръ Аѳтанасію Терлецкому, въ моцъ подалъ есми року теперешнего 1588, мѣсеца Декабра, розными днями.

То естъ наперьвѣй дворъ владычній въ замку вышнемъ Полоцкомъ. Въ немъ будованья: свѣтлицы двѣ на подклѣтахъ напротивко себе, одна съ коморою, межы ними сѣнь, свѣтлица поземная, изба напротивко, межы ними сѣнь, свѣтлица на подъизбицы, напротивко клѣть на подклѣтѣ, межы ними сѣнь, спижарня на пивницы, стайня, броваръ старый, лазня, клѣточка малая.

Ку тому двору замковому фольварокъ у мили отъ Полоцка, прозываемый на Струньни. Въ немъ будованье: свѣтлицы двѣ съ комoрами напротивко себе, одна съ печью, а другая безъ печы, межы ними сѣнь непокрытая, изба челядная зъ сѣньми, одрына фоespecialmente форостеная, соломою покрытая, у гумнѣ осѣть одна. Въ томъ фольварку и въ гумнѣ збожья ни якого молочоного и не молочоного и на поляхъ засѣяного, также ни якое маетности, коней и быдла въ оборѣ нѣтъ ничого.

Церковь передъ дворомъ новопостановленая, заложенья Светого Пророка Ильи.

Подданые прыхожыя, до того фольварку прыслухаючые, меновите на поселицахъ: старецъ Васко Якимовичъ— дымъ 1, Стасъ Михновичъ — дымъ 1, Петръ Яновичъ—дымъ 1, Савиная вдова, именемъ Овдотья—дымъ 1, Андрей съ Хары(то)номъ—дымъ 1, подданый церковный Иванъ Безносичъ—дымъ 1, Андрей Ильиничъ Барверъ— дымъ 1, Бояринъ на Бѣлѣ Водѣ, Иванъ Грышковичъ—дымъ 1.

Повинность съ тыхъ подданыхъ за рокъ теперешній осмдесятъ осмый, мѣсеца Августа одинадцатаго дня, черезъ врадника зошлого архіепископа Полоцкого отца Ѳеофана Богдана, черезъ Илью Туковича, выбраная, то естъ: старецъ Васко Якимовичъ далъ грошей копъ 2, Стасъ Михновичъ далъ грошей копу 1, Петръ Яновичъ далъ грошей копу 1, Савиная вдова, именемъ Овдотья, дала грошей копу 1, Андрей съ Харытономъ дали грошей копу 1; чынить грошей копъ шесть.

По смерти отца владыки зошлого Феофана Богдана, намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко съ тыхъ же подданыхъ взялъ, то есть: у старца Васка Якимовича грошей копъ 3, у Стася Михновича взялъ грошей копъ 2, у Петра Яновича взялъ грошей копъ 2, у Савиное удовы грошей копъ 2, у Андрея и въ Харытона грошей копъ 2; чынить грошей копъ одинадцать.

А надто надъ повинность тыхъ подданыхъ, служебникъ пана Ленарта Чарнавского, Станиславъ Боровскій, прымушаючы ихъ до роботы незвыклое, о шкоду прыправовалъ, то есть, черезъ шесть недѣль наймуючы роботниковъ, на кождую недѣлю по десети грошей даючы, на роботу до него посылали, въ чомъ они, кождый зъ нихъ, шкодують собѣ по копѣ грошей Литовскихъ; чынить грошей копъ пять.

Фольварокъ на Тетъчы: въ немъ будованья, то есть: свѣтлица новая зъ сѣньми, свѣтлочокъ старыхъ также зъ сѣньми двѣ, одна безъ печы; клѣтей старыхъ двѣ; изба челядная зъ сѣньми непокрытыми; стайня безъ воротъ, соломою покрытая; лазня; гумно, въ которомъ будованья большъ нѣтъ; только осѣтъ одна. Въ томъ фольварку и въ гумнѣ збожья ни якого молочоного и не молочоного и на поляхъ засѣяного, также ни якое маетности, коней и быдла въ оборѣ нѣтъ ничого.

Церковъ передъ дворомъ заложенья Светого пророка Ильи; въ ней книгъ розныхъ личбою семъ; евангеліе серебромъ оправное, позлотисто.

По смерти отца владыки зошлого въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ зостало збожья пашни дворное у гумнѣ не молочоного, то есть: жыта копъ двадцать, пшеницы копъ полтрети, ярицы копъ тры, ечменю копъ полторы, овса полкопы. Съ того вымолочоно, за росказаньемъ пана намѣстниковымъ, жыта бочокъ Полоцкихъ десеть, пшеницы осминокъ пять, ярицы бочка одна, ечменю осминокъ чотыри.

Подданые прыхожые, ку тому фольварку прислухаючые: Старецъ, на име Охромей Демидовичъ Краско — дымъ 1, Андрей Олексѣевичъ—дымъ 1, Лаврынъ Юрьковичъ — дымъ 1, Ходоръ Семеновичъ — дымъ 1, Васко Семеновичъ — дымъ — 1, Ониско Готовчичъ— дымъ 1, Софронъ Бородавичъ—дымъ 1, Нестеръ Антиповичъ Бурый — дымъ 1, Олексѣй Петровичъ — дымъ 1, Карпъ Семеновичъ — дымъ 1, Иванъ Яковлевичъ — дымъ 1, Иванъ Шершневичъ — дымъ 1, Матѳей Ивановичъ Сопко—дымъ 1, Матѳей Ламачъ—дымъ 1, Бирна Латышъ—дымъ 1, Янко Белышевичъ — дымъ 1, Янко на Веркудѣ — дымъ 1, Курыло на Веркудѣ — дымъ 1, Никипоръ Провада—огородникъ 1.

Повиность съ тыхъ подданыхъ намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко, черезъ служебника своего Ивана Поповку, выбралъ, то есть, зо всего села огуломъ взялъ доли мѣрою Полоцкою зо всякого збожа, а меновите: Жита бочокъ 23. Ярицы бочокъ 9 и полъ. Пшеницы бочокъ 5. Ечменю бочокъ 7 и полъ. Гречихи бочокъ 5. Гороху бочка 1 и осминокъ 5. Конопель сѣменныхъ бочка 1.

Всего того збожья чинить бочокъ сорокъ семъ и осминокъ двѣ, которое все збожье, такъ пашни дворное, яко и дольное, панъ намѣстникъ, нѣтъ вѣдома, гдѣ обернулъ.

Ку тому фолварку Тетченскому село Усвица; въ немъ люди прихожые, меновите: Старецъ, на име Васко Ивановичъ Плѣшко—дымъ 1, Карпъ Тимоѳеевичъ — дымъ 1, Грыдько Ивановичъ Плѣшко — дымъ 1, Купрыянъ Омельяновичъ—дымъ 1, Охромей Марковичъ—

дымъ 1, Конашъ Ивановичъ — дымъ 1, Кононъ Климятичъ—дымъ 1, ДенисъНаумовичъ—дымъ1, Яковъ Левоновичъ Тараль — дымъ 1, Иванъ Левоновичъ Тараль—дымъ 1.

Повинность съ тыхъ подданыхъ за рокъ теперешній осмдесятъ осмый черезъ пана Марка Рыпинского, сына отца Владыки зошлого, еще пры животѣ отца его выбраная, то есть: у Старца Васка Ивановича Плѣшка взялъ грошей 80, у Карпа Тимоѳеевича взялъ грошей копъ 2 и грошей 10, у Грыдька Ивановича Плѣшка взялъ грошей копъ 2, у Купрыяна Омельяновича взялъ грошей 50, у Охромея Марковича взялъ грошей копъ 2, у Конаша Ивановича взялъ грошей 100, у Дениса Наумовича взялъ грошей копу 1, у Якова Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы, у Ивана Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы; сумою чынить грошей копъ четырнадцать.

По смерти небожчыка отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко знову съ тыхъ подданыхъ повинность въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ выбиралъ, а меновите: у старца Васка Ивановича Плѣшка взялъ грошей 80, у Карпа Тимоѳеевича взялъ грошей копъ 2 и грошей 10, у Грыдька Ивановича Плѣшка взялъ грошей копъ 2, у Купрыяна Омельяновича взялъ грошей 50, у Охромея Марковича взялъ грошей копъ 2, у Конаша Ивановича взялъ грошей 100, у Конона Климятинича взялъ грошей 24, у Дениса Наумовича взялъ грошей копу 1, у Якова Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы, у Ивана Леоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы; сумою чынить грошей копъ четырнадцать и грошей 24.

Иванъ Ларыоновичъ Поповка, прыѣхавши до села Усвицы, свовольне взялъ на тыхъ подданыхъ верхопомененыхъ зо всего села напервѣй грошей 72, жита мѣры Полоцкихъ—2, а въ тотъ часъ жито куповано въ торгу по сороку грошей; ечменю — полмѣры, который на тотъ часъ куповано мѣру по двадцать чотыры гроши; куровъ — 20, а самаго Васка Плѣшка безвинне до везенья у ланцугъ сажалъ, и зособна взялъ на немъ грошей 53.

Ку тому жъ двору Тетченскому село Завечелье; подданые того села, меновите: старецъ Сидоръ Ивановичъ — дымъ 1, Лука Кузминичъ—дымъ 1, Васко Даниловичъ—дымъ 1, Конош Карниловичъ — дымъ 1, Пилипъ Сопроновичъ—дымъ 1, Иванъ Купрыяновичъ—дымъ 1, Трухонъ Юдиничъ — дымъ 1, Иванъ Довыдовичъ — дымъ 1, Сидоръ Ходоровичъ—дымь 1, Демешко Ходоровичъ—дымъ 1, Грышко Корниловичъ—дымъ 1, Омельянъ Кононовичъ—дымъ 1, Карпъ Наплѣхъ—дымъ 1.

По смерти отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, въ року теперешнемъ осмдесять осмомъ, намѣстникъ Полоцкій Якубъ Семашка повинность съ тыхъ подданыхъ выбралъ; огуломъ зо всего села взялъ доли четвертое зо всякого збожья мѣрою Полоцкою, то естъ: . . . . .

Шкоды тыхъ подданыхъ: напервѣй выбранье серебщызны: взялъ панъ намѣстникъ зо всего того села отъ сохъ семнадцати по грошей трынадцати и по два пѣнези; того сумою чынить грошей копъ тры и грошей сорокъ чотыры, пѣнязи чотыры.

А потомъ — въ тый день съ тыхъ же подданыхъ, вмѣсто сторожовщызны, надъ звычай и повиность стародавную, взялъ грошей копъ двѣ и грошей чотыры; у старца Сидора Ивановича а у Луки Кузминича взялъ невинне овса бочки тры.

Церкви у Полоцку.

Церковъ соборная Светое Софѣи въ замку вышнемъ Полоцкомъ.

Добра, на прыдѣлы въ той церкви наданые:

къ прыдѣлу Светое Тройцы село въ Замшанѣхъ, наданое отъ великого князя Полоцкого Андрея; человѣки тры передъ тымъ было;—

къ тому-жъ прыдѣлу село на Вшачы, наданное отъ великого князя Полоцкого Семена; въ томъ селѣ передъ тымъ было чоловѣковъ пять;—

къ тому-жъ прыдѣлу у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ было передъ тымъ дворищъ семъ, на которыхъ мѣщане мѣшкаючы, попу поземъ плачивали;—

ку придѣлу Всихъ Светыхъ село у Кушликахъ, наданье землнъ Полоцкихъ пановъ Корсаковъ; въ томъ селѣ передъ тымъ было чоловѣковъ семнадцать.

Церковъ Светого Спаса у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ.

Церковъ на томъ же посадѣ Рожества Христова. Къ той церкви село на Рожтовскомъ, чоловѣковъ чотырнадцать, огородникъ одинъ; тое село на низъ рѣки Двины.

Церковъ Светого Козмы-Демъяна заложенья, въ мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ за Полотою.

Ку той церкви, водлугъ давного наданья, теперешній священникъ Давидъ Петровичъ держить село на Начы, въ которомъ передъ тымъ было чоловѣковъ шесть; а иншое езоитомъ отдано.

Што тежъ, водлугъ писанья его королевское милости и тежъ водлугъ писанья его милости пана воеводы Полоцкого, упоминаломъ ся у пана Якуба Семашка намѣстника Полоцкого, абы вси доходы за рокъ теперешній осмдесятъ осмый зъ имѣней владычнихъ, за вѣдомостью его выбраные. черезъ мене его милости архіепископу Полоцкому отдалъ; на то панъ намѣстникъ повѣдилъ, ижъ то все, штокольвекъ зъ имѣней владычнихъ выбралъ, до пана воеводы Полоцкого, пана своего, отослалъ.

А при томъ подаваню тыхъ имѣней былъ на онъ часъ при мнѣ возный воеводства Полоцкого Дементей Прокоповичъ, отъ пана намѣстника зъ уряду прыданый; у фольварку Струньяи и въ селѣ Усвицы былъ тежъ при мнѣ землнинъ господарскій воеводства Полоцкого панъ Семашко Телица; а у фольварку Тетчы и въ селѣ Завечелью были вжо при мнѣ съ тымъ вознымъ два шляхтичы: землнинъ господарскій того жъ воеводства Полоцкого панъ Григорей Шишка и тотъ же панъ Семашко Телица. Которого подаванья черезъ мене тыхъ добръ верхопомененыхъ, владычеству Полоцкому належачыхъ, на сесь реестръ все меновите и по достатку списавшы, его милости архіепископу Полоцкому кирь Афтанасію Терлецкому, черезъ сына его милости пана Богдана Терлецкого, подъ печатью и съ подписомъ руки моее властное, также подъ печатьми и подъ написаньемъ рукъ властныхъ того возного и тыхъ пановъ шляхты верхопомененыхъ, далъ есми. Писанъ у Полоцку. Лѣта по Нароженью Хрыста Сына Божьего 1588, мѣсеца Декабря 13 дня.

Подписи: Ѳедоръ Ивановичъ Кгодебскій, дворенинъ его королевской милости, властною рукою подписалъ. Дементей Прокоповичъ, возный, рукою властною. Семашекъ Телица, рукою властною подписалъ. Григорей Тишка, руку свою подписалъ. *Печати совершенно истерлись. Доставленъ Полотскимъ Благочиннымъ О. Юркевичемъ. Писанъ на трехъ листахъ четкою скорописью; нумерація обозначена числами славянскими. Весьма ветхъ.*

60.

1590 г. 4 Февраля. Наѣздъ Низовыхъ козаковъ на городъ Быховъ.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божьего тисеча пятьсотъ деветьдесятого, мѣсеца Февраля шестнадцатого дня.

На врадѣ господарскомъ кгродскомъ староства Оршанского, передо мною Андреемъ Шевердичомъ, подстаростимъ Оршанскимъ, отъ вельможного пана, пана Андрея Ивановича Сапѣги, старосты Оршанского и Оранского, пана моего, покладалъ и обтежливе жаловалъ врадникъ ихъ милости пановъ пана Александра и пана Яна Кароля Яновичовъ Ходкевичовъ, кграби на Шкловѣ и Мыши, каштеляновъ Виленскихъ, имѣнья ихъ милости замку Быховского, панъ Миколай Тлуховскій на(Ма)тюшу Ѳедоровича, гетмана козаковъ Низовыхъ войска Донского, и на т(оваришовъ) его, то есть на Яна Вышневского, на Василья Быстрыцкого, на Я(куба Яко)вицкого, ясауловъ, на Степана Волошенина, на Василья Дынка, Лавр(ына Устин)овича, атамановъ войска ихъ, и на иншихъ многихъ товарышовъ ихъ козаковъ (Низовыхъ которые) ся менують и пишуть козаками Донскими, о томъ, ижъ дей въ року (теперь) идучомъ, лѣта отъ Нароженья Сына Божьего тисеча пятьсотъ деветдесятомъ, мѣсеца Февраля чотвертого дня, тотъ истый Матюша Ѳедоровичъ, гетманъ козаковъ Низовыхъ съ (товарышы) своими и зо всимъ своимъ войскомъ, козаками Низовыми, которыхъ може быти. . . . . пятьсотъ козаковъ, наѣхавшы кгвалтовне на имѣнье ихъ милости пановъ Ходкевичовъ, до мѣста Быховского въ повѣтѣ Оршанскомъ лежачого . . . . дома, для которое причины земянъ, бояръ, мѣщанъ ихъ милости Быховскихъ били и поранили и шкоды имъ немалые въ домахъ ихъ въ мѣстѣ Быховскомъ почынили, маетности ихъ побрали. А меновите кого на тотъ часъ побили и поранили: напервѣй Крыштофа Остафьевича, городничого Быховского, въ голову ранили, Якуба Бизюка въ руку ранили, Половца въ руку ранили, Павла Половца (въ руку) ранили, Тишка Полуйка въ голову ранено, Иванка Новоселецкого, шляхтича, въ руку ранено, Яна Печковского, учтивого шляхтича (въ голову) ранено, Остафея, войта Быховского, въ голову и въ руку ранено , ... въ голову и въ руку ранено, Сацко Лукьяновича, боярына, въ руку и плечо правое ранено; иншихъ мѣщанъ зранено не мало. Якожъ на огледанье битыхъ и зраненыхъ просилъ мене врадъ о прыданьи возного повѣтового, и ямъ пану Миколаю Тлуховскому, вряднику Быховскому, тамъ до мѣста Быхова прыдалъ возного повѣту Оршанского Валентого Саковского, который то возный тамъ въ мѣстѣ Быховѣ бывши и ранныхъ видѣвшы, такъ тежъ знаковъ кгвалтовныхъ и шкодъ починенныхъ огледавшы, и што колвекъ слышалъ и видѣлъ прышедшы передо мною врадомъ въ замку Оршанскомъ очевистое а устное сознанье свое до книгъ справъ кгродскихъ Оршанскихъ, при квитѣ своемъ року теперешнего тисеча пятьсотъ деветьдесятого, мѣсеца Февраля осмнадцатого дня, тыми словы учинилъ, который квитъ сознанья возного, вписуючи до книгъ, такъ се въ собѣ слово въ слово маетъ: Я, Валентый Садков-

скій, возный повѣту Оршанского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ будучи мнѣ съ уряду господарского кгродского староства Оршанского прыданому его милости пану Миколаю Тлуховскому, намѣстнику Шкловскому а Быховскому, въ року теперешнемъ тисеча пятьсотъ деветьдесятомъ, мѣсеца Февраля дванадцатого дня, на огледанье ранъ збитыхъ бояръ, мѣщанъ и подданыхъ ихъ милости ясневелможныхъ пановъ: его милости пана Александра и пана Яна-Кароля Ходкевичовъ, Быховскихъ, также знаковъ кгвалтовне починеныхъ и немало шкодъ подѣланыхъ, которые въ семъ квитѣ моемъ нижейпомененые, которые се стали въ мѣстѣ Быховскомъ за кгвалтовнымъ наѣханьемъ отъ Матюши Өедоровича, гетмана войска Донского и козаковъ въ послушенствѣ и подъ справою его будучыхъ, то есть отъ Яна Вышневского, Василея Быстрыцкого, Якуба Яковицкого, Степана Волошанина, Василея Дыньки, Лаврына Устиновича и отъ иншыхъ товарышовъ ихъ козаковъ Запорозскихъ, тогды я, маючи пры собѣ сторонъ людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ, видѣломъ, за оказованьемъ врадника Быховского Оршанского пана Миколая Тлуховского, до воротъ и стѣнъ замку Быховского съ пулгаковъ и зъ луковъ стрѣляно, въ которомъ замку и воротѣхъ видѣлъ есмо кули и стрѣлъ не мало. Къ тому видѣлъ есми не мало бояръ, мѣщанъ ихъ милолости пановъ Ходкевичовъ, збитыхъ, Быховскихъ. То есть: у городничого Быховского Крыштофа Остафеевича рану въ головѣ тятую, у пана Ивана Новоселецкого, шляхтича, рану на руцѣ правой тятую, у Яна Печковского въ головѣ рану тятую, у Остафея, войта Быховского, рану въ головѣ и въ руцѣ лѣвой тятые, у Сицка Лукьяновича, боярына, на руцѣ лѣвой рана битая, у Якуба Бизюка на руцѣ правой рана битая, у Половца на руцѣ рана битая, у сына его Павла на руцѣ рана рубана, у Тишка Полуйка рана въ головѣ битая, у Сопрона, пушкаря Быховского, хрыбетъ весь збитъ, синевъ, который менилъ собѣ быти шкодъ прытомъ бою отъ тыхъ козаковъ сталыхъ, то есть—взяли дей коня шерстью гнѣдого, бѣлокопытого, купленого за копъ деветь грошей Литовскихъ; у Степана Андреевича видѣлъ дей есми хрыбетъ увесь збитъ, синевъ, и лѣвая рука на запястью утятая, который менилъ собѣ шкодъ при томъ збитью и зраненью отъ тыхъ же козаковъ сталыхъ, же дей взяли ермякъ муравскій, сѣрый, справ. . . . . . три грошей тритцать, пулгакъ за три золотыхъ польскихъ, саблю куп(леную) за грошей сорокъ пять, жупанъ, шарый муравскій, справленый за копу и г(рошей) . . . . . . цать, кожухъ бараній за грошей сорокъ осмъ, поесъ за грошей шесть, вацек. . . . (коштова)ло готовыхъ грошей сорокъ, сыгнетъ сребраный, который коштовалъ грошей дв(адцать и чоты)ры, сѣдло купленое за три золотыхъ Польскихъ; у жоны Сидка Лукьяновича. . . . . . дѣлъ раны битые на хрыбтѣ и по рукамъ синевые, (*) . . . . у Ивашка Макарковича взяли дей коней двое одного зворона плѣснивого, а другого рыжого, по чотыры копы грошей купленые, у Кубара взяли дей свирѣпу вороную, за двѣ копы грошей купленую, у Силка Артемовича видѣлъ руки и ноги обѣдвѣ и хрыбетъ побитъ синевъ и въ дому его до клѣти замокъ отбитъ и скрыня злупена, который менилъ, же дей взяли у мене тые ко-

(*) Далѣе выѣдено.

заки готовыхъ грошей копъ двадцать, коней двое, одинъ шерстью рыжый, купленый за копъ тры, другій сивый, купленый за копъ три и грошей петнадцать; у Петра Грудини. . . . . дей коня вороного, купленого за копъ чотыры; у Андрея Овсяниковича взяли сагайдакъ . . . . . . купленый за копу грошей; у брата его Онопрея взяли дей. . . . . за копу грошей; у Коцка Хилимоновича взяли коней четверо, одного сивого за копъ чотыры, два кони вороныхъ его по полпеты копы грошей, а четвертый рыжый за копъ чотыры; у Өедора Марковича взяли коня вороного зъ сѣдломъ, за копъ семъ купленого, ручницу съ коломъ за два золотыхъ, сагайдаки два, купленые за копъ двѣ; у Савы Якимовича коней двое взяли вороныхъ, купленыхъ за копъ деветь; у Гридка Потаповича взяли дей пулгаки два съ пороховницами, за копъ двѣ купленые, сагайдакъ со всимъ за копу грошей; у Дешка Хоминича взяли дей коня рыжого, за копъ пять купленого, сагайдакъ, ощепъ, рукавицы медвѣжьи; у Бориса Ивановича взяли дей коня рыжого лысого, купленого за чотыры копы грошей, а грошей готовыхъ съ калитою копъ двѣ грошей тридцать. . . . . . у Ивана Андреевича взяли дей коня половото, за три копы грошей купленого; у Павла Трухоновича взяли дей коня сивого, за пять копъ грошей купленого и корову рыжую; у въ Овсея Богдановича взяли дей пулгакъ съ коломъ за три золотыхъ Польскихъ; у Марка Злотника взяли дей ручницъ три и пороховницъ три, купленые за пять копъ и грошей тридцатъ, сѣдло новое, купленое за копу грошей, и узды двѣ по шести грошей, корову бурую зарѣзали, за полторы копы грошей купленую; у Сергѣя Батечка взяли кони два, одинъ половый за копъ чотыры, а другой вороный за копъ тежъ чотыры; у Янка взяли коня и ощепъ; у Ивана Гуньковича, боярына, взяли дей ручницу, за грошей пятьдесятъ купленую, ощепъ за грошей петнадцать, сагайдакъ, купленый за копу грошей, шаблю, купленую за копу грошей, сукманъ Люнскій, за который дано копъ двѣ и грошей тридцать, коней двое, одинъ шерстью рыжый кологривый, а другій половый, по тры копы грошей купленые; у Лашка Ивановича взяли коня вороного звѣздочолого, купленого за чотыры копы грошей, возокъ и хомутъ за грошей осмъ, ермяковъ тры сермяжныхъ по сороку грошей, сѣкиру за грошей шесть, шапку и кошуль двѣ; у Семена Тераховича, боярына, взяли панцыръ кольчатый, купленый за семъ копъ грошей, саблю новую, за грошей сорокъ осмъ купленую, сѣдло новое, за полторы копы грошей купленое, убранье Люнское за грошей сорокъ справленое, вепра забили, который дей коштовалъ грошей сорокъ . . . . (*) у Барнабы взяли дей ручницу и сагайдакъ; у Патрикеевича взяли дей коня рыжого лысого, за копъ грошей сорокъ купленого, и ощепъ за грошей петнадцать; у Потерея коней двое, одинъ сивый, другій гнѣдый, по чотыры копы грошей купленыи; у Гришка Здлотника взяли дей коня шпаковатого, за семъ копъ грошей купленого; у въ Отрошковича ручницу, сермягъ двѣ и жупанъ сермяжный; у Селивона шубу крытую чорнымъ фалюндышомъ, лисью, коштовала десеть копъ грошей, полотна локоть осмъ, рантухи чотыры, ощепъ; у Скрысенского попа взяли коня шерстью караго за пять копъ грошей купленого,

(*) Тоже.

ручницу, шаблю, ощепъ, копулю, рукавицы двои махрыи, бучакъ, боты; у Савы взяли дей ручницу. Што все мнѣ возному оказано и оповѣдано, а потомъ въ томъ же року тисеча пять сотъ деветьдесятомъ, мѣсяца Февраля шестнадцатого дня, ѣдучи мнѣ зъ мѣста Быхова до Оршы а будучи ми возному въ мѣстѣ господарскомъ у Могилевѣ, въ дому пана Еразмуса Борковского, земянина повѣту Оршанского, тогды панъ Ярошъ Комаръ, врадникъ Копыскій, пыталъ передо мною вознымъ гетмана козаковъ Низовыхъ Матюшы Ѳедоровича, въ дому пана Борковского въ Могилевѣ будучому, яко много коней въ мѣстѣ Быховскомъ у мѣщанъ Быховскихъ зъ своими козаками взялъ. Якожъ тотъ Матюша Ѳедоровичъ, гетманъ, признаъ се доброволне, ижъ съ товарышами своими взяли у мѣщанъ Быховскихъ всѣхъ коней пятьдесятъ, такъ же ручницы и вси иньшые речы, повѣдилъ, ижъ зобраны суть на громаду, водлугъ поданого реестру списанья шкодъ, который реестръ мнѣ гетману есть отъ пана Миколая Тлуховского, врадника Быховского, черезъ мене возного посланый и отданый, водлѣ жъ которого реестру побранья маетности и оповѣданья на врадѣ кгродскомъ Оршаньскомъ есть учинено и обжаловано. А такъ я возный Валентый Садковскій, што есми видѣлъ и слышалъ, то водлугъ сего квиту моего до книгъ справъ кгродскихъ Оршаньскихъ черезъ сесь квитъ мой передъ врадомъ кгродскимъ Оршаньскимъ сознаваю. Которого сознанья и виденья моего ихъ милостямъ паномъ, пану Александру и пану Яну-Каролю Ходкевичомъ, кграбямъ на Шкловѣ и Мышы, сесь мой квитъ съ подписомъ руки моее и подъ печатью моею, для вписанья до книгъ кгродскихъ далъ. Которое оповѣданье и сознанье возного Валентого Садковского просилъ панъ Миколай Тлуховскій, врадникъ Быховскій, абы тая справа до книгъ справъ кгродскихъ Оршанскихъ была записана. Што есть записано. Съ которыхъ и тотъ выписъ съ книгъ подъ печатью моею враднику Быховскому, пану Миколаю Тлуховскому, есть выданъ. Писанъ на врадѣ господарскомъ кгродскомъ старостства Оршаньского. Миколай Подберезскій, кгродскій Оршаньскій писаръ.

Хранится тамъ же.

61.

1590 г. 3 Апрѣля. Наѣздъ Запорожскихъ козаковъ на село Холстово въ Оршанскомъ повѣтѣ.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча пятьсотъ деветьдесятого, мѣсеца Апрѣля четвертого дня.

На врадѣ господарскомъ кгродскомъ староства Оршанского, передо мною Андреемъ Ивановичомъ Сапѣгою, старостою Оршанскимъ и Оранскимъ, покладалъ и обтежливе жаловалъ намѣстникъ имѣнья вельможныхъ пановъ ихъ милости, пана Александра и пана Яна Каролюса Яновичовъ Ходкевичовъ, кграби на Шкловѣ и Мыши, пановъ Виленскихъ, замку Быховского панъ Миколай Тлуховскій на товарища пана Войтеха Чановицкого, гетмана войскъ Запорозскихъ, на пана Якуба

Осовского, на пана Андрея Рогачовского и на пана Өедора, ясаула, и на иншихъ атамановъ и козаковъ, товарищовъ пана Якуба Осовского войска Запорозского, о томъ, ижъ дей у року теперь идучомъ, лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча пять сотъ деветьдесятого, мѣсеца Апрѣля третьего дня . . . . козаки звышъ помененые, маючи при собѣ козаковъ Запорозскихъ . . . . наѣхавши великимъ усилствемъ безъ бытности ихъ милости пановъ Ходкевичовъ . . . . ихъ милости мѣста замку Быховского, въ повѣтѣ Оршанскомъ лежачого . . . . гетмана своего пана Войтеха Чановицкого тамъ въ мѣстѣ Быховскомъ . . . . такъ тежъ и волощаномъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ Быховскимъ, розказуючи собѣ податокъ незвыклый грошовый и незмѣрную а незвыклую стацію, такъ тежъ салетру, оловъ и сѣрки колько тисечи фунтовъ на козаки складати и великіе и незносные кривды и шкоды, бое, грабежи въ мѣстѣ Быховскомъ и и по селахъ Быховскихъ чинять, и мало на томъ маючи, ижъ въ мѣстѣ бронятъ, але наѣхавши на село ихъ милости пановъ Ходкевичовъ Быховское прозываемое Холстово . . . . въ оному селѣ Холстовѣ подданыхъ всихъ зъ жонами и зъ дѣтми съ села прочь розогнали и село Холстово все спустошили, а двухъ подданыхъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ, зъ села Холстова, Марка Савоновича а Онопрея Ивановича, въ домахъ ихъ власныхъ, безвинне, нѣтъ вѣдома для которое причины, поймавши оныхъ . . . . и звезавши ихъ, до везенья своего въ мѣстѣ Быховскомъ у господѣ своей . . . . . . дили и маетность ихъ, такъ тежъ у всихъ подданыхъ Холстовскихъ . . . бѣлое сукманы, сермяги, кожухи, кони, быдло, гроши готовые . . . . одно въ селѣ маетности было, то все отъ мала до велика поодбивавши . . . . . . а оного Марка Савоновича, а Онопрея Ивановича и теперь у везенью держать, ку великой шкодѣ и деспекту ихъ милости пановъ Ходкевичовъ и ку знищенью подданыхъ и мѣщанъ ихъ милости Быховскихъ. Якожъ просилъ мене, уряду, панъ Миколай Тлуховскій о приданье возного повѣтового на огледанье сѣдя . . . . оныхъ подданыхъ Марка Савоновича а Онопрея Ивановича . . . . и збитья ихъ и на списанье побранья маетности подданыхъ села Холстова, и ку тому на списанье подѣланыхъ шкодъ подданымъ ихъ милости Быховского села Холстова. А такъ я зъ уряду своего придалъ есми на то возного повѣту Оршанского Валентого Садковского, который тамъ въ мѣстѣ Быховѣ и въ селѣ Холстовѣ и въ козакахъ Запорозскихъ бывши, и што видѣвши и слышавши, пришедши передъ мене, урядъ, сознанье свое устное а очевистое до книгъ справъ кгродскихъ Оршанскихъ, при квитѣ своемъ тыми словы учинилъ; который квитъ сознанья его, уписуючи до книгъ, такъ се въ собѣ слово въ слово маетъ: Я, Валентый Садковскій, возный господарскій повѣту Оршанского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперь идучомъ тисеча пять сотъ деветьдесятомъ мѣсеца Апрѣла десятого дня, маючи я при собѣ сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ и будучи мнѣ отъ уряду господарского кгродского Оршанского намѣстнику ихъ милости пановъ Ходкевичовъ замку Быховского пану Микилаю Тлуховскому приданымъ, на огледанье починенья шкодъ и знищенья села подданыхъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ, прозываемого Холстова, у волости замку Быховского у повѣтѣ Ор-

шанскомъ лежачого, отъ козаковъ Низовыхъ Запорозскихъ гетмана войска ихъ пана Войтеха Чановицкого, товарышовъ его, то есть, отъ пана Якуба Осовского сотника, и отъ пана Андрея Рогачевского, и отъ пана есаула Полуса, и отъ иншихъ товарышовъ ихъ козаковъ Запорозкихъ подданымъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ Быховскимъ починеныхъ и подѣланыхъ. Якожъ игдымъ былъ у селѣ Холстовѣ, тогды, за оказаньемъ намѣстника Быховского пана Миколая Тлуховского и за оказаньемъ подданыхъ Быховскихъ села Холстова, которые передо мною возным менили собѣ отъ козаковъ Низовыхъ Запорозскихъ у зебранью маетность великую а незмѣрную шкоду за кгвалтовнымъ наѣханьемъ ихъ на село Холстово, тогдымъ видѣлъ у дому Ивана Улазка подъизбицы и подсѣнье въ избѣ и въ сѣняхъ двѣри повыбіяны, пчолъ пятеро выдрано, козъ трое посѣчоныхъ и свиньи чотыри порубаны, съ клѣти узято кожуховъ бараньихъ два, купленыхъ по копѣ грошей Литовскихъ, сермягъ новыхъ три, купленыхъ по полкопы грошей Литовскихъ, кошуль мускихъ и женскихъ двадцать пять, у кождую кошулю управлено по тринасте грошей Литовскихъ, наметокъ простыхъ десеть, по три гроши Литовскихъ купленыхъ, а чотыри тонкихъ, по десети грошей купленыхъ, простицъ новыхъ двѣ, купленыхъ по двадцать чотыри гроши Литовскихъ, полотна кужельного локоть петьдесять, локоть купленный по три гроши Литовскихъ, пражи клубовъ шесть, косъ двѣ, купленыхъ по шести грошей, топоровъ три, купленыхъ по десети грошей Литовскихъ, пешня одна, купленая за пять грошей Литовскихъ, сковородъ двѣ, купленыхъ по девети грошей Литовскихъ, коня шерстью сивого, купленого за семъ копъ грошей Литовскихъ, коня другого зворона плѣснивого, купленого за шесть копъ грошей Литовскихъ, сверѣпу булану, за которую дано копъ три Литовскихъ, воловъ два, купленыхъ по двѣ копы грошей Литовскихъ, овецъ двадцатеро, коровъ съ теляты двѣ, овса бочокъ десеть, пшеницы бочокъ пять, жита бочокъ одинадцать, гречихи бочокъ шесть, проса бочка одна, ечменю бочокъ пять, гороху бочку одну, муки иржаное бочокъ три, муки пшенное бочку одну и полбочки. Къ тому видѣлъ есми у дому Терешка Овдеевича у сѣней у въ избѣ и подъизбицы, у клѣтяхъ двухъ и въ подклѣтью двери повыбиваны, порубаны, у которого маетности было зложоно и побрано: свиней пятеро порубано, козъ двое порубано, пчолы двои подраны, а домъ пустъ, никого нѣтъ, збожа дей узято жита бочокъ одинадцать, пшеницы бочокъ осмъ, гречихи бочокъ одинадцать, овса бочокъ двадцать пять, гороху бочокъ двѣ и сѣменя ильненого чвертка, кошуль музскихъ кужельныхъ тринадцать, купленыхъ по тринадцать грошей Литовскихъ, женскихъ осмнадцать кужельныхъ, купленыхъ по двадцать грошей Литовскихъ, наметокъ тонкихъ . . . . купленыхъ по десеть грошей Литовскихъ, простицъ три новыхъ, купленыхъ по двадцать три грошей Литовскихъ, сермягъ пять, купленыхъ по двадцати осми грошей Литовскихъ, кожуховъ бараньихъ два, купленыхъ по петдесятъ грошей Литовскихъ, нароги два съ наполками, купленыхъ по десеть грошей Литовскихъ, топоровъ три, купленыхъ по десеть грошей Литовскихъ, косъ три, купленыхъ по семи грошей Литовскихъ, ильну чесаного. . . пять, серповъ чотыри, купленыхъ по полтора гроша, скобель одинъ, пѣшню одну, ... осмеро, куръ тридцать,

трое, салъ свиныхъ пять, солонины скитерти десеть. Къ тому видѣлъ есми у дому Васка Янкевича до сѣней двери выбиты, жону его Лукерью зкгвалтили, а маетности дей у него побрали: жита бочку, овса бочку, проса чверть, сукна сермяжного локоть семь, купленого локоть по три грошей Литовскихъ, куръ пятеро, ильну десятки три, сѣмени ильненого чверть одну, сѣна возовъ одинадцать, свинью одну розсѣкли. Къ тому у дому Наумовѣ видѣлъ есми пчолы одны выдраны, жону его Химу зкгвалтили, и перины одны узяли, ечменю бочокъ полторы, сѣменю ильненого ситъ три, сѣменю конопленого рѣшоты двѣ, гусей трое, куровъ двое, косъ двѣ, купленыхъ по семи грошей Литовскихъ, теслу, рѣзецъ, скобель побрали. Къ тому у дому Сапона Захаринича видѣлъ есми у въ избѣ и въ клѣтяхъ двухъ и въ подъизбицы двери повыбиваные, а маетности у него побрали, то есть: жита ярого бочокъ три, гречихи полуйцы три, муки иржаное бочку одну, проса бочку одну, сѣмени ильненого чверти двѣ, пражи клубовъ пять, нароги съ полицами, купленыхъ за деветь грошей Литовскихъ, перевѣсъ одинъ, замки два, гусей узято десятеро, куръ двадцатеро, сорочокъ женскихъ тонкихъ осмъ, купленыхъ по десети грошей Литовскихъ, а мужскихъ сорочокъ пять куженьныхъ по дванадцать грошей Литовскихъ, наметокъ тонкихъ двѣ, купленыхъ по осми грошей Литовскихъ, ильну кругъ одинъ, у которомъ было десятковъ сто. Къ тому у дому Алексѣя Янковича видѣлъ есми и въ избѣ и въ сѣняхъ и въ клѣтяхъ двухъ двери повыбиваны, маетность отъ мала до веля вся побрана, узяли пшеницы бочокъ три, ечменю бочокъ пять . . . бочокъ девять, сермягу одну, купленную за тридцать грошей Литовскихъ, коня одного шерстью рыжого, купленого за копъ чотыри грошей Литовскихъ, воловъ два, купленыхъ по сту грошей Литовскихъ, гусей четверо, куровъ одинадцать, корову одну, . . . овецъ пятеро, свиней семеро. Къ тому у дому Харитона . . . . видѣлъ есми у въ избѣ, въ сѣнехъ и въ клѣтяхъ двухъ и въ подклѣти двери повыбиваны, самого, ани жоны, ани быдла нѣтъ, а маетность отъ мала до веля вся побрана. Къ тому у Матѳея Гайдука видѣлъ есми у дому, въ избѣ и въ сѣняхъ двери повыбиваны, жону его Аннушу зкгвалтили, узяли сермягу новую, за которую дано было грошей двадцать три Литовскихъ, сорочокъ музскихъ куженьныхъ двадцать, купленыхъ по дванадцать грошей Литовскихъ, простицу одну, купленую за грошей двадцать три Литовскихъ, кошуль женскихъ петнадцать тонкихъ, купленыхъ по осми грошей Литовскихъ, пражи съ кроснами узяли локоть тридцать, у клубкахъ пражи было локоть тридцать, наметокъ простыхъ десеть, матки дей моее Матруны коробью узяли, у ней хустъ бѣлыхъ и инншихъ речей было не мало, усе побрали, коня зъ сѣдломъ узяли, за которого даломъ былъ копъ пять Литовскихъ, за сѣдло грошей тридцать, и узду узяли, корову отъ теляти забито, пчолъ выдрано уленицъ чотверы, нароговъ двои съ наполками, жыта бочокъ тринадцать, ечменю бочку одну, конопель бочку, замки три, пѣшню одну, топоровъ два, гороху чверть, проса бочокъ полторы, крупъ ячныхъ чверть, гусей трое, куровъ десятеро. Къ тому у дому Евлана Гайдука видѣлъ есми въ избѣ и въ сѣнехъ и въ клѣти двери повыбиваны, маетность побрана, все пусто, никого нѣтъ, узяли дей клячу сивую, за которую дано копъ двѣ Литовскихъ грошей готовыхъ, узяли дей

тридцать сермягъ, двѣ новыхъ, купленыхъ по двадцать грошей Литовскихъ, топоръ одинъ, купленный за шесть грошей Литовскихъ, овса бочовъ три, жита бочокъдвѣ, пшеницы полъ бочки, ечменю бочка одна, проса полъ бочки, гороху чверти три, маку чверть, конопель чверть одну. Къ тому у дому Павла Матусовича видѣлъ есми двери въ избѣ, въ сѣняхъ, въ клѣтяхъ, и въ подклѣтяхъ повыбиваны, жону дей его Просимью зкгвалтили, скриню дей узяли, у которой скрини было сукманъ Люнскій, у который управлено было копъ три Литовскихъ, шубка кроликовая на голѣ бобромъ обложоная, купленая за полторы копы грошей Литовскихъ, хусть бѣлыхъ, сорочокъ музскихъ кужельныхъ шесть, купленыхъ по дванадцать грошей Литовскихъ, женскихъ сорочокъ тонкихъ дванадцать, купленыхъ по двадцать грошей Литовскихъ, наметокъ осмъ, рантухъ коленскій одинъ, простицы двѣ новыхъ, купленыхъ по двадцать чотыри гроши Литовскихъ, жита бочокъ осмъ, пшеницы бочокъ три, овса бочокъ шесть, конопелѣ полъ бочки, свиней осмеро побито, козлы два стято, гусей осмеро, утокъ трое, куръ двадцать пятеро побрано, пчолы выдраны двои, овецъ трое, замковъ Московскихъ желѣзныхъ узяли три и кочергу желѣзную узяли. Къ тому у дому Микиты, зятя Андреева, видѣлъ есми у въ избѣ, въ сѣняхъ, въ подъизбцы двери повыбиваны, а маетность побрано, ечменю чверти полторы, пшеницы чверть одну, проса бочку одну, нароги зъ наполками, купленые за деветь грошей Литовскихъ, конопель полъ бочки, сѣмени ильненого чверть одну, ильну десятки три, полотна ильненого локоть тридцать, замокъ одинъ, сковороду одну, закрой желѣзный, косу одну, дано за нее грошей шесть, пешню одну, овецъ побито трое, вола скололи, защепки и пробои новые побраны, удила до узды, узду узяли, звонокъ до жеребятъ, свиней побито двое, куровъ пятеро, серповъ три. Къ тому у дому мельниковѣ Васковѣ видѣлъ есми у въ избы, въ сѣняхъ двери выбиты, самого нѣтъ, маетность дей уся забрана. Къ тому у дому Литвиновѣ Матѳѣевѣ въ избѣ, въ сѣняхъ и въ клѣтяхъ двери повыбіяно, а дочку его дѣвку малую Маланю зкгвалтили, маетность уся побрана, ничого нѣтъ, пчолъ выдрано у въ ульяхъ пятеро. Къ тому у дому Литвиновѣ Ермаковѣ домъ увесь пустъ, самого нѣтъ, двери въ избѣ, въ клѣти повыбирано, маетность уся забрана, пчолъ у въ ульяхъ выдраны трои. Къ тому у дому Ивана Соловья у сѣняхъ, въ клѣтяхъ видѣлъ есми двери повыбиваны, жону его Степаниду бабу старую зкгвалтили, а маетность побрана, жита бочокъ десеть, овса бочокъ пять, гороху чверти двѣ, конопель чверти двѣ, пшеницы бочку одну, ечменю полбочки, ильну десятковъ пять, простицъ двѣ, купленыхъ по двадцать три гроши Литовскихъ, сѣна возы два, проса чверть одну . . . . . жита дей узяли бочокъ тридцать, пшеницы бочокъ . . . . бочокъ три, овса бочокъ десеть, пшного невеи, овса чистого бочокъ . . . . Къ тому у дому Марка Савоновича видѣлъ есми у пети клѣтей, въ подызбици и въ трохъ подклѣтовъ двери и пробои повырубованы, самого поймали и до везенья своего усадили, у клѣтяхъ побрали маетности, то есть, кожуховъ бараньихъ съ колнерами бобровыми три, купленыхъ по семьдесятъ грошей Литовскихъ, сукмановъ Люнскихъ синихъ, ермяковъ чотыри, купленыхъ по три копы грошей Литовскихъ, шапокъ оксамитныхъ жоноцкихъ двѣ, купленыхъ по семдесятъ грошей, сермягъ чотыри, куплены по тридцать грошей Литовскихъ, кошуль

музскихъ и женскихъ кужельныхъ тридцать пять, за каждую дано по петнадцать грошей Литовскихъ, наметокъ петнадцать, простицъ семъ, купленыхъ по полкопы грошей Литовскихъ, полотна локоть сорокъ кужельного, котловъ мѣденыхъ чотыри . . . . мѣденыхъ три, лохань мосядовыхъ двѣ, ручницъ губчастыхъ три, ощеповъ чотыри, шабель три, сагайдаковъ зовсимъ направныхъ три, кось десеть, серповъ петнадцать, сковородъ двѣ, топоровъ осмъ, скобли двѣ, пешни три, плетей лезивныхъ чотыри, салъ свиныхъ шестнадцать, скитеровъ двадцать пять . . . . сорокъ, скилондей десеть, поребья шестнадцать, компей тридцать два, быдла рогатого воловъ осмъ, коровъ дойныхъ съ телятами деветь, подтелковъ семъ, быковъ невалашаныхъ шесть, овецъ сорокъ, свиней посполитыхъ петдесятъ, гусей чотырнадцать, куровъ сорокъ пять, коней, то есть, одного шерстью сивого, купленого за шесть копъ грошей Литовскихъ, коня шерстью рижого узяли, купленого за чотыри копы грошей Литовскихъ, коня шерстью сивого купленого за полъпеты копы грошей Литовскихъ, коня шерстью вороного, купленого за три копы грошей Литовскихъ, коня гнѣдого, купленого за полъчварты копы грошей Литовскихъ, сверѣпу буланую, купленую за полъчварты копы грошей Литовскихъ, сверѣпу жеробну и жеребца лонщачка узяли, збожа, пшеницы бочокъ петнадцать, проса бочокъ петнадцать, ечменю бочокъ петнадцать, жита чистого бочокъ десеть, а пухового бочокъ семнадцать, муки иржаное бочокъ семъ, гречихи мѣръ осмнадцать, муки пшеничное бочокъ двѣ, муки . . . . бочокъ двѣ, крупъ ячныхъ бочку одну, пшона толченого бочокъ двѣ, сѣмени илненого чверти три, синельного сѣмени чверти двѣ, маку . . . . одну, конопель бочокъ пять, путъ конскихъ железныхъ трои, шинъ железа . . . . . . овса бочокъ деветнадцать, илну чесаного у десяткахъ двѣстѣ, конопель . . . . . деныхъ десятковъ тридцать, пражи клубовъ тридцать, пражи про . . . . синее мотковъ шесть, пчолъ у въ ульяхъ выдрали петнадцатеро, меду въ ульяхъ пресного узяли пудовъ тридцать пять, нароговъ съ полицами железными паръ чотыри, сѣделъ демидовъ зовсимъ направныхъ чотыри. Къ тому у дому Ивашка Савоновича виделъ есми у трехъ клѣтей двери повыбираны и порубаны, такъ тежъ въ сѣней и въ подызбицы маетности побрано, ермяковъ муравскихъ шарихъ три, купленыхъ по полтрети копы грошей Литовскихъ, кожуховъ бараньихъ съ колнерами бобровыми два, купленыхъ по копѣ грошей Литовскихъ, сермягъ чотыри, купленыхъ по полъкопы грошей Литовскихъ, кошуль музскихъ и женскихъ кужельныхъ тридцать одна, кождая куплена по двянадцать грошей Литовскихъ, наметокъ кужельныхъ и ровныхъ двадцать шесть, купленыхъ по осми грошей Литовскихъ, простицъ синихъ пять, купленыхъ по полъкопы грошей Литовскихъ, полотна кужельного локоть сто и петнадцать, косъ чотыри, купленыхъ по шести грошей Литовскихъ, серповъ деветь, купленыхъ по грошу одному, топоровъ семъ, купленыхъ по деветь грошей Литовскихъ, сковородъ двѣ, купленыхъ по семи грошей Литовскихъ, пѣшенъ двѣ, плетей лезивныхъ три, ильну чесаного десятковъ петнадцать, конопель прадивныхъ десятковъ двадцать, сѣмени илненого чверти три, сѣмени конопленого бочокъ полъпеты, збожа съ клѣтей жита чистого бочокъ петнадцать, жита пушного бочокъ десеть, пшеницы бочокъ одинадцать, гречихи бочокъ

деветь, ечменю бочокъ одиннадцать, проса бочокъ полтринасты, овса бочокъ двадцать деветь, крупъ ячныхъ бочокъ полътрети, пшона толченого бочокъ двѣ и чверть, меду пресного пудовъ одиннадцать, коня вороного узяли, за которого дано копъ чотыри Литовскихъ, коня шерстью рижого, купленого за три копы грошей Литовскихъ, быдла рогатого, воловъ три, купленыхъ по полъторы копы грошей Литовскихъ, коровъ дойныхъ съ телятами чотыри, овецъ одиннадцать, свиней десеть, куровъ двадцать пятѐро, гусей осмеро, нароговъ паръ три съ полицами желѣзными, купленые по девети грошей Литовскихъ. Къ тому у дому Ивашка Савоновича видѣлъ осми у клѣтяхъ двухъ въ подклѣтяхъ и въ подызбицахъ, въ сѣняхъ двери повыбіяны, маетность побрано, то есть ермякъ Люнскій, синій, купленый за три копы грошей Литовскихъ, ермякъ муравскій шарый, съ шнурами шолковыми, купленый за полътрети копы грошей Литовскихъ, шапку оксамитную, купленую за семъдесятъ грошей Литовскихъ, сермягъ новыхъ три, купленыхъ по полъкопы грошей Литовскихъ, кожуховъ баранихъ два, купленыхъ по копѣ грошей Литовскихъ, кожухъ медвѣжій одинъ, купленый за осмъдесятъ грошей Литовскихъ, сукна сермяжного локотъ петдесятъ, простицъ пять, купленыхъ по грошей двадцать чотыри Литовскихъ, кошуль музскихъ и женскихъ, такъ тонкихъ, яко и простыхъ, тридцать чотыри, наметокъ петнадцать тонкихъ, купленыхъ по осми грошей Литовскихъ, пражи клубковъ петнадцать, ильну чесаного десятковъ шестнадцать, конопель чесаныхъ десятковъ двадцать одинъ, топоровъ три, купленыхъ по семи грошей Литовскихъ, сковородъ двѣ, купленыхъ по осми грошей Литовскихъ, ручницу губчастую съ пороховницою, купленую за семдесятъ грошей Литовскихъ, нароги зъ наполками паръ три, купленые по десеть грошей Литовскихъ, серповъ шесть, купленыхъ по грошу одному, косъ чотыри, купленыхъ по шести грошей Литовскихъ, пѣшень двѣ, плеть лезивную одну, жита бочокъ тринадцать, пшеницы бочокъ осмъ, ечменю бочокъ деветь, овса бочокъ двадцать три, гречихи бочокъ чотыри и полъ, маку полъбочки, конопель бочокъ три и полъ, проса бочокъ полъпеты, быдла воловъ чотыри, коровъ дойныхъ пять съ теляты, подтелковъ семъ, свиней пятеро, овецъ . . . . . козъ семеро, гусей одиннадцатеро, куровъ тридцать одно, пчолъ ульевъ выдрано петнадцать. Которое забранье маетности такъ тежъ явное наѣханье на село Холстово подданые ихъ милости пановъ Ходкевичовъ имены звышъ помененные села Холстова волости Быховское оповѣдали и менили быти передо мною вознымъ стал . . . . заковъ Запорозскихъ верху помененыхъ. А такъ я, возный, што есми выслушалъ, то справедливе до книгъ кгродскихъ Оршанскихъ ку записованью сознаваю, которого сознанья и видѣнья моего для уписыванья, придалъ есми сесь мой квитъ его милости пану Миколаю Тлуховскому, намѣстнику Шкловскому и Быховскому, подъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. Писанъ у Быховѣ. Року тисеча пятьсотъ деветьдесятого, мѣсяца Апрѣля десятого дня. А потомъ тотъ же Валентый Садковскій возный повѣту Оршанского передо мною очевистое и устное сознанье свое при квитѣ своемъ на врадѣ до книгъ справъ кгродскихъ Оршанскихъ учинилъ, который квитъ сознанья его уписуючи до книгъ такъ се у собѣ маетъ тыми словы: Я, Валентій Садковскій, возный повѣту Оршанского, сознаваю

тымъ моимъ квитомъ, ку записанью до книгъ кгроцкихъ господарскихъ староства Оршанского, ижъ року теперешнего тисеча пятьсотъ деветдесятого, мѣсеца Апрѣля одиннадцатого дня, маючи при собѣ сторону двухъ шляхтичовъ, былъ есми зъ листомъ его милости пана старосты Оршанского и Оранского, пана Андрея Сапѣги, у козаковъ Запорозскихъ войскъ гетмана ихъ Войтеха Чановицкого, у сотника и гетмана ихъ надъ тыми войсками, которые на тотъ часъ у Быховѣ были, у пана Якуба Осовского . . . . въ иншихъ товарышовъ его, которыхъ на тотъ часъ при немъ не мало было . . . . листомъ упоминальнымъ упоминаючи, абы кривдъ никоторыхъ не чинили. А кгдымъ тамъ былъ у помененого Якуба Осовского, сотника войска казаковъ Запорозскихъ, при которомъ на тотъ часъ было козаковъ а товарышовъ его . . . . видѣлъ есми и вязневъ, то есть, подданыхъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ села Холстова двухъ, Марка Савоновича а Онопрея Ивановича, у желѣза окованые, якожъ панъ Якубъ Оссовскій казалъ ихъ привести передъ себе, оказуючи мнѣ ихъ и менечи ихъ быть нѣякими злочинцами и мордерами, которые ставши очевисто передъ паномъ Якубомъ Осовскимъ и передъ всѣми товарыщми его и передо мною вознымъ за пытаньемъ ихъ сознали тыми словы: вольно дей вамъ мене и товарыша моего мордовать и у везенью держать и што хотечи зъ нами чинить, бо есмо теперь въ рукахъ вашихъ и у везенью вашомъ, але есмо къ тому не дѣйцы и о томъ не вѣдаемъ, и того есмо не чинили и никого есмо не забіяли и о томъ не вѣдаемъ и приради ни отъ кого на то не мѣли. На то Якубъ Осовскій передо мною вознымъ повѣдялъ и передъ двѣма шляхтичами, которые на тотъ часъ при мнѣ были: теперъ дей ты, хлопе, не сознаваешь, але дей ты мусишь сознать, коли я до тебе ката присажу и будуть тебе чвертовать альбо на гакъ вѣшать. Томъ я видѣлъ и слышалъ и такъ до книгъ сознаваю, и на томъ далъ сесь мой квитъ зъ моею печатью и съ подписомъ руки моее власное и подъ печатми тыхъ двухъ шляхтичовъ, а который писать умѣлъ и руку свою подписалъ. Которое оповѣданье и жалобу такъ тежъ и сознанье очевистое возного просилъ мене, урада, панъ Миколай Тлуховскій, намѣстникъ Шкловскій и Быховскій, абы тая уся справа до книгъ кгроцкихъ Оршанскихъ записана была, которую усю справу, водлѣ жалобы и оповѣданья пана Миколая Тлуховского и сознанья возного, я, урадъ, до вѣдомости своее урадовое припустивши, до книгъ кгроцкихъ Оршанскихъ записати казалъ. Што до книгъ и есть записано. Которого сознанья возного съ книгъ кгроцкихъ Оршанскихъ сесь выписъ пану Миколаю Тлуховскому, намѣстнику Шкловскому и Быховскому, подъ моею кгроцкою печатью есть выданъ. Писанъ у замку господарскомъ Оршанскомъ. Миколай Подберезскій, кгродскій Оршанскій писаръ.

Внизу тисненая печать. Весьма ветхъ. Хранится тамъ же.

62.

1592 г. Апрѣля 21 дня. Закладная запись епископа Владимірскаго и архимандрита Кіево-Печерскаго монастыря Мелентія Хребтовича на имѣніе Путятичи, данная Аксиньи Богушевой—Балакиревой.

Я, Мелентей Хребтовичъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, архимандритъ Кіевскій манастыра Печерского. Вызнаваю то и явно чиню симъ моимъ листомъ, ижъ ку пильной а великой потребѣ моей позычилъ и до рукъ своихъ отличивши, взялъ есми семнадцать копъ грошей Литовское личбы у ее милости панеи Богушовое Балакировое, панее Оксиньи Круневичовны, которую копъ семнадцать грошей Литовскихъ маю и повиненъ буду ее милости всю сполна отдати и заплатити, при окупенью имѣнья моего отчизного, въ повѣтѣ Мозырскомъ лежачого, Путятичи, которое имѣнье ее милости отъ мене держитъ за листомъ моимъ головнымъ въ сумѣ пѣнезей, у трехъ сотъ и шестидесятъ копахъ грошей Литовскихъ, до которое сумы прилучивши копъ семнадцать грошей Литовское личбы, тую суму сполна, ведлѣ листовъ моихъ, ее милости отдати буду повиненъ, альбо тому, кому бы ее милость тую суму пѣнезей зъ имѣньемъ моимъ пустила, отдати и заплатити повиненъ буду. А гдѣ бымъ тое копъ семнадцати грошей еи милости при той сумѣ пѣнезей головной заплатити и отдати не хотѣлъ, тогды подъ тые же обовязки и варунки въ листѣ моемъ головномъ, еи милости на то имѣнье отъ мене даномъ, подлечи маю. И на то есми еи милости панеи Богушовой Балакировой Оксиньи Круневичовнѣ далъ сесь мой листъ подъ печатью моею и съ подписомъ руки моее властное. А притомъ были и того вѣдоми, за прозбою моею печати свои приложити и руками се своими подписать рачили: ихъ милость панъ Дмитрій Елецъ, писаръ земскій Кіевскій, а панъ Иванъ Солтанъ. Писанъ у Кіевѣ. Року тисеча пятсотъ деветдесятъ второго, мѣсеца Апрѣля двадцать первого дня. Въ того листу печатей три а подписъ рукъ тыми словы: архимандритья рука такъ естъ написана: властною рукою. Дмитръ Елецъ, писаръ земскій Кіевскій, рукою властною. Иванъ Солтанъ, власною рукою.

Хранится тамъ же. Напечатано по выписи.

63.

1594 г. Уставъ повинностей, вольностей и волочной помѣры волости Могилевской.

Устава повинностей и вольностей подданымъ волости Могилевское, съ помѣры волочное черезъ насъ, Яна Корсака а Яна Чижа, зъ росказанья его королевское милости, ревизоровъ Могилевскихъ, дана на рокъ тисеча пять сотъ деветьдесятъ четвертый войтовству Брылевскому, войту Бабинѣ.

Напродъ на кождый годъ дать до скарбу короля его милости зъ волоки кгрунту доброго грошей семдесятъ, середнего—грошей шестдесятъ, а назбытъ подлого—грошей сорокъ. Окромъ кгрунтовъ нѣкоторыхъ и властью и положеньемъ напреднѣйшыхъ, на которые цыншу пильнымъ уваженьемъ прыбавлено

и пры кождомъ селѣ описано; жыта и овса зъ грунту доброго и середнего по бочцѣ, а съ подлого и назбыть подлого овса по двѣ бочки, мѣрою черезъ насъ постановленою у чотыри корцы Краковскихъ, подъ стрыхъ, ровно, безъ верху и безъ тресенья, за которое збоже мають они платити пѣнезми: за бочку овса по десети грошей, а за отвозъ по петь грошей. Опрочъ естли бы особливое росказанье листовное королевской его милости альбо скарбовое надалѣй о светомъ Балтромею было,—повинна будеть волость жыто и овесъ збожемъ дать и отвезти, гдѣ будеть розказано, а тогды не повинна будеть за отвозъ отъ бочки жыта по грошей десети а отъ бочки овса по пети грошей платить.

Надто зъ волоки заробить на годъ дни чотыры, то есть съ конми половица, а половица пѣшо; которая робота ни на што иншого, одно на будованье и оправу замку, ставовъ и млыновъ пожыточныхъ и иншые потребы, власне его королевское милости належачые, оборочати се маеть, ни якимъ обычаемъ не вызволаючы отъ того подданыхъ. А естли бы што значного знову которого року около замку робити потреба, тогды, подлугъ уваженья потребы, надъ тые чотыри дни—день, а наболѣй два дни, а небольшъ, посполу съ тыми чотырма днями, а не порозну, на волоку прыбавлено быти можеть, зъ вѣдомостью самого старосты. А кгды будеть замокъ знову робить потреба, тогды, за росказаньемъ листовнымъ его королевской милости и наукою скарбовою, вся волость приложити се маеть.

А зъ застѣнковъ платить, гдѣ волока быть не можеть, также и зъ морkговъ сѣножатныхъ, одъ моркга кгрунту доброго—грошей тры, пѣнезей чотыры, середнего кгрунту—грошей тры, съ подлого кгрунту—грошей два, а назбыть подлого грошей полтора; а зъ волоки лѣсное, гдѣ могуть быть дрова и пробки и сѣножати добрые, грошей петдесятъ, а съ середнихъ—грошей трыдцать, съ подлыхъ—грошей двадцать, зъ барзо подлыхъ, болотныхъ, песковатыхъ,—грошей петнадцать, такъ яко есть при которомъ селѣ на платъ съ помѣры описано, окромъ кгрунтовъ на пашню негожыхъ, боровъ, дубровъ, болотъ, гдѣ пры которомъ селѣ безъ помѣры вольно зостали; таковыхъ кгрунтовъ, яко на паству, дрова, будованье и иншые пожытки и потребы свои подданые, кождый въ своемъ крузѣ и границахъ, вольно вжывать маютъ до узнанья напотомъ ревизорского, если бы се што на платъ гожого напотомъ показало. Але гдѣ пры которомъ селѣ лѣсы на пашню гожые безъ помѣры и певного постановленья зостали, тамъ маеть быть людми осажывано, даючы слободы до десети годъ. А гдѣ лѣсы трудные до розробковъ и отлеглые—и до дванадцати годъ; также и луги, на сѣножать годные, гдѣ зоставають, потребуючымъ селамъ на слободу, водлугъ уваженья, лѣсу до волокъ въ ровный дѣлъ давано быти маеть.

За дань медовую, яко много пудовъ на которое село альбо обрубъ вложоно и описано, за кождый пудъ мѣры данное у шесть безмѣновъ, по грошей трыдцать чотыры, а за одвозъ по грошу одному, окромъ, естли бы особливое росказанье листовное короля его милости альбо скарбовое надалѣй о светомъ Балтромею прынесено, повинна будеть волость медъ медомъ дать и отвезти, гдѣ будеть росказано, а тогды не повинна будеть за отвозъ платить одъ пуда по грошу одному.

За ловы звѣрыные, якъ великого, такъ и малого звѣру, куничные, бѣлочны

и иные всякіе, также и пташынные и за рыбные уходы, которыхъ подданые волостныя безъ переказы отъ враду волно ужывать маютъ, съ кождое волоки, гдѣ такіе ловы суть, водлугъ уставы описанья пры кождомъ такомъ селѣ плачоно быти маеть.

А за бобровые гоны съ кождого села, альбо обрубу, гдѣ пры которомъ селѣ описано, огуломъ плачоно быти маеть, а не зъ волокъ, хотя бы и пустые волоки въ селѣ были; за чымъ вольно будеть подданымъ, колько ихъ въ которомъ селѣ будеть, въ своемъ обрубѣ бобры на себе ловить и всяки звѣръ кому хотя продать. А врадъ яко въ ловы всякіе уступовать, такъ и переказы ни якое яко въ ловенью, такъ и въ продаванью всякого, якъ лѣсного, такъ и водного звѣру, подданымъ чинить не маеть.

На сторожу замковую для кликанья, альбо гласанья и на иншые потребы замковые вся волость повинна, абы водлугъ давное уставы давать дванадцать сторожовъ; лечъ ижъ теперъ волости часть не малую одъ замку одорвано, только осмъ сторожовъ, на кожды годъ до замку волость, теперь до замку належачая, давать маеть, складаючи се на то зъ волокъ, пры оддаванью цыншовъ до рукъ войтовскихъ; которые посполъ съ поддаными за тые пенези сторожовъ наймуючы, врадови подавать на цѣлый годъ повинни будуть. А въ державѣ Горбовицкой тымъ же способомъ по чотыры сторожы врадови тамошняя волость—подавать.

На отвозъ цыншовыхъ пѣнезей до скарбу короля его милости маютъ зъ волости чергою въ кождый годъ подводъ по шести по одному коню, альбо по тры возы по два кони, то естъ зъ части, теперь до замку належачое, подводъ чотыры, а съ части Горбовицкое подводы двѣ. А черезъ тое никоторыхъ иншыхъ подводъ врадъ на потребы свои ани на чые иншые на подданыхъ короля его милости вымышляти не маеть.

Способъ и часъ оддаванья и вытеганья всякихъ податковъ.

Всякіе платы и доходы съ подданыхъ одъ враду и ихъ намѣстниковъ ни гдѣ индѣ, одно въ замку, албо въ дворѣ короля его милости выбираны быти маютъ, не посылаючы на села, ани въ домы, и такъ оддавати подданые быти маютъ за напомненьемъ войта своего, почавшы одъ светого Михала ажъ до светого Мартина, кожды при своемъ войтѣ; вшакъ же дальшымъ селомъ маеть быть тыдень и други, водлугъ далекости, надъ тотъ рокъ фолкговано. А хто бы не оддалъ до часу замѣреного, войтъ, за росказаньемъ врадовымъ, маеть такого ставить передъ урадомъ, а урадъ, довѣдавшысе, если могъ чымъ заплатить податокъ а за недбалостью не платилъ, маеть его у везенью держать до заплаты, а децкованья за то не брать, одно грошъ одинъ поколодного, альбо потуромного, воловъ ани коней за невыданье податку а ни за што иншого николи не грабити. А хто бы податку не могъ заплатити за погорѣньемъ, за вымертьемъ, альбо хоробу всего дому, за голодомъ, за побитьемъ граду, за убозствомъ,—таковаго, кгды войтъ поставить, урадъ, взявшы вѣдомость одъ войта, лавниковъ и суcѣдовъ его, маеть послати до дому его, довѣдаться достаточне и справедливе, маеть таковаго въ реестръ вписати и пры личбѣ скарбѣ оповѣдать, за которою прычыною выдать не могъ, за чымъ маеть быти въ скарбѣ отложоно на вывѣданье ревизорское, который того року маеть быть посланъ на вывѣданье ревизорске. А довѣдавшысе

такъ невыданыхъ платовъ, яко и волокъ пустыхъ и всихъ речей, што бы зъ личбы и на квитѣхъ до вывѣданья описано, маеть свой листъ дать, чого се довѣдалъ около рештъ, зъ личбы зоставленыхъ. А тотъ листъ моцны будеть, яко и скарбовый квитъ, и на другой личбѣ въ скарбѣ за оказаньемъ того листу ревизорского маеть быть прынято, што въ немъ описано. А часу выбиранья доходовъ долговъ своихъ нихто на подданыхъ господарскихъ отправовати не маеть, а до скарбу доходы короля его милости врадъ на свято Божого Нароженья оддати повиненъ и личбу учинити водлугъ уставы короля его милости давное.

Млыны, гдѣ на которомъ мѣстцу пожыточные быти могутъ, звлаща гдѣ теперь черезъ насъ ревизоры мѣстца назначоны суть, повиненъ врадъ се о то старать, якобы могли быть збудованы тыми днями урочными, на подданыхъ вложоными; а гдѣ накладу не малого, тамъ врадъ зъ скарбу науки досегать маеть, вѣть же до копъ десети пожыточне и безъ пытанья наложоно быть можеть; гдѣ бы повинными днями волость досыть учинити не могла а млынаровъ до того способять, врадъ повиненъ которому третюю мѣру зъ млына и волоку одну давать, а двѣ мѣры на пожытокъ скарбу короля его милости. А за то повиненъ млынаръ до роботы млына и упустовъ мистромъ быть, поправовать, кгвалтовъ стеречь и съ помочью подданыхъ гамовать, желѣза и вси потребы до млива своимъ накладомъ справовать. А зъ волоки до замку альбо двора по два дни тесельскую роботу служить, а который млынаръ въ злодѣйствѣ будеть досвѣтчонъ, тотъ одъ права млынарского и млына отпадываеть; а штобы вонтпливого въ таковомъ судѣ около справы млынарское было, маеть врадъ съ порозумѣньемъ иншыхъ млынаровъ то осудить. А ижъ пры нѣкоторыхъ селахъ подданые, млыны сами зробившы, вольно безъ плату до сего часу ужывали, а иншые недавно поробили, мають они съ того платить, водлугъ теперешнего ошацованья, до скарбу короля его милости. Вшакъ же кгды ся млыны накладомъ короля его милости побудують, таковые млыны у двухъ миляхъ кажоны быть мають, а звлаща гдѣ прыѣздъ слушный до млына быть можеть. А за мливо побожне маеть быти брано, а въ чужыхъ млынехъ, мимо млыни, съ которыхъ до скарбу его королевское милости платъ идеть подданые короля его милости молоть не мають, а млыновъ, съ которыхъ бы значного пожытку не было, накладомъ короля его милости не будовать.

Мосты на мѣстьцахъ звыклыхъ подданые мають направовать якобы безпечны переѣздъ былъ, чого войтъ досмотрѣть повиненъ; а гдѣ бы войтъ въ томъ недбалымъ былъ, врадъ его упоминать маеть. А естли бы подданые войту въ тымъ не были послушны, тогды врадъ ихъ маеть казати выгнати за войтомъ; а отъ того ничого врадъ и нихто брати не маеть.

Доходы на старосту зъ волости.

Съ кождое волоки, пры одбиранью платовъ, до скарбу короля его милости належачыхъ, бирчого и пищого пѣнезей дванадцать: одъ бочки жыта пѣнези два, а отъ бочки овса по пенезю одному. Къ тому съ кождое волоки, гдѣ жыто, до скарбу короля его милости повинни по чверти, альбо по корцу жыта, а по другому корцу овса, а гдѣ жыта неповинно давать, тамъ по два корцы овса таковое жъ мѣры, подъ стрыхъ, ровно, не тресучы; зъ десети волокъ

сѣна возъ одинъ, а возъ дровъ зъ волоки одное однымъ конемъ. А записного на врадъ одъ кождого воза сѣна и отъ воза дровъ по пѣнезю одному. А тое сѣно и дрова отдавать волость маеть на певные часы, то есть зъ близшыхъ селъ на день светого Миколая, а зъ дальшыхъ о Божомъ Нароженью; а которые надалѣй одъ замку—на день Трехъ Кролей, а одвозить не далѣй и нигдѣ индѣй, одно до замку. А пры одбиранью дани медовое за пудомъ по грошу одному. А надъ тые повинности описаные, яко на короля его милость, такъ и на врадъ, подданые волостные прымушаны быть не маютъ, кромъ винъ на короля его милость и на врадъ и иншыхъ прыпалыхъ доходовъ, то есть вина битая обжалованая грошей дванадцать. А естли бы не обжаловавшы зъеднають се, грошей шесть вины на томъ, хто еднаеть ся. Таковыхъ винъ и которая бы на короля его милость належали, до скарбу короля его милости двѣ части, а на врадъ третяя часть.

Винъ ни якихъ, ани зарукъ, прометовъ врадъ на подданыхъ брать, ани слугамъ своимъ выдавать и въ домы по коледѣ и пожыткохъ вымышленыхъ ѣздить и посылать не маеть, окромъ вины отъ скаженья межы по грошей дванадцати, яко есть пры повинности войтовъ волостныхъ, такъ тежъ, коли подданый на роботу не выйдеть, вины на врадъ грошъ одинъ, а за другій день—барана.

Пересуда на врадъ одъ копы тры грошы, альбо одъ десети грошей полгроша; а хто ся оттяжеть, толко паметного грошей чотыры дать маеть.

Децкованья по грошу одному отъ мили; поколодного, альбо потуремного грошъ одинъ.

Вижованого, естли зъ мѣстца не поѣдеть, грошъ одинъ; а поѣдеть ли зъ мѣстца, отъ мили по грошу одному; также и отъ прыгледанья прысеги грошы два; а естли не присягнеть, полъ гроша.

Записного отъ суда грошъ одинъ, а за выписъ, кому потреба будеть, грошъ другій, для чого мають быть книги справъ судовыхъ, порадне справленые на врадѣ.

Куницы за дѣвкою и вдовою, коли до иншое панщызны замужъ идеть, грошей дванадцать.

А надто, яко есть вышей помянено, ни якихъ винъ, зарукъ и пожытковъ вымышленыхъ врадъ и нихто на подданыхъ вытегать не маеть. А естли бы надъ уставу, и крывду шкоду подданому учынилъ, повиненъ передъ ревизоромъ укрывжономy усправедливиться. А за слуги свои, хотя бы ихъ не было, въ кождой крывдѣ самъ отповѣдать и досить чынить повиненъ, естли бы за прошеньемъ войтовымъ, альбо подданого справедливости не учынилъ.

Злодѣевъ, злочынцовъ врадъ карать маеть, водлугъ статуту, безъ вины злодѣйское, которая передъ тымъ бывала; а маетности злодѣйское на врадъ и ни на кого не брать, але то зоставлять пры земли, жонѣ и дѣтяхъ. А не будеть ли жоны и дѣтей, иншого на томъ осадитъ. Такъ же отъ умерщызны и отъ бѣгщызны абы конечне не брано, але на той маетности и томъ кгрунтѣ иншыхъ подданыхъ осажоно.

Повиненъ тежъ врадъ подданымъ короля его милости отъ общыхъ укрывжонымъ справедливости водлугъ права посполитого доводить, посылаючы слугу своего зъ войтомъ и зъ служкою за крывдами подданыхъ безъ вымовки, которому слузѣ врадовому поминьного грошъ одинъ, а естли не зыщеть, и того брать не маеть.

Справедливость тежъ съ подданыхъ

господарскихъ врадъ чынить маеть неотволочною кождому потребуючому.

А въ крывдахъ подданыхъ одъ бояръ, поповъ и подданыхъ ихъ повинни се они, за обосланьемъ старостинымъ и зложеньемъ року, успраедливять и зъвыналезку врадового досить чынити; а хтобы за первымъ и другимъ обосланьемъ врадовымъ подданому на жалобу его передъ врадомъ самъ успраедливити се и съ подданыхъ своихъ справедливости учынить не хотѣлъ, таковаго врадъ за третимъ напомненьемъ, еслибы се въ томъ чуть не хотѣлъ, грабить маеть, а подданому господарскому тымъ грабежомъ ведлѣ жалобы его нагороду учынить и шкоды сельскіе якъ домовые, лѣсные, пашные звыклымъ обычаемъ повинни се на копѣ винного становить не только подданые короля его милости, але хтобы кольвекъ въ селѣ на якой повинности кгрунтъ короля его милости держалъ.

Повинность войтовъ волостныхъ.

Зъ росказанья врадового на роботу и съ цыншами и платами короля его милости подданыхъ выганять и пры отдаванью платовъ быть, подданыхъ вмѣсто децкого ку праву передъ врадомъ ставить, пры роботѣ вмѣсто прыстава надъ людьми войтовства своего пильновать, и, коли будеть потреба, збоже данное за росказаньемъ листовнымъ короля его милости албо скарбовнымъ отвозить, пры отвоженью и отдаванью быть, переоры волокъ прынятыхъ стѣнъ границъ и копцовъ на кождый годъ межы поддаными короля его милости поправлять и поновлять подъ виною копы грошей. А гдѣ бы отъ которого сусѣда видѣлъ копцы албо границы покажоны, маеть то врадови оповѣдать подъ тою жъ виною. Повиненъ тежъ войтъ кождыи волоки, не прынятые и которые бы на потомъ пустыи были, людми добрыми зъ вѣдомостью врадовою осаживать. А врадъ маеть подданыхъ судити во всемъ дня торгового окромъ прычины крывавое и кгвалтовное; о такую вину коли кольвекъ врадъ роскажеть ставить подданого ку праву, войтъ повиненъ. А хтобы съ подданыхъ войта послушенъ не былъ, а за позваньемъ его передъ урадомъ не сталъ, по таковаго своволного урадъ децкого послать маеть и отъ непослушного децкованья на милю на обѣдвѣ сторонѣ грошъ, а пры судѣ войтъ быть и справедливости подданому домагать маеть, винъ короля его милости вѣдомость и ревизоромъ оповѣдать и того стеречь, абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ; а естли бы за его мовеньемъ того врадъ не переставъ, маеть то войтъ ревизорови оповѣдать. А войта о кождую вину маеть врадъ судить, только войтовства не одыймовать, ажъ посполу зъ ревизоромъ, дознавшы вины и неслушное справы его, а, выставившы таковаго войта, иншого мужа тоежъ волости уставить неподозреного, на которого се подданые зезволять. Которые войтове и лавники судовъ жадныхъ по селахъ судить, поклоновъ и вымысловъ надъ поддаными господарскими чынить не мають, подъ виною на подскарбего земского рублемъ грошей, але гдѣ кольвекъ обачывшы шкоду короля его милости, урадови и ревизорови оповѣдать, ничого не укрываючы, подъ таковоюжъ виною. А пры обиранью на войтовство войтове и лавники присегать мають, ижъ се вѣрне заховать мають въ повинности своей. А окуповъ врадъ съ подданыхъ брать не маеть за роботу; а гдѣ бы бралъ, маеть то войтъ ревизору оповѣдать. А если бы войтъ волоку пустую нанялъ, албо отъ враду нанятую

заталилъ передъ ревизоромъ, тогды за то горломъ скарать его яко злодѣя. А для розмѣранья войтъ маеть мѣть шнуръ, добре справленый и досвѣтчоный и часу мокро, албо сухого, завжды лихтовать и досвѣтчать. А нарозницы, и межы и борти врадови выѣжджать, а ни слугъ высылать, пересуду и проѣзду не брать, але войтъ маеть межу направити, а отъ скаженья межы на врадъ маеть брать на винномъ грошей дванадцать, а собѣ за працу чотыры грошы, а одъ дерева бортного на врадъ грошы два, а на войта грошъ одинъ. А хотя бы не переведена а за обжалованьемъ поеднана, таковая жъ вина. А естли бой станеть се в не жалуючы се урадови поеднаеть се, вина грошей шесть. А естли того не обьявить войтъ а лавникъ, повинни копу грошей. А на врадъ войтовскій маеть мѣть кождый войтъ вольности отъ всякихъ повинностей зъ волокъ а зъ кгрунту подлого водлугъ уваженья пожытку съ таковыхъ волокъ, ровнуючы зъ волоками двѣма кгрунту середнего, окромъ войтовства Иструбицкого: тамъ одное волоки для малости войтовства досить; а за працу войту пры одбиранью цыншовъ съ кождое волоки маеть быти по грошу одному.

Повинность лавниковъ сельскихъ.

Лавницы въ селахъ меньшыхъ по одному, а въ большыхъ по два, люди не подозреные, вѣры годные, мають быть. Которыхъ повиность: шкодъ межы подаными въ испашахъ и иншыхъ шкодахъ оглядывать; а за працу лавнику оглядного отъ шкоды грошъ одинъ; за тымъ же грошомъ, то, што имъ оказывано, справедливе подъ прысегою передъ урадомъ сознать повиненъ, а за несправедливое посвѣтчене албо сознанье каранъ быти маеть за слушнымъ доводомъ, яко крыво-прысяжца, горломъ, а безчестья лавникомъ водлѣ статуту; але одъ повинностей всякихъ зъ кгрунтовъ своихъ вызволеный быти не маеть. Повинни тежъ лавники всякого порядку въ селѣ доглядать, а наболѣй—горожы отъ стравы, на боковыхъ стѣнахъ розмѣрывши на ровные части на кождую волоку, абы за часу кожды горожу слушную поставилъ; а хто бы за недбалостью на рокъ слушный, всему селу за часу ознайменый, свое дѣленицы не загородилъ, за чымъ бы се шкода кому стала, тогды, за переведеньемъ такое шкоды зъ росудку врадового, повиненъ заплатити винны на врадъ шесть грошей и шкоду оправить. Вшакъ же въ паранинѣ нихто ни накого городить не повиненъ, а ни стравы платить, еслибы хто въ паранинѣ посѣялъ: а за таковую працу лавники роботы повинное съ кони служыть не повинни зъ волоки одное.

О порадку въ роботахъ на волость вложоныхъ.

На роботу повинную маеть войтъ за часу заказовать подданымъ черезъ лавники, абы се нихто не вѣдомостью не вымавлялъ. А хто бы на тотъ день не вышолъ, заплатить маеть грошъ одинъ, а за другій день барана. А гдѣбы за третимъ разомъ за недбалостю албо за піянствомъ не вышолъ, того хлостою карать, окромъ, если бы зъ якое прыгоды не вышолъ: тогды за ознайменемъ черезъ сусѣда, албо лавника, отъ вины воленъ будеть, а день повинный иншымъ часомъ заробить маеть. Также, естли бы хто се на роботу вышти опознилъ, другого дня толко доробить повиненъ. А становить се подданымъ на мѣстцу назначонымъ о вѣхо-

дѣ,—а сходить до роботы о заходѣ слонца; а отпочывать коннымъ передъ обѣдомъ въ полуднѣ, также и надъ вечеромъ по годинѣ, а пѣшымъ по полгодины: а то лѣтѣ на долгомъ дни. А ижъ въ тутошней волости иншые села отлеглые суть, маеть быть на то баченье врадовое, абы таковыхъ отлеглыхъ селъ до роботы далекое не посылалъ, але ближшыми людми прылеглые роботы отправовалъ; также часу непогодного, звлаща зъ весны отлеглыхъ людей на роботу не выганять, побоями подданыхъ не карать, окромъ злочынцовъ и лихихъ людей, такихъ водлугъ учынку карать, а упорныхъ и не повстегливыхъ везенемъ и винами водлугъ уставы короля его милости карать.

О пустыхъ волокахъ и бортяхъ.

Волоки пустые и не розробленые врадъ людми добрыми осажывать маеть, пишучы въ реестръ, которого часу и дня прыймують, съ которыхъ волокъ, покуль се збудують и волоки направять до лѣтъ двухъ, албо трохъ, не мають давать за вси повинности только грошей двадцать чотыры, знявшы ярыну и жыто; а роботы жадное, покуль се не побудуеть, не повиненъ. А то водлугъ далекости будованья. А гдѣ вже теперъ черезъ насъ ревизоры слободы которому селу назначоны есть, тые мають быть захованы водлугъ описанья пры кождомъ селѣ. А прыемного не брать, только по два грошы на врадъ; а записного другіе два грошы. А волокъ пустыхъ и не прынятыхъ и сѣножатей на нихъ не наймовать, за поклоны а ни за скарбовые доходы пахать не давать ниякимъ обычаемъ. А хто бы се не вписавшы въ реестръ смѣлъ на пустой волоцѣ сѣять, тотъ и збоже и вины рубль грошей на короля его милости тратитъ.

А ижъ сѣножати пры селахъ на волоки моркгами розмѣраны суть и гдѣ волоки не прынятые, тамъ и моркги сѣножатные зоставають; маеть ихъ врадъ завѣдать, покуль волоки розобраны будуть и съ того личбу чынить. А таковыхъ моркговъ на волоки подѣленыхъ безъ волоки никому на платъ не давать: тое жъ се маеть розумѣти о сѣножатехъ, и въ самыхъ волокахъ. Вшакъ же въ паранинѣ сѣножатей врадъ заборонять травити подданымъ не маеть, будованя на пустыхъ волокахъ не пустошить: овшемъ опатровати, абы се не псовало.

Бортного дерева и на борть гожого на пустовщынахъ не пустошить, не псовать; але даючы того жъ села подданымъ, покуль хто не прыйметь, съ третее части опатровати, а пчолъ не пустошыть; чого войтове съ пилностю доглядать мають, стараючысе, абы яко волоки пустые, такъ и борть пустая людми осажона была.

Пожытковъ и всякихъ уходовъ до пущъ, лѣсовъ, рѣкъ, озеръ, дерева бортного и сѣножатей на кгрунтехъ короля его милости людемъ чужымъ не позволяти, одно подданымъ волостей короля его милости на цыншу и на платехъ даваны быти мають. А то, ижъ бы за такими уходы, и вкупы, и поклоны кгрунтовъ короля его милости нихто собѣ прывлащать прычыны не мѣлъ.

Подданые убогіе и недостаточные часовъ голодныхъ засѣявшы на зиму кгды отходить для пожывеня маеть се оповѣдать и указать убозство и недостатокъ свой пры войтѣ, для чого то чынить мусить. Таковому домовство не маеть быти брано и засѣвокъ ажъ до светого Яна; а не вернеть ли се до того часу, засѣвокъ тратить: а то маеть быть со всимъ оддано иншому безъ поклону врадничого. Также, хто бы съ

подданыхъ не оповѣдавшысе пры войтѣ утеклъ зъ волоки, иншому тая земля со всимъ домовствомъ, што зоставить, маеть быти дана. А естли за крывдою отъ войта и вратника выйдеть подданый, ревизоръ, кгды прыѣдеть, маеть се вывѣдать и уважыть, и естли маеть быть прыпущонъ таковый до засѣвку и будованя.

Продать на волоцѣ подданому будоване и домовство вольно передъ врадомъ и войтѣ и лавникомъ. А тымъ, хто купить засадившы волоку свою, который бы подолѣлъ повинность полнить можеть въ мѣстѣ, албо на пустой волоцѣ есть; а хто купить, не маеть болшъ дать, одно грошы два врадови, а записного въ реестръ другіе два грошы. А естли въ томъ врадѣ мѣста и волоки пустое не будеть, тогды ему вольно безъ поклону и куницы выходное до иншое волости альбо мѣста господарского выйти.

Вольно тежъ завжды подданымъ всякій добытокъ домовый, польный и лѣсный, и медъ пресный и иный кождый, и которого колвекъ звѣра—лося, медвѣдя, рысю, бобра, куницу, лисицу— убившы, на торгу продать. А естли бы на торгу не продалъ, ино на вольномъ торгу у дому своемъ, або гдѣ колвекъ также вольно ему продать; а врадъ для пожытку своего того подданымъ заборонять, ани въ нихъ тыхъ речей всякихъ брать не маеть.

Корчомъ покупныхъ и шымковъ по селахъ врадъ заборонять маеть, окромъ корчомъ по гостинцахъ и то не близко села, звлаща черезъ насъ на мѣстцахъ нѣкоторыхъ назначоныхъ, гдѣ домы въѣздные для людей переѣжджыхъ тыми жъ днями урочыстыми, на волость вложоными, врадъ збудовать повиненъ, и на слушной арендѣ постановить ку пожытку короля его милости, а отъ людей переѣжджыхъ всякого стану врадъ подданыхъ боронить маеть, абы стацыи на нихъ не витегано безъ слушное заплаты.

Гостинцовъ тежъ новыхъ и незвыклыхъ врадъ никому своволне перекладати допущать не маетъ, окромъ, естли бы того потреба оказывала, маетъ того врадъ самъ досмотрѣть, штобы было безъ шкоды короля его милости и подданыхъ, и то, естли бы се ревизоромъ на потомъ видѣло.

Жолнеры альбо люди служебные зъ ротъ своихъ замковъ украйныхъ абы у волости не уходили, стацей ниякихъ даремныхъ, ани лупества жадного подданымъ короля его милости не чынили. А гдѣ бы се съ которое роты шкода стала, маетъ врадъ о таковыхъ шкодахъ до скарбу достаточнымъ реестромъ запечатованымъ и подписанымъ ознаймить; а въ скарбѣ за тымъ заслуженого ротмистрового укрывжонымъ плачоно быти маеть; также служебные люди здѣшнего замку, естли бы ихъ коли ховано, также и козаки на волость по коледѣ, альбо волочебномъ уходить и жадныхъ крывдъ и утисковъ подданымъ чынить не мають, чого врадъ постерегать и заборонять маеть.

Бобровыхъ и рыбныхъ лововъ по рѣкахъ безъ подѣленья береговъ огуломъ кождое село ужывать маеть, а особливе одинъ безъ другого бобровъ не ловить и зъ ручницъ не бить. А гдѣ хто въ которомъ селѣ за данинoю короля его милости до рѣчныхъ уходовъ уступъ маеть, тамъ же сполне съ поддаными части своее ужыватъ маеть, ведже рыбы ловить по рѣкахъ и озеркохъ уступныхъ кождому и особно вольно. Ижъ съ теперешнего помѣры дерево бортное, которое въ кождомъ крузѣ наровно подѣлоно было, въ розные круги и села позаходило, а дань медовая по старо-

му зоставлена естъ; маеть кождый кругъ межы собою, дерево бортное на волоки подѣлившы, по тому и дань медовую розложыть, оставуючы пры кождомъ селѣ все дерево бортное, которое на кгрунтехъ, которому селу на пашню прыданыхъ зостало. А гдѣ въ иншый кругъ дерево бортное отграничоно, тамъ по тому и дани знято быть маеть. А гдѣ боры, лѣсы, на пашню не гожые, пры селѣ зоставаютъ, тамъ, естли бы се вси подданые того села на дѣлнѣ зезволили, по старому дѣлу борти ужывать мають. Также, гдѣ бы пустыхъ волокъ было не мало, а дань бы въ томъ селѣ зуполна была, а подданые бы дѣлить дерево бортное по волокамъ хотѣли, мають того войтове постерегать, якобы за такимъ дѣломъ дань не гинула. А таковый дѣлъ безъ отволоки отправленъ быть маеть, за вѣдомостю и дозоровъ войтовъ волостныхъ. А што се дотычеть передковъ альбо дерева набортчого, тое кожды(й) на своемъ кгрунтѣ заразомъ завѣдать маеть, которое также часу дѣлу на ровные части рознято быть маеть, а до таковового дѣлу, хто колвекъ въ которомъ селѣ кгрунты якимъ колвекъ правомъ держыть, належати маеть. А на пчолахъ передъ дѣломъ уведеныхъ не маеть нихто шкодовать, и если бы се хто добровольне о то не згодилъ, мають быть пчолы сплачываны по грошей трыдцати на далей о светомъ Юрю зъ весны; а естли бы хто сплатить не хотѣлъ, повиненъ отмѣну деревомъ погожымъ прынять. А уведшы пчолы также о светомъ Юрю зъ весны розмѣнить се мають, чого всего мають войтове водлугъ вѣры своее постерегать, якобы съ таковаго дѣлу король его милость шкоды, а подданые крывды не поносили.

Въ пущахъ вольныхъ, гдѣ пры которомъ селѣ оставаютъ, которыхъ здавна и теперъ подданые короля его милости ужываютъ, врадъ для пожытковъ своихъ чужымъ людемъ на дрова альбо будованье давать не маеть, окромъ подданыхъ короля его милости, которые бы на волокахъ своихъ лѣсу на потребы свои не мѣли, и то безъ шкоды дерева на борть гожого. А што особливе на потребу замковую отставлено и потомъ зъ уваженья ревизорского оставлено будеть, того никому врадъ раздавать не маеть, окромъ дерева лежачого, и то только подданымъ короля его милости, которые бы своего лѣсу не мѣли.

Вольно тежъ подданымъ у волокахъ, застѣнкахъ, въ моркгахъ въ платъ прынятыхъ, дрова и хоромину зробившы, звлаща маючы своихъ съ потребу продать, не только у свою волость, але и въ чужую; ведже у волоки лѣсные, альбо въ лѣсный платъ прынятые, чужыхъ людей упущать не мають, ани сами водою спущати; только до торгу самымъ возити на продажу дрова и дерево подданымъ короля его милости вольно.

А што на ключника, подключого и подтивуна Виленского, Воротного и Медосытцу—водлугъ уставы давное ревизорское плачывано зъ службы по пенязей дванадцати—теперь за прымноженемъ волокъ постановлено платить зъ волоки по пенезей осми за домаганьемъ врадниковъ помененыхъ и волею его милости пана подскарбего.

А если бы се што въ сей уставѣ опустило, альбо не ясне описало ку шкодѣ короля его милости, альбо крывдѣ подданыхъ, то потомъ черезъ насъ, часу одданья головного реестру альбо инвентара всего староства Могилевского, прыдано и объяснено будеть. Писанъ у Могилевѣ, року тисеча пятсотъ деветьдесятъ четвертого, мѣсеца Октебра, семого дня.

Писанъ на четырехъ бумажныхъ листахъ. Въ концѣ подпись: Jan Korsak ręka swą; *а еще ниже, современнымъ почеркомъ, помѣчено, что документъ этотъ доставленъ въ Виленскій музей г. Якубовскимъ.*

64.

1595 г. Сентября 19. Духовное завѣщаніе Кириллы Семеновича Терлецкаго, передъ его отъѣздомъ въ Римъ, утвержденное королемъ Сигизмундомъ III того же года Сентября 24.

Жикгимонтъ третій Божою милостью Король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жомойтскій, Ифляндскій и Шведскій, Кгодскій, Вандальскій и дѣдичный Король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ въ обецъ и кождому зъ особна, кому то вѣдати належить, прошоно насъ о выдане съ книгъ канцеляріи нашое коронное листу нижей въписаного, который такъ ся въ собѣ маеть. Жикгимонтъ третій Божою милостью король польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жомойтскій, Инфляндскій, и Шведзкій, Годскій, Вандальскій, дѣдичный король ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ всимъ въ обецъ и кождому зъ особна, кому то вѣдати належить. Постановившися обличне передъ нами у книгъ канцеляріи нашой коронное велебный Кирило Терлецкій Ексарха епископъ Луцкій и Острожскій, и покладалъ передъ нами листъ нижей списаный, зъ печатьми и подписомъ руки своей и тежъ съ печатью и подписми рукъ людей зацныхъ вѣры годныхъ, просѣчи насъ, абыхмо его ку вѣдомости нашой господарской припустивши до книгъ нашихъ канцеляріе коронное ввести розказали: што мы яко речъ слушную чынечи на прозьбу велебного епископа Луцкого и видечы оный цѣлый ни въ чемъ не нарушоный, казали есмо его отъ слова до слова въ книги наши вписати, и такъ ся въ собѣ маетъ: Во имя Отца и Сына и Светого Духа Аминъ. Я Кирилъ Терлецкій, Божою милостью Ексархъ Епископъ Луцкій и Острозскій, сознаваю и вѣдомо чиню симъ моимъ тестаментомъ остаточное воли своее кождому, хтобы о томъ вѣдати хотѣлъ, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, помнечи я на то, ижъ на свѣтѣ ничого певнѣйшого въ кождомъ станѣ чоловѣкови не машъ, одно премѣнетъ живота нашого до часу, который долгъ кождый, хто се на свѣтъ родить, заплатити есть повиненъ, а ижъ въ невѣдомости часу и годины таковогo припадку и доконченя живота нашого зъ прейзренія Его Святого есть постановлено, про то повинне пристои кождому, абы вшелакій чоловѣкъ, о такомъ припадку своемъ уставичне мыслилъ. А маючи такое постановене отъ Бога предъ очима своими уставичне о премѣненю живота своего, а ижъ для згоды и милости церкви восточное греческое, съ костеломъ римскимъ прягнучи, зъ едноченя и примноженя хвалы его светое отправленъ и посланъ естемъ въ посельствѣ отъ наяснѣйшого господаря нашого Жикгимонта третего Короля Польского и великого князя Литовского, и отъ всихъ духов-

ныхъ релеле церкви Греческой до насвятѣйшаго отца папежа Римского до Риму, а, упатруючи далекость краю и небезпечности великой про то, я помененый Епископъ Луцкій, поглядаючи на таки припадокъ смертельный, будучи на розумѣ и въ памети моей цѣлый и здоровый, пристойнымъ уваженемъ всѣхъ тыхъ припадковъ, яко се вышей поменило, сознаваю, ижъ кгдѣ бы Господь Богъ часъ смертельный на мене грѣшного въ той дорозѣ послати и допустити рачилъ, такъ сознавамъ и ку вѣдомости кождому доношу. Напродъ душу мою отдаю и поручаю Господу Богу, и прошу Бога моего Сотворителя, абы зъ милосердія Своего Светого тяжкіе кгрѣхи мое одпустити, а душу мою бѣдную грѣшную до ласки своей Святой приняти рачилъ, а тѣло мое грѣшное земли оддаю; если же землѣ чужой смерть Господь Богъ на мене допустить, пріятеле и слуги мое, которые при мнѣ будутъ, зъ милости повинное, водлугъ звычаю хрестіанского, винни будутъ до гробу одпровадити и поховати. А гдѣ бы въ землѣ и королевствѣ господаря нашого панъ Богъ допустити смерть на мене рачилъ, ино винни будуть дочка моя милая пани Анна Ивановая Велятыцкая и братъ мой милый панъ Ярошъ Терлецкій, зъ милости и повинности своее прирожоное, зъ найбольшою учтивостью тѣлу моему погребъ учинити, и до гробу одпровадити и паметь о души моее, водлугъ везваня хрестіанского, одправовати на певномъ мѣйсцу въ Епископіей моей Церкви Св. Ивана Богослова Соборной Луцкой, въ замку вышшомъ Луцкомъ, при гробѣхъ продковъ моихъ Епископовъ Луцкихъ. А ижъ се звыкло заховывати же въ тестаментахъ, остатнею волею ознаймуютъ долги, хтобы кому што виненъ; ино я за ласкою Божею не естемъ никому ниякоей сумы виненъ, а хотямъ былъ што на потребы церковные, якомъ нижей поменилъ, задолжилсе и виненъ есмы былъ зосталъ певнымъ особамъ, ино, за вѣдомостью и листовнымъ позволеніемъ Его Королевское милости, нѣкоторые имѣня церковные Епископіи моей Луцкой арендовавши певнымъ особамъ и тые долги поплативши, а остатокъ тыхъ пенезей, на тую дорогу будучы отъ его королевское милости посланымъ, зъ собою есми взялъ. А што се тежъ дотычетъ маетности моее убогое, хотяжъ естемъ отъ одного пана невинне знищоный на маетности моей такъ на готовые яко и въ побраню коней и иншыхъ не мало речей, за што ему Господъ Богъ нехай судить и заплатою будетъ, которого я шкодечи зъ сего свѣта тымъ тестаментомъ остатнее воли моее позывамъ его на страшный судъ Вожый передъ милостивого Бога на справедливый розсудокъ на грозный декретъ Божій. А вѣдь же што кольвекъ убозства моего еще позостало пенезей готовыхъ, штомъ мѣлъ то все зъ собою взялъ, а долги, хто ми што виненъ, и чогомъ, въ тую дорогу выбираючи се, выправити немогъ, на реестръ списавши, подъ печатью своею и съ подписомъ руки моее, при листехъ на тые долги и при семъ тестаментѣ моемъ тотъ есми реестръ зоставилъ и до захованя подалъ, а што се тежъ дотычетъ маетности моей убогое, то есть, коней, быдла, стада, возниковъ и всякого спряту домового, который естъ у дворехъ моихъ церковныхъ въ Рожицахъ, въ Будоражу и въ Теремномъ, тогды того всего одписую тымъ тестаментомъ и остатнею волю моее половицу дочцѣ моей Аннѣ и малжонку ее пану Ивану Велятыцкому и дѣтемъ ихъ, а другую половицу брату моему

рожоному пану Ярошу Терлецкому, малжонцѣ его и дѣтемъ ихъ одписую, даю, дарую вѣчными часы; мають то они все межи собою въ ровный дѣлъ на полы справедливе подѣлити, а по зейстю моемъ зъ сего свѣта яко панъ Ярошъ Терлецкій братъ мой, малжонка и дѣти ихъ не мають поискивати ани правне доходити, жадныхъ инныхъ маетностей моихъ, грошы готовыхъ, ани долговъ, обычаемъ спадку альбо даня до схованя на зятю моимъ пану Ивану Велятыцкимъ, малжонцѣ его а дочцѣ моей и дѣтехъ ихъ нигды вѣчне, такъ же тежъ зять мой панъ Иванъ Велятыцкій и дочка моя пани Анна Велятыцкая, ани ихъ дѣти жадныхъ маетностей, грошей готовыхъ, ани долговъ обычаемъ спадку альбо даня до схованя ниякимъ способомъ правнымъ и ни жаднеми вымыслы людзкими поискивати; также не мають и не будутъ мочи на братѣ моимъ пану Ярошу Терлецкимъ, малжонцѣ и дѣтехъ ихъ вѣчнеми часы, гдыжъ жадной маетности моее зъ обу сторонъ при нихъ не зоставую, кромѣ збоже въ гумнахъ зложоныхъ, то есть въ Рожицахъ жыта копъ осмсотъ, овса копъ пятсотъ, а въ Теремномъ жыта копъ двѣстѣ, въ Будоражу жыта копъ чотыруста, овса копъ чотырыста, въ Жабчу жыта копъ триста, овса зобраного за колько лѣтъ дванадцать сотъ копъ, у Фалимичохъ жыта стыртъ три, съ того всего жыта по фольваркахъ моихъ только што засѣяти мають, кромъ Фалимицкого жита, а иншой жадной большей маетности моее рухомое такъ при пану Ивану Велатыцкомъ зятю моемъ, малжонцѣ и дѣтехъ ихъ жадными спадками и обычаемъ даня до схованя не зостало и не зостаетъ, и не маетъ братъ мой панъ Ярошъ Терлецкій, жона и дѣти его на пану зятю моемъ, жонѣ и дѣтехъ ихъ по смерти моей жадныхъ спадковъ обычаемъ даня до схованя доходити, ани поискивати вѣчне не мають; такъ тежъ зять мой панъ Иванъ Велятыцкій зъ малжонкою своею панею Анною Терлецкою а дочкою моею и ихъ дѣти также жадной маетности моее на братѣ моемъ пану Ярошу Терлецкомъ, жонѣ и дѣтехъ ихъ по смерти моей жадныхъ спадковъ обычаемъ даня до схованя доходити, ани поискивати вѣчне не мають. Кгды жемъ я пану Ярошу жадной маетности ему самому ани малжонцѣ его до схованя не давалъ, и я то имъ зъ обу сторонъ самымъ и потомкомъ ихъ молчане вѣчное зоставую, и симъ теперешнимъ тестаментомъ остатней воли моее зоставилъ есми; кгдыжъ при кождомъ зъ нихъ маетности моей готовизны грошей ани речи рухомыхъ золота и серебра, клейнотовъ, ланцуховъ, шатъ, яко есми того не много мѣлъ, такъ есми при нихъ ничого не зоставилъ, а хотя што и было маетности и готового гроша передъ тымъ, тогды то, якомъ зосталъ на тый столицы Епископіи Луцкой, которая правѣ зо всихъ сторонъ была ошарпана и заведена, имѣня церковное розобраные, а меновитѣ дворъ имѣніе Полоную, дворъ имѣніе Забиже, Котодере и Губинъ. Замѣнъ и селъ зъ приселки фольварки по два кроть зъ рукъ непріятельскихъ выискиваючи, кошты не малые вѣдучи, на права накладаючи, людъ служебный въ тыхъ добрахъ держачи по всѣ тые часы, утраты не малые прыймуючи одъ непріятелей моихъ, и церкви Божое подымуючи на елекцею ѣздячи и на кождый сеймъ въ кривдахъ церкви Божое, на то есми мало не всю маетность свою убогую потративъ, а иншое наложити церкви Божое знову будуючи такъ столечную церковъ яко и по имѣняхъ Епископіи Луцкой кош-

томъ своимъ для хвалы Божей, такъ же и дворы будовалъ и увездѣ понаправовалъ, и водлугъ набольшого преможеня старанемъ своего и кошту нежаловалъ, яко въ замку Луцкомъ церковь соборную знову всю коштомъ своимъ достаточне оправилъ, также дворъ епископіи выискавши въ замку Луцкомъ направилъ не однимъ деревомъ, але и муромъ, церковь и вежу поставилъ, зовсимъ знову, яко въ монастыри въ Дутышщахъ, въ Жабчу и Колодезяхъ знову побудовалъ, а у въ Островѣ дворъ епископій знову увесь готовымъ грошомъ и коштомъ не малымъ збудовалъ, и опатрилъ все водлугъ потребы, и на тыи то вси потребы церковные, што кольвекъ гроша готового было, выдаломъ все и выложилъ на то, а остатокъ, штомъ могъ мѣти имѣлъ строха гроша готового, томъ зъ собою остатокъ все побралъ, не маючи ни. гдѣ въ захованю жадной копы такъ въ зятя своего пана Ивана Велятыцкого и жоны его, яко тежъ и въ брата своего рожоного пана Яроша Терлецкаго и малжонки его, ведже гдѣ бы панъ Богъ часъ смертельный на мнѣ, якомъ то вышей поменилъ, допустити рачилъ въ чужой земли, тогды пріятели и слуги мои по погребѣ тѣла моего, которыи при мнѣ на тотъ часъ есть и будуть и тую маетность мою, которая на тотъ часъ при мнѣ есть и по мнѣ бы зостала, то есть возники, иноходники и иншые кони мои ѣздные, такъ тежъ гроши готовые, сребро, золото, ланцуги золотые, шаты и все, што однокольвекъ при мнѣ есть, маеть въцалѣ оддати до рукъ дочцѣ моей паней Велятыцкой и малжонку ее, такъ тежъ и брату моему пану Ярошу Терлецкому и малжонцѣ его, всимъ одностайне и на одномъ мѣсцу а не одной особѣ, а они и то межи собою на ровные части роздѣлити мають и повинни будутъ. А речи церковные вси серебромъ, книги, ризы и посохъ серебреный и увѣсь скарбъ церковный, отъѣздчаючи теперъ на тую дорогу до Риму, отдаломъ то все до рукъ намѣстнику и протопопѣ моему Луцкому Ивану Вацутѣ, ему самому и при немъ всимъ презвитеромъ крилошаномъ Луцкимъ самымъ очевистѣ въ руки. А што се тежъ дотычеть слугъ моихъ старыхъ заслужоныхъ, тыхъ маютъ опатрити такъ дочка моя пани Велятыцкая, яко и братъ мой панъ Ярошъ Терлецкій, водлугъ найбольшого уважения и бачения своего, тое жъ маетности моей въ тыхъ имѣняхъ моихъ позосталое зъ быдла и стадка моего. Што все и себе самого Господу Богу въ моцъ оддавши и стражи Его святой поручившысе тотъ мой тестаментъ зоставую, подъ моею печатью и подписомъ власное руки моее, до которого тестаменту моего, за очевистою а устною прозбою моею, печати свои приложити и руки свои подписати рачили ихъ милость въ Бозѣ велебный его милость отецъ Ипатей, епископъ Влодимерскій и Берестейскій, а его милость панъ Матей Война, его милость панъ Ярошъ Воловичъ, писаре его королевское милости великого князства Литовского. Писанъ въ Кракови, лѣта Божого Нароженя тисеча пятьсотъ деветдесятъ пятого, мѣсеца Сентебря деветнадцатаго дня. Кирилъ Терлецкій, Божею милостью Ексархъ, епископъ Луцкій и Острожскій, власною рукою. За устнымъ жеданіемъ Ипатей, епископъ Володимерскій и Берестейскій власною рукою. За устнымъ жеданіемъ за власною устною прозьбою Матей Война печать приложилъ и руки подписалъ. Ярошъ Воловичъ, рукою властною, якожъ тотъ тестаментъ

велебного Епископа Луцкого передъ нами покладаный и вышей писаный до книгъ канцеляріи нашой коронное зъ розказаня нашого уписанъ есть. А на свядѣцтво тое речи печать наша коронная до сего выпису нашого есть притиснена. Писанъ у Кракови, року тисеча пятьсотъ деветдесятъ пятого, мѣсеца Сентебря двадцать второго дня, а панованя королествъ нашыхъ Польского осмого, а Шведзкого второго року,—што мы яко речь слушную чинечи зъверху писаный листъ на лѣпшую вѣру и твердость подъ печатью коронною выдати есмо розказали. Писанъ въ Краковѣ року тисеча пятьсотъ деведдесятъ пятого мѣсеца Сентебря двадцать четвертого дня, а панованя королествъ нашихъ Польского осмого, а Шведзкого второго року.

Joannes Tharnowski C. P. Vice Cancellarius.

Welebnoho Jana Тарновского Краковского Вознавского и Ленчицкого Пробоща Подканцлерого Коронного.

Woyciech Jełowicky.

Изъ бумагъ найденныхъ послѣ Терлецкаго, хранящихся въ политическомъ отдѣленіи архива при канцеляріи Виленскаго Генералъ-Губернатора.

65.

1596 г. Марта 30. Позывъ отъ Новгородского земского суда къ Архимандриту Кіево-печерскаго монастыря Никифору Туру.

Житимонтъ третій, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій и дѣдичный Шведскій король. Архимандриту Кіевскому монастыра Печерского отцу Никифору Михайловичу Туру и всей капитулѣ, чернцомъ, владаромъ и справцомъ того монастыра. Жаловалъ передъ судомъ нашимъ земскимъ Новгородскимъ кашталянъ Новгородскій его милость князь Александеръ Полубенскій на васъ о томъ, штожъ дей ты Никифоре, безъ бытности самого пана Новгородского, въ Глускахъ обудвухъ и врадниковъ его тамошнихъ собравши се зъ многими козаками, чернцами, помочниками своими и зъ мноствомъ слугъ съ стрелбою року прошлого тисеча пятьсотъ деветдесятъ четвертого, мѣсеца Іюля тридцатого дня, наѣхавши моцно кгвалтомъ на власное село пана Новгородского, названое Иванищевичы, до имѣнья Глуска его Дубровицкого належачое, службъ сорокъ, тое село зъ людми, зъ кгрунты и зо всими маетностями тыхъ людей, шкодъ и боевъ не мало починивши, зъ моцы и владности пана Новгородского, зъ цыншами, пашнею и данью медовою, кгвалтовне, упорне и безправне отнялъ, и тымъ отнятьемъ того села Иванищовичы спокойного держанья пана Новгородского выбилъ и выгналъ и въ моцъ свою взялъ. А потомъ дей ты жъ, отче Никифоре, тогожъ року тисеча пятьсотъ деветдесятъ четвертого, мѣсеца Августа второго дня, зъ мноствомъ помочниковъ своихъ, наѣхавшы моцно кгвалтомъ на власное село его жъ пана Новгородского имѣнья Глуска погорѣлого, лежачого въ земли Новгородской, названое Ольница съ приселки межилѣеьемъ Дубровою и Положевичы службъ пятьдесятъ, тое село зъ людми, кгрунты, пашнями, маетностями, цыншами грошовыми и данью медовою, зъ роботами и всими повинностями и пожитками, зъ моцы

и владности пана Новгородского не переперши жаднымъ правомъ отнялъ, и спокойного держанья пана Новгородского съ того села и проселковъ кгвалтовне, упорне и безправне выбилъ, выгналъ, и въ моцъ свою взялъ. При которомъ дей выбитью слугъ и мѣщанъ его милости, которіе въ томъ селѣ Ольницы были, ты, отце Никифоре, побилъ, поранилъ и, нѣкоторыхъ повезавшы, невѣдати гдѣ еси ихъ подѣвалъ, и шкодъ многихъ не мало починилъ. Ку тому жаловалъ панъ Новгородскій о томъ, штожъ дей того жъ року прошлого деветдесятъ четвертого и того жъ мѣсеца Августа второго дня ты жъ, отче Никифоре, зъ мностномъ слугъ и козаковъ своихъ наѣхавши, моцно, кгвалтомъ на имѣнье земенина, слуги пана Новгородского, шляхетного Миколая Григорьевича Клецкого, названое Ковалевщину, не подалеку отъ того села Ольницы у земли Новгородской лежачое, и тамъ въ томъ имѣнью въ дому того Миколая Клецкого, безъ бытности его, кгвалтовне ставши, жону его Ефрозыну Техоновскую съ дѣтми до везенья своего побравши, маетность его всю, гроши готовые, золото, серебро, цынъ, мѣдь, кони, быдло, збожье всякое молочоное и немолочоное и въ полю засѣеное, сѣно, речи огородные, свинье, гуси, кури, мясо, сыры, масло, рибы вялые, осетри и увесь спратъ домовой безправне на себе забралъ, и тое все имѣнье его Миколая Клецкого зъ людми, кгрунтами, цыншомъ, роботами и всими пожитками и повинностями кгвалтовне, упорне зъ моцы и владности его отнялъ, и зъ упокойного держанья и съ того имѣнья Ковалевщины того Миколая Клецкого и пана Новгородского выбилъ еси. Еще жаловалъ панъ Новгородскій о томъ, штожъ дей ты того жъ року, мѣсеца а дня третего Августа, назавтрее, потомъ въ року деветдесятъ четвертомъ, безъ бытности пана Новгородского у въ обудвухъ Глускахъ, наѣхавши безправне на дворецъ его милости Глускій, названый Весный, жито и ярину, солоды и иншые живности зъ свирновъ пограбилъ еси, и у рикуни и у тивуна тамошнего речей ихъ не мало забралъ, и быдла такъ дворного яко и тивунового не мало пограбилъ еси, которихъ всихъ шкодъ, боевъ и ранъ людемъ его милости и тому земенину его милости Миколаю Клецкому отъ тебе починеныхъ, его милость при семъ позвѣ реистра списавши кладеть тобѣ и о томъ всемъ съ тобою у права мовити хочеть, о што дей уже не по однокроть тебе и всю капитулу о тую всю речь вышъ мененую его милость панъ Новгородскій позывалъ позвы на рочки кгродскіе Новгородскіе и на роки земскіе въ томъ же року деветдесятъ четвертомъ и въ року деветдесятъ пятомъ. Нижли дей ты, отче Никифоре, самъ зо всею капитулою своею не усправедливяючи се ни на которіе позвы, одно пріймуючи на угоду, на колько роковъ за тыми позвы кгродскими и земскими за нестатьемъ тебе самого и всее капитулы твоее, тые роки зволокалъ и одъ усправедливенья уникалъ, ку немалой кривдѣ и шкодѣ пану Новгородскому самому и тому слузѣ земенину его милости Миколаю Клецкому. Про то приказуемъ тобѣ, штобы еси передъ судомъ нашимъ земскимъ Новгородскимъ на роки судовые земскіе, которіе водлугъ статуту мають припасти и сужоны быти въ року теперь идучомъ тысеча пятсотъ деветдесятъ шостомъ о Светой Троицы святѣ Римскомъ, самъ ку праву яко на року завитомъ сталъ и шести чоловѣковъ пана Новгородского у реистрѣ помененыхъ имены, которихъ

еси поймавши не вѣдати гдѣ подѣвалъ, зъ собою на праве поставилъ и въ томъ се пану Новгородскому и тому земенину его милости усправедливилъ. Писанъ у Новагородку, лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча пятсотъ деветдесятъ шостого, мѣсега Марца трыдцатого дня. Янъ Головня земскій Новгородскій писаръ.

Хранится тамъ же.

66.

1597 г. Апрѣля 20. Позывъ князю Юрію Ивановичу Чарторыйскому по дѣлу о наѣздѣ его подданныхъ на имѣніе князя Александра Полубенскаго.

Жикгимонтъ третій, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецскій, Ифлянтскій и дѣдичный Шведскій король.

Князю Юрью Ивановичу Чорторыскому. Жаловалъ у суду нашого земского Новгородского каштелянъ Новгородскій князь Александеръ Полубенскій о томъ, штожъ дей року прошлого тисеча пятсотъ деветдесятого, мѣсеца Августа, двадцать семого дня, врадникъ вашей милости имѣнья замку Глуска Дубровицкого, лежачого въ земли Новгородской, Мартинъ Рогуля, наславшы бояръ и подданыхъ вашей милости Глускихъ, меновите Васка Романовича а Тимоша Ивановича Волчковъ зъ бояры Осовскими жъ, Глускими жъ Степаномъ а Василемъ Богдановичы, Ѳедоромъ а Романомъ Яцкевичы Горностаевичы и съ поддаными села Осовского, зъ Глуска послаными: Борысомъ Семеновичемъ Голенищемъ, Отрохимомъ Галкевичомъ, Осипомъ Микитичомъ и зъ иншыми многими поддаными, человѣковъ о полтораста на власный кгрунтъ подданыхъ пана Новгородского села Осовского, до Глуска замку Городка погорѣлого, лежачого въ земли Новгородской, прислухающого, врочыщомъ названого Гончаровскій, и тамъ дей на томъ кгрунтѣ збожья копъ сто деетъ кгвалтомъ побрали, то есть: овса копъ тридцать, ярицы копъ тридцать, пшеницы копъ двадцать пять, ечменю копъ десеть, гороху копъ пять, проса копъ десеть, власного сѣянья подданыхъ пана Новгородского села Осовского, на име: Якова Уляшевича Свирида, Дениса а Марка Хорошевичовъ. И кгды дей тые подданые помененые, вышедши зъ села, почали бояръ и подданыхъ вашей милости упоминати, абы такого безправья и шкоды имъ не чынили, то пакъ дей за разомъ тогожъ дня тые бояре и подданые вашей милости, звышъ помененые, тыхъ подданыхъ пана Новгородского: Якова Уляшевича Свирида, Дениса а Марка Хорошекичовъ на томъ кгрунтѣ ихъ Гончаровскомъ на смертъ побили и помордовали, и тѣла трехъ: Свирида, Дениса и Марка Хорошевичовъ побравшы, не вѣдати гдѣ подѣвали, а при четвертомъ трупѣ тѣла Якова Уляшевича одного зъ забойцовъ Евтуха Борысовича Голениша на вчынку было поймано и на врадѣ оказывано; а збоже пожатое тые бояре и подданые вашей милости до села вашей милости Осовского отвезли. Ку тому жаловалъ намъ тотъ же панъ Новгородскій, за даньемъ справы урадника своего Глускоко Миколая Григоръевича

Клецкого и подданыхъ своихъ Глускихъ, именынижей описаныхъ, о томъ, штожъ дей въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесятомъ, мѣсеца Августа тридцать первого дня, урядникъ дей твой имѣнья твоего замку Глуска Дубровицского, въ повѣтѣ Новгородскоѣ лежачого, Мартинъ Рогуля зъ боярми и мѣщанми твоими Глускими, зъ Григоръемъ Пархимовичомъ Поддубскимъ а войтомъ Глускимъ Семеномъ Куприковичемъ, Здешкомъ Макавовичомъ, Ничыпоромъ Ширковичомъ и зъ иншыми многими зъ боярми и мѣщанми твоими наѣхавшы дей умыслне ночнымъ обычаемъ на село его милости князя Александра Полубенского Осовское, въ небытности дей подданыхъ самыхъ у домохъ, тамъ дей у томъ селѣ, у домѣхъ подданыхъ князя Полубенского до клѣтей дей двери повыбивавшы, побрали дей и пограбили у клѣтехъ подданыхъ князя Полубенского речей рухомыхъ не мало, а меновите: у Конона Пархомовича, у клѣти одной одбившы замокъ, взяли дей и пограбили въ клѣти съ кубла грошей готовыхъ копъ трыдцать, полотна кужелю тонкого локотъ петдесятъ, полотна ровного згребного локотъ шестдесятъ пять, сорочокъ тонкихъ жоноцкихъ дванадцать, сорочокъ мужицкихъ осмъ. Въ той же клѣти взяли дей сукна простого локотъ сорокъ, сермягъ новыхъ шесть, кожуховъ новыхъ бараних чотыри, простицъ жоноцкихъ синихъ шесть, меду пресного каменей дванадцать, соли торговое толпястое тисечей десеть, купленое дей по петинадцати грошей. А у другой клѣти отбивши замокъ, взяли дей съ кубла полотна локотъ петдесятъ тонкого, сорочокъ жоноцкихъ десеть, мужицкихъ сорочокъ шесть, сукна простого бѣлого локотъ тридцатъ, сермягъ бѣлыхъ новыхъ чотыри, кожуховъ новыхъ бараньихъ три. У третей клѣти пашной взяли дей пашни овса бочокъ десеть, сыровъ тридцать, масла ведеръ тры, салъ свиныхъ тры, солонины полтей чотыры. У Евтуха коваля, отбившы также замокъ у клѣти, взяли дей съ кубла грошей готовыхъ копъ двадцать, полотна тонкого локотъ петдесятъ, полотна ровного локотъ сорокъ осмъ, сорочокъ тонкихъ мужицкихъ пять а ровныхъ шесть, сукна простого локотъ сорокъ, сермягъ бѣлыхъ новыхъ осмъ, кожуховъ новыхъ бараньихъ чотыри, желѣза шынъ возовъ два, купленого дей за тры копы грошей, ручницъ новыхъ шесть, которые дей коштовали по пятидесятъ грошей, топоровъ новыхъ десеть, которые дей коштовали по осми грошы, косъ на продажу десеть, купленые дей за семдесятъ грошей, меду пресного каменей шестъ, простицъ синихъ пять, салъ свиныхъ чотыры, солонины полтей чотыры. У Супруна Денисовича отбившы замокъ у клѣти взяли дей и пограбили съ кубла грошей готовыхъ копъ тридцать, полотна тонкого кужелю локотъ сто, полотна ровного локотъ шестдесятъ, сукна цростого локотъ сорокъ, сермягъ новыхъ бѣлыхъ десеть, кожуховъ новыхъ бараних пять, меду пресного каменей петнадцать, сорочокъ тонкихъ жоноцкихъ петнадцать а музкихъ сорочокъ десеть, простицъ синихъ новыхъ деветь, топоровъ шесть, по семи дей грошей куплевыхъ. А у другой клѣти также выбившы двери, взяли дей съ кубла полотна локотъ осмдесятъ, тонкого сукна локотъ двадцать, сермягъ новыхъ чотыры, кожуховъ новыхъ бараних два, сорочокъ тонкихъ жоноцкихъ десеть а мужицкихъ сорочокъ шестъ, овса бочокъ шесть, мяса свиного салъ шесть, солонины полтей шесть, масла ведеръ семъ, сыровъ копъ полторы

простицъ синихъ новыхъ пять. У Артуха Уляшевича, одбившы замокъ у клѣти, взяли дей съ кубла грошей готовыхъ копъ десётъ, полотна тонкого кужелю локотъ шестьдесятъ, полотна ровного локотъ сто сорокъ, сорочокъ жоноцкихъ тонкихъ осмъ, а ровныхъ сорочокъ шесть, сорочокъ мужицкихъ тонкихъ пять, а ровныхъ сорочокъ чотыры, сукна простого локотъ трыдцать, сермягъ новыхъ пять, кожуховъ новыхъ бараныхъ тры, салъ свиныхъ двѣ, солонины полтей чотыры, топоровъ два, по семи грошей купленыхъ, простицъ синихъ чотыры. У Трохима Уляшевича узято дей у клѣти съ кубла грошей готовыхъ копъ полъ семы, полотна тонкого кужелю локотъ петдесятъ, полотна ровного локотъ шестьдесятъ пять, сукна простого локотъ двадцать, сермягъ новыхъ шесть, кожуховъ новыхъ тры, сорочокъ жоноцкихъ тонкихъ шесть, а ровныхъ сорочокъ пять, мужицкихъ тонкихъ чотыры а ровныхъ шесть, простицъ синихъ новыхъ чотыры, мяса свиного салъ двѣ, солонины полтей тры. У Іева также выбившы двери у клѣти взяли дей съ кубла грошей готовыхъ копъ пять, полотна тонкого локотъ петдесятъ, полотна ровного локотъ шестдесятъ, сукна простого локотъ двадцать, сорочокъ жоноцкихъ тонкихъ шесть а ровныхъ семъ, мужицкихъ сорочекъ десеть, сермягъ новыхъ чотыры, кожуховъ новыхъ бараныхъ два, простицъ синихъ пять, мяса свиного салъ двѣ, солонину полтей тры, топоровъ тры, косъ чотыры. У Карпа Хорошевича у клети взяли дей съ кубла, полотна локотъ сто, сукна локотъ двадцать, сермягъ тры, кожуховъ два, новыхъ сорочокъ жоноцкихъ десетъ, мужицкихъ сорочокъ осмъ, простицъ синихъ три, салъ свиныхъ двѣ, топоры два. У Ониска Уляшевича взято дей съ клети съ кубла полотна локотъ сто двадцать, тонкого сукна локотъ петдесятъ, сермягъ пять, кожуховъ тры, жоноцкихъ сорочокъ дванадцать, сорочокъ мужицкихъ десетъ, простицъ синихъ чотыры. У въ Оляша взято дей съ клети грошей готовыхъ копъ десетъ, кожуховъ бараныхъ новыхъ два, сермягъ новыхъ чотыры, сорочокъ мужицкихъ шесть, меду пресного каменей пять. Въ чомъ панъ Новгородскій, маючи скрывженье тымъ поданымъ своимъ въ томъ забойствѣ, грабежохъ и шкодахъ, о то у вашей милости по двакротъ черезъ позовъ нашъ належныи справедливости на обвиненыхъ просилъ, и до суду нашого земского Новгородского въ року прошломъ деветъдесятъ четвертомъ на роки Троецкіе судовые позывалъ, а потомъ за недойстьемъ тыхъ роковъ Троецкихъ панъ Новгородскій вашу милость о тое жъ ку праву належному на роки Трекрольные, въ року прошломъ деветъ десятъ пятомъ сужоные, позывалъ. Нижли дей ваша милость, черезъ умоцованого своего Петра Трацовского за тыми позвы у суду ку праву ставшы, по доводѣ позвовъ и выправеню давности, кгды се панъ Новгородскій за выписомъ Речыцкимъ сознанья енерала Речыцкого Марка Шпилевского винъ за невчиненье справедливости домагалъ, ваша милость того Марка Шпилевского ку зволоцѣ року за енерала не признавалъ. За чымъ дей судъ нашъ земскій Новгородскій, зачавшы тую справу а за розерванъемъ вашей милости не хотчечы того, одложилъ былъ до пришлыхъ роковъ на показанье выпису присеги того Марка Шпилевского на тое его енеральство; водлѣ которого наказу судового панъ Новгородскій, маючы випис врадовый на доводъ того енеральства Марка

Шпилевского, о то вашу милость до права на роки судовые земскіе, которые въ Новагородку въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветьдесятъ пятомъ о Светой Троицы святѣ Рымскомъ сужоны были, позывалъ. Нижли дей за згубою поводового позву умоцованый вашей милости копеи зъ позву противного дати и въ томъ се усправедливити не хотѣлъ. О што и теперъ панъ Новгородскій зъ вашою милостью у права мовити хочетъ. Про то прыказуемъ, што бы еси передъ судомъ нашымъ земскимъ Новгородскимъ на роки судовые земскіе, которые водлугъ статуту маютъ припасти и сужоны быти въ року теперь идучомъ тисеча пятьсотъ деветь десятъ семомъ о Светой Троицы святѣ Рымскомъ, самъ ку праву, яко на року завитомъ, сталъ, виндое за невчынене справедливости съ нимъ въ рѣчь вступишь, у суду сторонѣ заплатившы, тыхъ обвиненыхъ звышъ мененыхъ врадника бояръ и подданыхъ своихъ ку праву поставилъ и въ томъ се жалобливой сторонѣ усправедливилъ. Писанъ у Новагородку лѣта отъ Нароженья Сына Божего тисеча пятьсотъ деветьдесятъ семого мѣсеца Апрѣля двацатого дня.

Янъ Головня земскій Новгородскій писаръ.

Хранится тамъ же.

67.

1597 г. 23 Октября. Раздѣлъ Косовскаго имѣнія между Григорьемъ Сангушкой и Николаемъ Кишкой и инвентарь этого имѣнія.

Реестръ списанья двора, фольварковъ, мѣстечка и волости имѣнья Косовского, роздѣловъ чынечы на двѣ части ровные того имѣнья, водлѣ отосланья а наказу декрету трыбунальского, межи ихъ милостей вельможныхъ пановъ князя Грыгорья Санкгушка Коширского, кашталяна Любачевского, а пана Миколая Кишки на Техоновцу, старосты Дорогицкого, черезъ мене, Григорья Трызну, подкоморего Слонимского, року тисеча петсотъ деветдесятъ семого, мѣсеца Октебра двадцать третего дня.

А напервѣй роздѣленье плацу селидьбы дворное двора Косовского и будованья на немъ будучого и огороду овощового, при дворѣ лежачого.

Пляцу дворного зъ огородомъ овощовымъ и зъ городищомъ вымѣроно моркговъ два, прутовъ шесть. Того пляцу на сторону его милости князя Григорья Коширского зъ выдѣлку зостало: зъ огородомъ моркгъ одинъ, прутовъ тры, лежачый отъ ставу середнего на рѣццѣ Лодейницы, въѣхавшы въ дворъ, полѣвѣ. А на сторону его милости пана Миколая Кишки, старосты Дорогицкого, такъ же много: моргкъ одинъ и прутовъ тры зостало отъ городища, въѣхавшы въ дворъ, по правѣ.

А будованье, што его было на томъ пляцу селидьбы дворное, такій роздѣлокъ есть учиненъ:

На сторону его миолости пана старосты Дорогицкого зостало се будованья, то есть: домъ подъ городищемъ, изба не малая, тесаная, съ коморою пры боку; напротивку изба жъ бѣлая зъ дерева облого и зъ коморою пры боку; печы въ нихъ полеваные, старые, съ коминами простыми; въ тыхъ избахъ оболонъ скляныхъ, въ оловъ оправова-

ныхъ, по чотыры. Подлѣ дому тесаного, до стаень идучы, по правой руцѣ подъ городищомъ сверенъ зъ кганкгомъ и съ пивницою подъ нимъ. Подлѣ тогожъ свирна стаень двѣ, одна драницами побита, а другая соломою крыта. Зъ другое стороны, близу свѣтлицы противное, по лѣвой руцѣ клѣтка, подъ нею пивница. Кухня великая, старая, при ней издебка малая, варывная. Пекарня великая, старая, зъ сѣнью; броваръ старый; бойничка на городищу; холодника съ побитемъ половица; дерева тесаного, што было въ будованью, осмънадцять, а нового брусовъ дватцать.

А на сторону его милости князя Кошырского зостало будованья, то есть: домокъ, надъ ставомъ въ долинѣ збудованый: избы бѣлые двѣ, противъ себе, комнатекъ тры пры бокохъ, окна шкляные; домокъ у воротъ старый: свѣтлочки противъ себе двѣ, пры одной свѣтлочцѣ комора одна, при боку сверенковъ старыхъ два; слодовня; лазня зъ сѣнцами; стаенка малая пры псарни сполне съ псарнею съ покрытьемъ старымъ драницъ, такъ же и зрубъ облого дерева на стайню; а ижъ ани балекъ, ани козловъ до тое стайни нѣтъ, тогды дерева круглого, которого есть у дворѣ бервенъ сорокъ, то прыдало се на доправенье тое стайни; ворота зъ бойничкою на нихъ, холодника, который збудованъ посродъ двора съ побитьемъ, половица, дерева тесаного, што было въ будованью, осмнатцать, а нового брусья дватцать. Якожъ тое помененое будованье, которое стоитъ на половицы пляцу селидбы его милости пана старосты Дорогицкого, его милость князь Кошырскій маетъ и повиненъ будетъ на свою половицу надалѣй до Святокъ, водлѣ календара старого, въ року прыйдучомъ деветьдесять осмомъ перенести.

Уѣздъ до двора вольный черезъ греблю и до воды на обѣ сторонѣ зоставаетъ. Пры томъ дворѣ за огородомъ овощовымъ отъ стѣнки простымъ трыбомъ отъ рогу замету дворного учинено есть вымѣроно: влѣво ку ставу середнему на Лодейницы такъ погною, яко проробку, хворосту, сѣножати и болота всего сумою морквовъ дватцать, прутовъ чотыры. То прышло и зостало яко споручное на сторону его милости князя Коширского.

Отъ тоежъ стѣнки вправо за огородомъ овощовымъ и на курганѣ погною, въ томъ же округѣ заросли, болота, лозы по стѣну волокъ мѣстскихъ всѣхъ вымѣроно моркговъ шестнадцать, прутовъ пять полъ. То тежъ, яко ку селидбѣ зручное, зостало и подано на сторону его милости пана старосты Дорогицкого. А ижъ въ тую тамъ часть князя Кошырского злѣва стѣнки учиненое перенесло и подало ся на сторону его милости моркговъ тры, прутовъ дватцать осмъ полъ, на то мѣстце его милости старостѣ такъ же много въ нагороду дано пры иншыхъ замѣнахъ кгрунтами бояръ Ходорковъ.

Млыны.

Подъ тымъ дворомъ Косовскимъ есть ставовъ два зъ млинами по одномъ колѣ: одинъ на рѣчцѣ Рудавцѣ, а другій троха нижей на тойже рѣчцѣ и на рѣчцѣ Лодейницы, а третій подъ Стороживскимъ селомъ. Ино на сторону его милости пана старосты Дорогицкого зъ выдѣлку зосталъ ставъ подъ дворомъ на рѣчцѣ Рудавцѣ, а на Сторожовщизнѣ зась зосталъ князю его милости Кошырскому, а третій середній, по половицы ихъ милостямъ держачы, ужывати и сполне направовати маютъ, маючы тежъ вольность тыхъ ставовъ зъ обу сторонъ, которые се ихъ милос-

тамъ достали, направовати и повышати воды кождый водлѣ потребы съ пожыткомъ своимъ.

Фольварокъ Косовскій на Марачовщынѣ,

въ которохъ будованья то есть. Свѣтлочка зъ сѣнью, напротивъ комора; драницами побитый домъ добрый; клѣточка на пивницы, пивничка старая; воротъ двои лихихъ; сырница новая зъ кганкомъ на столпъ, и подъ нею холодникъ зъ прутья уроблены, драницами побитъ; грыдня великая съ сѣнми, напротивъ изба старая лихая, дощками покрыта; стайня новая, великая, соломою покрыта; стаенка у воротъ малая, соломою крыта. Гумно великое петнатцать стѣны, другое меншое, обѣ гумни досыть добры, одрына сѣнная великая, одрынка малая евъя, свиренъ велки добрый зъ кганькомъ.

Пашни того фольварку выморкговано всее во всихъ трехъ поляхъ съ погноями и зъ сѣножатми, въ той же пашни лежачыми, волокъ двадцать чотыры, моркговъ двадцать тры, прутовъ двадцать два. И ровнуючы на ровные части тую пашню фольварку Марачовского съ пашнями фольварковъ заставныхъ, которые на сторону его милости князя Кошырского, яко у пана Дмитра Кіянина такъ и въ пана Войтеха Венцковского, приходить и належать мають, въ той пашни мѣло бы ся ещо додать его милости князю Кошырскому волокъ чотыры, морговъ десеть, прутовъ двадцать одинъ; лечь се за волоку одну моркговъ десеть и прутовъ двадцать одинъ стала нагорода князю Кошырскому въ селѣ Квасовичахъ. А въ пашни фольварку Марачевского отмѣроно и отогнано его милости князю Кошырскому волокъ тры, мѣновите лежачые пры границы поля пана Венцковского, то есть ѣдучы зъ мѣстечка Косова гостинцомъ до села Кулешовъ въ клинѣ самомъ починаеться, гдѣ другая дорога до села Квасовицкого идеть межи тыми дорогами оба поль въ квадратѣ одномъ лежать ажъ до стѣны Жомойское, а тамъ стѣною Жомойтскою ажъ до стѣны поля пана Венцкозского. А ижъ тые тры волоки на тотъ часъ на рокъ 98 есть житомъ на его милости пана старосту Дорогицкого засѣяно, про то его милости князю Кошырскому завелося и подало съ позволеньемъ его милости пана Петра Стабровского также много поля его милости дворного на сѣвбу ярыны на весну прышлую поля крайнего дворного пры стѣнѣ, которая дѣлить волоки мѣстскіе съ тымъ полемъ дворнымъ, а кгды збожье зъ обу сторонъ здоймуть, тогды вжо потомъ кождый при своей власности, яко се тутъ въ роздѣлку описано, зостати маеть. А остатокъ тое пашни, што одноей есть зъ селидбою и будованьемъ фольварковымъ, то на его милость пана старосту Дорогицкого належить и належати маеть. О вжатью збожья вшелякого на той пашни вѣдомости не могломъ взять, кгдыжъ врадникъ Косовскій панъ Янъ Коцпачевскій повѣдилъ, ижъ того справы давать ни кому не повиненъ, кгдижъ то пашня пана его, а часть его милости князя Кошырского пашни у заставниковъ, которое они уживають.

Огородники того фольварку Марачовского,

въ той же пашни въ третемъ полю сѣдячые. Имена тыхъ огородниковъ: Пархута Савчычъ, въ него сыновъ тры: Панасъ, Андрей, Артюхъ. Лукъянъ Евсеевичъ, въ него сыновъ чотыры: Яковъ,

Өедоръ, Степанъ, Ивашко. Миколай Петруковичъ, прыхожый; у него шурыновъ два, отчичовъ Косовскихъ, Адамъ и Ивашко. Яковъ Бородичъ, въ него сыновъ чотыры: Павлюкъ, Кондратъ, Иванъ (*). Иванъ Полешко, въ него сыновъ тры: Степанъ, Андрей, Василь. Артюхъ, прыхожій чоловѣкъ, въ него сынъ одинъ Грышко. Матей Лапичъ, въ него сыновъ два: Мартинъ и Гаврыло. Кузма Даниловичъ, въ него сыновъ тры: Степанъ, Өедоръ, Ивашко.

Што се тычеть тыхъ огородниковъ пры томъ фольварку Марачевскомъ, пры которомъ есть ихъ личбою осмъ, а подъ ними волока одна, моркговъ осмнатцать, прутовъ шесть, тые огородники на сторону его милости пана старосты Дорогицкого зоставаютъ, которыхъ есть повинность робить два дни въ тыдень, и на рокъ каждый по грошей петнадцать платять. А ижъ ихъ половица мѣла бы прыйти на сторону его милости князя Кошырского, бачачы быть съ трудностью ихъ переношенье, але зоставуючы ихъ на тыхъ же селидбахъ ихъ пашни, которая на его милость пана старосту Дорогицкого зостала, на то мѣстце отдавшы его милости пану старостѣ такъ много кгрунту, яко подъ ними вымѣроно, волоку одну, моркговъ осмнадцать, прутовъ шесть, боярскими землями Ходорками, яко то есть нижей шырей описано. Нагорода дана его милости князю Кошырскому въ селѣ Квасовичахъ волокъ осѣлыхъ двѣ.

Мѣстечко Косовское.

Першая перея, которая се почынаеть, идучы отъ двора Косовского въ рынокъ, по правой руцѣ, на которой и Церковь стоить, (слѣдуетъ перечень 32 лицъ, при каждомъ показанъ домъ и огородъ (*).

Въ той переи Церковъ заложенья Светого Семена, вжо зветшалая, и въ самой церкви згола ничого накладу, а ни книгъ церковныхъ нѣтъ, келихъ цыновый, старый, а звоновъ пры церкви завѣшоныхъ малыхъ два.

Пры той же переи стодола дворная, свѣтлица и изба чорная, вѣдь же вжо будованье старое, а огороды до нее нѣтъ, только на чомъ стодола стоить.

Корчомъ въ той переи показало ся, то есть: медовая одна, пивныхъ пять, горельченыхъ пять; рѣзниковъ на той переи два.

Тая перея зо всимъ, яко се вышей описало зъ Церковью и зъ корчмою уѣздною, зостала на сторону его милости князя Кошырского.

Другая перея, идучы отъ двора въ рынокъ, по лѣвой сторонѣ, гдѣ костелъ стоить (слѣдуетъ перечень 35 лицъ, при каждомъ показанъ домъ и огородъ (**).

Пры той переи костелъ збудованый, ещо новый, лечъ въ нимъ згола ничого охендождтва и накладу ещо нѣтъ, потому жъ и наданья никоторого, пляцовъ, ани огородовъ пры мѣстѣ не маеть. Дали справу войть и вси мѣщане Косовскіе, ижъ звонъ одинъ былъ великій пры томъ костелѣ, але дей пани Яновая Мокгильницкая, кгды въ тыхъ минулыхъ недавныхъ лѣтѣхъ Косовъ держала, тотъ звонъ до имѣнья своего Воскрыницкого на Подляшье отпровадила.

Корчомъ на той переи показало ся, то есть: медовая одна, пивныхъ чотыры, горылченыхъ тры, рѣзниковъ на той переи два.

(*) Пропускъ въ подлинникѣ.

(*) Подъ 13 № значится: Устиній попъ Русскій, купный его домъ и огородъ.

(**) Подъ 21 № значится: попъ Русскій, здавна церковный домъ и огородъ.

Тая перея зо всимъ, яко се вышей описала, и съ костеломъ зостала на его милость пана старосту Дорогицкого.

Улочка Рожанская.

Ѣдучы къ мосту зъ мѣста по правѣ, перея по правѣ къ мосту идучы. (Слѣдуетъ перечень 7 лицъ, при каждомъ домъ и огородъ).

На той переи корчомъ пивныхъ двѣ, горельченыхъ двѣ.

Тая тежъ перея належить на сторону его милости князя Кошырского.

Другая перея по лѣвѣ, идучи до мосту. (Слѣдуетъ перечень 5 лицъ, при каждомъ домъ и огородъ.)

На той переи пивная корчма одна, горельченыхъ двѣ.

Тая зась перея на сторону его милости пана старосту Дорогицкого належить.

Волоки того мѣстечка Косовского, которыхъ уживаютъ мѣщане съ правое стороны переи. (Слѣдуетъ перечень 20 лицъ, изъ которыхъ 5 имѣютъ по волокѣ, а остальные по полволоки).

Тая волокъ дванадцать полъ належить на его милости князя Кошырского.

Волоки того жъ мѣстечка Косовского, которыхъ уживаютъ мѣщане зъ лѣвое стороны переи. (Перечень 19 лицъ).

Тая волокъ дванатцать полъ належить на сторону его милости пана старосты Дорогицкого, межы всихъ тыхъ же волокъ меншихъ на церковь попу вольныхъ здавна волокъ двѣ.

Застѣнки пры томъ же мѣстечку Косовскомъ. Межы волоками мѣстскими и села Сторожовского застѣнку моркговъ дватцать шесть держатъ Федоръ Воловичъ а Жданъ и Иванко, платечы особливе у концу волокъ Сторожовскихъ моркговъ полтора. Тые оба застѣнки зостали на сторону его милости князя Кошырского пры роздѣлку бояръ Грыцковъ и Жыбайловъ.

Особливе моркги мѣскіе польные. (Перечень 6 лицъ, при каждомъ моргъ).

Съ тыхъ половицу на его милость пана старосту Дорогицкого отъ волокъ мѣсткихъ, а на его милость князя Кошырского другая половица отъ застѣнку попа Косовского особливе пры выгонѣ мѣйскомъ надъ рѣчкою Лодейницою нижей ставу середнего моркгъ, а прутовъ петнасте на сторону его милости пана старости Дорогицкого. (Перечень 22 лицъ).

Вѣдь же, ижъ тые сѣножати не суть помѣрою пробованы, про то пры остатней прышлой помѣрѣ сѣножатей и болотъ, дворныхъ и сельскихъ гаевъ, боровъ и лѣсовъ маютъ быти помѣрены, и што ихъ вынесетъ по половицы ихъ на обѣ стороны ростяти.

Сумарушъ.

Того мѣстечка Косовского и пожытковъ дорочныхъ зъ него.

Во всимъ мѣстечку въ обѣихъ переяхъ и въ улочцѣ Рожанской пляцовъ зъ огороды семдесятъ девѣть.

Зъ тыхъ на церковь вольный пляцъ и огородъ одинъ.

Плачоно здавна и въ томъ року деветдесятъ семомъ зъ домовъ и огородовъ семидесятъ семи по грошей трытцети. Чинить копъ трытцеть деветь.

Корчомъ медовыхъ двѣ, пивныхъ двѣнадцать, горелчаныхъ двѣнадцать, плачечы зъ каждое корчмы по копѣ грошей, чинитъ копъ двадцать шесть. Рѣзниковъ чотыри, зъ которыхъ брано по каменю лою.

Волокъ всихъ мѣскихъ дватцать семъ. Зъ тыхъ на церковъ вольныхъ волокъ двѣ. Плачоно завше зъ волокъ дватцати пети по копѣ грошей. Чынитъ копъ дватцатъ пять.

Пры тыхъ же волокахъ застѣнковъ было чотыри, съ которыхъ плачено грошей осмдесятъ, але впередъ зоставаеть застѣнковъ тры, зъ которыхъ чынити маеть грошей петдесятъ два.

Особно зъ моркговъ шести польныхъ по грошей шести, а зъ моркговъ сѣножатныхъ дватцати девети по грошей тры. Чынитъ копъ двѣ, грошей тры.

Сума прыходовъ зъ мѣстечка Косовского зъ плацовъ, городовъ, корчомъ и застѣнковъ чынить копъ 92 грошей 3.

Вѣдь же которого року бывало корчомъ въ мѣстечку большъ и прыходу бывало большъ. А особливе зъ тогожъ мѣстечка торгового, ярмарочного, броварного, зъ млыновъ за вымелки и зъ двухъ стодолъ въ мѣстечку и въ Кулешохъ арендою прыходило всего копъ осмдесятъ пять.

Волость Косовская.

А напервѣй списанье селъ и кгрунтовъ вольныхъ, заставою не заведеныхъ, на сторону его милости пана старосту Дорогицкого зъ выдѣлку належачыхъ.

Село Кулешы.

(Перечень 31 лица, съ семействами).

А особливе въ томъ селѣ неосѣлыхъ, пустыхъ волокъ 3 и моркговъ дватцать осмъ.

Въ томъ селѣ есть стодола на гостинцу збудованая, тая на сторону его милости пана старости Дорогицкого зоставаеть, кгдыжъ за то его милости князю Кошырскому нагорода певнымъ кгрунтомъ тутъ особно описанымъ стала. Пры томъ же селѣ застѣнку врочыщомъ Репницкого вымѣроного было волокъ 4. Который то застѣнокъ оданъ тежъ на сторону его милости пана старости Дорогицкого пры боярынѣ Яцолтѣ, выполняючы личбу кгрунту бояръ Грушовъ, зосталыхъ на сторону его милости князя Кошырского.

Село Милейки.

(Перечень 34 лицъ, съ семействами.)

А особливе въ томъ селѣ не осѣлыхъ пустыхъ, съ цыншовыми осадными волоками, волокъ деветь и моркговъ семъ.

Село Сторожовщына.

(Перечень 18 лицъ, съ семействами).

Въ томъ селѣ всихъ волокъ восемъ и моркговъ восемъ, кромъ волокъ двохъ и моркговъ осми, которыхъ уживаеть въ томъ селѣ панъ Янъ Корпачевскій на службѣ боярской.

Село Ходорки въ застѣнку.

(Перечень 13 лицъ).

А то списанье селъ подданыхъ и кгрунтовъ на сторону его милости князя Григоря Кошырского, такъ вольныхъ на его милости прыходячыхъ, яко и заставныхъ его милости окуповать належачыхъ.

Село Квасовичы.

Въ томъ селѣ всихъ волокъ 16 полъ и моркги 2, которыхъ зъ роздѣлку на его милости пана старосту Дорогицкого прышло волокъ чотыри осѣлыхъ. (Слѣдуетъ перечень 7 лицъ, съ семействами).

Пры томъ роздѣлку прыповѣдалъ справомъ своимъ панъ Войтехъ Венцковскій, ижъ за презыскъ на его милости пану старостѣ Дорогицкомъ справа въ сумѣ пенязей держитъ въ томъ селѣ чоловѣка 1 Юрья Лопуха.

А то подданые въ томъ же селѣ Ква-

совицкомъ, его милости князю Кошырскому належачые, выровныванемъ подданыхъ осѣлыхъ и за нагороду огородниковъ пры фольварку Марачевскомъ, такъ же и за волоку моркговъ десеть, прутовъ 21 пашни дворное на Марачовщизнѣ. (Перечень 19 лицъ, съ семействами).

Тогожъ села Квасовичъ за рѣчкою Федоскою пробробку въ застѣнкахъ волокъ двѣ, моркговъ чотырнатцать, прутовъ трынадцать; и до того Юрашковского села волока 1, и ктому моркговъ двадцать тры, пры боку волокъ мѣйскихъ Лопенинскихъ, на которыхъ седитъ Ерома Клюйвода, того всего чынитъ волокъ чотыры, моркговъ семь, прутовъ петнатцать. То дано его милости князю Кошырскому въ нагороду стодолы въ селѣ Кулешохъ на гостинцу великомъ, которая пожытокъ не подлый до року чынила зъ аренды корчмы, и зъ мыта, которое тамъ бирано бываетъ, бо ачъ на сторону его милости князя Кошырского въ мѣстечку Косовскомъ стодола есть зъ выдѣлку дана и на сторону его милости зостала, лечъ ижъ не естъ на гостинцу, про то никоторого пожитку не чынила.

Село Жомойтское.

У его милости пана Даниля Хребтовича писара земского Слонимского заставное, его милости князю Кошырскому окуповать на сторону свою належачое. (Перечень 45 лицъ, съ семействами).

Въ томъ селѣ пустыхъ и неосѣлыхъ волокъ тры и моркговъ пять.

Село Юрашки.

Заставное у тогожъ пана писара земского Слонимского. (Перечень 12 лицъ, съ семействами).

Въ томъ селѣ пустыхъ волокъ тры и моркговъ шестнатцать, и особливе пры томъ же селѣ моркговъ шесть.

Селцо Жеребятники.

Сѣдячые, яко въ застѣнку, по розну заставные у тогожъ пана писаря земского. (Перечень 10 лицъ, съ семействами).

Сельцо Бобрыки.

Заставные у тогожъ пана писара земского Слонимского. (Перечень 3 лицъ, съ семействами).

Въ томъ сельцу волокъ чотыри, моркговъ петнадцать, ктому въ концу волокъ ихъ подъ боромъ Бѣлавицкимъ пробробку моркговъ дватцать два полъ, и надъ то особливе лѣсу и пробробку волока одна, моркговъ семнатцать.

Тотъ же панъ писаръ держитъ въ заставѣ пры селахъ вышей помененыхъ дворчыкъ боярскій, названый Балверовщизна, въ нимъ зъ селидбою дворною, зъ огороды, зъ погноями, съ польми оремыми и зъ зарослями вымѣроно волокъ чотыры, моркговъ дватцать одинъ, прутовъ семъ.

За то въ нагороду дано его милости пану старостѣ Дорогицкому фольварокъ боярскій, прозываемый Ходорки, зъ бояры въ немъ мѣшкаючыми.

Фольварокъ Савицковскій.

Зъ селы, людми и кгрунты до него заставными у пана Дмитра Васильевича Кіянина.

Будованье того фольварку: напервѣй дворъ самый, садъ около отиненъ, такъ же и самый дворъ отиненъ старымъ будованьемъ, свѣтлицъ двѣ зъ сѣнми старые драницами крыто, покровя южъ

стара, свѣтлочка малая отъ пекарни, въ ній пецъ зъ кафлевъ старыхъ, простыхъ, такъ же противку тое свѣтлочки другая свѣтлочка также старая, столовъ два, лавокъ тры, пивничка новая, доцками барзо благими покрыта, сверенковъ старыхъ чотыры, домъ велькій старый, опадлый, въ той свѣтлицы опадлой лавъ тры старыхъ, въ гумнѣ клунь старыхъ двѣ, озеродовъ тры, хлѣвовъ для быдла барзо злыхъ зо тры.

Пашни того фольварку дворное есть волокъ семъ, моркговъ двятцать пять, то на сторону его милости князя Копырского прышло мѣсто пашни фольварку Марачевского, на сторону его милости пана старосту Дорогицкого зосталого.

Село того фольварку Скураты.

(Перечень 11 лицъ, съ семействами).

Въ томъ селѣ всихъ волокъ шесть, моркговъ шестнатцать, прутовъ двѣнатцать полъ.

Особливе межы кгрунтами Ящолтовыми волокъ пустыхъ пять, моркговъ двѣнатцать, прутовъ петнатнать, которыхъ волокъ тые жъ подданые на цыншу уживають.

Натто межы Кулешами и стѣною пана писаровою есть моркговъ дватцать чотыры.

Село Ючевичы.

(Перечень 10 лицъ, съ семействами).

Въ томъ селѣ осѣлыхъ волокъ семъ, а пустыхъ волокъ чотыры, моркговъ дватцать пять, прутовъ двѣнадцать полъ. Особливе въ застѣнку Матей Ивановичъ, въ него сыновъ тры: Степанъ, Пархута, Артемъ волока одна.

Фольварокъ Подрезовскій.

Заставный у пана Войтеха Венцковского.

Будованье того фольварку вольное, водлѣ описаня листу заставного небощика пана Миколая Остика.

Пашня того фольварку съ пашнею фольварку Савицковского зо всимъ прышло и зостало на сторону его милости князя Копырского. (Слѣдуетъ перечень 13 лицъ, съ семействами).

Въ томъ селѣ волокъ шесть полъ. А особливе въ застѣнку волока одна, моркговъ шесть, прутовъ дватцать пять.

Тое волости Косовское знесене альбо списане повинности, яко и по чому зъ волокъ осѣлыхъ осадныхъ тяглыхъ по сесь часъ зъ роздѣлку цыншъ плачоно, и податки иные давано, и повинности полнено, кромъ волокъ пустыхъ на розныхъ мѣстцахъ, теперъ въ помѣру и въ личбу волокъ прыведеныхъ, и кромъ волокъ, которые се теперъ пры томъ роздѣлку зъ пробы быть оказали большою личбою, нижли въ старомъ инвентару было въ селахъ волокъ описано, зъ чого ни который платъ не шолъ.

А личба волокъ водлѣ старого инвентара показалася въ селахъ вольныхъ, заставою не заведеныхъ, которыхъ его милость панъ староста Дорогицкій въ уживанью своемъ былъ, волокъ тяглыхъ шестдесятъ деветь, а осадныхъ трынатцать, зъ которыхъ то осадныхъ плачоно зъ волокъ шести по копъ двѣ, зъ волоки одное копу одну и грошей сорокъ. Зъ волоки одное копу одну, грошей трытцеть, зъ волокъ пяти по грошей трытцеть тры, а ктому по дванатцеть толокъ въ рокъ служити повинни кромъ сторожы, а зъ тяглыхъ цыншу по грошей сорокъ. Надъ то вси однако давали такъ осадни и тяглые зъ волоки бочку одну жыта, овса бочку одну, сѣна возъ одинъ, зъ волокъ десети яловица одна и бараны два, зъ волокъ двухъ гусь одинъ, зъ волоки засъ одное куръ двое, яецъ десеть, льну десятокъ.

Роботы по тры дни въ тыдень, толокъ черезъ рокъ дванатцеть, подвода, гдѣ потреба окаже, а сторожа зъ тяглыхъ чергою. Таковаяжъ повинность и зъ заставныхъ люди есть, то есть, зъ села Жомойтского, Юрашковского и въ иныхъ селахъ, кромъ шести волокъ Жомойтскихъ, зъ которыхъ платятъ по копъ двѣ. А зъ Савицковского фольварку волокъ пять неосѣлыхъ по грошей осмъ, кромъ вшелякихъ иныхъ повинностей. Зъ волокъ семи тяглыхъ только по грошей тритцеть. А зъ людей фольварку Подрезовского зъ волокъ трохъ полъ по грошей дватцеть чотыры, а зъ волокъ чотырохъ по грошей трытцеть. А што се тычетъ роботъ и иныхъ повинностей, то все заровно зо всими иными полнили.

Бояре имѣнья Косовского.

На его милость княжа Кошырское належачые.

Бояре Грушы. Подъ ними зъ селидбою, зъ огороды, зъ погноями, съ польми пашными, зъ зарослями, зъ багнами волокъ петнатцеть, моркговъ пять. Надъ то въ томъ же кгрунтѣ огородниковъ чотыры. Къ тому подъ домомъ ставокъ и млынокъ малопожыточный, гдыжъ вода барзо мала, зъ тымъ со всимъ зостало на сторону его милости князю Кошырскому.

Грыцки бояре. Подъ ними вымѣроныхъ волокъ пять, моркговъ дватцеть.

Бояре Зыбайлы и Запечки. Подъ ними вымѣроныхъ волокъ шесть, и моркговъ два, и до того застѣнокъ при мѣстѣ и при селѣ Сторожовскомъ вымѣроный, которого было моркговъ дватцеть семъ. Зъ того моркговъ чотырнадцеть, пры тыхъ боярехъ, дано и належати маетъ на сторону его милости князя Кошырского, а моркговъ двѣнатцать тогожъ застѣнку придано до кгрунту Өедора князя, выполняючы зъ надаткомъ Мартина Вертейка кгрунтъ, подъ которымъ Вертейкомъ есть волокъ двѣ и моркгъ одинъ.

А тые бояре належачые зъ роздѣлку на его милость пана старосту Дорогицкого: Боярынъ Ящолдъ, подъ нимъ волокъ одинатцеть, моркговъ шесть, прутовъ дватцеть.

А въ застѣнку тамъ же прылегломъ Репниковскомъ волокъ чотыри.

За пашню дворца боярского Балберовского волокъ чотыри, моркговъ дватцеть одинъ, прутовъ семъ, который въ заставѣ на тотъ часъ держитъ панъ писаръ земскій.

Тежъ загородники на Марачевчызнѣ за волоку одну моркговъ восемнатцеть, прутовъ семъ и за морки три прутовъ дватцеть восемъ полъ, што за двором и огородомъ на его милость князя Кошырского перенесло въ нагороду того всего личбою за волокъ щесть, моркговъ тринадцеть, прутовъ одинатцеть, дано на сторону его милости пана старосты Дорогицкого боярына Ходорка, подъ которымъ селидбы дворное, огородовъ, погноевъ есть вымѣроныхъ зъ польми пашными волокъ щесть, моркговъ шестнатцеть.

Өедоръ князъ. Подъ нимъ волока одна, моркговъ дватцеть одинъ, и къ тому моркговъ двѣнатцеть, приданыхъ ку выполненью за кгруыты Вертейковы при мѣстечку Косовскомъ. Боярынъ Левко. Подъ нимъ волокъ чотыри, моркговъ десеть. Боярынъ Миско Тышкевичъ. Подъ нимъ волокъ три, моркговъ восемъ. Ивашко Михниковичъ боярынъ, подъ нимъ волокъ двѣ, моркговъ семъ и лѣсу особно моркгъ одинъ. Боярынъ Стрѣлецъ зъ Өедоромъ. Подъ ними волокъ двѣ, моркговъ тринатцеть, прутовъ десеть. Янъ Корпачевскій на Сторожов-

щынѣ, волокъ двѣ, моркговь восемъ. Тые вси бояре зо всимъ належать зъ выдѣлку на его милость пана старосту Дорогицкого. Повинности съ тыхъ бояръ, ани подачокъ ни которыхъ нѣтъ, только зъ листи, гдѣ потреба укажетъ чергою ѣждяючы.

А што се дотычетъ сѣножатей дворныхъ, гаевъ, лѣсовъ, зарослей, боровъ и мѣстцъ багнистыхъ и сѣножатей въ болотѣхъ, надъ рѣкою Грывдою и Бусетью и на иныхъ всякихъ мѣстцахъ такъ дворныхъ мѣйскихъ и селъ вольныхъ по томужъ и селъ заставныхъ и боярскихъ, которые се помененые кгрунты теперъ за тымъ выѣздомъ для великихъ поводи, ижъ трудно было до помѣры ихъ прыйти, не суть змѣроны и роздѣлены, про то на то ку выѣзду, помѣрѣ и роздѣлку досконалому складаю рокъ на день свята Громницъ Римского свята, водлѣ нового календару въ року прыйдучомъ 1698, на который я рокъ зъѣхавши до того имѣнья Косовского скончити, и то до скуточного и вѣчногу дѣлу прывести, и реестра того остатнего дѣлу на обѣ стороне ихъ милостямъ дати маю, до рѣки Грывды зъ обу сторонъ вольный вступъ на тотъ часъ, и потомъ зоставити ихъ милостямъ маетъ, такъ до ловенья рыбъ, яко и до гоновъ бобровыхъ.

Которого того роздѣлку имѣнья помененого Косовского, яко се черезъ мене подкоморего на обѣ сторонѣ сталъ, што ся все меновите въ томъ реестрѣ вышей описало, даломъ его милости пану Мокачовскому княжати его милости Кошырскому сесь мой удѣлчы реестръ зъ моею печатью и съ подписомъ руки мое власное, а при томъ роздѣлку и поданью, што на ихъ милости зъ выдѣлку належало, были пры мнѣ возные два повѣту Слонимского Андрей и Лукашъ Васильевичы Мизкгиры и пять шляхтичовъ: Станиславъ Петровичъ Бусескій, Кондратъ Конарскій, Крыштофъ Матеевичъ Жукъ, а Станиславъ Малиновскій, Дмитръ Ильичъ, которые вси пры печати моей тежъ печати свои приложыли, а умѣючіе и руки подписали. Писанъ въ Косови року, мѣсеца и дня вышей писаного.

Подписи: Грыгорей Трызна подкоморый. Ендрей Васильчъ Мизькій возный власная рука. Лукашъ Васильевичъ Мизьскій возный рука власная. Дмитрій Ильичъ рука власна. Крыштофъ рука власна.

Внизу восемъ тисненыхъ печатей.

68.

1597 г. Декабря 9. Наказная королевская грамота комиссарамъ, назначеннымъ для изслѣдованія дѣла о присвоеніи Мартиномъ Щастнымъ села Деготка, принадлежавшаго Архіепископіи Полоцкой.

Жикгимонтъ третій, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій и Шведскій, Кгодскій, Вандальскій дѣдичный король. Комисаромъ нашымъ до справы нижей описаное отъ насъ зосланымъ урожонымъ. Ознаймуемъ вамъ, ижъ за прыточеньемъ передъ насъ справы, за позвомъ нашымъ, въ жалобѣ архіепископа Полоцкого владыки Витебского и Мстиславского въ Бозѣ велебного кирь Гер-

мана Загорского выданымъ, по земянина нашого воеводства Полоцкого, уроженого Мартинъ Счасновича Прилупского о то, якобы онъ Мартинъ Прилупскій спрызнивши се зъ небожчикомъ отцомъ архіепископомъ Полоцкимъ Нафанаиломъ Селицкимъ и вымогъ то на нимъ, ижъ кромъ воли и вѣдомости нашое господарское, пустилъ ему селищо нашо церковное села нашого прозываемого Деготокъ у клинѣ за прудищомъ въ границахъ певныхъ, зъ нашою жъ землею церковною Рожоства Хрыстова Рожтовского, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачого, въ року прошломъ тисеча пятсотъ деветдесятъ четвертомъ мѣсеца Октебра двадцатого дня, на што ему и листъ свой вызнаный далъ и на врадѣ созналъ. И кгды обѣдвѣ стороне такъ поводовая яко и отпорная передъ нами ставшы о томъ споръ вели, и на комисаре се брали, и мы господаръ, бачечи то съ тыхъ позвовъ и споровъ, ижъ то идеть о розницы кгрунтовъ церковныхъ, а заховуючи се въ томъ водлѣ науки, въ статутѣ правѣ посполитомъ описаное, тую справу, за домовяньемъ сторонъ, на комисею есмо отослали и зъ стороны добръ церковныхъ вѣрность вашу зсылаемъ. А зъ стороны Мартина Прилупскаго толькожъ особ *) . . . . до тое справы назначили есмо; про то хочемъ мѣти и прыказуемъ вамъ, чтобы есте за симъ комисейнымъ листомъ нашымъ порозумѣвши се первѣй съ комисарми, съ стороны Прилупского выведеными, часъ певный выѣханья своего на тую справу зложыли, и обѣюмъ сторонамъ ознаймили, а потомъ и сами на помененый тотъ кгрунтъ того села Деготокъ, о который споръ идетъ, выѣхали и сполне зъ ними доводовъ и отводовъ зъ обу сторонъ выслухавшы, и листовъ справъ ихъ огледавшы, и отъ которое стороны слушнѣйшые и правнѣйшые подаваны будутъ, пры той тые кгрунты зоставили, заховуючи се въ томъ всемъ водлѣ науки, въ правѣ посполитомъ описаное, и апеляцеи до насъ господара, естлибы се которой сторонѣ судъ вашъ съ крывдою быти видѣлъ, не боронечы. Писанъ въ Варшавѣ, лѣта Божего Нароженья тисеча пятсотъ деветдесятъ семого, мѣсеца Декабра девятого дня. Sigismundus Rex. *Печать:* Sigismundus III Dei gratia Rex Poloniae, magnus dux Litvaniae, Rus., Prus., Samogitiae, Masov., Livoniae et cetera.

Война цисаръ.

До комисаровъ въ справѣ владычней до Полоцка.

Хранится тамъ же.

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

69.

1597 г. Декабря 17. Королевская грамота Витебскому воеводѣ Николаю Сапѣгѣ о явкѣ на судъ, для расправы, по жалобѣ Полоцкаго архіепископа Германа Загорскаго, за удержаніе имъ нѣкоторыхъ даней, издавна пожалованныхъ Витебскимъ церквамъ Успенской и Михайловской, съ королевскихъ волостей.

Жикгимонтъ третій, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій и Шведскій, Кгодскій, Вандальскій, дѣдичный король. Воеводѣ Витебскому, державцы Велижскому и Суражскому, вельможному Миколаю Сапѣзѣ. Жаловалъ передъ нами господаремъ въ Бозѣ велебный кирь

Германъ Загорскій, архіепископъ Полоцкій, владыка Витебскій и Мстиславскій, на твою милость, ижъ дей што еще продкове нашы надали на церковь Божую Успенія Пречистое Богоматере зъ двора нашого и зъ млына въ кождый годъ въ тотъ празникъ яловицу а сто хлѣбовъ, а зъ волости Имельницкое дань грошовую, по чому зъ службы прыйдеть, и по десети еецъ и по десятку лну зъ службы, а зъ другого двора нашого изъ Любошкова и зъ волости по тому жъ давано. А на церковъ светого Михайла также на тое свято въ кождый годъ зъ двора нашого и мельницы яловицу и сто хлѣбовъ. А до того на тую церковъ светого Михайла и зъ замку даивали пересуду третій грошъ, коли воевода або намѣстникъ кого судить. А до того вольность рыбакомъ рыбы ловить у въ озерахъ на пять церквей передъ Светымъ Духомъ двѣ недѣли, передъ Успеніемъ Пречистое двѣ недѣли, а передъ Рожествомъ светого Ивана Продотечы недѣля, а въ тые рыболовы, яко воеводове, такъ и намѣстники не мѣли се уступовати, ани чого отъ нихъ не брать; а къ тому даивали зъ села Бабынич на церковь светого Михайла два лукня меду пресного, въ которое лукно уложываеть по десети пудовъ меду. То панъ дей твоя милость за держанья своего того воеводства Витебского, ничого съ тыхъ добръ нашыхъ того не даешь, и подданымъ нашымъ, которые повинни давать, забороняешь, въ чомъ онъ архіепископъ, собѣ и тымъ церквамъ Божымъ не малое укрывженье розумѣючи, билъ намъ чоломъ, абыхмо въ томъ твою милость наупоменули и листъ до тебе писать росказали, абы твоя милость ни въ чомъ пожитковъ, зъ давнихъ часовъ отъ продковъ нашыхъ и отъ насъ самыхъ на тое владыцство наданыхъ, не уймовали, але абы пожитки всякіе, отъ насъ наданые, вцалѣ доходили. А ижъ мы господаръ ему архіепископу Полоцкому вышей речоному тое архіепископство Полоцкое и владычьство Витебское и Мстиславское зо всимъ на все и зъ добрами и пожитками, зъ давныхъ часовъ до того владыства належачими, дали и повинность тая наша, абыхмо не только мѣли уменшати што зъ добръ церковныхъ пожитковъ, але еще имъ для фалы Божое прыдавать. О чомъ мы господарь, о томъ до твоей милости наупоминаючи, и листъ нашъ писали; нижли дей твоя милость и на тое писанье нашо не дбаючи, тое повинности ему архіепископу съ тыхъ добръ нашыхъ ку тымъ церквамъ подданымъ нашымъ даивать не кажешъ, а ижъ всихъ добръ церковныхъ намъ господару оборонять бы такіе добра судити належыть. Про то хочемъ мѣти и прыказуемъ вамъ, штобы есте за симъ мандатомъ листомъ нашимъ передъ нами господаремъ тамъ, гдѣ на тотъ часъ дворомъ нашымъ щасливе, дасть Богъ, будемъ, отъ поданья того мандату нашого, естли въ корунѣ Польской, за осмъ недѣль, а естли у великомъ князствѣ Литовскомъ, ино за чотыри недѣли, самъ сталъ, и водлугъ жалобы его на попиранье инстыкгатора нашого, яко на року завитомъ усправедливилъ. Писанъ у Варшавѣ лѣта Божего Нароженья 1597, мѣсеца Декабра 17 дня.

Подписи: Ярошъ Воловичъ писаръ.

Мы имѣли этотъ актъ въ двухъ экземплярахъ, совершенно сходныхъ. На томъ и другомъ внизу вытиснуты на бумагѣ печати. На оборотѣ двѣ помѣтки русская и полския о содержаніи акта. Писанъ на листѣ. Хранятся оба экземпляра въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

Этотъ документъ уже напечатанъ въ А. З. Р. IV. № 125, но съ нѣкоторыми пропусками.

70.

1598 г. Августа 5. Духовное завѣщаніе Кирила Семеновича Терлецкаго, которымъ онъ записалъ все свое имущество родному брату Ярошу Терлецкому.

Во имя Отца и Сына и Светого Духа станьсе. Кгдыжъ всѣ речи на свѣтѣ, гдѣ бы не были писмомъ объяснены, въ запаметалость приходять, и для того звыклость есть у людей ужыванью писма ку подпорѣ памятій людскихъ, про то и я, смиренный Кирилъ Семеновичъ Терлецкій, Божью милостью екзарха и епископъ Луцкій и Острозскій, упатруючи на томъ дочасномъ а суетномъ свѣтѣ, же не машъ ничого певнѣйшого чоловѣку кождому, яко часъ смертельный, которому кождый чоловѣкъ подданъ есть, хотечи я то мѣти, абы по мнѣ жадная розница и ненависть не была отъ тыхъ, которые бы собѣ хотѣли до маетности моее право собѣ прирожоное привлащати и за нимъ въ нее вступовати мимо тотъ тестаментъ и остатнюю волю мою, который тестаментъ чиню добрымъ, статечнымъ розмысломъ моимъ, не будучы ни отъ кого на то намовеный, але доброволне и будучи въ добромъ здоровью, сподѣваючися только, кгды Господь Богъ часъ замѣроный остатнего дхненья духа моего пошлеть отъ мене взяти, што вольно Его Светой Бозской милости зо мною грѣшнымъ чинити, теды духа моего полецамъ въ милосердіе Его Светое, а тѣло мое грѣшное землѣ, которое маеть быти водлѣ закону нашого Греческого учтиве поховано въ церкви столечной Луцкой, епископеи моей, Светого Ивана Богослова, при гробѣхъ епископовъ Луцкихъ, продковъ моихъ, черезъ брата моего милого рожоного, пана Яроша Семеновича Терлецкого, также черезъ пріятелей и слугъ моихъ учтивыхъ. А што ся дотычеть маетности моее власного набытья моего, которое ачъ немного есть, кгдыжъ непріятель на ней знищилъ, еднакожъ што кольвекъ есть и што маю на долгохъ, за листы записы певными и напотомъ мѣти буду, што ся одно по смерти моей зостанеть, такъ золота, серебра, шатъ, пѣнезей готовыхъ, коберцовъ, опонъ, коней ѣздныхъ, стада быдла у фольваркохъ моихъ епископьихъ, збожья зложоного въ гумнѣхъ и иного спряту и речей рухомыхъ, то все отъ мала до велика, ничого зъ нихъ не выймуючи ани на кого иного не зоставуючи, будучы воленъ своею власностью и набытьемъ моимъ почтивымъ водлѣ права посполитого шафовати, даю, дарую и симъ тестаментомъ моимъ записую всю а всю тую маетность мою рухомую, власное набытье мое, и увесь спрятъ домовый брату моему милому, пану Ярошу Семеновичу Терлецкому, ему самому и потомкомъ его вѣчне, которогомъ зналъ до себе милость, сталость и пильность вшелякую и слугованье въ потребахъ такъ церкви Божое, яко и моихъ власныхъ, которые чынилъ и чинити не переставалъ зъ нелитованьемъ здоровья и зъ ущирбкомъ, съ коштомъ не малымъ, маетности своее на тотъ увесь часъ ажъ и до того часу отписуючи и отдаляючи. Якожъ отписую и отдаляю тымъ тестаментомъ, остатнею волею моею, отъ тое всее маетности моее рухомое, власного набытья моего, дочку мою пани Ивановую Велятицкую, Ганну Кириловну Терлецкую, и мужа ее пана Ивана Ѳеодоровича Велятицкого и

дѣтей ихъ обоя плоти мужского и женского стану, которой то дочцѣ и зятю своему то, што ся годило зъ мене отца ее, не маючи отчизное маетности, только зъ учтивого набытья моего и зъ доброе воли моее даваломъ частокротъ и давалъ такъ сумами пѣнезными, грошми готовыми, вѣна, посаги, выправы въ ланцугахъ, клейнотахъ, шатахъ коштовныхъ, коньми, стадами, быдломъ и вшелякими иными великими достатки, которымимъ былъ гойне отъ Бога Сотворителя обдаронъ, тедымъ тежъ и имъ съ тое жъ ласки Божое наполнилъ вшелякими достатки ихъ самыхъ, коморы, оборы, гумна и весь домъ ихъ обфите зъ милости моее противко онымъ, розумѣючи, же то имъ мѣло быти отъ мене вдячно и розумѣючи, же то ся отъ нихъ мѣло мнѣ въ милости и повольности ихъ нагорожати. А што ся мнѣ дѣяло отъ нихъ и дѣеть, якъ тое добродѣйство мое мнѣ отдали и заплатили, вѣдають почтивые люде, яко на горло мое стояли, кровь мою розливалъ панъ зять мой, стрѣляючи самъ зъ ручницы на мене, побраньемъ не поеднокроть маетности моее надъ волю мою, пограбеньемъ збожья моего дванадцати комягъ и иныхъ тяжкихъ прикростей, которыхъ я не выписую ани посужаю злости ихъ, нехай онымъ Богъ платить. Про то по смерти моей поневажъ ся имъ за живота моего вшелякими моими добродѣйствы и щодробливостью добре намѣрило и давало, теды до тое остатка маетности моее рухомое власного набытья моего, што одно кольвекъ еще есть и будеть, жадного права приступу имъ тымъ тестаментомъ моимъ не зоставую и тую всю маетность мою отъ нихъ самыхъ и отъ дѣтей потомства ихъ . . . . . . отписую и отдаляю. Але панъ Ярошъ Семеновичъ Терлецкій, братъ мой милый рожоный тую всю маетность мою рухомую, власное набытье мое, по смерти моей, ведлѣ сего тестаменту моего, яко ему брату моему належачую и отписаную, съ потомки своими осегнути маеть, и будеть вольно оною, яко своею власною, шафовати водлѣ воли своее уподобаныю своего вѣчными часы. А дочка моя Ивановая Велятицкая и мужъ ее панъ Иванъ Велятицкій, дѣти и потомство ихъ и никто иный съ повинныхъ и близскихъ моихъ обойга народу до тое маетности имъ не належачое, брату моему пану Ярошу Семеновичу Терлецкому и потомству его жадное трудности задавати и жадныхъ спадковъ нияким способомъ упоминатися вѣчне не могуть. А хотя бы ся и упоминали, теды, за тымъ тестаментомъ моимъ, отъ таковогo пренагабанья ихъ правного у вшелякого права и суду кождого братъ мой панъ Ярошъ Терлецкій и потомки его отъ тое дочки моее и зятя моего пана Велятицкого и потомства ихъ вольными отъ позву и речы учинены быти мають. А если бы хто кольвекъ тотъ мой тестаментъ о чомъ кольвекъ нарушилъ, таковогo кождого позывамъ на Страшный судъ Божій; тамъ ся розсудить зо мною передъ нелицемѣрнымъ Судьею Вселенскимъ, и абы кождый таковый былъ нарушонъ отъ Бога Сотворителя на душномъ збавенью. И на то зоставую сесь мой тестаментъ остатнее воли моее, зъ моею печатью и подписомъ власное руки моее. А при справованью того тестаменту моего были и тое остатнее воли моее суть добре свѣдоми ихъ милость панове а пріятеле мое, на то отъ мене возваные, его милость велебный отецъ Іона Гоголь, епископъ Пинскій и Туровскій, а его милость Іоанъ Гуринъ Фурсъ, судья, а его милость князь Ми-

хайло Дольскій, подсудокъ, урадники земскіи повѣту Пинского, и его милость панъ Ѳедоръ Годебскій, стольникъ его королевское милости повѣту Пинского; которые ихъ милости, за устною и очевистою прозбою моею, печати свое приложыли и руки свое подписати рачыли къ сему моему тестаменту. Писанъ у Пинску. Року тысеча пятьсотъ деведдесятъ осмого, мѣсеца Августа пятого дня. Кирыло Терлецкій, Божею милостью ексарха, епископъ Луцкій и Острожскій. За очевистою прозбою отъ его милости отца Луцкого епископа печать прыложилъ и руку свою подписалъ Іона Гоголь, Божею милостью епископъ Пинскій и Туровскій. Ѳедоръ Годебскій, стольникъ, власною рукою. Гуринъ Фурсъ, подсудокъ. Андрей Чацкій, деканъ Влоцлавскій, канторъ Познанскій, канникъ и депутатъ Гнѣзненскій.

Изъ бумагъ Терлецкаго.

71.

Конецъ 16 вѣка. Августа 3. Индикта 5. Письмо Юрія Хребтовича къ Ольшанскому архимандриту Сераніону, съ жалобою на Лаврншовскаго архимандрита.

Въ Бозѣ велебному прелату, господину и отцу моему милому, освещенному архимандриту Голшанскому отцу Сараѳіону. О спасенномъ здравіи твоей милости радъ быхъ слышалъ завжды кождого часу. А притомъ твоей милости, господина и отца моего милого покорне прошу, и повѣдаю твоей милости, яко светителю, о архимандритѣ Лавришовскомъ, ижъ ся отъ мене отдаляючи а такъ ся со мною позвелъ о звѣчность отчизны двора нашого Сененского, о дуброву, которую отецъ мой небожчикъ зъ ласки давывалъ на выгонъ къ монастыру и тежъ и озеро. . . . . волочити нача за прозбою, якожъ есть то явно и твоей милости отцу нашому милому. А такъ, господине, онъ то хочеть привлащити къ монастырю, якожъ есьми съ нимъ о томъ очивисто мовили передъ паномъ воеводою его милостью Виленскимъ; а такъ онъ повѣдилъ передъ паномъ его милостью, ижъ то есть выгонъ и озеро, наимя Немницо, звѣчистое манастырское; и въ томъ ся есмо здали на вашей милости, яко на светителя высокого. А такъ твоей милости господина и отца моего милого а светителя великого покорне прошу и чоломъ бію, коли того часъ будеть а сошлемся до вашей милости, и ваша милость рачи то сознати, водлугъ сану своего светительского и водлугъ справедливое речи и давности, яко стародавна бывало за вашей милости и за предковъ вашихъ; а того ваша милость не рачте положити на душахъ многихъ, абы то было безобразъ душь нѣкоторыхъ, а рачилъ бы твоя милость то отказати, або и въ листѣ описати, ижъ то отецъ мой зъ ласки своее тотъ выгонъ и озеро давывалъ рыбъ ловити на часъ не завжды. А такъ твоей милости господина и отца моего милого прошу, абы твоя милость рачилъ при справедливой речи быти и то сознавати, якъ твоей милолости милый Богъ по сердцу положить. А я твоей милости господину и отцу моему справедливе отпріяти и всего доброго зычити, якожъ и зыча. Одно твоя милость самъ мѣй ся къ тому а подпади подъ пана

воеводу, бо у его милости есть моцы тотъ монастырь Лавраповскій. А мы твоей милости того зычимъ, и хочемъ помоцни быти, абы твоя милость зъ нашое зычности тое мѣсто осѣлъ, бо тому того мѣстца не здержати; нижли бы милый Богъ митрополита принесъ: бо есть на него сила злыхъ вещей, за которыми не можеть того здержати. А на тотъ часъ монастыръ зъ моее моцы вынятъ въ той причинѣ, ижъ Семашко листы втаилъ, якожъ о то еще маемъ право мѣти, азали милый Богъ по первому нарядитъ, а за тымъ ся молитвѣ твоей милости поручамъ. Писанъ въ Сеннѣ, Августа 3 день, индиктъ 5. Юрій Ѳеодоровичъ Хребтовича чоломъ біетъ.

Писанъ на поллистѣ. Весьма ветхъ. Хранится въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

72.

1600 г. Іюля 30. Листъ Туровскаго старосты Яна Ружинскаго къ священнику Сторожевецкой церкви о. Леонтію, въ которомъ упоминается о разграбленіи этой церкви и о пожертвованіи, сдѣланномъ крестьянами по приговору копы.

Янъ Ружинскій, староста Туровскій. Чиню вѣдомо и ознаймуе тымъ моимъ доброволнымъ листомъ, кому бы о томъ вѣдати належало, теперь и напотомъ будучимъ, ижъ що ся шкода стала въ дому Божимъ въ церкви Сторожовецкой Святое Покровы, въ которой выкрадено якъ свѣчи такъ и книги, о которое выкраденье тое церкве и шкоды той священникъ Сторожовецкій тое церкве звыше помененой на имя Леонтій, чинячи пильность и старанье около того выкраденья и шкоды тое, на копу люди збираючи, на которой копи будучи людей не мало сторонныхъ оные шкоды зъ нѣкоторого уваженья своего присудили платити тые всѣ шкоды церковные до всего села Сторожовецкого, которые подданые Сторожовецкіе, за разомъ по той копи зложивши копъ семъ грошей, положили передо мною врядомъ на замку, не хотячи дати попови, которые гроши казаломъ отобрати отъ нихъ войту Туровскому Богдану Сытку, которые отличивши отдалъ мнѣ. Пре то я не хотячи, абы церковъ Божа шкодовати мѣла и на пожитокъ свой не хотѣломъ то обернути, даломъ воску до тое церкве Сторожовецкой полтора каменя и двѣ книги, меновите: Апостолъ и Охтай за тые гроши, на щомъ и тотъ листъ мой, подъ печатью и съ подписомъ руки мое, при тымъ же тому священникови Леонтіеви для памяти и лѣпшого свѣдецства далъ. Писанъ Туровѣ року 1600, мѣсеца Іюля 30 дня.

Документъ весь писанъ рукою Туровскаго старосты, сдѣлавшаго въ концѣ приписку: власна рука. *На оборотѣ находятся приписки:* помощь моя отъ Господа Бога, *и:* помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю.

Доставленъ Туровскимъ благочиннымъ о. Симеономъ Лисицкимъ, который въ препроводительной бумагѣ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее преданіе, что до 1-й половины XVIII в. при Сторожевецкой церкви былъ мужской монастырь.

78.

1601 г. Апрѣля 26. Инвентарь имѣній Полоцкой архіепископіи.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шестьсотъ чотирыдесятого, мѣсеца Генвара двадцать первого дня.

На рокохъ судовыхъ земскихъ Трикрольскихъ, порядкомъ права посполитого прыпалыхъ и судовне въ Полоцку отправованыхъ, передъ нами Александромъ Тышкевичомъ судею, Михайломъ Тышкевичомъ подсудкомъ, а Яномъ Подбипентою писаромъ, врадниками господарскими судовыми земскими воеводства Полоцкого, постановившы се очевисто въ Бозѣ велебный его милость отецъ Антоній Селява, архіепископъ Полоцкій, Витепскій и Мстиславскій, оповѣдалъ и ку активованью подалъ инвентаръ списанья маетностей и подданыхъ церковныхъ и, покладаючы тотъ инвентаръ, просилъ, абы до книгъ земскихъ Полоцкихъ актыкованый и вписаный былъ. Которого то инвентару мы судъ огледавшы а видечи быть речъ слушную, велѣли есмо его до книгъ вписать. Который вписуючы, слово до слова такъ се въ собѣ маеть: Инвентаръ списанья селъ, бояръ и подданыхъ, прыслухаючыхъ архіепископіи Полоцкой, въ воеводствѣ Полоцкомъ лежачыхъ, которые я Абрамъ Бедрицкій, дворанинъ его королевское милости, будучи посланый за листомъ и розказаньемъ его королевское милости, пана нашого милостивого, маючы пры собѣ возного воеводства Полоцкого Станислава Пивонского и сторону шляхту людей добрыхъ, земянъ господарскихъ того жъ воеводства Полоцкого, пана Миколая Околова а пана Тымоѳея Стасевича, по недавно зошломъ архіепископу Полоцкомъ отцу Герману Загорскомъ, въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ первомъ, мѣсеца Априля двадцать шостого дня, теперешнему архіепископу Полоцкому, Витепскому и Мстиславскому его милости велебному въ Бозѣ киръ Гедіону Бролницкому, въ моцъ, въ держанье и въ ужыванье подалъ есми. То есть: найпервѣй дворъ архіепископскій въ замку вышнемъ Полоцкомъ; въ немъ будованье: ворота уѣзные покрытые, противъ церкви Светое Софіи; подлѣ тыхъ воротъ по лѣвой руцѣ келья, гдѣ пономаръ мѣшкаеть; подлѣ кельи свѣтлица съ коморою и зъ сѣнкою; подлѣ нее пивница; подлѣ пивницы пекарня; противъ пекарни свѣтлица служна; подлѣ свѣтлицы ворота въ кутѣ; подлѣ воротъ спижарня; подлѣ спижарни кухня; тамъ же свѣтличка пры кухнѣ; броваръ и лазня. Далѣй, вколо идучы, домъ великій зъ кганкомъ; свѣтлица столовая; напротивъ свѣтлицы другая свѣтлица покоевая съ коморою; на горѣ свѣтлица; коло ней кружкганокъ. За тымъ домомъ повѣть, гдѣ возы ставляютъ; подлѣ повѣти свиренъ, гдѣ шоръ ховають; подлѣ клѣти стайня; подлѣ стайни ворота великіе въѣзные; одъ воротъ идучы свиренъ зъ кружкганками, зъ двоимъ схованьемъ. А то есть фолварокъ Струня: Матей Стасевичъ дымъ одынъ, Радіонъ Ѳедоровичъ дымъ одынъ, Иванъ Прудниковичъ дымъ одынъ. На Носелицахъ: Михайло Якимовичъ старецъ дымъ одинъ, Лукъянъ Подвинскій дымъ одинъ, Петръ Яновичъ дымъ одинъ, Михайло Нарушко дымъ одинъ, Андрей Яновичъ дымъ одинъ, Михайло Чепейко дымъ одинъ,

Лукъянъ Ильичъ дымъ одинъ. На Бѣлеводѣ: Стефанъ Ходыка дымъ одинъ, Стефанъ Балверъ дымъ одинъ. На Тетчы: подлѣ двора блиско церковъ старая: въ ней образовъ неоправныхъ осмнадцать, крыжы простыхъ два, рызы одна и стихаръ одынъ полотненые, патрахиль старый одынъ, келихъ цыновый одинъ, ложка одна, звѣзда мосендзовая, дыскосы два деревеныхъ, книга Евангеліе напрестольное, оправное сребромъ съ позлотою, книги называемыхъ Треоди два, постная и цвѣтная, книга называемая Мѣнея, книга Охтаецъ, книга Апостолъ, книга Псалтыръ, книга Служебникъ, книга Уставъ, крыжъ деревеный одынъ, свѣчъ поставныхъ двѣ, огарковъ два, крыжъ желѣзный на церкви, звонъ невеликій одынъ. Входечы въ дворъ Тетчанскій ворота старые непокрытые; идучы одъ тыхъ воротъ по лѣвой сторонѣ свѣтлица старая; подлѣ нее сѣни съ коморкою; напротиво тое свѣтлицы другая свѣтлица старая съ коморкою, подлѣ тое свѣтлицы третяя свѣтлица зъ сѣнми. Въ тыхъ всихъ свѣтлицахъ печы зъ черепицъ бѣлыхъ уроблены, оболоны паперные, сырница огнилая пустая. Пекарня старая зъ сѣнми, въ которыхъ ѣсти робять; подлѣ тое пекарни ворота надъ озеромъ Тетчомъ; за вороты лазня зъ сѣнцами; подлѣ воротъ въ томъ же дворѣ стайня новая для сѣна, другая стайня старая для кони; недалеко одъ тое стайни пивница; подлѣ пивницы клѣть старая одна а новая клѣть одна. Въ Тетчы подданые: Андрей Михайловичъ Лобанъ зъ сыномъ Радивономъ дымъ одынъ, службы двѣ, Сопронъ Плешковичъ дымъ одынъ, Матфей Сопковичъ дымъ одынъ, Андрей Розмысловичъ дымъ одынъ, Никифоръ Провода дымъ одынъ, Стасъ Горникъ дымъ одынъ, Ѳеодоръ Якубовичъ дымъ одынъ, Климята Мотковичъ дымъ одынъ, Матѳей Зубковичъ дымъ одынъ, Ходоръ Голубовичъ дымъ одынъ, Кондратъ Пугвица дымъ одынъ, Иванъ Кнорозъ дымъ одынъ, Шымко Миколаевичъ дымъ одынъ, Ониско дымъ одынъ, Тымоѳей Усовичъ дымъ одынъ, Томашъ Бурбиничъ дымъ одынъ, Никонъ Есковичъ дымъ одынъ, Томилко Ивановичъ дымъ одынъ, Алексѣй Петковичъ дымъ одынъ, Макаръ Радивоновичъ дымъ одынъ. Пустовщизны: на Веркудѣ двѣ, а на Бобровщизнѣ одна. Иванъ Пивоваръ огородникъ. Нестеръ Бурый огородникъ.

Село Усвица, до Тетчы належачое: Карпъ Тымоѳеевичъ старецъ дымъ одынъ, Сава Плешко дымъ одынъ, Гришко Карповичъ дымъ одынъ, Кузма Плешковичъ дымъ одынъ, Лукъянъ Тараль дымъ одынъ, Матѳей Петровичъ дымъ одынъ, Гапонъ Енцура дымъ одынъ, Еско Охромеевичъ дымъ одынъ, Никипоръ колесникъ дымъ одынъ, Омельянъ Тараль дымъ одынъ, Стефанъ Плешко дымъ одынъ.

Село Завечелье, до Тетчы: Лука Кузминичъ старецъ дымъ одынъ, Конашъ Корниловичъ дымъ одынъ, Карпъ Наплехъ дымъ одынъ, Трухонъ Юдиничъ дымъ одынъ, Парфенъ Москаль дымъ одынъ, Гришко дымъ одынъ, Зенко дымъ одынъ, Левошка Филиповичъ дымъ одынъ, Родко Корнеловичъ дымъ одынъ, Давидъ Толкуновичъ дымъ одынъ, Иванъ Сухопаръ дымъ одынъ; до того пустовщизны.

Село Навличе, до Воронеча: Сава Борысовичъ старецъ дымъ одынъ, Павелъ Олексевичъ дымъ одынъ, Омельянъ Жаковичъ дымъ одынъ, Петръ Романовичъ дымъ одынъ, Артемъ Зарека дымъ одынъ, Филипъ Синица дымъ одынъ, Парфенъ Ивановичъ дымъ одынъ, Семенъ Чорный дымъ одынъ, Михалко Малковичъ дымъ одынъ, Петрокъ Хромый дымъ одынъ, Омельянъ Петровичъ

дымъ одынъ, Андрей ковалъ дымъ одынъ, Сидоръ Петровичъ дымъ одынъ огор(одникъ), Амвросъ Лукасовичъ огор(одникъ) дымъ одынъ, Миколай Стасевичъ боярынъ дымъ одынъ, Өедоръ Юнковичъ боярынъ дымъ одынъ.

На Вороночу Церковъ Рожества Пресвятое Богородицы: въ ней ризы и стихаръ полотненые, патрахилъ одынъ, келихъ цыновый одынъ, звѣзда цыновая одна, дыскосъ цыновый одинъ, книги: Евангеліе напрестолное паркгаминовое, Апостолъ одынъ, Псалтырь одынъ, Охтаики два, Полуставъ одынъ, Служебникъ одынъ, Треодь цвѣтная одна, крижъ деревеный сребромъ, позлотою оправный, образовъ розныхъ чотырнадцать, свѣчъ малыхъ мужычкихъ дванадцать, звонъ невеликій одъ Светое Софіи, кадило мѣденое одно. Недалеко тое Церкви надъ рѣкою Ущачою гора немалая, на которой знать, же замокъ былъ збудованый Вороничъ; люде пашуть недалеко одъ тое горы замковое; на гостинцу стодола збудованая. Подлѣ мѣстечко, въ немъ людей на име: Гришко Хламота войтъ дымъ одынъ, Демешко ковалъ дымъ одынъ, Карпъ Закревскій дымъ одынъ, Грицко Ивановичъ дымъ одынъ, Улисъ Кондратовичъ дымъ одынъ, Семенъ Шушаникъ дымъ одынъ, Грицко Козленичъ дымъ одынъ, Арехөа бортникъ дымъ одынъ, Иванъ Михносъ дымъ одынъ, Яско чоботаръ дымъ одынъ, Кузма Колпенокъ дымъ одынъ, Матөей Критскій дымъ одынъ, Опанасъ Пискунъ, Янъ Мазуръ дымъ одынъ, Кузма Стукай дымъ одынъ, Коионъ Ходоровичъ дымъ одынъ, Сопронъ Козелъ дымъ одынъ, Павелъ Плинецъ дымъ одынъ, Михалко десятникъ дымъ одынъ, Захарко пономаръ церковный огород(никъ), Иванъ Колпенокъ дымъ одынъ. Подданые тяглые: Никипоръ Зуковичъ дымъ одынъ, Матөей Залоза дымъ одынъ, Урбанова вдова дымъ одинъ, Иванъ Щибра дымъ одынъ, Сопронъ Бакуновичъ дымъ одынъ, Стефанъ Чешуйка дымъ одынъ, Левонъ Полиленокъ дымъ одынъ, Войтехъ Петровичъ дымъ одынъ, Семенъ Ковалъ дымъ одынъ, Иванъ Гарениновичъ дымъ одынъ, Дементей Куминовичъ дымъ одынъ, Иванко Новикъ дымъ одынъ, Стефанъ Сухоновъ дымъ одынъ, Андрей Ивановичъ дымъ одынъ, Ходоръ Жабинъ дымъ одынъ, Гришко Кожемяка дымъ одынъ, Андрей Литвинъ дымъ одынъ.

Въ Старынкахъ село: Миколай Кожемячычъ дымъ одынъ, Иванъ Пожоя дымъ одынъ, Данило Дойлидъ дымъ одынъ, Лукашъ Мысливецъ дымъ одынъ. А пустошы въ Старынкахъ тры. На Воронечу пустошей за рѣкою двѣ, въ Пискулехъ двѣ.

Село Весницко: Гапонъ Дороөеевичъ старецъ дымъ одынъ, Кузма Давидовичъ дымъ одынъ, Васко Микитинъ дымъ одынъ, Кондратъ Микитинъ дымъ одынъ, Овсюкъ Малашковъ дымъ одынъ, Климята Ходоровичъ дымъ одынъ, Ходоръ Шулга дымъ одынъ, Трухонъ Харковичъ дымъ одынъ, Стефанъ Боярчынъ дымъ одынъ, Григорей Совостевичъ дымъ одынъ, Курыло Полежачынъ дымъ одынъ, Пилипъ Кожемячынъ дымъ одынъ, Опанасъ Толстоносъ дымъ одынъ, Иванъ прыхожый дымъ одынъ, Сидоръ Борысовичъ дымъ одынъ, Арыстъ Наумовичъ дымъ одынъ, Ходоръ Дороөеевичъ дымъ одынъ, Грицко Брикунъ дымъ одынъ, Иванко Пытляковичъ дымъ одынъ; пустошь Быковщина одна.

Село Долца. Въ томъ селѣ Церковъ заложенья Светыхъ Козмы и Даміяна. Михайло Крыка старецъ дымъ одынъ, Алексѣй Жукъ дымъ одынъ, Ходоръ Пашковичъ дымъ одынъ, Иванъ Синюжичъ дымъ одынъ, Микита Скаражычъ

дымъ одынъ, Васко Короткій дымъ одынъ, Павелъ Цыбуля дымъ одынъ, Омельянъ Купріяновичъ дымъ одынъ, Иванъ Олховка дымъ одынъ, Ѳедко Вертелка дымъ одынъ, Акатей Майнуловичъ дымъ одынъ, Артемъ Тепеловичъ дымъ одынъ, Арехва Пепеловичъ дымъ одынъ, Устинъ Фурзовичъ дымъ одынъ, Янутъ Подборный дымъ одынъ, Петръ Филиповичъ дымъ одынъ, Дашукъ Гавриловичъ дымъ одынъ, Омельянъ Гапоновичъ дымъ одынъ, Алхипъ Скарага дымъ одинъ, Якимъ Гришковичъ дымъ одынъ, Гришко Нестеровичъ дымъ одынъ, Ходоръ Бѣлозоръ дымъ одынъ, Сидоръ Плющина дымъ одынъ, Иванъ Новицкій дымъ одынъ, Демешко Гуровичъ дымъ одынъ, Кузма Пентелеевичъ дымъ одынъ, Алхимъ Скорына дымъ одынъ, Андрей Коваль дымъ одынъ, Неѳедъ дымъ одинъ, Матѳей Борысовичъ дымъ одынъ, Стефанъ Марковичъ дымъ одынъ, Сава Алхимовичъ Скорына дымъ одынъ, Игнатъ Каменковичъ дымъ одынъ, Семенъ Пѣтуховичъ дымъ одынъ, Марко Мошнаревичъ дымъ одынъ, Алексѣй Пѣтухъ дымъ одынъ, Иванъ Тыхоновичъ дымъ одынъ, Устинъ Кузнецовичъ дымъ одынъ, Гришко Пѣтуховичъ дымъ одинъ, Иванъ Даниловичъ дымъ одынъ, Потапъ Колпа дымъ одынъ, Наумъ Шнитка дымъ одинъ, Гришко Мелешковичъ дымъ одынъ. Пустошы въ томъ же селѣ: Шарковщизна, Савинщизна, Синцовска, Обуховщизна, Свирковщизна, Марасовнево, Цынилово, Гришково, Михалковщина, Москалево, Карташево, Соболево, Кузмино, Ковпино, Василево, Тварагово, Понамарково, Денисово, Малашово, Казимерово, Михалково, Мядяловщина.

Село Бѣлое: Устинъ Курыловичъ старецъ дымъ одынъ, Карпъ Дмитровичъ дымъ одынъ, Сидоръ Ивановичъ дымъ одынъ, Стефанъ Васильевичъ дымъ одынъ, Гришко Ходоровичъ дымъ одынъ, Васко Микулиничъ дымъ одынъ, Павлюкъ Ростокъ дымъ одынъ.

Въ Крынкахъ: Степанъ дымъ одынъ, Иванъ дымъ одынъ.

Село Дегодки: Михайло Кгинвиловичъ старецъ дымъ одинъ, Иванъ Дубейко а Иванъ Лукьяновичъ дымы два, Яковъ Леецъ дымъ одынъ, Балтромей Балтрушковъ дымъ одинъ, Гришко Марковичъ дымъ одынъ, Янъ Кговрелевичъ дымъ одынъ, Андрей Смородовичъ дымъ одынъ, Петръ Нарушковичъ дымъ одынъ, Иванъ Жере . . . . . дымъ одынъ, Янко Степановичъ дымъ одынъ, Иванъ Морозовичъ дымъ одынъ; полпустовщины нихто не держытъ.

Село Сосна Рѣка: Антонъ дымъ одынъ, Юрко дымъ одынъ.

Село Хоробровъ Камень: Романъ дымъ одынъ, Юрко дымъ одынъ, Дечкой дымъ одынъ, Ермакъ дымъ одынъ, Дубко дымъ одынъ.

Монастыръ за рѣкою Двиною на Бѣлчычы Глѣба и Бориса, до которого служобъ полтораста, нижли на сесь часъ розные особы межы себе безправне розобрали. Село Марынецъ. Село Замшаны: Хролъ дымъ одынъ, Богданъ дымъ одинъ, Ходоръ дымъ одынъ, домъ....*) небощика владыки въ мѣстѣ Полоцкомъ на Великой улицы зъ одное стороны отца Романа протопопы, а зъ другое стороны Василья райцы, который домъ, за особливымъ писаньемъ его королевское милости до себе яко спадокъ подаломъ его милости теперешнему архіепископу въ держанье. Которого поданья черезъ мене Абрама Бедрицкого, дворенина его королевское милости, тыхъ добръ верхумененыхъ архіепископству Полоцкому належачыхъ, все

*) Выцвѣли чернила.

меновите и по достатку на сесь инвентаръ списавшы, его милости въ Бозѣ велебному архіепископу Полоцкому кирръ Гедіону Брольницкому подъ печатью и съ подписомъ власное руки моее, также подъ печатми и съ подписами рукъ возного и стороны шляхты, пры мнѣ на тотъ часъ будучое, хто зъ нихъ писать умѣеть, его милости далъ есми. Писанъ въ Полоцку. Мѣсеца Мая двадцать шостого дня, року тысеча шестъ сотъ первого. У того инвентару печатей притисненыхъ чотыры, а подпись рукъ тыми словы: Jan Biedrycki, dworzanin krola iegomosci, ręką swą. Stanisław Piwonski, wozny woiewodstwa Połockiego, ręką. Миколай Околовъ. Тымоѳей Стасевичъ. Который тотъ инвентаръ зъ покладаньемъ, активованьемъ черезъ помененого въ Бозѣ велебного его милости отца Антонія Селявы, архіепископа Полоцкого, Витепского и Мстиславского, есть до книгъ земскихъ Полоцкихъ вписанъ, съ которыхъ и сесь выпись подъ печатми нашыми врадовыми, судиною и подсудковою, а съ подписомъ руки моей писарское, въ Бозѣ превелебному его милости отцу Антонію Селявѣ, архіепископу Полоцкому, Витепскому и Мстиславскому, есть выданъ. Писанъ въ Полоцку.

Писанъ на двухъ съ половиною листахъ, вытиснуты на бумагѣ двѣ печати, съ неявственными оттисками, подписъ писаря: Янъ Подбипейта писаръ земскій Полоцкій. *Весьма ветхъ. Хранится тамъ же.*

74.

1601 г. Октябрь. Дарственная запись Александра Полубенскаго священнику Деречинской церкви Роману Кобятѣ на земельный участокъ и десятину доходовъ.

Александеръ Полубинскій панъ Новгородскій сполечне зъ сыномъ нашимъ княземъ Александромъ Полубинскимъ, старостою Вилькейскимъ, ознаймуемы то тымъ листомъ нашимъ, кому бы того была потреба належала вѣдати, ижъ которая церковъ Божья Светого Спаса наданье годное памети продковъ нашихъ, ихъ милостей князей Полубинскихъ и ихъ милостей князей Вишневскихъ, у мѣсти нашомъ Деречинскомъ, которая мнѣ вѣчнымъ правомъ отъ его милости князя Константына Вишневецкого зъ дворомъ и зо всими людми продана есть, ни въ чомъ не нарушаючи, але утвержаючи погожаючи въ той ѳалѣ Божей и повинности нашой хрестіянской, служебнику и богомольцу нашому свещеннику Роману Кгобятѣ не только же бысмы мѣли преносити окомъ нашимъ прозбу его, лечь пamетаючи на давно звыклые службы его, намъ пристойне вѣрне черезъ часъ не малый дѣлаючіе, и хотячи его тымъ хутлившого до богомоленья и службъ его теперь и въ прышлые часы за показаньемъ ласки нашое, яко духовника славное памети княгини малжонки моей, схильнѣйшого къ намъ удѣлати и черезъ огонь знищеного поратованье учинити, погожаючи тому, абы въ той церкви ѳала Божая по душахъ продковъ нашихъ богобоязныхъ князей пановъ ктиторовъ тое церкви и всего народу нашого годныхъ светыхъ памети, такъ и за здоровье наше, съ розмноженьемъ

слова Еванелїи Светое а ку науцѣ всихъ людей прибѣгаючихъ, зъ выконываньемъ всее фалы не уставала, лечь примножала датою въ датѣ, одъ ихъ милостей впродъ реченыхъ продковъ нашихъ князей Вишневецкихъ на часть отъ князей Вишневецкихъ тоей церкви Божое, которая се намъ вѣчне зостала, приняли есмо и далисмы священнику реченому Кгобятѣ. Которую церковь Божью держати ему подали яко въ датѣ церковной, такъ тежъ въ земляхъ и подданныхъ церковныхъ землею и ихъ службою и повинностью, которіе есть надано на церковь Божью для выхованья его, то есть домъ зъ будованьемъ у мѣстѣ Деречинскомъ зо всимъ на все зъ огородами, кгрунтами, полями пашными и зъ сѣножатьми, яко здавна и теперь въ обыходѣхъ своихъ маютъ. До того придалисмы тому священнику реченному землю дъяконскую зъ двѣма огородами у мѣстѣ Деречинскомъ и пляцами двѣма до того часу, покибы ся дъяконъ до той церкви Божее трафилъ. А ку тому тежъ, ведлѣ стародавного звычаю отъ тыхъ менованыхъ продковъ нашихъ, на каждый годъ съ пашни нашое десетина, ведлугъ боязни Божое а повинности приказанья писма светого, зъ двора нашого Деречинского выдавана быти маетъ тому впродъ менованому священнику. Въ которой церкви Божей по недѣли зъ священникомъ нашимъ отцомъ Яковомъ Неронскимъ протопопою службу Божъю служачи вшелякихъ доходовъ на полы богобоязно уживати маютъ и яко въ тыхъ менованныхъ и не менованыхъ наданьяхъ тое церкви Божей и ни въ чомъ погожаючи писанію светому, а на большъ фалѣ Его светой отъ тоей церкви Божее ведлѣ фундушовъ продковъ нашихъ не уймуючи а ни нарушаючи, але еще привлащаючи мы сами и потомки наши зъ несмертельною славою дому нашого черезъ сесь листъ нашъ тому священнику даемъ и тымъ листомъ фундованымъ стверждаемъ до жывота его. варуючи то ему симъ листомъ нашимъ. ни въ чомъ не нарушаючи фундушовъ благословенныхъ ктиторей тоей светое обители. Маеть онъ за благословеніемъ Божьимъ и архіепископа нашого до живота своего при той церкви Божьей будучи службу Божью дѣйствовати и всякіе справы духовные отправовати, яко одъ вѣковъ Светая Соборная Апостольская Церковь здавна и теперь уфундована. До которое церкви вси православные хрестіяне. а наболѣй парафіяне тоей церкви съ тыхъ селъ мнѣ отъ князя Вишневецкого вѣчностью зосталыхъ приходити и научатися приказанью Божьему и науцѣ церковной маютъ. И на тосмы ему дали сесь нашъ листъ подъ нашими печатьми и съ подписомъ рукъ нашихъ. Писанъ у Деречынѣ, року отъ Нароженья Спасителя нашого Іисуса Христа 1601, мѣсеца Октебра   дня.

Писанъ на бумажномъ листѣ. Копія. Хранится тамъ же. Число мѣсяца не выставлено.

75.

1601 г. Декабря 15. Духовное завѣщаніе Константина Өедоровича Чапличь-Шпановскаго.

Во имя Отца и Сына и Светого Духа станься. Ижъ всѣ речи на свѣтѣ, которые не бывають письмомъ объясненые и ку вѣдомости людской приведеные, съ памети людское прудко сплывають и въ запаметанье приходять, зачимъ розрухи, шарпанины и непокое около маетности позосталые въ домѣхъ шляхетскихъ не только межи кровными, але и межи власными дѣтьми бывати звыкли, чому забѣгаючи, абы то по смерти моей въ дому моемъ небыло, я Костентинъ Өедоровичъ Чапличъ-Шпановскій хотя есьми зъ воли Божей хоробою навеженъ, але за доброе памети и цѣлого розуму, не будучи ни отъ кого намовенъ и ничимъ приведенъ, одно статочне ся на то розмысливши, волю мою симъ тестаментомъ моимъ ознаймую и до вѣдомости людское привожу. Напередъ поручаю Богу Сотворителю душу мою, маючи надѣю певную у милосердью Его светомъ, ижъ ся надо мною грѣшнымъ змиловати, отпустивши злости мои, до хвалы Своее Святое духа моего приняти рачить; и тѣло мое грѣшное, яко земля землѣ отдано быти маеть, которое маеть быти поховано у манастыри Дорогобузкомъ у церкви Пречистое Светое водлѣ тѣла небожчика отца моего пана Өедора Петровича Чаплича-Шпановского. А если жебы то трудно было, тогды у Глупонинѣ у церкви, котору есьми самъ збудовалъ, светого Архангела Михаила. А ижъ есьми по вси часы дознавалъ противъ себе великое милости и добродѣйства его милости пана Өедора Чаплича, судьи земского Луцкого, стрыя своего а особливе въ тыхъ часехъ, кгдымъ его милости продалъ имѣнье село Глупонинъ, же ми его милость вольность мѣшканья въ той же маетности до часу слушного узычити и, еслибы ми панъ Богъ живота передлужилъ, доживотное мѣшканье записать обѣцать былъ рачилъ. А такъ я маючи тое дуфанье о ласцѣ его милости, ижъ тое остаточное прозьбы моее не опуститъ, тую справу погребу грѣшного тѣла моего такъ яко и иншіе справы, у томъ тестаментѣ остатнее воли моее нижей написаные, поручаю отправовати его милости пану Өедору Чапличу, судьѣ земскому Луцкому, стрыеви моему и униженне его милости прошу, абы тую працу его милость на себе взяти и погребъ тѣлу моему учтивый водлугъ своего баченья справить рачилъ. На которые потребы отказую двѣсти золотыхъ польскихъ, которые ми виненъ панъ Павелъ Плоскій, подстаростій Житомирскій, позычоного долгу, на што онъ мнѣ листъ записъ свой, подъ печатью своею и съ подписомъ руки своее, также тежъ подъ печатми и съ подписомъ рукъ людей зацныхъ, далъ, у которомъ тое по достатку доложоно есть. О чомъ его милости пана судьи, пана стрыя своего, покорне прошу, еслибы того потреба показала, абы его милость тую справу своими грошми отправовати, а потомъ тотъ долгъ у пана Плоского поволи собѣ отыскивать рачилъ. Также тежъ на тую потребу отказую десеть копъ грошей Литовскихъ у мѣщанина Ост-

розкого, у Петра Римара, которыхъ есьми ему позычилъ, а особливе позычиломъ тежъ тому жъ Римарови аксамитного жупана чорного, абы его для потребы своее на часъ малый заставилъ, а потомъ выкупивши засъ мнѣ отдалъ и вернулъ тые всѣ грошы, а панъ маеть его милость панъ судья отыскати, гроши на погребу тѣла моего обернути. А жупанъ аксамитный отказую брату моему, пану Янови Чапличови судьичу. церковные речи, сосуды, аператы, книги черезъ мене до церкви Глупонинское наданые. которыхъ реестръ подъ печатью моею съ подписомъ руки моее написаный есть, тое все при церкви Глупонинской зостати маеть. А што есми заставилъ въ Острозѣ у Андрея, свещеника Пречисткого, келихъ сребрный въ осми копахъ грошахъ Литовскихъ. также у Глупонинѣ у подданого пана судьина у Васка Шакулы кадильницу серебреную у чотырехъ копахъ и у сороку грошей Литовскихъ, тые речи его милость панъ судья выкупити и до церкви Глупониское отдати маеть. Што ми тежъ панъ Словиковскій за три панцеры зосталъ виненъ десеть копъ грошей Литовскихъ, то все повиненъ его милости пану судьи отдати, которые пѣнези панъ судья на долги обернути маеть. Того тежъ у томъ остатнее воли моее тестаментѣ докладамъ. ижъ што есми его милости пану Өедору Чапличу, судьи земскому Луцкому, продалъ на вѣчность имѣнье свое отчизное дворъ и село Глупонинъ за чотыри тисечи копы грошей Литовскихъ, то есть за десеть тисечій Польскихъ золотыхъ, которую суму пѣнезей десеть тисечій золотыхъ Польскихъ его милость панъ судья сполна мнѣ отдалъ и заплатилъ и ничого ми виненъ не зосталъ, на што есми и листъ вѣчистое продажи его милости далъ, и тотъ листъ на врядѣ кгродскомъ Луцкомъ сознати и выписъ до книгъ земскихъ Луцкихъ зъ кгроду перенести другимъ листомъ записомъ своимъ обовязался, и тое имѣнье дворъ и село Глупонинъ въ моцъ держанье и вѣчистое уживанье врядовне черезъ возного его милости пану судьи подалъ и поступилъ. А ижъ есми за небезпечностью повѣтрія, подъ который часъ рочки кгродскіе не бывали сужоные, и потомъ и за тою хоробою, которою мнѣ панъ Богъ навѣдити рачилъ, того запису на врядѣ кгродскомъ Луцкомъ не созналъ, тогды если бы мене панъ Богъ съ тое хоробы вызволити рачилъ, повиненъ буду тому записови своему досыть чинити. А если жебы тежъ панъ Богъ съ того нужного живота до хвалы Своей святое мене поволати рачилъ, все тое право, што есми его милости пану судьи имѣнье свое Глупонинъ на вѣчность продалъ и листъ вѣчистое продажи на то его милости далъ, симъ остатнее воли моее тестаментомъ ствержаю, змоцняю и во всемъ достаточнымъ чиню. и абы у каждого вряду, права и суду цѣлой зуполной и ни въ чомъ ненарушоной моци держанъ и захованъ былъ, мѣти хочу. На которое имѣнье село Глупонинъ ижемъ его милости пану судьи листовъ дѣльчихъ и иншихъ справъ листовъ тому имѣнью належачихъ не отдалъ, тогды подъ сумнѣньемъ своимъ то вызнавамъ, ижемъ въ рукахъ своихъ жадныхъ не мѣлъ, але яко еще отецъ мой небожчикъ панъ Өедоръ Чапличъ зъ сего свѣта зшолъ, вси листы дѣльчіе справы его милость панъ Иванъ Чапличъ Шпановскій, каштелянъ Кіевскій, стрый мой, будучи опекуномъ моимъ, до рукъ своихъ взялъ, такъ при нимъ и до сего часу зостали. О которые, если бы того потреба показала, вольно будетъ его милости па-

ну судьи, еслибы иначей быти не могло, и правне чинити и тое все выискати. Росправу слугъ и челяди моее дворное его милости пану судьи стрыеви моему поручаю, которымъ его милость водлугъ заслугъ ихъ нагороду чинити и платити маеть, яко же есми самъ устне за доброе памети нѣкоторымъ поменилъ и назначилъ, што маеть быти кому дано зъ маетности моее, речей рухомыхъ по мнѣ зосталыхъ; также тежъ и подданымъ Глупонинскимъ, штомъ у кого взялъ былъ быдла, то есми за живота своего поворочалъ, а иншихъ слугъ и челядь, которыхъ есми самъ не менилъ, его милость панъ судья, водлугъ баченья своего а заслугъ ихъ каждого, каждому заплатити и отправити маеть, которымъ всимъ нагорода и заплата чинена быти маеть зъ маетности моее речьми рухомыми, то есть, коньми, шатами, сѣдлы, пулгаками, сагайдаками и иншимъ рыштункомъ. А если же бы по отправѣ слугъ и челяди моее дворное, што кольвекъ маетности моее речей рухомыхъ и спряту домового зостало, такъ же тежъ въ гумнѣ што кольвекъ есть, або ся зостане пашни, то есть, пшеницы, жита, овса, ячменю и иншого вшелякого збожья, тогды тое все никому иншому, одно братеи своей пану Мартину, пану Адамови, пану Янови, пану Миколаеви и пану Юрьеви Чапличомъ, судьичомъ даю, дарую и симъ остатнее воли моее тестаментомъ записую вѣчными часы; золота, серебра, грошей готовыхъ згола ничого не зоставую, бомъ ихъ не мѣлъ и не маю, также тежъ цыну мѣди ничого не мамъ, только одна фляша цынова. Што се дотыче долговъ, тогды есми никому ничого не виненъ, и никому есми на долги листовъ записовъ и жадныхъ мембрановъ не давалъ. Однакъ же еслибы ся у кого нашли на долги якіе листы записы мои слушные, правные и правдивые и неподезрѣныи, тогды его милость панъ судья стрый мой тое заплатити мае и будеть повиненъ. И на томъ есми далъ его милости пану Өедору Чапличу, судьи земскому Луцкому, сее остаточное воли моее тестаментъ, подъ печатью моею и съ подписомъ власное руки моее. А при томъ были и того добре свѣдомы и за устною очевистою прозбою моею печати свое приложити и руки свои подписати рачили къ сему остатнее воли моее тестаменту ихъ милость панове а пріятели мои: его милость панъ Василей Бабинскій, панъ Романъ Велигорскій а его милость панъ Иванъ Шпаковскій. Писанъ у Глупонинѣ, въ року отъ Нароженья Исуса Христова тысеча шестсотномъ первомъ, мѣсеца Декабря пятнадцатого дня. У того тестаменту печати чотыри и подписъ рукъ у тые слова: Костентій Чапличъ-Шпановскій рукою власною. Василей Бабинскій рукою власною, Иванъ Шпаковскй власною рукою, Романъ Велгорскій власною рукою.

Печатанъ по выписи изъ земскихъ книгъ, скрѣпленной тисненою печатью и подписомъ Михайлы Гулевича, писаря земскаго Луцкаго. Хранится тамъ же.

76.

1607 г. Апрѣля 2. Завѣщаніе Кириллы Семеновича Терлецкаго.

Лѣта Божого Нароженья тисеча шестьсотъ семого, мѣсеца Мая двадцать девятого дня.

На врядѣ кгродскомъ, въ замку его королевское милости Луцкомъ, передо мною, Миколаемъ Семашкомъ на Хупковѣ, каштеляномъ Браславскимъ, старостою и ключникомъ Луцкимъ, ставши очевисто священникъ Рожичскій, съ капитулы владыцтва Луцкого, богомысльный отецъ Моисей Подгаецкій положилъ тестаментъ остатнее воли зошлого велебного отца Кирила Терлецкого, владыки Луцкого, распоряженье маетности его лежачое и рухомое въ собѣ замыкаючый, у паперъ голый увиненый, а трекроть печатью секгнитовою пречечоного зошлого владыки запечатованый, тому священникови Рожичскому для отданья по смерти его до вряду кгродского Луцкого такъ повѣроный. И просилъ пречечоный пресвитеръ Рожичскій, абы черезъ мене старосту тотъ тестаментъ съ того запечатанья былъ отвартый, принятый и до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записаный. За которою то священника просбою и съ повинности моей врадовое, тотъ тестаментъ пречечоного зошлого владыки Луцкого, зъ запечетованья отворивши и ему добре припатрившися, видячи быть водлѣ права ставленый, рукою небожчиковскою подписанный и печатью его запечатованый, также и людей добрыхъ печатми и подписами рукъ наполненый, цѣлый, зуполный и ни въ чимъ не нарушоный, давши его передъ собою вычитати, оный принялъ есми и до книгъ кгродскихъ Луцкихъ записати казалъ, который слово одъ слова такъ ся въ собѣ маетъ: Во имя Животворящое, Святое, нераздѣлимое Тройцы, Отца и Сына и Святого Духа аминъ. Человѣкъ кождый Хрестіянскій ижъ паметати есть повиненъ на остатній кресъ свой, до которого бѣжить, для тогожъ справы житья своего завжды передъ собою мѣти мусить а имъ ближшимъ того кресу быти себѣ бачить, тымъ тежъ набольшѣй то передъ очима его есть, абы реестра свое зготовалъ яко шафаръ талантовъ ему повѣроныхъ, а приспособился до личбы чиненья пану своему; при томъ тежъ и то кождому бачному належить розрядити домъ и маетность свою, кгдыжъ въ ней звыкла бывати шарпанина, гдѣ остатняя воля въ томъ писмомъ объясненья не будеть. Просилъ тежъ я многогрѣшный Кирилъ Семеновичъ Терлецкій, Владыка Луцкій и Острозскій, бачечи быть за неспособностію здоровья моего ку остатнему кресу сее дочасное смерти себе близкимъ, рахуючи въ зуполности смыслу реестра сумнѣнья своего, а споминаючи тяжкіе грѣхи мое, которыми Творца и Збавителя моего завжды ображалъ есми, прошу его святое Бозское милости, абы не паметаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але водлѣ невымовного милосердія своего святого, въ которомъ я надѣю мою покладаю быть милостивъ души моей грѣшной, а тѣло мое яко землю оддаваю земли, съ которымъ коли панъ Богъ душу розлучити будеть рачилъ, тогды учтиве звычаемъ хрестіянскимъ закону нашого Греческого хованья тѣлъ епископскихъ маетъ быти соборомъ похо-

вано въ церкви столечной Луцкой Святого Іоанна Богослова, при гробѣхъ продковъ моихъ владыцъ ихъ милостей Луцкихъ, черезъ ихъ милость брата моего рожоного пана Яроша Семеновича Терлецкого и зятя моего пана Ивана Ѳедоровича Велятицкого, писаря земского Пинского, которые священникомъ капитулы Луцкой, отправуючимъ погребъ, мають дати золотыхъ сто, абы звыклымъ церковнымъ обычаемъ по души моей отправили сорокоустъ, а до шпиталювъ въ Луцку и межи убогіе на погребѣ роздали золотыхъ сто, нижъ бы помоцными были молитвами своими до Господа Бога и отпущенье грѣховъ моихъ. Сосуды вшелякіе церкви соборное Луцкое, которыхъ ся брало и ужило часовъ нѣкоторыхъ, ѣздечи въ дороги, о чомъ протопопа Луцкій вѣдаеть, также привилья, справы давные и ново чрезъ мене съ кимъ же колвекъ всчатые, той Церкви Божой и Епископіи Луцкой служачіе, при справахъ моихъ будучіе, чого якъ много паметати не могу, то все, што одно колвекъ есть и духовенству належить, черезъ менованыхъ пановъ брата и зятя моего, до которыхъ то рукъ яко власныхъ потомковъ моихъ зъ маетностью моею достанеть, списавши то все на реестръ достаточне до отца Епископа Луцкого, который по мнѣ наступить, альбо до капитулы Луцкое и звыклого схованья церковного, безъ жадного омѣшканья, вцале оддано быти маеть, постерегаючи, якобы то на души моей не зоставало. До того убиръ мой епископскій новый съ короною, яко до службы Божое належить, и посохъ оправный, крестъ и Евангеліе оправные и книгъ моихъ церковныхъ половицу, што все есть при церквахъ въ схованью, въ маетностяхъ пана брата моего пана Яроша Терлецкаго, въ Пирковичахъ и въ Рѣчицы, мають отдати до церкви соборное Луцкое, кдыжъ тамъ тѣло мое лежати будеть. А иншіе вси убиры, такъ мой епископскій, яко и священническіе и дьяконскіе, и книгъ другая половица, штомъ я коштомъ своимъ посправовалъ, мають зостати въ церкви презъ мене збудованой и взфундованой во имѣнью брата моего и малжонки его милости въ Пирковичахъ. А то што есть теперь въ церкви, также черезъ мене новозбудованой въ Рѣчицы, уберовъ священническихъ и книгъ и сребра церковного, то все при той церкви вѣчне зостати маеть. На збудованье церкви Святой Пречистое въ Луцку въ манастыру, гдѣ черницы мѣшкають, на которую и дерева уже приготовано, отписую золотыхъ Польскихъ полтораста, которые пенези священнику, дѣйствующому тамъ, безъ всякого омѣшканья, зъ готовизны моей потомкове мои дати мають. Слугамъ моимъ всимъ, также спивакомъ и меньшой челяди, которые съ повинности своей на погребѣ тѣла моего будуть, панъ братъ и панъ зять мой, водлугъ уваженья своего и заслугъ кождого, заразъ на погребѣ нагороду имъ учинити. А которые бы писмо на што отъ мене мѣли и показали, водлѣ того съ кождымъ обыйстись мають, жадного продолженья въ томъ никому не чинечи. А штось дотычеть маетностей моихъ лежачихъ и рухомыхъ, въ которыхъ абы по мнѣ жадная шарпанина и незгода о нее межи братомъ моимъ рожонымъ его милости паномъ Ярошомъ Семёновичомъ Терлецкимъ а дочкою моею панею Ивановою Велятыцкою, писаровою земскою Пинскою Ганною Терлецкою не была, пильне того остерегаючи зъ добрымъ розмысломъ моимъ и пораховацьемъ, и въ томъ сумнѣнья моего абымъ такъ въ милости яко и повинности моей противъ кождому зъ нихъ и потомству ихъ виннымъ не зоставалъ. Кгдыжъ первѣй

противъ помененой дочцѣ моей и малжонку ее а зятеви моему его милости пану Иванови Велятыцкому, писарови земскому Пинскому, гнѣвомъ непотребнымъ зъ якихъ же колвекъ причинъ и намовъ яко человѣкъ уведеный будучи оныхъ самыхъ и потомства ихъ тестаментомъ моимъ на трибуналѣ коронным Любельскимъ, въ року прошломъ тисеча шестьсотъ четвертомъ, на воеводствѣ Кіевскомъ до книгъ трибунальскихъ презъ мене сознаный, отъ вшелякое маетности моей, имъ по мнѣ прирожене належачое, вѣчне отдалилъ, а оную всю пречоному пану брату моему и его только потомству даровалъ и отписалъ есми, тою теперъ остатнею волею моею такъ то опатрую и тымъ тестаментомъ моимъ варую, напервѣй, имѣнья мое въ великомъ князствѣ Литовскомъ въ повѣтѣхъ Берестейскомъ и Пинскомъ лежачіе, дворъ и село Дубую, дворъ и село Корсуни, дворъ и село Гридковичи съ приселки его, село Рѣчицю, гдѣмъ самъ яко въ наближшомъ отъ владыцства Луцкого, для снаднѣйшого и близшого перемѣшкиванья своего, дворъ коштовне побудовалъ, и село Тевковичы, и село Мотолы, которые на име брата моего пречоного пана Яроша Терлецкого за власные пенези свои, яко то въ тыхъ тамъ краяхъ кождому добре вѣдомо есть, на вѣчность покупилъ, а только переставаю ли одъ него брата моего и сына его милости пана Ивана Ярошевича Терлецкого на варункахъ листовныхъ, ижъ тымъ всимъ завжды яко хотечи шафовать вольно ми было, оныхъ есми по увесь часъ уживалъ, рядилъ и справовалъ и яко власные свои направовалъ, будовалъ, подданыхъ запомагалъ и фольварки быдломъ вшелякимъ и стадомъ и статки домовыми наполнилъ. Тые вси помененые имѣнья мое зо всими, яко се въ осѣлостяхъ и кгрунтахъ своихъ маютъ, зъ стады и быдлы, малыми и великими, и зо всими статки домовыми его милости пану Ярошови Терлецкому брату моему и потомству его, яко властное набытье мое, даю, дарую и вѣчными часы симъ тестаментомъ моимъ записую. Которыми то всими имѣньями поменеными маеть и воленъ будеть менований панъ братъ мой, и по немъ потомство его, водлѣ правъ и листовъ купчихъ и сего тестаменту моего, яко уже властностью своею, водлѣ воли и уподобанья своего, вѣчными часы шафовати, чому жадные листы якого кольвекъ о то постановенья моего зъ нимъ братомъ моимъ, которые бы вѣчности и шафованью тыхъ то добръ оному и потомству его якокольвекъ шкодити мѣли, важны быти въ томъ не маютъ. И дочка моя Ганна Терлецкого пани Ивановая Велятыцкая, писаровая земская Пинская, ани потомство ее пречоному пану брату моему а стрыеви своему и потомству его, зъ права своего прирожоного спадкового посполитого и особливого, въ томъ жадное трудности чинити и задавати не будеть могла, а разумѣючи вже тымъ быти одъ мене слушную нагороду пану брату моему за зычливость и милость его, которые онъ мнѣ яко братъ показовалъ. И держу то о немъ, ижъ помнили на иншіе ласки и добродѣйства мое, оному завжды показованые, даньемъ до уживанья добръ церковныхъ владыцства Луцкого, мало непереднѣйшихъ Жабка, Колодеза и Губина, которые презъ лѣтъ двадцать держачи вшелякіе пожитки зъ нихъ спокойне одбиралъ, и тожемъ дочокъ есть пять вшелякими оздобами, стану бѣлоголовскому и шляхецскому належачими, опатривши въ станъ малженскій за людей зацныхъ коштомъ моимъ повыдавалъ и посаги

своими власными готовыми пенезми пополатилъ, и оного самого вшелякіе потребы завжды своимъ грошомъ отправовалъ, тымъ ся уже контентовати будеть. А маетность мою рухомую, готовыхъ грошей не малые сумы пенежные, золото, серебро, клейноты, перла, шаты и футра соболіе, рысіе и иные, коберцы, опоны, цинъ, мѣдь, возники и кони ѣздные, стрѣльбу, а згола всю и вшелякую, што одно маю, и потомъ яколь ся въ ней непріятеле мои на розныхъ мѣстцахъ ушкодили, за ласкою Божою и за учтивымъ стараньемъ моимъ, приспособилъ есми и немалую причинилъ, которую первѣй до имѣней пана брата моего и малжонки его милости дѣдичныхъ до села Перковичъ, высвободивши оное своими пенезми, не мало людей и кгрунтовъ сколько сторонъ до него причинивши, дворъ и церковь немалымъ коштомъ моимъ въ немъ збудовавши и до Отовчичъ, а потомъ до имѣнья Рѣчицы, яко до мѣстцъ варовнѣйшихъ, за вѣдомостью пана брата моего и малжонки его милости, розныхъ часовъ звезъ и спровадилъ, позамыкавши и позапечатавши, въ захованью положилъ, и што кольвекъ оное на сесь часъ при мнѣ есть, тую всю, яко власное набытье мое, которымъ завжды кождому шляхтичу шафовать водлѣ уподобанья своего есть вольно, зятеви моему милому его милости пану Ивану Велятыцкому, писарови земскому Пинскому, и малжонцѣ его а дочцѣ моей власной паней Аннѣ Кириловнѣ Терлецкого симъ тестаментомъ остатнее воле моей даю дарую и вѣчне записую. Которую взявши съ кождого менованыхъ схованей моихъ, чого панъ братъ мой и малжонка его милости боронити не мають и овшемъ все въ цѣлости онымъ оддати будуть повинни, шафовати и оную оборочати, приводечи куналѣпшому пожиткови своему, вольни будуть. Кгдыжъ отпустившы имъ, яко отецъ, правымъ серцемъ то все, чимъ мене были образили, за покореньемъ ся ихъ и препрошеньемъ черезъ люди зацные, и маючи взглядъ на томъ же, по жонѣ своей матцѣ паней Велятицкой не малую маетность рухомую взялъ, съ которое оной правомъ Божимъ яко власному потомкови матки своей тѣшити належить, не хотечи ей въ томъ ничого виннымъ быти и того на души моей зоставати, хотяжъ ся зо всихъ добръ и маетностей спадковыхъ на врядѣ кгродскомъ Пинскомъ, въ року прошломъ тисеча пятьсотъ деветьдесятъ девятомъ, чиначи въ томъ волю мою, вырекли и мембрана свое правные особно на то мнѣ подавали, надъ першую волю мою оныхъ есми до тое вышъ помененое маетности моей припустилъ и оную имъ далъ, даровалъ и записалъ. Зачимъ тотъ вырокъ ихъ, яко праву Божому и справедливости святой противный, также и тые мамрамы ихъ голые, которые тамъ же зъ иншими справы въ схованьяхъ есть, симъ тестаментомъ моимъ касую умораю такъ, ижъ у жадного права мѣстца мѣти не мають. А до того особливе суму пенезей чотырнадцать тисячей золотыхъ польскихъ, которыхъ есми зошлому вельможному пану Нарушевичови, кашталянови Жомойтскому, на певные добра его позычилъ и записи отъ его милости на имя пана Яроша Терлецкого брата моего одержалъ, ижъ то есть сума пенезей власная моя, яко о томъ записъ преречоного брата моего и сына его пана Ивапа Ярошевича Терлецкого взглядомъ тое сумы и иншихъ сумъ, имъ одъ мене до схованья повѣроныхъ, и не даны, а презъ мене теперъ недавно зъ великихъ и певныхъ причинъ его милости пану Остафіеви Еловичови

Малинскому, судьи кгродскому Луцкому, которого щирое милости и зычливости черезъ увесь часъ во всимъ дозналъ, до схованья повѣроный, на што ми его милость рекокгницію рукою своею власною писаную далъ, достаточне обмовляеть. Тогды и тую суму пенезей зятеви моему пану Иванови Ѳедоровичови Велятыцкому, писарови земскому Пинскому, и малжонцѣ его милости а дочцѣ моей милой Ганнѣ Терлецкого симъ же тестаментомъ моимъ одписую и дарую, которое праве все отъ его милости пана Жомоитского на помененую суму пенезей служачое пречечоный братъ мой панъ Ярошъ Терлецкій на пречечоныхъ пана Ивана Велятыцкого и малжонку его правне и достаточне листы записы оригинальные и, штобы до того належало, онымъ оддати и добръ тыхъ заставныхъ зовсимъ уступити маеть и будеть повиненъ. А кгды тому досыть учинить и тое власне окажеть, тогды его милость панъ Малинскій, судья кгродскій Луцкій, тотъ записъ, его милости повѣроный, пану брату моему до рукъ его оддати маеть. А гдѣ бы панъ Ярошъ Терлецкій братъ мой того добровольне учинити не хотѣлъ и тому тестаментови моему въ томъ и въ чомъ же кольвекъ противнымъ былъ, теды его милость панъ Остафій Малинскій тотъ записъ пана Яроша Терлецкого и сына его а сыновца моего пана Ивана Терлецкого, одъ мене его милости въ захованье даный, водлѣ рекокгниціи своей, пану Велятыцкому и малжонцѣ его, яко имъ власне уже належачій, за симъ моимъ тестаментомъ дати маеть. Который то записъ брата и сыновца моего помененыхъ зо всими кондиціями и обовязками его пречечоному пану Ивану Велятицкому и малжонцѣ его а дочцѣ моей зо всимъ и во всимъ служити и належати маеть такъ, яко мнѣ самому служилъ и належалъ. А што ся тычеть сумъ пенежныхъ, которые ми немало шляхты, также мѣщанъ и купцовъ, хрестіянъ и жидовъ винни, на што записи и мамрамы ихъ при розныхъ схованьяхъ моихъ есть, тые вси сумы пенежные, яко ся зъ списовъ покажуть, умиловавши я внука моего, пана Адама Ивановича Велятыцкого, которому для молодости его ничого доброго не учинилъ, оному дарую и одписую. Которые то листы и мамрамы на то служачіе вси зобравши въ одно мѣстце, ему отданы быти мають, а оныхъ онъ внукъ мой моцъ мѣти будеть у кождого правне доходити и тымъ водлѣ воли своей шафовати, ку налѣпшому пожитку своему оборочати, скринки мое замкненые и запечатованые печатью моею, съ правами и привилеями розными духовными, и мнѣ власне а по мнѣ потомству моему належачими, гдѣ и троха спряту моего тамже есть, которые для лѣпшого безпеченства и для трибуналу, на которымъ справы мое зъ розными особами припадали, даломъ и повѣрилъ до захованья мѣщанинови Любельскому, славетному пану Себестіянови Конопницы, которому на то рекокгниція даная при пану Ярошу Терлецкомъ братѣ моемъ есть. Тые томужъ пану Иванови Велятыцкому зятеви моему и дочцѣ моей Ганнѣ Терлецкого Велятыцкой яко речь рухомая належать зо всимъ тымъ, што въ нихъ есть; только справы, которые належать духовенству альбо владыцству Луцкому, до отца Владыки Луцкого. А которые належати будуть добрамъ дѣдичнымъ пана брата моего и титулови Терлецкихъ, тые вси братови моему панъ Велятыцкій и малжонка его милости вцале отдати мають, а панъ Себестіянъ Конопница тые скры-

ни, речи мое, яко ему въ захованье есть дано, никому иному только зятеви моему пану Велятыцкому, писарови земскому Пинскому, и малжонцѣ его а дочцѣ моей, ни на што не обавяючій, водлѣ сее остатнее воли моей, отдати будеть повиненъ, которому панъ Велятыцкій зъ малжонкою своею нагороду слушную за то дати мають. А што се вышей поменило данья готовыхъ грошей священникомъ на шпиталѣ на церковъ будованья и на заплату слугамъ всимъ, то кождому маеть быти неодволочне на погребѣ тѣла моего оддано зъ маетности моее рухомое, которая въ помененыхъ захованьяхъ зоставаеть. Прошу тогды слезне пана брата моего его милости пана Яроша Терлецкого и зятя моего его милости пана Ивана Велятыцкого, писаря земского Пинского, и дочки моей паней писаровое, абы напередъ межи собою милость и згоду повинную заховали, а, водлугъ того тестаменту моего остатнее, зъ добрымъ уваженьемъ и розумысломъ моимъ тымъ письмомъ имъ зоставленое воли моей, во всемъ справовали. одинъ другому надъ тую остатнюю волю мою о маетности моей жадное трудности не чинили. А который бы зъ нихъ сему противный былъ и тотъ тестаментъ остатнее воли моей презъ што кольвекъ зрушати хотѣлъ, таковою кождого позываю передъ нелицемирного Судьи на грозный и страшный судъ, абысь въ томъ зо мною тамъ розсудилъ. А сего свѣтки судья кождый вглянувши въ сесъ тестаментъ мой водлѣ него кождого во всемъ заховати будеть повиненъ. Который тестаментъ остатнее воли моее, за доброе и цалое памети свое, оный справивши рукою моею власною подписалъ и печатью моею запечатоваломъ, и просиломъ о приложенье печатей людей зацныхъ, вѣры годныхъ, ихъ милостей пана Михайла Янушевича Гулевича, ротмистра на сесь часъ земли Волынское, а пана Януша Кошки Жоравицкого, и пана Өедора Костюшковича Хобестовского, и отца Мойсея Подгаецкого, презвитера Рожицкого, крылошанина Луцкого, духовника моего, которые при справованью сего тестаменту моего, въ небытности вряду земского, которого есми звести не могъ, будучи и о той всей воли моей добре вѣдаючи, за устною прозбою моею, печати свое до сего тестаменту моего приложити и власными руками своими подписати рачили. Который же то тестаментъ мой въ запечатованью особномъ даю и повѣряю помененому священникови Рожичскому, духовникови моему отцу Мойсееви, абы онъ самъ тотъ тестаментъ мой, скоро по смерти моей, если бы мя съ тоей хоробы моей панъ Богъ до фалы своей поволати рачилъ, которого я милосердію и воли Его Святой оддаюсь, заразъ до враду кгродского Луцкого отдалъ и того, абы до книгъ кгродскихъ вписанъ былъ, самъ доглядѣлъ, обовязуючи въ томъ сумнѣньѣ его, же того иначей не учинить, грознымъ судомъ Божимъ. Писанъ въ Рожицахъ, року Божого Нароженья тисеча шестьсотного семого, мѣсяца Априля второго дня.— У того тестаменту печатей притисненыхъ чотыри, а подписъ рукъ въ тые слова: Кирилъ Терлецкій, Епископъ Луцкій, власною рукою. Михайло Гулевичъ, ротмистръ воеводства Волынского, рука власная. Янушъ Кошка Жоравицкій рукою власною. Өедоръ Костюшковичъ рука власная. Мойсей Подгаецкій презвитеръ Рожичскій, крылошанинъ Церкви соборной Луцкой, власною рукою. Который же то тестаментъ, за очевистымъ поданьемъ преречоного презвитера Рожичского, а за принятіемъ моимъ увесь

съ почятку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ Луцкихъ есть уписанъ, съ которыхъ и сесь выпись подъ печатью кгродскою Луцкою есть выданъ. Писанъ у Луцку.

Изъ бумагъ Терлецкаго.

77.

1609. Генваря 12. Опредѣленіе Пинскаго Земскаго Суда по дѣлу о нападеніи со стороны Яроша Терлецкаго на село Вавуличи, принадлежавшее Евстафію Воловичу.

Лѣта отъ Нароженья сына Божего тисеча шестьсотъ девятого, мѣсяца Генвара дванадцатого дня.

На рокохъ судовыхъ земскихъ повѣту Пинского, о Трехъ Кроляхъ Рымскомъ святѣ припалыхъ и порадкомъ правнымъ отправовать зачатыхъ, передъ нами врадниками судовыми земскими повѣту Пинского Михайломъ Долзскимъ судьею, Васильемъ Пелчицкимъ на Дубеи подсудкомъ, Иваномъ Велятицкимъ писаромъ постановившисе у суду панъ Цыпрыанъ Лебедев. . . . земенинъ господарскій повѣту Пинского, за моцью листовною отъ его милости князя Еустахія Воловича, пробоща Троцкого, писара и рееерендара великого князства Литовского, ему въ той справѣ на зыскъ истрату даною, жаловалъ съ позву на земенина господарского повѣту Пинского пана Яроша Терлецкого и малжонку его милости пани Марину Туровну о томъ, ижъ дей, въ року тисеча шестьсотъ семомъ мѣсеца Іюля десятого дня, панъ Терлецкій и малжонка его, наславши кгвалтомъ пріятеля своего пана Павла Тура и боярина своего Отовчицкого, Курила Ловчыча а Федка Олизаровича, подданого своего Девечоровского, зъ мнозствомъ иншихъ слугъ, которыхъ они сами лѣпѣй знають и имена ихъ вѣдають, на село его милости князя Воловича, ку пробощству Троцкому належачое, Вавуличы, въ повѣтѣ Пинскомъ будучое, на домы подданыхъ его милости Вавулицкихъ Хомы Горошковича бортника, Юшка Стецевича осочника ихъ самыхъ подданыхъ тыхъ поранили, и въ колодезь одного зраненого вкинули, псовъ двохъ брехуновъ, наслѣдниковъ звѣринныхъ, и вепра кормного зъ ручницъ позабивали, яко о томъ ширей жалоба позовная въ собѣ обмовляеть. Которого то позву и року зуполного за нимъ припалого квитомъ возного и написомъ на квитѣ писарскимъ, водлѣ права доведшы, о вчиненье справедливости просилъ. А отъ стороны позваное пана Яроша Терлецкого и малжонки его пани Марины Туровны постановившисе у суду панъ Жданъ Коптевичъ, показавшы моцъ на выписѣ кгродскомъ Пинскомъ сознаньемъ нана Терлецкого и малжонки его, подъ датою року тисеча шестьсотъ осмого мѣсеца Декабра пятнадцатого дня, до тое справы ему на зыскъ истрату даную, выслухавшы жалобы позвеное и доводу на позванье, повѣдилъ, заховавши сторонѣ своей впередъ противъ подданыхъ его милости князя Воловича въ той справѣ вольное мовенье и цѣлые обороны свое. кгдыбы дей до того пришло, ижъ дано вину отъ подданыхъ пробощства Троцкого небожчику пану Павлу Туру, земенинови повѣту Пинского, и подданымъ его милости пана Терлецкого и малжонки его въ позвѣ описанымъ, якобы за насланьемъ ихъ милости панъ Туръ и тые подданые кривды и шкоды тымъ подданымъ пробощства Троцкаго учинити мѣли, . . . панъ Туръ, яко вольный шляхтичъ, естли бы кому

што учинилъ, о чомъ панъ Терлецкій и пани Терлецкая не вѣдають, и на то росказанья ихъ милости не было, готовъ бы былъ кождому зъ маетности своее усправедливити. Але въ молчанью будучи пану Турови за живота его такъ же и по смерти зъ маетности его не позываючы пану Терлецкому и малжонцѣ его милости людемъ невиннымъ за чужую вину, хто ее естлибы учинилъ, о чомъ ихъ милость не вѣдають, покою не дають. Поневажъ водлугъ права нихто ни за кого ничого терпѣти не маеть, только кождый самъ за себе, о тожъ слушне, естли якую кривду отъ пана Тура тые подданые мѣли, абы шкодъ своихъ на маетности его реквировали, а ихъ милостямъ, въ невинности теперь позванымъ, покой дали. А стороны подданыхъ або бояръ пана Терлецкого, которые снать або на тотъ часъ пану Туру служили, або тежъ и омылкою якою въ особѣ ихъ хто иншій именемъ тыхъ бояръ ихъ милости менуючысе паномъ Туромъ, естлибы шкоды якіе, яко оны менять, чинить мѣлъ, теды и въ томъ бы порядкомъ права посполитого съ тыхъ бояръ и подданыхъ у ихъ милости справедливости бы просити мѣли, а тамъ вжды тые подданые яко невинные о собѣ справу дати были бы повинны. Съ тыхъ причинъ панъ Терлецкій и малжонка его милости отъ того позву и жалобы его милости князя Воловича и подданыхъ его милости вольности просять. А умоцованый его милости князя пробоща Троцкого повѣдилъ: не есть дей то причина пану Терлецкому и малжонцѣ его ку высвобоженью отъ того обвиненья, которую умоцованый ихъ милости не зназючися до того насланья въ оборонѣ своей вносить, указуючи, же бы князь пробощъ тыхъ крывдъ подданыхъ своихъ на Павлу Туру або маетности его доискивати се мѣлъ; такъже и съ подданыхъ бояръ справедливости у ихъ милости просилъ, бо дей якъ сторона моя неповинна пана Тура смотрити а ни съ подданыхъ справедливости уживати, маючы кривды отъ особъ позваныхъ, але на нихъ самихъ яко винних доходити хочеть. Также и позваные того учинку и вины своего насланья вкладати на Тура и подданыхъ своихъ и омылкою се считати не могуть, и права по собе такого не мають и не укажуть, але сами по . . . . . усправедливити, а до Тура и подданыхъ причины о то не маемъ, бо зъ насланья отъ позваныхъ бои шкоды суть подѣланые, чого есмо довести готовы. Якожъ доводечы жалобы подданыхъ Вавулицкихъ водлѣ позву покладалъ протестацыю зъ кгроду Пинского, подъ датою року тисеча шестьсотъ семого, мѣсеца Іюля семнадцатого дня, на пана Терлецкого и малжонку его о тое насланье, подданыхъ поранене и шкодъ подѣланье, другій выписъ кгродскій Пинскій, подъ датою року тисеча шестьсотъ семого тогожъ мѣсяца Іюля семнадцатого дня, реляцыи возного огледанья ранъ на подданыхъ и шкодъ подѣланыхъ, о чомъ ширей на тыхъ выписахъ описуеть. А подавшы зъ роздѣлу одинадцатого артикулъ сорокъ третій, гдѣ пишеть: хто бы на село на люди наславшы поранилъ и шкоды подѣлалъ, таковой кгвалтъ и шкоды зъ навезкою сторонѣ ображеной за доводомъ маеть платити, домовляючисе за тымъ, абы подданыхъ Вавулицкихъ, которые дей готовы присягнути водлѣ жалобы своее, яко близшихъ, артикуломъ вторымъ зъ роздѣлу одинадцатого и артикулу деветдесятъ второго зъ роздѣлу четвертого, на ранахъ и шкодахъ своихъ при выписѣхъ а оповѣданья и сознанья возного огледанья ранъ и шкодъ ку доводу припущоно и присега наказана;

а зъ присегою навезки за бои и грабежы съ навезкою и зъ винами присужоно было. А стороны кгвалту теды его милость князь пробощъ маючи вольность зъ артикулу петдесятъ осмого зъ роздѣлу одинадцатого отступуеть, або дей его милость панъ Терлецкій зъ малжонкою своею нехай того се одведуть, яко указуеть артикулъ двадцать четвертый зъ роздѣлу первого, же не насылали и о томъ не вѣдають, а за тымъ отводомъ нехъ вольни будуть отъ обжалованья. А умоцованый позваныхъ повѣдилъ, ижъ дей што умоцованый его милости князя пробощовъ задаеть то пану Терлецкому, абы на томъ яко пану Туру и тымъ бояромъ своимъ кривды чинить не росказовалъ, присегою одводъ учинилъ, теды тые артикулы вси отъ стороны поданые намнѣй въ такой речы. гдѣ не есть криминальная кавза, присегати позваному отъ розказанья не указуеть, только гдѣ справа криминальная и гдѣ бы се . . . . тамъ оприсегати се право позволяеть. Але панъ Терлецкій паномъ Туромъ росказовати не могъ, бо панъ Туръ былъ собѣ шляхтичъ вольный и маетность по немъ зостала есть. нехай зъ оное державчого позывають. Подданые тежъ ихъ милости або бояре о собѣ справу передъ паномъ своимъ, естли справедливости потребовати будуть, дати суть готовы, естли въ тотъ часъ пану Туру служили, албо не, и естли тые особы чили хто иншій именемъ се ихъ менилъ. Кгдыжъ того много на свѣтѣ есть, же въ невинности людей протестацыями до враду доносять; а кгды прійдеть до права теды такъ доводу яко и отводу вшелякій судъ слухати повиненъ, а за выводомъ слушнымъ каждый невинный воленъ бываеть; для чого и повторе се домавялъ, абы панъ Терлецкій и малжонка его милости отъ позву и речи въ немъ описаное окромъ присеги вольными были. А такъ мы судъ въ той справѣ его милости князя референдара,—жесе умоцованый пана Терлецкого и малжонки его тымъ боронилъ, же панъ Туръ ани служилъ пану Терлецкому ани они его не насылали поготову, ани тыхъ бояръ подданыхъ своихъ съ паномъ Туромъ не насылали, и естли имъ вина дана, готови будуть водлѣ права справедливости зъ обвиненыхъ чинити; а поводъ приповѣдилъ подданыхъ на насланью на бояхъ и шкодахъ до присеги, и пану Терлецкому зъ малжонкою его на одводъ давалъ, ежели пана Тура и тыхъ бояръ и подданыхъ своихъ не насылали, за што се умоцованый отпорное стороны не бралъ,—мы теды о всю жалобу, въ позвѣ описаную, наказуемъ его милости князю референдарови, похочеть ли его милость, хибившы пана Тура, которого вжо и на свѣтѣ не мае се, маетности его у пана Терлецкого и малжонки его съ Курила Ловчича, боярина Отовчицкого, а Ѳедка Олизаровича, подданого Довечоровского, порадкомъ правнымъ справедливости доводити, за тыми жъ протестацыями своими, которые хотя жъ учинены были и на пана Тура, але только на тыхъ вышей мененыхъ подданыхъ пана Терлецкого стегати се мають, на которомъ наказѣ нашомъ. . . . . рона перестали. Которая справа до книгъ земскихъ Пинскихъ для памети есть записана, и сей выписъ подъ нашими печатьми и съ подписомъ руки мене писара его милости князю Еустахію Воловичю, пробощу Троцкому, референдару и писару его королевское милости есть выданъ. Писанъ у Пинску. Иванъ Велятицкій писарь земскій Пинскій.

Внизу двѣ тисненыхъ печати. Писанъ на листѣ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

78.

1609 г. Октября 26. Инвентарь Деречинскаго имѣнія.

Инвентаръ имѣнья Деречинского, въ року теперешнимъ тысяча шестьсотъ девятымъ мѣсеца Октебра двадцат шестого дня справленый и списаный, двора Деречинского и фольварковъ до него належачыхъ Щаренского и Березского, въ повѣтѣ Слонимскомъ лежачыхъ, людей мѣстечка Деречинского и всее волости Деречинское, земянъ, шляхты и бояръ панцерныхъ и путныхъ, меновите кождого отъ мене Самуеля Воловича кашталяна Новгородзского, старосты Молчацкого и одъ мене Гальшки Сапѣжанки, воеводянки Витебское, малжонки звыжъ рѣчоного пана Самуеля Воловича вельможному его милости князю Александру Полубенскому, подкоморому Лидзкому, старостѣ Вилькейскому на продажу того имѣнья Деречинского на вѣчность даный его милости самому и потомкомъ, его милости; то есть, напродъ дворъ Деречинскій зо всимъ будованьемъ и зъ огороды овощовыми, зъ навозы, погноями, зъ грунтами вшелякими оромыми и неоромыми, на пашню дворную здавна приналежачыми и зо вшелякими пожитками, то есть, мѣстечко Деречинъ. Мѣщанинъ Совостіанъ Дойлидъ прыхожій, пляцъ одинъ, пасербовъ его два: Апанасъ а Демьянъ. Курило Сѣмашковичъ прыхожій, пляцъ одинъ, сынъ его Семенъ, Трохимъ Кушнеревичъ отчычь, пляцъ одинъ, Мартинъ Войтовичъ отчычь, пляцъ, Матей Ковальчукъ прыхожій, пляцъ, Миколай Тонкоплясъ прыхожій, пляцъ, Жданъ Череница отчичь, пляцъ, Стефанъ Жомойтинъ прыхожій, пляцъ. Андрей полько прыхожій, пляцъ, сынъ его Семенъ, Михалко зъ Андреевщизны, пляцъ, прыхожій, Горбатого зять, прыхожій, пляцъ, Бартулей зъ Мозулевщины прыхожій, пляцъ, Буралтъ отчичь, пляцъ, Мартынъ Рука прыхожій пляцъ, сыны его два Максимъ, Иванъ. Нестеръ Ошменечъ отчичь, пляцъ, сыны его два Васко а Фурсь, Войтъ Тыхно отчичь, пляцъ, сынъ его Грышко. Силька Гавриловичъ отчичь, пляцъ. Докгиль Новикъ прыхожій пляцъ, жданъ швець прыхожій, пляцъ. Якубъ швець прыхожій, пляцъ, а пляцъ одинъ наддано войту Тыхну и Силцѣ Гавриловичу, же ихъ пляцовъ занела церковъ и улица, всего чинитъ пляцовъ мѣстскихъ 21, морговъ мѣстскихъ 73, чинитъ волокъ двѣ, морговъ 13. Волость Деречинская, село Ланцовичы въ Глубокимъ Углѣ, волокъ осѣлыхъ шесть, морговъ 20. Петръ Крыповъ отчичь, сынъ его Михайло, морговъ маютъ десеть, Войтѣхъ Трояновичъ отчичь морговъ десеть, братъ при нимъ Максимъ. Остапко Бѣлоусовичъ отчичъ зъ Трояномъ волока, сыновъ его чотыри: Федоръ, Иванъ, Семенъ и Жданъ. Андрей Масловичъ отчичь, волока, сыны его два Захарко и Матей, Кондратъ Рушичъ отчичь, братъ при нимъ Никонъ волока, сынъ его Ермакъ, Трохимъ Грынцевицъ отчицъ, волока, сыновъ его чотыри: Данило, Матвей, Иванъ и Гарасимъ. Иванъ Грынцевичъ отчичь, сыновъ его чотыри: Гришко, Хведоръ, Алексѣй Радивонъ Романъ Самуель, Стефанъ Рущичъ отчичь, волока. Въ застѣнку Скрутевскомъ волока, Мартынъ Тупикъ бояринъ полъ волоки, Михалко Ноцевичъ прыхожій полъ волоки, сыновъ его чотыри: Ѳедоръ, Войтѣхъ, Карпъ, Мартинъ. Застѣнокъ водлѣ грунту пана Войниловича волока, Шимко Тычиничь бояринъ держить застѣнку Кгеритенского волока, Сол-

танокъ отчичь полъ волоки держитъ, а полъ волоки того застѣнку въ пустѣ лежитъ. Село Мѣховско, волокъ 15, морговъ 20, то есть, осѣлыхъ волокъ шесть, а пустыхъ деветь, морговъ 20 пустыхъ, панъ Степанъ Черникъ волокъ 5 на службу военную, подданные его Иванъ Дударъ, Өедоръ Андросовичъ, Павловая вдова боярка полъ волоки, Юрій Новикъ прыхожій полъ волоки, сынъ его Янко. Село Милевичи, волокъ осѣлыхъ 7. Шимко Тычиничъ бояринъ волока, Иванъ Русакъ прыхожій волока, Омброжей Миколаевичъ отчичь волока, сынъ его Өедоръ, Станиславъ Максимовичъ отчицъ полъ волоки, сыновъ три Ярошъ, Щасный и Илья. Матей Потчичъ отчичь полъ волоки, сыновъ два Стефанъ и Иванъ, Михайло Перегудъ отчичь волока, сыновъ его три: Иванъ, Петръ, Грышка. Волпещая вдова, волока, Мартынъ Миколаевъ зъ зяты отчичь, полъ волоки, Логута прыхожій полъ волоки, сынъ его Миколай, Село Дороглинъ, волокъ осѣлыхъ 11, а въ застѣнку волока, Панъ Данило Одинецъ волокъ 4, на службѣ военной подданный его одинъ Микита Сотоничъ. Матей Лейда бояринъ путный волокъ двѣ, а третюю волоку въ Каменцѣ Великой держитъ Шимка Тычиничъ подданный. Михайло Ширко волока, Войтѣхъ Туловскій волокъ полътрети на службѣ военной. Демянъ Ходоровичъ отчичь волока, Васько Лысый прихожій, полъ волоки, сыновъ его чотыри: Павлюкъ, Лукашъ, Стефанъ, Гришко. Гришко Мисютинъ пасынокъ отчичь полъ волоки, сыны его два Савка и Иванъ, застѣнокъ подъ тымъ селомъ неосѣлый, морговъ 11. Село Борки. Волокъ осѣлыхъ полъшосты, а пустыхъ полъторы. Янко Буиковичъ отчичь волока, сыновъ его два Иванъ и Миколай. Радовинъ Телятиновичъ отчичь волока, сыны его два Миколай и Якубъ, Жданъ Татаринъ, отчичъ, волока, Иванъ Кроликъ отчичь полъволоки, сыны его два, Өедоръ и Грышко, Волентей, а Жданъ Ростейскій отчичь полъволоки. Гаврило Будыковичъ отчичь волока, сыны его два, Мартынъ а Өедоръ. Марковая Полторейковая полъволоки, сыновъ ее два Матей, а Стефанъ отчичь. Застѣнокъ надъ самымъ озеромъ, морговъ 19, прутовъ 12. Каленикъ Кемежъ морговъ 4, сыновъ его два Василь, а Иванъ отчичь, Миколай Полторейко отчичь морговъ три, а пустыхъ тыхъ же морговъ 12, а прутовъ 12. Въ застѣнку Десятинскомъ волока держитъ Каленикъ Кемежъ а Полторейко, застѣнку Борковского волока, держитъ Бартошъ Калусовскій бояринъ прихожій. Село Отнога, волокъ осѣлыхъ полъторы, а пустыхъ полътрети и морговъ 20. Михайло Рекевичъ отчичь полъволоки, КрывыйМацутичь прыхожій полъволоки, сынъ его Мартынъ. Будованье пустое на одного подданного на полъволоку; въ селѣ Русакохъ волокъ пустыхъ 4. Село Олекшицы волокъ осѣлыхъ семь, морговъ 20. Кестюкъ Полуяновичъ полъволоки отчичь, Лаврынъ Прыймакъ прыхожій полъволоки, Лаврынъ Дороховичъ отчичь, полъволоки, Михалюкъ Датуничъ отчичь полъволоки, сыны его три Андрей, Карпъ, Гаврило, Янко Телятиновичъ отчичь полъволоки, сыны его два Щасный а Жданукъ, Пасько Датуничъ отчичь полъволоки, Васко Пилиповичъ отчичь полъволоки, Матей Митрейковичъ полъволоки, сыны его два Өедоръ а Остапко. Евхимъ и Алексѣй Ножки отчичы полъволоки, Стахно а Жданъ Горбачевичи отчичы, волока, Лука Датуничъ отчичь полъволоки, сыны его тры Лаврынъ, Иванъ а Мартынъ. Село Морозовичы, волокъ осѣлыхъ полъосмы, а полуволокъ

пустый. Лукіанъ Дороховичъ отчичь волока, сыны его чотыри: Стефанъ, Касперъ, Өедоръ и Ярошъ. Андрушко прыхожій волока, сыны его тры Өедоръ, Петръ а Якубъ. Василь Колпакъ отчичь волока, сынъ его Вихторъ. Давыдъ Левошъ прыхожій полъволоки, сыны два Өедоръ и Ясько. Гришко Юражинъ зять прыхожій полъволоки. Дмитръ Ольховичъ отчичь волока, сыны два Яковъ а Павлюкъ. Щасный а Жданъ Яцковичи отчичы волока. Ясюлъ Яцковичъ отчичь волока, сыны его два Матюшка и Мартинъ. При томъ селѣ и застѣнку морговъ шесть дано тому жъ селу за болото. Село Савичи, волокъ осѣлыхъ полъсемы, пустыхъ волокъ полъдесеты. Самуйло Савичъ отчичь полъволоки, Кондратъ Савичъ отчичь полъволоки, сынъ его Дмитръ, Тарнусь Богдановичъ отчичь полъволоки, Петръ Кравецъ прыхожій полъволоки, сыновъ два Карпъ, Вихторынъ, Михно Савичъ отчичь волока, сыны два Өедоръ, Иванъ, Мартынъ Шимковичъ прыхожій полъволоки, Якимъ Савичь отчичь полъволоки, Иванъ Гучокъ прыхожій полъволоки, Демьянъ Савичъ отчичь волока, сынъ его Алексѣй, Мартынъ Савичъ отчичь волока, сынъ его Андрей. Село Старый Деречинъ. Волокъ осѣлыхъ полъсемы, пустыхъ полъпеты. Балтромей Голенищевичъ отчичь полъволоки, сыны его два Мелешко и Демьянъ, Сидоръ Гливичъ отчичь, волока, сыны два Опанасъ а Тимошъ, Ермола Глива отчичь, волока, сыны тры Гаврыло, Хведоръ и Михайло, Иванъ Мацовичъ отчичь волока, сынъ его Матей, Михайло Нелевъ отчичь волока, сыны его два Василь и Радивонъ, Наумъ Глива отчичь волокъ двѣ, сыны два Максимъ а Хведоръ. Село Бибики, волокъ осѣлыхъ полътрети, пустыхъ полторы. Петръ Петкевичъ прыхожій полъволоки, Өедоръ Якубовичъ отчичь полъволоки, Самуйло Батура отчичь полъволоки, Опанасъ Цебровича зять отчичь полъволоки, Яковецъ Радейша отчичь полъволоки. Въ застѣнку Чурилковскомъ волокъ чотыри пустыхъ. Село Кисели, волокъ пять панъ Богушевичъ держить въ суммѣ у 200 золотыхъ польскихъ. Село Грабово, волокъ осѣлыхъ двѣ, пустыхъ тры. Янукъ Плешивичъ отчичь полъволоки, Андрей Плешивичъ полъволоки, сынъ его Юрій отчичь, Демьянъ Прыймакъ отчичь полъволоки, сынъ его Ярошъ, Якубъ Плешивичъ, отчичь чверть волоки, Стефанъ Калосовичъ прыхожій чверть волоки, сыны его два Лаврынъ а Остапко. Село Крывичи, волокъ осѣлыхъ полъсеми, пустыхъ полътрети. Демидъ Терешковичъ отчичь волока, сыны его два Иванъ и Курило, Лазаръ Крывичъ отчичь волока, сыны его два Өедоръ и Тимошъ, Демидъ Крывичъ отчичь полъволоки, братъ при немъ Данило, Иванъ Татаринъ чичь волока, сынъ его Тимошъ, Иванъ Лавка отчичь волока, сыны его чотыри: Данило, Васко, Блажей, Логута, Якимъ Савчичъ волока, сыны два Охремъ и Адамъ, Василь Савчичь отчичь волока, сынъ его Лукашъ. Въ застѣнку Кривицкомъ морговъ 28 дано Лазуру Кривичу и Демиду Терешковичу на приселенье морговъ 6, Алексѣй Супруновичъ отчичь морговъ 22, сыновъ его два Марко и Яковъ. Село Золотеево, волокъ осѣлыхъ 11, а за одмѣну Луконицкую также осѣлыхъ волокъ 4. Панъ Андрей Крочевскій волокъ 10; зъ тыхъ 10 волокъ подъ нимъ самымъ волокъ полъсеми, а подъ подданными его волокъ полъчетверты, а меновите подданные пана Крочевского Матей Мелешковичъ отчичь полъволоки, сыновъ тры Савка, Иванъ и Мартинъ, Стефанъ Плешивичъ отчичь волока, сыны чотыры:

Иванюта, Илюкъ, Шостакъ, Денисъ, Архипъ Бибиковичъ отчичь полъволоки, сыны его два: Григорей, Ивашко, Гринецъ Бибиковичъ отчичь полъволоки, сынъ его Евсей. Мелешко Хижа, отчичъ полъволоки, сынъ его Яковъ, Иванъ Плешивичъ отчичь полъволоки, сынъ его Петръ на которомъ томъ фольварку маетъ 200 золотыхъ польскихъ. Въ томъ же селѣ Золотеевѣ подданные до двора Деречинского Микита Парамоновичъ отчичь волока, сынъ его Иванъ, Өедоръ Супруновичъ отчичь волока, сыны чотыры: Лаврынъ, Алексѣй, Кузьма и Василь, Яковъ Дмитровичъ отчичь волока, сыны два Дорожко и Михалко, Романъ Устьяновичъ отчичь полъволоки, сыны его три: Михайло, Василь и Семенъ, Ивашко Соломеникъ отчичь полъ волоки. Село Крупово, волокъ осѣлыхъ 21. Панъ Өедоръ Булгакъ волокъ 6, зъ тыхъ волокъ 6 подъ нимъ самымъ волокъ 3, а подъ подданными его волокъ 3, а меновите подданные Андрей Курпель отчичь полъволоки, сынъ его Иванъ, Андрей Новикъ прыхожій полъ волоки, сынъ его Филонъ, Малафей Прыймакъ, прыхожій полъволоки, сынъ его Василь, Адамъ Милтеневичъ прыхожій полъволоки, сынъ его Мартынъ, Олизаръ Опиханъ отчичь полъволоки, сынъ его Андрей, Стефанъ Пармоновичъ отчичь полъ волоки, сынъ его Кондратъ на которомъ томъ фольварку маетъ 200 золотыхъ польскихъ. Подданые въ томъ же селѣ до двора Деречинского Кондратъ Гиричъ, прыхожій полъ волоки, Ивашко Холодный отчичь, а Өедоръ Колесниковичъ отчичь волока, сыновъ у Өедора тры: Алексѣй, Карпушъ и Андрей, Лаврынъ Гливичъ отчичь волока, сынъ его Иванъ, Шымко Кондановичъ прыхожій полъволоки, Михалко Дробнушичъ прыхожій полъволоки, Щасный Боблевичъ прыхожій полъволоки, пасербовъ его два Ониско и Василь, Яковъ Денисъ отчичь полъволоки, Павлюкъ Рудый отчичь полъволоки, сыны его два, Трохимъ и Иванъ, Тимошъ Кротовичъ прыхожій полъволоки, сынъ его Захарія, Жданъ Датуничъ отчичь волока, сыновъ его два: Стасюкъ и Иванъ, Игнатъ Бѣлый полъволоки отчичь, Миколай Датуничъ отчичь, полъволоки, сынъ его Трохимъ, панъ Александеръ Монета волокъ 5 на службѣ военной, зъ тыхъ волокъ пети подъ нимъ самымъ волокъ 4, а подъ подданными его волока одна, Михалъ Денко полъ волоки, Мартынъ Красиничъ полъ волоки. Застѣнокъ надъ ставомъ Самойловскій морговъ 4, прутовъ 2. Андрей и Стефанъ Кузмичи бояре держатъ. Село Войнилово селищо волокъ осѣлыхъ 4, а пустыхъ три, Стефанъ Кузмичъ бояринъ волокъ три, Матвей Жыжка бояринъ волока одна. Село Каменка, волокъ осѣлыхъ пять. Яковъ Янцевичъ отчичь волока, сыновъ его три: Ясько, Гаврило а Степанъ, Матей Лихотреска прыхожій полъ волоки, сыны его два Андрей и Кузьма. Петранъ Жукъ отчичь полъ волоки, сынъ Василь, Гришко Воленица полъволоки, сыны его два Алексѣй и Савка, Савка Новикъ прихожій полъ волоки, сыновъ его чотыри: Иванъ, Грышко, Яковъ и Степанъ, Өедоръ Ошменецъ, полъ волоки, сынъ его Пармонъ отчичь, Яско ткачь прыхожій волока, Пронко Огородникъ прыхожій волока, сынъ его Мартынъ. Фольварокъ Щаря дворъ зо всимъ будованьемъ съ грунты и вшелякими пожитками. Подданые того фольварку Щаренского, то есть, меновите: надъ рѣкою Черленкою подданные два Яковъ Лучичъ отчичъ, служба сыны его три: Опанасъ, Трохимъ и Семенъ, Иванъ Ясюченя отчичь полъ службы. Село на перевозѣ.

Петръ Сидоровичъ отчичь полъ волоки, сыновъ его три: Омельянъ, Михайло и Гришко, Грицко Подстивый отчичь полъ волоки, сынъ его Данило, Глякъ Швецъ прыхожій на огородѣ, Станиславъ Кладейко, отчичь полъ волоки, Хома Мазюковичъ отчичь на огородѣ, Нестеръ Рушаковичъ отчичь полъ волоки, сыны его два: Матей и Яковъ, Остапко Козловъ зять отчичь, который сѣдить въ штуцѣ грунту дворного, Богданъ Тячинокъ отчичь, сыны его два, Өедоръ а Енько, Ничыпоръ Янцелевичъ отчичь, сыны чотыры: Костюкъ, Алексѣй, Артюхъ и Андрей, Өедюкъ Хвадко отчичь, сынъ его Парфенъ, Петръ Улезловичъ отчичь, сыновъ его чотыри, Матвей, Уласъ, Игнатъ и Грышко, Андрей Новикъ прыхожій, сыны его Тимошъ и Лукашъ, Юрко Сухаревскій прыхожій, тые вси менованые въ штуцѣ грунту дворного сѣдять. Корчма на гостинцу Виленскомъ. Село Гольчово, волокъ осѣлыхъ три, Янко Юражичъ волока, сынъ его Өедоръ, Якубъ Юражичъ отчичь волока, сынъ его Якубъ, Станиславъ Тихій отчичь полъ волоки, сыновъ его три: Якубъ, Павлюкъ и Кондратъ, Полуянъ Кладейко полъ волоки, сынъ его Прокопъ. Село Курыловичи, волокъ осѣлыхъ полъ шосты, а пустыхъ полъ четверты, Трохимъ Сухолетъ отчичь, волока, сыновъ три Лавринъ, Василь, Левко, Василь Буцевичъ отчичь, волока, сыновъ его два Орхипъ и Илья, Матөей Манютичъ отчичь, волока, Иванъ Чорный отчичь полъ волоки, сыновъ его чотыри: Василь, Семенъ, Мелешко и Андрей, Алексѣй Манютичъ отчичь волока, сыновъ его два: Матвей и Иванъ, Иванъ Гринковичъ бояринъ цыншовый отчичь волока, сыновъ его три: Ермакъ, Демидъ, Дмитръ. Село Займище, волокъ осѣлыхъ полъ четверты, пустыхъ полторы, Иванъ Симоновичъ отчичь волокъ двѣ, сынъ его Яковъ, а братаничъ Иванъ, Семенъ Ковалевичъ отчичь волока, сыны два: Опанасъ и Иванъ, Трохимъ Голый отчичь полъ волоки, сынъ его Потапъ. Село Кацково. Въ нимъ волокъ осѣлыхъ 10. Данило Падчычъ отчичь волока, сыновъ его три: Парфенъ, Олексѣй и Прокопъ, Станиславъ Улезловичъ отчичь, волока, сыновъ его чотыри: Өедоръ, Мартинъ, Якубъ и Ивашко, Иванъ Пядка отчичь, волока, сыновъ его два: Трохимъ и Илья, Иванъ Губка отчичь волока, сыновъ его два, Данило и Яковъ, Матей Телятина отчичь, волока, сыновъ его два: Станиславъ и Якубъ, Гаврило Кондиковъ зять отчичь волока, сыновъ его пять: Янко, Павлюкъ, Гарасимъ, Яско и Иванъ, Янко Луканевичъ отчичь полъ волоки, Ярошовая вдова полъ волоки, сыновъ ее два Ясько и Михайло, Курыло Ермаковичъ отчичь полъ волоки, сынъ его Павлюкъ, Макаръ Артюховичъ полъ волоки, Васко Зачопа отчичь волока, сынъ его Грышко; Супруновая вдова полъ волоки сыновъ ее пять: Тихно, Ермакъ, Өедоръ, Карпъ и Михайло отчичи, Мартинъ Ермакевичъ отчичь бортникъ полъ волоки. Село Монкевичи, волокъ осѣлыхъ пять. Гришко Лучичъ отчичь волока, сынъ его Демьянъ, Харитонъ Монкевичъ отчичь волока, сыновъ его два: Васко а Блажко, Сидоръ Лучичъ волока, Левонъ Өедоровичъ а Иванъ Кислый отчичь волока, сыны его тры Прокопъ, Олексѣй и Яско, Логвинъ отчичь полъ волоки, сыны его чотыри Алексѣй, Романъ, Өедоръ, Омельянъ, Васко Грышковичъ отчичь полъ волоки сыны его тры: Иванъ, Павлюкъ, Прокопъ. Волость до фольварку Бережокъ. Село Долгополиче, волокъ осѣлыхъ полторы, а пустыхъ

полъ-деветы, на инших волоках будованье пустое, што у повѣтрее подданые поотмѣрали. Тишко Новикъ прыхожій полъ волоки, Володиміръ Гливичъ отчичь волока, сыновъ его тры: Тимохъ, Якъ и Иванъ. Застѣнокъ водлѣ волокъ Долгополицкихъ волока одна морговъ 10. Село Збляны. Волокъ осѣлыхъ полъ четверты, а пустыхъ полъ петы: Василь Пронцовичъ прыхожій полъ волоки, сыны его два Грышко а Ѳедоръ, Лаврынъ Илкевичъ отчичь полъ волоки, братъ при нимъ Семенъ, Стасюкъ Литвинъ прыхожій полъ волоки, Данило зъ Бляниновичъ отчичь полъ волоки, Кондратъ Дороневичъ отчичь полъ волоки, сынъ его Андрей, Михалко Соболевичъ отчичь полъ волоки, сынъ его Остапко, Андрей Ничыпоровичъ отчичъ полъ волоки, будованье на пять подданныхъ пусте. Село Бахаревичи, волокъ осѣлыхъ полъпеты, а полъ волоки пусты, Янко Кукишъ отчичь полъ волоки, сыновъ его тры: Андрей, Алексѣй и Кондратъ, Петръ Жебракъ отчичь волока, братовъ при немъ два: Яковъ и Иванъ, Семенъ Дороневичъ отчичь полъ волоки, сыновъ его пять: Костюкъ, Ѳедоръ, Степанъ, Гришко, Остапко, Демидъ Жебраковичъ отчичь полъ волоки, сыны его два: Иванъ, и Яковъ, Мартинъ Литвинъ полъволоки, сыны его тры: Гришко, Андрей и Иванъ, Ѳедоръ Ковалевичъ прыхожій полъволоки, Дорошъ Глива отчичь волока, сыновъ его тры: Семенъ, Андрей и Павелъ. Панъ Жданъ Миколаевичъ держить въ суммѣ пенезей въ 200 золотыхъ польскихъ чотыри волоки, а подданные его Мойсей внучко отчичь, сыновъ его пять: Иванъ, Гаврило, Василь, Ивашко, Давидъ. Село Шутки, волокъ осѣлыхъ полторы, пустыхъ волокъ полътрети. Тимошь Шутко отчичь волока, сынъ его Василь, Марко Новикъ прихожій полъволоки. Застѣнковъ до Бережковъ належачихъ великихъ и малыхъ тринадцать чинить волокъ семь, морговъ 10. Которое тое имѣнье Деречинъ зо всими фольварками, зъ земяны и шляхтого и зъ ихъ именичами и зъ подаными, съ бояры панцерными, путными, зъ мѣщаны Деречинскими и зо всими подаными до вѣчного держанья и уживанья его милости пану подкоморому Лидскому и потомкомъ его милости, списавши меновите кождого именемъ, его милости подали и на то есмо дали сесь нашъ инвентаръ его милости князю Александру Полубенскому подкоморому Лидзкому, подъ печатьми нашими и зъ подписомъ рукъ нашихъ власныхъ, а ку тому за очевистою прозбою нашою его милость панъ Матвей Полубенскій, панъ Адамъ Войниловичъ, а панъ Жданъ Воротынскій земяне господарскіе повѣту Слонимского до сего инвентару печати свое приложили и руки подписати рачили. Писанъ въ Деречинѣ. Року, мѣсеца и дня звыжъ писаного. Самуель Воловичъ каштелянъ Новгородзкій. Жданъ Воротынскій рукою своею подписалъ.

Року 1610 Февраля 6 дня его милость панъ Самуель Воловичъ каштелянъ Новгородскій и малжонка его милости пани Гальшка Сапѣжанка сесь реестръ сознати рачили. Василій Зенкевичъ судья. Ѳедоръ Явлошевскій подсудокъ Слонимскій. Ярошъ Явлошовскій писаръ.

Внизу вытиснено пять печатей. Инвентарь писанъ на двухъ листахъ и обложенъ отрывкомъ изъ стариннаго Евангелія XII или XIII вѣка, писаннаго на пергаминѣ. Хранится тамъ же.

79.

1610 г. Февраля 26. Письмо Львовскаго подстолія Станислава Доморацкаго къ Рославльскому воеводѣ Ивану Ивановичу Безобразову, съ извѣщеніемъ о прибытіи короля Сигизмунда подъ Смоленскъ.

Боярыну и воеводѣ на Рославлю, господину моему Ивану Ивановичу Безобразову, Станиславъ Доморацкій, подстолій Львовскій, чоломъ бію яко другови своему и о твоемъ добромъ здоровью испрошаю черезъ сюю грамоту свою. Розумѣю, што тобѣ не тайный есть прыѣздъ господара нашого короля Польского и Шведского подъ Смоленскъ, и дивую се, што ты до сихъ мѣстъ и съ иншими бояры и окольничими дворяны и дьяки думными не прыѣхали есте, яко Михайло Глѣбовичъ Солтыковъ зъ другими мнокгими зацными людьми бояры чоломъ бити и подданьство свое господару нашому отдати. Помнишъ горасть, какось ты прямилъ королю пану нашому и ещо за Димитра, або по вашему за ростригу, и засъ потомъ по убитью его, што жъ ты именемъ мнокгихъ бояръ, меновите именемъ Дымитра Шуйского и братьи его и мнокгихъ бояръ и князевъ Галичыновъ зъ Александремъ Кгонсѣвскимъ мовилъ и со мною въ другій разъ зъ Александромъ, колисъ до шатру прышолъ Кгонсѣвского въ полю, коли есмо ѣхали зъ Москвы съ мнокгими боярскими сыны, и тамъ есте крестнымъ цѣлованьемъ вси прыговорыли, ижъ иншого господара прочь короля пана нашого, або королевича его милости мѣти не хочете. Што то я все зъ Александромъ королю его милости сказалъ именемъ вашимъ. Теперь тогды пора есть, штобы есте то сами, што есте королю его милости пану нашому черезъ насъ всказали, особами своими освѣдчыли, вѣдаючы о томъ, ижъ тутъ король его милость на прозбу вашу прышолъ яко панъ хрестіянскій, хотечи вѣру вашу православную и церкви Божые въ цѣлости задержати, а тые, которые суть спустошоные, направити, а кровь хрестіянская штобы се болѣй не лила уняти. Будучи ты боярыномъ значнымъ, промышлявай и думай о томъ, штобысь не только тотъ городъ, на которомъ есте воеводою отъ вора до рукъ короля его милости далъ, але и до другихъ городовъ Сѣверскихъ и Московскихъ послалъ, штобы они королю его милости пану нашому, такъ милосерному и добротливому, чоломъ ударывши, подданьство отдали. Кгдыжъ иначей не будете могли паньства переславного Московского успокоить и кровь унять, и церкви Божые и вѣру вашу только тымъ самымъ вцалѣ задержать, отпишь ми воскорѣ. А будь по давному другомъ, которому и по другій разъ чоломъ бію. Писанъ на стану короля его милости подъ Смоленьскомъ. Лѣта отъ Нароженья Исуса Хрыста Сына Божого тисяча шестисотъ десятого, мѣсеца Февраля двадцать шостого дня. Druh twoy dobry y sluga Stanisław Domaracky, podstoli Lwowsky.

Къ слѣдующему чистому листу письма, гербовою печатью припечатанъ длинный, въ ширину листа, лоскутъ одинаковой бумаги, съ слѣдующею припискою, одинаковаго съ текстомъ почерка:

И о томъ вѣдай, што хотя того вора не станеть, другихъ такихъ же воровъ много на розорѣнье дальшое господарства того найти се можеть, яко жъ вжо Өедоръ Борисовичъ вчинаеть ся и тое ве-

ликое господарство воровати хочеть. Пре то иншого вызволенья съ тое розоры и смуты вамъ нѣтъ, только черезъ господаря нашого, што видечы вси бояре, одностайномъ умысломъ одны съ Москвы, которымъ не мошно до господара ѣхать, о томъ всказують, а другіе сами вжо зъ розныхъ городовъ до господара ѣдуть чоломъ господару нашому бити и подданьство отдати хочуть.

На обертки надпись: Боярыну и воеводѣ на Рославлю, господину и другу моему Ивану Ивановичу Безобразову, до рукъ властныхъ отдати належить.

Хранится тамъ же.

80.

1611 г. Письмо Николая Суходольскаго къ Мстиславскому городничему съ извѣстіемъ о сдачѣ городовъ Дорогобужа, Вязьмы, Бѣлаго и другихъ.

Милостивый пане городничій Мстиславскій а мой милостивый пане и добродѣю. Звыклость службъ моихъ яко наипилнѣй въ ласку вашей милости отдаваю. За здареньемъ певного посланьца то есть черезъ бояръ его милости пана хоружого не хтялемъ того занехать, абымъ . . . . . . санье доброго здоровья вашей милости не мѣлъ навѣдить, въ которомъ зычу, абы панъ Богъ вшехмогконцый довго фортуньне въ добромъ здоровью на незамѣроные лѣта восполъ и зъ ей милостью панею малжонкою вашей милости и зъ милымъ потомкомъ ховать рачылъ, упрейме зычечы . . . . . чого собѣ самому. Якіе овдѣ новины . . . . . . ло ми се слушне вашей милости добродѣеви моему ознаймить а то . . . . . . же ихъ милость панове послове, которыхъ его королевская милость посылалъ въ столицу до тамтого рыцерства, тые щасливе и здорово всѣ звернули се, справившы не малъ усе, што имъ на инструкцыи подано было, и зъ ласки Божой што тые замки . . . . опановалъ королю его милости поддалися и присегою . . . . . яко меновите Дорогобужъ, Вязма и Бѣла и иныхъ не мало, которыхъ не меную прочь большихъ, а то для того, же не отповѣдне . . . . . Дымитръ съ тамтого войска утекъ и въ Калузѣ замку сѣлъ, въ которымъ есть до десятку тысечей Дуньцовъ. А . . . . . . не есть царомъ, бо чернь збунтовавши се скинула его съ царства. Теперь ажъ съ подъ столицы прыѣхало бояръ коней двѣстѣ трыдцать и тры подданство по . . . . отдаючы . . . . . тыхъ всихъ Диснѣ король его милость принялъ, бо колько ихъ . . . . людей думныхъ панов; и естъ надѣя добрая, же . . . . . не мѣшкаючы поддадутся, а теперь то слыхать, што . . . . . . король его милость подъ столицу потягнеть. Годить ми . . . жъ въ томъ писанью поменить и великими прозбами своими вашу милость добродѣя моего ужывать стороны того долгу . . . . . яко былъ терпливымъ зъ доброти своей. Такъ и теперь пильно а пильно прошу, абымъ въ томъ дозналъ ласки вашей милости . . . . . вжо и послугами моими за такую доброту отъ . . . . . . не моглъ бымъ але ижъ есми вашей милость такъ собе зъ не . . . . . за то само пана Бога просить виненъ зостаю . . . . . только на вшелякіе послуги розказанья вашей милости. Ско-

ро дасть панъ Богъ за попелъ пенези отъ купца возму зъ хутью радъ уношуся вашей милости моему милостивому пану и добродѣю, а теперь не иначей розумѣю, якось вашей милости былъ терпливымъ зъ ласки . . . . . не одмѣннымъ будешь. Которому самъ себе и службы мое пильно въ ласку отдавамъ. Данъ съ подъ Смоленка, зъ обозу року 1611. Вашей милости моего милостивого пана зычливый прыятель и радъ служыть. Миколай Суходолскій.

Внизу письма сдѣлана приписка тѣмъ же почеркомъ: Еи милости а добродѣйцѣ моей ниско чоломъ бію и пану Адамови сынови старамъ отъ . . . . . . елика малого до послугъ. *Писанъ на полулистѣ, очень ветхъ. Хранится тамъ же.*

81.

1612 Іюля 27. Дарственная запись Александра Полубенскаго священнику Деречинской церкви Роману Кобятѣ.

Александръ Полубенскій, подкоморый Лидскій, староста Вилькійскій.

Ознаймую то симъ листомъ своимъ ижъ бачечы я презбитера шляхетне урожоного отца Романа Кобята Красноберезкого, обывателя повѣту Городенскаго, во всякихъ поступкахъ его духовныхъ богобоязного, добре утциве заховалого а заслужоного зъ молодости лѣтъ дому нашого акта наибольшая дознавшы и досвѣтчывшы его, въ справахъ духовныхъ въ письмѣ светомъ добре учоного и въ одправованью хвалы Божое пильного, чулого и порадного по которомъ хотечы я то мѣти, абы межи народомъ посполитымъ хрестіанскимъ, маетности моее здѣшное Деречынское и всихъ обывателевъ тое святой Церкви проповѣданье слова Божого его и пораднымъ отправованьемъ хвалы его святое горущое и охотнѣйшее серце на молитвы ихъ силою Збавителя нашого Господа Исуса Христа справилъ а тымъ лѣпшую милость и побожность въ замыслахъ и справахъ ихъ розжарилъ и наукою слова Божого научалъ а церковъ обитель святую винницу Христову . . . . . усмаковалъ далемъ ему церковъ мою въ отчестви моемъ Деречынскую заложенья Святого Спаса съ придѣлами и зо всимъ на все, што въ ней есть, до которое церкви придалемъ тому священику отцу Роману Кобяту земли на пашню церковную съ поданными осѣлыми волокъ тринадцать, которые волоки зъ тыми людьми, яко и первѣй тежъ на тую церковъ служили, зъ домомъ священническимъ и зо всимъ будованьемъ тогожъ дому, а еслибы ся дьяконъ трафилъ, тогды зъ власности моей я своего грунту рѣзовъ тры удѣлити повиненъ буду. Маетъ онъ въ той церкви Божой службу Божую служити а всякія справы духовныя отправовати за благословеніемъ архіепископа его милости отца Метрополиты до живота своего, яко и съ початку святая соборная восточная Апостольская церковъ уфундована есть. А тую церковь съ тыми людьми а ихъ землями, грунтами церковными на церковь впродъ реченую а на себе спокойне держати и всякихъ пожытковъ уживати, водлѣ воли а уподобанья своего, безъ жадной переказы, а коли поборъ въ ухвалы сеймовой установленный будеть, тогды тые подданые церковные отъ того вольные маютъ быти и до двору моего Деречынского не маютъ давать, только самому священнику, а

гдѣ бы старость, глубокость лѣтъ того священника предреченого въ одправованью всихъ справъ его духовныхъ, тогды зъ верхности моей, найбольшъ ведлѣ правилъ и застановеьня Святыхъ Отцевъ, поважаючы въ томъ воли Божой и пристойности христіанской и взглядъ маючы на лѣта его, цѣлому дому нашому чынячыя, онъ на тыхъ добрахъ земли и доходахъ церковныхъ половицы маеть другого священника при собѣ ховати до живота своего, ведлугъ правилъ духовныхъ, который бы ему въ сихъ справахъ духовныхъ одправовати помогалъ. И на томъ далъ сей мой листъ зъ печатію и подписомъ руки моей власное. Писано въ Деречинѣ. Лѣта одъ Нароженья Сына Божого року 1612, мѣсеца Іюля 27 дня. Александеръ Полубинскій reką swą.

Писанъ на поллистъ латинскими буквами. Хранится тамъ же.

82.

1616 Декабря 15. Жалоба ротмистра Яроша Сенкевича на Глускихъ мѣщанъ о томъ, что они съ козаками напали на его отрядъ, шедшій къ Москвѣ, убили нѣкоторыхъ изъ отряда и захватили обозъ.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шестьсотъ шеснадцатого, мѣсеца Декабра петнадцатого дня.

На врадѣ кгродскомъ въ замку господарскомъ Новгородскомъ, передо мною Яномъ Керсновскимъ, намѣстникомъ Новгородскимъ, отъ вельможного пана его милости пана Теодора Скумина, воеводы Новгородского, старосты Городенского, Олитского, Юрборского и Нововольского оповѣдали и обтежливе жаловали: ротмистръ его королевское милости, его милость панъ Ярошъ Сенкевичъ и товарыство роты его милости, люди рыцерскіе, шляхта, обывателе розныхъ повѣтовъ Короны Польское и великого князства Литовского, на послузѣ его королевское милости и речы посполитое будучые, ихъ милость панъ Станиславъ Русиновскій, панъ Янъ Кграбовскій, панъ Войтехъ Зелинскій, панъ Войтехъ Протасевичъ, панъ Быковскій, панъ Ярошъ Заблоцкій, панъ Якубъ Коморовскій, панъ Флорыянъ Уленецкій, панъ Янъ Бомболя, панъ Еменковскій и панъ Вирловичъ на Василья Збороміірского, боярына и врадника Глуского, на части княжати Чарторыского на Клеваню, а на Грыгорья Клюйводу, боярына Деречинокого и урадника Глуского, на части ихъ милости князя Костантого и Александра Полубенскихъ имѣнья ихъ зполного Глуского, у воеводствѣ Новгородскомъ лежачого обудвухъ сторонъ княжати Чарторыского и князевъ Полубенскихъ, и на иншыхъ бояръ и подданыхъ ихъ Глускихъ, меновите: зъ части княжати Чарторыского Семена Рубца, Войтеха Михала колесника, Грышка Семеновича а Ивана Дементеевича, а зъ части князевъ Полубенскихъ на Петра Косорыцкого, боярына Глуского а врадника Дорозовского, на Грыгоря Логвина, боярына Глуского, подстаростего Дорозовского, на Дмитра Чешейка, на Игната Позняка войта, на Гаврыла Волоѣда, на Грышка Мискевича а на Радка старика и иншыхъ бояръ, мѣщанъ и подданыхъ Глускихъ, которыхъ они сами

знають и имена ихъ вѣдають, о томъ, штожъ дей въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ шестнадцатомъ, кгды дей рота подъ хоруговью помененого его милости пана Яроша Сенкевича шла и прудко се поспѣшала, водлугъ универсаловъ ясневельможного пана, его милости пана Яна Кароля Ходкевича, воеводы Виленского, гетмана великого князства Литовского, абы на часѣ, имъ назначономъ, могла се ставити на границы Московской подъ Смоленскомъ, то пакъ будучы имъ въ тягненью, кгды въ семъ року тисеча шестьсотъ шестнадцатомъ, мѣсеца Ноября шостого дня, кгды шли и тягнули мимо мѣсто и замокъ Глускій его княжачое милости Чарторыского на Клеваню и ихъ милости князя Костантого и князя Александра Полубенскихъ, у воеводствѣ Новгородскомъ лежачый, и не вѣдаючы о жадной здрадѣ и о засадкахъ здрадливыхъ розбойницкихъ, такъ же не вѣдаючы ньи о якихъ людехъ своволныхъ, збойцахъ и лупежцахъ, безпечне идучы гостинцомъ, дорогою добровольною, и проходячы мимо мѣсто Глускъ, зышли на греблю, которая была на двое стрѣленье зъ луку отъ мѣста Глуского, то пакъ вышей помененые врадники Глускіе княжати Чарторыского и князевъ Полубенскихъ Василей Зборомирскій а Грыгорей Клюйвода съ тыми выше имены поменеными бояры, мѣщаны и поддаными пановъ своихъ и иншыми многими, которыхъ они сами знають и имена ихъ вѣдають, сполкуючи и переставаючы зъ людьми своволными, збойцами и лупежцами и переховываючы ихъ у себе, снать зъ росказанья пановъ своихъ, въ мѣстѣ Глуску потаемне, а меновите: Самуеля и Криштофа Коптевъ и нѣякихъ Телицу и Тенюку и иншыхъ до двухъ сотъ козаковъ гултайства. Которые тые Копти зъ Телицою и Тенюкою и зъ иншыми, будучы въ полку збойцы Тупальского, много лупежства людемъ почынили и многихъ порозбіяли и зъ розгромленого и побитого полку того збойцы Тупальского поутекали, збунтовавшыся противъ звирхности его королевское милости и речы посполитое, забороняючы людови его королевское милости и речы посполитое будучому доброволного истья гостинцомъ звыклымъ, дорогою добровольною мимо Глускъ, учынившы такъ коло тое гребли, яко и въ млынѣ, на той гребли збудованымъ, засадзки потаемные, первѣй на возы, которые шли напродъ черезъ тую греблю, зъ тыхъ засадзокъ своихъ, на томъ урочищу на гребли и въ млынѣ почыненыхъ, крыянкою потаемне зъ за тое гребли зъ млыну и зъ зауголья млынового ударыли, пахоликовъ пострѣляли, возы порозбіяли и иншые зъ конми и зъ возами и зо всею маетностью, рынштунками военными загорнувшы до мѣста Глуского розбойнымъ, кгвалтовнымъ обычаемъ забрали и одного товарыша шляхтича учтивого, который возы провадилъ, на име пана Яна Сумского пострѣливши и живого порвавшы, а потомъ его замордовавшы, тѣло утопили, альбо дей, яко они вѣдомость мають, же еще жывого гдѣсь закопали. Хлопца дей ротмистровского пры возѣ будучого Юрья Грушевского, шляхтича уцьтивого забили и тѣло, нѣсть вѣдома, гдѣ задѣли и иншыхъ слугъ ротмистровскихъ, то есть: Яна Окуневича въ руку лѣвую, Миколая Беняшовского въ бокъ правый, Станислава Кравца въ ногу лѣвую пострѣляли и поранили, товарыша пана Станислава Русиновского у ногу лѣвую шкодливе пострѣлили, пахолика пана Коморовского, Станислава Маковского шляхтича въ руку правую шкодливе пострѣли(ли), выростка

пана Уленецкого, Александра Душевского шляхтича у ногу правую пострѣлили, пахолика пана Бомболиного, Θеренса Прокоповича въ руку правую пострѣлили, пахолика пана Еменковского, Мартина Нешковского въ руку правую шкодливе пострѣлили, пахолика пана Вирловичового, Флерыяна Юрковича въ руку правую шкодливе пострѣлили. И если се дей тымъ збойцомъ и лупежцомъ кому кольвекъ якій пострѣлъ, альбо и забитье отъ нихъ пановъ жолнеровъ стало, теды дей мусяло се то имъ стати, яко збойцомъ и розбойникомъ, за ихъ початкомъ здрадливымъ въ оборонѣ здоровья ихъ пановъ жолнеровъ, не даючи се имъ на голову всихъ побивати и позабивати. Якожъ дей его милость панъ ротмистръ его королевское милости панъ Ярошъ Сенковичь зъ тымъ товарыствомъ своимъ и зо всею ротою, не могучы се долго тамъ бавити и о всихъ шкодахъ яко онъ панъ ротмистръ своихъ, такъ тежъ панове товарышове о шкодахъ своихъ, которые се имъ черезъ таковый розбой стали, прудкове дати и списати, альбо о тѣлахъ побитыхъ вѣдомость взяти, первѣй се на ґраницу хотя зъ розгромленою и розбитою ротою до послуги его королевское милости и речи посполитое ставити мусялъ; а теперъ дей вжо взявшы певную вѣдомость яко о тыхъ збойцахъ и лупежцахъ, якъ которого зовуть, такъ же пораховавшыся зъ шкодами достаточне съ тымъ жалемъ своимъ, не могучи предъ се тѣлъ забитыхъ одыскати и на урадѣ оказати, до вряду кгродского Новгородского вернувшыся зъ границы Московское и вызволившыся на часъ отъ послуги его королевское милости утеклъ и тое дей оповѣданье и жаль свой до книгъ записати далъ. А то дей меновите шкоды ему пану ротмистру и товарыству его сталые и розбоемъ побраные и у нихъ полупеные, напродъ шкоды самого пана ротмистра, грошей готовыхъ, которые были у возѣ въ шкатулѣ габановой, одинадцать сотъ чырвоныхъ золотыхъ, шкатула сама коштовала золотыхъ шестьдесятъ, возъ сукномъ крытый коштовалъ золотыхъ трыдцать пять, шесть коней сивыхъ у возѣ коштовали золотыхъ двѣстѣ, шоръ на коняхъ коштовалъ золотыхъ двадцать осмъ, зброй зъ шышаками дванадцать, кождая зъ шышакомъ коштовала по трыдцати золотыхъ. Прывилья на маетности, то есть: на Гайчуцовичи дожывотный, на Одколовичи вѣчность и на иншые села до нее належачые и вси справы, то есть, на маетности въ Полоцкомъ повѣтѣ: на Спешковъ, на Выдрыно, на Нисчену, на Ячу, на Свесное вси прывилея и справы и облиґъ на тетку его пана ротмистрову, на пани Сымоновую Мелешковую, на верненье справъ листъ прыповѣдный, екземпта и розные реестра на долги и книжки каменные долговъ подданыхъ его пана ротмистровыхъ на трыста золотыхъ и реестра будные; мушкетовъ дванадцать Торунскихъ, коштовалъ кождый по двадцати золотыхъ, карабиновъ Виленское роботы зъ олстрами десеть, кождый коштовалъ по десети золотыхъ, пистолетовъ Виленскихъ петнадцать зъ олстрами, кождый коштовалъ по десети золотыхъ, кончеровъ шесть, кождый коштовалъ по шести золотыхъ, сѣделъ гусарскихъ фалендышовыхъ съ потребами, кождое коштовало по десети золотыхъ, радовъ оправныхъ два, коштовали золотыхъ двѣстѣ шестьдесятъ, чапракъ пулшкарлатный коштовалъ золотыхъ трыдцать, чарка сребраная во двѣ грывнѣ коштовала золотыхъ двадцать, ложокъ сребрныхъ дванадцать, коштовали золотыхъ сорокъ пять, монштуковъ дванадцать, коштовали золотыхъ осм-

надцать, железа шынъ трыдцать коштовало золотыхъ шесть, коробка зъ фарбою Турецкою, коштовала золотыхъ трыдцать, скрыдеръ орлихъ трыдцать, кождое коштовало по тры золотые, форкгъ сокольихъ трыдцать, кождая коштовала по петнадцати золотыхъ, копа перья бѣлого жоравего, коштовала золотыхъ двѣстѣ, чеканъ оправный, коштовалъ золотыхъ двадцать, франдуле локотъ дванадцать, коштовали золотыхъ двадцать чотыри, рабцы зеленыхъ локотъ чотырнадцать коштовали золотыхъ осмъ и грошей осмнадцать, пороху бочка, коштовалъ золотыхъ трыдцать, тайстра зъ формами, зъ ключами, зъ шрубками до вѣшанья рыштунковъ и иншыми дробязками желѣзными коштовала золотыхъ чотыры, олова фунтовъ шестьдесятъ коштовало золотыхъ пять, футро лисее кгрбетовое полтора блама, коштовало золотыхъ трыдцать, листъ одинъ коштовалъ золотыхъ тры, скура курдывановая коштовала золотыхъ пять, шкатула съ кореньемъ коштовала золотыхъ сто, лядунковъ деветьдесятъ коштовали золотыхъ двадцать шесть, зъ иншыми розмаитыми речми, скрыделъ двѣ, перья шарого жоравего коштовали золотыхъ трыдцать, коляса кованая золотыхъ дванадцать, мушкетовъ пры колесѣ Торунскихъ шесть, коштовали золотыхъ сто, постель адамашковая зо всимъ, другая суконная коштовали золотыхъ двѣстѣ, торба зъ ребеняромъ, зъ ренчниками, готовальня и иншыми дробезками коштовала золотыхъ петнадцать, делія шкарлатная зъ кузами золотыми, подшытая атласомъ шкарлатное масти, золотыхъ двѣстѣ пятдесятъ, ложко складаное золотыхъ десеть, доломанъ атласовый шкарлатное масти, адамашкомъ блекитнымъ подшытый, золотыхъ шестьдесятъ, делійка полшкарлатная, адамашкомъ шарымъ подшитая, кгузовъ злотистыхъ двадцать чотыры, коштовали золотыхъ сто, шлыкъ мармурковый золотыхъ сто пятдесятъ, хусты бѣлые, вси коштовали золотыхъ двѣстѣ пятдесятъ, кожухъ Турецкій золотыхъ дванадцать, ботовъ сафьяновыхъ зъ острогами осмъ паръ золотыхъ двадцать, папути двое, бачмаги золотыхъ пять, коберцовъ адямскихъ червоныхъ чотыри золотыхъ сто двадцать, веленсовъ червоныхъ дванадцать, кождый коштовалъ по пети золотыхъ, килимовъ турецкихъ осмъ, кождый коштовалъ по десети золотыхъ, олстро чорное зъ фляшками золотыхъ пять, опона Турецкая золотыхъ двадцать два. Стаенные речи и кухенкцы на начынье століовое золотыхъ пятьсотъ, речей челядныхъ пахолковъ двадцати тлумоки, хусты бѣлые, коцы, килимы, веленсы, кожухы, пенези и иншые дробезки, розные боты,—того побрали на золотыхъ осмъсотъ. Пара клячь вороныхъ въ колясѣ, гдѣ постель была, золотыхъ осмъдесятъ, коляса стаенная парою мерыновъ половыхъ золотыхъ сорокъ, другая коляса стаенная парою подъѣздковъ тисавыхъ золотыхъ трыдцать, пара подѣздковъ сивыхъ въ третей колясѣ стаенной золотыхъ двадцать пять; олстро великое, въ нимъ фляшъ дванадцать золотыхъ двадцать; коня ѣзного гнѣдого пострѣлено золотыхъ чотыриста, коня вороного забито золотыхъ сто, жывности розмаитое возовъ чтыры, кони въ нихъ осмъ, за которые дано золотыхъ сто. Товарища пана Станислава Русиновского шкоды: парепу подъ нимъ пострѣлено и забито золотыхъ пятдесятъ, коня ѣзного пострѣлено на поводѣ золотыхъ двѣстѣ, жывности возовъ чотыри, зъ розмаитыми лекгуминами золотыхъ пятдесятъ пять, возъ зъ чотырма коними сивыми, коштовали кони золотыхъ сто, за возъ кры-

тый золотыхъ двадцать, зброй полерованыхъ зъ шишаками тры золотыхъ шестьдесятъ, наметъ Турецкій золотыхъ пятдесятъ, зарукавья дробного паръ двѣ золотыхъ пятдесятъ, стрѣльбы розныхъ штукъ шесть, золотыхъ пятдесятъ, олстра зъ оксамитными ворками чотыры золотыхъ осмъ, кончеровъ два золотыхъ десеть, сѣделъ гусарскихъ тры золотыхъ трыдцать, накгловковъ тры зъ узденичками золотыхъ пять, кордъ золотыхъ чотыри, полшорокъ новый золотыхъ осмъ, пуслиска двое золотыхъ два, попруги двои киромъ подшытые золотыхъ два, дылія чирвоная, петлицы чырвоные, шлямами подшытая золотыхъ сорокъ, курта червоная фалендышовая, петлицы золотые, кгузиковъ злотистыхъ трыдцать золотыхъ двадцать, кгузовъ злотистыхъ тузиновъ пять въ цату робленыхъ золотыхъ двадцать пять. Рекокгницыя до войска на золотыхъ двадцать пять, тамъ же и листы розмаитые и обликгъ тамъ же до войска на конь сто пятдесятъ Литовскихъ, хусты бѣлые золотыхъ двадцать, шапка фалендышу червоного мисурка, въ ней вилоги сипскіе золотыхъ шесть фалендышу червоного локти шесть, золотыхъ осмнадцать, лазурового локти тры золотыхъ деветь, ботовъ сафьяновыхъ зъ острогами паръ шесть золотыхъ шесть, постель, матерацы, колдра, плотецъ, валы, подушки атласовые золотыхъ пятдесятъ, веленъ тры золотыхъ дванадцать, шуфляда зъ лядунками, прохами, формами, оловомъ зъ баструментами и дробязками розмаитыми желѣзными золотыхъ двадцать, коренья за золотыхъ десеть, коберцовъ Турецкихъ тры золотыхъ двадцать чотыри, макгерка Преспурская золотыхъ тры. Стаенные речы, коцы, престирадла, деки, куланы, вытягаче, попруги, кантари, узденички, рынкгорты, гребла и иншые дробные стаенные речы золотыхъ двадцать, сукна Брезинского локти петнадцать золотыхъ чотыры, кухенные речы золотыхъ десеть, челядныхъ речей осми пахолковъ сукни, хусты бѣлые, кожухи, коцы золотыхъ сорокъ. Товарыша пана Яна Кграбовского речы и шкоды вововъ два зъ розмаитою живностью и лекгуминами золотыхъ тридцать, возъ крытый съ парою коней тисавыхъ золотыхъ пятдесятъ, пара зброй полированыхъ зъ шышаками золотыхъ сорокъ, зарукавья тры пари золотыхъ тридцать, кончеръ одинъ золотыхъ шесть, палашъ одинъ золотыхъ пять, кордъ золотыхъ чотыри, килимъ Турскій золотыхъ десеть, курта бѣлая фалендышовая золотыхъ десеть, делюра зеленая, петлицы зеленые, козками подшытая, золотыхъ двадцать, курта лазуровая подшитая въ пасъ атласомъ жолтымъ, кгузиковъ злотистыхъ осмнадцать, золотыхъ тридцать, юпка блакитная, шлямами подшитая, петлицы блекитные золотыхъ трыдцать, фалендышу лазурового полтора локтя золотыхъ чотыри и грошей петнадцать, хусты бѣлые золотыхъ двадцать, чарочка серебраная золотыхъ три, проховница янчарка зъ ключомъ гецованымъ золотыхъ семъ, колпакъ чорный, вылоги лисіе золотыхъ пять, книжокъ розныхъ килкоро золотыхъ два, постель суконная, матерацъ, плотекъ, подушка, валъ, колдра, веленсъ золотыхъ петнадцать, копенякъ, киверъ золотыхъ десеть. Саквы, въ нихъ ботовъ сафьяновыхъ паръ три зъ острогами, тижмы, бачмаги, папуте золотыхъ шесть, рукавицъ паръ двѣ подшытыхъ золотыхъ два, шуфляда съ калямаромъ, лядунковъ двѣстѣ, пороху фунтовъ чотыри, олову фунтовъ шесть, ложка желѣзная, шрубштакъ шрубки, пилки и иншые дробязки золотыхъ

осмъ. Стаенные речы, коцы, престирадла, куланы, побочи, вытягачи, рынкгорты, кантари, узденички, гребла и иншое начынье стаенное на чотыри кони золотыхъ двадцать, кухенные речы золотыхъ десеть, скорядовичыхъ выправныхъ три золотыхъ шесть. Осми пахолковъ речы: тлумоки, сукне, кожухи, коцы, боты, хусты бѣлые, пенязи и иншые розмаитые дробязки золотыхъ пятдесятъ. Товарыша пана Войтеха Зелинского шкоды: колясъ двѣ, коней въ нихъ шесть золотыхъ сто, зброй полерованыхъ три зъ шишаками золотыхъ шестьдесять, зарукавья паръ тры золотыхъ тридцать, кончеровъ два золотыхъ десеть, футро попеличое золотыхъ осьмъ, футро котовое золотыхъ осьмъ, чирвоныхъ золотыхъ въ тросѣ осмъдесятъ, тамъ же монеты золотыхъ пятдесятъ, сребра ламаного гривенъ осмъ золотыхъ осмдесятъ, фалендышу лазурового полтора локтя золотыхъ чтыри, грошей петнадцать, шапка, собольцами подшытая, золотыхъ десеть; ботовъ сафъяновыхъ зъ острогами паръ чотыри золотыхъ осмъ, скоръ двѣ яловичыхъ золотыхъ тры; хусты бѣлые золотыхъ десеть; постель золотыхъ петнадцать, дылія чырвоная футромъ подшытая золотыхъ петнадцать, делюра чирвоная сукномъ подшитая, золотыхъ десеть, доломанъ блакитный фалендышовый золотыхъ десеть, килимъ Турецкій пестрый—золотыхъ десеть; сукна накрапяного локоть чотырнадцать золотыхъ семъ; киру чырвоного локотъ семъ золотыхъ два грошей десеть; шнурки локотъ трыдцать чотыри, острогъ паръ пять грошей двадцать; колпакъ лисій золотыхъ три; веленсовъ два золотыхъ осмъ; пулчакъ зъ олстромъ золотыхъ осмъ. Стаенные речы на тры кони огуломъ коштовали золотыхъ двадцать; кухенные речы коштовали осмъ; шабля, у которое крыжъ оправный, золотыхъ шесть; речей пахолковъ шести огуломъ коштовали золотыхъ двадцать; рукавицы лосіе золотый одинъ, сѣделъ чотыри съ потребами золотыхъ петнадцать; живности, легуминъ розмаитыхъ на двохъ возѣхъ золотыхъ двадцать. Товариша пана Войтеха Протасовича речы: зброя полерованая зъ шышакомъ золотыхъ двадцать; возъ зъ двѣма коньми гнѣдыми золотыхъ пятдесятъ; пулгаковъ два золотыхъ петнадцать; пистолетъ Скоцкій золотыхъ осмъ; шабля въ козацкой оправѣ золотыхъ чотыри; токи, кгроты, пропорце до кони трохъ золотыхъ пять; начынье ковальское и слесарское золотыхъ десеть; постель съ тлумокомъ золотыхъ десеть, футра попеличого полтора блама золотыхъ десеть; вилковъ три золотыхъ деветь; ботовъ сафъяновыхъ двое золотыхъ три; ботовъ челядныхъ трое золотыхъ два; ладунки, оловъ, порохъ, калцеданы золотыхъ пять; веленсовъ два золотыхъ осмъ; киверъ золотыхъ два; возовъ два зъ живностью розмаитою по пари коней золотыхъ шестдесятъ, живности и легумина золотыхъ двадцать. Товариша пана Быковского шкоды: зброи двѣ зъ шышаками—золотыхъ сорокъ; зарукавье двое—золотыхъ двадцать; накгловковъ зъ узденицами семъ золотыхъ три; коцовъ два золотыхъ чотыри; пахолковъ трохъ речей за золотыхъ десеть. Товариша пана Яроша Заблоцкого речы: возъ крытый сукномъ чирвонымъ зъ коньми—золотыхъ сто двадцать; зброя и шишакъ—золотыхъ двадцать; пулгакъ одинъ—золотыхъ осмъ; лукъ зъ сагайдакомъ—золотыхъ десеть; килимъ золотыхъ десеть; веленсъ—золотыхъ пять; юпка блекитная футромъ подшытая—золо-

тыхъ петнадцать, гроша готового золотыхъ сто; обликгъ на золотыхъ трыдцать; футро лисее—золотыхъ осмнадцать; фалендышу лазурового локти два—золотыхъ пять; шапка, китка оправная зъ каменми—золотыхъ петнадцать; остроги сребрные — золотыхъ два; хусты бѣлые—золотыхъ десеть; скуряловичыхъ вправныхъ двѣ золотыхъ пять; ботовъ сафьяновыхъ двое зъ острогами золотыхъ три. Стаенные речы золотыхъ двадцатъ; кухонные речы золотыхъ десеть; живностій розмаитыхъ лекгуминъ—золотыхъ сорокъ.—Тые дей вси речи маетность его милости пана ротмистра самого и товарыства его милости, яко се вышей поменило, тые урядники Глускіе, войты, бояре и подданые имены вышей помененые кгвалтовне розбойнымъ обычаемъ забрали и лупъ учинивши до мѣста и замку пановъ своихъ Глуска увезли и отпровадили. Пры которомъ оповѣданью его милости пана Ярошa Сенкевича, ротмистра его королевское милости, и товарыства его, постановившыся очевисто на врадѣ и возный воеводства Новгородского Стефанъ Дубина пры квитѣ своемъ, подъ печатью его и подъ печатьми стороны шляхты, ку записанью до книгъ кгродскихъ Новгородскихъ даномъ, устне въ тые слова сознал: Я Стефанъ Дубина, возный воеводства Новгородского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперешнемъ тисеча шестсотъ шестнадцатомъ, мѣсеца Ноября, шестнадцатого дня, маючы я возный пры собѣ стороною людей добрыхъ, двохъ шляхтичовъ пана Станислава Петровского а пана Андрея Яцкевича, съ которыми былъ есми на справѣ его милости пана Ярошa Сенкевича, ротмистра его королевское милости и товарыства роты его милости въ мѣстѣ его королев. милости Бобруйску и тамъ же за оказованьемъ отъ его милости пана ротмистра и товарыства его милости огледалъ есми на панохъ жолнерохъ роты пана Сенковичовы ранъ, а на первѣй видѣлъ есми на пахолкахъ пана ротмистровыхъ на Янѣ Окуневичу руку лѣвую пострѣленую на вылетъ вышей локтя, на Миколаю Беняшовскомъ видялъ есми рану пострѣленую въ боку правомъ, а на Станиславу Кравцу видялъ есми рану пострѣленую шкодливую у плечѣ правомъ, а на товарышу на пану Станиславу Русиновскомъ видялъ есми рану шкодливую пострѣленую въ нозѣ лѣвой вышей колѣна; на пахолику пана Коморовского на Станиславу Маковскомъ видялъ есми на руцѣ правой рану шкодливую пострѣленую; на выростку пана Флерыяна Уленецкого на Александру Душевскомъ видялъ есми рану на нозѣ правой нижей колѣна шкодливую пострѣленую; а на пахолику пана Яна Бомболи на Ференсу Прокоповичу видялъ есми на руцѣ правой рану пострѣленую; на пахолику пана Еменковского на Мартинѣ Мѣшковскомъ видялъ есми рану у руцѣ правой, пострѣленую шкодливую; на пахолику пана Вирловичовомъ на Флерыянѣ Юрковичу видялъ есми рану у руцѣ правой, шкодливе пострѣленую. До того меновали ихъ милость панове жолнере, ижъ одного товарыша зъ роты ихъ пана Яна Сумского, который возы провадилъ, пострѣливши, посекши и порвавшы до себе замордовали, и гдѣсь живого тѣло закопали, албо дей тежъ утопили, также и хлопца ротмистровского Юрья Кгрушевского забившы и тѣло, нѣсть вѣдома, гдѣ тежъ подѣли. А все дей то побили и пострѣляли урядники Глускіе Василій Зборомирскій зъ части княжати его милости Чорторыского на Клеваню, а Грыгорей Клюйвода, зъ части князя Константого и князя Алексан-

дра Полубенскихъ зъ войтами, мѣщанами, бояры и подаными пановъ своихъ Глускими, маючи пры собѣ збойцовъ и лупезцовъ зъ полку Тупальского повтекалыхъ двохъ Коптевъ и нѣ якого Телицу и Тенюку и иншого гултайства до двохъ сотъ человѣка обычаемъ розбойнымъ зъ засадзокъ здрадливыхъ потаемныхъ, зъ млына и зъ за гребли почыненыхъ, также о побранье и полупенье маетности ихъ и рыштунковъ военныхъ обычаемъ и способомъ, въ оповѣданью и на врочыщу описаномъ, также року, мѣсяца и дня, тежъ въ оповѣданью описаномъ. Которое жъ то оповѣданье его милости пана ротмистра и сознанье возного подъ печатью его и подъ печатьми стороны шляхты ку записанью даное есть до книгъ кгродскихъ Новгродскихъ записано. У того оповѣданья и сознанья возного печатей прытисненыхъ три, а подпись руки возного тыми словы: „Стефанъ Дубина возный рукою.“ Котороежъ тоеоповѣданье и сознанье возного до книгъ есть записано; а по записанью сесъ выписъ съ книгъ подъ печатью моею врадовою его милости пану Ярошу Сенкевичу ротмистру его королевское милости есть выданъ. Писанъ въ Новагородку. Янъ Воротило его милости кгродскій Новгродскій писаръ.

Внизу тисненая печать. Писанъ на трехъ листахъ. Хранится тамъ же.

88.

1617 г. Марта 6. Ассесорское опредѣленіе по дѣлу ротмистра Сенкевича съ Глушскими мѣщанами Чорторыскихъ и Полубенскихъ князей.

Я Михалъ Ратомскій, староста Острскій, Бобровицкій, я Петръ Трызна, староста Бобруйскій, я Самоель Пацъ, я Матвей Полубенскій, ознаймуемо симъ нашымъ асосорскимъ листомъ, штожъ за ужытьемъ и сосланьемъ насъ вышъ писаныхъ особъ одъ ясневельможного его милости пана Яна Кароля Ходкевича, воеводы Виленского, гетмана навышшого великого князства Литовского, нашого милостивого пана, до имѣнья ихъ милости княжатъ Константого Полубенского, писара земского Слонимского, а его милости княжати Миколая Чорторыского на Клеваню, для замѣркованья справы и заваруховъ промежку его милости пана Яроша Сенкевича, войского Мозырского, ротмистра его королевское милости, а подаными мѣщаны Глуска Дубровицкого ихъ милостей кнежатъ вышъ писаныхъ: Полубенского и Чорторыского. Гдѣ зъ стороны его милости пана Сенкевичовы менили, же шло о зневаженье зверхности его королевское милости и ракменту его милости пана гетмана великого князства Литовского и обельженье его милости самого, яко ротмистра, подъ хорыговью товарышовъ на послугу господарскую до Москвы идучыхъ, о позабіенье на смерть товарыша и хлопца, о пораненье зъ ручницъ иныхъ людей служалыхъ, имены въ процесахъ правныхъ описаныхъ, такъ же о забранье возовъ, коней, рынштунковъ, грошей готовыхъ и иныхъ речей розныхъ, што ширей на процесахъ правныхъ отъ его милости пана ротмистра и пановъ товарышовъ его милости жалобливыхъ, описано а доложоно было. А зъ стороны ихъ милостей княжатъ Константого Полубенского и княжати Чорторыского;

менечы о кгвалтовный на мѣсто наяздъ, о забитье на смерть трохъ, о пострѣленье шести мѣщанъ Глускихъ, о змученье челядника шляхтича и трохъ подданыхъ муками розными, о починенье шкодъ незносныхъ подданымъ волости Глуское, што шырей на протестацыяхъ о то до гродовъ донесеныхъ описано и доложоно есть. Въ которой справѣ мы вышъ писаные особы, достаточне въ тую справу вглянувши а мѣщанъ винныхъ въ томъ же: бунтъ, забойство, заступенье дороги учынили, винвыхъ видечы, маючы на то одъ ясневельможного его милости пана воеводы Виленского моцъ собѣ даную тую справу межы ихъ милостями такъ о зневаженье господарское и ракменту его милости пана гетмана, яко о обелженье его милости пана ротмистра и пановъ товарышовъ его милости о шкоды вышъ писаные, также обо все обжалованье зъ стороны ихъ милости пановъ жолнеровъ зъ ихъ милостями княжаты Константымъ Полубенскимъ и княжатемъ Чорторыскимъ сталые, мѣрковать и кончыть до имѣнья ихъ милости Глуска Дубровицкого, въ земли Новгородской лежачого, въ семъ року тисеча шестъ сотъ семнадцатого на день першый мѣсеца Марта зъѣхавшы тую всю справу межы ихъ милостями прыстойне змерковали, згодили и успокоили такимъ способомъ: за зневаженье его королевское милости и ракменту его милости пана гетмана, за обелженье его милости пана ротмистра хоругови и товарыство его милости всего мѣщанъ виннѣйшыхъ зъ обудвухъ части Глуска чотырохъ на име: Василья Кондратовича а Ивана Копшовича, Саву Робковича, Моисея Груду въ Глуску дубцы бить за забойство двохъ товарыша и хлопца; мѣщанъ двухъ Глускихъ, одного зъ части его милости князя Полубенского, на име Грыгорья Струся, а зъ стороны княжати Чорторыского Тышка Охремовича на покаранье горломъ выдано. И што се стало противное забойство мѣщанъ Глускихъ трохъ на смерть а пострѣланыхъ шести, змученье посланца шляхтича и чотырохъ подданыхъ, побранье маетностей подданымъ Глускимъ и тое все опустившы за шкоды въ процесахъ ихъ мененые по одданью речей, которые се межы мѣщаны знашли, его милости пану ротмистру, товарыству и пахоликомъ, мѣркуючы пять тисечы золотыхъ Польскихъ зъ обу-двухъ частей дали. А врадникъ его милости князя Полубенского Глускій, панъ Грыгорей Клюйвода, и служебникъ его жъ милости панъ Дмитръ Чешейко, въ Глуску мешкаючый, ихъ мѣщанъ не бунтовали и до того ихъ не прыганяли, прычыною бунту не были, прысегу выконали. За чымъ панъ ротмистръ и именемъ пановъ товарышовъ своихъ, имены въ протестацыяхъ помененыхъ, во всей той справѣ ни якого собѣ и паномъ товарышомъ своимъ ни въ чемъ прыступу жадного не зоставуючы, але за все, якъ за обелженье, яко за головы товарыша и хлопца на смерть забитыхъ, за раны товарыскіе и пахоликовъ всихъ а о забранье речей ихъ зъ его милостью княземъ Полубенскимъ самымъ, а зъ стороны его милости княжати Чорторыского, за моцью на то отъ его милости даною, черезъ его милость пана старосту Бобруйского пры враднику его милости княжати Чорторыского вѣчне поеднали, процеса правные зъ обудвухъ сторонъ межы собою до врадовъ а книгъ розныхъ донесеные покасовали и жадного прыступу промежку собе не зоставили вѣчными часы. То мы ососорове, особы вышей атестацыи нашой писаные, дали есмо его милости

князю Константому Полубенскому, писарови земскому Слонимскому, сюю протестацыю нашу подъ нашыми печатьми и съ подписами рукъ нашыхъ. Писанъ у Глуску, лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ семнадцатого, мѣсеца Марца шостого дня.

Писанъ на бумажномъ листѣ. Внизу подписи ассесоровъ: Michał Ratemsky, Ostrsky, Bobrowiczky starosta ręką swą. Piotr Tryzna starosta Bobrujsky. Samuel Pac ręką swą. Mathei Polubinsky ręką swą. *Между подписями оттиснуты на бумагѣ четыре малыя печати. Сохранился хорошо. На оборотѣ есть двѣ помѣтки, сдѣланныя позднѣйшею рукою, о содержаніи акта. Найденъ Попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа Ив. П. Корниловымъ въ поѣздку по Могилевской губ. въ 1866 г.*

84.

1617 Марта 7. Мировая сдѣлка ротмистра Сенкевича съ князьями Чорторыйскимъ и Полубенскимъ по дѣлу о нападеніи Глускихъ мѣщанъ на Волынскій отрядъ.

Я Ярошъ Сенкевичъ, земенинъ господарскій земли Новгородское, войскій Мозырскій, ротмистръ его королевское милости, вызнаваю симъ моимъ угоднымъ квитацыйнымъ листомъ, штожъ идучы мнѣ зъ ротою на послугу его королевское милости до Москвы а прышедшы подъ мѣсто ихъ милости княжати Константого Полубенского, писара земского Слонимского, и его милости княжати Чорторыского Глускъ Дубровицкій, въ земли Новгородской лежачый, въ року тисеча шесть сотъ шестнадцатомъ мѣсеца Ноябра шостого дня, тамъ же черезъ бунтъ и своволенство мѣщанъ обудву части Глуска Дубровицкого вышъ писаного, зневаженье хоругови моей, достоенства и зверхности его королевское милости и ракменту его милости пана гетмана великого князства Литовского нашого милостивого пана стало такъ, ижъ мнѣ ротмистру а товарыству моему деспектъ, обелженье, забойство и пострѣлянье стало, и товарыша моего на име пана Яна Шумского и хлопца моего Юрья Грушовского на смерть убито, а другого товарыша моего пана Станислава Русиновского пострѣлено, а слугъ моихъ Яна Окуневича, Миколая Беняшовского, Станислава Кравца а пахолика пана Коморовского Станислава Маковского, выродка пана Уленицкого Александра Душевского, пахолика пана Бамболиного Ференса Прокоповича, пахолика пана Еменковского Мартина Нешковского, пахолика пана Вирловичового Флюрыяна Юрковича подстрѣливали и поранили; кони, возы, шкатулы зъ грошми готовыми, рынштунки военные и иныхъ речей не мало мнѣ самому и ихъ милостямъ паномъ товарышомъ моимъ, такъ же и пахоликомъ, въ процесахъ правныхъ доложонымъ, забрали, што шырей на протестацыи отъ ясневельможного его милости пана Яна Кароля Ходкевича, воеводы Виленского, гетмана великого князства Литовского, пана моего милостивого, такъ же на протестацыи моей и товарыства моего, меновите ихъ милости пана Станислава Русиновского, пана Яна Трабовского, па-

на Войтеха Зелинского, пана Войтеха Протасовича, пана Быковского, пана Яроша Заблоцкого, пана Якуба Коморовского, пана Флорыяна Улявицкого, пана Яна Бомболя, пана Еменковского и пана Ворловича зъ реестромъ списаныхъ шкодъ и зъ реляцыею возныхъ, на врадниковъ, земянъ и мѣщанъ ихъ милости Глускихъ обѣюхъ части до враду и книгъ кгродскихъ Новгородскихъ и иныхъ врадовъ книгъ и людей донесеныхъ описано и доложоно есть. А стороны ихъ милости княжатъ Полубенского и Чорторыского тогожъ часу вышъ писаного въ мѣстѣ Глускомъ отъ роты мое менечы, яко бы стало се въ обоpонѣ мѣщанъ, же части его милости князя Полубинского двухъ Селивона Макгнуса а Ивана Павлюковича на смерть убито, а трохъ мѣщанъ Ивана Гаврыловича, Яска Прача, Васка Кабановича пострѣлено, такъ же земяномъ подданымъ Глускимъ и посланцови его милости князя Полубенского на дорозѣ поиманому бой, грабежы и шкоды стали се, што тежъ шырей о всемъ на протестацыяхъ реляцыяхъ возныхъ и реестрахъ шкодъ одъ врадниковъ, слугъ земянъ, бояръ, мѣщанъ и подданыхъ обудвухъ части одъ Грыгорья Клюйводы и Василя Збормирского донесеными описано и доложоно было. Въ которой справѣ ясневельможный его милость панъ Янъ Кароль Ходкевичъ, воевода Виленскій, гетманъ великого князства Литовского, зычечы того, абы тая справа въ дальшый затягъ правный не шла, але хотечы, абы яко напрыстойнѣй успокоена была, въ семъ року тисеча шесть сотъ семнадцатомъ на день першый мѣсеца Марца, до Глуска помененого людей зацныхъ его милости пана Петра Трызну, старосту Бобруйского, а его милости пана Михала Ратомского, старосту Озстрекого и Бобровицкого, а его милости пана Самоеля Паца и его милости князя Матѳея Полубенского зъ моцью своею листовною сослать рачилъ, ужывшы ихъ милостей, абы тую справу межы нами успокоити кгрунтовне рачыли, што шырей на той моцы и информацы ихъ милостямъ даной а листовномъ злеценью описано и доложоно естъ. То пакъ ихъ милость, зъѣхавшы зъ раменя его милости на помененое мѣстце, пры иныхъ людехъ зацныхъ, одъ мене до тое справы ужытыхъ, его милости пану Станиславу Керсновскомъ, его милости пану Крыштофу Богушу а его милости пану Зыкгмонтѣ Клечковскомъ и иныхъ людяхъ добрыхъ, тую справу угодою скончыть рачыли. Такъ же я Сенкевичъ, маючы моцъ одъ его милости пана гетмана, моего милостивого пана, и за моцью зупольною, мнѣ отъ товарыства моего даною, о зневаженье и забитье и въ весь ексцесъ замерковать, а одъ всего кола товарыства роты моее вышей писаныхъ черезъ товарыша моего пана Юрья Макарского одъ тыхъ всихъ, которые процеса свое на ихъ милости княжатъ вышъ писаныхъ Полубенского и Чорторыского до врадовъ, менечы собѣ розные крывды, донесли на семъ же року, дню и мѣстцу замерковать, тогды я вжо въ той всюй справѣ вышъ писаной такъ о зневаженье хоругови моей, яко и о обелженье свое, о позабіянье, пострѣленье, пораненье товарыства пахоликовъ и коней, о забранье возовъ съ коними, рыныштунки, пенезей готовыхъ шкатулами и иныхъ всихъ речей, въ протестацыяхъ, рейстрахъ и реляцыяхъ возныхъ и словне помененыхъ, въ той бурдѣ сталыхъ зъ его милостью князюмъ Константымъ Полубенскимъ, писаромъ земскимъ Слонимскимъ, самъ

обличне и зъ его милостью княжатемъ Чорторыскимъ, за ужытьемъ отъ его милости княжати Чорторыского, его милость панъ староста Бобруйскій, и злеценьемъ а за моцью до тое справы, вряднику его милости Глускому пану Василю Зборымирскому даною, вѣчне погодилъ. Кгдыжъ ихъ милость княжата вышъ писаные, зъ выналязку ихъ милости пановъ асесоровъ на той справѣ будучыхъ, его милость княже Полубенскій самъ и его милость княже Чорторыскій черезъ моцъ, на писмѣ данную, опустившы всѣ процеса правные свое, противъ мнѣ и товарыству моему почыненые, такъ же двухъ мѣщанъ на смерть забитыхъ, трохъ пострѣленыхъ, служебника шляхтича и трохъ подданыхъ змучоныхъ, также всихъ шкодъ подданымъ Глускимъ почыненыхъ, нагоражаючы, абы се зневаженье хоругови и зневаженье его милости пана гетмана и обелженье мое, такъ же позабіянье на смерть и пораненье людей, подъ хоруговью будучыхъ, забранье речей всякихъ, въ процесахъ описаныхъ, листовъ прывилеевъ и всихъ шкодъ одъ людей своволныхъ простыхъ, которые то безъ воли вѣдомости ихъ милости пановъ своихъ учынили, прыстойне нагородили его милость князь Полубенскій вряднику Глускому Грыгорью Клюйводѣ и слузѣ своему Дмитру Чешейку, въ Глуску мѣшкаючымъ, на томъ, ижъ на той ексцесъ ни въ чомъ мѣщаномъ Глускимъ не помагали ани ихъ ку злому учынку бунтовали, присегу наказалъ. Мѣщанъ одного его милости княжа Полубенскій зъ части свое Грыгорья Струса, а другого зъ части его милости княжати Чорторыского Тишка Охремовича на смерть покарать, а чотырохъ на имя: Василья Кондратовича, а Ивана Копшовича, Саву Робковича, Моисея Груду у столна въ Глуску бить выдали, речи и грошы готовые забраные, которые се знайти опытати могли, поворочоно. А надъ то за шкоды мнѣ и товарыству моему забраные чотыры тисечы золотыхъ польскихъ грошми готовыми зъ обудвухъ частій его милость княже Полубинскій двѣ тисечы, а зъ части княжати Чорторыского другую двѣ тисечы золотыхъ польскихъ дали. На чомъ я Сенкевичь, переставшы зъ его милостью княжатемъ Полубенскимъ самъ обличне и именемъ пановъ товарышовъ своихъ а зъ его милостью княжатемъ Чорторыскимъ, вѣчне погодилъ и ихъ милости съ того квитую, а вжо одъ даты сего листу моего ихъ милости княжатъ вышъ писаныхъ самыхъ врадниковъ, слугъ, бояръ а подданыхъ, въ той справѣ обвиненыхъ, я самъ и нихто иный одъ мене такъ же съ пановъ товарышовъ моихъ, вышъ въ семъ угодливомъ листѣ моимъ описаныхъ жалобливыхъ, и нихто одъ нихъ ни которымъ способомъ правнымъ турбовать, тое справы взновлять, вѣчными часы не маемъ. Якожъ тые всѣ процеса, до книгъ донесеные, съ книгъ выбраные и въ книгахъ позосталые, симъ листомъ моимъ угодливымъ касую, уморяю и въ нивечь оборочаю, зоставившы правный пунктъ на тупалчыковъ, имены въ протестацыи его милости пана гетмановой написаныхъ. А гдѣ бымъ я самъ, альбо который съ пановъ товарышовъ моихъ помененыхъ жалобливыхъ по датѣ сего листу моего ихъ милостей правомъ турбовать, тогды за даньемъ собѣ черезъ возного знать черезъ листъ врадовый отворыстый за недѣль пять, кладучы тое обвѣщенье на маетности моей въ воеводствѣ Новгородскомъ будучой, въ которой колвекъ, у кождого суду и права и на каждомъ пляцу очищать и заступовать,

подъ заплаченьемъ ихъ милостямъ чотырохъ тисечей золотыхъ польскихъ заруки а вины, въ праве посполитомъ описаное, маю. О которую заруку и вины въ праве посполитомъ описаные вольно будеть мене позвати ихъ милостямъ княжатомъ Полубенскому и Чорторыскому обѣма, любъ одному, до суду враду а права належного земского кгродского Новогородскихъ позвать. А я се не вымовляючы ничымъ виненъ буду стать и усправедливить. И на то я Ярошъ Сенкевичь далъ его милости княжати Константому Полубенскому а его милости княжати Чорторыскому сесь мой квитацыйный листъ, подъ моею печатью а съ подписомъ руки мое власное. До которого, за устною и очевистою прозбою моею, печати приложить и руки свое подписать рачыли: ихъ милость панъ Михалъ Ратомскій, староста Острскій и Бобровицкій, а его милость панъ Самуель Пацъ и его милость, панъ Станиславъ Керсновскій. Писанъ у Глуску, лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ семнадцатого, мѣсеца Марца семого дня.

Писанъ на бумажномъ листѣ. Внизу подписи: „Sienkewicz Jarosz woiski Mozyrsky rotmistrz K. J. M. ręką swą". „Michal Ratomsky Ostrsky Bobrowiczky starosta ręką swą". „Samuel Pac ręką swą. Stanislaw Kierznowsky ręką swą".

Внизу оттиснуты на бумагѣ двѣ малыя печати. Сохранился хорошо. На обратной сторонѣ листа три помѣтки о содержаніи акта.

Найденъ Попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа Ив. П. Корниловымъ въ поѣздку по Могилевской губ. въ 1866 г.

85.

1617 Февраля 12. Договоръ помѣщика Льва Гурки съ крестьянами своими объ усадьбѣ.

Я Левъ Гурко, писарь земскій Витебскій, ознаймую то симъ моимъ добровольнымъ листомъ, ижъ били ми чоломъ подданые мои на име Исакъ Чупровъ и зъ сынами своими, Отрохимомъ и Ходоромъ, и до того овферъ, абыхъ имъ далъ селибу за собою у въ огородникахъ на Катерининѣ; а такъ я на чоломъбитье усихъ ихъ тамъ, такъ пашню, кляды дворные, яко сѣножати придавшы еще имъ до того, на той земли мѣшкать позволиломъ; маютъ они мѣшкаючы на той земли полнить повинность такую, яко и другіе. А если бы имъ зо мной мѣшкати не подобало, теды учынившы ми за все досыть, оддавшы кождый зъ нихъ куницы позволотого, за кого хотя пойти вольно. И на томъ далемъ сесь листъ съ печатью, съ подписомъ руки моее. Писанъ у Раненахъ, року тисеча шесть сотъ семнадцатого, мѣсеца Февраля дванадцатого дня.

А покуль се побудуть подлѣ двора моего на Катерининѣ, вольно имъ будеть усимъ у дворѣ моемъ мѣшкать, а на гетотъ рокъ жадное подачки давати они зо всего не маютъ, выневшы овферка; сѣножать имъ маю придати на Терешкахъ и въ Ходуловѣ водлугъ потребы; оножъ они вжо у садѣ на себе косить не маютъ, саду городить помочы будуть повинни. *Писанъ на четверткѣ. Сохранился хорошо. Внизу подпись:* Lew Hurko Pisarz Ziemski Witebski ręką wlasną. *Ниже приписка,*

сдѣланная по Русски рукой, какъ кажется, самого Льва Гурки: вольно имъ на моемъ подвору у дворѣ будовать, только оподаль одъ свѣтелки, которую я на прiѣздъ собѣ зоставилъ.

Найденъ Попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа И. П. Корниловымъ въ поѣздку по Могилевской губернiи въ 1866 г.

86.

1617 Февраля 3. Королевская грамота, данная по просьбѣ Полотскаго Архiепископа, Iосафата Кунцевича Витебскимъ мѣщанамъ корникамъ, разрѣшающая имъ построить въ Витебскѣ церковь Преображенiя Господня и учредить при ней медовые склады и братство.

Жикгимонтъ третiй Божью милостью король Польскiй, великiй князь Литовскiй, Рускiй, Прускiй, Жомоитскiй, Мазовецкiй, Ифлянтскiй а Шведскiй, Вандальскiй, дѣдичный король. Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ, ижъ донесены намъ просбы именемъ велебного въ Бозѣ отца Iоасафа Кунцовича, архiепископа Полоцкого, Витебского и Мстисловского, и прекладано, ижъ, для доскональшого опатренья и розмноженья хвалы Божое въ мѣстѣ нашомъ Витебску, мѣщаномъ тамошнимъ Витебскимъ корникомъ благословилъ направить церковь опалую заложенья Преображенiя Господня и зъ предѣломъ светого Миколы, за рѣкою Витбою, на посадѣ Узгорскомъ, у Пирожномъ ряду, имѣть склады звыклые на празникъ светого Архистратига Михаила и Светого Семiона на опатренье церковныхъ . . . . и на выхованье священника пры той церкви, дъякона и дъяковъ, не мнѣй тежъ и убогихъ, въ шпиталю мѣшкаючыхъ. А ижъ бы то певне ити могло, позволилъ тымъ же корникомъ, мѣщаномъ Витебскимъ, пры той церкви звышъ помененой, мѣть брацтво церковное, въ которое они списавшысе могли бы съ посродку себе што рокъ старшыхъ обирать и зхаджки на обмышленье прыходовъ и росходовъ, водлугъ ухвалъ имъ отъ себе на письмѣ даныхъ, пры бытности презвитера, архiепископомъ Витебскимъ подлеглого, мѣвать. Мы, господаръ, видечи въ томъ прозбы архiепископа Полоцкого быть слушные, ласкаве есмо на то все позволили симъ листомъ прывилеемъ нашымъ церковь Преображенья Светого Спаса и зъ предиломъ светого Миколы збудовать помененымъ корникомъ, мѣщаномъ Витебскимъ, за рѣкою Витбою на посадѣ Узгорскомъ у Пирожномъ ряду. Позваляемъ на опатренье тое церкви и предилу Светого Николы и выхованье духовныхъ склады шинку медового, пивного, горѣлочного и прывозного, къ вышъ намененымъ празникомъ Светого Михайла Архангела и Семiона, звыклые на вси . . . и на вѣчные часы надаемъ и брацтво корницкое пры тойже церкви Преображенiя Светого Спаса . . . . велебного Архiепископа Полоцкого имъ позволеное, стверэкаемъ. Которое, водлугъ порадку, вышей намененого, мають ся во всемъ заховати . . . . со всимъ и повинуючысе архiепископомъ Полоцкимъ, въ единости съ церковью Рымскою будучымъ и на потомъ будучимъ часы вѣчными. Въ чомъ арендары карчемъ въ томъ мѣстѣ

Витебску будучые жадное переказы у держанью помененыхъ напоювъ задавати и трудности чинити не мають, поготовю замковые врадники. На твердость чого и сесь листъ прывилей нашъ, съ подписомъ руки нашое господарское и съ печатью великого князства Литовского, прexpечоному братству кормницкому дали есмо. Писанъ у Варшавѣ на соймѣ вальномъ, лѣта отъ Нароженя Сына Божого 1619, мѣсеца Февраля 3 дня. Sigismundus Rex.

Стефанъ Пацъ писарь.

Грамата писана на листѣ. Внизу оттиснута печать, обшитая шолковымъ шнуромъ. На обратной сторонѣ двѣ помѣтки по русски о предъявлении граматы въ судѣ и позднѣйшая о содержаніи граматы.

Хранится въ архивѣ Витебской Богоявленской Семіоновской Церкви.

87.

1619 Марта 12. Грамата Сигизмунда III Полоцкому архіепископу Іосафату Кунцевичу относительно обмѣна имѣній Полоцкой архіепископіи на имѣнія іезуитскія и шляхетскія.

Жыкгимонтъ третій, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, а Шведскій, Кгодскій, Вандальскій дѣдичный король. Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ, далъ намъ справу архіепископъ Полоцкій, Витебскій, Мстиславскій, велебный въ Бозѣ отецъ Іосафъ Кунцевичъ, ижъ онъ съ прилеглости кгрунтовъ отцовъ езуитовъ колегиюмъ Полоцкого, не мнѣй тежъ и шляхты обывателей воеводства Полоцкого, Витебского и Мстиславского зъ кгрунты архіепископства Полоцкого, Витебского и Мстиславского, розными часы до затрудненья и ростырковъ правныхъ прыходити мусить. Для чого жодалъ насъ, господара, архіепископъ Полоцкій, пры бытности, зъ вѣдомости и позволеньемъ старшого пастыра своего велебного въ Бозѣ киръ Іосифа Веллямина Рудского, архіепископа, митрополита Кіевского, Галицкого и всея Руси, ижъ бысмо ему и по нимъ наступуючымъ архіепископомъ Полоцкимъ позволили кгрунты церковными на кгрунты костельные отцовъ езуитовъ колегиюмъ Полоцкого и шляхецкіе въ оныхъ вышепомененыхъ воеводства замѣну чинить. Ино мы, господаръ, прозбу отца архіепископа Полоцкого, зъ позволеньемъ и вѣдомостью старшого пастыра его до насъ унесеную, въ томъ быть бачечы слушную, а успокоенья добрамъ церковнымъ въ розницахъ стороны кгрунтовъ зычечы; симъ листомъ нашимъ тое замѣны ему самому и по немъ наступуючимъ архіепископомъ Полоцкимъ позволяемъ, которые то вси таковые замѣны безъ шкоды добръ церковныхъ на обѣдвѣ сторонѣ зъ верхности нашое ствержати имъ обязуемъ и упевняемъ. А тые вси добра шляхецкіе, которые се архіепископомъ Полоцкимъ въ замѣнѣ доставати будуть, подъ право земское и службу военную подлегати не мають, але за власные добра церковные розумѣти ся будуть. И на то есмо дали ему, отцу архіепископу По-

лоцкому, сесь нашъ листъ, съ подписомъ руки нашое господарское, до которого и печать нашу великого князства Литовского прытыснути есмо велѣли. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божого Нароженья тысеча шесть сотъ деветнадцатого, мѣсеца Марца дванадцатого дня. У того листу печать его королевское милости есть прытыснена, а подпись руки тежъ его королевское милости тыми словы: Sigismundus rex, а подпись руки писара и рефе(ре)ндара его королевское милости тежъ тыми словы: Александеръ Корвинъ Кгонсевскій, референдаръ и писаръ.

Печатанъ по выписи изъ Полоцкого земского суда, скрѣпленной двумя печатями и подписью Кгабрыеля Корсака, Полоцкого земского писара. *Доставленъ о. благочиннымъ Полоцкимъ Юркевичемъ.*

88.

1621 г. Апрѣля 12. Заявленіе вознаго Ивана Скирмонта о поступкѣ Полоцкаго православнаго мѣщанина при погребеніи тѣла его сына.

Лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ двадцать первого, мѣсеца Апрѣля дванадцатого дня,

На врадѣ господарскомъ кгродскомъ воеводства Полоцкого передо мною, Ярославомъ Друцкимъ Соколинскимъ, подвоеводимъ Полоцкимъ, отъ ясневельможного пана его милости князя Михала Друцкого Соколинского, воеводы Полоцкого будучымъ, ставшы очевисто енералъ его королевское милости дворный возный воеводства Полоцкого Иванъ Скирмонтъ, квитъ свой ку вписанью до книгъ кгродскихъ Полоцкихъ прызналъ, писаный тыми словы: Я Иванъ Скирмонтъ, енералъ его королевское милости, дворный, возный воеводства Полоцкого, сознаваю то тымъ моимъ квитомъ сознанья моего на письмѣ, ижъ року теперешнего тисеча шесть сотъ двадцать первого мѣсеца Апрѣля первого дня, за везваньемъ отъ его милости въ Бозѣ велебного отца Іосафа Кунцевича, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского, маючы я пры собѣ сторону людей добрыхъ шляхту пана Лукаша Мозолевича и пана Станислава Хлюдинского, того днясь и съ тою стороною былемъ въ дому мѣщанина мѣста Полоцкого Петра Васильевича, на сесь часъ врадомъ лентвойтовскимъ у Полоцку справуючого, тутъ въ мѣстѣ Полоцкомъ и, за порученьемъ мнѣ отъ его милости отца архіепископа мовенья до того Петра, пыталомъ его именемъ его милости, для чого онъ зъ сыномъ своимъ Васильемъ, не докладаючы се у его милости отца архіепископа, безъ проводу черезъ особу духовную, тѣло змерлого дитяти сына своего на цминтару пры церкви Рожества Хрыстова, въ мѣстѣ Полоцкомъ стоячой, своволне погребалъ зъ сыномъ своимъ. И кгды его милость отецъ архіепископъ росказалъ священнику Рожественскому и челяди дьякомъ своимъ тое тѣло откопать и проводъ съ церемоніями церковными водлугъ звычаю хрестіянского надъ нимъ отправить, для чого вы зъ сыномъ своимъ, нашедшы кгвалтомъ зъ многими помочниками своими знову на тотъ цмынтаръ Рожественскій, проводу надъ тымъ тѣломъ змерлымъ дитяти сына твоего

священнику чынить не допустили, его самого и слугъ дьяковъ отца архіепископа съ цмынтара согнали и тое тѣло безъ проводу знову въ землю тамъ же закопали. На то Петръ Васильевичъ мнѣ енералу пры сторонѣ шляхтѣ повѣдилъ: кгрунтъ, повѣда, и цмынтаръ Божый и королевскій, а мы дей церковь будовали; намъ вольно тѣла умерлыхъ тамъ ховати; попа, повѣда, на проводъ тѣла внука моего не упросили есмо, проводить и звонить не хотѣлъ, а его дей милость отецъ архіепископъ не мѣлъ насылать и тѣла дитяти сына моего казалъ выкопывать зъ земли. То я енералъ мовилъ и отказъ таковый слышалъ, и того свѣдомъ я сесь квитъ сознанья моего на письмѣ, подъ печатью и съ подписомъ руки моее и подъ печатьми стороны шляхты, пры мнѣ на той справѣ былое, сознавшы его самъ очевисто на врадѣ, сторонѣ потребуючой, его милости отцу архіепископу ку отданью и вписанью до книгъ кгродскихъ Полоцкихъ отдалъ есми. Писанъ року, мѣсяца и дня на датѣ вышей описаного. У того квиту печатей прытисненыхъ три, а подписъ руки енеральское подписано тыми словы: Иванъ Скирмонтъ енералъ его королевской милости власною рукою. Которое сознанье енеральское и тотъ квитъ его есть до книгъ кгродскихъ Полоцкихъ записано, съ которыхъ и сесь видымусъ подъ печатью моею подвоеводскою, року теперешнего тисеча шесть сотъ двадцать первого, мѣсеца Апрѣля двадцать первого дня, мѣщаномъ мѣста господарского Полоцкого реліи руское есть выданъ. Писанъ у Полоцку.

Писанъ на поллистѣ, внизу вытиснута печать.

89.

1621 г. Іюля 10. Посланіе Мелетія, архіепископа Полотскаго, Свято-Духовскому Братству о принятіи имъ іеродіакона Филиппа.

Мелетій, милостію Божіею архіепископъ Полотскій, владыка Витепскій и Мстиславскій, архимандритъ Виленскій. Вѣдати даеть смиреніе мое, кому о томъ вѣдати належати будеть, ижъ листу моего показатель іеродіаконъ Филиппъ отъ апостатовъ Виленскихъ ко прирожоному отеческому благочестію прибѣгій и исправленіе отъ смиренія моего въ православіи Святой Восточиой Церкви, и во степеніи діаконствѣ достодолжное получившій, отпустися на время гдѣ во благочестивѣй обители почити, донележе смятеніе на церковь Божію во градѣ семъ сверѣпѣюще Божіимъ мановеніемъ въ тишину премѣнится. Емуже яко новосъединенну буди у всихъ старѣйшихъ въ церкви святой и юнѣйшихъ обрѣсти благословеніе, милость и любовь молю усердно. Затымъ себе благословенію отеческому и любви братерской вручаю! Въ обители пресвятого и животворящого Духа братства церкви Виленское року 1621, мѣсеца Іюля 10 дня. Властною рукою. *Писанъ на поллистѣ.*

90.

Послѣ 1621 г. Письмо Кіевскихъ обывателей къ гетману и войску Запорожскому.

Милостивый пане гетмане и все христолюбивое воинство панове и братья нашы.

Повольности нашы товариcкіе въ ласку вашое милости отдаемъ.

Ижъ ся отзываемо сынами Светое Церкви матки нашое и за вѣру хрестіянскую и за братью нашу горла свои кладемо добро, жебы и до конца при томъ предсявзятью своемъ на славу Божыю и войска Запороского бороннячы церквей стояти моглисмы.

1. Першая: рачте ваша милость достатечне освободити церковцу Василевскую и кгрунтикъ ее у Кіевѣ, абы собѣ будованье панове мнишы отъ церкве зъ кгрунтику церковного зносили, напоменути ихъ альбо казати складати, бо негдѣ священнику мѣшкати.

2. Другая: боронячы убогихъ подданыхъ монастырскихъ, абы ваша милость на пришлую зиму, на славу якобы сами въ нихъ стояти хотячы, зъ сотницу козаковъ заѣжджаючымъ жолнеромъ, которые велми маетности понищали, вперодъ заслали на богомолье свое до всего повѣту Кіевского, за што отъ всего рода вамъ блогославенство.

3. Третяя: абы ваша милость тутъ въ Кіевѣ зъ рамене своего коштомъ войсковымъ килька особъ для всякое потребы отзыватися зъ ласки своее зоставити рачыли, што есть велми лацно войску за помочью Божею.

4. Четвертая: пане гетмане и все богобойное товариство, на тые простацкіе бунты молодыхъ небачныхъ не дбаючы, старайтеся милостью всѣхъ звитежыти, кромъ всякихъ межы собою непріятелскихъ заводовъ, вѣдаючи, ижъ въ незгодѣ домовой снадне отъ кождого непріятеля отъ наменшого пожыты, а въ згодѣ и отъ самого пекелного тыранія не переконаны быти можете.

5. Пятая: милосердья и милостыны на церкви Божые, абы вами имя Христово и вѣра хрестіянская подъ той нещасливый часъ славитися могла, не забывайте, за што вѣчную память и нагороду отъ Христа мѣти будете.

6. Шостая: пилная того потреба, если ся хрестіанами зовемо и если по смерти вѣчного живота водлугъ вѣры нашое чекаемо, ижъ въ забавахъ нашыхъ военныхъ завше смерть передъ очыма маемо, черезъ которую албо до неба, албо до пекла достатися пріидеть прикладомъ розное и вонтпливое вѣры войскъ, которые завше полно духовныхъ межы собою у войску для всякое смертелное пригоды мають, чому бы и намъ, покинувшы поганскіе ворожки (же попъ на всякую потребу нещасливый), положывшы на Бога надѣю, для споведи и для причастія завше своихъ поповъ людей духовныхъ и богобойныхъ, у войску не мѣти, а зъ Богомъ и зъ его блогославенствомъ на вѣчную славу войска Запорозского всякую речъ почынати. А поки жъ не обачымося же и душевне и тѣлесне, марне погибаемо, што все ласкаве мудрому хрестіянскому баченью вашое милости поручывшы, себе зъ уставичными поволностями нашими въ ласку вашое милости залецаемъ въ Кіевѣ 1621.

7. Семая: змилуйтеся о свободѣ зневоленыхъ братьи нашыхъ и церквей православныхъ ве Львовѣ, въ Перемыш-

лю, у Берестью, у Вильни, у Могилевѣ и по всемъ королевствѣ подъ королемъ Польскимъ, рачте ваша милость хрестіянско обмышляти. Мы черезъ своихъ пословъ неколи ничого не довѣдаемо ся, которихъ до короля альбо до гетмана посылаемо, бо Ляхове давно больше похлѣбствомъ и хитростью, а нижли моцью завше звыкли насъ простыхъ поробляти, посломъ нашымъ въ тыхъ тамъ краяхъ и простеретися не дадуть ледачимъ замыдляючи очы, што Ляхи давно умѣють у Могилевѣ килка мѣщанъ за вѣру на горло посажоно, отъ которихъ панъ канцлеръ Литовскій шесть тысячей червоныхъ хочеть, если хотять быти вольными а иншыхъ вѣдь и выличити трудно всюды.

8. О Митрополиту православномъ и о церкви Софіи светое старайтеся, абы подъ благословеніемъ Патріаршимъ быти могъ и церковъ Софейскую, якъ обыдралъ панъ Садковскій, напоменуть его, абы и накрилъ хотя соломою, жебы ей гнити не давалъ, олово обобралъ и продалъ а тресками накрилъ умыслне, абы се обалити, якъ и иншые муры поваляли́ся, маетностей церковныхъ ужываеть, а церкви гніючы пустують, добро бы ему зганити тое иле подъ той часъ отъѣзду своего, абы надалѣй паметалъ и старался о поправу ее пильнѣйшей. Товариство войска его королевское милости Запорозского, обыватели Кіевскіе, повольные подножки вашы.

Пане гетмане добро бы, жебы то было на памети вашей милости, жебы и въ радѣ войсковой чытатися могло, если ласка хрестіянская вашей милости будеть.

Хранится тамъ же.

91.

1624 г. Марта 5. Грамота Сигизмунда III подкоморію Христофору Корсаку, судьѣ Александру Тишкевичу и писарю Михаилу Тишкевичу, данная по жалобѣ Полотскаго Архіепископа Антонія Селявы о немедленномъ рѣшеніи спора объ имѣніяхъ, присвоенныхъ различными лицами отъ Полотской Архіепископіи.

Жыкгимонтъ третій, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Ифлянтскій а Шведскій, Кготскій, Вандальскій дѣдичный король. Урожонымъ Крыштофу Корсаку, подкоморому, Александру Тишкевичу, судьи, а Михалу Тишкевичу, писару, урядникомъ нашымъ земскимъ воеводства Полоцкого, уроженые и вѣрне намъ милые, ласку нашу господарскую. Прекладалъ передъ нами въ Бозѣ велебный отецъ Антонъ Селява, архіепископъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій, ижъ дей нѣкоторые особы, земяне нашы, обыватели того воеводства Полоцкого, держачи о границу маетности свое зъ имѣньями церквей розныхъ архіепископіи Полоцкое подаванья нашого, еще передъ наступеніемъ его на тую архіепископію Полоцкую, разными часы, черезъ границу стародавную немало кгрунтовъ церковныхъ пашныхъ, пущъ, озеръ, рѣкъ и иншыхъ всякихъ пожитковъ ку имѣньямъ своимъ позабирали и собѣ привлащыли. По которыхъ особъ мы, господаръ, яко зверхный подавца и оборонца церквей Божыхъ и добръ, до ниҳъ належачыхъ, позвы мандаты нашы отцу архіепископу съ кан-

целярыи нашое выдати есмо велѣли. И кгды онъ обжалованыхъ передъ насъ, господара, спозываеть, а они бы, не хотечи зъ нимъ въ дальшый поступокъ правный удати се, тамъ заразомъ о тые споры и розницы межи ними на узнанье коммисаровъ нашыхъ доброволне пустили; тогды хочемъ мѣти по вѣрностяхъ вашихъ, абы есте, за принесеньемъ до васъ сего листу нашого отъ отца архіепископа, на каждую таковую справу зъ раменя нашого зъѣхавшы, того пилно досмотрѣли, о розсудокъ свой межы спорными сторонами учинили и окграничили. А гдѣ бы который зъ вѣрностей вашыхъ, маючи якую недоспѣшность, на который рокъ на комисью прибыть не могли; тогды тые, або который одинъ зъ вѣрностей вашыхъ прибудеть, тотъ таковую справу межи сторонами кончити моцъ мѣти будеть. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божого Нароженья тисеча шесть сотъ двадцать четвертого, мѣсеца Марца пятого дня. У того листу комисыйного печать его королевское милости великого князства Литовского меншье канцелярыи, а подпись руки его королевское милости и писарское тыми словы: Sigismundus rex. Янъ Соколинскій, писаръ великого князства Литовского.

Печатанъ по выписи Полотскаго земскаго суда, скрѣпленной двумя печатями и подписью Михала Тышкевича, писаря земскаго Полотскаго. Писанъ на листѣ. Ветхъ.

92.

1628 г. Марта 15. Грамота князя Константина Полубенскаго православнымъ жителямъ Глуска о построеніи церкви Богоявленія.

Константинъ Полубенскій, каштелянъ Мстиславскій.

Видечы я быть частые бунты и розрухи въ мѣстѣ моемъ Глуску Дубровичскомъ, за чымъ ми се спустошенье стало въ маетности для вѣры Греческое, же имъ дотуль боронилъ зверхности митрополита Кіевского и церкви имъ не позволялъ, хотечы оныхъ прывести прозбою и грозбою до уніи. А не могучы ихъ до того прытянуть, позваляю имъ церковь одну заложенья Богоявленья и одъ того часу обѣцую имъ жадное перешкоды въ томъ не чынить, а ни потомкомъ, варуючи еднакъ межы ними, жебы якъ попы межы собою, такъ тежъ и мѣщане въ томъ покой заховали подъ виною на мене самого и караньемъ. Вольно будеть кождому зъ ихъ до которое хочеть церкви ходить. Священникъ свершоны маеть быти до тое церкви одъ митрополита Кіевского и зъ благословенства патріархы Константынопольского. А передъ выѣжджымы митрополита уніованого тотъ священникъ становити се не маеть. И кгды вжо въ Глуску мѣстѣ моемъ мѣщане священника до тое церкви мѣти будуть, передъ мене самого ставити мають для потверженья; которому доходъ здавна належачы одъ мѣщанъ и подданыхъ моихъ доходить маеть. А попы, якъ унитове, такъ попъ тамтое церкви до того ихъ кгвалтомъ примушать не мають и могчы не будуть, але каждый на своемъ переставать маеть. На которую церковь фундацыя въ селѣ Рудиновичахъ служебъ двѣ безъ под-

даныхъ и мѣсто Глускъ огуломъ, аператы належачые до тое церкви на особливымъ реестрѣ списано и съ подписомъ руки моее дано. И на томъ далъ сесь мой листъ съ печатью моею и съ подписомъ руки моее. Писанъ у Глуску, мѣсеца Марца петнадцатого дня, року тысеча шестьсотъ двадцать осмого. Konstanty Polubieński, kasztelan Mscislawsky swą ręką.

Внизу видны три печати: одна оттиснутая на бумагѣ и двѣ сургучевыя. Писанъ на поллистѣ и подклеенъ другимъ поллистомъ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки. Найденъ Попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа Ив. П. Корниловымъ въ поѣздку по Могилевской губерніи въ 1866 году.

93.

1628 г. Ноября 22. Королевскій позывъ, за подписью маршалка, къ суду Ярошa Семеновича Терлецкаго за захваченные имъ документы, принадлежащіе Луцкой Епископіи.

Жикгимонтъ третій, Божiю милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифляндскій.

Тобѣ, урожоному Ярошови Семеновичови Терлецкому, зъ особы твоее властное и зо всѣхъ добръ твоихъ лежачихъ и рухомыхъ, росказуемо, абысь передъ нами и судомъ нашимъ королевскимъ у Варшави, альбо тамъ, гдѣ на тотъ часъ зъ дворомъ нашимъ щасливе постановлени будемо, одъ поданья альбо положенья вѣрности твоей сего позву мандату нашого за недѣль осмъ самъ обличне и завите сталъ, на жалобу и правное попиранье инстикгатора нашого и его деляторовъ, велебныхъ отцовъ, Исакія Вичинского, Ѳеодора Троецкого и всее капитулы клирошанъ церкви соборное Луцкое, Светого Іоана Богослова, въ замку нашомъ вышшемъ будучихъ, яко потомковъ и дѣдичовъ легитимосъ (*) добръ церковныхъ, до епископіи Луцкое належачихъ, которые съ притомностію епископа теперешнего, велебного въ Бозѣ отца Іеремея Почиповского, владыки Луцкого а Острозкого, прихиляючисе до протестаціи своее въ кгродѣ Луцкомъ противко вѣрности твоей въ року тисеча шестьсотъ семомъ учиненой, и до тестаменту зошлого Кирила Терлецкого, епископа Луцкого и Острозкого, въ року тисеча шестьсотъ семомъ учиненого, такъ тежъ и до декрету нашого задворного, въ року прошломъ тисеча пятьсотъ деветдесятъ девятомъ, межи зошлымъ Кириломъ Терлецкимъ, владыкою Луцкимъ поводомъ, а Гуриномъ Форсомъ, войтомъ Пинскимъ, Григоріемъ Крупою, и иншыми мѣщаны Пинскими позваными ферованого, въ которомъ декретѣ сальва (*) зоставлено, съ кождымъ у кого бы кольвекъ права, привилея и вшелякіе справы, владыцству Луцкому належачіе, показали,

(*) legitimos—законныхъ.

(*) salva (melioratione)—съ дозволеніемъ поправки или исправленія.

правне поступить. Прихиляючися теды поводове до вышменованое протестаціи тестаменту и декрету нашого задворного вѣрность твою позывають о то, ижъ кгды еще зошлый Кирилъ Терлецкій, епископъ Луцкій и Острозкій, братъ твой рожоный, давно за живота своего, а то въ року прошломъ тисеча шестьсотъ пятомъ, за радою и помочью твоею, не вѣдомо для якое причины, зъ церкве нашое Луцкое соборное и зъ схованья безпечного права, привилея, фундуши, одъ перших ихъ милостей королей Польскихъ и одъ князей на церковь соборную Луцкую наданые, листы и твердости граничные, процеса, переводы правные и иншіе справы многіе, такъ церкви соборной Луцкой на розные села и маетности служачіе, яко и нѣкоторые привилея отъ продковъ нашихъ и одъ насъ самыхъ духовенству Греческому належачіе, побравши, и въ скрини повкладавши до маетностей и имѣней твоихъ до Пирковичъ и Рѣчицы вывезъ и выпровадилъ и до власныхъ рукъ вѣрности твоей и схованья оддалъ. То есть: привилей фундушъ князя великого Литовского Любората, наданье до епископіи Луцкое добръ Рожищъ зъ приселки, зъ описаньемъ въ томъ привилею границъ. Привилей на церковь соборную Луцкую и на дворъ при той церкви, въ замку нашомъ вышшомъ Луцкомъ будучихъ. Привилей на половицу Кольчина и на семь дворищъ въ Жидичинѣ и на Липляны; при томъ справы и листы старые граничные, до Кольчина належачіе. Привилей на Теремное, и листы старые граничные. Привилей старый на добра Полоную и приселки, до того належачіе: Гомешево, Островокъ, также и вся справа, листы граничные зъ сусѣды обапольными. Привилей старый на Водирады, Терпки, Сядмарки и всѣ справы старые, граничные зъ околичными сусѣдами. Привилей старый на Жабче, Колодези, Губичъ, и листы граничные одъ Буремля, Смыкова, Липое, Нового-Ставу, Голятина, Новоселокъ, Угринова, Шклевеня, Городища. Привилей старый, наданье вѣчными часы на епископію Луцкую: села Будорожа подъ Острогомъ, зъ дворищами любо селищами, пущею Пинчемъ, Сочивеками, Мезочемъ Великимъ, Мезочемъ Малымъ, Барщовкою, также и на дворъ въ замку Острозкомъ Окольномъ, и листы старые граничные одъ Глухъ и маетностей княжатъ Острозкихъ, одъ Острога и Дубна. Привилей на Хрылево, и листы граничные и вся справа съ паномъ Мышкою Варковскимъ, каштеляномъ Волынскимъ. Привилей на село Клюки, и листы граничные, справа на плацъ и листы комисарскіе и листы граничные и всѣ доводы на тую половицу одъ Свищева и Дорогостя. Справа на Медковъ противъ княжатъ Чорторыскихъ о имѣніе церковное. Привилей и вся справа на добра Фалимичи и приселки къ нему належачіе. Привилей короля Генрика, потверженіе замѣны Харлупа съ приселками маетности церковное, на Фалимичи зъ княжатемъ Радивиломъ, и листы старые на Василевщину, и вся справа граничная одъ сусѣдъ околичныхъ. Привилей на домъ Кгерецковскій въ мѣстѣ Луцкомъ. Привилей на мѣсце першое владыцѣ Луцкому надъ архіепископа Полоцкого, и листъ патріаршій. Привилей на епископство, и листъ патріаршій. Привилей на мыто Рожысцкое. Привилей короля его милости Владислава на зъедноченіе религіи Грецкое зъ Рымскою, всему духовенству Греческому даный. Привилей короля его милости першого Жикгимонта на справы духовные даный. Привилей короля его милости Сте-

фана на вольности, духовенству даный. Привилей попомъ релѣи Руское даный, то есть фундушъ самымъ духовнымъ, при церквяхъ катедральныхъ мѣшкаючимъ, абы по смерти епископовъ своихъ, яко дѣдичи, добра церковные заѣзджали, а не старостове альбо подскарбіи. Привилей епископомъ реліи Руское даный на розные петитувъ пункта. Справа съ паномъ Маркомъ Жоравницкимъ, и судъ полюбовный о Жабче, Колодези и Губинъ. Справа о Фалимичи зъ Броневскимъ. Справа зъ Кгижевскимъ. Справа зъ Тиминскимъ. Справа зъ Хорковскимъ. Справа на домъ въ Луцку Кгерецковскій. Справа зъ паномъ Өедоромъ Загоровскимъ о Василевщину Володимера. Справа зъ владыкою Львовскимъ, мемрамы, реестра, артыкулы. Справа о Мезочъ, маетность церковную. Листъ княжати Острозкого Костентина, воеводы Кіевского, даный на монастырь Светого Спаса подъ Луцкомъ на Черничахъ. Квиты поборовые за увесь часъ плаченья зо всѣхъ маетностей владыцства Луцкого, при томъ мемрамы духовные одъ пети епископовъ на зъедноченіе церкви Руское съ костеломъ Римскимъ, запечатаные и подписаные, и артыкулы, списаные на унѣю. Листы и привилея патріаршескіе и справы судовые, епископови Луцкому належачіе, и иншихъ листовъ и справъ немало. До которыхъ то усѣхъ правъ, привилеевъ, фундушовъ, листовъ граничныхъ, процесовъ и переводовъ правныхъ верненья, и штокольвекъ титулови церкви Луцкое соборной, капитулѣ и епископови належить, зошлый епископъ Луцкій и Острозкій Кирилъ Терлецкій, братъ вѣрности твоей роженый, будучи близкій смерти, а почуваючися въ повинности своей, абы церковь Божая жадное шкоды и ущербку за поданьемъ тыхъ справъ не однесла, вѣрность твою тестаментомъ своимъ обовезалъ и росказалъ, до которого то рукъ, яко власного потомка, зъ маетностями зошлого Кирила Терлецкого досталисе. На который тестаментъ зошлого епископа Луцкого, вѣрность твоя ничого недбаючи, на слушность поглядаючися, але еще умыслне зычачи церкви Божой, шкоды и утраты, оные права, привилея и иншые справы, вышъ менованые, зъ маетностями владычими побравши поводомъ за частымъ се у вѣрности твоей упоминаньемъ неоддаешь и обѣтницами одданья тыхъ речей часъ одъ часу одкладаючи, и поводовъ уводечи, оддати нехочешъ, и одъ насъ самыхъ презъ листы наши до одданья тыхъ речей будучи насъ помененый, ничого недбаешъ, ку великой крывдѣ Божой и знищенью хвалы Его Святое и немалой шкодѣ церкви Луцкое, што вѣрности твоей на терминѣ ширей и доскональей во всемъ словы и выведено и показано будеть, которыхъ шкодъ за неодданьемъ правъ привилеевъ, фундушовъ и иншыхъ, менують собѣ быти поводове на двѣстѣ тисечей золотыхъ польскихъ. Про то абысь вѣрность твоя на року вышъ менованомъ сталъ, помененые справы вернулъ, шкоды въ позвѣ ошацованые нагородилъ, и на все штокольвекъ одъ поводовъ часу права вѣрности твоей оказано и вывожено будеть, судовне одповѣдалъ и во всемъ се доскональе усправедливилъ. Писанъ у Варшавѣ, року Божого Нароженья тисеча шестьсотъ двадцатъ осмого, мѣсеца Ноября двадцать второго дня. Маршалокъ Тризна, писаръ.

Подлинный документъ находится въ Политическомъ Отдѣленіи канцеляріи Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго Края. Изъ бумагъ Терлецкаго.

94.

1633 г. Іюля 6. Заявленіе подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго о томъ, что, при нападеніи на Полоцкъ Московскаго войска, нѣкоторые Полоцкіе мѣщане не хотѣли ни укрѣплять замка, ни переселиться въ него изъ посада.

Оповѣданье его милости пана Яна Лисовского, подвоеводего Полоцкого, на нѣкоторыхъ мѣщанъ Полоцкихъ о бунтъ.

При бытности его милости пана Яна Лисовского, лянтвойта Полоцкого, отъ ясновельможного пана его милости пана Януша Кишки съ-Техановца, воеводы и войта Полоцкого, старосты Перновского, будучимъ, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучими, постановивши се очевисто его милость панъ Янъ Лисовскій, ротмистръ его королевской милости и подвоеводій Полоцкій, оповѣдалъ то. Донеслемъ дей словне былъ протестацію мою передъ паномъ Яномъ Харминскимъ, лянтвойтомъ зошлымъ Полоцкимъ, и передъ славетнымъ паномъ Константыномъ Стефановичомъ, бурмистромъ, при бытности вашихъ милостей теперешнихъ всихъ особъ иншихъ въ ратушу Полоцкомъ, первѣй сего, а меновите въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ тридцать третемъ, мѣсеца Іюня одинадцатого дня, на нѣкоторыхъ особъ, мѣщанъ Полоцкихъ, въ рѣчи барзо вельце его королевской милости, пану нашому милостивому, и всей речи посполитой шкодливой, которую то речъ они мѣщане Полоцкіе, въ тотъ часъ и того жъ дня, при бытности моей и при обецности вашихъ милостей всихъ на ратушу, пополнили, а меновите: кгдымъ вашимъ милостямъ всимъ прекладалъ о небезпечности великой отъ Московского войска, которое несподѣване и нагле чатою*) мѣло наступовать на замокъ и мѣсто Полоцкое, на тыдень одинъ его милости пана Александра Висковского, ротмистра козацкого нашого повятового, которому вжо служба вышла была, зе стемъ кони затягнули; а другое, абы якую колвекъ для обороны мѣста своего вѣжу на рогу отъ Полоты, на замку нижнемъ, збудовали, або хоть дерева на тую вѣжу дали; я своимъ коштомъ будовати хотѣлъ; третее, ижъ бы Заполочаномъ до замку вышнего знести се позволили и розказали, на што вашмости всимъ маистратомъ готови то были учинить. Лечь нѣкоторыя особы зъ мѣщанъ поспольства Полоцкого, прышодши въ тотже часъ на ратушъ, чого предъ тымъ николи не бывало, написавши обмову свою на писмѣ до насъ, на столъ на ратушу подали, не хотечи тому всему досыть чынить и подлегать, а меновите: яко дей жолнеровъ пана Висковского затягать и въ замку нижнемъ жадное вѣжи будовать и дерева на вѣжу не дать, такъ и Заполочаномъ до замку се вышнего зносить не позволили и, противъ того нашого сполного выналязку ку оборонѣ, протестовали се и розными окриками, галасами мене въ ратушу опрымовали, обѣцуючи складать по шелегу на знесенье мене подвоеводего. Которую то ихъ на онъ часъ поданую обмову при томъ

---

*) чата—развѣдка, подыскъ, соглядатайство. Linde 1854 т. 1.

же въ тотъ часъ будучій енералъ воеводства Полоцкого Янъ Пневскій рукою своею подписалъ, а панъ Янъ Харминскій, на онъ часъ будучій лянтвойтъ, тую обмову до себе взялъ, которая не вѣдать гдѣ згинула въ тотъ часъ. Коли его пана Харминского забито, або живцомъ взято, теды подвоеддій, будучи отъ тыхъ особъ мѣщанъ Полоцкихъ и отъ грубого поспольства за ихъ побудкою отъ нихъ же опрымованый въ великомъ тумултѣ и въ галасахъ, а видечи знатное ихъ непослушенство противко зверхности и урадови своему, и не мнѣй ижъ незычливость противко королеви его милости, пану нашому милостивому, отъ нихъ се показовала, бо жаднымъ способомъ до обороны и до сторожи, въ поготовю до намнѣйшего послушенства се не мѣли. О то все, на онъ часъ одходечи зъ ратуша, въ голосъ на нихъ словную протестацію, которую далемъ писарови мѣскому Полоцкому пану Яну Дягилевичу до книгъ записать, што онъ заразъ и записалъ. Ямъ ему мѣлъ подать до книги имена тыхъ всихъ мѣщанъ Полоцкихъ, непослушныхъ, бунтовниковъ противко его королевской милости пану нашому милостивому и урадови; а въ томъ часѣ ижъ людъ непріятельскій Московскій сего жъ року тысеча шесть сотъ тридцать третего, мѣсеца Іюня, зъ дванадцатаго дня на тринадцатый день, въ ночи, нападши чатою, все мѣсто Полоцкое и Заполотье сплюндровало и попалило. За чимъ якъ лянтвойта, такъ бурмистра и иншыхъ много добрыхъ колекговъ въ мѣстѣ позабивали, а иншихъ въ полонъ живыхъ побрано, также и замокъ вышній ледво се одержалъ. За чымъ и тая моя протестація, зъ выписаньемъ именовъ бунтовниковъ мѣщанъ Полоцкихъ, до данья до книгъ ажъ и до сего часу зволокло се. Теперь теды видечи я подвоеводій, же тамтые ихъ на онъ часъ въ ратушу за непослушенствомъ пры мнѣ учиненые бунты, презъ непріятеля надъ Полоцкомъ скутокъ свой взяли, што не презъ кого се стало, одно презъ тыхъ особъ мѣщанъ Полоцкихъ, которыхъ теперь именно на письмѣ подаю, напродъ: Иванъ Харкевичь и сынъ его Василей, Иванъ Куцокъ, Спиридъ Батечко, Олексѣй Баярчонокъ, Иванъ и Василей Микуличи, Иванъ Паплѣшичь, Гаврыло Онукъ, Кгабріель Лакгодный, Василей Крывуша, Иванъ Семеновичь, Маркъ Янъ Клишицъ, Александеръ Савичь, Гарасимъ Скабичь. Которые то особы, будучи сами на онъ часъ напреднѣйшими въ ратушу герштами (*) до бунтовъ, иншихъ съ поспольства побужали и подбурали. За которымъ ихъ таковымъ подбуреньемъ до непослушенства ажъ се таковое сплюндрованье мѣсту Полоцкому, затымъ и немалая шкода его королевской милости, пану нашому милостивому и всей речи посполитой стала. Сее оповѣданье, на тыхъ помененыхъ особъ, до враду мѣского ратушного на письмѣ подавшы, помененый его милость панъ подвоеводій просилъ, абы было записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотскаго Магистрата за 1663 г., стр. 29. Хранится въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ. Сообщенъ Начальникомъ Архива А. М. Сазоновымъ.

(*) герштъ—коноводъ, зачинщикъ.

95.

1633 г. Августа 8. Королевская грамота жителямъ г. Полотска о томъ, чтобы они снова занимали въ Полотскѣ тѣ земли, которыя были у нихъ до нападенія Московскаго войска.

Władysław czwarty, z łaski Bożey król Polski, wielkie książe Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmuidskie, Mazowieckie, Inflanskie a Szwecky, Godski, Wandalski dziedziczny król, obrany wielki Car Moskiewski. Wszem wobec y każdemu zosobna a mianowicie miesczanom, przedmiesczanom y ynszym obywatelom miasta naszego Połocka oznaymuiemy. Mamy te wiadomosc, yż sie, po pogorzeniu przez ogien nieprziacielski, z miasta rozchodzicie y na ynsze mieysca przenosicie, miasto pustkami zostawując y mieysca tamto, na które ma nieprzyiaciel pilne oko ogołocając. Ażeby zatem nieprzyiaciel wienkszego serca nie brał y daley mieysca tego naizdzac nie ważył sie, rozkazuiemy wam i koniecznie to mieć chcąc, abyscie sie nazad do miasta powracali, w nim sie znowu fundowali y spolnie bezpeczenstwa miasta nie roschodząc sie przestrzegali. Gdyż jesliby sie ktorzy z was wrocić nie chcieli, przyszłoby nam te pliacy y grunta ynszym osobom porozdawać, ynaczey tedy nieuczynicie dla łaski naszey. Ktory uniwersał chcemy aby był po tamtych mieyscach publikowany. Dan w Borysowie, dnia VIII mca Sierpnia, roku Panskiego tysiąc szescsetnego trzydziestego trzeciego, panowania królestw naszych polskiego pierwszego, szwedskiego wtorego. U tego listu pieczenc krolia jegomosci przycisniona a podpis ręki iego krolewski mosci tymi słowy: Wladislaus Rex.

Изъ книги Полотскаго Магистрата за 1633 г., стр. 80. Хранится тамъ же, сообщено тѣмъ же.

Владиславъ IV-й, Божіею милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій и Инфляндскій, наслѣдственный король Шведскій, Готскій и Вандальскій и выбранный великій царь Московскій. Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому порознь, и въ особенности жителямъ нашего города Полотска, что, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, вслѣдствіе сожженія города непріятелемъ, многіе изъ него разбѣжались въ другія мѣста, а самый городъ пустыремъ оставили. Не желая же запустѣніемъ такого города, на который непріятель обращаетъ особенное вниманіе, придать послѣднему еще болѣе смѣлости и отваги къ дальнѣйшимъ нападеніямъ, повелѣваемъ и непремѣнно требуемъ, дабы всѣ снова возвратились въ городъ, въ немъ обстроивались и, не расходясь больше, заботились о городской безопасности. Если же кто изъ васъ не захочетъ вернуться въ городъ, тогда намъ придется плацы и земли, ему принадлежащія, здать другимъ лицамъ, но мы надѣемся, что вы не допустите до этого, благосклонности нашей ради. И требуемъ, чтобы универсалъ этотъ былъ опубликованъ повсюду. Данъ въ Борисовѣ, VIII числа мѣсяца Августа, въ лѣто Божіе 1633, царствованія нашего въ Польшѣ перваго, въ Швеціи втораго. А на листѣ томъ приложена печать его королевской милости и собственноручная подпись: Владиславъ король.

96.

1633 г. Октября 12. Заявленіе Полотскаго архіепископа Антонія Селявы о покушеніи на его жизнь нѣкоторыхъ Полотскихъ мѣщанъ.

Оповѣданье его милости въ Бозѣ велебного отца Антонего Селявы, архіепископа Полоцкого, на Ивана Филиповича, Ходыка Микулича и Стешки Золозича.

Пры бытности его милости пана Яна Лисовского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючими, оповѣдалъ и обтежливе жаловалъ въ Бозѣ велебный его милость отецъ Антоній Селява, архіепископъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій о томъ, ижъ дей кгдымъ дня сегоднешнего, дванадцатого Октебра, о годинѣ, може быть, предъ полуднемъ осмой, ѣхалъ зъ замку Полоцкого зъ двора моего архіепископского рѣкою Двиною въ човноку къ монастыру Борисоглѣбскому; также нѣтъ вѣдома, хто съ Крывцова посаду зъ громады стоячого посполъства мѣщанъ Полоцкихъ зъ мушкету два разы окрутне выстрѣлилъ, съ которого выстрѣленья кули обѣдвѣ не далеко а праве мимо мене самого и челядки моее, въ томъ же чолнѣ при мнѣ будучее, летѣли. Которымъ пострѣломъ мало мене самого и чолядки моее не трафило. Што кгды скромно знесши пріѣхаломъ до помененого монастыра, тоже дей тогожъ дня, дванадцатого Октебра, надошодши надъ самый монастыръ Борысоглѣбскій, тры особы зъ мѣщанъ Полоцкихъ, меновите: Иванъ Филиповичь, Ходко Микуличь и Стешко Залозичь, чинечи тымъ барзей наболъшую зневагу и навеликое небезпеченство здоровья моего и челядки моее, подъ самымъ монастыромъ у воротъ кминтаровыхъ, учынивши якись непотребный крыкъ, повтурне зъ мушкетовъ стрѣляли. О чомъ кгды довѣдѣти ся казаломъ, хто бы былъ и по што прышолъ и для чего бы подъ монастыромъ стрѣльбу такую чынилъ, ино они помененые особы выростка моего, отъ мене посланого для вѣдомости, Езефа Ушацкого, бить хотѣли и до него зъ мушкету вымѣраючи, словами ущипливыми мене самого лжить почели. Ино дей вже въ тотъ часъ иншая челядка моя, ратуючи отъ нихъ того выростка моего, самыхъ, яко кгвалтовниковъ и взрушителей покою посполитого, улапили. И за прыведеньемъ ихъ до мене въ монастырь пыталомъ у нихъ, што бы то за прычина была, же первѣй въ чолнѣ ѣдучему мнѣ, а потомъ и тутъ подъ монастыромъ, стрѣльбу ку небезпеченству здоровья моего чынили. А помененые особы: Иванъ Филиповичь, Ходко Микуличь и Стешко Залозичь и передо мною самымъ, зъ зухвальства, слова брыдкія кгды мовить и волать почели. Ино я, заховуючы се водлугъ науки правное, тыхъ всихъ людей трохъ особъ, яко кгвалтовниковъ и взрушителей покою посполитого, засегнувши енерала и вознаго воеводства Полоцкого и сторону двухъ шляхтичовъ: пана Северина Станского и пана Яна Дмитровского, пры двухъ слугахъ своихъ: Яну Ейсымонтѣ и Яну Шпаку, также и пры слузѣ замковомъ Тиляновичомъ, яко надъ часъ отправованья роковъ теперешнихъ Михаловскихъ, посламомъ ихъ былъ того жъ дня до

росправы до везенья до замку на врадъ кгродскій Полоцкій. Которыхъ кгды, одъ устья рѣки Бѣлчицы въ чолнѣ за рѣку Двину перевезли, ино мѣщане Полоцкіе на имя: Иванъ Рабецъ, Ананія Гарасимовичь, Семенъ Горунко, Васко Шапошниковичь, Стешко Дащонокъ, Гаврыло Дроничъ, Өедоръ Пупшынъ, также и мѣщане слободскіе: Данило Заговаленокъ, Андрей Войненкопъ, Юрко Выдронекъ, побунтовавши посполъство, такъ зъ мѣщанъ Полоцкихъ и Кривцева посаду, яко и съ тое слободки замковое, которыхъ личба не малая была, учинивши великій бунтъ и окрыкъ, тыхъ кгвалтовниковъ вышей помененыхъ трохъ особъ на берегу рѣки Двины, за острогомъ, отняли и отбили и на урядъ кгродскій до замку не допустили. А мало на томъ маючи и за тыми слугами моими: Яномъ Ейсымонтомъ и Яномъ Шпакомъ, хотѣли ихъ бити, деспектовати, або подобно и на смерть позабіяти гонили, которыхъ бы нѣкоторые люди отъ того тумульту не ратовали, бы ихъ вжо въ самомъ мѣстѣ Полоцкомъ на смерть окрутне позабіяли, гдѣ дей, самого лаючи, отповѣди на здоровье мое чинили. О што все такъ съ тыми особами, кгвалтовниками отбитыми, яко и съ тыми вжо помочниками особами, которые, тумултъ учинивши, кгвалтовниковъ и взрушителей покою посполитого отдали, о што у кождого суду, гдѣ се хто покажеть, и до которого гдѣ одно приступъ мѣти буду, правомъ чинити готовъ естемъ. А немнѣй и то въ жалобѣ моей оповѣдаю и доношу, ижъ дей дошла мене о томъ вѣдомость, же тое бунтованье поспольства стало се, за пріѣханьемъ зъ Вильна тутъ до Полоцка Стефана Аѳанасовича, который, яко передъ тымъ все поспольство Полоцкое противо мене, архіепископу, отводечи отъ послушенства моего, бунтовалъ, такъ и теперь бунтовать не переставаеть, и, учинивши змову зъ нѣкоторыми мѣщаны Полоцкими, то есть: съ Карпомъ Оспанкою, зъ Гришкомъ Шапочникомъ и съ тыми вжо всими вышей обжаловаными, яко бы мене, архіепископа, съ того свѣта могли згладити, розныхъ способовъ заживаючи, розныхъ особъ собѣ въ томъ на здоровье направуючи. Што все и теперь отъ тыхъ трохъ особъ, зась отъ того Стефана и его помочниковъ мнѣ стало се. Чому всему забѣгаючи, абы здоровья своего на кождомъ мѣстцу и кождого часу, за пріѣханьемъ и подбунтованьемъ того Стефана Аѳанасовича и его помочниковъ, такъ вжо и отъ всихъ мѣщанъ Полоцкихъ не будучи безпеченъ, просилъ его милость, отецъ архіепископъ Полоцкій, ижъ бы тое его милости оповѣданье до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ было записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотскаго Магистрата за 1633 г. стр. 121. Хранится тамъ же, сообщено тѣмъ же.

97.

1633 г. Ноября 23. Подтвердительная королевская грамота Полотскимъ обывателямъ о томъ, чтобы они поселились въ этомъ городѣ.

Władysław czwarty, z łaski Bożey król Polski, wielkie książe Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmoickie, Mazowieckie, Inflantskie, Szwedzki, Gotski, Wandalski dziedzyczny król, obrany wielki Car Moskiewski. Sławetnym burmistrom, raycom, ławnikom y wszystkim mieszczanom miasta naszego Połocka, wiernie nam miłym, łaskę naszą krolewską. Sławetni, wiernie nam miły. Mamy te wiadomosc, że wiernosc wasza po zapaleniu przez nieprzyaciela miasta naszego Połocka na placach swych budować sie nie chcecie, ale to miestce y fortece pograniczne opusciwszy, niektórzy do miast na ten czas w ręku nieprzyacielskich będących z maietnosciami swemi sie wyprowadzacie y osiadłosci przymuiecie, co iż nas nie pomało obchodzi, napominamy y surowie rozkazuiemy, abyscie mieystca tego, na którym nam y RPltey wiele należy, nieodbiegając na placach sie swoych budowali, a do miast sie, w ręku nieprzyacielskich na ten czas będących, sub confiscatione bonorum wynosić nie ważyli sie. Dan w obozie na Bogdanowey okolicy, dnia siodmego mca Listopada, anno tysiąc szescset trzydziestego trzeciego, panowania krolestw naszych Polskiego pierwszego, a Szwedzkiego wtorego roku. Władysław Rex. Marcyan Tryzna, referendarz y pisarz W. X. L.

Изъ книги Полотскаго Магистрата за 1633 г., стр. 151—2. Хранится тамъ же. Сообщено тѣмъ же.

Владиславъ IV, Божіею милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Пруской, Жмудскій, Мазовецкій и Инфляндскій, наслѣдственный король Шведскій, Готскій и Вандальскій и выбранный великій царь Московскій. Милость нашу королевскую объявляемъ славнымъ, вѣрнымъ и намъ милымъ бургомистрамъ, райцамъ, лавникамъ и всѣмъ мѣщанамъ города нашего Полотска. Славные, и постоянно намъ любезные. Дошли до насъ вѣсти, что вы, по сожженіи непріятелемъ города нашего Полотска, не только не хотите отстраиваться на прежнихъ своихъ мѣстахъ, но и самый городъ и пограничныя крѣпости покинувши, переходите со всѣмъ своимъ имуществомъ въ мѣста, на время въ рукахъ непріятеля находящіяся, и тамъ водворяетесь, что намъ не малую заботу причиняетъ. По сему напоминаемъ вамъ и строго приказываемъ, дабы не кидали этого города, для насъ и Рѣчи Посполитой столь важнаго, а старались бы опять на прежнихъ плацахъ своихъ строиться. Переходъ же въ города, занятые непріятелемъ, воспрещаемъ подъ опасеніемъ конфискаціи имуществъ. Данъ въ лагерѣ на Богдановой околицѣ, 7 числа мѣсяца Ноября, 1633 г., царствованія нашего въ королевствѣ Польскомъ перваго, въ Шведскомъ втораго. Владиславъ король. Мартынъ Тризна, референдарій и писарь великаго княжества Литовскаго.

98.

1634 г. Генваря 1. Постановленіе Полотской ратуши объ арендѣ городскихъ доходовъ.

Аренда доходовъ мѣскихъ.

Бурмистры, райцы и лавники мѣста господарского Полоцкого, въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ тридцат четвертомъ справы въ ратушу Полоцкомъ отправуючіе, ознаймуемъ симъ нашимъ арендовнымъ листомъ, ижъ вѣдомостью всего посполства мѣщанъ Полоцкихъ, арендовалисмы мѣщаномъ тогожъ мѣста Полоцкого, словетнымъ пану Өедору Яковлевичу Ходыцѣ и пану Василью Ивановичу доходы мѣскіе, то есть лаштовое, року тисеча шестьсотъ тридцать третего хто бы зъ мѣщанъ Полоцкихъ не выдалъ и нагодъ теперешній тисеча шесть сотъ тридцат четвертый зуполне по собѣ идучій, за копъ дванадцать грошей Литовскихъ, а важчое на теперешній же годъ тисеча шесть сотъ тридцать четвертый за копъ тридцать пять грошей Литовскихъ, чого всего сумою учинить копъ сорокъ семъ грошей Литовскихъ. Которая аренда зачинаеть ся въ року теперешнемъ мѣсеца Генвара первого дня, то есть отъ нового лѣта свята католицкого, а кончить се маеть въ року, дасть Богъ, пришломъ тисеча шесть сотъ тридцат пятомъ мѣсеца Генвара первого дня, тежъ нового лѣта. Которую тую суму пенезей помененые особы и арендари до скрыни мѣское отдавати мають, на тры даты, то есть теперь заразъ копъ петнадцать дати мають, а въ день Светого Петра и Павла римского свята другую копъ петнадцать, а третюю и вжо остатнюю дату въ день Светого Михала таковогожъ римского свята, копъ семнадцать, не похибляючи кождое даты ничимъ, яко се вышей поменило, до скрынки мѣское платити мають. А гдѣ бы онъ панъ Өедоръ Ходыка и Василей Ивановичъ, водлугъ сего листу и постановенья нашого, заховати се не хотѣли, тыхъ грошей, на которомъ кольвекъ терминѣ и дню кождое даты, не отдали, теды безъ жадное зволоки и фольги вжо назавтрѣе, по оминенью дня и даты вышеописаное, до скрынки мѣское совито оддать а заплатить мають и повинни будуть. Въ которой то арендѣ имъ помененымъ арендаромъ, зъ лаштового зваги и зъ иншихъ доходовъ мѣскихъ, яко и передъ тымъ того бывало, въ семъ року тисеча шесть сотъ тридцать четвертомъ такій пожитокъ собѣ брати и оного пильновати мають: напродъ, важчого отъ пуда воску пенезей осмь, одъ берковиска пеньки грошы два Литовскихъ, отъ пуда меду пенеза два, отъ берковиска соли грошъ Литовскій, а отъ бочки пенезей осмь, отъ берковиска лою грошы два Литовскихъ, одъ пуда мѣди и одъ пуда цыны пенезей осмь, одъ кореня вшелякого такъ яко и одъ воску, што все по той цѣнѣ у своихъ мѣщанъ Полоцкихъ брати мають, а одъ гостей пріѣждчихъ совито, а надъ того жъ, который бы ѣхалъ до Риги стругомъ, ино ползолотого за притонъ ваги отъ струга брати мають. А еслибы важить, теды, водлугъ звычаю, отъ кождого берковиска, яко отъ гостя брати мають, отъ гостей зась, которые сухимъ путемъ до Полоцка пріѣздчати будуть, одъ коня и одъ самое особы на ночь и на день по пенезей осмь, а одъ имбару на недѣлю по грошей пяти и пенезей

шести брати мають, поводного отъ коней продаючихъ и купуючихъ зъ обѣихъ сторонъ по два осмаки, помѣру отъ бочки всякого збожа по два пенези, горѣлку ктобы кольвекъ везти въ дорогу гдѣ мѣлъ, теды отъ ста квартъ по два гроши Литовскихъ, у гостя прiѣждчаго до Полоцка одъ олею, одъ крупъ, одъ пшена, одъ маку, одъ ста квартъ по гроши два Литовскихъ брати мають, а лаштового съ кождого мѣха а одъ бочки соли такъ зъ Риги яко и зъ Вильни, хто бы проводилъ, по три пенези мають брати, въ которыхъ то доходахъ, хто бы кольвекъ спротивный будучи помененнымъ арендаромъ, тое повинности мѣское платити не хотѣлъ и потаемне што справовалъ або укрывалъ, теды кождый таковый, за слушнымъ доводомъ, вины копъ двадцать грошей Литовскихъ заплатити маеть, которое вины безъ отпуску половица на ратушъ, а половица имъ арендаромъ приходити маеть. Воскобойнею тыежъ арендары завѣдывати мають, въ которой жо хто безъ вѣдомости ихъ воску перебивати не маеть. На што тымъ помененымъ арендаромъ далисмо сесь нашъ листъ арендовный, съ печатью мѣскою радецкою, а съ подписомъ руки писара нашого Полоцкого. Который тотъ листъ и до книгъ мѣскихъ, для памети, вписати есмо велѣли. Писанъ у Полоцку. Року тисеча шесть сотъ тридцать четвертого, мѣсеца Генваря первого дня.

Изъ книги Полотской ратуши за 1634 года, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ. Доставлено тѣмъже.

99.

1634 г. Сентября 28. Рѣшеніе уніатскимъ духовнымъ судомъ несогласій между настоятелемъ Богоявленской Бѣльской церкви и ея прихожанами, вмѣстѣ съ ревизіей этой и Пречистенской церквей.

Захаріяшъ Аѳанасій Фурсъ, архипрезвитеръ и намѣстникъ всего епископства Володимерского и Брестского, Тимоѳей Симановичъ, архидіаконъ епископіи Володимерской и Брестской, Петръ Рогозницкій, номинатъ протопопіи Брестской.

Всимъ вобецъ и кождому зособна вшелякого стана духовного и свѣцкого людемъ, а наипаче презвитеромъ въ протопіи Бѣльской будучымъ, тудежъ славетнымъ паномъ мѣшчаномъ обоего враду радецкого и войтовского Бѣльскимъ, и всякимъ околичнымъ людемъ религіи Греческой въ едности святой зостаючыхъ, братіи о Христѣ возлюбленной мира, здравія отъ Христа Спасителя зычимъ. Мы особы вышейменованые и нижей руками своими подписаные ознаймуемо симъ писмомъ, ижъ мы, будучы зосланые отъ ясне превелебного его милости господина отца Іосифа, зъ Божое помочи и святой Апостольской ласки протоѳронія Кіевского, епископа Володимерского и Брестского, милостивого пана и пастыра, до мѣста Бѣльска на угамованіе неснасокъ великихъ завзятостей отъ сколько лѣтъ между пречестнымъ отцемъ Ѳеодоромъ Яковичомъ протопопою Бѣльскимъ, презвитеромъ Богоявленскимъ соборнымъ зъ одной, а

другой стороны между старшыми братства Богоявленского, сирѣчъ: паномъ Грыгорымъ Кобзою, Савою Гливкою и Германомъ Хомиковичемъ, которые, предъ нами станувшы, вносили скаргу на отца протопопа, же ихъ розне аккгравуеть такъ словами частокротъ, яко тежъ правомъ невинне турбуеть, ово зго́ла ни въ чомъ ихъ, яко старшыхъ ктиторовъ и дозорцовъ шпитальныхъ, не поважаеть, лечъ мней важачы права и потверженья ихъ милостей епископскіе и декрета поспонуѣтъ, въ которыхъ южъ все доскональе обваровано есть, яко то: книги, аппарата,ココсребро въ чыемъ дозорѣ и ключами въ скарбницѣ зоставать маеть, чого регестра аппробоване святой памети епископа Потея судовне доводыли, болше тежъ отца протопопы терпѣти не хотячы, овшемъ абыся отъ церкве пренеслъ и оной резекгновалъ, нижели зъ нимъ уставичную трудность иварколъ чынить домовлялися, обѣцуючы годную особу становити до посвяшченья на тое мѣстце, которая зможеть Богу хвалу промововати и парафіяномъ належыте услужыти. На которую мову и доводъ взаемне отецъ Ѳеодоръ протопопа слезне отповѣдаеть, ижъ помененые панове коляторове и дозорцы шпиталя Богоявленского невинне его помовляють, о належитости церковные, о держанье ключа у себе отъ скарбницы, никгды отъ кильку лѣтъ не мѣлъ, которого сами держать, а другіи у панамара зостаеть, за чимъ напасть зволокають, самы тежъ только фарбу уніи святой по собѣ показуючы, вси поступки старо-Греческіе заховують, за епископа своего кгды ектенья отправуется, смѣхъ чынять, ощо кгды ся умовляеть и научаеть, теды плюють и словами прыкрыми зневажають, про то большъ терпѣти немогечы, доброволне самъ уступить отъ церкве позволилъ, оразъ и ключы положылъ предъ нами. Только за резыкгнацыю и прыбудова́нье сво́ихъ выкладовъ, огульне на золотыхъ пять сотъ, абы вернули акторове, просилъ и домовлялся, самъ тежъ инвестіованый будучы ко храму Рождества Пресвятыя Владычыцы нашея Богородыцы отъ его пастырской милости за презентою короля его милости, намъ на сей часъ счасливе панующего, до которой то церкви увязанье поссесіи и интродукованья отъ насъ просилъ. А по оныхъ словахъ ставшы вси панове ктиторове старшые и молодшые протестовали ся, же якъ набоженствомъ не гнушалися, такъ его милости пастыра своего никгды не насміялися и не гордыли, але то за опачное уданье твердили, самого тежъ отца протопопа не зневажали, овшемъ яко преложоного шанують, поважають; а што стороны резыкгнацыи отъ церкве и зъ плебаніи тымъ ся барзо контентуючы нагородити за прыбудованье и опатренье огородовъ обѣцали, только о квитацыю огродовую въ Брянску, абы оныхъ квитовалъ зо всихъ правныхъ претензый, пильно жадали и домовляли, ведже заразъ передъ нами суму золотыхъ 200 поступили. Мы теды особы духовные, до тоей справы депутованые, згодне прыслухавшы ся спорца сторонъ обудвохъ, такъ пановъ ктиторовъ и братства церковного, яко тежъ велебного отца протопопы, якъ узнававаемъ и мѣти хочемъ, жебы ся отецъ протопопа отъ того часу большъ не важылъ ся помененныхъ ктиторовъ наряжаты, кгды завзятостъ великая повстада часто и неугамованная злость между нами, прето подъ анаѳемою згодитися обычне прыказуемо, церковь тежъ соборную повздати зо всимъ и уступити заказу-

емо, маючы часу румацыи до недѣль двانадцатъ, ведлугъ права духовного, поколь собѣ утвердитъ слушное мѣшканье пры церкви Свято-Пречыстской, которую яко по части опадлую и презъ некгліецыю прошлого презвитера реставровати годне и прыстойне речъ повинна, якожъ дерева сорокъ тры штуки прыготованого видимо въ семъ же року и оправовати повелѣваемъ, на што листъ свой прошацкій до пановъ парафіянъ выдать деклярyемъ. Однакже и пры той церкви Пречистенской зостаючему зверхность урядовая протопопская пры отцу Ѳеодору Яковичу зоставуеть ся, гдѣ на усильную прозбу отца протопопу, а прычыною нѣкоторыхъ годныхъ особъ, то есть Анхима Псковича, Панаса и Лаврына Прокоповичовъ, Корнила Васковича, братшчанъ молодшыхъ тое жъ церкви до весны прышлой, то есть до Сошествія Святого Животворяшчого Духа, хрестъ удѣлаемъ, обовязуючы именемъ Божымъ и властію нашею любовь христіянскую между собою мѣти и заховати, подъ изверженьемъ и клятвою зъ обудвухъ сторонъ, утвержаемъ и змоцняемъ. По которомъ декретѣ стороны прыволавшы до прыслуханья, если контентовати ся могуть, было пытанье. А отозвавшыся брацтво ставропикгиюмъ названое патріяршеское и епископское аппробованое до жадной власти высшей не апеллювали, семужъ декретови чуючы ся быти подлеглыми, и зъ обухъ сторонъ оного утвердити и заховати на часы потомные субмитовали, который зъ обу сторонъ печатми своими утвердившы, и подписами рукъ змоцнившы, выдалисмо. Писанъ въ Бѣльску, року 1634, мѣсеца Сентебря 28 дня.

Подъ тымъ же актомъ того жъ року мѣсеца дня 29, по ферованью сего декрету, назавтрѣ, пры сходзцѣ пановъ парафіянъ всихъ церковь Бѣльскихъ, и по ударенью належытомъ у звонъ, отецъ протопопа по одправленью духовной екзорти, церковь соборную Богоявленія Господня, вздаеть подъ регестромъ особливымъ, отъ насъ списаннымъ, всихъ аппараментовъ, книгъ, сребра, и всякихъ належытостей церковныхъ, зъ ободвохъ сторонъ положылъ, тудежъ самый списокъ брацтва именами и прозвисками списаныхъ аппробовалисмо и пры церкви соборной зоставилисмо такъ собѣ до визитъ духовныхъ екземпляръ зоставившы яко и пры церкви для паметн вѣчной давшы и заховавшы; чого самый списокъ брацтва моцно потребовали. А поневажъ южъ цале отъ насъ отецъ протопопа Ѳеодоръ Яковичъ увязанъ ку церкви Святой Пречыстой просилъ, тудежъ зъ инвентованя всихъ належытостей церковныхъ, абы отъ пановъ ктиторовъ Богоявленскихъ инвидыи и ненависти не поносилъ, потребовалъ. Которая, во всемъ стосуючыся до визитъ пречестного отца Стефана Михаловича презвитера Свято-Троецкого и протопопы Бѣльского, въ датѣ року 1624, мѣсеца Сентеврыя 18 дня, такъ ся въ собѣ мѣла, и на сей часъ по отцу Ивану Орестовичу презъ насъ подается пречестному отцу протопопѣ теперешнему.

Ревизія року 1637 отправована я.

Церковъ Рождества Пресвятой Владычицы нашея Богородицы, зостаючая на старомъ мѣстѣ, пренесенная року 1562 зъ замку Бѣльского, фундованая нѣкгды княземъ Михаиломъ Семеновичомъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобрынскимъ и кнегинею Вассою, яко написъ опѣваеть на таблицѣ зъ образами трема намѣстными, украшенными

злотомъ; 1. Деисусъ опадлый барзо, который поправити отецъ протопопа поднялся; антымисъ святой памети отца Іоны, епископа Володымерского, яко неспособный отобравшы, инного у его пастырской милости старатися велѣли; Евангеліе-тетрописанное, украшенное; служебникъ писаный, старый; престолъ полотномъ простымъ крашениною покрытый; товалень всихъ седмъ; лихтаровъ малыхъ девять, великихъ, висячыхъ мосгажовыхъ тры; келихъ, звѣзда, лжыца — сребрные; въ олтару и церкви малеванье оздобное, на образѣ на мѣстномъ Пресвятыя Богородици табличекъ седмъ, корали, шнуры чтыры перловыи; перстень золотый, крыжыковъ розныхъ большыхъ и меншыхъ шесть; акгнусковъ два, сребромъ оправныхъ; китайка зеленая полтора локтя, коронъ двѣ на Богородицѣ и Спасителю, на образѣ Іоакима и Анны корона сребрная; дзвоновъ большихъ и меньшихъ на дзвонници чотыры; ризовъ пятеры розной матеріи, стихаровъ два, наруквицъ трои, крестъ сребрный спорый и прочая. Мѣшканье священическое, за недбальствомъ зошлого отца Іоана Орестовича, опадлое, только пекарня зъ сѣньми, въ которой панъ коморникъ мѣшкаеть, бо той священникъ жилъ на мѣстскомъ кгрунтѣ своемъ власномъ; осѣлость цментарова барзо щуплая на каплана, лечъ отецъ протопопа обѣцалъ прикупити на церковь и розширити мѣшканье, якожъ заторгованый пляцъ побочный, по семужъ поля волокъ двѣ за милю отъ Бѣльска въ селѣ Стрыкахъ межи кгрунтами церковными, парафія въ мѣстѣ Бѣльску по розныхъ улицахъ и на посвятномъ костельномъ седмдесятъ и шесть домовъ, а фольварки мѣстскіе: Стрыки, Шасталы, Ягуштово, домовъ чотыринадцать, окромъ соборныхъ пятдесятъ и двохъ хатъ въ томъ селѣ, а въ староствѣ Бѣльскомъ — село Грабовецъ, село Орехвичы, село Плески, село Денискы и полъ села Голодовъ, а полъ села Воскресенскихъ, на которыхъ ся отецъ протопопа ускаржалъ о бунты и непослушенства, же едностью святою погоржають, которыхъ мы, судіи и подавцы духовныи, іерейскою властію укарати позволяемъ, и во помощь до реставрованья церквей оныхъ, яко здавна належащихъ парафіянъ, бастуемъ, на що доброволь не позволили. А по таковомъ декретѣ и интродукцыи, сирѣчъ вязанью въ помененую церковъ отца пречестного Ѳеодора Якововича, протопопы Бѣльского, млоденецъ годный и способный ку хвалѣ Божой, сынъ его жъ панъ Лукашъ Яковович, стану святого іерейского жарливе потребовалъ, рекучи: любо панъ отецъ мой отъ того мѣстца, отъ церкви соборной уступуеть, але я могу тому дому Божому зъ ласки его святой згодою пановъ парафіянъ и благословенствомъ пастырскимъ услужити. На що вси одностайне панове ктиторове позволили, только спокойного житья потребовали. Мы теды, видечи таковое згодное народу христіанского обовязанье, такъ братства Богоявленского, ставропикгіумъ реченное, публице обволываемъ презъ духовного отца Сылуяна Воскресенского Бѣльского, и ежели бы хто моглъ якіе претенсіи до духовныхъ особъ ку оскарженью албо спротивенству, овшемъ вси едностайне сему декретови и интродукціи и воли его милости пастырской послушныи быть декляровали, не вырекуючи во всемъ сему нашому написаного декрету зъ обвязанью себе самыхъ. Тогожъ часу млоденца пана Лукаша Яковович отсылаемъ его съ общими мѣстскими презентами и брацкими списками згодного

по совершенье іерейства къ самому его милости пану и пастыру, который зъ нами поспѣшествовать весполъ и трудности працъ подорожныхъ до Володимера града . . . . . . за сына стати. Писанъ въ Бѣльску, на мѣстцу звыкломъ протопопскомъ. Року 1637, мѣсеца Септемврія 29 дня.

Захарыашъ Аѳанасій Фурсъ, архипрезвитеръ и намѣсникъ всего епископства Володимерского и Бресцкого. Тимоѳей Симановичъ, архидіяконъ епископіи Володимерской и Бресцкой рукою власною. Сумовалъ Войшнаровичъ, писаръ приданый до тое функціи епископское. Петръ Рогозницкій, номинатъ протопопіи Берестейской рукою власною. Року 1644, сей декретъ и интродукцію во всѣхъ пунктахъ и параграфахъ стверждаемъ на соборѣ Берестейскомъ, дня осмого Мая. Іосифъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, власною рукою.

Сіе грамотное начертанье, или декретъ, оразъ интродукцію потверждаетъ Іоаннъ Патей, епископъ Володимерскій и Берестейскій, рукою власною.

Хранится въ Бѣльской Пречистенской церкви. Доставленъ г. Гижевскимъ.

100.

1634 г. Декабря 11. Заявленіе Яна Якимовича о похищеніи его жены Виленскимъ монахомъ бернардиномъ, ксендзомъ Мартиномъ Сарною.

Оповѣданье пана Яна Яхимовича, подписка земского Полоцкого, о утеченье малжонки его зъ ксендзомъ Мартиномъ Сарною, мнихомъ бернардыномъ.

При бытности его милости пана Яна Лисовского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами, бурмистрами, райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, оповѣдалъ и обтяжливымъ будучи сюю жалобу и жаль свой незносный до враду донеслъ панъ Янъ Яхимовичъ, подписокъ земскій воеводства Полоцкого, на якогось ксендза, яко се меновалъ Мартина Сарну, бернардына кляштору Виленского, и на малжонку свою, Кристыну Лавриновну Станьковскую, которая, перво сего будучи реліи Руское, называла се Аксиньею, о томъ, яко маетъ певную и доскональную вѣдомость, што дей тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна, будучи въ мѣстѣ господарскомъ Полоцкомъ, на Екиманьѣ, господою въ дому его пана Яна Яхимовича, подписка земского Полоцкого, за капеляна подъ хоругвъю роты ясневельможного пана его милости пана гетмана великого князства Литовского, року теперешнего тысеча шесть сотъ тридцать четвертого зъ експедыцыи Московское належи черезъ двадцать и кильканедѣль; гдѣ намовившы собѣ розными способы малжонку его пана Яхимовича, помененую Крыстину Станьковскую, на сполкованье и зъ собою на потаемное мѣшканье неронддное, кгды онъ панъ Яхимовичъ частокроть по пильныхъ справахъ канцелярыйскихъ и по потребахъ его милости пана Михаила Тишкевича, писара земского воеводства Полоцкого, пана своего, зъ дому зъ Полоцка отъѣждчалъ, яко ему пану

Яну Яхимовичу на сей часъ дали справу дѣтки его, зъ нею Крыстыною Станьковскою сплюжоные, и челядница его Ганнуска Матысовна и иншые посторонные люди, которые частокроть пристерегали зъ оказыи, же тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна, уставичне честуючи разными напитками тую малжонку его, въ небытности его, а приненгивши и зведши оную, зъ нею Кристыною Станьковскою, малжонкою его пана Яхимовича, черезъ увесь тотъ часъ мѣшканья своего у Полоцку яко въ день высылаючи зъ дому дѣти и челядницу его на улицу або до иншое избы, такъ и въ ночи при бытности въ той господѣ его пана Яхимовичовой яко и въ небытности его, маючи вжо зъ собою они за часу потаемное порозумѣнье и намову здрадливую, тотъ Мартинъ Сарна зъ менованою малжонкою его, не помнечи на боязнь Божую и встыдъ людскій, содомію не ронднуе въ той господѣ пана Яхимовичовой укрываючисе отъ его пана Яхимовича одъ дѣтей и челядницы его, заказавши дѣтемъ и той челядницы его великою грозьбою, абы ему пану Яхимовичу того цудзоложства и содоміи, яко господарови, хотя бы и пристерегли, не объявяли, якожъ дей дѣти и челядница наболѣй въ ночи тую ихъ содомію постерегали, же тотъ ксендзъ Сарна зъ тою малжонкою пана Яхимовича, яко зъ женою своею, беспечне во всемъ поступовалъ чого встыдъ меновать, одно се того ксендза Сарны и малжонки его пана Яхимовича ему пану Яхимовичу о той содоміи и сполкованью ихъ объявить мимо ихъ грозу обавяли. Лечъ вжо и онъ самъ панъ Яхимовичъ, бачечи межи ими ласкавое и лакгодное помѣшканье, розмовы, жарты ихъ безпечные и гойные ей датки розные, кгды почалъ тую малжонку свою и того ксендза Сарну частокроть наупоминать и кгвалту на ихъ обоихъ по килкокротъ волать, постерегши вшетечное общованье ихъ сполное, нижли тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна, зъ направы и намовы верхпомененое малжонки его, того пана Яхимовича, подписка, гонечы на забитую смерть, билъ, мордовалъ и заледво на смерть не забилъ, якожъ и руку лѣвую кіемъ перебилъ, которою владнути добре не можеть, а потомъ не пооднокроть разными часы и днями того року на розныхъ мѣсцахъ перехвалялъ се его жъ пана Яхимовича гдѣ колвекъ забить, гдѣ бы его Сарну и его содомію и незбожные учинки оглашалъ, о которые кгды онъ же панъ Яхимовичъ тую малжонку свою каралъ и кгромилъ по килка кроть наупоминаючи. Ино тотъ ксендзъ Сарна зъ челедью своею зъ кіими и добытыми бронями до его пана Яхимовича припадаючы, не допущалъ, але одборонивши до своее избы особливое отъ его пана Яхимовича укрывалъ жону его. А потомъ онъ же ксендзъ Сарна, ркомо заживаючи капланскихъ поступковъ, до згоды ихъ приводилъ, и его пана Яхимовича, только бы о тую содомію ихъ галасовъ не чинилъ, и жоны своей о то не каралъ, розными способами и датками уводилъ. Однакъ онъ панъ Яхимовичъ будучи велми жалоснымъ, же се содомія въ господѣ его дѣеть и жону его тотъ Сарна собѣ одмовилъ, людемъ по вѣдомости доносилъ, зъ которое содоміи ихъ уставичное, кромъ его пана Яна Яхимовича, малжонка его помененая Крыстина Станьковская отъ его Сарны беременною зостала. О которой содоміи и о неронднымъ нечистымъ сполкованью и мѣшканью того ксендза Мартина Сарны и малжонки своей ажъ на сей часъ сегожъ року мѣсеца Декабря, осмого, девятого и десятого дней онъ панъ Яхимовичъ отъ дѣтей, челядницы своей верху мено-

ваное и отъ разныхъ посторонныхъ особъ людей и отъ сусѣдей своихъ околичныхъ довѣдалъ. А мало на томъ маючы, онъ ксендзъ Мартинъ Сарна и менованая малжонка его пана Яхимовича, будучы въ нерондным нечистымъ мѣшканьюнамовили се зъ собою за часу зъ Полоцка прочь уѣждчать. Кгды онъ панъ Яхимовичъ, мѣшкавши килька недѣль по пильныхъ потребахъ своихъ домовыхъ у ихъ милости пановъ обывателей воеводства Полоцкого, и по нѣкоторыхъ справахъ людскихъ, зъ дороги до Полоцка до господы своее сего року мѣсяца Декабря въ суботу второго дня прiѣхалъ, малжонка его Кристына Станьковская тогожъ дня вжо намовивши се и порозумѣвшы зъ тымъ ксендзомъ Мартиномъ Сарною, содомейчикомъ своимъ, бачечы быть его пана Яхимовича и коня его зъ дороги вельми сфатыкгованого, усильне обое они просили его пана Яхимовича, абы онъ панъ Яхимовичъ, яко зъ дороги самъ и зъ конемъ, въ дому вытхнулъ, а тую малжонку свою до матки ее, Ганны Шаховское, которая зъ мужомъ своимъ живутъ у дворѣ его милости пана Бронислава Пресецкого, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачимъ, абы въ гостинную ѣхать оной малжонцѣ своей позволилъ. Лечъ панъ Яхимовичъ, не вѣдаючи о потаемной намовѣ и порозумѣнью ихъ вшетечнымъ, же маютъ они прочь уѣждчать, чинечи на великiй плачь малжонки своее и на просьбу давши ей въ томъ вѣру, яко малжонцѣ своей, кгды позволилъ ей малжонцѣ своей ѣхать, она малжонка его, не маючы на чомъ бы мѣла ѣхать а бачечи коня его пана Яхимовичового зъ дороги змордованого, за прозьбою ркомо ее самое вжо намовленое, тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна ркомо позычилъ ей Яновой Яхимовичовой въ тую дорогу двухъ коней своихъ, клячу сивую и коня подъ сѣдломъ гнѣдого. За тымъ помененая малжонка его, на завтрее въ Недѣлю дня третего Декабря тогожъ року, казавшы сани въ дорогу готовать, потаемне, въ невѣдомости малжонка своего, што однокольвекъ маетности его въ клѣти у нее въ схованью за ключами, яко у господыни, было, до возу поукладавшы, яко охендоство ее самое, шаты, такъ и его пана Яхимовича сукни, грошы готовые, такъ и вси хусты бѣлые свои женскiе и мужскiе, и чорные хусты вси, серебро, золото упевнила, и зъ намовы, рады и порозумѣнья потаемного того ксендза Сарны, убезпечила его пана Яхимовича словне и рукоданьемъ своимъ не поеднократнымъ малженскимъ ркомо щирымъ съ тое дороги отъ матки своее назадъ до дому его пана Яхимовича малжонка своего на тыхъ конехъ ксендза Сарны вернути се за тыдень одъ дня третего Декабря того року. Лечъ и панъ Яхимовичъ яко малжонокъ увѣривши той малжонцѣ своей, ожидалъ ее до дому, а онъ ксендзъ Сарна, маючи потаемную намову зъ малжонкою его, далъ по собѣ ему пану Яхимовичу на ошуканье вѣдать, же дей мѣлъ онъ Сарна на завтрее отъѣхать до Менска и просилъ его пана Яхимовича, абы скоро малжонка его отъ матки прiѣдеть, тые кони его на хованью своемъ мѣлъ, обѣцуючи за то нагородить и заплатить. Кгды малжонка его пана Яхимовича за таковымъ скритымъ и хитрымъ юдашскимъ убезпеченьемъ ее того дня третего Декабря, въ Недѣлю зъ полудня одъѣхала, ино назавтрее по ее одъѣздѣ тогожъ року и мѣсеца четвертого дня у понедѣлокъ не ѣдучи зъ Полоцка гостинцомъ до Менска лежачымъ черезъ Екимайнье, але заразъ въ тропы за помененою малжонкою его пана Яхимовича гостинцомъ, съ Полоцка черезъ

мѣсто Кобакъ до Бѣшенковичъ и до Витебска до Орши лежачимъ, поѣхавши, тую малжонку его пана Яхимовичову намовленую на содомію собѣ доѣхалъ ночью зъ Туровли въ имѣнью пана Валеріана Коца, на сесь часъ арендовнымъ, прозываемомъ Слезчиничахъ, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачимъ, въ дому подданного его пана Коца, тамъ у Слезчиничахъ одъ стодолы близку въ боку мѣшкаючого, якогось Илейки ночуючую, рано до дня передъ свитаньемъ зъ дня четвертого на день пятый у во второкъ мѣсеца Декабра. Тамъ же онъ ксендзъ Сарна, того господара зъ жоною дѣтми выбывши зъ избы, зъ малжонкою его пана Яхимовича Кристыною Станьковскою, яко маеть отъ того господара Илейки вѣдомость, сполкованье содомію явную, постережоную отъ того господара, яко цудзоложники чинили, а потомъ, жарты безпечные маючи, горѣлку пили, и того дня у вовторокъ рано у вилею светого Миколая зъ тоюжъ малжонкою пана Яхимовича яко зъ власною жоною своею сполкуючи; и яко той же господаръ Илейко далъ справу, речи, скрини и фанты зъ воза до возу поперекладавши и сукни поховавши, одъ того Илейки рано у во второкъ дня пятого Декабра, онъ ксендзъ Мартинъ Сарна, пропомневши боязни Божое, встыду людского и стану своего капланского, особливе рекгулъ духовныхъ, помененую малжонку его пана Яна Яхимовича, Кристыну Станьковскую, намовивши кгволи собѣ на содомію и нечистоту нерондную, и челядника его Яска рукодайнаго подмовивши, зъ того имѣнья пана Валеріяна Коца арендовного Слезчиничь, зъ вѣдомости многихъ людей, одъ его пана Яхимовича потаемне въ невѣдомости его, зъ сыначкомъ маленькимъ его пана Яхимовичовымъ третего лѣтнимъ, на име Петрусемъ, и зо всею маетностью его рухомою, готовыми грошми, не вѣдати гдѣ коньми своими властными вывезлъ а крыяцко выпровадилъ, и гдѣ бы се зъ тымъ дитятемъ а челядникомъ подѣти мѣлъ, такъ же гдѣбы тотъ ксендзъ Сарна зъ менованою малжонкою пана Яхимовича, за намовою того Сарны, уѣхати прочъ мѣли, и гдѣ се оборочають онъ панъ Яхимовичъ, опись о тыхъ обудвухъ здрайцахъ чинивши, яко догонити такъ и вѣдомости мѣти о нихъ, гдѣбы се мѣли обернуть, до сего часу мѣти не можеть, ку немалому то жалю незносному его пана Яхимовича и дѣтокъ его малыхъ, а ку великой кривдѣ Божой, праву посполитому и справедливости светой, на таковыхъ здрайцовъ описаныхъ, и ку великой шкодѣ его пана Яхимовича, которую онъ ксендзъ Мартинъ Сарна а тая малжонка его Кристына Станьковская, принявшы зъ собою нерондное сполкованье и содомію, за тымъ его выпроваженьемъ потаемнымъ и уѣханьемъ ихъ учинили и за забраньемъ маетности розное, онъ панъ Яхимовичъ менуеть собѣ одъ нихъ шкоды въ сукняхъ, охендоствѣ розномъ, въ серебрѣ, золотѣ, хустахъ бѣлыхъ, того всего и спаметати пре незносный великій жаль и плачь свой не може. Однакъ яко много забрали маетности, теды большъ нижли на полтораста копъ грошей личбы Литовское забрали, а въ грошахъ готовыхъ на сто шестьдесятъ и семъ копъ Литовскихъ, такъ его пана Яхимовича власного черезъ немалый часъ набытья и працу яко и грошей, за пересуды ихъ милостямъ паномъ судовымъ земскимъ Полоцкимъ добродѣемъ и паномъ своимъ за розные декреты забраныхъ на семъ копъ грошей, мемрамовыхъ грошей три копы. О которыхъ тыхъ здрайцахъ хотечи мѣти вѣдомость и оныхъ, яко здрай-

цовъ въ содоміи мѣшкаючихъ, увездѣ правомъ конать, просилъ, абы тая плачливая жалоба его пана Яхимовича была до книгъ ратушныхъ мѣста господарского Полоцкого записана. Што есть записано. Выписъ выданъ.

Изъ книги Полотской ратуши за 1634 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ. Сообщено А. М. Сазоновымъ.

101.

1634 г. Декабря 20. Договоръ между писарями мытными Полотской таможни и купцами Полотскими о пошлинахъ и поборахъ съ товаровъ.

Ten list ze wszystką rzeczą, w nim opisaną, jest dla potomnych czasow do xiąg mieskich Połockich aktykowany w te słowa:

Paweł Drasieiko, sługa iasnie wielmożnego iego msci pana Stephana Paca, podskarbiego i pisarza W. X. Lit., ekonoma Brzeskiego, Prenskiego, Birsztanskiego starosty, a ia Lazarz Moizeszowicz, Żyd Wilenski, administrator ceł W. X. Lit., na rozsądzenie y przesłuchanie skarg y krzywd, ktore sobie magistrat, kupcy y komornicy miasta Połockiego od pisarzow mytnych komory y przykomorkow Połockich mianowali, za listem Jego Krol. Mosci pana naszego miłosciwego, także y za listem iasnie wielmożnego iego mosci pana podskarbiego W. X. Lit. tu do miasta Połockiego zesłani. Oznaimuiemy, iż my, uspokaiaiąc roznice miedzy kupcami Połockimi i miedzy pisarzmi komory Połockiey y przykomorkow, do niey należących, a czyniąc zgode na przyszłe czasy, użylismy do tey sprawy ludzi zacnych iego mosc pana Daniela Szczyta Zabielskiego podsędka, iego mosc pana Jana Lisowskiego podwoiewodziego Połockiego, a iego mosc

Въ Полотскія городскія книги, для памяти на будущее время, внесенъ слѣдующій листъ со всѣмъ, что въ немъ прописано, и въ такихъ словахъ:

Павелъ Драсейко, слуга ясновельможнаго его милости пана Стефана Паца, подскарбія и писаря великаго княжества Литовскаго, Брестскаго эконома и старосты Пренскаго и Биржанскаго, а также Лазарь Мойзешовичъ, Виленскій жидъ, администраторъ таможенныхъ сборовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, по королевскому повелѣнію и предписанію ясновельможнаго его милости пана подскарбія великаго княжества Литовскаго прибывъ въ городъ Полотскъ, для выслушанія и разбора жалобъ и обидъ будто бы терпимыхъ Полотскими купцами и членами Полоцкаго магистрата отъ писарей Полотской таможни и подтаможенъ сбора, объявляемъ: что желая устранить несогласія между Полотскими купцами и писарями Полотской таможни и подтаможенъ, установить спокойствіе на будущее время, мы призвали для обсужденія этого дѣла людей достойныхъ: его милость пана Даніила Щита Забѣльскаго подсудка, его милость пана Яна Лисовскаго, Полотскаго подвоеводу, и пана Андрея Конинскаго. Принимая въ уваженіе великое опустошеніе и

pana Andrzeia Koninskiego. A poglądaiąc na tak wielkie spustoszenie a zniżczenie samego miasta Połockiego y kupcow, w nim będących, ktore sie onym stało przez okrutne splądrowanie roku przeszłego od Moskwy, takiesmy z nimi, co maią dawać pisarzom po zapłaceniu od towarow myta na komorze Połockiey i na przykomorkach, nie respektuiąc na dawne zwyczaie nie dekretem prawnym, ale przyiacielskim uznaniem naszym umoderowali y postanowili. Naprzod nie więcey pisarze na mycie nowopodwyszonym komory Połockiey bierkowisko pienki rachować maią iedno kamieni dwanascie, a wpisnego y rewidowanego pisarzowi orty dwa a rewizorowi ort ieden, iadąc do Rygi, dać maią. Przytym od kozdego struga maią dać strugowego na doł potroynych trzy, i kwitowego iuż nie od struga, iedno kożda osoba kupiecka od siebie groszy cztyry Lit. A na szlacheckim mycie, poki to myto będzie trwało, po także wielu kożdy kupiec Połocki na komorze samey od kozdego struga dawać powinien będzie. Na starym mycie na komorze Połockiey kupcy Połoccy, ci ktorzy wolnosci maią, nie powinni więcey nic dać tylko kwitowego groszy cztyry Lit., a od struga kożdego potroyny ieden; a kto wolnosci niema, ten strugowego ma dać pisarzowi od kozdego struga potroynych dwa i kwitowego od kozdey osoby, chociaby ich kilka osob w iednym strugu było. Od mołodeckich kwitow tak na nowym mycie iako y na szlacheckim, po zapłaceniu cła samego raz tylko od kożdego kormnika dawszy kwitowego groszy cztyry Lit., a od mołoi-

обѣдненіе города Полотска и тамошняго купечества, происшедшее отъ жестокаго разоренія, сдѣланнаго въ минувшемъ году Москвою, мы постановили, что должно уплачивать писарямъ при взносѣ пошлинъ въ Полотскую таможню и притаможни, не въ силу давнихъ обычаевъ и декретовъ, а только по нашему дружескому разбору и соглашенію. Вопервыхъ по вновь установленному сбору, писаря Полотской таможни должны считать берковецъ пеньки въ двѣнадцать камней; ѣдущіе въ Ригу, за записку и ревизію, дають писарю два орта, а ревизору одинъ ортъ. Кромѣ того, отъ каждаго струга, идущаго внизъ, слѣдуетъ уплатить постружнаго три тройныхъ гроша, квитоваго же ничего не платится, а только каждый купецъ отъ себя вноситъ по четыре Литовскихъ гроша. Въ равной мѣрѣ и шляхетскаго сбора, пока сборъ этотъ будетъ существовать, каждый Полотскій купецъ обязанъ уплачивать по стольку же отъ каждаго струга. Стараго же сбора въ Полотской таможнѣ каждый Полотскій купецъ, имѣющій привилегію (на право торговли), ничего не платитъ, кромѣ квитоваго четыре Лит. гроша, да еще съ каждаго струга одинъ тройной грошъ; а не имѣющіе привилегій платятъ писарямъ, съ каждаго струга, по два тройныхъ гроша и квитоваго четыре Лит. гроша съ кождой особы, сколько ихъ было въ стругѣ. По уплатѣ сихъ сборовъ платится еще разъ, какъ на новомъ мытѣ такъ и на шляхетскомъ съ каждаго молодца (рабочаго) квитоваго полтора гроша и съ каждаго кормщика четыре Лит. гроша. Писаря же въ Полотской таможнѣ и притаможняхъ, въ Диснѣ и Динабургѣ взыскавъ одинъ разъ вышесказанную плату, не должны ничего уже болѣе тре-

ca po połtoraku. Pisarze na komorze Połockiey y na przykomorkach, w Dzisnie w Dyneborku wziąwszy, więcey nigdzie aż do całego roku tak na samey komorze iako y na przykomorkach, tak na doł do Rygi idąc iako y zwracaiących sie nazad z Rygi. Pisarze nad ten pierwszy wziątek od karmnika po groszy cztyry Lit., a od mołoica po połtoraku nad to brać y wyciągać nie maią. W Dzisnie na przykomorku nowym y szlacheckim, na kozdym zosobna, od kozdego struga, do Rygi idącego, potroynych trzy, a nazad z Rygi idących potroinych dwa. A na starym tak na doł iako y w gore po iednemu potroinemu; od kożdego struga, ktory ma wolnosc, kożdy kupiec y kwitowe groszy cztyry Lit. dać ma. W Dyneborku od kożdego struga na doł idącego także iako i na Disnie dawszy nie więcey pisarze wyciągać od kupca Połockiego nie maią. A od tych strugow, ktore sie już będą zwracać nazad z Rygi do Połocka, pisarzom Dyneborskim na nowym jako i na szlacheckim mycie od kożdego struga wpisnego ort jeden, a rewizorowi poł orta na kozdym mycie z osobna, przytym też od kozdego struga potroinych dwa a kwitowego groszy cztyry Lit. nie od struga iedno od osoby kupca. Na starym mycie w Dyneborku strugowego potroyny jeden i kwitowego groszy cztyry Lit. od osoby kupca ktory wolnosc ma. Pisczego po dwa pieniądza od miecha soli do skarbu brać maią, a piscze po czwartaku na szlacheckim y na nowym. Przytym wszystkie insze podatki, tak pieniężne iako sledzie, pieprz, łososie, chleby, contentacie

бовать съ кормщиковъ и молодцовъ на всемъ протяженіи пути по Двинѣ до самой Риги, въ теченіи цѣлаго года, какъ съ идущихъ внизъ, такъ и съ возвращающихся обратно. Писаря, взявши съ кормщика четыре гроша а съ молодца полтора, не имѣютъ права брать и вымогать сверхъ этого. Въ Диснѣ въ притаможняхъ какъ новой, такъ и шляхетской, отдѣльно въ каждой, уплачивается со всякаго струга идущаго въ Ригу по три тройныхъ Лит. гроша. Въ старой же таможнѣ съ идущихъ внизъ по рѣкѣ и съ возвращающихся обратно взимается по одному тройному Литов. грошу; кромѣ того, каждый купецъ, имѣющій привилегію, платитъ квитоваго четыре гроша. Въ Динабургѣ съ каждаго струга, внизъ идущаго, по взысканіи таковой же пошлины, какъ и въ Диснѣ, писаря ничего болѣе не имѣютъ права требовать. А со струговъ, которые возвращаются изъ Риги въ Полотскъ, Динабургскіе писаря какъ на новой, такъ и на шляхетской таможнѣ, на каждой отдѣльно получаютъ съ каждаго струга: за записку одинъ ортъ, за ревизію ревизору—полъ орта, и кромѣ того еще отъ каждаго струга по два тройныхъ Литов. гроша и квитоваго по четыре Лит. гроша, считая послѣднее не по числу струговъ, а съ каждой купеческой особы. На старомъ мытѣ въ Динабургѣ уплачивается струговой пошлины одинъ тройной грошъ и квитоваго четыре Лит. гроша, послѣднее взимается опять такъ же не по числу струговъ, а съ каждой купеческой особы, имѣющей право торговли. За записку (записного) отъ каждаго мѣха соли платится въ казну два пенязя, а записывающимъ по четверти, что уплачивается отдѣльно какъ на новой, такъ и на шляхетской таможнѣ. Болѣе же ни-

wszelakie i soli (procz tego, kto z łaski da, w powinność iść niema—odtrącamy) żaden pisarz nad to, co sie tu wyraziło więcey u kupcow Połockich, tak na doł iako y wzgore idących, brać, wyciągać i trudnić niema. W Dzisnie, idąc z Rygi, na nowymy na szlacheckim od struga potroynych dwa, a na starym potroyny ieden y kwitowe, a więcey nic. W Połocku na komorze, przyszedszy z Rygi, iuż żadnego wpisnego i rewizorowi nic nie dać, ale tylko zapłaciwszy myto strugowego na nowym i szlacheckim po dwa potroine od struga, a na starym ieden potroiny, ktory wolnosc ma, oprocz kwitowego. I oprocz tego, coby kupiec, tak do Rygi iako y z Rygi idąc, z łaski co pisarzom dał y darował, od tych zaś kupcow, co lądem z Połocka iezdzą, pisarze mytni, według słusznosci y boiazni Bożey, wziąwszy kwitowe, z nimi przystoinie obchodzić sie i onych bez zatrudnenia wszelakiego odprawować maią. W Witebsku, gdy ktoren kupiec z prożnym czołnem z Połocka do Witebska przyiedzie, od czołna dać niema, a od zboża beczki, gdy czołen naładuie na przykomorku Witepskim, groszy szesc Lit., od puda miodu groszy pięc Lit., od wszystkich trzech myt dać ma, i tamże otrzymawszy kwit od pisarza i kwitowego groszy cztyry Lit. dawszy i spławiwszy, do komory Połockiey ten kwit oddać powinien y kwitowego grosz ieden, oprocz tych co wolność maią, i ten na starym grosz ma płacić. Rewizorom także nic dać nie powinni, tylko iesliby iakie insze towary miał, tedy w tym iako y na inszych komorach sprawować sie kupiec powinien.

какихъ налоговъ какъ деньгами, такъ и товаромъ: сельдями, перцомъ, лососями и хлѣбомъ (кромѣ того, если кто кому даетъ добровольно) писаря не имѣютъ права требовать, и затрудненій никакихъ дѣлать не должны идущимъ внизъ по рѣкѣ въ Ригу, и возвращающимся оттуда. Возвращающіеся изъ Риги платятъ на новомъ мытѣ въ Дисиѣ съ каждаго струга два тройныхъ Лит. гроша, а на шляхетскомъ мытѣ одинъ тройной Лит. грошъ, а за тѣмъ уже, купцы, прибывъ въ Полотскъ, въ таможнѣ за запись ничего не уплачиваютъ, также и ревизорамъ не даютъ, а только вносятъ одну пошлину за товаръ, струговаго на новомъ и шляхетскомъ мытѣ по два тройныхъ и на старомъ мытѣ по одному тройному грошу, да еще квитовое съ каждаго имѣющаго право торговли. Сверхъ же этого купцы какъ идущіе въ Ригу, такъ и возвращающіеся оттуда ничего не платятъ писарямъ, развѣ кто самъ добровольно что нибудь имъ подаритъ. Съ купцами же, которые сухимъ путемъ ѣздятъ въ Ригу, писаря, взявъ съ нихъ квитовое по закону и побожески, обязаны обходиться прилично, ни чѣмъ ихъ не затруднять и немедленно давать отпускъ. Если же кто изъ Полотска пріѣдетъ въ Витебскъ съ пустою лодкою, тотъ ничего не платитъ; пошлина взимается только съ товаровъ, которыя грузятся на Витебской притаможнѣ; съ каждой бочки хлѣба 6 Лит. грошей, съ пуда меду 5 Лит. грошей отдѣльно на всѣхъ трехъ мытахъ (новомъ, шляхетскомъ и старомъ); тутъ же выдается отъ писарей квитъ за четыре Лит. гроша, а по сплавѣ товара въ Полотскъ, тамъ слѣдуетъ отдать этотъ квитъ и еще заплатить квитоваго одинъ грошъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ право торговли, тѣ платятъ одинъ грошъ на

Od soli, który przywiezie do Witepska, kwitowego grosz ieden, a od beczki albo miecha soli po dwa pieniądza. Co sie tedy tknie więcey tych i inszych skarg magistratu, kupcow i komornikow miasta Połockiego na pisarzow komory Połockiey i przykomorkow, do niey należących, Dzisienskich, Dyneborskich i Witepskich, przed nami pokładanych, te wszystkie y insze do daty tego listu naszego z obudwu stron skasowali y wniwecz obrócili na wszystkie potomne czasy. Na ktorym takowym zgodnym uznaniu naszym z obu stron przestali. Przy czym byli ichmosciowie pan lentwoyt, burmistrze, rayce, ławnicy, miesczanie, kupcy i wszystkie pospolstwo miasta Połockiego. Na cosmy magistratowi, kupcom y kormnikom miasta Połockiego dali ten nasz list z pieczęciami y z podpisy rąk ludzi zacnych osob wyszey mianowanych. Pisan w Połocku, roku tysiąc szescset trzydziestego czwartego, Decembra siedemnastego dnia. U tego listu pieczęci pięc iest przycisnionych, a podpis rąk tymi słowy: Paweł Monkiewicz Druszeiko ręką swą, a podpis ręki pana Lazarza Moizeszowicza, żyda Wilenskiego, administratora ceł W. X. Lit., pismem hebreyskim iest na tymże liscie podpisana, też y podpis rąk ich mosci panow przyiacioł do tey sprawy na ugodę wysadzonych tymi słowy: Daniel Sczyt Zabielski, podsędek Połocky, ręką swą, Jan Lisowsky, podwoiewodzy Połocky, ręką swą, Andrzey Koninsky ręką swą. Ktory ten list, aktykowawszy do xiąg mieskich ratusznych Połockich z pieczęcią mieską uprzywileiowaną radziecką, i s podpisem ręki pisarza mieyskiego Połockiego, stronie potrzebuiącey iest wydan. Pisan u

старомъ мѣстѣ. Ревизоромъ ничего не платится, развѣ бы кто имѣлъ еще иные товары, тогда купецъ обязывается за нихъ расчитаться здѣсь (на старомъ мытѣ), также какъ и на другихъ мытахъ. Отъ соли, кто ее привезетъ въ Витебскъ, платится квитоваго одинъ грошъ и пошлины съ каждой бочки или мѣшка по два пенязя. Послѣ сего, всѣ жалобы Полотскаго магистрата, купцовъ и коморниковъ на писарей Полотской таможни и подвѣдомыхъ ей притаможень въ Динабургѣ, Дuснѣ и Витебскѣ, къ намъ подаваемыя, и всѣ другія возникшія по день написанія этого листа, мы навсегда уничтожили. При семъ были обѣ стороны и добровольно изъявили намъ свое согласіе: панъ лянтвойтъ, бурмистры, райцы, лавники, мѣщане, купцы и все прочее населеніе города Полотска. На что мы выдали настоящій нашъ листъ магистрату, купцамъ и кормникамъ города Полотска, съ приложеніемъ печати и подписью лицъ вышепоименованыхъ. Писанъ въ Полотскѣ, 1634 года, Декабря 17 дня. Къ этому листу притиснено пять печатей, а подписи писаны такъ: Павелъ Монкевичъ Друшейко собственною рукою, а подпись пана Лазаря Мойзешовича, Виленскаго жида, администратора таможень великаго княжества Литовскаго, писана по еврейски на томъ же листѣ, также и подпись рукъ ихъ милостей пановъ выбранныхъ для обсужденія этого дѣла: Даніилъ Щитъ Забѣльскій, подсудокъ Полотскій, собственной рукой, Янъ Лисовскій, подвоевода Полотскій, собственной рукою, Андрей Конинскій, собственною рукою. Каковой листъ вписанъ въ городскія книги Полотской ратуши, съ приложеніемъ привилегированной городской печати и за собственноручнымъ подписомъ городскаго писаря

Połocku, w roku terazniеyszym tysiąc szescsetnym trzydziestym piątym.

Изъ книги Полотской ратуши за 1635 г., хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

и выданъ просящей сторонѣ. Писано въ Полоцкѣ настоящаго года 1635.

102.

1635 г. Іюня 19. Запись Казиміра Паца и Елены Стеткевичовны, его жены, Антонію Селявѣ, Полотскому архіепископу, о прекращеніи иска о бѣглыхъ крестьянахъ.

Я Янъ Казимеръ Пацъ, воеводичъ Минскій, а я Гелена Стецкевичовна, малжонкове, чынимъ явно и сознаваемъ то тымъ нашымъ зречонымъ вѣчыстымъ листомъ, добровольнымъ записомъ, всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы о томъ вѣдати належало, ижъ што почали есмы были позывать въ Бозѣ велебного его милость отца Антонего Селяву, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского, о трохъ подданыхъ своихъ, зъ имѣнья нашого Малыхъ Долецъ, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачого, збѣглыхъ, меновите: о Игната Каменковича, о Васка Короткого и Парфенья Отрошковича Заседу, о жоны, дѣти и о всю маетность ихъ; а ижъ ми се вжо за тые вси вышейпомененые збѣги подданыхъ одъ его милости отца Антонея Селявы, архіепископа Полоцкого, пріятельско досыть стало, зачимъ я, Казимеръ Пацъ, воеводичъ Минскій, и я, Гелена Стецкевичовна, есми зъ доброе воли своее съ тыхъ помененыхъ подданыхъ нашыхъ вѣчне зрекли, а овыхъ всихъ его милости отцу архіепископу Полоцкому уступуемъ, и вжо по датѣ сего нашого зречоного листу мы сами поготовю, дѣти и потомкове нашы, такъ же и нихто зъ блискихъ, кровныхъ, повиноватыхъ нашыхъ о тыхъ всихъ збѣговъ подданыхъ нашихъ, вышей имены выражоныхъ, о жоны, дѣти, колько у которого есть и яко которого зовуть, о то все, пры томъ и маетность ихъ всякую, его милость отца архіепископа Полоцкого теперешнего и напотомъ иншихъ архіепископовъ будучыхъ позывать, турбовать и ниякое намнѣйшое трудности задавать не мають и мочы не будуть вѣчными часы, подъ зарукою семи сотъ копъ грошей литовскихъ, и подъ нагороженіемъ всихъ шкодъ, накладовъ, голымъ словомъ реченыхъ, о которую заруку, яко тежъ и о шкоды зъ вольнымъ позваньемъ до суду и права..... и по заплатѣ бы и килька разы тыхъ зарукъ и шкодъ предъ..... нашъ листъ при зуполной моцы у кождого суду и права зоставати маеть, и тые вси подданые, вышей имены выражоные, сами особами своими, жоны, дѣти и вся маетность ихъ на вси вѣчные потомные часы при его милости отцу архіепископу Полоцкому яко власные ..... иные церковные отчичы........ ти мають. И на тое мы дали тотъ нашъ листъ добровольный записъ съ печатьми подписами рукъ нашихъ, яко тежъ съ печатми и съ подписами рукъ людей зацныхъ печатаровъ одъ насъ уст-

не а очевисто упрошоныхъ, мяновите его милости пана Адама Рагозы, его милости пана Яна Кгланишевского, его милости пана Богдана Стецкевича, подкоморого Мстиславского, и его милости пана Өедора Кмитича, которые ихъ милости на прозбу нашу учынили, руками своими подписавшы, печатми своими запечатовали. Писанъ у Полоцку року тисеча шесть сотъ трыдцать пятого, мѣсеца Іюня деветнадцатого дня. У того листу печатей прытисненыхъ шесть, а подписъ руки тыми словы: Jan Kazimierz Pac. Helena Steckiewiczowna Pacowa. Ustnie proszony pieczętarz Adam Rahoza ręką swą.

Печатанъ по выписи изъ трибунальныхъ книгъ, скрѣпленной печатью Минского земскаго суда и восьмью подписями, между которыми одна только русская подпись писаря Криштофа Володковича. *Весьма ветхъ.*

103.

1635 г. Ноября 6. Позывъ Льву Львовичу Сапѣгѣ по дѣлу о нападеніи дворянина Милашевича на копу и забитіи трехъ человѣкъ.

Владиславъ четвертый, Божью милостью король Польскій, и проч.

Князю вельможному его милости пану Казимеру Лео Леоновичу Сапѣзѣ на Череи, воеводичу Виленскому, писарю великого князства Литовского, Волпинскому, Любошанскому, Короденскому старостѣ. Далъ намъ ту справу и жаловалъ у суду нашомъ земскомъ Оршанскомъ земенинъ нашъ тогожъ повѣту Оршанского, его милость панъ Крыштофъ Комаръ о томъ, штожъ дей въ року прошломъ 1632, мѣсеца Генваря двадцать первого дня, кгды была копа звычайная собрана подъ мѣстомъ Бобромъ на гостинцу и роспутьяхъ, зъ мѣста Бобра до Славенъ идучихъ, на опытъ и довѣдыванье о мужобойцы забитого тѣла, менечи Захара, подданого зъ села Шарневичъ, маетности урожоного пана Александра Радзибокга Сапѣги, старосты нашого бывшого Оршанского, то пакъ дей земенинъ нашъ тогожъ повѣту Оршанского панъ Грыгорый Милашевичъ року, мѣсеца и дня звышъ писаного, не зъ вѣдома откуль, негли за порадою, росказаньемъ и посланьемъ чимъ, чыли самъ зъ своего замыслу, приспособивши собѣ на то людей служалыхъ чоловѣка околькодесять зъ рознымъ оружьемъ, войнѣ приналежачымъ, которыхъ онъ самъ лѣпѣй зналъ, имена и прозвиска ихъ вѣдалъ, до того будучи на онъ часъ слугою и урадникомъ зошлого пана старосты нашого Оршанского, маючи тежъ пры собѣ околькосотъ чоловѣка подданыхъ пана своего зъ розныхъ селъ, зъ рознымъ оружьемъ до бою приналежачымъ, на тую копу на учынокъ нижей менованый способленыхъ, маючи тежъ пры собѣ и особого справцу зо всими инструменты его до муки приналежачыми и пріѣхавши съ тою усею громадою своею моцно, кгвалтомъ, несподѣванье до тое копы подъ мѣстомъ Бобровскимъ на гостинцу звышъ речономъ, гдѣ тая копа собрана была, и мало барзо што до мужовъ на той копѣ будучихъ промовивши и не чинечи певного опыту и дальшое якое вѣдомости въ той справѣ, водлугъ звычаю копного, але заразъ

самъ особою своею и съ тыми помочниками своими безправне, моцно, кгвалтомъ на той копѣ срожечы се розными способы на тую копу и узявши кгвалтовне людей невинныхъ, николи ни въ чомъ намнѣй ни отъ кого подозрѣныхъ и ни въ чомъ не досвѣтчоныхъ, съ копы неосужоныхъ, меновите: Терешка Грынковича кравца и мѣщанина Бобровского и двухъ наймитовъ, паробковъ Ахрема Гурыновича, мѣщанина Бобровского, одного Яська Станиславовича, подданого его милости пана Адама Саковича, подкоморого Ошменского, зъ маетности Зебинское, а другого Яська Стефановича Кортиновича зъ села Матеева Кусикова подданого твоей вѣрности, пану воеводичу Виленскому до маетности вашой вѣрности Толочынской, въ повѣтѣ Оршанскомъ лежачой, прыслухаючого, службою се на онъ часъ бавечыхъ, которыхъ то усихъ трохъ чоловѣковъ тотъ панъ Милашевичъ, мимо право посполитое безправне, безъ жадной моцы и безъ доводу и безъ осуженья съ тое копы, але кгвалтовне, безправне побравши, тому справцы, немилостиве первѣй тѣла ихъ нагіе дужимъ морозомъ, на онъ часъ будучимъ, трапечы, а потомъ безъ жаддного милосердья пробовати казалъ и надъ право по кольконадцать разъ за власнымъ розказаньемъ и прымушеньемъ того Милашевича черезъ увесь день ажъ до самого вечора ихъ мучечи, але яко на невинныхъ ничого се на нихъ не допыталъ. Съ которое такъ окрутное муки, пробы и охромѣнья члонковъ своихъ тотъ Ясько Станиславовичъ тоежъ ночи зъ дня двадцать первого на день двадцать вторый мѣсеца Генваря, а Терешко Грышковичъ кравецъ и мѣщанинъ Бобровскій тогожъ року и мѣсеца Генваря дня двадцать девятого умеръ, а третій Ясько Стефановичъ, подданый его милости пана писаровъ, будечи тежъ пробованый и на всихъ члонкахъ вельми охромленый въ томъ же року тисеча шесть сотъ тридцать второмъ мѣсеца Марца двадцать девятого дня съ тоежъ муки умерти мусѣлъ. О которого то Яська Стефановича, менечи его быть бояриномъ своимъ, не только славное памети вельможный панъ воевода нашъ Виленскій панъ. . . . . . . але дей вжо по немъ и твоя вѣрность, пане воеводичу, якобы за выданьемъ его Яська Стефановича невинне на тую муку тому Милашевичу, черезъ урядника и мѣщанъ Бобровскихъ его пана Крыштофа Комара не только передъ судъ нашъ кгродскій Оршанскій, але и передъ судъ нашъ земскій прыпозывали. Нижли судъ нашъ земскій жадного всказу на маетности его пана Комаровой не чынечи, декретомъ своимъ тую справу ажъ до росправы се скуточное съ тымъ Милашевичемъ отложылъ, абы тежъ на онъ часъ и твоя вѣрность, пане воеводичу, на тотъ часъ пры той росправѣ зъ тымъ Милашевичомъ будучи, крывды тежъ свое доходилъ, якожъ дей вжо панъ Комаръ о томъ декретѣ позывалъ того Милашевича на роки Троецкіе судовые, въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ тридцать пятомъ отправуючые, гдѣ ижъ панны старостянки нашые Оршанскіе же ихъ зъ вѣрности имѣнья Мачулищъ, на которомъ тотъ Милашевичъ до живота маетъ, . . . яко дѣдичъ не доложоно въ позвѣ было а про то ту позовъ на онъ часъ ихъ зразить тымъ допущоно. За чымъ же теперь знову урожоный панъ Крыштофъ Комаръ, хотечи невинность урядника своего бывшого Бобровского и мѣщанъ своихъ показать, а такъ окрутного а немилосерного на смерть замордованого мѣщанина своего, а затымъ и тыхъ

двухъ пры немъ помучоныхъ доводитъ и не уставаючи въ доволеню собѣ справедливости о голову Терешка кравца и мѣщанина Бобровского, хотечи съ тымъ Милашевичемъ правне мовить, того Милашевича, а за тымъ и ихъ милости паненъ старостянокъ, яко дѣдичекъ имѣнья Мачулищъ, Соколова до прыслуханья припозвавши и вашую вѣрность, яко сполного учасника до попартья тое справы, даючи о томъ вѣдать, припозываемъ. Про то приказуемъ вѣрности вашой, пану воеводичу, штобы вѣрность твоя за сими позвы нашыми передъ судомъ нашымъ земскимъ въ замку нашомъ господарскомъ Оршанскомъ въ року, дастъ Богъ, прышломъ 163шостомъ на рокохъ по Трехъ Кролехъ, святѣ русскомъ, припалыхъ и судовне . . . . . . отправуючыхъ, тамъ у суду нашого ставши посполу зъ земениномъ Комаромъ, яко сполный учасникъ справы вышей менованое, жалобы свое о светое справедливости зъ менованымъ паномъ Милашевичомъ доводилъ и спольне тое справы на онъ часъ яко на рокѣ завитомъ, попиралъ. Писанъ у . . . . . . , року 1635 мѣсеца Ноября шостого дня. Его королевской милости Вислоухъ писаръ.

Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

104.

1636 г. Февраля 15. Заявленіе Витебскаго вознаго гродскому суду о томъ, что Витебскіе мѣщане отказываются платить обѣщанные ими деньги на построеніе уніатской Пречистенской церкви въ Витебскѣ.

Я, Геліашъ Пресмыцкій, енералъ его королевское милости воеводства Витебского, сознаваю симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучого тисеча шестьсотъ тридцать шостого, мѣсеца февраля двадцатого дня на день Громницъ, водлугъ старого календару, маючы при собѣ стороною двухъ шляхтичовъ пана Яна Невакловского а пана Яна Немаевского, якожъ съ тою стороною шляхтою, былъ есми взятый одъ намѣсника въ Бозѣ велебного его милости отца Антонего Селявы, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского, дворовъ и маетностей его милости церковныхъ, у воеводствѣ Витебскомъ будучыхъ, отъ пана Грыгорья Ушацкого до двора его милости архіепископа Полоцкого въ мѣстѣ Витебскомъ въ посадзѣ за Витебскомъ водлѣ церкви Светое Пречыстое стоячого. Тамъ же панъ Грыгорей Ушацкій, показавшы листъ мѣщанъ Витебскихъ, съ печатью мѣскою Витебскою и съ подписомъ рукъ ихъ, его милости отцу Антону Селявѣ, архіепископу Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому на сто копъ грошей Литовскихъ на будованье церкви Светое Пречистое въ мѣстѣ Витебскомъ даный, будучи готовъ одъ его милости архіепископа Полоцкого взять, чынилъ пильность дня вышенаписаного, почавшы съ поранку ажъ до самого вечора. Нижли мѣщане Витебскіе, водлугъ листу своего, тыхъ ста копъ грошей его милости архіепископу Полоцкому не отдали, и тому листу запису своему досыть не учинили, што панъ Григорей Ушацкій мною енераломъ и стороною шляхтою, пры мнѣ будучою, оповѣдалъ и освѣтчилъ и на томъ далъ ку записанью до книгъ кгродскихъ Витебскихъ

сесь мой квитъ, подъ печатью и съ подписомъ руки мое и подъ печатми стороны шляхты и съ подписомъ руки, который зъ нихъ писати умѣлъ. Писанъ у Витебску, року, мѣсеца и дня вышенаписаного. У того квиту печатей приложоныхъ тры, а подпись рукъ подписано есть тыми словы: Геліяшъ Премыцкій, енералъ, рукою власною.

Печатанъ по выписи изъ гродскихъ Витебскихъ книгъ, скрѣпленной печатью гродскаго суда. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Богоявленской церкви въ Витебскѣ.

105.

1636 г. Августа 10. Жалоба жида Гошки Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича по дѣлу о чародѣйствѣ.

На врадѣ господарскомъ кгродскомъ Ошменскомъ, передо мною Балтазаромъ Кунцевичомъ, подстаростимъ Ошменскимъ, оповѣдалъ а обтежливе жаловалъ Гошко Ескевичъ, жыдъ, арендарь Олшанскій и Кгабрыяловскій, на подданого его милости пана Крыштофа Романа Корсака, подкоморого Полоцкого, имѣнья и двора его милости Доржова, въ селѣ Сенкенятахъ, въ повѣтѣ Ошменскомъ лежачомъ, мѣшкаючого, наиме на Юрка Войтюлевича, чаровника, о томъ, што жъ дей въ року теперешнемъ тисеча шестсотъ трыдцать шостомъ, мѣсеца Іюля двадцатого дня, тотъ дей звышъ помененый подданый его милости пана подкоморого Полоцкого Држеевскій зъ села Сенкенятъ Юрко Войтюлъ, въ дому его Гошка Ескевича жыда, въ мѣстѣ Голшанскомъ въ повѣтѣ Ошменскомъ лежачомъ, пьючы горѣлку зъ нѣкоторыми людьми, то есть зъ Миколаемъ Опанелейсомъ зъ села Войшнарышокъ, зъ Щаснымъ Милашкомъ, подданымъ его милости пана Томаша Воляка, маршалка Ошменского, зъ села Біютишокъ, зъ Стасюкомъ Чарнелемъ и Михалюкомъ Вехтемъ, мѣщаны Голшанскими, а не вѣдѣти дей зъ якое вазни противъ него Гошка Ескевича, пропомневшы боязни Божое и срокгости правной, на такихъ злыхъ людей въ правѣ посполитомъ описаной, зъ намовою чародѣйскою, хотечы его Гошка здоровья позбавити, кгды дей онъ, Гошко, прохажаючы се въ дому своемъ, вшолъ зъ надвора до свѣтлицы шымковное дому своего, тогды дей тотъ Юрко Войтюлъ, подданый Доржанскій зъ Ненацка, съ прыправою чародѣйскою, вмѣсто прывитанья зъ рукъ своихъ подалъ шкленицою горѣлку въ руки ему Гошку, мовечы: прывитайсе. Нижли онъ Гошко взялъ, тую горѣлку шкленицою отъ того Юрка Войтюла прынялъ, але будучы престрогою Божою упомненый, абы оного напитку не ужывалъ, страхомъ великимъ знятый, же яко серце, такъ наветъ и руки тресть се почали, же ажъ горѣлка съ тое шкленицы въ рукахъ проливати ся почала. А тотъ дей Юрко Войтюлъ, чаровникъ, еще дей на него Гошка пальцы своими грозиты се началъ, похваляючы се, же дей проливаешь горѣлку, але дей то тобѣ дармо не зыйдеть. За чымъ дей онъ Гошко, вспомневшы на то, же отъ людей многихъ

поголоска на него идеть, же чарами своими шкодить, въ томъ простраху вчалъ се людемъ усимъ, въ тамтой избѣ будучимъ, протестовати на того Юрка Войтюла, мовечы: уховай Боже, если бы за тыми оного чоловѣка похвалками такъ самому Гошку, малжонцѣ и дѣткомъ оного якій ущербокъ въ здоровью сталъ се, абы имъ то вѣдомо было, же не на чомъ иншомъ, только бы на нимъ того доходилъ, абы за свое злые справы покараный былъ. И при оповѣданью оного Гошка, якось впродце и сыначекъ его Гошка малый, въ чотырохъ лѣтахъ будучы, тамъ же до свѣтлицы ку Гошку увойдеть, и тотъ дей Юрко Войтюлъ, еще дѣй за прибытьемъ того дитяти, не уставаючы въ своихъ злыхъ замыслахъ, повтараючы своихъ похвалокъ, мовилъ: да штожъ дей съ того будеть, штобы дей тобѣ або дѣтемъ твоимъ якая хороба стала; не все дей на мне угонишь. И за таковыми оного Юрка Войтюха похвалками и вжо отбывшы отъ себе тотъ напитокъ горѣлки, до него мѣлъ тотъ замыслъ, яко люде повѣдають, кгды чаровникъ пры своихъ дѣлахъ будеть ударены́й, же се якобы его чародѣйство не могло бы се множить, кинулъ се бити до него, и замышляючы тежъ и о томъ, абы его такъ улапивши, до везенья далъ. За чымъ тамъ яко до ударенья яко тежъ и до улапенья тамъ люде будучые въ той избѣ нѣкоторые окрачаючы оного Гошка, же се съ того не мѣло ничого въ злое обернути и оного Юрка Войтюла тогожъ року мѣсеца и дня звышъ писаного зъ дому его Гошкового Голшанского выпровадили и наветъ и самъ вжо въ мѣстечку Голшанскомъ не бавечы се прочь уѣхалъ. А по убѣженью оного зъ мѣста Голшанского того то Юрка Войтюла, чаровника, тое дитя Гошка Ескевича тогожъ року тисеча шестьсотъ тридцать шостомъ, мѣсеца Іюля двадцатого дня, за похвалками того Войтюла, вельми по малое хвили надъ вечоръ Якубъ Гошковичъ въ тяжкую хоробу впалъ и нѣтъ вѣдома будеть ли живъ. Которое тое хоробы тому дитяти своему, Якубу Гошковичу, иначей не розумѣючы, только презъ чарованье того Юрка Войтюла и хотечы зъ нимъ о то, яко съ чаровникомъ, мовить и правомъ, яку злочынцу и чаровника, за таковымъ его явными знаки конати, далъ сее оповѣданье свое до книгъ кгродскихъ Ошменскихъ записать. Што есть записано. При которомъ оповѣданью ставшы очевисто енералъ повѣту Ошменского Янъ Битиковскій, ку записанью до книгъ кгродскихъ Ошменскихъ прызналъ квитъ свой, въ тые слова писаный: Я Янъ Битиковскій, енералъ повѣту Ошменского, сознаваю то симъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперь идучомъ тисеча шестъ сотъ трыдцать шостомъ, мѣсеца Іюля двадцать девятого дня, при сторонѣ двухъ шляхтичовъ пану Миколаю Павловичу а пану Войтеху Станиславовичу, за оказываньемъ Гошка Ескевича, жыда арендара Голшанского, Кгабрыяловского, въ дому его Голшанскомъ, въ повѣтѣ Ошменскомъ лежачомъ, въ коморѣ на постели лежачой сыначекъ его, въ лѣтѣхъ недорослыхъ, которому меновалъ четвертый годъ отъ пороженья, Якубъ Гошковичъ, видѣлъ есми оного у великой стражной хоробѣ, черезъ хоробу змучоный, же ледво скора и кости зостали высхло, и панъ Богъ же то вѣдаеть, если же съ тое хоробы встати можеть. Якожъ передо мною енераломъ и тою стороною шляхтою, при мнѣ былою, панъ Гошко Ескевичъ меновалъ, же тая хороба иначей се не могла стать тому дитяти его, только съ чарованья Юрка

Войтюла, подданого его милости пана Крыштофа Романа Корсака, подкоморого Полоцкого, именья его милости Држовского, въ селѣ Сенкенятахъ, въ повѣтѣ Ошменскомъ лежачого, мѣшкаючого, яко о томъ шырей и достатечнѣй жалобу свою, на оповѣданью врадовомъ описаную, быть меновалъ. На штомъ далъ сесь мой квитъ, ку записанью до книгъ кгродскихъ Ошменскихъ, зъ моего печатью и съ подписомъ руки моее и съ печатьми тое стороны шляхты при мнѣ былое. Писанъ року тисеча шесть сотъ трыдцать шостого, мѣсеца Августа десятого дня. У того квиту печатей притисненыхъ три, а подписъ руки енерала тыми словы: Jan Bicikowski, jenerał, ręką swą.

Печатанъ по выписи изъ Ошмянскихъ гродскихъ книгъ, скрѣпленной печатью подстаросты и подписью писаря. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

106.

1638 г. Февраля 3. Жалоба Василія Паука и жены его Вѣры на Яна Коскевича, который, женившись на ихъ дочери Авдотьѣ, по прошествіи трехъ лѣтъ оказался неспособнымъ къ супружеству.

Протестацыя пана Василья Паука на пана Яна Коськевича.

Передо мною Яномъ Русецкимъ, бурмистромъ мѣста господарского Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучымъ, жаловалъ и зъ великимъ жалемъ оповѣдалъ мѣщанинъ Полоцкій славетный панъ Василей Пауковичь, самъ отъ себе и именемъ малжонки своее пани Вѣры Остафьевны Наплюшанки, на мѣщанина тежъ мѣста Полоцкого, пана Яна Коськевича о томъ, штожъ дей онъ панъ Янъ Коськевичь, взявшы за себе въ станъ светый малженскій у пана Василья Пауковича и пани малжонки его цорку ихъ, за малжонку, панну Авдотью Пауковну, отъ родичовъ почтиве сположоную, часъ немалый близко трохъ годъ будучы неспособнымъ, водлугъ каноновъ и правъ духовныхъ и свѣтскихъ, до помененныя панны малжонки своее въ повинности до малженства, ку немалому жалю пановъ родичовъ и пріятель ихъ, до сего часу мѣшкалъ умыслне, затлумяючы почтивое выхованье и цноты менованое малжонки своее, але еще наветъ часто-кроть частыми боями, недостатками, зъ дому выгоняньемъ прочъ отъ себе и розными способами, якобы се только за неспособностью своею до малженства наприкрить могъ, менованую малжонку свою, мимо боязнь Божью и встыдъ людскій, такъ опатровалъ зъ зухвальства и упору, што панъ Василей Пауковичь съ пани малжонкою своею, терпливе зъ великимъ жалемъ своимъ зносечи, кгды о таковое непристойное помѣшканье а о неспособность до малженства пана Яна Коськевича до права о томъ зъ нимъ належного притегнути хотѣли. Тогды панъ Янъ Коськевичь, не допущаючы о то до права, далъ на себе зъ доброе воли листъ свой подъ печатью и съ подписомъ руки своее и подъ печатми и съ подписами рукъ людей зацныхъ, межы которыми съ подписами рукъ людей особъ двухъ пановъ радныхъ мѣста Полоцкого, обове-

завшы се самъ добровольне, штожъ онъ панъ Янъ Коськовичь мѣлъ и описалъ се зъ малжонкою своею панною Авдотьею мѣшкать въ способности своей до малженства рокъ цалый, почавшы одъ року прошлого тридцать семого, отъ Громницъ Римского свята, ажъ до року теперешнего тисеча шесть сотъ тридцать осмого таковогожъ свята Римского до Громницъ, съ докладомъ тогоже, еслибы въ томъ часѣ черезъ годъ вышеменованый панъ Янъ Коськевичь не былъ способнымъ до малженства, теды се описалъ назавтрее по Громницахъ святѣ Римскомъ, то есть року теперешнего тисеча шесть сотъ тридцать осмого, мѣсеца Февраля третего дня, помененую малжонку свою панну Авдотью Пауковну, зъ выправою ей одъ родичовъ даною, о которую онъ Коськевичь справилъ пану Василью Пауковичу и малжонцѣ его, яко родичомъ, въ домъ ихъ, у Полоцку стоячій, отдать и зъ малженства оную отъ себе передъ особою духовною увольнить, яко о томъ шырей въ томъ листѣ пана Коськевичовомъ описано и доложоно есть. Нижли онъ панъ Янъ Коськевичь на томъ року и дню, водлугъ листу его припалымъ звышъ менованымъ, будучы до малженства яко неспособный, малжонки своее панны Авдотьи Пуковны зъ выправою не отдалъ и ни въ чомъ листу обовязку своему досыть не учынилъ. А панъ Василей Пауковичь, зъ малжонкою своею, врадови на самомъ року пильность чынилъ, кгды се панъ Пауковичь, водлугъ листу его, цорки своее у пана Коськевича упоминалъ. Ино, еще тогожъ року мѣсеца и дня, панъ Янъ Коськевичь зъ зухвальства отповѣдь и похвалку на здоровье малжонки своее, въ дому своемъ при бытности людей добрыхъ, учынилъ, въ чомъ теды, маючы жаль немалый и кривду и шкоду поднятую, хотечы о то у права належного чынить правомъ, просилъ, абы тое оповѣданье и жалоба пана Василья Пауковича было до книгъ мѣскихъ ратушныхъ Полоцкихъ записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 г., хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

107.

1638. Февраля 5. Показаніе лавниковъ и урядоваго слуги по дѣлу Яна Коскевича, оказавшагося неспособнымъ къ супружеству.

Признанье пановъ лавниковъ и слуги врадового мѣского, ижъ они ходили до дому пана Яна Коськевича, за инстанцыею пана Василья Паука, стороны дочки его пана Василья Паука.

При бытности пана Яна Александровича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣсцу его милости пана Аврама Зеновича, подстолего и лянтвойта Полоцкого, будучымъ, передъ нами, бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючыми, постановивши ся очевисто лавники мѣста Полоцкого славетные, панъ Юрій Левицкій и панъ Мартинъ Кавецкій и при нихъ слуга врадовый мѣскій Сергѣй Кгавловскій, такъ тежъ и лянтвойтовскій Станиславъ Влодкевичь, оповѣдали и признали, ижъ, за присланьемъ насъ отъ уряду ва-

шихъ мостей, кгды есмо пришли до дому пана Яна Коськевича, тутъ у Полоцку стоячого, теды мы зостали самого пана Коськевича и малжонку его Авдотью Пауковну, а потомъ пришли отцове чернцы благочестивого набоженства релiи Руское, то есть отецъ Iосафатъ Поповка, игуменъ, и отецъ Геліашъ Романовичъ тамже при бытности на тотъ часъ славутного пана Ивана Ѳедоровича, бурмистра Полоцкого, панъ Василей Пауковичъ при насъ повѣдилъ то въ тые слова: што панъ Янъ Коськевичъ, понявшы за себе въ станъ малженскiй отъ трехъ близко годъ цорку мою панну Авдотью Пауковну, съ которою часъ немалый ажъ до сего часу панъ Янъ Коськевичъ способности до малженства не маетъ; ино панъ Пауковичъ передъ тымъ того хотѣлъ былъ о то до права удать се, лечъ панъ Коськевичъ, недопущаючы до права, зъ доброе воли, далъ листъ свой пану Пауковичу тестю своему подъ печатью и съ подписомъ руки своее, и подъ печатми съ подписами рукъ людей зацныхъ, обовезавшы се, ижъ если бы панъ Янъ Коськевичъ отъ року тисеча шесть сотъ тридцать семого отъ Громницъ Римского свята ажъ до року теперешнего тисеча шесть сотъ тридцать осмого также до Громницъ Римского свята, черезъ цѣлый годъ не былъ способнымъ до малженства, тогды дня сегоднешнего, описалъ се помененую малжонку свою панну Авдотью Пауковну со всею выправою ее пану Пауковичу и малжонцѣ его отдать и зъ малженства оную передъ особою духовною увольнить, якожъ тотъ листъ пана Коськевичовъ передъ нами былъ чытаный, до которого листу и таковото обовязку своего панъ Янъ Коськевичъ призналъ се, ижъ тотъ листъ его есть. Такъ же за прозбою и потребованьемъ пана Василья Пауковича ойцове чернцы вышменованые съ повинности своее духовное, вывѣдавшы се у пана Яна Коськевича и малжонки его и по килька кротъ у нихъ выпытавшы, то передъ нами и передъ паномъ Коськевичомъ и малжонкою его прызнали, высвѣдчаючы, же панъ Янъ Коськевичъ не былъ и не естъ способнымъ до малженства, якожъ и сама Коськевичовая признала, же не дознала отъ малжонка своего противъ себе николи способности до малженства, што панъ Пауковичъ предъ нами освѣдчилъ, и за тою неспособностью до малженства домавялъ се, абы панъ Коськевичъ, водлугъ обовязку своего листовного, малжонку свою а цорку пана Пауковича панну Авдотью Пауковну абы зъ выправою отдалъ, нижели не отдалъ. До того въ той же справѣ тогожъ дня пильность чынили есьмо съ паномъ Пауковичомъ въ дому его ажъ до ночы тутъ у Полоцку, нижли панъ Янъ Коськевичъ листу своему яко се обовезалъ, ни въ чомъ досыть не учынилъ, и яко до малженства неспособный помененое малжонки своее не отдалъ пану Пауковичу. А надъ то слуга мѣскiй Сергѣй Кгавловскiй и лянтвойтовскiй Станиславъ Влодкевичъ признали, жесьмы слышали, въ тотъже часъ, коли выходили съ паны лавниками, же панъ Янъ Коськевичъ похвалку на жону свою учынилъ, же я впередъ тебе розвяжу. Которое таковое признанье помененыхъ пановъ лавниковъ и при нихъ слуги мѣского и лянтвойтовского про память есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано. Выписъ выданъ.

Изъ Полотской ратуши за 1648 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

108.

1638 г. Февраля 5. Рѣшеніе Полотской ратуши по дѣлу о неспособности къ супружеству Яна Коскевича.

Росправа пана Василья Паука зъ паномъ Яномъ Коськевичомъ о царку его пана Паукову а малжонку пана Коськевичову, съ которою онъ панъ Коськевичь, часъ немалый мѣшкаючы, сполкованья въ малженствѣ не мѣлъ.

При бытности пана Яна Рудановского, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Абрама Зеновича, подстолего и лянтвойта Полоцкого, будучымъ, передъ нами, бурмистрами, райцами и лавниками того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючыми, кгды се прыточыла справа пана Василья Паука, мѣщанина мѣста Полоцкого, съ паномъ Яномъ Коськевичомъ, тежъ мѣщаниномъ мѣста Полоцкого, гдѣ напродъ панъ Василей Паукъ зложилъ моцъ отъ себе пану Яну Яхимовичу противко помененому пану Яну Коськевичу у права мовить, а по злеценью моцы, панъ Янъ Яхимовичь жаловалъ на пана Коськевича о томъ, ижъ онъ панъ Янъ Коськевичь взявшы за себе въ станъ светый малженскій цорку пана Василья Паука панну Авдотью Пауковну и зъ нею мѣшкалъ ажъ до року прошлого тисеча шестьсотъ тридцать семого, мѣсеца Февраля второго дня, жадного сполкованья малженского отъ понятья оное зъ собою не маючы, для неспособности своее власное, и кгды року прошлого тисеча шестьсотъ тридцать семого панъ Василей Паукъ зъ нимъ паномъ Коськевичомъ о то правне хотѣлъ у суду свѣцкого зачавшы правне мовить, а затымъ и далѣй хотѣлъ поступовать отъ свѣцкого до суду духовного, яко зъ неспособнымъ малжонкомъ. Тогды панъ Янъ Коськевичь, ужывшы людей добрыхъ, еще пана Василья Паука упросилъ на рокъ цѣлый, менечы, ижъ тая неспособность до малженства припадковымъ способомъ пришла, а не съ прироженья, абы еще могъ презъ рокъ тотъ мѣшкати зъ малжонкою своею, обѣцуючы старанья въ томъ часѣ прыложить, якобы моглъ до малженства способнымъ быть. На што панъ Василей Паукъ съ порады людей добрыхъ зезволилъ, а по выйстью року самъ доброволне панъ Коськевичь субмиттовалъ се, если бы не былъ способнымъ до малженства въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ тридцать осмомъ назаютръ по Громницахъ свята Римского малжонку свою а цорку его пана Паукову отдать со всею выправою ее ему пану Пауку и вызволить ее зъ малженства отъ себе предъ особою духовною, безъ жадныхъ заводовъ правныхъ. Якожъ для лѣпшое певности межы собою записы, листы дали съ печатми и съ подписами рукъ своихъ власныхъ такъ тежъ съ печатми и съ подписами рукъ людей добрыхъ, въ которыхъ то листахъ записахъ, кгды были передъ нами судомъ чытаны, обо всемъ шырей и достаточней описано и доложоно есть. А затымъ домавялъсе умоцованый пана Пауковъ, абы онъ панъ Коськевичъ, ведлугъ облигацыи своей, досыть чынилъ ему пану Василью Пауку, цорку его зъ малженства увольнившы, яко неспособный до малженства со всею выправою ее отдалъ, гдѣ ижъ тая речь идетъ о розводъ малженства, ино належить

то судити суду духовному, а онъ дей панъ Коськевичъ, водлугъ запису своего доброволъного, не только же пану Пауку на терминъ назначоный тое цорки его и зъ выправою не отдалъ, але еще и похвалки розные на здоровье оное учынилъ. Чого апробуючы, умоцованый пана Пауковъ протестацыю, на пана Коськевича учиненую, и реляцыю пановъ лавниковъ передъ нами врадомъ покладалъ. На которую жалобу будучы черезъ слугу врадового мѣского Сергѣя Кгавловского панъ Янъ Коськевичъ заказаный, и за першымъ заказомъ передъ нами судомъ ставшы и жалобы выслухавшы а не вступуючы въ жадную росправу и контроверсыю, подалъ на писмѣ обмову, просечы собѣ дылацыи до чотырохъ недѣль ку способенью въ той речы умоцованого на самую то обмову въ тые слова: Mosciwi panowie burmistrzowie, raycy y ławnicy, yżem tu iest zakazany przed sąd waszmosciow od pana Wasilia Pauka, tescia mego, który mię chce rozłączyć z małżąką moją szlubną, w którey sprawie tak poważney y wielkiej, yż ia człowiek będący prawa neumieiętny, proszę waszmosciow, abyscie mnie waszmosciowie, według nauki iasney w prawie opisaney, na odpowiedź w tey sprawie zachować raczyli y na plenipotęta dać na niedziel cztyry raczyli. O co y powtorze waszmosciow, moich mstiwych panow, proszę y tę mowę moię miasto waszmosci mowy na pismie podaię— Jan Koskiewicz. А по прочытанью тое обмовы, умоцованый пана Пауковъ тое дылацыи боронилъ съ тыхъ мѣръ, ижъ онъ панъ Коськевичъ облигацею своею такимъ дылацыомъ закрочылъ, бо досыть дей мѣлъ собѣ дылацыи отъ зачатя тое справы ажъ до сего часу рокъ цѣлый минулъ, на што цытовалъ зъ Саксону листъ двѣстѣ осемдесятъ семый въ словѣ отповѣдь, тамъ же листъ сто пятый въ словѣ доводъ, а зъ статуту земского артыкулъ сорокъ вторый зъ роздѣлу четвертого о листахъ записахъ, тамъ же зъ роздѣлу семого артыкулъ шостый и семый. На остатокъ домавялъ се умоцованый пана Пауковъ, абыхмо только преслухавшы тое справы, всю тую справу до суду духовного отослали, на што цытовалъ зъ Саксону въ словѣ суда и судъ листъ четыреста пятнадцатый, гдѣ описуеть въ второмъ параграфѣ выразне, ижъ иншые судьи, преслухавшы только справы, не мають се судить, але до суду належного мають одеслать, бо яко видимъ, же панъ Коськевичъ умыслне дыляцыи на зволоку зажываеть, будучы самъ неспособный до малженства, зачымъ вжо абы цорку пана Паукову водлугъ учыненое похвалки своее до небезпечности здоровья ее привести могъ. И мы судъ, зрозумѣвшы съ тыхъ мѣйсцъ зъ права передъ нами цытованыхъ и чытаныхъ, недопущаючы ему пану Коськевичу такъ долгое дыляцыи, але прихиляючы се до облигацыи его не дальшое одно только до дня третего, до понедѣлку пришлого, то естъ до дня осмого мѣсеца Февраля, ему пану Коськевичу дыляцыи на способенье умоцованого и скутечную отповѣдь, кромъ дальшыхъ ексцепцый и дыляцый правныхъ, позволили и допустили. А надъ то прыказали есмо пану Коськевичу, абы малжонки своее помененое панны Авдотьи, яко неспособный малжонокъ, ажъ до росправы не важилъ се бити, прикрости и деспектовъ жадныхъ выражати и до небеспеченства здоровья ее приводити, подъ заплаченьемъ заруки тисеча золотыхъ польскихъ. А дня понедѣлкового хотяжъ обѣдвѣ стороны передъ насъ судъ становили се, лечъ съ певныхъ причинъ еще одложыли есмо тую справу ажъ

до дня десятого мѣсеца Февраля. А дня десятого Февраля, кгды обѣдвѣ стороны передъ насъ врадъ становили се, гдѣ панъ Коськевичь злетилъ моцъ отъ себе очевисто въ той справѣ при собѣ у права мовити пану Теодору Рудановскому, который то умоцованый его просилъ собѣ дыляцыи до двухъ недѣль, не взглядомъ пана Коськевича, которому вжо есть дыляцыя закрочона, але взглядомъ самого себе, ижъ бы могъ тую справу достаточней вырозумѣть, на што цытовалъ зъ Саксону слово дыляцыя и слово судья и зъ порадку права Майдебурского зъ части третее листъ сто осемнадцатый, гдѣ описуеть, ижъ судья не маеть ни кому дыляцыи украчати, чого ижъ умоцованый пана Пауковъ боронилъ, указуючы то, же вжо панъ Коськевичь мѣлъ собѣ дыляцыи рокъ цѣлый; а ку тому тымъ только дыляцыи позволяють се, которая сторона свѣжо выслухавшы справы оное жодаеть. А панъ Рудановскій, умоцованый пана Коськевичовъ, при початку тое справы былъ, за чымъ вжо оному непотребна естъ дыляцыя. Ку тому дня онегдайшого на початку справы наказъ вашмости врадовыхъ былъ, и дыляцыя узычона пану Коськевичу до дня понедѣлкового але далѣй, а съ понедѣлкового дня ажъ до сегоднешнего дня тая справа превлекла ся; а ижъ декретъ вашмостей врадовый закрочылъ съ тыхъ мѣръ дыляцыи вжо имъ жадное непотреба, на што цытовалъ зъ части третее, листъ сто семьдесятъ шостый и семый. На то умоцованый пана Коськевичовъ повѣдилъ: якомъ первѣй просилъ собѣ дыляцыи для зрозумѣнья справы до двухъ недѣль а не далѣй, такъ и теперъ о тожъ прошу, субмитуюсе въ томъ, ижъ по выйстю тыхъ двухъ недѣль, жадныхъ вжо дальшихъ дыляцый не заживаючы, маемъ дыректе отповѣдати на жалобу пана Паукову. Мы судъ, и повторе недопущаючы дальшихъ дыляцый правныхъ, наказали есмо далѣй процедовать съ тыхъ мѣръ, ижъ вжо дыляцыя отъ насъ суду была позволена. Отъ чого умоцованый стороны позваное хотѣлъ апеловати до суду его королевской милости, которое апеляцыи мы судъ не допустили яко въ сентенцыи акцесорыи. За чымъ тотъ же умоцованый стороны позваное домавялъ се, абыхмо тую всю справу одеслали до суду належного духовного, гдѣ идеть о розводъ, который то судъ власне судови духовному, а не свѣцкому належыть судить, на што цытовалъ зъ саксону слово розводъ. Ку чому умоцованый пана Пауковичовъ прыхиляючысе, мовилъ, ижъ бы панъ Коськевичь декляровалъ се, до которого суду духовного отзыватисе, намъ то самъ панъ Коськевичь доброволне передъ нами судомъ отповѣдилъ, же дей я до велебного въ Бозѣ его милости ойца Антонего Селявы, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского, пана и пастера моего, отзываюсе въ той справѣ на розсудокъ. А умоцованый пана Пауковичовъ отповѣдилъ, же дей его милость отецъ архіепископъ Полоцкій тое справы не захочеть розсужати, але ее отошлеть до епископа Мстиславскаго ойца Косова, до которого дызунитове належать, съ тыхъ мѣръ, ижъ панъ Коськевичъ и поменена малжонка его обое суть и были до сего часу дызунитами; и цытовалъ констытуцыи сеймовое року тисеча шесть сотъ девятого и семнадцатого, въ которыхъ описуеть, же унитовее зъ дызунитами мають быть въ покою, а зъ статуту земского зъ роздѣлу пятого артыкулъ двадцатый о розводахъ, ижъ розводъ маеть быть водлугъ права хрестіянского кождымъ особомъ, негдѣ индѣй, едно передъ судомъ духовнымъ ихъ

набоженства; тамъже артыкулъ третій зъ роздѣлу третего, гдѣ пишеть, ижъ покой посполитый межы розерваными а розными людми въ вѣрѣ и набоженствѣ заховать се маеть. На то умоцованый пана Коськевичовъ повѣдилъ, вжо дей декретъ трибунальскій закрочылъ ойцу Косову, который же разъ только прыѣзжалъ до Полоцка; ино за то само на немъ всказалъ судъ головный трибуналный заруки десять тисячей золотыхъ польскихъ, хотяжъ жадныхъ розводовъ не чынилъ; але только за щекгульное самое пріѣханье до Полоцка въ дыоцезыѣ его милости ойца архіепископа Полоцкого въ тую заруку попалъ далеко болѣй въ такой справѣ, вступуючы се въ чужую дыоцезыю повторе отецъ Косовъ въ заруку попасти бы мусѣлъ. А затымъ сторона поводовая, самъ панъ Василей Паукъ, отступившы мовы умоцованого своего и подаючы се подъ розсудокъ велебного въ Бозѣ его милости ойца Антонего Селявы, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского, мовилъ добровольне, же дей я тамъ готовъ у того суду духовного становити се, до которого се панъ Коскевичь отзываеть и до которого мене зъ урраду вашихъ милостей отошлете. Только прошу, абы дочка моя, помененая пана Авдотья, была до росправы покоемъ обварована отъ него пана Коськевича, кгдыжъ на нее частокроть похвалки чынить. Мы судъ, еще не чынече жадное децызыи впродъ, хотечы вѣдомость достатечнѣйшую взяти, если же то такъ есть, яко панъ Василей Паукъ и умоцованый его продукуеть, и если за волею и вѣдомостью помененое цорки пана Пауковы отецъ ее панъ Василей Паукъ тую справу о розводъ и о неспособность малженства зачалъ, кгдыжъ она жадного разу зъ нимъ паномъ Коскевичомъ передъ нами судомъ не становила се, наказали пану Коськевичу заразъ оную передъ нами навраде ставить, чого же панъ Коськевичь взбранялъ се. Тогды мы судъ съ посродку себе выслалисмо кголекговъ нашыхъ славетныхъ пана Юрья Левицкого и пана Сергѣя Каменку лавниковъ и при нихъ слугу врадового мѣского прысяглого Сергѣя Кгаловского, до дому пана Коскевичового, гдѣ пры обецности самого пана Коскевича, кгды помененые панове лавники пытали малжонки пана Коськевичовое: ежели за волею и вѣдомостью ее отецъ ее съ паномъ Коськевичомъ о неспособность малженства и о разводъ правный процесъ чынить, отповѣдала, ижъ за волею а вѣдомостью моею панъ отецъ мой то чынить, кгды жемъ я зъ малжонкомъ моимъ отъ первого вступенья до малженства ажъ тежъ и до сего часу зъ нимъ жадного сполкованья никгды въ малженствѣ не дознала, и естемъ по сей часъ панною.— Такъ мы, судъ, въ той справѣ пана Василья Паука съ паномъ Яномъ Коськевичомъ, за добровольнымъ записомъ межи нимы обѣма сторонами, згоды даными и постановеными о изверненье неотданье дочки его пана Пауковы панны Авдотьи Пауковны, зъ выправою ей отъ него пана Паука ойца ее даною, по терминѣ въ томъ записѣ отъ него пана Коськевича, яко отъ неспособного малжонка назначономъ, въ которой справѣ, ижъ межы сторонами идеть о розводъ въ малженствѣ, ино мы судъ, не судечы тое справы и въ чомъ одно тую всю справу его пана Василья Паука съ паномъ Яномъ Коскевичомъ до суду належного духовного, то есть до велебного въ Бозѣ его милости ойца Антонего Селявы, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского, яко

до власного пастера дыоцезыи его милости архіепископства Полоцкого, до которого се и сами стороны обѣдвѣ отзывали, отсылаемъ о терминъ, имъ обоимъ сторонамъ симъ декретомъ нашымъ ку скуточной росправѣ рокомъ завитымъ безъ вшелякихъ дыляцый назначаетъ становити се передъ его милостью ойцомъ архіепископомъ Полоцкимъ тамъ, гдѣ его милость отецъ архіепископъ Полоцкій особою своею архіепископскою въ дыоцезыи своей на тотъ часъ быти рачыть отъ дня сегоднешного мѣсеца Февраля десятого за двѣ недѣли. А цорка пана Паукова а малжонка пана Косковичова маеть быти еднакъ при немъ пану Коскевичу въ дому его ажъ до росправы, пры которой маеть тежъ быти до росправы не вѣсть якая почтивая бѣлоглова статечная. Вольно тежъ помененому пану Пауковичу и малжонцѣ его, яко родичомъ ее, до нее, яко до цорки своее, приходити и зъ нею розмозвляти, чого не маеть панъ Коськевичь имъ забороняти. А надъ то одъ зачатья тое справы и ажъ до самое скутечное росправы не маеть оное Овдотьи Пауковны, малжонки своее, панъ Коскевичь жаднымъ способомъ деспектовати, а ни боемъ а ни иншими прикростями, подъ заплаченьемъ вины албо заруки тисеча золотыхъ польскихъ на врадъ и на сторону укривжоную. Которая справа яко се у суду точыла, про паметь есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 г., хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

109.

1638 г. Февраля 8. Протестъ Яна Коскевича противъ Василія Паука, обвиняющаго его въ неспособности къ супружеству.

Przedemną Janem Rusieckim, burmistrzem miasta Jego Kr. mosci Połockiego, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącym, opowiadał i reprotestuiąc się obciążliwie żałował mieszczanin miasta Jego Kr. mosci Połocki, sławetny pan Jan Koskiewicz na mieszczanina tegoż miasta Połockiego sławetnego pana Wasilia Pauka y małżonkę iego panią Wierę Ostafiownę Napliószankę o tym, iż obżałowane osoby iednostainie wziąwszy przed się zły umysł nie dosyc na tym maiąc yż w roku 1636 wielkie nieznosne zadawaiąc żale sami przez się y przez innych osob rożnych podawaiąc iego pana Koskiewicza ku małżonce iego a corce swei także y do

Передо мною, Яномъ Русецкимъ, бургомистромъ королевскаго города Полотска, состоящимъ въ текущемъ году для судныхъ дѣлъ въ Полотской ратушѣ, явился Полотскій мѣщанинъ, славетный Янъ Коськевичъ съ протестомъ и жалобою, вслѣдствіе великихъ обидъ, на славетнаго Полотского же мѣщанина Василія Паука и жену его Вѣру Остафьевну Наплюшанку въ томъ, что оба они умыслили сообща зло противъ него, и не довольствуясь тѣмъ, что еще въ 1636 году, сами лично и чрезъ другихъ особъ, старались его Коськевича уронить и унизить во

inszych ludzi w ohidę y mierzziączkę rozne zmyslone y wprawdzie nie byłe rzeczy w protestach swych na niego kładąc poczynili, iako to szyrzey protestacya iego pana Koskiewiczowa w sobie zamyka się. Tak i w roku teraznieyszym, ponawiaiąc swych zamysłow, szukaiąc roznych sposobow y fortelow do rozerwania małżenstwa corce swoiei s panem Koskiewiczem, ustawicznie wskazuiąc y namawiaiąc corkę swoię, podaiąc onego w wielką ohidę do corki swoiei, y aby posłuszną byó onemu, iako małżonkowi swemu, we wszystkim onej zabronili, staraiąc się ni o co inszego tylko aby ona uwolniona, y wielo inszych przikrości ubespieczaiący ią y daiąc iei pewną otuchę, yż po roku iednym będzie od niego wolną, umyslnie obrzydziwszy sobie pana Koskiewicza, chcąc snać za kogo inszego wydać, a stan swięty małżenski, porządnie według nabożenstwa chrzescianskiego uczyniony, swymi płonnemi zmyslonemi na niego pana Koskiewicza przez pana Pauka y małżonkę iego skryptami poczynionemi, niedbaiąc na boiazń Bożą y wstyd ludzki, rozerwać, a do tego też wziąwszy wiadomość on pan Koskiewicz z widymusu z ksiąg mieskich Połockich, od niego pana Pauka na pana Koskiewicza poczynionych, iakoby miał iakowe odpowiedzi y pochwałki na corkę pana Paukową a małżonką swą czynić, w czym on pan Koskiewicz nie poczuwaiąc się być winnym, ale on pan Pauk rzeczy zmyslone y niebyłe przed urząd y do ksiąg donieść, y chcący to u każdego sądu iasnie sie z tego wszystkiego wywieść, y na onego pana Pauka dowodnie tego dokazać, że on z małżonką swoią sam rzeczy zmyslone do ksiąg podał, chcąc za tym tylko od niego corkę swoią a małżonkę iego pana Koskiewiczową za takiemi zmyslonemi rzeczami uwolnić. O co wszystko chcąc pra-

мнѣніи его жены а ихней дочери разными вымышленными непристойными вещами, какъ о томъ и объяснено въ протестѣ его Коськевича. Теперь въ настоящемъ году возобновили свои замыслы, отыскивая разные способы, чтобы разстроить наше супружество; наговаривали и тѣмъ подстрекали дочь свою оказывать ему неуваженіе и явное непослушаніе. И все это дѣлали только для того, чтобы избавить ее отъ мужа, и, при этомъ обнадеживали ее, что по истеченіи года будетъ она свободна. Такимъ образомъ, питая давнюю ненависть къ пану Коскевичу, задумываютъ они выдать дочь свою за кого либо другого и тѣмъ самымъ разорвать святой бракъ, совершенный по обрядамъ христіянскимъ, ради своихъ неосновательныхъ замысловъ и по своимъ незаконнымъ на пана Паука и жену его претензіямъ, не боясь ни Бога, ни людей. Кромѣ того онъ, панъ Коськевичъ, освѣдомился лично изъ книгъ городскихъ, что паномъ Паукомъ и его женою сдѣланъ на него извѣтъ, будто онъ Коськевичъ дѣлалъ угрозы и похвалки на дочь ихъ, а свою жену. Во всемъ этомъ онъ, панъ Коськевичъ, не обинуясь признаетъ себя правымъ и объявляетъ, что панъ Паукъ взводитъ на него вещи небывалыя и вымышленныя, что онъ ясно докажетъ предъ каждымъ судомъ, и удостовѣритъ, что панъ Паукъ занесъ въ книги предъ судомъ все выдуманное, желая этими выдумками разлучить его, Коськевича, съ женою а его дочерью. И поступая по закону, проситъ онъ Коськевичъ, чтобы

wem czynić prosił, aby to iego opowiadanie y żałoba do ksiąg mieiskich ratusznych Połockich zapisano było. Co iest zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

этотъ его протестъ былъ записанъ въ книги городскія Полоцкой ратуши, что и исполнено.

110.

1638 г. Февраля 26. Сдѣлка между Василіемъ Паукомъ, его женою, его дочерью и Яномъ Коскевичемъ, по дѣлу о неспособности послѣдняго къ супружеству.

Признанье угоды, сталое межы паномъ Васильемъ Пaукомъ, малжонкою его и дочкою, которая была за паномъ Коскевичомъ, а межы помененымъ паномъ Коськевичемъ.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановившы се очевисто сами особами своими славетный панъ Василей Борысовичь Паукъ и малжонка его пани Вѣра Остафьевна Наплюшанка и цорка ихъ панна Авдотья Васильевна Пауковна, такъ тежъ панъ Янъ Коськевичь, мѣщане и мѣщанки мѣста Полоцкого, ку записанью до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ сознанье свое устное, добровольное, очевистое, згодное и нероздѣльное въ голосъ признали, таковымъ способомъ, ижъ што цорку нашу, мене Василья Паука и мене Вѣры Нары Наплюшанки, панну Авдотью Пауковну панъ Янъ Коськевичь понялъ былъ собѣ за малжонку и шлюбъ зъ нею способомъ хрыстіанскимъ и водлугъ обраду церкви святое взялъ былъ, съ которою, чрезъ часъ немалый мѣшкаючы въ станѣ малженскомъ, еднакъ жадного сполкованья въ малженствѣ нигды не мѣлъ ажъ до сего часу. За чымъ межу нами уpослы были розные протеста, процесса и документа правные, напродъ у суду свѣцкого, а потомъ отъ суду свѣцкого и у суду духовного. И кгды се тая справа приточыла передъ судъ духовный, то естъ передъ велебного въ Бозѣ его милости ойца Антонего Селявы, архіепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского ку розсудку: ино его милость отецъ архіепископъ для слушныхъ а поважныхъ причынъ розводъ межы паномъ Яномъ Коськевичомъ и цоркою помененою панною Авдотьею Пауковною въ малженствѣ учынилъ, такъ ижъ оной вольно пойти за кого похотя иного замужъ, яко тежъ и пану Коськевичу, если бы былъ способнымъ до малженства, иную собѣ за малжонку взяти, яко о томъ шырей и достаточней въ декретѣ пречечоного его милости отца архіепископа описано и доложоно есть. Мы теды вси вышпомененыи особы, то есть я Василей Паукъ, я Вѣра Наплюшанка Василевая Пауковая, и я Авдотья Пауковна не маемъ жадного приступу до пана Яна Коськевича мѣти и оному прешкоды чынити въ малженствѣ, если бы се здарыло поняти оному которую собѣ за малжонку, ани

тежъ жадныхъ шкодъ на нимъ доходити, которые есьмо до сего часу такъ на веселье и выправу цорки нашое, яко тежъ и на розные процесса правные и у въ кошты розные выложыли, и всѣ процесса, протеста, документа правные разные, до сего часу почыненые и утвореные въ той справѣ гдѣ кольвекъ и якимъ кольвекъ способомъ, умораемъ и касуемъ вѣчными часы. А я тежъ Янъ Коськевичъ противнымъ способомъ помененого пана Василья Паука, малжонки его пани Вѣры Наплюшанки и цорки его панны Авдотьи Пауковны не маю турбовати и позывати никгды до жадного суду и права такъ о коштъ мой отъ мене на веселье выложоный, яко тежъ и о иншые розные шкоды и у въ кошты правные отъ мене ажъ до сего часу выложоные въ той справѣ, ани тежъ намнѣйшое перешкоды чынити въ малженствѣ, еслибы се здарыло цорцѣ пана Паукова помененной паннѣ Авдотьи Пауковнѣ за кого пойти за мужъ, не маю, и всѣ тежъ процесса, протеста и документа розные правные, до сего часу и дня отъ мене гдѣ кольвекъ и якимъ кольвекъ способомъ урощоные, умораю и касую вѣчными часы. Которое таковое добровольное устное очевистое признанье помененыхъ особъ, яко се поменило и на врадѣ дѣело, есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

111.

1638 г. Февраля 26. Заявленіе Василія Паука объ очарованіи водою его дома.

Протестація пана Василья Паука о то, ижъ хтось ему въ ночы домъ водою отъ улицы полилъ.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучычыми, оповѣдалъ и жаловалъ славетный панъ Василій Паукъ о томъ, ижъ року теперешнего тисеча шесть сотъ тридцать четвертого на день двадцать пятый въ ночы, нѣтъ вѣдома, хто надышовшы на знакъ чаровъ, ворота и стѣны дому пана Василья Пауковича у Полоцку на вѣнцы стоячого зъ улицы не вѣдати чымъ позаливалъ, почавши отъ вереи першое, отъ дому пана Сергѣя Каменка стоячое, ажъ до самого земца до шулы умысльне, хтось за тымъ заливаньемъ на здоровье самого пана Василья Пауковича, пани малжонки и дѣтей ихъ чугаеть. За чымъ менечы чары починеные а не будучы безпечнымъ здоровья, маетности и фортунного въ пожытью поваженья тое позаливанье воротъ и стѣнъ за разомъ тогожъ часу врадови обвелъ, игдѣ бы се напотомъ могъ довѣдать, хтобы таковый знакъ чаровъ учынилъ, правомъ съ кождымъ таковымъ подступцою чынити хотечы, и просилъ, абы тое оповѣданье его и жалоба была до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

112.

1638 г. Апрѣля 28. Постановленіе Полотскаго магистрата о подати съ воска.

Уфала, учыненая отъ майстрату, ижъ отъ пробіянья воску мають платити по девети польскихъ отъ пуда.

При бытности пана Каспера Лукаша Клявбича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Буйновского, писаря кгродского и лянтвойта Полоцкого, будучымъ, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючыми, постановившы се очевисто многіе мѣщане мѣста Полоцкого оповѣдали и до вѣдомости нашое врадовое доносили, штожъ дей не маемъ певное уставы, по чому бы платити у воскобойни отъ пробіянья воску, за чымъ воскобойникъ якъ самъ похочеть собѣ уставу чинить и не еднаково береть отъ пробіянья воску. Просимъ, абы зъ владзы вашмости врадовое устава была учынена, которая бы и напотомъ могла и теперь служить и еднаковая быть. Мы врадъ, видечы быть слушное домовянье, таковую уставу чынимъ, ижъ отъ пуда воску по девети польскихъ а не болѣй маеть кождый отъ пробіянья воску такъ теперь яко и напотомъ давати. Которая то устава, абы теперь и напотомъ захована была, про паметь есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

113.

1638 г. Іюня 21. Постановленіе Полотскихъ мѣщанъ о постройкѣ городскаго тына.

Уфала, сталая отъ посполства, якимъ способомъ парканъ коло мѣста будовати.

При бытности пана Каспера Лукаша Кглявбича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Буйницкого, писаря кгродского и лянтвойта Полоцкого, будучымъ, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючыми, кгды се згромадили многіе мѣщане мѣста Полоцкоцо, такъ съ пановъ радныхъ яко тежъ и съ посполитыхъ въ ратушу Полоцкомъ, вси згодне постановили и уфалили парканъ коло мѣста робити тымъ способомъ, же напродъ вси пляцы, полпляцы и четвертпляцы и полчетвертипляцы мають компутовать, а потомъ того вколо коло мѣста всего шнуромъ смѣрыть, а по размѣренью шнуромъ, тогды мають образовать, якъ много на пляцъ, на полпляца, на четвертпляца и полчетвертипляца будовати мають, жебы кождому кривды въ будованью паркана не было, и гдѣ которому будеть назначено мѣйсце, тамъ, а негдѣ индей маеть свой парканъ ставить, а клѣтки мають быти не клинястые, але вздлужъ, абы клѣтками руму много не займовати, а въ клѣткахъ мають стояки ставить, и тотъ парканъ коло мѣста заразъ мають почынати и будовати, абы сего лѣта весь парканъ до зимы выставленый былъ, чого всего мають пилновати со-

тники, поручники и десятники, абы яко нарыхлѣй паркань со всимъ на всимъ выставити.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

114.

1638 г. Декабря 17. Запрещеніе Полотскихъ мѣщанъ на табачную аренду въ г. Полотскѣ.

Непозволенье отъ поспольства табаки въ мѣстѣ Полоцкомъ, абы хто се мѣлъ, арендою держати.

При бытности пана Каспера Лукаша Кглявбича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Буйновского, писара кгродского и лянтвойта Полоцкого, будучымъ, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючыми, кгды было згромажоно поспольство, мѣщане мѣста Полоцкого, а при нихъ и радные панове всѣхъ трехъ сесый дорочныхъ въ ратушу Полоцкомъ, тогды листъ отъ ясневельможного пана воеводы и войта Полоцкого былъ покладаный и чытаный въ голосъ, въ которомъ листѣ его милость мяновалъ, яко бы за привилемъ его королевской милости пана нашого милостивого мѣла быть аренда табаки его милости посполу при скапщизнѣ конферована, за чымъ его милость тую табачную аренду нѣкоторымъ особомъ мѣщаномъ Полоцкимъ заарендовалъ, тогды вси згодне мѣщане Полоцкіе, такъ радные яко и посполитые, аренды табачное не позволили, мовечы то, ижъ если въ мѣстѣ Вилебскомъ столечномъ табачная аренда будеть належати до аренды напоевое и до екзекуціи приведена будеть, тогды мы на тотъ часъ позволимъ, а теперь жаднымъ способомъ, хотя быхмо и привилей его королевской милости на то даный видечи, не позволяемъ, которого привилею на сей часъ не видимъ и о то до децызіи и разсудку до его королевское милости отзываемъ се и запозваные готови есмы усправедливить се на терминѣ назначономъ. Што все есть про паметь до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1638 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

115.

1640 г. Февраля 15. Рѣшеніе по дѣлу Борисоглѣбскаго монастыря о неуваженіи онаго Кобацкими мѣщанами и о сопротивленіи ихъ королевскому декрету.

Декретъ въ справѣ велебныхъ ойцовъ законниковъ зъ монастыря церкви Бориса Глѣба зъ мѣщанми Кобацкими Олексеемъ Одзерухою и Якомъ Ми-

колаевичомъ о зневагу ихъ и о спротивенство декретови его королевской милости.

При бытности его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановивши ся очевисто велебные ойцове законницы церкви монастыра Борысоглѣбского, не далеко мѣста Полоцкого за рѣкою Двиною лежачого, въ едности светой будучого, обтежливе жаловали отъ себе и именемъ всихъ иншыхъ ойцовъ законниковъ, въ томъ монастыры Борысоглѣбскомъ будучыхъ, на мѣщанъ Кобацкихъ Олексѣя Одеруху и Яска Миколаевича о томъ, ижъ дей кгды они ойцове съ слугами врадовыми мѣскими, прышли на Кобакъ, заховуючы се водлугъ декрету его королевской милости, грабить ихъ Кобачанъ за нехоженье до церкви, тамъ же дей тые помененые особы зъ иншыми Кобачаны, учынившы бунтъ, ихъ ойцовъ законниковъ безвинне первѣй словами брыдкими полаявшы, одповѣдь и похвалку на здоровье ихъ ойцовъ законниковъ учынили, обѣцуючы се ихъ бить, забiять и въ рѣку утопить. При чомъ дей былъ слуга мѣскій цоклеаръ, на имя Сондаловскій, который прызналъ, ижъ кгды онъ грабежы у Кобачанъ на Кобаку за нехоженье до церкви бралъ, иноосколи его тумультомъ невѣсты, бѣлокглловы и якійсь на име Рудникъ грабежъ изъ рукъ кгвалтомъ отнялъ, а на ойцовъ законниковъ галасъ и крыкъ словами непотребными учынили и зневажыли. О што все будучы тотъ Олексѣй Одеруха и Яско Миколаевичь черезъ слугъ врадовыхъ Станислава Влодкевича и Яна Ольшевского очевисто заказаными, сами ку праву ставши, до того всего ачъ не знали се. Еднакъ мы, судъ, вѣречы большъ словомъ и жалобѣ ойцовъ законниковъ, яко особомъ духовнымъ, забѣгаючы въ пришлый часъ, абы се своволство не шырыло и злость людей не множыла и абы тежъ особы духовные кождого часу на кождомъ мѣстцу ихъ всихъ въ пошанованью и въ покою зоставили, того Олексѣя Одеруху и Яска Миколаевича до турмы на везенье на цалый тыдень вказуемъ, которое везенье кгды высѣдять, мають учтиве тыхъ ойцовъ препросить и завше ни въ чомъ не спротивляючы се, водлугъ декрету его королевской милости, повинни досить чынить, на што и ойцове законницы позволили и на томъ декрѣтѣ нашомъ перестали. Которая справа, яко се у суду точыла, про паметь есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ (стр. 44), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

116.

1640 г. Марта 21. Постановленіе Полотскихъ сапожниковъ по вопросу о продажѣ обуви.

Постановенье старостъ и всихъ шевцовъ Полоцкихъ около продаванья обуя, абы се нихто не важылъ въ крамахъ продавати.

При бытности пана Лукаша Казимера Домкевича, лавника мѣста Полоцкого, на тотъ часъ на мѣйсцу его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, будучого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючыми, постановивши се очевисто Юрей Кгалшиновичь и Моисей Лукьяновичь, старосты цеху швецкого, и многіе шевцы и мѣщане мѣста Полоцкого, оповѣдали то и до вѣдомости нашое врадовое доносили, што дей они, маючы цехъ свой швецкій прывилеемъ его королевское милости пана нашого милостивого потвержоный, а еднакъ имъ въ томъ крамники и мѣщане Полоцкіе великую перешкоду чынять и пожытокъ, имъ власне належачый, одыймують, съ тыхъ мѣръ, ижъ обуй вшелякій въ крамахъ при иншихъ товарахъ своихъ маютъ и оного подробно и гуртомъ и яко похотя собѣ продаютъ, а имъ шевцомъ въ крамикахъ ихъ, гдѣ они обуй свой продаютъ, намнѣйшого товару красного и наподлѣйшого продавати не позволяютъ. За тымъ покладаючы прывилей его королевское милости и порадокъ цеху швецкого, домавали се, абы крамники обую жадного въ крамахъ своихъ не продавали и имъ перешкоды не чынили, и порадку въ цеху ихъ, его королевскою милостью имъ наданого, не псовали. Мы врадъ, вид ечыпрозбу ихъ и домовлянье слушное по прочытанью прывилею, зрозумѣли есмо съ него, ижъ они шевцы Полоцкіе тымъ обовязкомъ, которые въ прывилею ихъ суть описаны, до конца еще не чынятъ досыть, съ тыхъ причынъ наказали есмо имъ, помененымъ шевцомъ, абы они ку Тѣлу Божому, святу хвалебному католицкому Римскому, въ семъ року тисеча шесть сотъ чотердестомъ прыпадаючочому, хоруговь свою справили. Ку тому, абы тежъ двадцат и чотыри мушкетовъ у себѣ у цеху своемъ швецкомъ парадныхъ мѣли, а иншые засъ речи, которые въ томъ же прывилею суть поменены, маютъ у себѣ у цеху своемъ мѣти и полнити, и за часомъ такъ же маютъ се старать, абы цехъ ихъ въ порадку и въ оздобѣ во всемъ квитнулъ. На што и они сами шевцы доброволне позволили и обѣцали се такъ хоруговь новую справити, яко тежъ и мушкетовъ двадцат чотыре у себѣ мѣти ку Божому Тѣлу. За чымъ вжо мы врадъ сполне и згодне наказали есмо, абы крамники Полоцкіе вси одностайне и ни одинъ зъ нихъ жадного обую въ крамахъ своихъ не продавали и имъ шевцомъ въ томъ не перешкажали, а на спроданье того обуя, который на сей часъ крамники у себѣ маютъ, терминъ только узычыли есмо имъ до Радуницы Руское, близко въ семъ же року тисеча шестьсотъ чотердесятомъ наступуючое. То еднакъ варуемъ, абы они шевцы ботовъ и иншого обувья безъ подковокъ не продавали, а если бы который швецъ важылъ се безъ подковокъ боты и иншый обуй продати, таковый кождый, за доводомъ и пресвядченьемъ, обуй свой маетъ тратити, альбо тежъ грошы за него заразъ до шпиталя, за пограбеньемъ отъ слугъ врадовыхъ альбо цекляровъ, отданы были, а самъ за кождымъ таковымъ выступкомъ своимъ илекроть бы се то на кого показало, до везенья ратушного маетъ быть осажоный, а въ нимъ презъ три дни седѣти маетъ. Што все, яко се поменило и на врадѣ дѣело и постановлено, есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1840 годъ (стр. 79), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

117.

1640 г. Апрѣля 18. Заявленіе отца игумена Борисоглѣбскаго монастыря Ѳеофила Ольшеницы о неуваженіи, оказанномъ къ особѣ монаха отца Моисея Ѳедоровича Кобацкими мѣщанами.

Тое оповѣданье на писмѣ предъ зуполнымъ судомъ въ ратушу Полоцкомъ подано и учынено отъ его милости ойца игумена Борысоглѣбского на Офанаса Кондратенка о зневаженье особы духовное ойца Моисея Ѳедоровича.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, оповѣдалъ и жаловалъ въ Бозѣ велебный его милость отецъ Теофилъ Ольшеница, игуменъ Полоцкій Борысоглѣбскій, на мѣщанина Полоцкого на кгрунтѣ церковнымъ монастырскимъ зъ мѣстечку Кобаку мѣшкаючого, на Офанаса Кондратенка о то, ижъ въ року теперь идучомъ тисеча шестьсотъ чотырыдесятомъ мѣсеца Апрѣля четвертого дня, по старому, кгды дей здавна звычай церемоніи реліи Кгрецкой постановленное отъ церкви Божой, былъ посланый одинъ зъ отцовъ, на име ойтецъ Моисей Ѳедоровичь для даванья молитвы людемъ въ своей парафіи въ мѣстечку Кобаку. А кгды прышолъ въ домъ оного вышъ речоного Кондратенка, теды дей не только не хотѣлъ одъ него молитвы прыймовать и благословенія ведлугъ звычаю отъ церкви постановленого, але пропомневшы впродъ боязни Божое и срокгости права посполитого на таковыхъ свовольныхъ и непослушныхъ розказанью въ декретѣ его королевской милости описаного, присцособившы собѣ на онъ часъ брата своего рожоного на име Андрея Кондратенка, оного вышъ речоного отца Мойсея словами непристойными лаючы, соромотечы и на славѣ доброй щыплючы, и крыжъ сребреный, который мѣлъ зъ собою для знаймекованья людей, въ которомъ было дерево чесного и жывотворящаго Креста Господня, оной зъ рукъ ему выкрутилъ, и бляху отъ креста отбилъ и погибалъ и похвалку на здоровье его отца Моисея учынилъ, мовечы: ижъ дей не ражу тобѣ бывать на Кобаку не только въ моемъ дому, кгдыжъ есть насъ такъ веле, которые можемъ тебе повезать, давшы тобѣ самому молитву. О которую кривду и зневагу впродъ чесного креста, такъ тежъ и о зневагу ойца Моисея велебный отецъ игуменъ Полоцкій Борысоглѣбскій, хотечы зъ нимъ правне чынить, просилъ, абы тое оповѣданье, и жалоба его милости до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ было записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ (стр. 103), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

118.

1640 г. Іюня 4. Заявленіе Дарьи Өедоровой объ изнасилованіи внучки ея Матрены Станиславовны Карпомъ Васильевичемъ.

Оповѣданье Дарьи Остаповны Ходоровое на Карпу Васильевича о зґвалценье внуки ее Матруны Станиславовны.

Передо мною Касперомъ Лукашомъ Кглявбичомъ, бурмистромъ, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучымъ, оповѣдала и плачливе жаловала мѣщанка мѣста Полоцкого Дарья Остаповна Ходоровая въ кривдѣ, жалю и великомъ деспекту внуки своее, на име Матруны Станиславовны, на Карпу Васильевича, мѣщанина тежъ мѣста Полоцкого, о томъ, ижъ дей, кгды она Дарья Остаповна дня вчорайшого третего Іюня, надъ вечоръ, могло быти о годинѣ семой, послала помененую внуку свою до матки его Карпы Васильевича для дрождчей, и оное матки его дома не было, на тотъ часъ пречоный Карпъ Васильевичь, пропомневшы боязни Божое, встыду людского и срокгости права посполитого, смѣлъ и важилъ се помененую внуку ее до себе порвати и своволне оной кгвалтъ учынити въ паненствѣ и на свой спросный учынокъ зелжить, зоставившы на стражы сусѣда своего Юрья Стефановича. По которомъ таковымъ учынку, для самого встыду и насмѣванья людского, пречоная Матруна Станиславовна, пришодшы до бабки своее, о томъ замолчала, и знакъ паненства своего змыла, не хотечы въ томъ засмуцати бабки своее. Ажъ кгды вжо иншые люди ей Дарьи Остаповнѣ о томъ дали знать, што се дѣело зъ нею у Карпы Васильевича, кгды была въ дому у него, тожъ доперо съ плачемъ передъ нею, яко бабкою своею, вызнала, яко была посилкована отъ него Карпы Васильевича и яко злый и своволный учынокъ зъ нею пополнилъ. О што все хотечы помененая Дарья Остаповна правне мовить, и часу права заховуючи собѣ ширшую и достаточнѣйшую скаргу свою преложить, на сей часъ просила, абы тое ее оповѣданье и жалоба до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ было записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ (стр. 163), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

119.

1640 г. Іюня 8. Рѣшеніе по дѣлу объ изнасилованіи Карпомъ Васильевичемъ дѣвушки Матрены Станиславовны.

Декретъ въ справѣ дѣвки Матруны Станиславовны съ Карпою Васильевичомъ о зґвалценье ее.

При бытности пана Яна Рудановского, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучими,

постановившисе очевисто мѣщанка мѣста Полоцкого Дарья Остаповна Ходоровая, въ кривдѣ, жалю и великомъ деспектѣ внуки своее дѣвки, на име Матруны Станиславовны, и сама тая помененая дѣвка Матруна—оповѣдали и плачливе жаловали на мѣщанина тогожъ мѣста Полоцкого Карпу Василевича, о томъ, ижъ дей кгды она, Дарья Остаповна, въ року теперешнемъ тисеча шестьсотъ чтердестомъ мѣсеца Іюня третего дня, надъ вечоръ, могло быть о годинѣ семой, послала помененую внуку свою до матки его Карпы Василевича по дрождчы, и не зоставши на тотъ часъ матки его въ дому, преречоный Карпъ Василевичь, пропомневши боязни Божое, встыду людского и сроктости права посполитого, смѣлъ и важилъ се помененую внуку ее до себе порвать и свовольне оной кгвалтъ учинить въ паненствѣ и на свой спросный учинокъ зельжить, зоставивши на стражи сусѣда своего Юрья Стефановича. По которомъ таковомъ зломъ учинку, для самого встыду и посмѣвиска людского, преречоная дѣвка Матруна Станиславовна, пришедши до нее бабки своее, о томъ замолчала и знакъ паненства своего змыла, не хотечы въ томъ засмуцати бабки своее. Ажъ кгды вжо иншые люди ей Дарьи Остаповнѣ о томъ дали знать, што се зъ нею дѣело отъ Карпа Василевича, кгды была въ дому у него, тежъ доперо съ плачемъ передъ нею, яко бабкою своею, вызнала, яко была посилкована отъ него Карпы и яко злый а свовольный учынокъ зъ нею пополнилъ. О который таковый кгвалтъ, той дѣвцѣ въ паненствѣ ее учыненый, кгды былъ тотъ Карпъ Василевичь и помочникъ его Юрей Стефановичь, который на стражи стоялъ, презъ слугъ врадовыхъ передъ насъ судъ заказаны и поставены, ино мы, зъ владзы враду нашого, водлугъ науки права Майдебурского, той Дарьи Остаповнѣ и дѣвцѣ Матрунѣ Станиславовнѣ пана Миколая Жоховского а Карпу Василевичу и помочнику его Юрью Стефановичу пана Яна Яхимовича, для обороны правное, за умоцованыхъ придавши, абы се въ той справѣ приготовали на скуточную росправу, до дня петнадцатого сего жъ мѣсеца Іюня тую справу отложили и имъ обѣюмъ сторонамъ, яко сами потребовали, дыляцыи узычыли есмо, а того Карпу и помочника его въ секвестрѣ затримати казали. А кгды зъ откладу нашого, по выстью тое дыляцыи, день петнадцатый припалъ и стороны обыдвѣ зъ умоцоваными своими передъ нами, судомъ, ку росправѣ становилисе, умоцованый стороны поводовое панъ Жоховскій подалъ зъ Саксону въ словѣ кгвалтъ, карта сто пятьдесятъ семая; за чымъ, покладаючы выписъ съ книгъ мѣскихъ Полоцкихъ оповѣданья, въ той речи учиненого, въ датѣ тогожъ року тисеча шестьсотъ чотырдесятаго мѣсеца Іюня четвертого дня, домавялъ се, абы, за присегою тое дѣвки самовторое зъ бабкою ее, тотъ Карпъ Василевичь на горло, яко кгвалтовникъ, всказанъ былъ, кгдыжъ правдиве тотъ Карпъ Василевичь паненство ей отнялъ, и мяновала на доводъ двухъ невѣстъ почтивыхъ, одну Василевую шевцовую, а другую Степановую, сусѣдку его милости пана Юрья Кублицкого, которые тое воланье въ томъ кгвалтѣ слышели и видѣли. На которую жалобу умоцованый стороны отпорное панъ Янъ Яхимовичь повѣдилъ: еще дей тотъ Карпъ Василевичь есть въ послушенствѣ и въ одномъ хлѣбѣ ойца своего Василья, съ которого, еслибы што кому было належного, отецъ и матка справедливость учинить кождому готови, а до того есть та справа вжо не криминальная, але преноцова-

ная, бо протестацыю показують, вжо назавтрее учиненую, и дѣвка о томъ учинку бабцѣ своей не ознаймовала, за чымъ вжо то не есть горучій учынокъ; и свѣтковъ мужчызнъ не мянують, одно якихсь невѣстъ, а въ жалобѣ своей мянуеть, же приходила по дрождчы подъ вечоръ; сторона моя до того не признаваеть се, же надъ вечоръ,— але была тая дѣвка того дня о полудню, гдѣ се ей жаденъ кгвалтъ не сталъ, и она жадного кгвалту въ отнятью собѣ паненства въ тотъ часъ не волала и на врадѣ знаковъ не оказовала. На што, ижъ не у вечоръ, але о полудню приходила, мяновалъ свѣтковъ людей добрыхъ неподейзроныхъ, мѣщанъ мѣста тутошнего, Сидора Дорошкевича и Давида Зареку. Въ которомъ таковомъ непевномъ обвиненью близшій есть тотъ Карпъ Василевичъ до отводу, яко человѣкъ неподейзроный и ненакганный, которого отецъ и матка могуть въ томъ обвиненью присегою своею охоронить. На што цытовалъ зъ Саксону въ словѣ явный учинекъ листъ сто шестьдесятъ семый екгзъ юре муницыпале листъ сто петнадцатый, въ артикулѣхъ права Майдебургского съ порадку листъ тридцать вторый въ словѣ свядѣцтво, о томъ же екгзъ юре муницыпале артыкулъ двадцать шостый, съ порадку права Майдебурского зъ части второе карта осмъдесятая, зъ Саксону въ словѣ явный учинокъ листъ сто шестьдесятъ девятый въ словѣ кгвалтъ листъ сто шестьдесять первый, екгзъ юре муницыпале артыкулъ тридцать осмый. Съ которыхъ тыхъ всихъ артыкуловъ указовалъ, ижъ еслибы хто зъ влосами рощохраными до враду заразъ по кгвалтѣ, а не назаютръ, зъ воланьемъ кгвалту прибѣгъ, а тотъ хто обвиненымъ есть самъ добровольне до враду тежъ пришолъ, таковый кождый близкій само семъ ку отводу отъ присегнутія, якожъ дей сторона моя Карпъ Василевичъ береть ся само осмъ до присеги, то есть онъ самъ, зъ ойцомъ, зъ маткою, зъ братомъ, зъ братовою, зъ швакгромъ и зъ сестрою, а осмый тотъ Юрко Стефановичь, на томъ всемъ, же тотъ Карпъ той дѣвцѣ жадного кгвалту не чынилъ и тотъ Юрко кгволиному кгвалтови на стражы отъ него не стоялъ и помочникомъ ему въ томъ не былъ. А за тымъ просилъ о вольность отъ тое всее речы и каранья на той невѣстѣ старой и на той дѣвцѣ а внуцѣ ее, которые то смѣли опачне въ невинности до враду донести, водлугъ права, абы поносили, домавялъ се. На то умоцованый стороны поводовое повѣдилъ: ни въ чомъ дей тая дѣвка зкгвалцоная на доводѣ своемъ не уставаеть, абовемъ хотя назавтрѣе бабка ее о томъ кгвалтѣ до враду оповѣданье донесла, предсе водлугъ права двадцати чтверохъ годинъ не вышло и не минуло, а право учить, же цудзоложникъ маеть быть на горлѣ каранъ. На што подалъ съ порадку права Майдебурского, зъ части четвертое листъ двѣстѣ двадцать осмый, бо тотъ Карпъ не самъ добровольне съ товаришомъ своимъ Юркомъ Стефановичомъ до враду пришли, але ихъ презъ цеклярЫ взято, и теперь въ секвестрѣ сѣдять. На которомъ зкгвалценью и отнятью паненства ее тая дѣвка Матруна Станиславовна и повторе зъ бабкою своею до присеги брала се, а за тымъ, абы тотъ Карпъ, яко кгвалтовникъ, былъ на горлѣ покараный, бо его отводъ не можеть быть певный, хотя береть на отприсеганье се, што ему ити не можеть. Мы судъ, хотечи се въ той справѣ достатечне информовати отложили есмо тую справу до дня осмнадцатого сегожъ мѣсеца Іюня, на которомъ то дню наказали есмо, абы зъ обудвухъ сторонъ свѣтковъ,

на которыхъ се брали, передъ нами ставили. А кгды тотъ день осмнадцатый припалъ, ино тотъ Юрей Стефановичъ, который за помочника зъ Карпою положонъ, повѣдилъ, жемъ дей я видѣлъ, кгды тая дѣвка до Карпы до дому пришла, ино Карпъ зъ нею почалъ играть первѣй въ дому, а потомъ въ броварѣ. А ямъ дей заразъ на улицу вышолъ, а о жадномъ учинку и осполкованью, если они зъ собою мѣли, не вѣдаю, только того игранья могло быть межи ними на годину. И кгдымъ се звротилъ зъ улицы, нашолъ ихъ на подворью и видѣлъ у тое дѣвки катанка и лѣтникъ разшарпаный. И заразъ ми Карпъ мовилъ, абымъ ему подалъ зъ сѣней иглу зъ нитьми и такемъ то учинилъ, а она то собѣ зашивала. А въ томъ часѣ матка Карпина пришла, затымъ дей я зъ дому ихъ прочъ пошолъ. Але то тотъ же Юрко Стефановичъ твердилъ, же я съ тымъ Карпою въ томъ жадное намовы не мѣлъ, помочникомъ ему не былъ и на стражи кгволи тому учинку не стоялъ, и о томъ ничомъ не вѣдаю. А Давидъ Зарека только онъ одинъ безъ Сидора Дорошкокича, призналъ, ижъ онъ пришолъ зъ вечерни и только се тамъ пива напилъ, але жадного игранья и ничого таковового не видѣлъ. Противнымъ зась способомъ, отъ тое дѣвки Матруны Станиславовны Настюша Степановая Дрошлевая, сусѣдка его милости пана Юрья Кублицкого, признала, же она видѣла, яко тотъ Карпъ долго игралъ съ тою дѣвкою, а Юрей Стефановичъ стерегъ и, за ворота выходечи, на домъ той часто погледалъ; а ямъ ему мовила, же то не добре, а онъ мнѣ отказалъ: нехай играють. И видѣломъ, якъ тотъ Карпъ тую дѣвку запровадилъ до бровару, што обачивши, заразъ пошламъ по другую сусѣдку Овдюшу Василевую шевцовую, повѣдаючи ей о томъ всемъ, которая зо мною видѣла, же дѣвка на колѣнахъ у Карпа седѣла, безъ паса и безъ фартуха, а Карпъ увесь спотнялъ и утиралъсе фартухомъ ее, а воланья жадного не слышели, бо далеко было. А Овдюша Василевая шевцовая тожъ властне признала, кгдымъ дей пришла въ домъ его милости пана Кублицкого на данье знать отъ Настюши Степановое, видѣламъ у того Карпы тую дѣвку на колѣнахъ, безъ паса и безъ фартуха, а онъ утиралъсе фартухомъ, а бо былъ спотнялъ; а въ томъ часѣ матка Карпина до дому пришла, тосьмы се всѣ розышли прочъ. А дѣвка зась сама тая помененая Матруна Станиславовна въ очи тому Карпѣ Василевичу передъ нами судомъ мовила, ижъ онъ ее правдиве зкгвалтилъ и презъ тотъ кгвалтъ паненство ей отнялъ, запровадивши ее кгвалтомъ до бровару въ дому своемъ, и ямъ дей ему на тотъ кгвалтъ не призваляла, але онъ мене заткавши уста шапкою поневольне зкгвалтилъ, и хотя жемъ колько могучи волала, онъ мене тымъ упевнилъ абымъ только не волала, же мѣлъ мене за себе за-мужъ поняти, для чогомъ вжо таити почала, маючи отъ него таковое упевненье и наповѣдаламъ того заразъ бабцѣ своей. Але коли иншіе люди вжо довѣдали се, яко се со мною стало, а межы иншыми то сказала пріятелка Давида Зареки, которая снать отъ негожъ самого Зареки слышала о томъ, и я вжо о томъ зкгвалценью своемъ бабцѣ ознаймивши, назавтрее до враду донесла жалобу свою, якожъ дей и знакъ паненства своего ачъ хотѣламъ того учинить. По которомъ таковомъ свядѣцтвѣ и по той всей мовѣ тое дѣвки, умоцованый ее, указуючы катанку, лѣтникъ и кошулю, тое дѣвки разшарпаную и помазаную, на доводъ ей самой второй до присеги беручи, всказанья на горло того Карпу

домавялъ се, або тежъ водлугъ обѣтницы своее нехай ее за жону собѣ береть. А Карпъ Василевичь до того всего не знаючисе и тое дѣвки за жону брати за себе не хочучи, на присегу само семъ и зъ осмымъ Юркомъ Стефановичомъ беручи се, увольненья отъ тое всее речы просилъ и домавялъ се, водлугъ подаваныхъ артыкуловъ отъ умоцованого его, о чомъ шырей зъ обудвухъ сторонъ тые артыкулы суть въ контроверсыи вышей описаны. А такъ мы, судъ, въ той справѣ видечы, же тая дѣвка Матруна Станиславовна того зкгвалценя своего свѣтками правне недовела и о томъ зкгвалценю своемъ заразъ тогожъ часу и дня на врадѣ не оповѣдала, але ажъ назавтрее, съ тыхъ меръ яко въ справѣ вжо не криминальной и не на горачомъ учинку поймано мъ, але вжо яко въ справѣ преноцованой, ку отводу сторону противную Карпа Василевича само осмого до присеги припущаемъ, а меновите: тому самому Карпу Василевичу, а при имъ ойцу его Висилью Хоминичу, матцѣ его Маруши Даниловнѣ, брату его Семену Васильевичу и жонѣ его Зофіи Яновнѣ, Павлу Захаревичу и жонѣ его Маруши Василевое, на томъ, ижъ онъ Карпъ тое дѣвки Матруны Станиславовны не зквалтилъ, паненства ее поневолне не отнималъ и жадного зъ нею сполкованья не мѣлъ, и брати ее за себе въ малженство не обѣцовалъ, и о томъ николи не мыслилъ и ни въ чомъ въ той помовцѣ ей ничого не виненъ; а Юрку Стефановичу осмому, на томъ, ижъ онъ кгволи тому зкгвалценью тое дѣвки въ дому того Карпы на стражи не былъ и ихъ въ томъ учинку не пильновалъ и о томъ зкгвалценью тое дѣвки повѣдаеть, присегу выконати наказуемъ, которой рокъ день третій складаемъ. А по выконанью тое присеги, вжо отъ всего того обжалованья тое дѣвки Матруны Станиславовны, а при томъ и отъ всее речы, за тою жалобою идучое, его, Карпу Василевича, и того Юрка Стефановича вольныхъ чынимъ. А кгды день третій той присезѣ зложоной сегожъ мѣсеца Іюня двадцатого дня припалъ, ино Карпъ Василевичь самъ жодалъ насъ, суду, абы еще тая присега до дня двадцать пятого сегожъ мѣсеца Іюня отложона была, хотечы се предъ выконаньемъ тое присеги высповѣдати у каплана римского набоженства, такъ тежъ и о то жодалъ, абы се тежъ и тая дѣвка высповѣдала и до веденья его до присеги добре се приготовила ц размыслила. Которое таковое жоданье тое проволоки яко въ речи светобливе побожной мы, судъ, видечи, тую присегу до дня двадцать пятого сегожъ мѣсеца Іюня отложили, наказавши имъ кождому, абы, водлугъ своего вызнанья и вѣры, тую споведь отправили, а дѣвка мяновала се быти дызунитского. На которомъ то дню зъ откладу прыпаломъ мѣсеца Іюня двадцать пятого дня, кгды се яко тотъ Карпъ такъ и дѣвка становили, ино умоцованый тое дѣвки, панъ Миколай Жоховскій, вжо при бытности на той справѣ самого его милости пана Яна Болеслава Косоровского, лянтвойта Полоцкого, взявшы зъ рукъ самое тое дѣвки передъ нами, зуполнымъ судомъ, въ ратушу Полоцкомъ тую цедулу на певный доводъ зкгвалценья ее покладалъ и ку актыкованю до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ подалъ писаную тыми словы: Mosciwi panowie burmistrze! Z inkwizycyey duchowney tey dziewki, s ktorą sie grzech stał, dostatecczniem wyrozumiał sumieniem ią zawiązuiąc, że tego człowieka nie pomawia. Ale będąc od niego namowiona pod pretextem małżenstwa, grzech sie dopusciła z onym.

Na to moie testimonium wydaie z monastera dzis rano, ktora to seduła ręką własną ihumena dysunickiego Połockiego pisana i podpisana tymi słowy. Iozafatus Połowko, ihumen praw. Połocky. А по прочитаню и по актикованю тое цедулы, тотъ же умоцованый отъ тое дѣвки домовлялъ, ижъ бы тотъ Карпъ Василевичь само семъ и осмый Юрко Стефановичь присегу выконывали на томъ всемъ, яко сказано и яко се самъ бралъ. А Карпъ Василевичь до выконанья тое присеги становилъ ся самое шостъ, то есть: зъ ойцомъ, зъ маткою, зъ швакгромъ и зъ сестрою, также и зъ братомъ рожонымъ, а братовая его, то есть Зофія Яновна ачъ се становила, але присегать не хотѣла. За чымъ умоцованый стороны поводовое отъ тое дѣвки цытовалъ науку зъ права Майдебурского, хто бы се на присегу взялъ, а потомъ не присегнулъ въ речи своей, тотъ во всемъ упадаетъ, домавлялъ се, абы вжо тотъ Карпъ Василевичь поневажъ на отводѣ усталъ, на горлѣ покаранъ былъ. Мы судъ, видечи, ижъ въ той всей справѣ зъ обудвухъ сторонъ есть якоесь не до зкгвалценья, але до цудзолозства подобенство, бо тая дѣвка, не заразъ того дня, коли собѣ тое зкгвалценье мяновала, на урадѣ оповѣдала, але ажъ назавтрее, а тотъ Карпъ Василевичь, поневажъ взявшисе на отводъ, само семъ до присеги въ семой особѣ, которая зъ нимъ мѣла присегать, то есть въ братовой своей не на отводѣ усталъ, съ тыхъ причынъ и зъ иншихъ велю околичностей и подобенствъ тыхъ обудвухъ, яко того Карпу Василевича, такъ и тую дѣвку Матруну Станиславовну, за тотъ ихъ спросный въ цудзолозствѣ учинокъ, абы се напотомъ не только они, але и нихто иншій таковогo учынку въ мѣстѣ Полоцкомъ чинить не важилъ, всказуемъ, абы ихъ обоихъ презъ цекляровъ хлостою дужою выбито и зъ мѣста выгнано было.. На которое выконанье того наказу нашого отложилисмо тую справу ажъ до дня осмнадцатого мѣсеца Іюля, а до турмы ихъ обоихъ, то есть того Карпу Василевича у везенью въ турмѣ, а дѣвку въ ланцугу задержать росказали есмо. Въ которомъ часѣ нимъ тотъ день осмнадцатый мѣсеца Іюля припалъ, дѣвка въ везенью зостала, а Карпъ Василевичь дня вчорайшого мѣсеца Іюля семнадцатаго, въ семъ року тисеча шестьсотъ чтердестомъ зъ везенья зъ турмы утеклъ. Ино мы судъ, вжо видечи значное подобенство, же хто утекаеть тотъ виннымъ се самъ подаеть во всемъ обвиненью, съ тыхъ причинъ того Карпу Василевича за тое зкгвалценье тое дѣвки, яко кгвалтовника, на горло вказуемъ, который гдѣ кольвекъ улапенъ быти можеть, маеть быть стятъ и на горлѣ покаранъ; а дѣвку зъ везенья увольнивши, тому Юрку Стефановичу, который въ той же речи за помочника отъ нее обвиненъ былъ, присегу выконать на томъ, яко се вышей поменило, дня двадцатаго сегожъ мѣсеца Іюня наказуемъ. До которого то дня двадцатого приказали есмо слугамъ мѣскимъ присяглымъ, абы они голосомъ живымъ, а цекляри при нихъ голосомъ презъ бубенъ по трикроть того Карпу Василевича приволали и о такомъ декретѣ, который се надъ ними сталъ, абы се напотомъ невѣдомостью не вымавлялъ, ознаймили. Якожъ дей слуги мѣскіе и цекляри, ставши передъ нами очевисто на врадѣ, мѣсеца Іюля двадцатого дня, признали, же першій разъ дня осмнадцатого, другій разъ дня деветнадцатого, а третій разъ дня двадцатого мѣсеца Іюля приволывали его Карпу Василевича, чинечи то приволанье голосомъ живымъ и презъ ударенье въ бубенъ

на кождый день по три раза, то есть першый разъ въ ринку передъ ратушомъ, другій разъ на концу ринку, а третій разъ передъ домомъ мѣшканья того Карпы Василевича, по вси тыи часы на кождое приволанье не отзывалъ се и передъ нами въ ратушу не становилъ се, и тымъ утеченьемъ своимъ всю вину на себе взложилъ. А тотъ Юрко Стефановичъ, водлугъ наказу нашого, присегу выконалъ, за чимъ вжо во всей той речи воленъ зосталъ. Которая справа, яко се у суду по вси тые часы точила, про паметь есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана. Выписъ выданъ.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ, хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

120.

1640 г. Іюня 25. Удостовѣреніе православнаго игумена по дѣлу объ изнасилованіи дѣвушки Матрены Станиславовой на основаніи произведеннаго духовнаго разслѣдованія.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami i ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącymi, pan Mikołay Żochowsky, będąc plenipotentem od dziewki Matruny Stanisławowny przeciwko Karpowi Wasilewiczowi o zgwałcenie oney, wziąwszy z ręku oney samey przed nami, zupełnym sądem, w ratuszu Połockim te cedułe na pewny dowod o zgwałceniu iey, ku aktykowaniu do xiąg mieskich Połockich podał, pisaną temi słowy: Mosciwi panowie burmistrze. Z ynkwizitiey duchowney tey dziewki, z ktorą sie grzech stał, dostatecznie wyrozumiał, sumieniem ią zawięzuiąc, że tego człowieka nie pomawia, ale będąc od niego namowiona pod pretextem małżenstwa, grzechu sie z onym dopusciła. Na to moie testimonium wydaie z monastera dzisia rano, ktora to ceduła ręką własną yhumena Disunickiego Połockiego pisana y podpisana temi słowy: Jozafat Połowko Ihumen Praw. Połocki. A za potrzebowaniem

При бытности Полотскаго лянтвойта Яна Болеслава Косоровскаго, предъ нами бургомистрами, райцами и лавниками, въ настоящемъ году для судебныхъ дѣлъ засѣдающими въ Полотской ратушѣ, панъ Николай Жоховскій, повѣренный дѣвушки Матрены Станиславовой противу Карпа Васильевича по дѣлу объ изнасилованіи ея, получивъ изъ рукъ ея въ полномъ присутствіи суда письмо игумена, какъ доказательство ея изнасилованія, предложилъ записать таковое въ книгу суда, каковое письмо прописано такъ: Милостивые господа бургомистры! По духовномъ изслѣдованіи этой дѣвушки, съ которою грѣхъ таковой приключился, я вполнѣ удостовѣрился, обязавъ ее говорить истину по совѣсти, что она того человѣка не склоняла, а напротивъ онъ ее соблазнилъ, уговоривъ подъ предлогомъ замужества совершить съ нимъ грѣхъ. Въ засвидѣтельствованіе чего настоящее мое удостовѣреніе выдаю изъ монастыря нынѣ утромъ. Каковое письмо собственноручно писано Полот-

przerzeczonego pana Żochowskiego iest do xiąg mieskich Połockich wpisano. Widymus iego mosci panu podsędkowi Połockiemu wydano. Jego mosci x. rektorowi widymus wydan.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 г. (стр. 190), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

скимъ православнымъ игуменомъ и подписано имъ этими словами: Іосафатъ Половка, игуменъ прав. Полотскій. А по требованію пана Жоховскаго явлено письмо въ городскихъ Полотскихъ книгахъ. Съ него копія выдана пану подсудку Полотскому и другая копія выдана ксендзу ректору.

121.

1640 г. Іюля 22. Постановленіе Полотскихъ мясниковъ, чтобы каждый покупалъ скотъ исключительно на рынкѣ.

Ухвала всихъ рѣзниковъ, абы жаденъ быдла не куповалъ въ домахъ, але въ ринку подъ заплаченьемъ полваркгельта на ратушъ.

При бытности пана Лукаша Казимера Домкевича, лавника мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучими, постановившеся очевисто многіе мѣщане мѣста Полоцкого, рѣзники, вси едностайне позволили и ухвалили то, абы жаденъ рѣзникъ нигдѣ въ дому жадного быдла не важилъ се куповать, только въ ринку. А если бы се на которого рѣзника то показало, абы въ дому у кого куповалъ, теды таковый кождый маеть на ратушъ тутошній полваркгельту безъ жадное фольги заплатить. Которое таковое тыхъ рѣзниковъ постановенье и мы, судъ зуполный, видечи быть слушное такъ на того, хто купуеть, яко хто и продаеть, до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записать наказали есмо. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ (стр. 225), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

122.

1640 г. Августа 17. Постановленіе Полотскихъ мѣщанъ о сборѣ по золотому на коммиссію по дѣлу съ отцами іезуитами о городскихъ земляхъ и по вопросу о содержаніи стражи тюремной.

Ухвала поспольства побору по золотому на справу въ комисыи о кгрунты зъ ихъ милостями ойцы езуиты колеюмъ Полоцкого.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками мѣста его королевское милости Полоцкого, того року тисеча шестьсотъ чотырдесятого на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ засѣдаючими, посполъство, мѣщане мѣста Полоцкого, за наказомъ нашимъ врадовымъ въ ратушу Полоцкомъ згромажоные, для розмовы, по чому бы побору на справу зъ ихъ милостями ойцы езуиты

колеюмъ Полоцкого о кгрунты мѣскіе Шерешковскіе, и если потреба стражъ або варта до вязневъ, черезъ жидовъ, въ мѣстѣ Полоцкомъ мѣшкаючихъ, о збуренье школы жидовское обжалованыхъ, въ турмѣ мѣской Полоцкой осажоныхъ. Гдѣ тое посполъство мѣщане мѣста Полоцкого на тые пункта таковое постановенье и ухвалу згодне и едностайне учинили, а напередъ: побору въ справѣ зъ ихъ милостями ойцы езуиты колеюмъ Полоцкого въ комисыи о кгрунты мѣскіе ухвалили съ кождого пляцу по золотому польскому; а на стражъ и варту до вязьневъ, черезъ жидовъ обжалованыхъ въ турмѣ осажоныхъ, все посполъство одностайне не позволили, заносечи и повѣдаючи то, же яко жидове ихъ обвинили и посадзили, такъ тежъ нехай они ихъ въ томъ везенью осажоныхъ пильнуютъ. Которое таковое постановенье и ухвала всего посполъства мѣщанъ мѣста Полоцкого, за згодою ихъ учиненое, про паметь есть до книгъ мѣскихъ ратушныхъ Полоцкихъ за позволеньемъ всего магистрату мѣста Полоцкого записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ (стр. 267), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

128.

1640 г. Августа 22. Рѣшеніе по дѣлу Ивана Буяновича съ Сидоромъ Сухомырою о неотдачѣ симъ послѣднимъ дочери его, уже обрученной съ Буяновичемъ.

Декретъ въ справѣ Ивана Буяновича зъ Сидоромъ Сухомырою о неотданье за него дочки, заручоное въ станъ малженскій.

Пры бытности его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановившы се очевисто мѣщанинъ мѣста Полоцкого Иванъ Буяновичь и зъ умоцованымъ своимъ паномъ Иваномъ Почковскимъ, жаловалъ на мѣщанина тогожъ мѣста Полоцкого Сидора Сухомыру о неотданье дочки его Сухомырины панны Арыны въ станъ светый малженскій, которая была за него заручона, за чымъ шкоды на копъ десять грошей Литовскихъ понеслъ. О што будучы тотъ Сидоръ Сухомыра очевисто на день сегоднешній черезъ слугу врадового Яна Олшевского заказаный за першымъ заказомъ, ставшы зъ умоцованымъ своимъ паномъ Миколаемъ Жоховскимъ и на жалобу усправедливяючысе, повѣдилъ тыми словы: правда то есть, ижъ дочка моя Арына была за его Ивана Буяновича зъ вѣдомостью моею заручона и терминъ веселья заложонъ былъ, лечъ же се онъ самъ Иванъ Буяновичъ на часъ детерминованый до шкоды великое привелъ, и болѣй на томъ шкодую, нижъ онъ самъ Иванъ Буяновичъ, якожъ дей и ойцу того Ивана Буяновича предъ терминомъ веселья ознаймоваломъ, абы се сынъ его на часъ назначоный ку веселью зложоному становилъ; лечъ же не сталъ, ино насъ убогихъ людей тымъ до шкоды великое привелъ, за чымъ и дѣвка, до него серце стративши, за него въ станъ малженскій ити не хочетъ. Противко чему тотъ Иванъ Буяновичъ зъ умоцованымъ своимъ повѣдилъ: зло-

жонъ былъ рокъ веселью въ семъ року тисеча шестьсотъ чотердестомъ по Великодни, свята прошлого Руского, двухъ недѣляхъ, на который тотъ рокъ жемъ не прибылъ, не иншая одно тая причына, жемъ отъѣжджалъ съ Полоцка до Чашникъ для хоробы брата моего рожоного Андрея, который смертельне хорый былъ. За чымъ домавялъсе, абы тая дѣвка за него въ станъ малженскій, яко заручоная и пошлюбеная, выдана, и шкоды поднятые на немъ Сидору Сухомырѣ всказаны были. Мы, судъ, предъ ферованьемъ декрету нашого наказали есмо, абы тотъ Сидоръ Сухомыра тую дочку свою передъ нами ставилъ, для взятья певное вѣдомости если была змовлена и заручона въ станъ малженскій. Которая, кгды тогожъ року мѣсеца и дня вышейпомененого станула, передъ нами, судомъ, признала: хотя жемъ дей за его Ивана Буяновича была змовлена и заручона, алежъ не барзо за него хотѣла, еднакъ за него въ станъ малженскій шлюбовала при родичахъ моихъ. Для чого, видечы, ижъ то не судови нашому свѣцкому, але судови духовному судити належыть, тую справу, гдѣ идеть о шлюбъ и о заручыны, до суду духовного, то есть до превелебного въ Богу его милости отца Антонего Селявы, зъ ласки Божое архіепископа Полоцкого, владыки Витебского и Мстиславского, одсылаемъ, а зъ роз-судку его милости отца архіепископа хто зостанеть виненъ, теды до того вольное мовенье и цѣлое право о шкоды у суду належного на обѣдвѣ стороны передъ нами, судомъ мѣскимъ въ ратушу Полоцкомъ, заховуемъ кождого часу, кгды сторона сторону припозоветь. Которая справа, яко се у суду точыла, про паметь есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана и выписъ выданъ.

Изъ книги Полотской ратуши за 1640 годъ (стр. 232), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

124.

1640 г. Августа 22. Рѣшеніе Полоцкаго магистрата по дѣлу о неуваженіи его Гавриломъ Наплѣшицомъ и о побіеніи имъ урядовыхъ слугъ.

Пункта, сказаные на пану Гаврилѣ Наплѣшицу о упоръ, непослушенство и о зневагу и о побитье слугъ врадовыхъ.

Янъ Болеславъ Косаровскій, лянтвойтъ Полоцкій, и мы, бурмистры, райцы и лавники мѣста Полоцкого, на рокъ теперешнїй тисеча шестсотъ чотердесятый на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучіе, ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ, ижъ, водлугъ справы, въ дню осмнадцатомъ и двадцатомъ мѣсеца Іюля зачатое, о своволю, ексцеса, упоръ, о непослушенство, о зневагу всего насъ зуполного маистрату, также о побитье и о зневагу слугъ врадовыхъ на пану Гаврилѣ Остафьевичу, Наплѣшицу, всказали есмо вины сто золотыхъ польскихъ, заразъ не сходечы зъ уряду, намъ заплатить и на цалый тыдень подъ шлюбъ въ ратушу Полоцкимъ въ посполитой избѣ засѣсть, и въ томъ тыдню презъ три дни порану о годинѣ се-

мой ажъ до осмое наверху зекгару седѣть маеть, што все конечне выполнить маеть. А если бы зась онъ, панъ Гаврило, въ томъ чомъ кольвекъ выкрочылъ и которому пункту досить не учинилъ, теды маеть подъ вси срокгости подлегать, которіе первѣй заслужилъ былъ. Слугъ тежъ всихъ врадовыхъ, которыхъ зневажилъ и побилъ, маеть навезать альбо тежъ оныхъ поеднать. А кордъ, которымъ слугъ врадовыхъ билъ, вѣчне на ратушу зоставать маеть, и ему се ворочать не маеть, якожъ заразъ тымъ помененымъ пунктомъ маеть панъ Гаврило досить чинить, не сходечи зъ ураду. На што все будучи очевисто панъ Гаврило Наплѣшицъ позволилъ, и на томъ узнанью нашомъ врадовомъ перестал. Што все мы, судъ, до книгъ нашихъ врадовыхъ мѣскихъ Полоцкихъ записать казали. Писанъ у Полоцку, на ратушу, року тисеча шесть сотъ чотердесятого, мѣсеца Августа двадцать второго дня.

Изъ книги Полоцкой ратуши за 1640 годъ (стр. 287), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

125.

1640 г. Ноября 28. Протестъ Яна Лисовскаго на Криштофа Старымовича о чарахъ посредствомъ таракановъ.

Протестацыя его милости пана Яна Лисовского, подвоеводзего Полоцкого, на пана Крыштофа Старымовича о якіесь чары презъ данье зъ дому его таракановъ пани Чеславской.

При бытности мене Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ на рокъ теперешній будучыми, оповѣдалъ се обтежливе, въ немаломъ жалю своемъ жаловалъ земенинъ господарскій и подвоеводзій воеводства Полоцкого его милость панъ Янъ Лисовскій на славетного пана Крыштофа Старымовича, мѣщанина и бурмистровича Полоцкого, о томъ, ижъ въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ чотырдесятомъ смѣлъ и важилъ се мимо право посполитое и бы наймнѣй на срокгость на свойвольныхъ на таковыхъ людей описаного, не дбаючы и не огледаючы се на Пана Бога и на сумнѣне свое, не вѣдать въ якій способъ таракановъ накладшы у кгарнецъ зъ дому своего, въ мѣстѣ Полоцкомъ стоячого, малжонцѣ земенина господарского воеводства Минского пана Петра Чеславского пани Ганнѣ Кгелвиловнѣ Петровой Чеславской, которая на тотъ часъ въ мѣстѣ Полоцкомъ была и въ дому его преречоного Старымовича господою стояла, далъ. А пани Чеславская, взявшы тые тараканы зъ дому его Старымовича до имѣнья и двора его милости пана Яна Лисовского, подвоеводзего Полоцкого, названого Ушачы, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачого, привезшы снать за волею, радою и намовою его пана Старымовича, въ року томъ же тисеча шесть сотъ чотырдесятомъ мѣсеца Ноября второго дня, кгды маетность Ушачу, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачую, которую арендою отъ его милости пана подвоеводзего Полоцкого и малжонки его милости уступовали, во-

длугъ декрету суду головного трибунального въ Новогородку въ томъ же року ферованого, въ избѣ той, въ которой на тотъ часъ мѣшкали, пустила. За которымъ таковымъ пущеньемъ тыхъ таракановъ его милость панъ Лисовскій немалую шкоду въ поздыханью разного быдла поноситъ, яко и въ здоровью своемъ, што все шыре а достаточней на протестацыи на пана Чеславского и малжонку его о тые чары описано и доложоно есть. А хотечы о то зъ нимъ, паномъ Старымовычомъ, правомъ чинить у суду належного и тое кривды на немъ доходить, а на сей часъ доносечы сюю свою протестацыю до книгъ мѣскихъ ратушныхъ Полоцкихъ, просилъ, абы была записана. Што есть записано. Выписъ и видымусъ выданъ.

Изъ книги Полоцкой ратуши за 1640 годъ (стр. 415), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

126.

1643 г. Генваря 26. Заявленіе служки Петра Мартиновича о подбросѣ въ сѣни его, въ кадку съ водою, большаго пучка женскихъ волосъ.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Kosarzewskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami i ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi stanowszy oblicznie sługa mieski urzędowy Piotr Marcinowicz, żałował i opowiadał o tym, iż nie wiedzieć kto potaiemnie milczkiem iesli w nocy albo we dnie a snać podobno na iakies czary wrzucono w sieni do domu mego w kadz z wodą węzeł wielki włosow białogłowskich, zabiegaiąc tedy w przyszły czas, aby co złego za takim podrzuceniem włosow w domu moim nie działo. A wziąwszy wiadomość o każdym takowym, kto by to smiał i ważył sie uczynić, z kożdym takowym chcąc prawnie postempować, natenczas prosił, aby to opowiadanie y żałoba iego była do xiąg mieskich Połockich zapisana. Co iest zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 59), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

При бытности пана Яна Болеслава Косаровскаго, лянтдвойта Полотскаго, предъ нами бургомистрами, райцами и лавниками, въ этомъ году засѣдающими для судныхъ дѣлъ въ Полотской ратушѣ, явившись лично служка Петръ Мартиновичъ, обжаловалъ и разказалъ, что неизвѣстно кѣмъ и когда—ночью, или днемъ, а только должно быть для какого нибудь чародѣйства, подброшена въ его сѣни, въ кадку съ водою, большая связка женскихъ волосъ. Желая на будущее время, если отъ таковаго подбрасыванія приключится что либо дурное въ его домѣ, обезпечить для себя возможность поступить по законамъ съ тѣмъ, кто такъ учинить смѣлъ, просилъ онъ Мартиновичъ, дабы жалоба его и разказъ записаны были въ городскія книги. Что и исполнено.

127.

1643 г. Генваря 30. Явка привилегіи Владислава IV (1642, Августа 14) выданной Полотскимъ цирульникамъ на право составленія ими цеха въ Полотскѣ.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami i ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie uczciwy Jan Domaszewski, cyrulik Połocki, opowiadał i ku wpisaniu do xiąg mieskich Połockich pokładał przywiley Jego Kr. Mosci pana naszego miłosciwego, pod pieczęcią W. X. Lit. i z podpisem ręki J. Kr. Mosci nadania wszystkim cyrulikom Połockim cechu, aby w porządkach medzy sobą żyć i sprawować się mogli, ktory to przywiley pokładając, żądał, aby do xiąg mieskich Połockich wpisany był. My urząd, mając ten przywiley Jego Kr. Mosci w wielkim poszanowaniu, za żądaniem pomienionego Jana Domaszewskiego cyrulika, kazalismy do xiąg wpisać, ktory wpisując, słowo od słowa tak się w sobie ma: Władysław IV etc. Oznaymuiemy tym listem naszym, komu to wiedzieć należy: pokładany był przed nami list lantwoyta, burmistrzow, raycow i ławnikow miasta naszego Połocka, pieczęcią ich mieską zapieczętowany y ręką sławetnego Abrama Jurgiewicza, w niebytnosci pisarza mieskiego tamecznego, podpisany, de data w Połocku roku teraznieyszego tysiąc szescsetnego czterdziestego wtorego miesiąca Maia wtorego dnia, przez który to list cerulikom miasta Połockiego, dla lepszego w rzemiesle ich porząd-

При бытности его милости пана Яна Болеслава Косаровскаго, ляндвойта Полоцкаго и передъ нами бургомистрами, райцами и лавниками, въ семъ году засѣдающими для судныхъ дѣлъ въ Полотской Ратушѣ, Янъ Домашевскій, цирульникъ Полотскій, явившись лично, разсказывалъ и для записи въ городскія Полотскія книги подалъ привилегію его королевской милости пана нашего милостиваго, за печатью велик. княж. Литовскаго и съ собственноручной подписью руки его милости короля, дарованную всѣмъ цирульникамъ Полотскаго цеха, дабы они могли вести между собою свои дѣла. Передавая эту привилегію просилъ онъ занести ее въ городскія Полотскія книги; и мы, имѣя въ великомъ уваженіи таковую привилегію, согласно желанію вышепоименованнаго Яна Домашевскаго, цирюльника, приказали ее въ книги вписать, отъ слова до слова: Владиславъ IV и пр. Объявляемъ этимъ листомъ нашимъ всѣмъ, кому объ этомъ знать слѣдуетъ, что представляемъ былъ намъ листъ ляндвойта, бургомистровъ, райцевъ и лавниковъ города нашего Полотска, утвержденный ихъ городскою печатью и подписанный рукою славетнаго Абрама Юргевича, за небытностью тамошняго городскаго писаря, и помѣченный въ Полотскѣ настоящаго 1642 года мѣсяца Мая втораго числа. Каковымъ листомъ дозволяется цирюльникамъ города Полотска ходатайствовать у насъ о полученіи цеховой привилегіи для улучшенія порядка въ ихъ ре-

ku, o cech u nas starać się pozwalają, wniesiona za tym była do nas imieniem uczciwych Jana Domaszewskiego i Lorensa Gurskiego, także imieniem inszych wszystkich cerulikow, w pomienionym miescie naszym Połocku będących, prosba, abysmy im cech przykładem cechu cerulikow miasta naszego Wilna nadać y uprzywiliować raczyli. My tedy, życząc, aby to miasto nasze Połockie podczas przeszłey expedyty Moskiewskiey dla niezgody i nieporządku od nieprzyiaciela spustoszone iako naylepsze w obywatelach tamecznych porządki w przyszły czas mieć mogło, a zatym ozdobę i pomnożenie brało, do takowey ich miłosciwie skłoniwszy się prosby przerzeczonym cerulikom miasta tego, cech i artykuły takież, iakie cerulicy w miescie naszym stołecznym Wilnie mieszkający mają, nadaiemy i confirmuiemy, tak yż oni przykładem cechu cerulikow Wilenskich i i artykułow onym od naiasnieyszych antecessorow naszych nadanych i od nas konfirmowanych sprawuiąc się, starszych między sobą obrawszy, rzemiosłem swym szafować, młodych uczniow na naukę przyjmować, i onych z nauki wyzwalaiąc listy swe pod pieczęcią cechu swego dawać, y ynszych wszelakich prerogatiw cechowi cerulickiemu Wilenskiemu służących, krom wszelakiey ni od kogo przeszkody zażywać będą mogli iurydyce iednak i prawom miasta naszego Połocka ni w czem nie deroguiąc. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy pieczęc W. X. Lit. przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie dnia XIV mca Augusta, roku Pan. MDCXLII, panowania

месяѣ. Представлена за тѣмъ была намъ просьба отъ имени Яна Домашевскаго и Лоренса Гурскаго а равно и отъ всѣхъ прочихъ цирюльниковъ, въ вышеименованномъ городѣ нашемъ Полотскѣ проживающихъ, дабы мы соизволили, по примѣру цеховой привилегіи города нашего Вильны, дать имъ таковую цеховую привилегію. Мы тогда, желая что бы городъ нашъ Полотскъ, опустошенный въ минувшую Московскую экспедицію, ради несогласія и безпорядковъ жителей, имѣлъ надлежащій порядокъ на будущее время, а съ тѣмъ вмѣстѣ украшался и распространялся, на таковую просьбу цирюльниковъ города Полотска милостиво снизошли и жалуемъ имъ и утверждаемъ цеховое право и артикулы такіе же, какіе имѣютъ цирюльники столичнаго города нашего Вильны. Такъ имѣютъ они управляться во всемъ по примѣру цеха Виленскихъ цирюльниковъ и по артикуламъ, дарованнымъ тѣмъ цирюльникамъ нашими найяснѣйшими предшественниками и нами утвержденнымъ; имѣютъ они, избравъ старшихъ, управлять своимъ ремесломъ, принимать молодыхъ учениковъ въ ученіе, освобождать женатыхъ, листы свои давать за печатью цеха и иными всякими преимуществами, Виленскимъ цирюльникамъ служащими, пользоваться безъ всякаго отъ кого либо препятствія, не нарушая однако ни въ чемъ юриздикцій и привилегіи города нашего Полотска. Въ удостовѣреніе чего и для полнаго вѣроятія мы подписались собственноручно и приказали приложить печать великого княжества Литовскаго. Данъ въ Варшавѣ, Августа 14 дня въ лѣто Господне 1642, царствованія нашего въ Польшѣ десятого, а въ Швеціи 11-го. Къ этой привилегіи приложена печать велик. княж. Литов-

naszego Pol. X a Szwed. XI roku. U tego przywileiu pieczęc W. X. Lit. iest przycisniona a podpis ręki J. kr. Mosci pana naszego miłosciwego tymi słowy: Vladislaus rex. A drugi podpis pod pieczęcią tymi słowy: Franciszek Szaykowski, referendarz i pisarz W. X. L. Ktory to przywiley Iego Kr. Mosci pana naszego miłosciwego za żądaniem pomienionego Jana Domaszewskiego cyrulika iest do xiąg mieskich Połockich zapisan. Wypis i widymus wydano.

Изъ книги Полоцкой ратуши за 1643 годъ (стр. 71), хранящейся тамъ же.

скаго и подпись руки его королевской милости пана нашего милостиваго сдѣлана этими словами: Владиславъ король, а другая подпись подъ печатью этими словами: Францишекъ Шайковскій, референдарій и писарь великого княжества Литовскаго. Каковая привилегія его королевской милости пана нашего милостиваго, согласно просьбѣ вышепоименованнаго Яна Домашевскаго, цирюльника, записана въ городскія Полотскія книги.

128.

1643 г. Февраля 6. Явка привилегіи Владислава IV гончарамъ, печникамъ, каменщикамъ и кирпичникамъ Полотскимъ на право составленія ими своего цеха.

Przy bytnosci pana Jana Siergiewicza Wołka, raycy miasta Połockiego, na mieyscu iego mosci pana Jana Bolesława Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych u ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie mieszczanie miasta Połockiego Lawryn Białkowski y Piotr Ihnatowicz, starostowie cechu garcarskiego, opowiadali y ku wpisaniu do xiąg mieskich Połockich pokładali przywiley J. Kr. M. pana naszego miłosciwego pod pieczęcią W. X. L. zawieszoną i z podpisem ręki J. K. M. nadania garcarzam, pieczaram, mularzom y strycharzom Połockim cechu, aby w porządkach między sobą żyć y sprawować się mogli. Ktory to przywiley pokładając, żądali, aby do xiąg mieskich Połockich wpisany był. My urząd, maiąc ten przywiley Jego Kr. Msci w wielkim poszanowaniu, za żądaniem pomienionych starost cechu garcarskiego,

Въ присутствіи пана Яна Сергѣевича Волка, райцы города Полотска, въ отсутствіе лянтвойта его милости Яна Болеслава Косаровскаго, передъ нами: бургомистрами, райцами и лавниками, въ настоящемъ году для судныхъ дѣлъ засѣдающими въ Полотской ратушѣ, лично явившись, Полотскіе мѣщане Лавринъ Бѣлковскій и Петръ Игнатовичъ, цеховые старосты, объясняли и для явки въ городскія книги представили привилегію его королевской милости пана нашего милостиваго съ висячею печатью великаго княжества Литовскаго и подписью королевской руки, каковою привилегіею даруется право Полотскимъ гончарамъ, печникамъ, каменщикамъ и кирпичникамъ составить цехъ для веденія дѣлъ между собою. Представляя эту привилегію, вышепоименованные цеховые старосты желали, дабы оная была записана въ городскія книги. Мы же, урядъ,

kazalismy ze wszystką rzeczą w nim opisaną do xiąg wpisać, ktory wpisuiąc słowo od słowa tak się w sobie ma: Władysław czwarty, z Bożey łaski krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudskie, Mazowieckie, Inflantskie, Smolenskie, Czernihowskie, a Szwedski, Gotski, Wandalski, dziedziczny krol. Oznaymuiemy tym listem naszym komu to wiedzieć należy gdy sławetni burmistrze, raycy y ławnicy, magistrat wszystek miasta naszego Połocka, bacząc, iż między rzemiesnikami to iest ganczarami, pieczarami, mularzami y strycharzami, w miescie Połockim mieszkaiącemi, wielki nieporządek się dzieie, tedy oni do dobrego porządku postrzegaiąc do pospolitego tegoż miasta i obywatelow iego sciągaiącego się pożytku postanowili to spolnie za zgodą y prosbą samych osob tych rzemiosł, aby ganczarowie, pieczarowie, mularze i strycharze, w miescie Połockim mieszkaiące, wszyscy ieden cech swoy przykładem miasta naszego stołecznego Wilenskiego mieć mogli, według ktorego by się w rzędzie dobrym i posłuszenstwie sprawować mieli, y u nas się im o przywiley y nadanie tych że artykułow, ktore od nas mularzom Wilenskim w roku tysiąc szescset trzydziestym trzecim miesiąca Iulii, a ganczarom w roku tysiąc szescset trzydziestym czwartym dnia szesnastego miesiąca Augusta, nadane y confirmowane są, starać pozwolili. Zaczym supplikowali nam ci pomienieni rzemiesnicy Połoccy gancarze, pieczarowie, mularze i strycharze przez niektorych panow rady u urzędniki dworne przy boku naszym na ten czas będące, abysmy na takowe ich postanowienie zezwolili, i artykuły cechowi ganczarskiemu y mularskiemu Wilenskim służące, onym nadali. Jakoż widząc my prosbę ich być słuszną tym ninieyszym listem naszym cech swoy ganczarom, pieczarom

имѣя эту королевскую привилегію въ великомъ уваженіи, согласно ихъ желанію, распорядились записать ее, со всѣмъ, что въ ней заключается, въ городскія книги. Что исполняя отъ слова до слова такъ вписали: Владиславъ IV, милостію Божіею король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфлянскій, Смоленскій, Черниговскій и Шведскій, Готскій и Вандальскій наслѣдственный король. Объявляемъ этимъ письмомъ нашимъ всѣмъ, кому про то знать слѣдуетъ, что славетные бургомистры, райцы, лавники и весь магистратъ города нашего Полотска, замѣчая, что между городскими ремесленниками, то есть гончарами, печниками, каменщиками и кирпичниками, въ городѣ живущими, происходятъ большіе безпорядки и желая все привести въ порядокъ споспѣшествуя тѣмъ ко всеобщей пользѣ постановили, за общимъ согласіемъ и по просьбѣ выборныхъ отъ ремесленниковъ, дабы гончары, печники, каменщики и кирпичники, живущіе въ городѣ Полотскѣ, одинъ цехъ составили, по примѣру столичнаго города нашего Вильны, и этимъ способомъ въ порядкѣ жить и управляться могли. Для чего дозволили имъ испрашивать у насъ привилегіи и пожалованія тѣхъ же артикуловъ, которые нами дарованы Виленскимъ каменщикамъ въ 1663 году мѣсяца Іюля, а гончарамъ въ 1634 году Августа мѣсяца 16 дня. За симъ просили насъ вышепоименованные Полотскіе ремесленники гончары, каменщики, печники и кирпичники, чрезъ нѣкоторыхъ пановъ рады и дворныхъ чиновниковъ, при особѣ нашей состоящихъ, дабы мы согласились на такое ихъ постановленіе и даровали имъ право пользоваться артикулами данными Виленскимъ каменщицкаго и гончарнаго цеха ремесленни-

mularzom y strycharzom Połockim wszystkim spolnie ieden mieć pozwalamy y artykuły w cechu ganczarskim Wilenskim wyrażone, aby się według tego postanowienia y artykułow w cechu swoim rządzili, onym nadaiemy. Ktore to postanowienie y artykuły tak się w sobie maią: Naprzod, aby na kazdy rok na dzień swięta Bożego Ciała wespoł się zszedszy między sobą czterech starszych mistrzow wybierali, ktorzy o to się starać będą, aby na każdy kwartał przed zgromadzeniem wszystkich mistrzow starszych y młodszych y towarzyszow tegoż rzemiosła statuta y artykuły, w tym przywileiu opisane, czytane były. K temu, aby też na każde dwie niedzieli, albo ilekroć potrzeba ukaże, mistrzowie do iednego z starszych, u ktorego w onym roku cechowa skrzynka będzie leżała, schodzili sie ku radzeniu o dobrym postanowieniu y porządku bractwa swoiego, ktorzy występki wszelakie według artykułow, w tym przywileiu opisanych, karać będą, y skrzynkę pospolitą cechową z przywileiami y inszemi listami chować maią, postrzegaiąc tego, aby nigdy pod inszą iurysdictią chowana nie była, iedno pod mieską. S tem na dzień schadzki za obesłaniem do cechu, gdzieby ktory mistrz nie przyszedł, albo o sobie przez kogo pewnego znać nie dał, takowy ma dać winy do skrzynki brackiey, a zwłaszcza starszy dwa grosza Litewskie a młodszy mistrz grosz ieden, a to dla nieposłuszenstwa. S tem na każde suchedni ku chwale Panu Bogu wszechmogącemu, w Troycy Swiętey iedynemu, na żałobney mszy y modlitwach, ktore w kosciele i w cerkwi greckiego nabożenstwa, w iednosci z swiętym kosciołem rzymskim będącey, za umarłą bracią y siostry, według zwyczaiu chrzescianskiego sprawowane bywają, każdy brat i siostra był, albo na mieysce swe żonę swą albo czeladnika posłał; a ktory by tego upor-

камъ. Таковую просьбу ихъ находя уважительною, мы, настоящимъ листомъ нашимъ, дозволяемъ имѣть одинъ общій цехъ всѣмъ каменьщикамъ, гончарамъ, печникамъ и кирпичникамъ Полотскимъ, а ровно даемъ имъ и артикулы, присвоенные Виленскому гончарному цеху, дабы они по тѣмъ артикуламъ управлялись. Каковое постановленіе и артикулы суть нижеслѣдующіе: Во-первыхъ, чтобы каждый годъ въ день праздника Тѣла Господня, всѣ вмѣстѣ собравшись, избирали четырехъ старшихъ мастеровъ, которые должны заботиться о томъ, чтобы каждые три мѣсяца, предъ собраніемъ всѣхъ старшихъ и младшихъ мастеровъ и подмастерьевъ того же ремесла читаны были уставы и артикулы, имѣющіеся въ этой привилегіи. Кромѣ того, чтобы въ каждыя двѣ недѣли, и въ случаѣ надобности, сходились мастера къ одному изъ старшихъ, у котораго въ этотъ годъ будетъ храниться цеховая касса, для совѣта о благочиніи и порядкѣ своего братства, для наказанія различныхъ проступковъ по правиламъ, изложеннымъ въ этой привилегіи, и для храненія цеховаго сундука съ привилегіями и прочими листами, наблюдая, дабы оный никогда не состоялъ ни въ чьемъ иномъ, какъ только въ городскомъ завѣдываніи. При томъ: въ назначенный для сходки день, послѣ оповѣщенія, если бы кто не пришелъ или не далъ о себѣ знать, тотъ обязанъ заплатить штрафъ въ братскую кружку, а именно старшій мастеръ, платитъ два, а младшій—одинъ Лит. грошъ, за непослушаніе. При томъ: въ каждое сухоѣденіе, во славу Тріединаго Всемогущаго Бога, каждый братъ и каждая сестра обязаны явиться на заупокойную обѣдню и панихиду, которыя должны совершаться

nie y nie opowiedziawszy się zaniedbał, ma dać winy do skrzynki groszy dwa Litewskich; także też czasu zeyscia z tego swiata ktoregoż kolwiek brata albo siostry zmarłey doprowadzić i na żałobney mszy być, albo żonę albo czeladnika swego na tę posługę ostatnią braciey swoiey zmarłey posłać,—ktory tego nie uczyni, w pomienionę winą popada. S tem gdyby mistrz mistrzowi przymowką iaką przykrą, a zwłaszcza strony rzemiosła uczynił, takowy za owę przymowkę y naganienie do skrzynki cechowey dać ma puł kamienia wosku, a będzie li przeciwny temu postanowieniu y cechu też uczynionemu, a karać się nie da, tedy go maią urzędowi ktoremu podległ oznaymić, a urząd ma go karać wedle występku iego, iako upornego y nieposłusznego. S tem gdyby ktory brat nieuczciwie się w cechu sprawował, albo też piany do cechu przyszedł, a przywileia krolewskiego, braciey y mieysca nie uccił, takowy ma dać do cechu winy puł kamienia wosku za występek swoy, a gdzieby się tego wtory raz dopuscił, ni czym inszym iedno więzieniem karan być ma. S tem ktory mistrz chciał by chłopca na wyuczenie tego rzemiosła przyiąć, ma się wprzod wywiedzieć, aby nie był niewolny, ktemu aby był dobrego łoża syn, y ucciwych rodzicow, a chłopiec, ktoremu lat będzie szesc, albo dziesięc, ma się uczyc tych rzemiosł lat szesc, a młodzieniec dorosły y dowcipny ku temu rzemiosłu, ma się uczyć tego rzemiosła lat cztyry, a każdy chłopiec, gdy do mistrza przystawać będzie, ma naprzod wkupnego dać do skrzynki groszy trzy Litew. S tem kożdy chłopiec, gdy się tego rzemiosła wyuczy, ma go tenże mistrz iego braciey wszystkiey oznaymić, że mu za naukę dosic uczynił, a ten chłopiec ma dać do skrzynki wpisnego szesc groszy Litew. S tem chłopiec każdy, ktory się uczy u

въ костелѣ и въ церквѣ греческой, въ уніи со святымъ костеломъ Римскимъ находящейся, за усопшихъ братьевъ и сестеръ по христіянскому обычаю; а кто бы самъ явиться не могъ, долженъ прислать свою жену, или своего подмастерья, а кто бы и этого изъ упорства и безъ предварительнаго увѣдомленія не исполнилъ, тотъ обязанъ заплатить штрафъ въ братскую кружку два лит. гроша; также въ случаѣ смерти котораго нибудь брата, или сестры, каждый обязанъ быть на проводахъ тѣла и заупокойной обѣднѣ, или же послать вмѣсто себя жену свою, или работника своего для отданія послѣдняго долга умершей братьи своей, а кто бы этого не исполнилъ, подлежитъ штрафу. Притомъ: еслибы мастеръ обидилъ мастера словомъ а особливо относительно ремесла его, таковой за обиду и униженіе ремесла обязанъ дать штрафу полъ камня воску, а кто бы упорствовалъ исполнить постановленіе цеха и штрафовать себя не позволилъ, о такомъ слѣдуетъ увѣдомить власть, которой онъ подчиненъ, и та его накажетъ, какъ непослушнаго. Притомъ: еслибы который братъ нечестно велъ себя въ цехѣ или пьяный явился въ цехъ, привилегіи королевской, братчиковъ и мѣста не уважилъ, имѣетъ таковой заплатить штрафу полъ камня воску за проступокъ свой, а ктобы и во второй разъ подобнымъ же образомъ поступилъ, таковаго слѣдуетъ наказать не иначе, какъ тюремнымъ заключеніемъ. Притомъ: который бы мастеръ захотѣлъ взять мальчика на выучку, обязанъ впередъ освѣдомиться— не приневоливаютъ ли его, сынъ ли онъ законныхъ и честныхъ родителей, а мальчикъ, имѣющій отъ шести до десяти лѣтъ, обязанъ учиться ре-

mistrza, po wyuczeniu ma u tego mistrza za pacholę rok cały robić, a mistrz ma iemu płacić według iego roboty; a ktory by taki uporny był, a służyć y robić u tegoż mistrza nie chciał, takowy nie ma mieć wolnosci u każdego mistrza inszego robić, aż temu mistrzowi dosyc uczyni, ale ma wędrować do inszego miasta i tam robić, aż temu mistrzowi zarobi; a potym wszelaki takowy, gdy zaś do Połocka przywędruie, ma za towarzysza, u kogo będzie chciał, opowiedziawszy się mistrzowi starszemu, robić. S tem gdzieby chłopiec, dawszy wkupne a nie wyuczywszy się rzemiosła tego, do ktorego by kolwiek mistrza inszego uciekł precz do inszego miasta y chciał by tam za towarzysza robić, tedy maią po niego list cechowy posłać, aby tam nie robił, ale aby się wrocił zaś do mistrza swego a rzemiosła się douczył, ktorego się poczoł uczyć, albo odpuszczenia od niego usprawiedliwiwszy się iemu dobrowolnie go prosił; a gdy mistrz pozwoli, wolno mu będzie gdzie chcąc się uczyc, a gdzieby miał ktory kolwiek mistrz od inszego mistrza chłopca a towarzysza przemowić, podwyszaiąc mu płacy, a zastan by był u niego w warstacie, takowy ma dać do cechu za tę winę kamień wosku. S tem gdyby przywędrował towarzysz a przystał by do ktorego kolwiek mistrza, tedy ma u niego robić do rachunku, to iest dwie niedzieli, a po rachunku wolno mu będzie do inszego mistrza iść, y u niego według umowy poki będzie chciał robić; a kiedy będzie miał wolą odeyść, ma przed dwuma niedzielami mistrzowi swemu robotę y służbę wypowiedzieć; a ktory by towarzysz po rachunku iuż do mistrza przystawszy u niego według umowy y postanowienia iego do tego czasu, do ktorego ma robić, przyobiecał a robić nie chciał, takowy iuż u żadnego mistrza roboty tam mieć nie ma, ażby mu ten

меслу шесть лѣтъ, а взрослый юноша, болѣе развитой уже и понятливый, имѣетъ учиться четыре года, а каждый мальчикъ, поступающій къ мастеру, обязанъ внести въ цеховую кружку вкупнаго три гроша Литовскихъ. Притомъ: если ученикъ окончитъ свое ученье, то мастеръ обязанъ извѣстить всю братью своего ремесла, что ученикъ удовлетворилъ его за ученіе, и тогда ученикъ обязанъ внести въ цеховую кружку вписного шесть Лит. грошей. При томъ: каждый мальчикъ, выучившись ремеслу, обязанъ еще цѣлый годъ служить рабочимъ у прежняго своего мастера, а тотъ ему имѣетъ платить смотря по работѣ его; а который бы заупрямился и не захотѣлъ бы работать у того же мастера, такой у другого мастера работать не имѣетъ права, пока не удовлетворитъ своего мастера; или же долженъ отправиться въ другой городъ и зарабатывать тамъ для удовлетворенія прежняго своего мастера; и послѣ, на случай прибытія обратно въ Полотскъ, можетъ стать за товарища у кого хочетъ, извѣстивши объ этомъ старшаго мастера. При томъ: если бы мальчикъ, заплативъ вкупное и не выучившись ремеслу, бѣжалъ отъ своего мастера въ иной городъ и тамъ хотѣлъ наняться въ товарищи на работу, для возвращенія таковаго слѣдуетъ послать листъ изъ цеха, дабы бѣжавшій возвратился къ прежнему мастеру и доучился ремеслу, которому началъ учиться, или же испросилъ добровольное согласіе мастера на свое увольненіе; и если мастеръ позволитъ, то воленъ онъ учиться тамъ, гдѣ хочетъ; если бы мастеръ сманилъ мальчика или товарища отъ другаго мастера, давши ему высшую плату, и еслибы такого застали въ его мастерской, тогда имѣетъ за сіе мастеръ заплатить штрафу ка-

mistrz dozwolił y wolnego od siebie odpuscił. S tem: mistrzowi gdy mu się trafi nowy piec stawić albo towarzysza posłać, tedy takiemu towarzyszowi, ktory piec znowu stawił, ma mistrz dać groszy dwa, w myto tego nie rachuiąc, a temu towarzyszowi, ktory na kopy robi, ma być dano groszy cztyry; a gdzieby ktory mistrz nadto więcey towarzyszowi od takowey roboty dał, taki gdy będzie przeswiadczony powinien będzie dać do bractwa winy puł kamienia wosku. Ażeby tesz rzemiosła towarzyszom iakie kolwiek ulżenie dla odpocznienia ich było, maią miec wolny dzień poniedziałkowy od zbytney roboty, tylko gliny wygotowac w ten dzien będą powinni, a wygotowawszy będą li chcieli, wolno im będzie sobie w ten dzień odpocząc, a do tego mistrzowie ich onych przymuszać nie maią, y gdzieby który towarzysz tego nie wypełnił, takowy za winę powinien będzie do skrzynki brackiey dać groszy dwa lit. S tem: gdzieby Pan Bug Wszechmogący na któregokolwiek mistrza albo brata smierć dopuscić raczył, a żona po nim wdowa zostanie, tedy ona wdową będąc, ma się tym rzemiosłem żywić onego używać y nim władnąc do roku jednego y do szesciu niedziel, a wszakże cechowym y starszym bractwa onego posłuszna być ma do tego czasu, a potym, kiedyby takowa wdowa za inszego męża inakszego rzemiosła za niedziel trzy, sześć albo więcej, tedy zarazem od tego czasu ma dać pokoj temu rzemiosłu y onym nie ma dalej władnąć. S tem gdzieby który mistrz tego rzemiosła u panskim albo ziemianskim domu mieszkaiąc a nie pod mieyskim prawem a toby rzemiosło robił y onym targował, a tak upornym był, żeby bractwu y starszym mistrzom posłusznym być nie chciał, takiemu każdemu tak upornemu y nieposłusznemu ani chłopca z cechu do

мень воску. При томъ: если бы прибылъ прихожій работникъ и нанялся у котораго нибудь мастера, то обязанъ онъ у него работать до расчета, т. е. двѣ недѣли, а послѣ сего можетъ перейти къ другому мастеру и работать, по условію, сколько пожелаетъ; когда же пожелаетъ оставить работу, обязанъ за двѣ недѣли до срока предупредить о томъ своего мастера и отъ службы и работы отказаться; а если же товарищъ нанявшись у мастера до сроку, по который обязался оставаться на работѣ, работать не хотѣлъ, таковой уже ни у одного мастера работать не имѣетъ права, развѣ бы его прежній мастеръ дозволилъ и отпустилъ на свободу. При томъ: мастеръ, когда ему надобно будетъ сдѣлать новую печь, и онъ на эту работу пошлетъ товарища, обязанъ за такую работу заплатить товарищу два гроша Литовскихъ, не засчитывая это въ жалованье; товарищу же, который будетъ работать покопно, слѣдуетъ платить по 4 Лит. гроша; если же котораго мастера уличатъ, что онъ платитъ болѣе, такой обязанъ заплатить штрафу на братство полъ камня воску. Чтобы облегчить труды ремесленниковъ, понедѣльникъ назначается днемъ свободнымъ; въ этотъ день они обязаны только приготовить глину и послѣ могутъ по желанію отдыхать; мастера принуждать ихъ не имѣютъ права; если бы товарищъ условій этихъ не выполнилъ, тотъ обязанъ заплатить въ братскую кружку штрафу два Лит. гроша. При томъ: если бы который мастеръ, или товарищъ по волѣ Бога умеръ и оставилъ вдову, то вдова его имѣетъ право пользоваться доходами съ мужнина ремесла и распоряжаться этимъ ремесломъ до истеченія года и шести недѣль, подчиняясь вмѣстѣ съ тѣмъ власти цеха и старшинъ

roboty dać, ani miejsca u rynku do targowania tego towaru dopuscić mają; a iesliby tak upornym być nie przestał a przecie na rynku s towarem by swoim stawał, tedy bractwa tego cecha gancarskiego wolno będzie iego towar zabierać y do szpitalow rozdawać. S tem: ktoryby przychodzeń, przyszedszy do Połocka, a chciał by rzemiosło gancarskie, pieczarskie, mularskie y strycharskie robić, ma naprzod mieyskie prawo przyjąć, potym ma list o urodzeniu swoim ukazać, y iesli jest loża dobrego syn y gdzie u kturego mistrza cechowego rzemiosła się wyuczył, a chciał by między inszemi tegoż rzemiosła mistrzami, mistrzem też zostać, tedy ma u mistrza pierwiey rok cały statecznie robić a do skrzynki brackiey opowiednego groszy trzy ma dać, a ktemu sztuki rzemiosła swego przed mistrzami wszystkiemi ma pokazać, to iest, aby garniec na trzy piędzi abo na dłoń i dzban takowym że obyczaem, doinice w korzec, rynkę w czwierć, misę w czwierć urobił; a iesli żeby oney sztuki zrobić aby się wszystkim tak starszym iako y młódszym mistrzom podobać mogła, nie umiał, takowy tedy ma dać do skrzynki brackiey złotych polskich piętnaście, nadto y colacyą sprawić braciey swey winien będzie; a póki temu wszystkiemu dosyć nie uczyni, nie będzie mu wolno tego rzemiosła gonczarskiego robic y roboty albo towaru swego na rynek ku przedawaniu wynosic albo wywozyć; na ostatek wszelakie posłuszeństwo, kture na młodego mistrza przynależy, pełnie statecznie winien będzie tak długo, póki się inszy nie nagodzi. S tem: żadnemu mistrzowi nie będzie się godziło starszym mistrzem być y skrzynki u siebie cechowey chować, który by nad gancarstwo, pieczarstwo mularstwo, strycharstwo y insze rzemiosło robił y onym się bawił, aż by tego dał

братствъ. Послѣ этого срока, по прошествіи трехъ, шести или болѣе недѣль, если бы вдова вышла за мужъ за ремесленника иного какого ремесла, тогда она лишается уже права заниматься прежнимъ ремесломъ и владѣть заведеніемъ перваго своего мужа. При томъ: если бы который мастеръ, проживая въ панскомъ или земянскомъ домѣ, внѣ вѣдѣнія городскихъ властей, занимался ремесломъ своимъ и торговалъ, братства и старшихъ мастеровъ, по упорству, слушать не хотѣлъ, то такому запрещается брать мальчиковъ изъ цеха на работу, и имѣть мѣсто на рынкѣ для торговли; еслижъ бы онъ продолжалъ упорствовать въ непослушаніи и самовольно являлся торговать на рынокъ, тогда братство гончарнаго цеха имѣетъ право забирать его товаръ и роздавать по богодѣльнямъ. При томъ: всякій новоприбывшій, если бы придя въ Полотскъ, захотѣлъ заняться гончарнымъ, печнымъ или кирпичнымъ и каменщицкимъ дѣлами, прежде всего обязанъ подчиниться мѣстнымъ постановленіямъ, предъявить листъ о рожденіи своемъ въ доказательство, что онъ сынъ законныхъ родителей и указать, гдѣ у какого мастера ремеслу своему выучился; если же бы захотѣлъ быть мастеромъ своего ремесла, тогда обязанъ сначала прослужить цѣлый годъ у какого нибудь мастера и тамъ акуратно работать, и обязанъ въ братскую кружку дать оповѣднаго 3 гроша; кромѣ того еще долженъ представить доказательство своего искусства въ ремеслѣ, т. е. сдѣлать гарнецъ шириною въ три пяди, или въ ладонь, жбанъ такой же величины, дойникъ въ корецъ величиною, глиняную сковородку въ четверть и миску въ четверть шириною: если же онъ не будетъ въ состояніи все это сдѣлать такъ хорошо, чтобы понравилось всѣмъ мастерамъ, какъ стар-

pokoy, a swego własnego pilnował. Ktemu żaden mistrz nie ma chować towarzyszow dwuch, trzech naywięcey, aż zdozwoleniem spólnym starszych mistrzow, a zwłaszcza gdyby w inszey braciey tegoż rzemiosła towarzyszow był niedostatek, albo tez gdzieby Pan Bóg Wszechmogący iaką wielką chorobą któregokolwiek mistrza złożyć y nawiedzieć raczył, tedy takowym onym powinien będzie towarzyszem postąpić, a tego co naylepszego towarzysza puścic winien będzie; też gdyby się mistrzowi starszy y bracia cechowi na schadzkę w czyieykolwiek potrzebie schodzić mieli, tedy ten, o którego potrzebę idzie, ma cech obesłać, do skrzynki brackiey dać groszy trzy; a gdy na każdy kwartał albo suchedni mistrzowe za obesłaniem starszych do cechu schodzić się będą, tedy po dwu groszy starszy, a po iednym groszu lit. młodszy do skrzynki cechowey składać się maią, oprocz tych dwu, którzy roku onego rządzić cech y sprawować będą; także y młodszy, którzy bracią wszystką cechową będą obchodzić, a towarzysze tego rzemiosła po pułgrosza składać się maią, a iesliby też kiedy chłopiec albo uczeń tego rzemiosła po wyuczeniu swoim będąc przez mistrza swego, u którego się uczył w cechu, że mu się dosyć od niego stało, oznaymiony chciał gdzie indziey wędrować a listu od wyuczenia prosił, tedy iemu starszy mistrowie maią list dać z pieczęcią cechową; takowy każdy od listu do skrzynki cechowey groszy dwanascie ma dać. Jeśli żeby się przytrafiło ktoremu kolwiek mistrzowi y bratu cechowemu na schadzkę wyżey pomienioney kwartału y cechu dla iakieykolwiek słuszney przyczyny y barzo pilney a przystoiney potrzeby, bądz choroby, odiachania, albo czego inszego nie być, tedy iednak opowiedziawszy się dwa groszy do skrzynki przysłać ma;

шимъ такъ и младшимъ, то платитъ въ братскую кружку 15 злотыхъ польскихъ и кромѣ того обязанъ еще угостить все братство ужиномъ; до тѣхъ же поръ, пока не будетъ въ состояніи исполнить требуемое отъ него, не можетъ онъ заниматься ганчарнымъ ремесломъ и выносить или вывозить товаръ свой для продажи на рынокъ; наконецъ, обязанъ повиноваться и исполнять все акуратно, что слѣдуетъ младшему, пока другой на его мѣсто не прибудетъ. При томъ: никто изъ мастеровъ не можетъ быть старшимъ и хранить у себя цеховую кружку, если кромѣ гончарнаго, печнаго, каменщицкаго, и кирпичнаго дѣла еще какимъ инымъ ремесломъ занимается, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ ему постороннее занятіе оставить и заняться собственнымъ. Кромѣ того: ни одинъ мастеръ не имѣетъ права держать у себя болѣе двухъ или трехъ товарищей, развѣ съ разрѣшенія прочихъ старшихъ мастеровъ, въ особенности, если у другихъ окажется недостатокъ въ товарищахъ. На случай болѣзни котораго нибудь мастера, держащій лишнихъ товарищей обязанъ отпустить въ помощь заболѣвшему самаго лучшаго. Тотъ, по чьей надобности созывается цеховое собраніе старшихъ мастеровъ и всѣхъ братчиковъ, обязанъ оповѣстить всѣхъ и въ братскую кружку внести три Литовскихъ гроша. Въ каждую четверть года въ дни сухоядѣнія, когда мастера собираются въ цехъ по повѣсткѣ старшихъ, тогда обязаны платить въ братскую кружку—старшій мастеръ два Литовскихъ гроша а младшій одинъ грошъ, кромѣ тѣхъ двухъ мастеровъ, которые въ текущемъ году будутъ управлять цехомъ, и тѣхъ младшихъ, на обязанности которыхъ ле-

co się dotycze furmanow, ktorzy skąd inąd do miasta naszego Połockiego z garcami przyieżdzali, aby ich w rynku okrom iarmarkow nie przedawali, ale żeby się z nimi w goscinnym mieskim domu stanowili y tamze sami przez niedziele więcey nie przedawali, a czego by sami przez ten czas nie rozprzedali, aby one garce nie kramnikowi, ale kramarkom i nikomu na przekupowanie, a zwłaszcza tym kto się tym rzemiosłem bawi nie przedawali, ale garcarzowi za słuszne pieniądze; a iesli by się inaczey przeciwko temu postanowieniu upornie sprzeciwiali, tedy ich grabić maią. A w tym wszystkim porządku ich cechowym wyżey opisanym chcemy mieć y tak stanowiemy, aby wszelaki urząd tak grodzki zamkowy y mieyski woytowski miasta naszego Połockiego pomocy wszelakiey, gdyby to bractwo garcarskiego, pieczarskiego, mularskiego i strycharskiego od ktorego kolwiek urzędu potrzebowali, aby im tak sług iako y inszych pomoc y urzędowych dać nie zabraniali. Ktemu: te dochody wszystkie y przypadki wszelkie, do skrzynki brackiey dochodzące, maią starszy mistrzowie za wiadomoscią ynszey braciey nie na co inszego, iedno na potrzeby rozmaity bractwa swego garcarskiego, pieczarskiego, mularskiego y strycharskiego y ku ozdobie rzeczy pospolitey miasta naszego Połockiego obracać maią. A na ostatek wszystkie te artykuły y powinnosci, w tym przywileiu opisane, mistrzowie y towarzysze y inni wszyscy w tym bractwie cechu ganczarskiego, pieczarskiego, mularskiego y strycharskiego będący statecznie trzymać y one we wszyst-

жить оповѣщать все цеховое братство, а подмастерья платятъ по полъ гроша въ братскую кружку; если бы который мальчикъ окончилъ ученіе и мастеръ его заявилъ, что онъ достаточно знаетъ, и таковой пожелалъ идти въ иной городъ и просилъ листа, свидѣтельствующаго объ окончаніи имъ ученія, таковому старшіе мастера обязаны просимый листъ дать, подтвержденный цеховой печатью, а онъ за сіе уплачиваетъ въ братскую кружку двѣнадцать грошей. Если бы встрѣтилось которому нибудь мастеру, или братчику законное препятствіе явиться въ цеховое собраніе, назначаемое въ дни сухоядѣнія, и это—по причинѣ какой нибудь важной и безотлагательной надобности и уважительнаго обстоятельства, какъ то: болѣзни, поѣздки, или чего иного, таковой по предварительномъ оповѣщеніи платитъ въ братскую кружку два гроша; чтоже касается до извозщиковъ, пріѣзжающихъ съ возами гончарныхъ издѣлій въ Полотскъ, то они не должны продавать товара, на рынкѣ, въ небазарное время, а останавливаться съ товаромъ могутъ въ городскомъ заѣздномъ домѣ, но и тамъ имѣютъ право продавать только въ теченіе воскресенья; весьже остатокъ нераспроданный должны уступить за приличное вознагражденіе мѣстному гончару, а отнюдь не мелкимъ торговцамъ и не перекупщицамъ; ктобы этого постановленія не соблюлъ и упорствовалъ, того имѣютъ право грабить. Такой порядокъ въ вышеописанномъ устройствѣ цеха мы желаемъ имѣть и постановляемъ, чтобы всякая власть, какъ гродская замковая такъ и войтовская города нашего Полотска, давали во всѣхъ надобностяхъ, какъ своихъ прислужниковъ такъ и иную помощь по требованію братства гончарнаго, печ-

kiem przystoynie wypełniać y wedle nich się rządzić y sprawować y im posłusznym być ani w czym się nie sprzeciwiac teraz y napotem będącey każdey strony y osoby swey powinni będą. My tedy, Władysław IV, krol, łaskawie sie do prosby takowey skłoniwszy zwysz opisane artykuły y postanowienia cechowi garcarskiemu, pieczarskiemu, mularskiemu y strycharskiemu Połockiemu (in quantum juri communi non repugnant) złączaiąc ich za iedno, wiecznie nadaiemy. Do tego za wniesieniem od tychże osob do nas prosby, łaskę im w tym pokazuiąc y chcąc to mieć, aby za szczęsliwego panowania naszego przerzeczeni rzemiesnicy bawiąc się rzemiosłem swym co daley ku lepszemu porządkowi przyść mogli, chcemy to mieć y ninieyszym listem naszym waruiemy, aby żaden w miescie naszym Połocku pod jakąż kolwiek jurysdykcyią mieszkaiący, nie będąc w tym cechu, nie smiał y nie ważył się swowolnie y pokątnie tego rzemiosła pomienionego w miescie y na przedmiesciu ani w domach szlacheckich y uprzywileiowanych robić; ten że cech ozdabiaiąc, pozwalamy im pieczęć mieć swą cechową przykładem tegoż cechu ganczarskiego Wilenskiego, tak też chorągiew, bęben y wszelaką armatę do obrony y ozdoby mieyskiey, cechowi swemu należącą, pod ktorą chorągiew na każdą potrzebę za oznaymieniem od magistratu tamecznego także na processią w dzień Bożego Ciała stawac powinni będą osobliwie na każdy rok w dzień Bożego Narodzenia po iedney swice do koscioła y do cerkwie Greckiey, w uniey będącey, założenia Naro-

наго, каменщицкаго и кирпичнаго. Также всѣ доходы по всѣмъ этимъ случаямъ должны поступать въ братскую кружку, старшіе мастера имѣютъ распоряжаться ими свѣдома братчиковъ на братскіе расходы и на украшеніе города Полотска. Въ заключеніе всѣ эти артикулы и обязанности, въ привилегіи этой заключающіеся, должны исполняться акуратно, соблюдаться и во всемъ строго примѣняться, какъ старшими мастерами, такъ и всѣмъ братствомъ цеха гончарнаго, каменшицкаго, кирпичнаго и печнаго, теперь и на будущее время. За симъ, мы, Владиславъ IV, король, милостиво снисходя на просьбу, утверждаемъ вышеописанные артикулы и постановленія для цеховъ каменщиковъ, печниковъ, кирпичниковъ и гончаровъ Полотскихъ на сколько они не противорѣчатъ общему праву, и соединяемъ ихъ во едино. Къ тому, согласно просьбамъ ихъ, обнадеживая ихъ въ нашей милости, желаемъ, что бы во все время благополучнаго нашего царствованія занимающіеся этими ремеслами усовершенствовали и вели ихъ съ каждымъ годомъ къ лучшему. Настоящимъ листомъ нашимъ запрещаемъ всѣмъ изъ жителей Полотска, дабы никто не смѣлъ, подъ какимъ бы вѣдомствомъ онъ не жилъ, самовольно и тайно заниматься вышепомянутыми ремеслами, не принадежа къ цеху, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предмѣстьи, какъ въ шляхетскихъ домахъ, такъ и въ другихъ привилегированныхъ мѣстахъ. Цеху жалуемъ и позволяемъ имѣть свою цеховую печать, по примѣру Виленскаго гончарнаго цеха, равно и цеховое знамя, бубенъ и нужное вооруженіе, необходимое для украшенія и защиты на всякій случай по требованію магистрата, а также и при совершеніи процессій въ день пре-

dzenia Panskiego dawać maią. A potym gdy się zapomogą a zachcą mieć swoy ołtarz w kosciele lubo w cerkwie ktorey kolwiek w uniey będącey, to im wolno będzie. Dom też ich cechowy, w ktorym oni skrzynkę z przywileiami, także chorągiew, bęben y armatę chować y schadzkę swą miewać będą, libertuiemy y wszelakie wolności, iakie w inszych miastach naszych cechom nadane są, nadaiemy y od stania gosci pod czas rokow, roczkow, seymikow y inszych ziazdow, także y od żołnierzow brania przez nich stacyi y wszelakich ciężarow eliberuiemy, w czym im żaden urząd, ukrzywdzenia nie czyniąc, podług tego przywileiu naszego zachować się powinien będzie. Co wszystko na potomne czasy nadaiąc y stwerdzaiąc, chcemy mieć, aby w używaniu takowych punktow y artykułow, przez nas ninieyszym listem naszym nadanych, pomieniony cech garcarski, pieczarski, mularski y strycharski miasta naszego Połocka y bracia onego cechu wcale zachowane byli y ni od kogo żadney przeszkody y przenagabania nie mieli, dla łaski naszey, posłusznemi iednak będąc we wszystkim urzędowi swemu mieyskiemu prawa Maydeborskiego. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy, pieczęc W. X. L. przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie, dnia XVI miesiąca Lutego, roku Panskiego MDCXLI, panowania naszego Polskiego y Szwedzkiego IX roku. U tego przywileiu pieczęc W. X. L. iest zawieszona a podpis ręki J. K. M. pana naszego miłosciwego tymi słowy: Vladislaus Rex, a drugi podpis tymi słowy: Marcyan Tryzna, referendarz W. X. L.

чистаго Тѣла Господня. Каждый годъ въ день Рождества Христова имѣетъ цехъ ставить по свѣчкѣ въ костелъ и въ церковь Греко-унитскую Рождественскую. Потомъ же, когда будутъ имѣть достаточное обезпеченіе и пожелаютъ соорудить свой особый алтарь въ костелѣ или въ которой нибудь унитской церквѣ, то могутъ. Цеховый домъ, гдѣ будетъ храниться сундукъ съ привилегіями, знамя, бубенъ и прочія цеховыя принадлежности, освобождаемъ отъ налоговъ, какъ это существуетъ въ другихъ мѣстахъ относительно цеховыхъ домовъ, и увольняемъ отъ постоя гостей во время роковъ, рочковъ, сеймиковъ и прочихъ съѣздовъ, равно отъ военнаго постоя и всякихъ прочихъ повинностей, въ чемъ никакая власть притѣснять ихъ не должна и во всемъ относительно ихъ обязана согласоваться съ этою привилегіею. Постановляя и утверждая все это на вѣчныя времена, требуемъ, дабы всѣ пункты и артикулы, настоящимъ листомъ нашимъ дарованные цеху гончаровъ, каменщиковъ, печниковъ и кирпичниковъ Полотскихъ, во всемъ исполнялись и не вотрѣчали ни отъ кого никакихъ препятствій, и чтобы цеховые были во всемъ послушны Магдебургской власти. А для лучшаго удостовѣренія собственноручно подписываемся и приказываемъ приложить печать великаго княжества Литовскаго. Данъ въ Варшавѣ 16 Февраля, лѣта Господня 1641, царствованія нашего въ Польшѣ и Швеціи девятаго. Къ этой привилегіи привѣшена печать В. К. Литовскаго; подпись короля его милости пана нашего милостиваго: Владиславъ король; а другая подпись: Мартинъ Тризна, референдарій великаго княжества Литовскаго. Каковая привилегія его королевской милости пана нашего милостиваго,

Ktory to przywiley Jego Krolewskiey Mosci pana naszego miłosciwego, za żądaniem pomienionych Lawryna Białkowskiego y Piotra Ihnatowicza, starost cechu garcarskiego, iest do xiąg mieskich Połockich zapisano y wypis garcarom wydano.

Изъ книги Полотской Ратуши за 1643 годъ, (стр. 98), хранящейся тамъ же.

по желанію выше упомянутыхъ Лаврентія Бѣлковскаго и Петра Игнатовича, старостъ гончарнаго цеха, записана въ городскія книги, съ чего и копія гончарамъ выдана.

129.

1643 г. Февраля 13. Заявленіе мѣщанина Кузьмы Ивановича объ отреченіи отъ вѣры Русской, и принятіе вѣры Римской.

Kuzma Iwanowicz Berezko dobrowolnie się podiął aż do żywota swego być katolikiem.

Przy bytnosci pana Iana Siergieiewicża Wałka, raycy miasta Połockiego, na mieyscu iego msci pana Jana Kosarzewskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie mieszczanin miasta Połockiego Kuzma Iwanowicz Berezko dobrowolnie przyznał, iż ia, będąc do tego czasu od porodzenia w wierze Ruskiey disunickiey, ktorey na ten czas sam dobrowolnie odstąpiwszy y oney zrzekszy się, mam być iuż w wierze katolickiey powszechney koscioła swiętego Rzymskiego, aż do żywota swego y do smierci nie odstępuiąc, y zawsze do koscioła swiętego chodząc, spowiadać sie mam y powinien będę y Comuniy Swiętey zażywać. Ktorę takowę przyznanie y podięcie się iego Berezka, za żądaniem y prosbą iegoż, iako się u sądu działo, dla pamięci iest do xiąg mieskich ratusznych Połockich zapisano.

Изъ книги Полотской Ратуши за 1643 годъ (стр. 103), хранящейся тамъ же.

130.

1643 г. Февраля 27. Дѣло о чародѣйствахъ Василія Брыкуна, уличеннаго и присужденнаго къ сожженію.

Sprawa o czarodzieystwo z Wasilem Brykunem, gdzie go pokonano y spalono.

Przy bytnosci pana Jana Sergieiewicza Wałka, raycy miasta Połockiego, na mieyscu iego mosci pana Jana Bolesława Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie mieszczanie miasta Połockiego

Jasko Mikołaiowicz, Isak Kondratowicz y Iwan Byk, żałowali wszyscy spolnie y iednostaynie, nie odstępuiąc ieden drugiego, na mieszczanina tegoż miasta Połockiego Wasila Brykuna o tym, yż on bez boiazni Pana Boga Wszechmogącego, wstydu ludskiego y srogosci prawney, czarodzieystwem się bawi y tak onym, iako y inszym ludziom, rozne rzeczy czarodzieyskie czyni, w czem spisawszy supplikę do nas magistratu podali w te słowa: Оповѣдали и обтежливе жаловали мѣщане мѣста Полоцкого Яско Миколаевичъ Павловичъ, Исакъ Кондратовичъ, Иванъ Быкъ и Янушъ сынъ Товстого, а при томъ и мы мѣщане ясневельможного его милости пана воеводы Полоцкого зъ слободы Бѣлчицкое, а меновите: я Хома Гуща и я Петръ Дземидовичъ, вси сполне, обтежливе жалобу нашу доносимъ на мѣщанина мѣста Полоцкого Василя Брикуна о похвалки и о чари розными способами ему уме, етными. А меновите: напродъ учинку Брикунова въ чарахъ на дому Якова Товстого сына: пришодши на Великдзень свята Руского зъ вулицы рѣзалъ стѣны умысломъ и похвалками своими чаровницкими немилосердными, и мовилъ на жону его Якова Товстого: конечне згинешь, не того зачепила! И такъ стало: не могла пораховаться зъ суменемъ, мусило такъ стать, якъ тотъ пречоный Брикунъ сказалъ, ижъ мусела на тотъ свѣтъ ити, нарекаючы на тогожъ Брикуна. А я, Яско Павловичъ, жаль мой на того Брикуна оповѣдаю, што се мне съ посвару придало, бо зъ посвару онъ Брикунъ мовилъ мнѣ въ очи: же ты, Яско, згинешь зъ маетностью своею, также и домъ твой, будзешь волочить се, гдѣ дзень, гдѣ ночь! Такъ и стало за рокъ одинъ, и справдилъ. До того и на мене, Ивана Быка, сусѣда своего, мѣшкаючи подлѣ дому моего, неслушные похвалки чынилъ и мовилъ на мене, на жону и на дѣти мое: же будете одинъ одъдругого, увидзѣвшисе зъ собою, бѣгать зъ дому своего! И такъ стало, однымъ разомъ поднявшысе два сыны, пошли не вѣдаю куды и не чую; до того што еще жона моя, которая со мною мѣшкаеть годъ двадцать шесть, и тая, порвавши хлѣба бохены два и иншихъ достатковъ, бѣжить на лѣсъ, своихъ дѣтей не любить. Я началъ его Брикуна наупоминать: незбожный чоловѣче, покуль я того маю терпѣть отъ тебе, што мое дѣти и жона будуть бѣгать! А то зъ нимъ мовиломъ презъ ворота, гдѣ подлѣ воротъ складзено было дровъ возъ на шесьдесять. А онъ Брикунъ мнѣ сказалъ: не только што дѣти твое и жона одъ тебе бѣгають, але коли скажу на тые дрова, которые ты слалъ подъ моею стѣною, заразомъ и зъ грунту выверну ихъ вонъ! И такъ заразомъ захлиповши, заморщилъ тварь, на оболокъ гледзя, дрова якъ не были, презъ сажонъ три зъ кгрунту летѣли; двери, съ которыхъ ухожу въ домъ съ подворья, тыхъ не видать стало; и еще мало— на томъ одказалъ: знай Брикуна и будзешь непошанованый одъ людзей и съ пожитками твоими, которыхъ набыть маешь, не будеть тобѣ спорно! При томъ и я жаль мой до вашмостей суду доношу, я Исакъ Кондратовичъ, на тогожъ незбожного Брикуна, который мнѣ въ очи, непооднокроть фалечисе своими способными чарами, нецнотливе, безъ боязни Божое, на мене чоловѣка спокойного и простого мовилъ: ты Исакъ Кондратовичъ, конечне за тыхъ два годы усе твое добра зъ дому якъ метлою выметешь, и самъ везенья натерпишьсе! Такъ за разомъ и стало, якъ тенъ Брикунъ зъ посвару своего на мене сказалъ: якожъ того дня

увечоръ корова згинула, а почавши одъ тогодня до року коней, коровъ и вепровъ кормныхъ тридцатеро, до того такъ и самого вътакъ великомъ упадку везенемъ трапено. И еще онъ же Брикунъ часто непооднокроть насмѣхивалъ се уругаючи: знай Брикуна, не сварися со мною, отожъ тобѣ за тое! До того еще и мы мѣщане его милости пана воеводы зъ слободы Бѣлчицкое, на тогожъ незбожного Василя Брикуна вѣдаемъ, и признаваемъ на тогожъ пререченого Брикуна, ижъ зходечи на тотъ свѣтъ небощикъ Аникей Кожемяка, помовлялъ на того Брикуна чаровника, же дей я ни одъ кого нейду на тотъ свѣтъ въ той хоробѣ моей, только отъ Брикуна, хорякючи и сохнучи презъ рокъ: я Хома Гуща то зъ людми учтивыми при смерти того Аникея чулъ изновъ поминку небощиковского; кгдымъ то я и другій чоловѣкъ Петръ Дземидовичъ ему Брикуну мовили, теды онъ того Петра Демидовича виталъ пивомъ по полудню, а до вечора трохе не розервало, ажъ мусели людзи ему Брикуну кланятьсе, абы одходзилъ. И хотечи зъ нимъ Брикуномъ яко чаровникомъ, правомъ чинить, просимъ, абы тая наша обтежливая жалоба до книгъ записана быле. A po przeczytaniu y wpisaniu tey żałoby, gdy aktores żałoby swey dowodzić chcieli, lecz my sąd, iemu Wasilu Brykunu za plenipotenta pana Alexandra Szpakowicza przydawszy, tę sprawę do dnia wtorego miesiąca Marca odłożyliśmy, nakazawszy iednak, aby tak Brykun do tego dnia wtorego miesiąca Marca iako y aktores parękę słuszną ludzi dobrych, że maią tey sprawy dostać, dali. Iakoż po Brykunu ręczyli się mieszczanie Połoccy pan Jan Iwanowicz, Iwan Kasperowicz, Iwan Ołowiaszka, Jan Tomaszewicz, Ambros Wasilewicz y Demeszko Andreiewicz, że go ku dniu wtorym miesiąca Marca postawić y z paręki zdać maią; a po aktorach, że maią do skonczenia tey sprawy dostać y oney do ostatniego stopnia prawnego popirać, ręczyli się, naprzod po Iwanu Byku Illa Fedorowicz y Tomasz Poradnia, po Jasku Mikołaiewiczu ręczyli się Larko Iwanowicz Towsty y Owsiey Alexieiewicz, a po Isaku Kondratowiczu Iosif Chudowiec y Iwan Lupinsky ręczyli się. Zatym dnia wtorego miesiąca Marca, z odkładu przypadłego, powodowa strona, wszyscy trzy z umocowanym swym panem Mikołaiem Żochowskim stawszy, stawili przed nami sądem naprzod Pawła Iwanowicza, poddannego iego mosci oyca Olszanicy, Archymandryty Borysoglebskiego, z maiętnosci Turca, ktory zeznał, że osm temu lat, iako ociec moy umarł, y umieraiąc na Wasila Brykuna narzekał mowiąc, że od Brykuna na on świat poydzie; a to iest, yż pił Brykun z oycem moim gorzałkę u cyhanowki; tamże Brykun kupił połkwarty gorzałki, ktorey to gorzałki gdy ociec moy napił się, zaraz onego rozdięło, y zachorzał y z tey choroby nie wstał y umarł, y tak po smierci opuchł, że aż trunę musielismy wdłuż y wszerz nadtaczać. A do tego stawili tego wyszey w supplice mianowanego Pawła Dzemidowicza Wolontara, ktory pod sumnieniem zeznał, że gdym się z Wasilem Brykunem o ogrod poswarzył, tam że po tey poswarce przyszedłem do karczmy do Janka Oleynika, gdziem też y Brykuna został; y tak Brykun skoro mnie przywitał tedy iuż mrowki po wszystkim mnie poszli, palcy y pazury poczerniały, y ledwem z yzby wyszedł nie pomniąc nic wniwecz sam potłukłem się; co widząc Brykun powiedział: hichrem ieho nie wozmieć; y kazał mnie piwa połgarca wziąc. Y tak on Brykun z tym piwem obrociwszy się w koło, kazał mnie to piwo wypić, ktore skorom wypił; tedy sam

że Brykun powiedział, że iuż w ręce y w nos krew wstępuie, y tak pogodził się ze mną y to mowił: znay Brykuna a nie swar się ze mną nigdy; y dawał mnie, dzień temu trzeci, talara on Brykun, abym tego przed waszmoscmi sądem nie zeznawał. A za tym za oczewistym od strony powodowey, przez sług urzędowych Daniela Bakę y Piotra Marcinowicza wyniesionym, zakazem stanowszy mieszczanie Połoccy na tegoż Brykuna zeznawali, naprzod Roman Służypiel, że Jaska Mikołaiewicza, ktory teraz w tey sprawie aktorem iest, Brykun pozwał był do pana lentwoyta o boy, a Jasko też onego o czarodzieystwo tam że zapozwał był, lecz pogodzili się między sobą, y Brykun boy a Jasko czary, o co był zapozwał, porzucili z obu stron, y Brykun panu lentwoytowi kilka lewków dał, aby to z xiąg wykasowano było, y do ratusza aby nie donoszono. A przytym zeznawali, to iest wszyscy pod przysięgą, mianowicie: Paweł Kropiwka, Paweł Litwin, Semion Sysa, Jesif Chudowiec, Owdoszko Kukszyn, Michałko Lapa, Marcin Iwanowicz, Sidor Nikiporowicz, Olocha Jakubowicz, Iwan Szabelnik, Iwan Kasperowicz, Jesif Buchało, Ambros Kowall, Marcin Poprochy, Charko Odnonożenok, Pilip Burak, Iwan Luckowicz, Lawryn Bibik, Mikito Skrzypiel, Lazarz Jeskowicz korczmik z Siemienca, Jakow Pczołka, Hawryło Ołowiaszko, Kuryło Lucko y Semion Ołowiaszko, Paweł Chwoszczonek, Stefan Woynienek, Jandrey Hryhorewicz, ci wszyscy zeznali: prawda, yż nam od Brykuna nic złego nie stało, lecz słyszelismy y słychać o nim, że on iest wiedzma. A przytym będąc też przed nas sąd zakazany Ihnat Semionowicz, człowiek dobrze w leciech podeszły, pod przysięgą zeznał, że gdy Wasil Brykun do nas do domu przyszedł a wtenczas piwo u nas robiono, tedy zaraz piwo tak się zepsowało, że przez pięć dni iak braha chodzilo, y musieliśmy aż swiniam to piwo wylać, lecz y swini poginęli y wniwecz obrociły się, o co gdym się na niego Brykuna swarzyć począł, tedy on na mię powiedział: że ty y sam zsochniesz; y teraz zawsze iak na niedwiedzia tak na niego ludzi tukaią, że on szczyry wiedzma y samy czarownik. Przy tym ieszcze Wasili Charakowicz, też pod przysięgą, zeznał, yż gdy mie rozni ludzie do Marka na miod zaprosili, tam że y Brykun z żoną swą siedział, y gdym ia żonę iego obłapił, tedy on na mię rzekł: obłap ty lepiey piec, y tak gdy w piecie zapalono! Zaraz nie wiem sam dla czego, na piec w dym polazłem y tam godzin niemal przez trzy trwałem, prawie sam od siebie odszedszy. Ieszcze Alexiey Odzierucha, wykonawszy swiadectwo, na przysięgę zeznał, yż gdy mie Narko sąsiad moy do siebie na krstiny pozwał, tamże Wasila Brykuna zastałem, ktory skoro mnie przywitał, tedy nie wiem iakom szedł y iakom do izby wszedł; wniwecz sam potłukłem się, ludzi połaiałem, y całe poł dnia bez pamięci leżałem, odszedszy od pamięci. Do tego ten że Brykun, siedząc w karczmie u cyhanowki, przywitał gorzałką Kosciuka, pana Pancielieiowego zięcia, y tak zaraz go o ziemie rzuciło, o co ia y z inszemi ludzmi, że to uczynił, pobilismy onego Brykuna, y on nas pozwał był do nieboszczyka pana Charminskiego, jako lantwoyta Połockiego, a potym zaraz sam że on Brykun, boiąc się tego, żebysmy nie powiedzieli z iakiey przyczyny ten boy stał, nas pogodził, siedząc u mieszczanina tuteyszego Pczołki, y kupił uszatek miodu y dziesięć kwart gorzałki. Co yż on Brykun rad się czarodzieystwy bawił, wiadomo wszystkim było y teraz iest, y nieboszczyk pan Bachanski y swiętey pamięci wielebny w Bogu ociec Josafat

44

Władyka zakazali byli po wszystkim kabaku, aby temu Brykunowi, iako czarownikowi, ni czwertki gorzałki nie dawano. Ieszcze Choma Guszcza, z słobody Bielczyckiey ekonomskiey, za pozwoleniem pana Mikołaia Bobrowskiego, namiesnika ekonomskiego, pod przysięgą zeznał, że nieboszczyk Anikiey Kożemiaka umieraiąc mowił narzekaiąc, nie od kogo inszego na on swiat ydę, ieno od Brykuna; a potym y mnie Chomę Huszczę u Kulbackiego gorzałką przywitał, y tak zaraz tęskność wielka napadła, że przez rok barzo chorzałem y teraz do siebie nie przyidę, y dawał mnie on Brykun nie dawno, tydzien temu teraz, tallara, abym tego przed waszmosciami nie zeznawał. Jeszcze Piotr Karpacz, też z słobody, pod przysięgą zeznał, że Anikiey Kożemiaka przy smierci swey narzekał y mowił, iż od Brykuna a nie od kogo na ten swiat ydę. Zatym ieszcze aktores pokładali atestacyą od pana Dmytra Sakowskiego, ziemianina woiewodztwa Połockiego, w ktorey pan Sakowski mianuie, że gdy u niego prosił Brykun o użyczenie pieniędzy, lecz gdy mu nie pożyczył, tedy on Brykun rzekł: rozdasz ludziom pieniędzy, ale ych nie odyszczesz! Tak się y stało, że u żadnego dłużnika odyskać nie może. Drugą ciż aktores pokładali atestacią od panow Fedora y Bazylego Sadowskich, yż im tenże Brykun strzelbę pozamawiał, y to im w drogę iadącym uczynił, że przez noc po lesie sami nie wiedząc gdzie błądzili y koni mało nie pogubili. A zatym ci wszyscy aktores Iwan Byk, Isak Kondratowicz y Jasko Pawłowicz Mikołaiowicz, pokonywaiąc onego Brykuna y do konca, brali się samo siodm do przysięgi na tym, że on Wasili Brykun iest własnym czarownikiem y czarami się bawił y teraz bawi, y co na niego dowodzili strony czarow, to rzecz prawdziwa, y on Brykun siłą złego przez czary tak im samym iako y inszym ludziom poczynił. A za takową przysięgą swą, aby on Wasil Brykun wprod na queste dla pytania o tym czarodzieystwie zdany, a po quescie, aby iako czarownik ogniem spalony był. Na ktorą takową żałobę Wasil Brykun sam y przez plenipotenta swego pana Alexandra Szpakowicza, czyniąc odpowiedz y repplikę, powiedział: wielkiey barzo rzeczy strona przeciwna ważyła się stronie moiey zadać, to iest, jako by strona moia Wasil Brykun czarownikiem miał być, czego żadnymi słusznymi prawnymi dowodami nie dowodzą, abowiem protestacy swieżych y dawnych abo iakiego inszego na pismie dowodu nie ukazuią, powiadaiąc to, że iakoby od kilkudziesiąt lat ta pogłoska na Brykuna, że iakoby on miał być czarownikiem; czemuż się nikt nigdy na niego o to nie skarżył y protestacyi żadney nie donosił; a ponieważ by on takowym był y tak siłą złego ludziom, iak oni mianuią, poczynił, nie taiło by się to, ale by to iakokolwiek do urzędu doniesiono było. Jasko Pawłowicz mianuie, że za pochwałką Brykunową do ubozstwa przyszedł; pytam u niego—kiedy on był bogatym: wżdy niedawno lat temu ledwie z pięć iako z maiętnosci ichmosci oycow Jezuitow z Turowla do Połocka zaszedł, a przed tym żadnemi się handlami nie bawił, ieno drwa z Turowla tu do Połocka na przedaż woził y tym się żywił; y tak z iakową maiętnoscią do Połocka przyszedł, z taką y teraz iest; a że przed czasy mało co miał toż y teraz ma, iest siła mieszczan Połockich, ktorym o kilka albo o kilkadziesiąt tysięcy nie trudno było, a teraz do ubozstwa przyszli y w turmie siedzą, co y waszmość sąd sami widzieć raczycie, czy Brykun w tym winien. Mianuią aktores, iakoby na domie Jakowa Towstego syna miał Brykun sciany rznąć na Wiel-

kanoc, a nie wiedzieć ktorego roku, druga—że żadney protestacyi na to nie masz, ani żadnych ludzi, co większa yż o cudzą krzywdą żałuią, czego nigdy nie było, a tego Jakusza samego aktora nie masz. By była ta szkoda stała od Brykuna, abo by żona tego Towstego od tego zmarła, pewnie by ten Jakusz, iako mąż iey będąc bliszszym, tey zguby małżonki swey dochodził y nie zaniechał; za czym to słusznie pokazuie się, yż tego nigdy nie było. Na żałobę Iwana Byka powiadam, yż co Byk mianuie, iakoby Brykun przez czarodzieystwo złym obyczaiem miał na niego mowić, że ty, żona y dzieci twoie ieden od drugiego będziecie biegać, a, dla Boga, wzdy Iwan Byk tu w Połocku domem mieszka, ieżeli by mu się ta niezgoda, niepokoy, abo nielubość z żoną y z dziecmi od Brykuna działa, czemu tego do urzędu nie donosił, abo ludzmi nie oswiadczał, że mi to od Brykuna stało; ale ieżeli się ta nienawiść y niepokoy w domu iego dzieie, kto temu winien, ieno sam on, że iest uparty, a żona y dzieci iego także. Druga: ten że Byk mianuie, iakoby za czarodzieystwem Brykunowym drwa w domu iego z gruntu się poruszyli, polecieli y poobalali; to znać, że nie dobrze położone były, by to tak było, miał by ludzi obwieść, y do urzędu donieść, lecz tego nigdy nie było, y wszystko zmyslona rzecz. Isak zaś Kondratowicz mianuie, iako by Brykun na niego rzekł, że za dwie lecie dobra twoie iak miotłą wymieciesz, y sam się więzienia nacierpisz; niech że nam mianuie rok, dzień y mieysce, ktorego roku, kiedy, na ktorym mieyscu y przed kim to mowił,—lecz tego nic nie pokazuie y ludzie nie stawi; a to iuż za rozne długi, iuż to lat ze dwie, w turmie siedzi, czemu o to nigdy żadney protestacyi nie czynił; a że do ubostwa przyszedł, w tym Brykun nie winien, ale on Isak cokolwiek miał cudzą kopą panoszył, ktorą gdy poprebiał, dopiero kożdy u niego swego długu upomina się, a on nie maiąc czym płacić, za to w turmie siedzić musi,—czy za Brykunową to przyczyną dzieie się? Mianuie też, iakoby krowa, konie y wieprzow trzydzieście karmnych zginęło, a to iakoby za czarodzieystwem Brykunowym zginęło; czego nigdy tak Brykun nie mowił, iako też y u niego Isaka tak wielu, to iest trzydziestu, wieprzow karmnych nie bywało. Stawili też aktores swiadkow wielu niektorych nie zapozwanych, obcych, nieznaiomych, nieosiadłych, ktorzy też niektorzy y bez przysięgi zeznawali, a przy tym oni y attestacyi iakies dwie nigdzie na urzędzie nie przyznane, prywatne cedułki, iako od pana Sakowskiego y od panow Sadowskich, pokładali; co, według prawa Maydeborskiego, to iest takowe prywatne attestacie, yść y żadney wagi y mocy mieć nie maią, y swiadki też takowe obce, nieosiadłe, przyimowani być nie maią; gdyż wiele takowych swiadkow zeznawało, iż nie ym ale komu ynszemu stało. Dla czego te swiadectwo iako wątpliwe burzę, bo też nadto aktores żadnego słusznego, prawnego na pismie dowodu nie wkazuią. A że strona powodowa, samo siodm pokonywaiąc, Wasila Brykuna do przysięgi się bierze, a za tym zdania na mękę, a po męce spalenia domawia się; tego tak ym przysięgi, iako y proby stronie moiey bronię; na co podaię artykuł czwarty z prawa cesarskiego y list piąty y osmy częsci czwartey z porządku prawa Maydeborskiego, także y list dwieście dziesiąty y dwieście piętnasty z tey że częsci czwartey, gdzie pisze: że ma być wprzod wywiadowano, a wprzod żaden męczon y smiercią karan być nie ma, ieno aby listy urzędowe y dowody słuszne były. Lecz tu żadnych słusznych y prawnych na pismie

dowodow nie masz, ale tylko szczególnemi słowy dowodzą y żałują, a yż y prawo samo przychylnieysze iest obwinionemu, za czym słusznie Brykun wolnym zostawać ma. Stawili aktores ku zeznaniu Piotra Dzemidowicza, którego gdy Brykun przywitał, tedy iakoby onego nie rozerwało, y iako by ludzie Brykunowi, aby to odchodził, kłaniali się; czemuż tych ludzi, ktorzy to widzieli, abo się za tego Piotra Brykunowi kłaniali, nie stawią? Przy tym zeznawali na tegoż Brykuna Alexiey Odzierucha y Wasili Charakowicz, iakoby Brykun tak ich oczarował, że się ieden bez pamięci potłukł, a drugi na piec w dym liazł; to mogło się im pianym, ale nie za żadnym Brykunowym czarodzieystwem, przydać, gdyż się to przyzwoicie trafia, że piany tłucze sie y ladaco czyni, czego otrzezwiawszy nie pomni. Z strony Ihnata, człowieka starego, ktory też swiadczył, te iego swiadectwo burzę, bo, według prawa, tego, ktory ma lat siedmdziesiąt, swiadectwo nie ma być ważne; lecz ten Ihnat więcey osmdziesiąt lat ma y pamięci zupełney przez zbytnią starość mieć nie może; a że tenże Ihnat zeznawał, iakoby piwo za Brykunowym czarodzieystwem nie sciekło y wniwecz się obrociło,— w tym czy Brykun winien: często się tego na roznych mieyscach trafia, że piwo nie scieka. Bierzemy też sobie na swą stronę wielu, kilkanastu swiadkow z strony aktorow stawionych na pomoc, ktorzy pod przysięgą zeznawali, że się im nic nie stało y szkody żadney ym Brykun nie uczynił, ieno ludzi o Brykunu powiadali, iakoby wiedzma; lecz Wasil Brykun tu w miescie Połockim domem swym lat z pięćdziesiąt mieszka, y posługi rozne mieskie, szaffarskie, setnickie, dziesiętnickie y inszych nie mało wiernie y poczciwie służył y odprawował, a taka rzecz o czarodzieystwie nigdy się na niego niepokazowała; ieżeli by się on takowymi rzeczmi bawił, pewnie by to od kogo kolwiek, ponieważ by tak wielom ludziom źle czynił, do urzędu doniesiono było. Lecz się żadna nota pokazać nie może. Od tych że żałuiących osob swiadkowie mianuią, że iakoby Onikiey Kożemiaka umieraiąc na Brykuna narzekał, że własnie za czarodzieystwem iego na on swiat poszedł, czego nigdy nie było, albowiem iest żywa żona y synowie tego Onikieia Kożemiaki, a żadnego o to opowiadania do urzędu na Brykuna nie donosili y onego o to iako niewinnego nie pozywali. Ale cokolwiek swiadkow stawili y na Brykuna w swey żałobie mianowali, to u niewinnosci Brykunowey, z iakieys szczyrey nienawisci utworzywszy za kuflem mianowali. W czym wszystkim nie będąc Wasil Brykun namniey winnym y nie bawiąc się nigdy takowemi rzeczami, to iest czarodzieystwem, bierze się samo siodm albo samo czternast do przysięgi na tym, że w tym wszystkim iest niewinnie obwiniony, y czarami się nigdy nie bawił y na onych niezna się, y nikomu nic złego nie czynił, a za tym iako niewinny y poczciwy człowiek od tey żałoby uwolniony był; a do strony żałuiącey, aby o szkody y o niewinną szkaradą, o sławę wolne prawo zachowane było domawia się. Po ktorych takowych obu stron kontrowersyach, my sąd z posrodku siebie dwoch panow ławnikow, pana Bogdana Samuelewicza y pana Andrzeia Biełousowicza y przy nich sługę urzędowego mieskiego, Daniela Bakę zsyłamy, aby oni w przeciwną yzbę zszedszy Wasila Brykuna rozebrawszy przy nim szukali, ieżliby iakich guzłow abo czarow nie było. Ktorzy szukawszy, przed nami sądem przyznali, że w kieszeni, w kozicy, w łapce znalezli w papierku zawiniono coś roznemi nicmi cienkimi y srzednimi y grubymi powiązano

z roznymi węzełkami, a było w tym papierku pieprz y piasek z pieprzem pomieszany, co y przed nami sądem położyli. A gdy to przy nim znalezli, tedy zaraz on Wasili Brykun zląkł się, zbledniał y zatrząsł się, iakoż y przed nami sądem zbledniały stał; o co gdyśmy onego Brykuna pytali, co by to w papierku było, tedy on powiedział: że gdym na sioło chadzał, naszałem z sobą tabakę y pieprz, y tak to pieprzy trochę zostało. Za tym ieszcze strona powodowa stawiła ku zeznaniu niewiastę poczciwą starą Ananiewą Szwanową, która, za pytaniem naszym urzędowym, przyznała, że siostra moia stryiecznie rodzona za Wasilem Brykunem w małżenstwie była, albowiem on Brykun, kiedy bywało gdzie iedzie, tedy iey, żenie swey, uskop uczyni; od czego ona bardzo chorzała y schnęła, y ia iey odyskiwała wołchwita iednego Iwana za dziesięć mil od Połocka, ktory to wołchwit, gdy oney siostry moiey patrzał, tedy powiedział: niewiem, iesli doczekasz rożenstwa; a potym na drugi dzień rożenstwa umarła, y mnie on że Wasil Brykun uczynił, iuż temu czternascie lat, że kosci na zadzie łomie coś y kruszy; y gdy ieden człowiek mię patrzał, tedy powiedział, że ciebie Brykun ziadł; iakoż y teraz, kiedy ten czas przychodzi, sama nie wiem gdzie się podziać. To wszystko wymowiwszy, rzekła, że wszystko tak w samey prawdzie swiętey było y sprawiedliwie zeznawała: day mnie, Panie Boże, abym tak sprawiedliwie przed Strasznym Sądem mowiła. Po ktorym takowym zeznaniu, iż między stronami dalszey kontrowersy nie było, my sąd na ferowanie w tey sprawie dekretu do dnia dwudziestego czwartego, miesiąca Marca, tę sprawę odkładamy. A gdy ten dzień pomieniony z odkładu przypadł, my sąd,—w tey sprawie mow, dowodow y wszelakiego z obu stron mowienia wysłuchawszy y onym się dobrze przypatrzywszy, ponieważ siła ludzie pod przysięgą zeznawali, że się ym nie mało złego przez czary od Wasila Brykuna stało, a drudzy też pod sumieniem przyznawali, że choć się ym nic złego od tegoż Brykuna nie stało, jednak od lat trzydziestu słychać, że on iest czarownikiem y ludziom przez czary siłą złego rabiał y robi, (o czym wszystkim wsrzedzinie tego dekretu naszego podostatku opisano y dołożono iest); a pokonywaiąc do konca wszyscy trzey aktorowie przy takowych pod przysięgą wydawanych swiadectwach samo siodm się do przysięgi brali;—za czym y my sąd, aby Iwan Byk sam, Isak Kondratowicz z żoną y Jasko Mikołaiowicz z żoną swoią, a przy nich Alexiey Odzierucha y Choma Guszcza, ktorzy od aktorow na Brykuna pod przysięgą swiadczyli, y z nimiż aktorami na pokonanie Brykuna przed nami sądem do realney przysięgi się dobrowolnie brali,—tym wszystkim samo siodmym dnia trzeciego po dacie tego dekretu naszego przysięgę wykonać nakazuiemy na tym, że on Brykun iest własnym, istotnym czarownikiem y ludziom wielom, iako też y im samym przez czary siła złego poczynił, y co na niego strony czarow dowodzili, to wszystko rzecz iest prawdziwa. A po takowey ych przysiędze, tedy Wasil Brykun wprod na mękę zdany, a po męce choć się do czego przyzna, abo nie iako iuż przekonany, ogniem aż w proch y z tymi gusłami, ktore się przy nim nalazły, spalony ma być, ktorey exekucy termin tegoż dnia trzeciego po przysiędze zaraz naznaczamy. A gdy dzień trzeci z odkładu, to iest dwudziesty siodmy miesiąca Marca przypadł, wszyscy, ktorym nasz urzędowy nakaz był, przysięgę wykonali w te słowa: **Я Иванъ Быкъ**, я Исакъ Кондратовичь, и я Овдюта Кохановна, я Яско Павловичь и я Татьяна

Дорошковна, я Хома Гуща и я Олексѣй Одзеруха присегаемъ Пану Богу Всемогущому, въ Тройцы Светой Единому, на томъ, ижъ справедливе вѣдаемъ, же Василей Ивановичь Брикунъ есть власнымъ чародѣйникомъ, и чарами се бавилъ, и то все, што есмо доводили стороны чаровъ водлугъ жалобы нашое, то речь правдивая; и онъ Брикунъ дотыль чарами се бавилъ и бавить, и много злого презъ чары такъ намъ самымъ яко и рознымъ людземъ шкоды начинилъ; на чомъ всемъ, яко справедливе, присягаемъ, такъ намъ Пане Боже поможи, а если несправедливе—Боже насъ убій. Po ktorym takowym wykonaniu tey przysięgi, my sąd Wasila Brykuna wprzod na mękę odesłaliśmy, ktorego zaraz iako nam o tym panowie ławnicy relatią uczynili, kat ciągnieniem na drabinie y paleniem ogniem, swiecami łoiowemi y lanemi męczył. A on do żadney rzeczy, aby komu co złego przez czary czynić miał, nie znał się. Po ktorey to męce samą głowną exekucyą, to iest spalenie z pewnych a poważnych przyczyn, my sąd do piątku po Wielkiey Nocy swięcie Rzymskim przyszłego odłożyliśmy; lecz yż ten pomieniony Wasil Brykun, do tego terminu będąc do turmy mieskiey oddanym, sam przez się nożem w gardziel się zarznął y tak sam sobie smierć uczynił. Tedy my sąd nie przewlekaiąc do tego wyżey opisanego terminu, ale zaraz aby y samy trup iego Brykunowego ciała w pole przez kata w proch spalony był nakazalismy; iakoż według nakazu naszego urzędowego zaraz spalono. Ktora sprawa, iako się wyszey z szerokiemi dowodami y kontrowersyami opisała y przed nami sądem toczyła, dla pamięci iest do xiąg ratusznych miasta Jego Krolewskiey mosci Połockiego zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 г. (стр. 147), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

131.

1643 г. Апрѣля 20. Приговоръ къ казни четвертованіемъ убійцы Савки Шитина.

Покаранье четвертованьемъ мужобойцы Савки Шитина, который Костюка Алексѣевича мѣщанина Полоцкого забилъ и замордовалъ. А тое покаранье учинено водлугъ декрету его милости пана Старосельского, судьи земского Витебского, который декретъ есть актыкованый дися.

При бытности пана Яна Сергѣевича Волка, райцы мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами, бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучими, постановившися очевисто мѣщанка мѣста Полоцкого Ходора Өедоровна Костюковая Олексѣевичовая, сама и сынъ ее на име Андрей, тотъ декретъ асесоровъ, отъ его милости пана Самуеля Старосельского, судьи земского Витебского, державцы Черсвяцкого, на справу нижей менованую засажоныхъ, со всею речью въ нимъ описаною ку активованью и вписанью до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ покладали, который вписуючи слово одъ слова такъ се въ собѣ маетъ: Мы асесорове, Базилій Летецкій, Янъ

Пыпка Охотинскій, отъ его милости пана Самуеля Старосельского, судьи земского Витебского, державцы Черсвяцкого, засажоны въ той справѣ Ходоры Ѳедоровны Костюковое Олексѣевича, мѣщанки Полоцкое, о забитье и замордованье мужа ее Костюка отъ подданого его милости пана Самуеля Старосельского, судьи земского Витебского, державцы Черсвяцкого, зъ села Теребешова, отъ Савки Шитина и о взятье при немъ грошей готовыхъ копъ тридцати пети. Которой справѣ отъ магистрату его королевское милости мѣста Полоцкого панъ Александеръ Шпаковичъ засланый, подавши артикулъ вторый роздѣлу дванадцатого о забойцахъ, и артикулъ семнадцатый и шеснадцатый роздѣлу одинадцатого о здрадливомъ забитью и замордованью, просилъ и домавялъ се, жебы тотъ Савка Шытинъ, яко мужобойца, на горлѣ срокгою смертью четвертованъ былъ и имъ на покаранье былъ выданъ, а головщизна водлугъ констыцуціи зъ маетности его заплачона была. А тотъ Савка Шитинъ, самъ очевисто стоечи, до того злого учынку своего призналъ, ижъ онъ того небощыка Костюка, зъ дому отца своего въ дорогу выпроважаючы, звадивши се зъ нимъ, забить мѣлъ, и копъ двадцать девять грошей Литовскихъ, а не большъ, у небощика узялъ, а дальшого выводу о собѣ ни якого не учинилъ. За чымъ мы, прыхиляючы се яко до наблизшое справедливости светое, абы кровь людская невинне проливана не была и абы до Пана Бога о помсту не волала, водлугъ домавяньа стороны жалобливое, того Савку Шитиного на горло четвертованьемъ всказуемъ, надъ которымъ екзекутія передъ стороною жалобливою въ мѣстѣ Полоцкомъ, альбо гдѣ сама похочеть, выконана быти маеть; а стороны головщизны, ижъ тотъ мужобойца яко осѣлости своее такъ и маетности ни якое не мѣлъ, только при ойцу своимъ мѣшкалъ, на томъ самомъ ойцу того мужобойцы Шитену яко жадное маетности, быдла, ани якихъ речей рухомыхъ того мужобойцы не маеть и оного отъ себе не выдѣлялъ, зъ чого бы головщызна плачона быть мѣла, присегу всказуемъ и день третій той присежѣ здѣсь въ Старомъ Селѣ, при церкви выконать наказуемъ; а по присежѣ того Шитина отъ плаченья тое головщызны вольно вѣчными часы чынимъ и вольное мовенье тымъ жалобливымъ за голову, гдѣбъ о маетности того мужобойцы довѣдать могли, заховуемъ; а тотъ мужобойца за тотъ злый учынокъ, яко се выжей поменило, на горлѣ покаранъ быти маеть. И заразъ того мужобойцу отъ суду нашого на покаранье выдали, присегу того Шитина за потребованьемъ стороны жалобливое до дня двадцать девятого мѣсеца Мая въ року теперешнемъ тысеча шестьсотъ сорокъ третимъ подъ тоюжъ моцью отложили, тую копъ двадцать деветь, которые передъ нами положоны были, то Костюковой взять наказали оддали, а о шесть копъ, до которыхъ се тотъ мужобойца не зналъ, теды и о то и напотомъ, если бы гдѣ кому у волости его милости пана судьи тотъ Костюкъ, яко человѣкъ купецкій, на задатокъ тые гроши далъ, справедливость скутечная и неотволочная учинена быть маеть. Якожъ сторона жалобная того мужобойцы, зъ розсудку нашого, и тую двадцать деветь копъ грошей Литовскихъ взявши, его милость пана судью квитовали и на томъ декретѣ нашомъ обѣдвѣ стороны перестали. А яко се тая справа точыла, про паметь до книгъ судовыхъ есть записана, съ которыхъ и сесь декретъ

подъ печатьми и съ подписомъ рукъ нашихъ сторонѣ жалобливой есть выданъ. Писанъ въ Старомъ Селѣ, року тысеча шестсотъ сорокъ третего, мѣсеца Апрѣля петнадцатого дня. У того декрету печатей притысненыхъ двѣ, а подписъ рукъ тыми словы: Bazyli szwager Letecki, Jan Pypka Ochocenski do tey sprawy wysadzony ręką swą, jako będąc przy tym dekrecie Kasper Pniewski jenerał jego królewskiey mosci y wozny woiewodztwa Połockiego ręką swą. По которомъ томъ актыкованью того декрету помененая Костюковая Алексѣевичовая домавяла се, абы водлугъ того декрету тотъ Савка Шитинъ мужобойца четвертованьемъ живо покараный былъ. Якожъ тотъ Савка Шитинъ передъ нами судомъ поставленый, самъ до того злого учинку призналъ се; а до того тежъ самъ по доброй воли своей, будучи на остатнемъ стопню, призналъ и повѣдзилъ, ижъ Климята, старецъ его милости ойца метрополиты, зъ маетности его милости Ужлятина, забилъ и замордовалъ небощика Юрья Өедоровича Хидыку, ачынъ того старца Климяты забилъ такъ же у бою якогось. За тымъ тотъ Савка Шитинъ за домавяньемъ се стороны жалобливое водлугъ помененого декрету заразъ живо почвертованьемъ чрезъ ката покаранымъ зосталъ. Што все, яко се поменило, за жоданьемъ Костюковое Алексѣевичовое, естъ до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 227), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

182.

1643 г. Августа 28. Опредѣленіе Полотской ратуши по дѣлу Мартына Кокорки объ оказанномъ имъ неуваженіи къ бурмистру, и послѣдовавшее за тѣмъ обращеніе его въ уніятство.

Przy bytnosci iego miłosci pana Jana Bolesława Bohatyra Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie sławetny pan Kasper Lukasz Glaubicz, burmistrz miasta Połockiego opowiadał y obciążliwie żałował na Marcina Kokorkę, mieszczanina y rzeznika Połockiego, o tym, yż on Marcin Kokorka rzeznik, dnia wczorayszego będąc pianym z buty y zuchwalstwa swego, gdym mimo niego ulicą szedł, tedy (co y wymowić wstyd) pokilkakroć przed rożnymi ludzmi na wzgardę moię wtrusnął się, a nakoniec y mnie połaiał mowiąc, że się ia burmistrza nie boię; za co aby według uwagi waszychmosciow urzędowey pokarany był, domawiam się, gdyż mię iako burmistrza wielce znieważył, a co większa że przed wielą ludzmi. Do ktorey sprawy będąc on Marcin Kokorka przez sług urzędowych mieskich przed nami sądem postawiony, znaiąc się, yż to według pana burmistrzowey skargi pianym będąc uczynił, o przebaczenie prosił; lecz my sąd, zabiegaiąc temu aby napotem takowe y tym podobne swowolenstwa y nieuszanowanie od pospolstwa nam magistratowi abo ktoremu koledze naszemu nie działy się, nakazuiemy, aby ceklarze miey-

skie onemu Marcinowi Kokorce za takowe zuchwalstwo y nieuszanowanie iego, czterdziescie plag karbaczami dużo w rynku publice na kamieniu dali, do tego aby przez cały rok od dnia dzisieyszego do rzemiosła rzeznickiego przypuszczony nie był, także y nam magistratowi winy cały wargielt, aby zaraz nie zchodząc z urzędu oddał y zapłacił, a do oddania tego wargieltu ma w turmie w ciemnicy siedzieć, iakoż zaras on Marcin Kokorka według decretu naszego pokaranym został. A zatym sam dobrowolnie przyznał, yż ma być aż do smierci swey w wierze swiętey uniackiey a nie schizmatyckiey, także żonę y dzieci swe do teyże wiary swiętey uniackiey ma przywodzić. Za czym my sąd onego zaraz do rzemiosła rzeznickiego przypuscilismy. Co iako się pomieniło iest do xiąg mieskich Połockich zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 г.

188.

1643 г. Августа 28. Заявленіе бурмистра Глаубича на Мартина Кокорку, Петра Остаповича и Петра Ореху, обѣщавшихся принять унію послѣ помилованія ихъ за убійство человѣка и неисполнившихъ своего обѣщанія.

Protestacya tegoż pana Glaubicza burmistrza na Marcina Kokorkę, Piotra Ostapowicza y Piotra Orzechwę, yż oni co zabili człowieka, tedy uniatami być mieli, lecz nie są.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącymi, opowiadał y żałował sławetny pan Kasper Lukasz Glaubicz, burmistrz miasta Połockiego, na mieszczan miasta Połockiego Marcina Kokorkę, Piotra Ostapowicza y Piotra Orzechwę rzeznikow, o tym yż co oni ieszcze przed powietrzem morowym przeszłym zabili na smierć człowieka Jakuba Fedorowicza Durkiewicza. Tedy, uchodząc gardła, ktore za to zasłużyli byli, mieli unitami zostać, a poki by unitami zostali, nie mieli być do rzemiosła rzeznickiego przypuszczeni; lecz y teraz Kokorka y Ostapowicz po staremu nie unitami, lecz schyzmatykami są, a Orzechwa iest Lutrem, y to rzemiosło rzeznickie robią. Co y w xięgach mieskich Połockich było, lecz te xięgi pod czas splądrowania od Moskwy miasta Połockiego pogorzały. Dla czego, ponawiaiąc ia tey sprawy a chcąc o to z niemi wszystkimi prawem czynić, to opowiadanie moie przed waszmosciami sądem zanosząc, żądam, aby do xiąg mieskich Połockich było zapisano. Co iest zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 г.

184.

1643 г. Августа 31. Декретъ по дѣлу Василія Паука съ дѣвкою Θедорою Моргуновною о сожженіи ею его дома, а вслѣдствіе этого и всего города Полоцка, за что сама приговорена къ сожженію.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Bohatyra Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie mieszczanin miasta Połockiego pan Wasili Pauk zlecił y dał moc od siebie plenipotentowi swemu panu Alexandrowi Szpakowiczowi, ktory, przy obecnosci samego pana Pauka, opowiadał y z niemałym żalem żałował na czeladnicę iego domowę dziewkę Chodorę Morhunownę o tym, yż w niebytnosci iego samego y syna iego pana Hrehorego Paukowicza, gdy oni, iako ludzie kupieccy po handlach swych, z miasta Połockiego odiachali byli, iako wziął wiadomość od małżonki swey y dzieci swoich, iż ta dziewka służebnica iego domowa pomieniona Chodora Morhunowna, ktorą oddał do posługi panu Paukowi y małżące iego mieszczanin tuteyszy Połocki, mieszkaiący na Zapołociu, na imię Wasko Greydz, dziadzko rodzony tey dziewki, y gdy była iuż umowiona u pana Pauka posłużywszy coś, uciekła była, gdzie ią ten dziadzko iey do domu pana Pauka przywiodł y onę napominał, aby dobrze cnotliwie służyła a nie uciekała gdzie, y chłostą one troche pokarał tenże dziadzko iey. A gdy odchodził z domu iego pana Pauka, zostawiwszy tę dziewkę tam, że ona te słowa mowiła: yż, prawi, narządze ia tobie biadę za to, yżes ty mnie pobił y tu zostawił. Ktore słowa tey dziewki słyszał sławetny pan Sierhiey Kamionka, ławnik Połocki, y małżonka iego, będąc w domu swym, gdyż zaraz dom pana Kamionki był obok z domem pana Paukowym. Potym niezadługo dnia dwudziestego dziewiątego Juli, na wtorey godzinie z południa, ta przerzeczona dziewka, przepomniawszy wprzod Pana Boga Wszechmogącego y boiazni Jego swiętey y srogiego karania na zapalaczow opisanego, nie wiedzieć iesli z domysłu swego złego y zapamiętałego serca, czyli też z namowy czyiey, w niebytnosci samego pana Pauka, dom iego zapaliła, y mało samey małżonki iego pana Paukowey y chorey niewiastki a przytym y wszystkich dzieci iego nie popaliła, ktorzy aż zaledwo za łaską Bożą y osobliwą opatrznoscią iego swiętą żywi zostali y od tego ognia gwałtownego pouchodzili. A dom y maiętność iego wszelaka iako iego pana Pauka, tak domy y maiętnosci wszystkich panow obywatelow y mieszkaiących w Połocku pogorzeli. Y zrobiwszy takowę robotę swą nieszczęśliwą, sama ta dziewka precz, na tenczas w niebytnosci pana Pauka, uciekła. Gdzie pan Pauk, przyiachawszy tu do Połocka, iuż po pożarze miasta Połockiego, a wziąwszy takowę wiadomość o takowey nieszczęsney przygodzie y ucieczeniu tey dziewki, uczynił zaraz takowę staranie y koszt na to ważył, aby onę gdzie kolwiek poscignąć mogł, a że za łaską Bożą sposcignął y one aż do tego czasu miał w swoim pilnym dozorze y opatrzności. Teraz one przed waszmosciami stawi, niech że się z tego sama y przez plenipotenta swego wyprawuie: iesli iest winna, niech pokutuie; a iesli niewinna, niech wolna z decyzyei waszychmosci zostanie. Na ktorą żałobę od tey dziewki Chodory Morhunowny, przy bytnosci

samey, plenipotent iey, od nas urzędu przydany, pan Leo Sledziewski justifikuiąc sie naprzod mianował oica tey dziewki Sawę Morhunowicza, mieszkaiącego w Głembokim za wielebnymi oicy Bosaki, teraz nie dawno od iasniewielmożnego iego mosci pana Jozefa Lwowicza Korsaka, woiewody Mscisławskiego, ich mosciom fundowany, ktoremu to oicowi iey a przy tym y panu tey maiętnosci Głembokiey aby o tym dano znać, pomieniony plenipotent tey dziewki domawiał sie. A w samey rzeczy na tę żałobę odpowiadaiąc mowił: iż dnia dwudziestego dziewiątego miesiąca July wey Srodę, przed swiętym Illą Ruskim, poobiedzie, gdy sama pani Wasilowa Paukowa spać się położyła, a corka iey panna Nastazya w podswietliczu wianek wiła, ta dziewka na ganku chusty biały wałkowała y miała dwie dzienhy srebrne Moskiewskie, ktore poczeła była chylać na korale y upusciła one dzienhy, ktore z rąk przez pomost gankowy na doł na ziemie wypadły; a chcąc ych szukać, zapaliła łuczywę y z ogniem szukała pod gankiem na ziemi, y nalazła iednę, a drugiey szukaiąc przez prog w podsienie z ogniem, kędy było siano y słoma, patrzała tamże, niewie y sama, iako upusciła skrę z ogniem abo wągl w podsienie; y nie nalazszy drugiey dzienhy, znowu z podworza na gure na ganek weszła, y chusty wałkowała, a powałkowawszy szła w ogrod, y z ogroda ydąc obaczyła, że się w podsieniu kurzy y zaraz linęła wiadrem wodę, chcąc ugasić; lecz to nic nie pomogło, bo iuż dymu y ogniu w podsieniu pełno było; a co plenipotent pana Paukow powiada, iakoby umyslnie to uczynić y dom iego ze złosci zapalić y pochwałki czynić miała, tego nigdy nie było, bo ona tego umyslnie nie czyniła, y o tym nie myśliła y pochwałki na niego pana Pauka z strony ognia nie czyniła; ale iesli pochwałkę czyniła, to na dziadzka, ktory ią biał; y co mowiła, że biadę uczynię, to w ten zamysł, że miała uciec, a za tym pan Pauk tego dziadzka iey za onę turbować miał, na czym ona dziewka gotowa sama poniewaź oica y przyiacioł tu nie ma z kim by sie odwodziła przysiąc na tym iako umyslnie nie zapalała; a za tym prosił o wolność od tey żałoby, bo y pan Pauk o mniemaną y wątpliwą rzecz żałuie, niewiedząc pewnie, iesli ona umyslnie to uczyniła, a według nauki prawney o mniemaną rzecz, strona żałować a sąd sądzić nie może; a chociaby to ona y uczyniła to nie umyslnie, dla czego też niewinna, bo według teyże nauki prawney co sie z niechęci z niepożytkiem stawa, ten w karanie na garle nie popada, za czym też prosimy waszmosci sądu o miłosierdzie, aby iako młoda z miłosierdnego dekretu waszychmosci wolną być mogła, bo chociaby to uczyniła to nie z umysłu y nie z chęci iey stało się. Na to umocowany pana Wasila Pauka dowiedział: iż co umocowany od tey dziewki pan Sledziewski, z przydania waszych mosci magistratowego, tego potrzebuie y u waszychmosci sądu prosi y domawia się, aby, według statutu ziemskiego artykułu dwudziestego dziewiątego, rozdziału czwartego y artykułu trzeciego, rozdziału czternastego, dano wiedzieć panom tey dziewki czyia iest oiczyczka, tedy na te słowa pana Sledziewskiego od pana Pauka tak odpowiadam, yż prawo pospolite szeroce y roznie, tak w prawie ziemskim iako y w prawach cesarskich Maideburskich, iasną naukę daie, y kto zły y haniebny uczynek popełni, ma być iako złoczynca sądzon y zawsze iman; na co podał artykuł trzydziesty, rozdziału czwartego, z ktorego ukazował, iż nieosiadłego zawsze wolno łapać, artykuł szescdziesiąt czwarty, rozdziału tegoż czwartego, iż y słudzy nie odzywaią się do pa-

now, w czym wystąpią, powinni pokutować; podał z porządku prawa Maydeburskiego z części wtorey, list dziewięćdziesiąt dziewiąty, zkąd ukazował że w sprawach o złoczynstwa, ktore zwą kriminalles, sędzia nie oglądaiąc się na przyczyny namienione, zawżdy persone ma rozkazować wziąć do więzienia, podał z porządku prawa Maydeborskiego z artykułow, list dziewięćdziesiąt trzeci, dziewięćdziesiąt czwarty y dziewięćdziesiąt pionty z ktorych ukazował, że iesliby y szlachcic iaki gwałt w miescie uczynił, tedy daie prawo wolność y szlachcica do więzienia wziąć y według nauki prawney z onym postempować, a gdzieby urząd mieski był niedbały y te ustawy prawne przestempował, ma sam karanie na sobie odnosić. To ukazawszy przed sądem waszychmosci, pan Pauk słucha w tym decyzyi waszychmosci y ieżeli będzie nakaz w tym waszychmosci kazać dać wiedzieć panom tey dziewki, y to gotow uczynić. My sąd w tak haniebney sprawie, aby się złość ludzka nie szerzyła, nie uznawaiąc dawania znać panom tey dziewki stronie powodowey, daley na nią dowodzić nakazaliśmy, gdyż to dawanie znać idzie tylko tam, gdzieby urząd mieski szlachcica na gorącym uczynku poimał. Po ktorym takowym uznaniu naszym, ta dziewka Chodora Morhunowna sama dobrowolnie, zapytaniem naszym urzędowym, w głos przyznała się, iż ona umyslnie ze złosci z gniewu na panią swoią ten dom iego pana Paukowiczow zapaliła, mianuiąc to, że ią pani biiała, a dziadzko iey także biiał y to iey mowił że pod ziemią niezbiędziesz, iesliby od tey paniey uciekła, dla czego im to uczyniła, że dom zapaliła, od ktorego zapalenia wszystko miasto wygorzało, y prosiła o miłosierdzie. Za tym plenipotent pana Paukow, concluduiąc controwersią swą, powiedział: iuż sie iawnie y znaczniey wyżey wyraziło na poczontku żałoby pana Paukowey, iż niewinność swoię w tym przed waszmosciami okazuie y tę dziewkę przed sądem waszychmosci stawi, iako prawo chce mieć z porządku z przydatkow, list trzysta trzydziesty i z saxonu w słowie sługa, list cztyrysta trzydziesty, z ktorych ukazował, iż pan sługę powinien do sądu stawić y sługa co zasłużył powinien cierpieć, a że sie sama do tego przed waszmosciami sądem zna. A prawo taką naukę daie z porządku z części trzeciey, list sto trzydziesty szosty, dowod przeciwko stronie na sądzie bywa rozmaitym obyczaiem, przez swiadki, przez własne y strony zeznanie, z tegoż porządku z części trzeciey, list sto czterdziesty piąty, obwiniony z zeznania swego iuż bywa miany za przekonanego, z tegoż porządku z artykułow prawa Maideborskiego, list trzydziesty trzeci, taką naukę daie: dowod żaden nie iest dostateczznieyszy a pewnieyszy, jedno ktory sądowy, bo tu iuż y przysięgi nie trzeba, bo wiem co się przed sądem stanie, tego iuż nikt zaprzeć nie może, a iesli sie sama do tego zna y co za to zasłużyła, to niech cierpi, gdyż szkodę nieznosną nie tylko panu Paukowi ale y wszystkiemu miastu uczyniła. W ktorey sprawie my sąd na ferowanie decretu do dnia wtorego, miesiąca Septembra odłożylismy. Zatym gdy ten dzień wtory miesiąca Septembra przypadł, ta dziewka, będąc przed nami sądem oczewisto postanowiona, powiedziała: że żonka iedna, ktorą pani Paukowa z turmy z długu wykupiła, mnie mowiła tak: lepieybyś panią y z domem spaliła, czym w takiey nędze być y złe cierpieć, i ia choć mię z turmy wykupiła oddam trzy kopy, a nie będę służyła, bo pani zła. Y tak ia za radą tey żonki to uczyniłam, a u pani Paukowey tylkom ia sama trzy niedziele służyła, a gdy ta żonka, na ymie

Fiedora Jarmoszynna Iwanowa była przez sług zaraz przed nas sąd stawiona, ni do czego sie nie znała y to mowiła, że tey dziewki nie namawiała do tego złego uczynku, powodem nie była y iey tego nie radziła. A dziewka iey w oczy mowiła: kiedy byś ty mnie nie radziła, iabym tego nie uczyniła, y ciebie przed sąd Boży pozywam, że za twą przyczyną na on swiat schodzę. A tak my sąd, w tey sprawie bacząc to, iż ta dziewka Chodora Morhunowna sama dobrowolnie do złego uczynku swego przyznała się, yż ona dom pana Paukow ze złosci zapaliła y przez tę swą złą a niezbożną robotę tak dom iego pana Paukow, iako wszystko miasto Połockie, zamek wyszni y niżni, kolegium, koscioły, cerkwie, ratusz, wieżę y parkan y wszystkę ozdobę miasta Połockiego spaliła y w popioł obrociła, prze to zabiegaiąc my, aby sie daley złość ludzka nie szerzyła y taka swawola przez ludzi bezbożnych w miescie sie nie krzewiła,—te dziewkę Chodorę Morhunownę na spalenie, aby w polu za miastem żywo aż w proch zaraz spalona, a ta żonka aby do piątku przyszłego w więzieniu w turmie zatrzymana była, nakazuiemy. Ktorą to dziewkę gdy na spalenie w pole wywiedziono, tedy ona acz na samym ostatnim stopniu żywota swego w głos wyzwoliła tę żonkę Fiedorę Jarmoszynę, ktorę była powołała, mianuiąc, żem onę niewinnie pomowiła z serca, y rozumieiąc, że ia sama za tym powołaniem od tego karania będę wolna. Za tym tę dziewkę według dekretu naszego żywo spalono, a te żonkę Fiedore Jarmoszynę iako niewinną, ponieważ ona dziewka odwołała, my sąd wolną uczynilismy. Ktora sprawa, iako sie u sądu toczyła, iest do xiąg mieskich Połockich zapisano. Wypis wydan.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 499), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

135.

1643 г. Августа 31. Жалоба Полотскаго лянтвойта на православныхъ о поруганіи ими образовъ Казиміра и Іосафата.

Przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim zasiadaiącemi, opowiadał y obciążliwie żałował iego mość pan Jan Bolesław Bohatyr Kosarowski, lantwoyt Połocki, na Meletya Giedroycia, popa dyzunickiego, y na mieszczan Połockich adherentow iego też dyzunitow na Filipa Kosobuckiego, Arcioma Mikulicza, Andrzeia Kozła, Matfeia Hawryłowicza y na inszych pomocnikow ych, ktorych teraz pewnie wiedzieć nie mogąc, napotym do urzędu donieść nie zaniecham, o tym, yż oni dyzunici spolnie, zgodnie y iednostaynie z spolney rady y namowy czyniąc na samą szczyrą wzgardę Swiętym Bożym y obrazom iego, obraz Swiętego Kazimerza w bramie Lozney przez sławetnego pana Dorofieia Achramieiewicza, burmistrza miasta Połockiego, po niedawno przeszłym pożarze tam mieszkaiącego przybity, oddarszy, zeszpeciwszy y poszarpawszy w błoto wdeptali, a obraz Swiętego Iozafata tamże przybity oddarszy wniwecz poszarpali y w błoto także podeptali czyniąc to na znacznę wzgardę Swiętym Bożym y wierze swiętey Katolickiey. O co na nich

dostatecznie na pismie opowiadanie do xiąg podać y o to prawem czynić chcąc, żądał, aby to słowne opowiadanie było do xiąg mieskich Połockich zapisano. Co iest zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 г. (стр. 504), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

186.

1643 г. Сентября 7. Постановленіе Полотскаго магистрата о покупкѣ всего исключительно на рынкѣ.

Ухвала всего маистрату, абы Заполочане и Зарѣчане не куповали жадное речи въ домахъ, одно на рынку.

Лянтвойтъ, бурмистры, райцы и лавники мѣста его королевское милости Полоцкого, справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючые, ознаймуемъ и явно чынимъ, ижесмы, маистратъ увесь зуполный, ухвалили есмо то, абы такъ Заполочане, Зарѣчане и Кабачане не куповали и не важыли се жадное речи, збожа всякого и будованья жадного въ домахъ своихъ, одно въ самомъ рынку, абы се тутъ въ мѣстѣ Полоцкомъ жадная дорогость не дѣела. А еслибы се хто важылъ то учынить и водлугъ нашое уфалы не заховалъ се, на такового вины на ратушъ Полоцкій копъ десеть грошей Литовскихъ накладаемъ. Писанъ у Полоцку, року тысеча шесть сотъ сорокъ третего, мѣсеца Сентебря семого дня.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 514), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

187.

1643 г. Сентября 9. Жалоба Полотскаго іезуита на всѣхъ Полотскихъ схизматиковъ.

Протестацыя велебного ксендза Яна Филиповского, казнодзеи колеюмъ Полоцкого, на всихъ схизматыковъ у Полоцку будучыхъ, ижъ они образы лжуть и о Паннѣ Насветшой блузнять.

При бытности его милости пана Яна Болеслава Богатыра Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ засѣдаючыми, постановшы се очевисто велебный въ Бозѣ его милость ксендзъ Янъ Филиповскій, казнодея колеюмъ Полоцкого, оповѣдалъ и жаловалъ на всихъ схизматыковъ, въ мѣстѣ Полоцкомъ будучыхъ, о томъ, ижъ они образы Божые светые лжать, деспектують, деруть, топчуть, насмѣваючы се онымъ светымъ образомъ, очы, носы вышарпывають и о Паннѣ Насветшей блузнять. Чого всего въ побожности постерегаючы, абы такое глупство тутъ въ мѣстѣ Полоцкомъ не дѣело се, сее оповѣданье жалосное заносимъ и шыршую жалобу свою напотомъ на нихъ схизматыковъ преложить готови будемъ, а на сей часъ просимъ, абы

сее нашое оповѣданье было до книгъ мѣстскихъ Полоцкихъ записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 519), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

138—141.

1643 г. Сентября 23. Явка трехъ королевскихъ грамотъ, и четвертой—воеводы Полотскаго отцомъ Іосифомъ Шумлянскимъ, іеромонахомъ ордена Базиліановъ, относящихся къ исторіи Православной и Греко-Унитской Церкви.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Bohatyra Kosarowskiego, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku sprawy sądowe w ratuszu Połockim odprawuiącymi, stanowszy oblicznie wielebny w Bogu ociec Joseph Szumlanski, zakonnik reguły swiętego Bazylego Wielkiego, monastera Połockiego Borysohlebskiego, opowiadał y ku aktykowaniu do xiąg mieskich Połockich pokładał trzy listy: ieden swiątobliwey pamięci krola iegomosci Zygmunta trzeciego, a dwa iego krolewskiey mosci pana naszego miłosciwego teraznieyszego szczęsliwie nam panuiącego Władysława czwartego, a czwarty list iasniewielmożnego iego mosci pana woiewody Połockiego, w rzeczy niżey mianowaney wydane. Ktore pokładaiąc, żądał, aby do xiąg mieskich Połockich wpisane były, iakoż wpisuiąc one ieden po drugim tak się w sobie maią: Жыкгимонтъ третій, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфляндскій, а Шведскій, Кгодскій, Вандальскій дѣдичный король. Славетнымъ бурмистромъ, райцомъ и лавникомъ мѣста нашого Полоцкого, вѣрне намъ милымъ, ласку нашу господарскую. Славетные вѣрне намъ милые, ижъ неякійсь Смотрицкій и Борецкій, яко се сами называють, змовьвшы се съ подданымъ цесара Турецкого, непріятеля вѣры христіанской и нашого, который теперь, зламавшы свѣжо присегу свою и покой постановленый, на панства нашы войною наступуеть зъ неякимъ импосторомъ, якобы патрыярхою Ерозолимскимъ, на шпекги до панствъ нашыхъ отъ цесара Турецкого высланымъ, важыли се на зневаженье зверхности маестату нашого господарского, безъ воли, вѣдомости, поданья и позволенья нашого, посвещенье якоесь брать, одинъ на митрополью Кіевскую, а другій на архіепископство и владыцство Полоцкое, мимо тыхъ, которые тые преложенства духовные здавна за презрѣньемъ Божымъ съ поданья нашого и съ порадного на то посвещенья на собѣ носять и добре здрови суть, и мимо стародавные права и звычаи корунные и великого князства Литовского, которые светобливе и ненарушене по сей часъ задержаны суть, водлугъ которыхъ мы, а не хто иншый, естесмо оборонцою и подавцою церкви Божое, митрополиты и всихъ епископовъ въ панствѣ нашомъ, и безъ поданья и презентаціи нашое нихто становить, давать и посвешчать не можеть, а поготовю тотъ, который се менуеть быть патріархою, альбо посломъ патріархи Ерозолимского, кгдыжъ патріархове Ерозолимскіе никгды жадное владзы надъ духовенствомъ панствъ нашыхъ не мѣли, а правила Светыхъ От-

цовъ и порадокъ церковный отъ вѣковъ не позволяеть, овшемъ боронить, абы одинъ во владзу и юрисдикцію другого не вступовалъ се. Але они противъ порадку и приказанью церковному и противъ зверхности маестату нашого господарского важыли се у чужого ненаЛежного патріархи любо импостора у подданого непріятеля хрестіянского и нашого светить се, чынечы то умысльне зъ направы поганское, непріятеля Крижа Светого и нашого, абы подъ часъ теперешній внесенья отъ него, войны, бунтъ и замѣшанье межы людзми въ панствахъ нашыхъ учынить, а за тымъ, уборони Боже, и всю речь посполитую до великого и головного небезпеченства подать и привесть могли. Чему мы зъ зверхности и повинности нашое господарское въ часъ забѣгаючи, хочемъ мѣть и розказуемъ, абы есте порозумѣвшы се зъ вельможнымъ воеводою Полоцкимъ, а въ небытности зъ урадомъ кгродскимъ Полоцкимъ, постерегли того, якобы тые вышменованые особы, яко шпекги и турбаторы речи посполитое, не только до замку и мѣста нашого Полоцкого не были пущани, але жебы могли быть полапаны и до везенья всажоны, а потомъ водлѣ выступу якій се на нихъ зъ суду, зъ права и зъ инквизыцыи достаточное покажеть, карани были, и жебы и иншимъ всимъ шпекгомъ и здрацомъ речы посполитое черезъ то дорога загородить се могла. Иначе не учините для ласки нашое и съ повинности своее. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божого Нароженья тисеча шесть сотъ двадцать первого, мѣсеца Февраля первого дня, панованья королевствъ нашыхъ Польского тридцать четвертого, а Шведского двадцать осмого году. У того листу печать великого князства Литовского есть притиснена, а подписъ руки его королевское милости тыми словы; Sigismundus Rex. Такъ же подписъ подъ печатью тыми словы: Александеръ Корвинъ Кгосевскій, референдарь и писаръ. A drugi list iego krolewskiey mosci w te słowa: Władysław czwarty, z Bożey łaski krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmuidskie, Mazowieckie, Inflanskie, Smolenskie, Czernihowskie a Szwedski, Gotski, Wandalski dziedziczny krol. Oznaimuiemy tym listem naszym komu to wiedzieć należy, iż postanowiwszy sie oblicznie przed nami u xiąg Kancelaryei naszey Większey W. X. L., szlachetny Jan Dziahilewicz przywiley nasz pod datą roku tysiąc szesc set trzydziestego piątego, miesiąca Marca, czternastego dnia pod dwiema pieczęciami coronną y W. X. Litt. niżey wyrażony, cały, zupełny, ni w czem nienaruszony y żadney wątpliwosci w sobie nie maiący, ludziom religey Greckiey, w uniey z kosciołem Rzymskim będącym, na rzecz w niem opisaną dany y należący, per oblatam podał, prosząc aby do xiąg wpisan był. Ktory z poczontku aż do konca słowo w słowo, po tytule naszym, tak się w sobie ma: Wiadomo czyniemy komu to wiedzieć należy teraz y napotym będącym, iż iakosmy byli studio boni publice wzieli to na się, abysmy pokoy między ludzmi religiey Greckiey zatrzymali y sposoby pokoiu tego do declaratiey oica swiętego zastawilismy byli, w czym iż oiciec swięty judicium swoie suspendit y żadney declaratiey rzetelney nie uczynił a na seymie tym inaczey do obrony Rzeczypospolitey y inszych spraw przyść nie mogło, przyszło nam ludziom, w nieuniey będącym, co non in vim approbationis jurium schesmatis, ale dla dobra pospolitego uczynilismy tak y to testimonium nasze daiemy, że ludzi w uniey kosciola Rzymskiego będących co prosequimur famose iż onych przy metropoliey y do-

brach do niey należących wiecznemi czasy zachowuiemy y archiepiskopstwo Połockie, Włodzimierzskie, Pinskie, Chełmskie, Smolenskie z monasterami, cerkwiami y dobrami do nich należącemi przy unitach zawsze zostawać maią, także monaster Wilenski Swiętey Troyce z Bracstwem, ze cerkwią Swiętey Piątnice y fundatiami do nich należącemi, wiecy Grodzienski, Żydyczynski, Mohilowski, Menski, Nowogrodzski, Onofriewski, Mscisławski, Ptyszynski, Połocki, Brasławski y insze, ktorych teraz in possessione są, potomnemi czasy przy unitach zostawać maią, a w Witepsku w Połocku y w Nowogrodku nigdy żadney cerkwie nieunicy mieć nie będą, waruiąc to za nas y za naiasnieyszych potomkow naszych, yż te episkopstwa, archimandrictwa, ihumenstwa nikomu innemu conferować y successorowie nasi nie będą, tylko zakonnikom zasłużonym w iednosci reguły Swiętego Bazylego będącym, ktorych teraznieyszy ociec metropolita unit y successorowie iego unici proponować nam y successorom naszym będą, na co sie ręką swą podpisuiemy y pieczęci przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie, na seymie walnym coronnym, dnia czternastego miesiąca Marca, roku panskiego tysiąc szesc set trzydziestego piątego, panowania krolestw naszych Polskiego y Szwedskiego trzeciego roku. Vladislaus Rex. Marcian Tryzna, referendarz W. X. Litt., Jakobus Ubysz S. R. pieczęci przycisnione dwie, coronna mnieysza a W. X. Litt. większa. My tedy krol za prosbą przerzeczonego szlachetnego Jana Dziahilewicza ten przywiley wyszey inserowany do xiąg kancelariey naszey W. X. Litt. wpisać y z nich extractem pod pieczęcią W. X. Litt. wydać rozkazaliśmy. Działo się w Warszawie, dnia czternastego miesiąca Lutego, roku panskiego tysiąc szesc set czterdziestego pierwszego, panowania naszego Polskiego y Szwedskiego dziewiętnastego. U tego listu pieczęc W. X. Litt. iest przycisniona, a podpis ręki tymi słowy: Albrycht Stanisław Radziwiłł, kanclerz W. X. Litt. manu propria. Za sprawą oswieconego Albrychta Stanisława Radziwiłła, xięcia na Ołyce y Nieswiża, kanclerza W. X. Litt., Pinskiego, Gniewskiego, Kowienskiego starosty, a drugi podpis w te słowa: Franciszek Isaikowski, iego krolewskiey mosci sekretarz.—A trzeci list iego krolewskiey mosci pisany tymi słowy: Władysław czwarty, z Bożey łaski krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmuidskie, Mazowieckie, Inflanskie, Smolenskie, Czernihowskie a Szwedzki, Gotski, Wandalski dziedziczny krol. Wielmożnemu Januszowi Kiszce woiewodzie Połockiemu, hetmanowi polnemu W. X. Litt., Pernawskiemu starostie naszemu, uprzeymie nam miłemu, łaskę naszą krolewską. Wielmożny uprzeymie nam miły! Nie bez wielkiey urazy naszey doszło to nas, że niektore osoby w woiewodstwie Połockim, w dzierżeniu uprzeymosci waszey będącym, swieszczennikom tamecznym nabożenstwa Ruskiego, w uniey z kosciołem swiętym Rzymskim katolickim żyiącym, rożne bezprawia przeciwko zwierzchnosci maiestatu naszego krolewskiego z znacznym ubliżenem stana duchownego czynią w jurysdictią duchowną im należącą y w dobra cerkiewne z dawnych czasow na chwałe Bożą fundowaną, nienależnie sie wtrącaią, ktory postempek ych, że nas słusznie obchodzić musi, żądamy y mieć po uprzeymosci waszey chcemy, abyś uprzeymość wasza wszystkich swieszczennikow uniatow w miescie samym Połockim y w dobrach ekonomi Połockiey cerkwie swoie maiących y służbę Bożą odprawuiących brachio nostro regali od wszelakich impetitiy bronił y tego pilnie postrzegał ia-

koby sie im pod obroną y protectią naszą namnieysza bezprawia ktorych bysmy surowiey bez wszelakiego respectu na każdym requirować czasu y mieysca swego kazali, wiedziały. Inaczey uprzeymość wasza dla łaski naszey y z powinnosci swey nie uczynisz. Dan w Warszawie dnia XXVIII, miesiąca maia, roku panskiego MDCXXXVIII, panowania naszego Polskiego VI a Szwedskiego VII roku. U tego listu pieczęc W. X. Litt· iest przycisniona a podpis ręki iego krolewskiey mosci tymi słowy: Vladislaus Rex. Do wielmożnego woiewody Połockiego za swiszczennikami unitami. Także pod pieczęcią tymi słowy: Marcian Tryzna, referendarz, pisarz W. X. Litt.—A czwarty list iego miłosci pana woiewody Połockiego w te słowa: Janusz Kiszka, woiewoda Połocki, hetman polny W. X. Litt., Pernawski etc., starosta. Wszem wobec y kożdemu zosobna komu by o tem wiedzieć należało, tak wielebnym w Bodze osobom duchownym, iasniewielmożnym, wielmożnym, zacnie urodzonym ich miłosciam panom obywatelom woiewodstwa Połockiego, moim mosciwym panom braci, tudzież sławetnemu magistratowi iako y wszystkiemu pospolstwu miasta iego krolewskiey mosci Połockiego. Oznaymuiemy y czyniemy wiadomo, iż pokazowany mi iest przywiley iego krolewskiey mosci pana naszego miłosciwego datą w roku tysiąc szesc set trzydziestym piątym, miesiąca Marca cztyrnastego dnia dany y należący tak wszystkim przewielebnym, wielebnym oicom duchownym iako też in communi ludziom religiy Greckiey, w professiy uniey swiętey będącym, w ktorych wyczytawszy przy innych clausulach expresse wyrażoną, opisaną wolą y ordynatią iego krolewskiey mosci pana naszego miłosciwego, aby w pewnych miastach a mianowicie w miescie iego krolewskiey mosci Połocku, tak duchownym iako swieckim osobom ważyć sie wolno nie było— cerkwi religi Greckiey dyzunickiey budować y publicznego nabożenstwa odprawować y secundum ritum żadnych nie mieć exertitia; nadto oddany maiąc do siebie od iego krolewskiey mosci dirigowany list, w ktorym mi iego krolewska mosc pod wolą y łaską swą zlecać raczy, abym osob duchownych tam w woiewodstwie y dyocesyi Połockiey będących w religyi uniackiey brachio iego krolewskiey mosci regali ochraniał y pod protectią miał, broniąc z zwierzchnosci iego krolewskiey mosci od wszelakich krzywd, przeszkod y impetityi od dessidentow w tey religii, iesliby co takowego ponosili. Do tego oboyga względem woli y zlecenia iego krolewskiey mosci tak do przywileiu iako y listu sobie oddanego, stosuiąc sie z zwierzchnosci iego krolewskiey mosci a z władze urzędu mego iako po oicach w dyzunii będących, tako po ichmosciach panach obywatelach tamecznych y sławetnych mieszczanach Połockich, żądam a imieniem iego krolewskiey mosci napominam, aby oglądaiąc się każdy na wolą y ordinatią iego krolewskiey mosci w miescie tamtym cerkwi dyzunickich budować y publicznego nabożenstwa, tudziesz exertitia szkolnę odprawować nie ważył sie, a przytym żadnych buntow sediciy y religii uniackiey przeszkod y turbacyi, bluznierstw (iako sie to teraz swieżo pokazuie) y przechwałek a conspiratyi czynić nie smiał. A iesliby sie to partikularnie abo generalnie na kogo pokazało, tedy nie tylko poenam prawnym podlegać będzie, ale ia osobliwie zakładam winy na iego krolewska mosc pana mego miłosciwego pięcdziesiąt a na siebie woiewodę y woyta dziesięc tysięcy złotych polskich. Na co y ten moy list daiąc do niego się przy pieczęci ręką moią podpisuię. Pisan w Kriniczach

roku tysiąc szesc set czterdziestego trzeciego, miesiąca Septembra cztyrnastego dnia. U tego listu pieczęc iest przycisniona, a podpis ręki tymi słowy: Janusz Kiszka, Połocki woiewoda y woyt, polny hetman W. X. Litt. ręką swą. Ktore to wszystkie cztyry listy u sądu pokładane za prosbą wielebnego oica Jozefa Szumlanskiego są do xiąg mieskich Połockich wpisane. Widymus czerncam dysunickim wydany. Widymus powtorze wydan.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 г. (стран. 545).

142.

1643 г. Сентября 28. Жалоба Яна Мартиновича на православнаго монаха.

Признанье Яна Мартинковича, ижъ чулъ кгды чернецъ дизуницкій Сусло передъ нимъ хвалилъ се, же въ перси пана Кглявбича бурмистра цекглою ударилъ.

При бытности его милости пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ засѣдаючыми, постановивши се очевисто мѣщанинъ мѣста Полоцкого Янъ Мартинковичъ, за заказомъ черезъ слугу врадового мѣского Даньеля Бака а за потребованьемъ славетного пана Каспера Лукаша Кглявбича, бурмистра мѣста Полоцкого, сознал передъ нами судомъ то, ижъ онъ чулъ, кгды чернецъ дизуницкій, на име Сусло, хвалилъ се передъ нимъ, же пана Кглявбича бурмистра въ перси цекглою ударилъ. А и то мовилъ онъ же менованый чернецъ, же коли бымъ при собѣ тесакъ мѣлъ, певне бымъ его пана бурмистра на смерть забилъ. А такъ мы, судъ, чуючы тое добровольное его Яна Мартинковича вызнанье, за потребованьемъ пана Кглявбича бурмистра мѣста Полоцкого, наказали есмо то все до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записать. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 556), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

143.

1643 г. Ноября 23. Опредѣленіе Полотской ратуши по дѣлу о богохульствѣ Гавріила Лагоднаго.

Всказанье до турмы Кгабріеля Лакгодного за то, ижъ смѣлъ и важилъ се противко светыхъ Божыхъ слово вымовити.

Лянтвойтъ, бурмистры, райцы и лавники мѣста его королевское милости Полоцкого, ознаймуемъ въ напотомный часъ, ижъ мѣщанина Полоцкого Кгабріеля Лакгодного казалисмо осадить до турмы, за то, ижъ онъ смѣлъ и важилъ се блогословенного и светого ойца Езофата назвать велебнымъ, а не благословеннымъ, бо тые слова его заносили се на бунтъ. А тое седѣнье въ тур-

мѣ маеть выседѣть презъ три дни, абы се напотомъ не только онъ самъ, але и нихто иншый таковыхъ словъ мовить не важылъ. Што про паметь есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1643 годъ (стр. 665), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

144.

1645 г. Генваря 25. Опредѣленіе о повѣшеніи Алексѣя Гришковича за разныя покражи въ городѣ Полотскѣ.

Przy bytnosci iego mosci pana Jana Bolesława Kosarowskiego, ekonoma i lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami i ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, gdy ku rozsudkowi naszemu urzędowemu przytoczyła się sprawa mieszczanki miasta Połockiego Hanny Kołacznikowny Stefanowey Filkowiczowny z nieiakimś Alexieiem Hryszkowiczem, człowiekiem lóznym, o rzecz niżey mianowaną, tedy za przywołaniem obudwuch stron do prawa, naprzod strona powodowa Stefanowa Filkowiczowa sama i z plenipotentem swym panem Alexandrem Szpakowiczem, a ten Alexiey Hryszkowicz, obwiniony złoczynca, sam i z panem Leonem Sledziewskim, plenipotentem, iemu z urzędu przydanym, ku prawu stanowili sie. Zatym umocowany strony powodowey przekładał żałobę na tego złoczynce w ten sposob, iż ten Alexiey Hryszkowicz, bawiąc sie tu w miescie Połockim, czyniąc rożne kradzieże ludziom, nie maiąc w ręku swym żadnego rzemiosła, nie wiedzieć iesli sam, czyli też z nauki y naprawy czyiey, gdy ona Filkowiczowa i z dziecmi swemi, w roku niedawno przeszłym tysiąc szesc set czterdziestym czwartym, dnia osmnastego Decembra, dla nabożenstwa do cerkwi odeszła była, ten to pomieniony Alexiey Hryszkowicz, przepomniawszy boiazni Bożey, wstydu ludzskiego i srogosci prawney, na takowych złoczyncow opisaney, smiał y ważył sie wniść potaiemnie do domu iey Filkowiczowey, tu w miescie Połockim na ulicy Wielkiey stoiącego, tam że dobywszy sie do skrynki iey, w yzbie stoiącey, wziął z niey rzeczy nie mało, naprzod czepek axamitny z pasami złotymi, ogonkami kunnemi obłożony, ktory kosztował kop dwie, czapeczkę adamaszkową ponoszoną, ktora ieszcze stała kopy iedney, fartuch sztamentowy zielony, ktory kosztował połtory kopy, korali czerwone z perłami, ktore kosztowali kop dwie, złota do szycia czwiertki trzy a srebra cwiertkę, za co oboie złotych szesć polskich, blaszki złotey cwierć iedna za to złotych dwa, pierscionki dwa srzebrne kosztowali złoty polski, iedwabiu czerwonego łotow cztyry, za to złotych dwa, pieprzu połfunta, za to poł złotego. Co wszystko porachowawszy, co ten złoczynca pokradł, uczyni kop iedenascie i groszy szesc Litewskich. A iż iuż w roku przeszłym tysiąc szesc set czterdziestym czwartym, miesiąca Jula osmego dnia, stał się na tego to złoczynca Alexieia Hryszkowicza decret mieski Połocki, iż on był ukradł u pana Wasila Krywuszy srebrny kubek, tedy za to onego u pręgierza wysmagać i ucho urz-

nąć i z miasta wypędzić nakazano, pod takową condytyą, że iesli by sie potym karaniu i wypędzeniu z miasta, tu w Połocku okazał, tedy za to samo obieszony miał być, dla tego, że iuż nie raz tu w Połocku roznym ludziom kradzieże poczynił. Naprzod: iako sie sam on tego wyszmianowanego roku przeszłego przyznał, że pierwiey za koze, potym za zerwanie z dziewczyny korali, a potym za ukradzenie poduszki, trzy razy onego, za każdą rzecz poiedyńkiem na kamieniu publicznie w rynku bito. Przeto za takowym dowodem, iż iest iuż nieraz karany, a zatym, według dekretu mianowanego, domawiał sie, aby ten to Alexiey Hryszkowicz za takowe pokradzenie tych rzeczy na szubienicy obieszony był. Do ktorey żałoby będąc ten złoczynca z sekwestru na urzędzie postawiony a przy nim plenipotent onego pan Leon Sledziewski stanowił sie, ktory to pan Leon Sledziewski powiedział: prawda co pan Szpakowicz strony powodowey mianuie, że pierwiey go iuż trzy razy za koze, za korali zerwanie i za poduszkę bito, także y czwarty raz u pręgierza za ukradzenie kubka u pana Wasila Krywuszy, chocaby i to tak było, iednak strona moia Alexiey Hryszkowicz o sobie przezemnie takową w niewinnosci swey sprawę daie, iż on przyszedszy do Połocka na czas mały dla zarobienia sobie chleba z maientnosci iego mosci pana Fronskiewicza, z Sieliszcz, gdzie ma matke i brata swego, i bawiąc sie tu w Połocku, nikomu iuż więcey żadney szkody nie uczynił od tego czasu, kiedy go iuż tu za ten kubek pana Krywuszyn wybito; i on Alexiey Hryszkowicz, iako poddany iego mosci pana Frąskiewicza, tak rozumiem, że sie nie może tu przed waszych mosciami tak dalece usprawiedliwiać; a że nakaz waszych mosci stał sie, on o sobie tak powiada, że nigdy u tey Hanny Kołacznikowny Stefanowey Filkowiczowey nic i namnieyszey rzeczy nie kradł, oney nie zna i domu iey, gdzie ona mieszka, niewie; podobno też oney Filkowiczowey żadney sie szkody nie stało, ponieważ ona nigdzie y ni u iakiego sądu o taką kradzież protestacyi nie zanosiła, tylko na gołe słowa dopiero na niego instyguie. Z tych tedy przyczyn domawiał sie, aby ten Alexiey Hryszkowicz, iako w niewinnosci swey obżałowany, od tey Filkowiczowey żałoby był uwolniony. Przy ktorey tey sprawie będąc obecnym mieszczanin miasta Połockiego Stefan Mandryka, złotnik, i Samuel Micewycz, stolarz, czynili swe opowiadanie, iż tenże podobno złoczynca ukradł u niego Stefana Mandryki pieniędzy gotowych, srebra, złota nie mało, a u Samuela Micewicza letnik łazurowy, abysmy my sąd pytali złoczyncy, iesliby sie on do tych rzeczy u nich pokradzionych znał. Tedy on do żadney rzeczy nie znał. Za czym Stefan Mandryka, złotnik, a przy nim y insze mianowane osoby prosili, aby ten złoczynca na mękę był zdany. A iesliby nie domęczyli sie na nim, powiedział Stefan Mandryka, iż sam ieden po męce onemu nawiązać gotow kop pięc. I my sąd, ponieważ tenże Alexiey Hryszkowicz obwiniony złoczynca iuż iest przyliczny złodziey, według domawiania wyszpomienionych osob, iego Alexieia Hryszkowicza na mękę zdaiemy, ktora ta męka dnia iutrzeyszego, to iest tegoż miesiąca January dwudziestego szostego, uczyniona ma być. A gdy ten dzień dwudziesty szosty miesiąca Januaryi, od nas sądu na mękę naznaczony, przypadł, i złoczynca ten Alexiey Hryszkowicz przed męką na urzędzie postawiony był, sam dobrowolnie usty swemi przyznał to, że on u Stefana Mandryki, złotnika, pokradł pieniędzy, zmowiwszy sie z chłopcem iego Mandryczynym, ktory chciał od pana swego u-

cieć, i z nim te pieniędzy pospołu ukradł, to iest z Romanem Rutą. I gdy ten chłopiec iego Mandryczyn był na urzędzie postawiony, do tego sie nie znał, powiadaiąc, iż on z nim nigdy nie zmawiał sie, u pana swego z nim nic nie kradł. A ten złoczynca y powtore to mowił, iż z nim Romanem u niego Mandryki pokradł, i on Roman, chłopiec iego, w dzien te pieniądze, w chusce zawiązane, przez okno mnie podał, iednak ia ich nie liczyłem, iak wiele było, a guziczki srebrne osobno w chustce zawiązane były, ktorychem też nie rozwiązywał, i to wszystko oddałem Żydowce Wulfowey, pod zamkiem mieszkaiącey; i skorom to do niey przyniosł, tedy ona do męża swego pierwiey poszła, a potym, z mężem swym poradziwszy sie, odemnie to wzieła, bo Wulf Michałowicz Żyd przed tym tego mowił mi, iż ieslibym gdzie co ukradł, żeby to do niego to przyniosł, obiecuiąc mi żupan sprawić, gdyż onemu Wulfu, iako mi on mowił, na budowanie pieniędzy potrzeba było. A gdy go Stefan Mandryka pytał o ynszych rzeczach, od niego tegoż czasu y razu pokradzionych, ni do czego więcey nie znał. Ku temu za pytaniem Samuela Micewicza stolarza przyznał sie, iż u niego ukradł letnik łazurowy, i ten także Żydowce Wulfowey oddał. Do tego ieszcze przyznał sie, iż u pana Krysztofa Storymowicza, burmistrza Połockiego, ukradł gunkę konską i powiedział, że iemu ta gunka u tegoż Żyda Wulfa odięta. A przy tym ieszcze tenże złoczynca mowił, iż chłopiec pomieniony Mandryczyn, ktory do niego do więzienia przychodził, prosił, aby iego nie osławował i nie wydawał, przydaiąc i to, iż miedzy tymi pienięzmi, od Stefana Mandryki pokradzionymi, czerwone złote byli, mowiąc, iż mu o tym Wulfowa Żydowka powiedziała, i gdym do niego Wulfa kiedykolwiek przyszedł, tedy mnie zawsze gorzałką częstował. Za czym my sąd, ponieważ ten złoczynca Alexiey Hryszkowicz mianował, że te rzeczy od Mandryki pokradzione Wulfowi Żydowi oddał, prze to z posrodku siebie dwoch panow ławnikow sławetnych pana Alexandra Rozmysłowicza i pana Omielana Szyrameta, a przy nich i sługę urzędowego mieskiego Marcina Gurskiego, także i sług lantwoytowskich Połockich Stanisława Włodkiewicza i Wasila Muche, przy ienerałach woiewodstwa Połockiego Janie Orzechowskim i Janie Jakowickim, na przerzewidowanie tego domu Wulfowego zesłali i deputowalismy. Ktorzy to panowie ławnicy i sługa urzędowy mieski i lantwoytowski, stanowszy zaraz tegoż dnia pomienionego, relacyią swą uczynili: iż gdyśmy przyszli do doma Wulfa Michałowicza, Żyda w miescie Połockim pod zamkiem wysznim Połockim stoiącego, i za pytaniem u tego Wulfa i u samey Wulfowey, do żadney rzeczy oni nie znali sie, aby co mieli kupować od tego to Alexieia Hryszkowicza, przydaiąc to, iż ten Hryszkowicz z rankoru ych powołał niewinnie, z tey przyczyny, iż gdy go bito przed tym w rynku i ucha narzniono, żem go, gdy sie do mnie okazał, z domu iego precz wypędził; za tym sami dobrowolnie pozwolili wszędzie u siebie w domu szukać; lecz gdysmo szukali, nic z tych rzeczy Mandryczynych nie znalezli, tylko pod wychodkiem, do komory idącym, w pierzu schowany nalezli sztof cynowy w połgarca, ktorey to sztofki Wulfowa nie chciała nam ławnikom i sługom urzędowym żadną miarą dać, powiadaiąc, że iey własna, i ona kazała dziewce z chrzanem postawić; i my iednak tę sztofkę wziąwszy na urzędzie przed waszmosciami sądem okazuiemy. A gdy ten Alexiey Hryszkowicz złoczynca obaczył onę, powiedział iż on te sztofkę, u czerncow dyzunickich w monastyru ich ukradszy, do nieyże Wul-

fowey przyniosł. Jakoż zaraz przybywszy na ratusz z oycow dyzunitow dwa czerncy, ociec Fiedosy Kukszyn i ociec Garasim Szaszałowicz powiedzieli to, iż to ich iest własna sztofa u nich z inszymi rzeczami ukradziona. Gdzie też i służebnica tego Żyda Wulfa, na imie Awdokieia Jakowlewna Rubanikowna, na ratuszu będąc przyznała to, iż ia widziała tego złoczynce Alexieia Hryszkowicza, gdy przyniosł letnik łazurowy z kształtem czarnym i Wulfowey Żydowce na ganku oddal, a iam, powiada, na ten czas siedziała z Karpiną corką w łazni Wulfowey; i to też mowiła, iż ten złoczynca przychadzał często do Wulfa i milczkiem coś z nim gadał; a do tego, tegoż złoczynca widziałam ia prawi kiedy przedawał gunkę iakąs w domu tegoż Wulfa woznicom iego mosci oica metropolity. A potym tenże złoczynca Alexiey Hryszkowicz i do kradzieżu rzeczy Stefanowey Filkowiczowey dobrowolnie sie przyznał, iż on w dzień u niey z skrzynki pokradł, gdy oni byli w cerkwi, i Żydowce, co w domu pana Jana Cierpięty mieszka, za poł talara przedał. Za czym znowu tychże panow ławnikow i sług urzędowych wysz mianowanych, gdychmo sąd przy pomienionym ienerale Janie Orzechowskim dla znaydzenia lica rzeczy pokradzionych do domu iegomosci pana Cierpienty, gdzie Jakob Lewkowicz Żyd mieszka, zeznali tedy oni tam bywszy a stanowszy zaraz przed nami sądem przyznanie swe w te słowa uczynili: iż gdychmo przyszli do domu iegomosci pana Cierpienty w niebytnosci samego Jakuba Żyda, a zostawszy w tym domu żone Jakubową, ktorey pytalismy o tym, iesli się do tego dobrowolnie znać będzie; tedy ona do żadney sie rzeczy nie znała i pozwoliła sama dobrowolnie u siebie wszędzie w domu szukać; tamże szukaiąc nalezlichmo u niey w skrzyni korale z dwiema pierściąkami, iednym srebrnym a drugim złotym, i iedwabiu czerwonego kilka motkow; na co ta Żydowka powiedziała, iż pierscionek ieden złoty zastawny od iey mosci pani Kublickiey, a o koralach powiedziała wprzod, że iey własne, a potym gdy Stefanowa Filkowiczowa swemi być własnemi twierdziła, tedy iuż powiedziała, iż małżonek iey Jakub Lewkowicz niewiedziec zkąd nabył; a o iedwabiu mowiła, że łotow szesnascie u pana Zimnickiego, raycy Połockiego, kupiła, i inszy iuż wyrobiła, a to ostatku troche się zostało. A gdy tego Alexieia Hryszkowicza złoczyncę na mękę z sądu zdano i nim go ieszcze męczyć poczęto, przyznał sie wprzod do dziesięciu łyżek, że u Stefana Mandryki, złotnika, przy pieniądzach ukradł, a potym na męce i do iedenastey sie łyżki przyznał, o kturych powiedział, iż gdy od niego Mandryki z chłopcem iego Mandryczynym ukradł, tedym te łyżki tego dnia zakopał był w ziemie pod zamkiem a nazaiutrz wykopawszy temuż Żydowi, co w domu pana Cierpienlinym mieszka, Jakubu Lewkowiczu oddał i za kopę groszy Litewskich przedał. Do tego też i to na męce przyznał, iż w kosciele miedz i koszałki pokradł i u Azarowicza ukradł był miednice, ktorą u niego napotym odięto; a chłopca Mandryczynego i na męce będąc nie uwalniał, powiadaiąc, iż z nim wespoł kradł, i on iemu to wszystko wydawał i od pana swego uciekszy z nim pospołu miał sie z nim dzielić, a potym iuż po męce tegoż dnia miesiąca January dwudziestego szostego przyznał sie, iż u Iwana Maciusewicza i u Andreia garcarza z Zapolocia, pokradł płotno na cerkowiczy mokre, ktore dla bielenia położono było, i pospołu to płotno złożywszy teyże wysz mianowaney Żydowce Wulfowey oddał. A tak my sąd, w tey sprawie bacząc iego Alexieia Hryszkowicza od tych rzeczy po-

kradzionych, iako sie wysz pomieniło, przyznanie, a zabiegaiąc temu, iż ten Alexiey Hryszkowicz iuż tu nie raz w Połocku rozne y wielkie kradzieże ludziom poczynił, za co onego za każdy raz poiedynkiem tak na kamieniu iako i u pręgierza bito, a przytym zchylaiąc sie do dekretu w roku przeszłym tysiąc szesc set czterdziestym czwartym miesiąca Jula usmego dnia ferowanego, aby sie złodzieystwo tak tu w Połocku iako i nigdzie indziey nie mnożyło, onego Alexieia Hryszkowicza według domawiania stron ukrywżonych, aby był w polu dnia pierwszego miesiąca February tegoż roku tysiąc szesc set czterdziestego piątego przypadaiącego obieszony, nakazuiemy. A gdy dzień pierwszy miesiąca Februaryi w roku teraznieyszym tysiąc szesc set czterdziestym piątym przypadł, i ten złoczynca idący w pole na szubienice w ratuszu stawiony był, wyzwolił z pomowienia i powołania swego tego chłopca Stefana Mandryki, złotnika, na imie Romana Rute, mowiąc to, że go niewinnie w tym powołał i obwinił był, a Żydow wysz pomienionych obudwuch ktorych obwinił, idąc iuż na ostatni stopień żywota swego, na szubienice, nie uwalniaiąc ich; powiedział, iż te rzeczy przez niego pokradzione wszystkie iako i pierwiey powiedział, u nich są. A zatym tegoż dnia nad nim Alexieiem Hryszkowiczem, według nakazu naszego execucya staneła. A tey Hannie Kołacznikownie Stefanowey Filkowiczowey, także Stefanowi Mandryce złotnikowi, iako też i Samuelowi Micewiczu stolarzowi i wszystkim, u kturych przez niego szkoda stała, do tych Żydow, to iest do Wulfa Michałowicza i Jakuba Lewkowicza w sądzie im należnym, wolne mowienie o te rzeczy, ktore u nich złoczynca mianował, zachowuiemy. Ktora sprawa, iako sie po wszystkie te czasy u sądu toczyła, iest do xiąg mieskich Połockich zapisano. Wypis wydan.

Изъ книги Полотской ратуши за 1645 годъ.

145.

1645 г. Генваря 30. Жалоба Полотскаго лянтвойта на мѣщанъ, ѣздящихъ тайно изъ Полотска въ Москву.

Протестацыя пана Яна Болеслава Косаровского, лянтвойта Полоцкого на мѣщанъ купцовъ Полоцкихъ, ижъ они съ Полоцка до Москвы потаемне выѣждчають.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановивши се очевисто его милость панъ Болеславъ Богатырь Косаровскій, економъ и лянтвойтъ Полоцкій, оповѣдалъ и жаловалъ на мѣщанъ купцовъ мѣста Полоцкого о томъ, ижъ дей они, чынечы на великую шкоду мою, безъ грамотъ съ товарами своими до Москвы выѣждчають и тамъ товары свое продають, а звычаеви давному и водлугъ повинности своее у мене, яко у економа, грамотъ не беруть. Въ чомъ я отъ нихъ мѣщанъ купцовъ мѣста Полоцкого маючы великую крывду и шкоду, а хотечы зъ ними о то правне мовить и тое шкоды своее доходить, прошу, абы тое мое оповѣданье и жалоба была до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1645 годъ (стран. 45).

146.

1645 г. Марта 6. Определеніе по дѣлу Катерины Семеновны съ Гришкою Макеенкомъ и Ваською Мягкобрюхимъ о доставленіи зятя ея, покинувшаго ея дочь.

Декретъ въ справѣ Катерины Семеновны зъ Гришкомъ Макеенкомъ и Васкомъ Мяккобрухимъ о поставенье зятя ее Якима Козленка, который, за шлюбомъ ихъ дочку взявши, покинулъ.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, кгды ко розсудку нашому врадовому прыточыла се справа зъ прошлого року тисеча шесть сотъ сорокъ четвертого мѣсеца Декабра пятого дня, меновите мѣщанки Полоцкое Катарины Семеновны зъ мѣщаны того жъ мѣста Полоцкого, Грышкомъ Макеенкомъ и Васкомъ Мяккобрухимъ, тогды за прыволаньемъ обудвухъ сторонъ до права, лично сторона поводовая сама и съ пленипотентомъ своимъ паномъ Миколаемъ Жоховскимъ, а позваная — сами тежъ и зъ умоцованымъ своимъ паномъ Александромъ Шпаковичомъ, ку праву становили се. За тымъ умоцованый стороны поводовое прекладалъ жалобу на помененыхъ особъ въ тые слова: ижъ дей въ року недавно прошломъ тисеча шесть сотъ сорокъ четвертомъ, судъ мѣскій Полоцкій наказалъ имъ помененымъ особомъ, за жалобою пречечоное Катарины Семеновны, а до того за певнымъ слушнымъ доводомъ, въ той справѣ межы ними сталымъ, абы они зятя ее Катарины, неякогось Козленка, за дванадцать недѣль отъ даты того дня въ томъ декретѣ помененого ставили, яко о томъ шырей въ декретѣ помененое справы описано и доложоно есть. А ижъ дня сегоднешнего тому наказови врадовому дванадцать недѣль експирують, домавяю се, абы они того зятя ее Козленка на терминѣ назначономъ ставили. На што подалъ листъ трыдцать третій и трыдцать шостый зъ Саксону въ словѣ: ремкоенство. На которую жалобу умоцованый стороны отпорное панъ Шпаковичь отповѣдаючы повѣдилъ, ижъ дей хотя имъ того зятя ее декретомъ врадовымъ ставити наказано, однакъ оного такъ борздо за дванадцать недѣль никдѣ спостигнути не могли, и для того на терминѣ назначономъ дня сегоднешнего не ставять, але еще просять, абы имъ дальшое дылацыи узычоно было. А панъ Жоховскій умоцованый стороны поводовое, видечы таковое непослушенство стороны позваное, домавялъ се, абы на нихъ шкодъ сорокъ грошей Литовскихъ всказано было. На што подалъ листъ сетный вторый въ словѣ: непослушенство. А такъ, мы судъ, въ той справѣ упатруючы то, ижъ въ декретѣ, въ року прошломъ тисеча шесть сотъ сорокъ четвертомъ ферованомъ, не машъ того наказу, абы они Васко Мяккобрухій и Грышко Макеенокъ рокомъ завитымъ за дванадцать недѣль ставили, за чымъ еще узычаючы имъ добродѣйства правного, наказали есмо, абы они помененые особы того зятя ее Катарины Семеновны, на имя Якима Козленка, рокомъ вжо завитымъ безъ жадныхъ дылацый иншыхъ за шесть недѣль отъ даты дня сегоднешнего тутъ въ ратушу передъ нами судомъ, подъ виною копъ двадцати ставили. А затымъ дня двадцатого мѣсеца Марца въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ сорокъ пятомъ постановившы се передъ нами судомъ, они, менованые особы Грышко Макеенокъ и Васко Мякко-

рухій, того помененого Якима Козленка ставили, который то Якимъ Козленокъ, за пытаньемъ нашымъ врадовымъ, повѣдилъ: ижъ дей моя жона Прося власная есть шлюбная; а ямъ, отъ нее зъ Полоцка пошедшы, въ маетности его милости пана Саковича въ селѣ Маковьѣ, своимъ домомъ, яко подданый его, мѣшкаю; а ижъ она со мною не хотѣла ити на мѣшканье до помененого села, тогдымъ взялъ иншую жону, нешлюбную, и мѣшкаломъ зъ нею; и ямъ готовъ тую нешлюбную отъ себе прочъ отправити, только нехай жона моя шлюбная идеть со мною на мѣшканье, а ту зъ нею не могу мѣшкати, бо не маю чымъ бавить се: а тамъ, за ласкою Божою, маю свое господарство и пашню. Которая та Катарына Семеновна, матка тое невѣсты жоны его, повѣдила: ижъ дей я дочки своее на село за него отдавати не смѣю для другое жоны, але онъ нехай пры ней въ дому моемъ мѣшкаеть; а я могу тамъ до того села Маковья до маетности пана его зходити, а тамъ объ немъ досконале вывѣдать се—если у него есть тамъ другая жона—шлюбная, альбо нешлюбная, если тежъ, яко онъ повѣдаеть, маетъ господарство свое власное, въ которомъ бы могъ зъ дочкою моею мѣшкати. Мы судъ, видечы то, ижъ се тая Катарына Семеновна сама добровольне тамъ до дому того зятя свего ити поднела, теды наказуемъ, абы она тамъ обо всемъ вывѣдала и атестацыю отъ урадника тамошнего показала, и одтули абы за двѣ недѣли звернувшы се доскональу справу намъ судови обо всемъ помѣшканью того зятя своего дала. А тотъ зять ее до тыхъ двохъ недѣль подъ парукою тыхъ же помененыхъ людей тутъ въ Полоцку пры нихъ мѣшкати маеть. А за тымъ кгды день третій мѣсеца Апрѣля въ двухъ недѣляхъ прыпалъ, постановившы се очевисто Грышко Макеенокъ и Васко Мяккобрухій пильность свою ве двухъ недѣляхъ заносили и того зятя ее Козленка зъ собою на врадѣ ставили. А она помененая Катарына Семеновна на терминѣ ей узычономъ ку праву не становила ее и обовязку своему досыть не учынила, про то мы, судъ, тыхъ помененыхъ особъ поручниковъ, которые ей по томъ зятю ее Якиму Козленку ручыли, то естъ Грышка Макеенка и Васка Мяккобрухого съ тое поруки вѣчне увольняемъ, такъ, ижъ вжо отъ даты дня сегоднешнего вышей помененого, она, Катарына Семеновна, и цорка ее Прося а поготовю и нихто иншый съ обчыхъ жадного намнѣйшого прыступу до тыхъ пречоныхъ поручниковъ о тую речь мѣти не будуть вѣчными часы. Што все, яко се по вси тые часы на врадѣ дѣело, есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано. Выпись выданъ.

Изъ книги Полотской ратуши за 1645 годъ (стр. 124), хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

147.

1645 г. Апрѣля 7. Жалоба iезуита на Полотскихъ мѣщанъ католиковъ, пожелавшихъ быть Православными, и потому неисполняющихъ латинскихъ обрядовъ.

Справа, зачатая велебного въ Богу его милости ксендза Станислава Косинского, ректора ихъ милостей ойцовъ iезуитовъ колеюмъ Полоцкого, зъ нѣкоторыми розными мѣщаны Полоцкими о то, ижъ они, будучы католиками, въ костелѣ не сповѣдають и не кумуникують.

При бытности его милости пана Яна Волеслава Богатыра Косаровскаго, економа и лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановившысе очевисто въ Бозѣ велебный его милость ксендзъ Станиславъ Косинскiй, ректоръ ихъ милостей ойцовъ езуитовъ колеюмъ Полоцкого, жаловалъ на мѣщанъ мѣста Полоцкого: Михала Пузеку, на жону его, на сына и на цорку ихъ, на Яна Дышлевского, на Гаврыловую Котляровую и на Юрьевую Чечелевую, о томъ, ижъ дей они вси помененые особы, бывшы католиками, не вѣдать для чого, отъ тое вѣры оторвавшы се, дызунитами зостали, а въ костелѣ такъ споввѣди, яко и светое комунiи не заживають, што все на великую взгарду хвалы Божое чынять. О што будучы тые вси помененые особы очевисто черезъ слугу врадового мѣского, Мартина Курскаго, заказаны, скоро се постановили, теды мы, судъ, тую справу до дня третего отложывшы, обудвумъ сторонамъ того року тое справы пильновать наказали. Што все есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1645 годъ (стр. 167).

148.

1646 г. Января 22. Жалоба Леона Сковзерожскаго, отъ имени Полотскаго унiатскаго архимандрита, на мѣщанина Худовца и жену его, которые, будучи унiатами, дозволили своей дочери выйти за православнаго и вѣнчаться въ православной церкви.

Przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy personaliter pan Leon Sledziewski, imieniem iego mosci oica Theofila Prusa Olszanicy, archimandryty Połockiego, opowiadał y protestował się naprzeciw mieszczanina Połockiego, na Kobaku mieszkaiącego, Jesifa Chudowca i żone iego o tym, iż oni oboie, będąc wiary dobrey unickiey, corkę swoie iuż dorosłą, na wzgardę cerkwi swiętey za dyzunita oddawszy, szlub im w cerkwi dyzunickiey brać pozwolili. Z ktorymi chcąc iego mosc oiciec archimandryta prawem czynić, te swe opowiadanie do xiąg zaniosł.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 г. (стран. 20).

149.

1646 г. Февраля 26. Донесеніе вознаго о прибитіи имъ позвовъ отъ ксендза Задорожскаго плебана Полотскому подвоеводѣ Лисовскому и женѣ его урожденной Друцкой-Соколинской.

Реляція енеральска публикацыи баницыи на его милость пана Яна Лисовского и пани малжонки его вынесеное, отъ велебного ойца Рычыцкого, плебана Задороского.

При бытности пана Крыштофа Сторымовича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Крыштофа Есмана лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановившисе очевисто панъ Ѳеодоръ Садовскій квитъ свой реляцыйный ку вписанью до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ прызналъ, писаный тыми словы: Я Ѳеодоръ Садовскій, енералъ его королевское милости воеводства Полоцкого, сознаваю то симъ моимъ реляцыйнымъ квитомъ сознанья моего на писмѣ, ижъ въ року теперешнемъ, тисеча шесть сотъ сорокъ шестомъ, мѣсеца Февраля двадцать третего дня, при сторонѣ шляхтѣ, пану Янѣ Вербицкомъ и пану Станиславѣ Блонскомъ, былъ есми ужитымъ отъ велебного въ Бозѣ его милости ксендза Томаша Рычыцкого, плебана Задороского, тутъ, въ мѣстѣ господарскомъ Полоцкомъ, для публикацыи баницыи, якожъ за поданьемъ отъ его милости мнѣ, енералу, чотырохъ копій зъ листу его королевское милости пана нашого милостивого баницыйного по его милости пана Яна Лисовского, подвоеводего Полоцкого, и пани малжонку его милости пани Марыну Друцкую Сокольницкую выданого, преписаныхъ. Которое то чотыри копіи, водлугъ потребованья его милости ксендза Рычыцкого, того дня вышеписаного прыбиломъ першую копію до воротъ у брамы въѣздное Полоцкое, подъ замкомъ вышнимъ у Полоцку стоячое одъ Двины рѣки, другую копію прыбиломъ до воротъ великихъ въѣздныхъ при костелѣ ихъ милостей отцовъ езуитовъ колеюмъ Полоцкого на цментаръ, третію копію прибиломъ до воротъ ратушу Полоцкого великихъ уѣздныхъ, а четвертую копію прибиломъ до воротъ брамы въѣздное Полоцкое, названое Ложное, отъ Давины рѣки. Которые то вси копіи зъ листу баницыйного его королевское милости, писаное на его милость пана Яна Лисовского, подвоеводего Полоцкого, и ей милости пани малжонку его милости, въ жалобѣ велебного его милости ксендза Томаша Рычицкого, плебана Задороского, о речь, въ серединѣ тыхъ копій и въ самомъ листѣ баницыйскомъ описаную. И на томъ я, енералъ, сей мой реляцыйный квитъ съ печатью и съ подписомъ руки моее, также подъ печатми стороны шляхты, пры мнѣ будучое, ку записанью до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ далъ есми. Писанъ року, мѣсеца и дня вышъ писаного. Утого квиту печатей притысненыхъ три, а подписъ руки енеральское подписано тыми словы: Ѳеодоръ Садовскій, енералъ его королевское милости и возный воеводства Полоцкого рукою власною. Которое сознанье енеральское и тотъ квитъ его есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ вписанъ.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 г. (стр. 72).

150.

1646 г. Марта 21. Жалоба Кособуцкаго на своего свата Давида Нарфеновича, будто бы производящаго раздоръ въ семействахъ ихъ.

Протестацыя пана Филипа Кособуцкого на пана Давида Парфеновича, райцу Полоцкого.

При бытности пана Крыштофа Сторымовича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу лянтвойтовскомъ будучого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ засѣдаючыми, оповѣдалъ и жаловалъ славетный панъ Филипъ Семеновичъ Кособуцкій, мѣщанинъ мѣста господарского Полоцкого, на славетного пана Давида Парфеновича, райцу тогожъ мѣста Полоцкого, свата своего, яко его, пана Кособуцкого, съ престроги людей добрыхъ и зъ видимусу съ книгъ мѣскихъ Полоцкихъ ратушныхъ ему выданого, дошла певная вѣдомость, ижъ помененый панъ Давидъ, райца, взявшы предъ себе невинную вазнь противко пана Филипа Кособуцкого, розрываючы прыязнь и сповиноваченье, межы ними завартое, которое се стало презъ понятье въ станъ малженскій презъ сына пана Кособуцкого Андрея цорки пана Давидовы, побужаючы борздѣй до гнѣву и до нехенти родительское того зятя своего а сына пана Кособуцкого, смѣлъ и важылъ се самъ отъ себе именемъ того помененого сына пана Кособуцкого а зятя своего Андрея, змышливши речы николи небылые, до книгъ мѣскихъ ратушныхъ Полоцкихъ записалъ. И такъ шырокую леенду змышленое жалобы своее зачынаетъ: ижъ помененый сынъ пана Кособуцкого, Андрей, въ року прошломъ тисеча шесть сотъ чотырдесятъ четвертомъ мѣсяца Октебра двадцатого дня, стараючы се о прыязнь и сповиноваченье малженское теперешнее малжонки своее, пани Настазыи Давидовны а цорки пана Давыдовы, еще на онъ часъ въ станѣ паненскомъ будучое, напервѣй мѣлъ, одступившы вѣры своее старожитное Греческое, унитомъ зостать, послушенство превелебному въ Бозѣ его милости отцу Антонему Селявѣ метрополитѣ Кіевскому, Галицкому, архіепископу Полоцкому, отдать, шлюбъ въ церкви катедральной светой Софіи, въ замку Полоцкомъ стоячой, взять, чомъ за се панъ Филипъ Кособуцкій коштомъ и накладомъ своимъ тому сыну своему, Андрею, веселье справить, выправу належачую дать, а по веселью на три лѣта мѣшканья въ дому своемъ тому сыну своему зъ жоною и зъ челядью его не боронить, за готовый столъ ходити и гандли свои одправовать—якобы мѣлъ позволить. Которого таковото постановенья якобы панъ Кособуцкій не дотримавшы, выправы и ни якого датку сынови своему не далъ, мѣшканья на тры годы въ дому своемъ боронилъ, за столъ свой ходить не допущалъ, который якобы трохъ четвертей рочныхъ не вымѣшкавшы, для наруганья самого пана Кособуцкого, отца своего, и братьи своее молодшое, Якова и Михала Кособуцкихъ, съ того дому пана отца своего уступити мѣлъ, а старшые сынове пана Кособуцкого, панъ Павелъ и панъ Василей Кособуцкіе, по ожененью своимъ якобы мѣшкаючы по тры лѣта спольне пры пану отцу своемъ и ходячы за готовый столъ, якобы домы собѣ будовали, господарство домовое, сребро, цыну, медъ спорожали, сукни справовали и

на остатокъ гандлюючы презъ три лѣта по шести сотъ копъ грошей Литовскихъ якобы заробити мѣли. Зачымъ южъ панъ Давыдъ, райца, торуючы собѣ дорогу до помененыхъ сыновъ пана Кособуцкого, пана Павла и пана Василья Кособуцкихъ, до которыхъ наменѣйшого права и приступу не маеть, протестацыю свою, досить исправную, до уряду доносилъ, абы по смерти пана Кособуцкого, который за ласкою Божыею теперъ добре здоровъ есть, до тыхъ дванадцати сотъ копъ грошей Литовскихъ, якобы презъ пана Павла и Василья Кособуцкихъ, презъ гандель набытыхъ, и зять его, а сынъ пана Кособуцкого, Андрей, до ровной части якобы належати маеть. И много речей небылыхъ въ той протестацыи своей панъ Давыдъ, райца, положылъ, яко шырей вся речь змышленая въ той жалобѣ его есть описана. Которому всему тому подступкови пана Давыдовомъ панъ Филипъ Кособуцкій неправости задавшы, таковую справу о собѣ даеть и такъ се на пана Давыда Парфеновича, райцу и свата своего, жалуеть: што се тычеть напервѣй сполентовъ сына пана Кособуцкого Андрея до цорки пана Давыдовы, теперешнее малжонки своее, пани Настазыи Давыдовны, поневажъ панъ райца, на початку постановенья своего по нимъ Андрею Кособуцкомъ потребовалъ, абы унитомъ зосталъ, панъ Филипъ Кособуцкій, наменѣй тому не преченый, на волю его пустилъ, который заразомъ позволившы на унею, добре предъ терминомъ, веселью назначономъ, въ церкви катедральной светой Зоѳіи, въ замку Полотскомъ стоячой, высповѣдавшысе, комунію принялъ, послушенство превелебному въ Бозѣ его милости отцу метрополитѣ, або ли намѣстникови его милости отдалъ, подъ часъ засе веселья шлюбъ въ той же церкви катедральней светой Софіи презъ его милость отца Теофиля Ольшаницу, архимандрыту Полоцкого, взялъ, вольного набоженства водлугъ воли своее безъ жадное перешкоды пана Кособуцкого самого и сыновъ его ужывалъ и по сей часъ ужываеть; веселья панъ Филипъ Кособуцкій, водлугъ преможенья и кондыцыи своее, безъ вспоможенья и датку пана Давыдового тому сыну своему Андрею въ дому своемъ справилъ. Што се засъ дотычеть датку выправы и трылѣтного мѣшканья и уступенья зъ дому пана Кособуцкого того сына его Андрея, въ томъ панъ Кособуцкій, ачъбы собѣ не зычылъ на свѣтъ побликовати и передъ кимъ выличать се, яко дѣтокъ своихъ росправуеть; але поневажъ панъ Давыдъ задаеть, же выправы жадное сынови своему, а зятю пана Давыдову, не далъ и не учинилъ, въ томъ пунктѣ отзываеть се панъ Кособуцкій до доброе памети самого пана Давида, райцы, который добре предъ терминомъ веселья, сынови его прыпаломъ, пильне того потребовалъ по пану Кособуцкимъ, абы се декляровали, яко много сынови своему выправы учинить и такъ прикладомъ старшыхъ сыновъ своихъ, пана Павла и пана Василья Кособуцкихъ, которымъ по пяти сотъ копъ грошей литовскихъ панъ Кособуцкій далъ, и тому сыну своему, а зятю пана Давыдовому Андрею Кособуцкому также пятьсотъ копъ грошей литовскихъ назначылъ. А взглядомъ того же тотъ сынъ его Андрей по ожененью своемъ не обѣцовалъ собѣ долгого мѣшканья пры пану отцу своемъ, але заразомъ мѣлъ се отдѣлить се, поступилъ ему шостое сто копъ грошей, якожъ сынъ его тотъ Андрей, не чекаючы таковое ласкавое обѣтницы пана отца своего, абы зъ благословенемъ Божимъ и родительскимъ

тую выправу зъ рукъ родича своего взялъ и за оные подяковалъ; але маючы на рукахъ своихъ отъ пана Кособуцкого, яко родича своего, немалую суму пенезей, собѣ на гандель повѣроную, и торгуючы тою сумою пенезей презъ лѣтъ три до Кролевца и до Рыги, не выличаючы се пану отцу своему презъ такъ долгій часъ а ни съ прыходу а ни зъ росходовъ въ томъ року тисеча шесть сотъ чотырыдесятъ четвертомъ, въ которомъ полёнтѣ до цорки пана Давыдовы строилъ, зоставилъ въ Кролевцу у купца своего, яко самъ меновалъ, двѣ тысячы и двѣстѣ таляровъ, чого, водлугъ ваги и торгу Кролевецкого, болшъ нижъ на три тисечы таляровъ битыхъ выносити мѣло. Которую тую суму пенезей вжо по змовинахъ цорки пана Давыдовы, кгды помененный панъ Кособуцкій, въ томъ же року тисеча шесть сотъ чотыредесятъ четвертомъ, подъ осень, того сына своего Андрея до Кролевца выправилъ, помененый сынъ его Андрей, одобравшы тую суму пенезей двѣ тисечы и двѣстѣ таляровъ битыхъ въ Кролевцу у купца пана Кособуцкого а чынечы надъ волю и въ невѣдомости пана своего, насправовавшы собѣ разныхъ сукенъ, водлугъ думы своее, спорадившы розного начынья сребреного, ложокъ, кубковъ до господарства, накупившы розныхъ подарковъ, манели, ланцужковъ золотыхъ, розныхъ матерый и иншыхъ речей збытныхъ прышлой малжонцѣ своей, а цорцѣ пана Давыдовой, еще на остатокъ зъ тое же сумы пенезей вышей мянованое осемъ сотъ копъ грошей литовскихъ на себе вылучилъ, а остатокъ тое сумы пенезей зъ собою до Полоцка прывезлъ и пану отцу своему отдалъ. Чого добре и самъ панъ Давыдъ постерегшы, а видечы, же таковымъ непораднымъ и непотребнымъ шафункомъ онъ прышлый зять его Андрей Кособуцкій пана отца своего укрывдилъ, почалъ се взбороняти цорки своее за него отдавати, подаючы таковую кондыцыю пану Кособуцкому, абы первѣй зо всее тое сумы пенезей, ему повѣроное, и зъ шафунку, панъ Кособуцкій того сына своего квитовалъ. Якожъ панъ Кособуцкій, не зычечы о схову, яко власному дитяти своему, все то оному пребачылъ и шесть сотъ копъ грошей обѣцаныхъ, которые любо хочъ самъ южъ сынъ его Андрей сволне заграбилъ, оному даровалъ и по смерти своей ровную часть въ маетностяхъ своихъ, межы иншыми дѣтми своими, назначылъ, варовавшы то особливымъ листомъ, на то данымъ. А же тотъ сынъ его Андрей, надъ волю пана Кособуцкого, отца своего, и надъ выдѣленье братьи своей, надъ тую шесть сотъ копъ назначоного, еще двѣстѣ копъ при собѣ затрымалъ, конечне того панъ Кособуцкій по немъ потребовалъ, абы тые двѣстѣ копъ пану Кособуцкому вернены были, который тымъ се вымавялъ, же пры головной сумѣ и тую двѣстѣ копъ въ товаръ вложилъ. Еднакже по зверненью зъ Рыги мѣлъ тые двѣстѣ копъ пану Кособуцкому, отцу своему, отдати, которые и по сей часъ пры собѣ держыть и оными пожыткуеть а не отдаеть. И такъ запомогшысе отъ пана отца своего въ такъ спорую копу тотъ сынъ его Андрей, вжо по оженеңью своемъ мѣшкаючы вправде презъ тры четверти року, албо и далѣй, въ дому пана Кособуцкого, отца своего, не деферуючы ни въ чомъ, яко родичови своему, гандли свои власные, водлугъ уподобанья своего, одправовалъ, домъ свой спорожалъ, наймуючы тесловъ и иншыхъ ремесниковъ, за тымъ же хлѣбомъ пана отцовскимъ будовалъ, а потомъ, погардивши даткомъ и хлѣ-

бомъ отцовскимъ, а снать за намовою тогожъ тестя своего пана Давыда, райцы, въ року близко прошломъ тисеча шестьсотъ четыредесять пятомъ мѣсеца Октебря десятого дня, яко панъ райца въ протестацыи своей менуеть, зъ дому пана Кособуцкого, пана отца своего, уступилъ и домомъ своимъ на иншымъ мѣйсцу живеть. Который таковый весь поступокъ сына своего Андрея панъ Филипъ Кособуцкій ачъ бы зычылъ собе милченьемъ, водлугъ обѣтницы и листу своего, ему Андрею даного, покрыть; але поневажъ самъ панъ Давыдъ, не контентуючы се таковою ласкою, даткомъ и выправою, зятеви его учыненою, тотъ листъ даный черезъ протестацыю свою змышленую нарушылъ. А жебы тежъ панъ Кособуцкій, водлугъ опачного уданья пана Давыда, райцы, ве злой репутацыи у людей не зоставалъ мусѣлъ невинность свою оказуючы, яко се правдиве въ самой речы дѣело, хоть зъ жалемъ, на свѣтъ указуеть стороны засе старшыхъ сыновъ пана Кособуцкого, пана Павла и пана Василя Кособуцкихъ, которые, оженившы се, яко бы по тры годы пры пану Кособуцкимъ, пану отцу своемъ, мѣшкали, за готовый столъ зъ женами, зъ дѣтьми и зъ челядью своею ходили, домы собѣ будовали и гандли свое одправовали, а еще надто презъ тые три лѣта по шести сотъ копъ грошей литовскихъ якобы на себе заробили и по трикроть на рокъ до Рыги ходили, сребра и сукенъ насправовали, чого николи не было; абовѣмъ тые сынове его поженившысе, ледво по два годы выжывшы, одинъ зъ нихъ, панъ Павелъ, набывшы собѣ домъ правомъ купнымъ вѣчыстымъ на чверти пляцу збудованый съ тое сумы пенезей, отъ отца ему даной, отъ мѣщанина того жъ мѣста Полоцкого, Ѳедора Земца, а панъ Василей также на чверти пляца отъ тестя своего, пана Василья Каменки набытой, побудовавшы се своимъ власнымъ коштомъ съ того датку отъ отца своего, штосе онымъ отъ пана Кособуцкого на часть ихъ по пяти сотъ копъ грошей достало, прочъ отдѣлили се и домами своими живуть. А поки пры пану Кособуцкомъ, пану отцу своемъ жыли, только зъ жонами своими за столъ отцовскій ходили, любо и потомство мѣли, жадного еднакъ живого зъ воли Божой не зостало, кгдыжъ еще отъ перси матокъ своихъ поумерали, якожъ и теперъ жадного не машъ. Челяди тежъ, онымъ мѣшкаючы при родичѣ своемъ, не треба было ховати, абовѣмъ таяжъ челядь отцовская, кгды послуги въ гандлѣ тые сынове отца своего отправовали, онымъ услугивала. А жебы помененые панъ Павелъ и панъ Василей Кособуцкіе, мѣшкаючи презъ такъ кроткій часъ пры пану отцу своемъ и оборочаючы такъ малою сумою петма сотъ копами, любо и мнѣйшою, мѣли собѣ по шести сотъ копъ грошей заробить, то панъ Кособуцкій на увагу кождого бачного и розсудного пущаеть; а хотечы бы што и заробили, еднакъ никому не належить, а панъ Давидъ, райца, яко неналежная особа, ничого до того не належыть и непотребне се въ спадки чужыхъ дѣтей встибяеть, рачей нехай своихъ спадковъ постерегаеть. Але и овшемъ самъ панъ Давыдъ, райца, хотечы до остатнего упадку того зятя своего, а сына пана Кособуцкого Андрея, привести водлугъ обѣтницы своее, при змовинахъ чыненое, любо много обѣцалъ, а яковожъ, кромя выправы, мало чого, албо и ничого оному не далъ, а еще смѣлъ панъ райца написати протестацыи своей змышленой, яко бы посагъ назначоный до рукъ самого пана Кособуцкого мѣлъ отдати,

чого нигды не было и наимнѣйшою нотою того на пана Кособуцкого доказати не можеть. А што большого, забѣгаючы за часу, еслибы панъ Богъ смерть на того зятя его, а сына пана Кособуцкого, Андрея, допустилъ, абы се вжо тая выправа назадъ въ домъ пана Кособуцкого не ворочала, не вѣдать если зъ доброй воли, чыли тежъ зъ мусу яковего, яко пана Кособуцкого съ престрокги людей зацныхъ дошла вѣдомость, вымоглъ на немъ, зятю своемъ, а сыну пана Кособуцкого, Андрею листъ записъ, якобы за внесенье цорци пана Давыдовы, а малжонки своее, на всихъ маетностяхъ своихъ лежачыхъ и рухомыхъ осмь сотъ копъ грошей литовскихъ, кромъ вѣдомости его, пана Кособуцкого, отца своего, записуеть, —которого звычаю въ мѣстѣ тутошнемъ Полоцкомъ, яко межы людми купецкими, никгды не бывало. Которой таковой змышленой жалобѣ пана Давыда райцы во всихъ пунктахъ и паракграфахъ панъ Филипъ Кособуцкій задавшы неправость, а хочечы невинность свою у кождого суду и права оказати, просилъ, абы тое оповѣданье и жалоба его до книгъ мѣскихъ ратушныхъ была записана. Што естъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 годъ (стран. 108).

151.

1646 г. Апрѣля 21. Жалоба мѣщанина Яна Марковича на Васку, который изнасиловалъ дочь его Алену.

Протестацыя Яна Марковича на Васка, который служыть Яну Тишковичу, мыдляру, о зкгвалценье дочки своее Алёны.

Передо мною Лукашомъ Каспромъ Кглявбичомъ, бурмистромъ мѣста Полоцкого, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучымъ, оповѣдалъ и обтежливе жаловалъ мѣщанинъ Полоцкій Янъ Марковичъ въ великой крывдѣ своей и въ зесромоценью въ станѣ паненскомъ будучое дочки своее Алёны Марковичовны, за взятьемъ одъ нее певное вѣдомости на Васка, о томъ, ижъ онъ, Васко, служечы мѣщанину Полоцкому пану Яну Тишковичу, мыдляру, и малжонцѣ его, посполу съ тою дочкою его, Марковича, съ панною Алёною Марковичовною, а уподобавшы оную собѣ, частокроть намавялъ и зводилъ розными способами, абы ему повольна была. А она Алёна, на то не позволяючы, мовила, абы, у пановъ доложывшы се, пристойне се о станъ малженскій стралъ. А онъ Васко, взявшы то собѣ на розмышленье и на пораду зъ людми, а потомъ упатрившы часъ собѣ повольный, въ небытности пановъ своихъ, то естъ кгды былъ самъ панъ Тишковичъ у Рызѣ, а сама Тишковичовая была на веселью у Гришка Прудника, въ той часъ дня недѣльного, въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ сорокъ шестомъ, предъ запустами Рускими месными, до великого посту за тыдень, мѣсеца Генвара двадцать осмого дня, наполнившысе тотъ Васко злого умыслу своего а прышодшы отъ Володка слёсара зъ весельля пяный и не вѣдать якимъ способомъ влѣзшы въ зачыненый домъ въ ночы, а потомъ до избы шынковное влѣзшы таемне, въ которой избѣ она, Алёна, завѣдываючы шынкомъ, спала тамъ же

згасившы свѣчку, а ее, Алёну, спячую на лавѣ, почалъ длабити. А она, Алёна, не вѣдаючы ни о чомъ а престрашывшысе, жегнать се и кричать почала, а онъ, Васко, заразъ выконываючы злую волю свою скуткомъ, обаливши ее, Алёну, кгвалтомъ на землю, ажебы не волала, шапкою губу заткавшы а не дбаючы на боязнь Божую и каранье правное, злый Пану Богу и людемъ обрыдливый учинокъ и волю свою надъ нею кгвалтомъ пополнилъ и зъ стану паненского ее позбавилъ. А коли она Алёна плакать и нарекать почала, и челядь, которая тамъ въ той избѣ спала, то есть Иванъ Москаль и Хома Карповичъ, почувшы таковый крыкъ, а снать почувшы и кгвалтотный поступокъ, ганить ему Васку почели и до пановъ сноихъ оскаржыть, а потомъ и до маистрату донести мѣли. А онъ Васко, на то ничого не дбаючы, заклиналъ се небомъ и землею, упевияючы и повѣдаючы подъ прысегою ей, Алёнѣ, на тотъ часъ и назавтрѣе и потомъ поколько разъ потвержаючы: же дей тебе не покину; але скоро панъ нашъ прыѣдеть зъ Рыги до Полоцка, поклонившысе ему у ноги, по Великодни шлюбъ съ тобою озьму; а нехай дей о томъ нихто не вѣдаеть; а того Москаля и Карповича упрошу, што никому не скажуть. Которого таковогo кгвалтовного учынку она Алёна не таечы, тогды цётцѣ своей Марынѣ Комаровской обо всемъ ознаймила и презъ постъ до сего часу на обѣтницу того Васка очекивала. А видечы, ижъ онъ, Васко, въ проволоку пущалъ и ознаймити пану такъ же прозбы вносити не хотѣлъ, она Алёна презъ Ѳому Карповича пану своему ознаймила. Нижли самъ панъ Янъ Тишковичъ, взявши о томъ учынку вѣдомость отъ Хомы Карповича, а съ того учынку того Васка стражовать и до враду донести не хочечы, але отводечы того Васка отъ малженства зъ нею Алёною, заразъ пошовши до провора до того Васка а учынившы зъ нимъ змову, прыказалъ и загрозилъ ему срокго, абы до того учынку передъ людми бы и на врадѣ запералъ се и не прызнавалъ, а ее Алёну Марковну, не допустивши ей и пива дошынковать и выраховатьсе, прочъ выслалъ, даечы тому Васку свою повинную за малжонку. О которое теды таковое безправье, кгвалтовный злый учынокъ дочцѣ своей съ тымъ Васкомъ и о змову зъ самимъ паномъ Яномъ Тишковичомъ хотечы онъ Марковичъ водлугъ науки правное постуновать, далъ тое оповѣданье и жалобу свою до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записать. Што есть записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 г. (стран. 139).

152.

1646 г, Апрѣля 25. Постановленіе по дѣлу объ изнасилованіи Ваською дочери Яна Марковича Алены.

Декретъ въ справѣ Яна Марковича зъ Яномъ Тимоѳеевичомъ о зкгвалценье дочки его Алёны презъ челядника его Васка Миколаевича, мыдляря.

Пры бытности пана Крыштофа Стрымовича, бурмистра мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Крыштофа Есмана, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ су-

довыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, кгды ку розсудку нашому прыточыла се справа мѣщанина мѣста Полоцкого Яна Марковича зъ мѣщаниномъ того жъ мѣста Полоцкого Яномъ Тимоѳеевичомъ и челядникомъ его Васкомъ Миколаевичомъ мыдляромъ, о речь нижей менованую, за прыволаньемъ обудвухъ сторонъ до права, акторъ самъ и зъ умоцованымъ своимъ паномъ Костантымъ Петрыщою, а позваные сами тежъ и зъ умоцованымъ своимъ паномъ Миколаемъ Жоховскимъ ку праву становили се. А напродъ акторъ прекладалъ жалобу на того челядника Яна Тимоѳеевича, на име Васка Миколаевича, о томъ, ижъ дей онъ, Васко, служечы Яну Тимоѳеевичу и малжонцѣ его, посполу съ дочкою его, Яна, съ панною Аленою Марковичовною и уподобавшы собѣ оную, частокроть намавялъ и зводилъ розными способами, абы ему повольна была; а она, Алена, на то не позволяючы, мовила: абы у пановъ доложывшы се, прыстойне се въ станъ малженскій старалъ. А онъ, Васко, взявшы то собѣ на розмышленье и на пораду зъ людми, а потомъ упатрывшы часъ собѣ повольный, въ небытности пановъ своихъ, то есть, кгды былъ самъ панъ въ Рызѣ, а сама пани была на весельи у Грышка Прудника, въ тотъ часъ, дня недѣльного, въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ сорокъ шостомъ, предъ запустами Рускими месными, до великого посту за тыдень, мѣсяца Генваря двадцать осмого дня, наполнившы се тотъ Васко злого умыслу своего, а шедшы отъ Володка слесара зъ веселья пяный и не вѣдать якимъ способомъ влѣзшы въ замкненый домъ въ ночы, а потомъ до избы шынковное влѣзшы таемне, въ которой то избѣ она, Алена, завѣдываючы шынкомъ, спала тамъ же, згасившы свѣчку, а ее, Алену, спячую на лавѣ, началъ длабить; а она Алена, не вѣдаючы ни о чомъ а перестрашывшысе, жекгнать се и крычать почала; а онъ, Васка, заразъ выконываючы злую волю свою скуткомъ, обаливши ее, Алену, кгвалтомъ на землю, ажебы не волала, шапкою губу заткавшы, а ничого не дбаючы на боязнь Божую и каранье правное, злый Пану Богу а людемъ обрыдливый учинокъ и волю свою надъ нею кгвалтомъ пополнилъ и зъ стану паненского ее позбавилъ; а коли она, Алена, плакать почала, и челядь, которая тамъ въ той избѣ спала, то есть Иванъ Москаль и Хома Карповичъ, почувшы таковый крыкъ, а снать почувшы и кгвалтовный поступокъ, ганить ему Васку почали и до пановъ своихъ оскаржыть, а потомъ и до маистрату донести мѣли; а онъ Васко, на то ничого не дбаючы, заклялъ се небомъ и землею, упевняючы и повѣдаючы подъ прысегою ей, Аленѣ, на тотъ часъ и назавтрѣе и потомъ по колько разъ потвержаючы: же дей тебе не покину, але скоро панъ нашъ прыѣдеть зъ Рыги до Полоцка, поклонившы се ему у ноги, по Великодню шлюбъ съ тобою озьму, а нехай дей о томъ нихто не вѣдаеть; а того Москаля и Марковича упрошу, што ни кому не скажуть. Которого таковою кгвалтовного учынку она, Алена, не таечы, тогды тетцѣ своей Марынѣ Комаровской обо всемъ ознаймила и черезъ постъ и до сего часу на обѣтницу того Васка очекивала. А видечы, ижъ онъ Васко въ проволоку пущалъ и ознаймити пану такъ же и просбы вносити не хотѣлъ, она, Алена, презъ Хому Карповича, пану своему ознаймила. Нижли самъ панъ Тишковичъ, взявшы о томъ учынку вѣдомость отъ Хомы Карповича, а съ того учынку того Васка стра-

фовать и до враду донести не хочеть, але отводечы того Васка отъ малженства зъ нею Аленою, заразъ пошовшы до провора до того Васка, а учынившы зъ нимъ змову, прыказалъ и загрозилъ ему срокго, абы до того учынку передъ людми бы и на врадѣ запиралъ се и не признавалъ, а ее Алену Марковну, не допустившы ей и пива дошынковать и выраховать се, прочъ выслалъ, даючы тому Васку свою повинную за малжонку. О которое теды таковое безправье и кгвалтовный учынокъ, дочцѣ своей сталый, и о змовы съ тымъ Васкомъ зъ тымъ Яномъ Тимоѳеевичемъ хотечы онъ Марковичъ водлугъ науки правное поступовать, занесшы протестацыю на врадѣ мѣскомъ выписомъ съ книгъ мѣскихъ Полоцкихъ въ въ датѣ року тисеча шесть сотъ сорокъ шостого мѣсеца Апрѣля двадцать первого дня. А затымъ пыталъ у того Васка, мыдляра, если се до того учынку знаеть. На то умоцованый стороны позваное панъ Жоховскій пыталъ у умоцованого стороны поводовое—если тую справу цывилитеръ, або криминалитеръ попирати хочеть. Якожъ умоцованый акторовъ декляровалъ се въ той справѣ цывилитеръ поступовать. За чымъ вжо умоцованый стороны позваное, репликуючы на жалобу акторовъ, повѣдилъ, ижъ дей неслушне и несправедливе тая дѣвка Алена того Васка Миколаевича, мыдляра, помовила и ославила, якобы онъ, ее упевняючы, же за себе въ станъ малженскій взяти мѣлъ, кгвалтовне зкгвалтилъ, чого николи не было: оное не кгвалтилъ и брать за себе не обѣцовалъ; але хотяжъ былъ въ тотъ часъ на веселью у Володка, теды до дому прышодшы, заколоталъ се, и челядникъ Иванъ Москаль его до дому упустилъ, и спокойне спать въ свѣтлицы положылъ се; а кгвалту жадного не чынилъ, бо еслибы ее зкгвалтилъ, то былю заразъ крычать и ознаймовать и знаки паненскіе зъ воланьемъ оказовать, а то спичная потваръ: чого николи не было, то на его змыслила, кгдыжъ она, яко неночстивая, обцуючы се у пана Косаровского, бывшого лянтвойта Полоцкого, зъ кухаромъ его милости, розне сваволенство и вшетеченство въ дому его милости полнивала. Чого доводечы атестацыю, отъ пана Косаровского на то даную, покладалъ, а затымъ на свѣдковъ одзывалъ се, меновите на тыхъ, которыхъ она жъ, Алена, сама менуеть, то естъ на Ивана Москаля и на Хому Карповича, челядь тежъ Яна Тишковича, которые то сознають, же тенъ Васко тое дѣвки не кгвалтилъ, а самъ Янъ Тишковичъ о томъ не вѣдалъ, бо въ Рызѣ былъ и прыѣхавшы зъ Рыги, въ тотъ часъ се довѣдялъ, коли вжо того Васка слуги мѣскіе до турмы брали, и намовы жадное зъ тымъ челядникомъ своимъ не чынилъ. Мы судъ наказали есмо, абы тотъ Васка, мыдляръ, на день третій тыхъ свѣдковъ доставилъ. А кгды тотъ день третій прыпалъ, помененые заказаные свѣдки постановившы се, напродъ зъ нихъ подъ присегою Иванъ Моисеевичъ Москаль созналъ тыми словы: ижъ дей власне въ недѣлю на запустье меса на Руское, кгды тотъ Васко, мыдляръ, прышолъ въ ночы зъ веселья отъ Володка слесара, теды я оному ворота одчынилъ, и посполу тамъ, гдѣ тая дѣвка лежала, спать положыли се. Теды я тамъ жадного крыку, кгвалту и воланья не слышалъ и ни о чомъ не вѣдаю, а назавтрѣе намъ не повѣдяно; Хома Карповичъ, другій свѣдокъ, тежъ подъ прысегою, созналъ тыми словы: ижъ онъ въ той же свѣтлицы спалъ, а тое ночы жадного воланья и крыку не чулъ и

кгвалту не слышалъ, и назавтрее тая Алена имъ ничого не повѣдала. По которомъ свядѣцствѣ, умоцованый стороны поводовое повѣдилъ, ижъ дей тые тые свѣдки, которые на сей часъ сознавали, есть намовлены отъ пановъ своихъ, и снать, яко имъ панъ росказалъ, такъ они сознавали; за чымъ самосемъ сторона моя на томъ, же тая дѣвка Алена власне есть отъ того Васка Миколаевича зкгвалчона и онъ Васко ее на то намавялъ шлюбомъ, же оную за мужъ взяти мѣлъ, а за таковою прысягою домавялъ се, бы тотъ Васко Миколаевичъ, мыдляръ, ее, Алену, за себе въ станъ светой малженскій взялъ и обѣтницу свою выполнилъ. Противо чому умоцованый стороны одпорное, подаючы розные артыкулы и во всемъ невинность того Васка Миколаевича оказуючы, пры першыхъ свѣдкахъ двохъ бралъ еще тому Васку само семому до присеги на томъ, яко тое дѣвки Алены не кгвалтилъ, зъ нею не обцовалъ, брать ее за себе не обѣцовалъ, и во всей той жалобѣ той дѣвцѣ не виненъ, а за таковою прысегою домавялъ се, абы отъ тое жалобы и речы, презъ тую дѣвку занесеную, воленъ былъ, а тая дѣвка абы за таковое помовенье покарана была. А такъ мы, врадъ, въ той справѣ обудвухъ сторонъ мовенья выслухавшы а видечы быть того Васка, мыдляра, близшого ку одводу, постерегаючы на даремныхъ межы сторонами прысегъ за высвѣдченьемъ двохъ свѣдковъ, наказуемъ ему Васку Миколаевичу, одному, дня третего прысегу выконать на томъ, яко тое дѣвки Алены не намавялъ, оное не кгвалтилъ, зъ нею не сполковалъ, брать ее за себе не обѣцовалъ, не шлюбовалъ, обѣтницами не уводилъ, челяди, которые тамъ спали, не намавялъ; а по таковой прысезѣ онъ, Васко, воленъ отъ тое жалобы быти маеть, съ тыхъ прычынъ, же тая дѣвка Алена заразъ по томъ учынку зъ воланьемъ никому не ознаймовала, але утаила до сего часу; а господару того двора, въ которомъ якобы се тотъ учынокъ стать мѣлъ, то есть Яну Тимоѳеевичу, наказуемъ прысегу выконать третего дня на томъ, яко онъ о томъ не вѣдалъ, того челядника своего не на што, абы се того учынку заперал̆ъ, такъ тежъ и тыхъ челядниковъ, которые свѣдчыли, не намавялъ, а то для того прысегнути маеть, абы домъ свой очыстилъ. На которомъ декретѣ нашомъ тотъ Васко, мыдляръ, престалъ; а панъ его Янъ Тимоѳеевичъ, ижъ ему прысегу невинне вказали, и тая Алена Марковичовна взяли собѣ на десять дней на розмышленье, если на томъ декретѣ нашомъ перестать, або одъ того до суду его королевской милости пана нашого милостивого апелевати. А за тымъ кгды мы, врадъ, того розмышленья имъ позволили и тые десять дней вышли, обѣдвѣ стороны передъ нами, судомъ, становили се, и тая Алена Марковичовна, на декретѣ нашомъ переставшы, Яна Тимоѳеевича зъ прысеги уволнила и до него жадное потребы собѣ не заховала; а тотъ Васко Миколаевичъ, мыдляръ, водлугъ наказу нашого врадового, ротою, съ книгъ нашыхъ выданою, прысегу выконалъ и воленъ отъ тое жалобы и речы, презъ тую Алену занесеную, зосталъ. И такъ се тая справа скончыла, которая есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана.

Изъ книгъ Полотской ратуши за 1646 г. (стран. 144).

158.

1646 Іюля 5. Листъ великаго гетмана Литовскаго и Полотскаго воеводы, Януша Кишки, объявляющій о войнѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и о поборахъ.

Przy bytnosci pana Sierhieia Kamionki, ławnika miasta Połockiego, na mieyscu iego mosci pana Krysztofa Jesmana, lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oblicznie imc pan Jan Lisowski, mieczny Upicki, podwoiewodzy Połocki, list iasniewielmożnego imc pana woiewody Połockiego w rzeczy niżey mianowaney ku aktykowaniu do xiąg mieyskich Połockich podał, pisany w te słowa: Janusz z Ciechanowca Kiszka, woiewoda Połocki, hetman wielki W. X. Litt., Pernawski starosta, wszem wobec i kożdemu zosobna, komu by o tem wiedzieć należało oznaymuie, iż, idąc za wolą i ordinatią iego krolewskiey mosci pana mego miłosciwego, ktorą przez list swoy, do mnie pisany, wyrażać raczy, aby z władzy mey hetmanskiey chleb przystawstwa rycerstwu, od iego krolewskiey mosci przeciwko nieprzyiacielowi Rzptey zaciągnionemu, w dobrach iego krolewskiey mosci i duchownych wszystkich ukazował: między innemi miasto iego krolewskiey mosci Połock z mieszczanami, dobra wszystkie iego krolewskiey mosci ekonomskie, y te wszystkie, ktore rozne osoby y w roznych traktach za pewnymi prawami od i. k. m. trzymaią, tak też y wszystkie dobra, na archiepiskopią nadane, monastyrskie i Połockie, dobra koscielne, miasteczka i włosci Koleiackie, wszystkie miasteczka i włosci Karmelitanskie y inne koscielne, w woiewodstwie Połockim będące,— ukazałem stanowisko na sciągnienie, przystawstwo y wybieranie chleba, podług ustawy, ode mnie przysłaney urodzonemu iego mosci panu Ernestowi Sakinowi oberszterowi i. k. m., na człowieka tysiąc piechoty niemieckiey, tym uniwersałem moim okazuie i naznaczam. O czym wszystkich ich mosc panow dzierżawcow dobr i. k. m. i wielebnych ich mosc osob duchownych, tudzież miasto Połockie z władzy mey hetmanskiey obwieszczam, aby na ten połk i. k. m. i mieszczanom i poddanym swym stacią gotować i one za przybyciem pomienionego pana obersztera wydawać bez omieszkania kazali. Na co ten uniwersał posyłaiąc, do niego się ręką swą podpisuie. Pisan w Krywiczach, dnia V Juli, roku panskiego MDCXLVI. Z włok dwu beczka iedna, z włok trzech ięczmienia beczka iedna, z włok pięciu grochu beczka iedna, z włok trzech griki beczka iedna, z włoki iedney owsa beczka iedna, z włok dziesięciu iałowica iedna, z włok trzech baran ieden, z włok szesciu pszenice korzec ieden, z włoki iedney gęś iedna, z włoki iedney kurow dwoie, z włok szesciu połoć słoniny ieden, z włok szesciu masła miednica iedna, z włok szesciu syrow kopa iedna, z włoki iedney siana woz ieden, z włoki iedney kump ieden. U tego listu pieczęc iego mosci pana woiewody iest przycisniona, a podpis ręki tymi słowy: Janusz Kiszka, Połocki woiewoda, hetman W. X. L. ręką swą. Ktoren ten list, ku aktykowaniu pokładany, iest do xiąg mieyskich Połockich wpisan.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 годъ (стран. 283).

154.

1646 Августа 29. Жалоба Полотскаго лянтвойта Есмана на Полотскаго скорняка Өедора Алексѣевича, утверждавшаго, что унія—порожденіе діавола.

Протестацыя его милости пана лянтвойта, пана Есмана, на пана Өедора Олексѣевича:

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, оповѣдалъ и жаловалъ земенинъ господарскій воеводства Полоцкого его милость панъ Крыштофъ Есманъ, лянтвойтъ Полоцкій, на мѣщанина мѣста его королевское милости Полоцкого Өедора Олексѣевича, кушнера, о томъ, штожъ дей сего року тисеча шесть сотъ сорокъ шостого, мѣсеца Августа двадцать шостого дня, будучи его милости пану лянтвойтови упрошоному отъ бурмистра Полоцкого пана Крыштофа Сторымовича до дому его, тутъ въ мѣстѣ господарскомъ Полоцкомъ будованомъ, маючы тамъ нѣкоторые справы свои пильные зъ нимъ же паномъ лянтвойтомъ и зъ нѣкоторыми въ дому пана бурмистровомъ будучыми, несподѣваючы се на себе, яко чоловѣкъ спокойный и никому ни въ чомъ невинный и покоемъ права посполитого обварованый жадное прыкрости и обельги, и вжо поздно прышодшы до того жъ дому пана Сторымовича бурмистра, року, мѣсеца и дня вышъ помененого тотъ преречоный Өедоръ, кушнеръ, ино въ борздомъ часѣ онъ Өедоръ, кушнеръ, уфаючы снать въ богатство, а не переставаючы въ своемъ гардомъ а не погамованомъ замыслѣ, не паметаючы на срокгость правную на таковыхъ людей свовольныхъ и гардыхъ описаную, смѣлъ и важылъ се наипервѣй наступуючы на вѣру светую уніатскую, мовечы и повтараючы не разъ, не десять, же то есть дьябельская и шатанская вѣра уніатская и не отъ Бога, але отъ дьябла тая вѣра вышла шалберская. Яко жъ панъ лянтвойтъ, видечы оного легкомысльность, началъ того кушнера навпоминати, абы онъ, рачей не блюзнечы вѣру светую, скромне седѣлъ. Онъ Өедоръ, кушнеръ, мало дбаючы на навпоминанье пана лянтвойта и овшемъ зухвале што разъ повтораючы, и вѣрою шатанскою называлъ, гдѣ въ тотъ часъ и самого его милость пана лянтвойта словами неучстивыми лжылъ, соромотилъ. А его милость панъ лянтвойтъ, яко особѣ легкой не хотечы далѣй терпѣти такъ о вѣру светую уніатскую, яко и о свою зневагу и на иншый часъ то откладаючы, веставшы зъ-за стола, хотѣлъ до господы своее тамъ же въ Полотску шотовое отыйти, а панъ бурмистръ Сторымовичъ, яко господарь, его милости пана лянтвойта не пущалъ. А въ томъ онъ Өедоръ, кушнеръ, прыпадшы до его милости пана лянтвойта, шкленицою въ палецъ руки правое его милости крваве обрапилъ и зранилъ. А маючы въ томъ его милость панъ лянтвойтъ великій жаль и крывду немалую, а хотечы о томъ зъ тымъ Өедоромъ кушнеромъ у суду належного правне поступовати, просилъ, ижъ бы тое оповѣданье и жалоба его милости была до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана. Што есть записано.

Изъ книгъ Полотской ратуши за 1646 годъ (стр. 347).

155.

1646 г. 7 Сентября. Жалоба Артема Микулича Ходыки на крестьянъ князя Огинскаго объ убійствѣ ими Ѳедора Лиштвановича.

Протестацыя Артема Микулича Ходыки о забитье панцерного боярына на подданыхъ его милости князя Онгинского.

Пры бытности его милости пана Крыштофа Есмана, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, оповѣдалъ и доносилъ то до враду кгродского Полоцкого славетный панъ Артемъ Микуличъ Ходыка, держачый на сей часъ имѣнье, названое Руда и Бѣлое, на пограничью лежачее у воеводствѣ Полоцкомъ, жалуючы и оповѣдаючы въ великомъ жалю боярына панцерного маетности своее Бѣлого, на пограничью лежачое у воеводствѣ Полоцкомъ, на име Вешторта Лиштвана, въ забитью и замордованью на смерть сына его, небощыка Ѳедора Лиштвановича, яко онъ Вешторть Лиштванъ о таковомъ замордованью сына своего ему, пану Артему Микуличу, державчему тыхъ маетностей, справу далъ, также въ окрутномъ збитью боярина тоежъ маетности своей Бѣлой, на имя Стефана Терешковича, пры томъ небощыку Лиштвановичу сталое, который ему жъ пану Микуличу, яко пану своему, далъ справу на подданыхъ его маетности князя Богдана съ Ковельска Онгинского маетности его милости Колпина, о границу зъ маетностью его пана Микулича, Бѣлою, на пограничью у воеводствѣ Полоцкомъ лежачое, на деревнѣ Красное мѣшкаючы, на име на Прошка и Васка и третего Бѣляя Михайловичовъ, рожоную братью, у въ одномъ дворѣ мѣшкаючыхъ, сполныхъ прынцыпаловъ того злого учынку будучыхъ, и на помочниковъ ихъ, на име Ивана Кошеля и сына его Андрея Кошеленковъ, Микиту Грудину и сына его Никифора и на иншыхъ многихъ помочниковъ, которыхъ тые незбожные забойцы Михайловичи лѣпѣй знають и имена ихъ вѣдають, о томъ штожъ въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ сорокъ шостомъ мѣсеца Августа двадцать четвертого дня, тые подданые его милости князя Богдана Огинского на деревни Корутной у въ одномъ дворѣ сугрань съ тыми боярами имѣнья Бѣлого мѣшкаючые взявшы на того боярына Вешторта Лиштвана и сына его и того Стефана Терешковича не вѣдѣть за што гнѣвъ и ранкоръ, учынившы межы собою змову, абы якимъ кольвекъ способомъ того небощыка Ѳедора Лиштвановича и того Стефана Терешковича о смерть прыправить могли, прышодшы тотъ Пронька и Васко и Бѣляй Михайловичы въ домъ небощика отца Вешторта Лиштвана, напередъ просили самого Вешторта Лиштвана, и зъ небощыкомъ сыномъ его Ѳедоромъ Лиштвановичемъ усильными прозбами своими до двора своего на повѣженье прыятельское, а потомъ и того Стефана Терешковича, тамъ же поблизку мѣшкаючого просили. Гдѣ онъ Вешторть Лиштванъ, яко чоловѣкъ подкылый, не идучы самъ до тыхъ незбожныхъ мордерцовъ, але небощыкъ сынъ его Ѳедоръ Лиштвановичъ, посполу зъ другимъ боярыномъ, сусѣдомъ, зъ Стефаномъ Терешковичомъ, чынечы досыть прозбы ихъ, не сподѣваючы се на се-

бе жадного таковаго забойства, яко до сусѣдей шли, гдѣ кгды прышли до дому тыхъ Михайловичовъ, на деревни Красной стоячого, гдѣ они, оказуючы якобы хуть сусѣдскую, почали ихъ рокомо зоставати. А кгды день ку вечорови прыходилъ, теды тые незбожные Прошко и Васко также Бѣляй, третій братъ ихъ, Михайловичы, пропомневшы боязни Божое и срокгости караньа въ правѣ посполитомъ на таковыхъ людей описаного, хотечы тотъ свой злый замыслъ выконати, жебы того небощыка Өедора Лиштвановича и того Стефана Терешковича о смерть прыправити, намовившысе зъ собою, а до того прыспособившы еще собѣ на помочъ того Ивана Кошеля зъ сыномъ и Микиту Грудыну, также зъ сыномъ, и иншыхъ не мало, собѣ знаемыхъ подданыхъ его милости князя Богдана Окгинского, напередъ Прошко и другій братъ его Бѣлый Михайловичы, съ тыми помочниками своими, на тое забойство прыспособлеными, засадку за гумномъ, подъ тымъ дворомъ своимъ будучымъ, подъ плотомъ, прозъ который небощыкъ Өедоръ Лиштванъ, зъ товарышомъ своимъ Стефаномъ Терешковичомъ до дому родича своего ити мѣлъ, съ кіями и съ кольемъ учынили. А тотъ середній братъ ихъ Васко, рокомо ихъ чатуючы, зосталъ пры нихъ въ избѣ. То пакъ гды тотъ небощыкъ Өедоръ Лиштвановичъ зъ тымъ Стефаномъ Терешковичомъ, кланяючы се тому Васко за ушанованья, не сподѣваючы се на себе таковаго забойства, не будучы въ намнѣйшой речы тымъ забойцомъ винными, шли до дому родича своего Вейшторта Лиштвана; гдѣ тотъ Васко, провадечы ихъ презъ тое гумно свое на тую незбожную засадку братей свыхъ, кгды они, небощыкъ Лиштвановичъ зъ тымъ Тереховичомъ, до тое здрадливое засадки прыходили, а только што тотъ небощыкъ Лиштвановичъ зъ гумна за плотъ ихъ выходилъ, а лишъ тотъ незбожный Прошко, чынечы досить тому своему злому замыслу, напередъ коломъ окрутне а нелитостиве въ голову зъ боку правого ударылъ, а тотъ Васко, также порвавшы колъ собѣ прыспособленый его жъ Өедора Лиштвановича зъ другого боку лѣвого въ голову окрутне ударылъ и ажъ до мозгу пробилъ,—отъ таковыхъ разовъ на землю пасти мусѣлъ, Прошко Михайловичъ тымъ же коломъ въ бокъ правый немилосердне ударылъ, съ котораго Лиштвановича ажъ .... заразъ вышли, а третій братъ ихъ Бѣлый такъ же коломъ лежачого немилосердне поверхъ головы ударылъ; а потомъ съ тыми помочниками своими и того Стефана Терешковича, уганяючы се за нимъ, тыми кіями збили, змордовали, которые раны на реляцыи енеральской достаточне сутъ описаные, ежели бы здоровья своего отъ нихъ не унесъ, певнебы и его на смерть забили. Потомъ еще вернувшысе назадъ, а зажываючы тыранства и мордерства, тыми кіями, розумѣючи же еще жывъ, небощыка Лиштвановича по головѣ а тваръ біючы, а видечы же ижъ оного замордовали, паствечы се надъ тымъ тѣломъ, все одѣнье, на небощыку будучое, злупившы, еще до замордованого тѣла не маючы милосердья, псовъ съ того двора своего приведшы припустили, которые тваръ всю выѣли, оного зшарпали. Съ которого небощыка зняли напередъ доломанъ фолендышовый лазуровый, который справленый былъ за копъ осмъ грошей литовскихъ, боты шкорни, купленые за копу грошей литовскихъ надракги червоного люндышу, справленые за шесть золотыхъ польскихъ, поесъ зе двѣма ножами, гарусовый, червоный, ком-

товалъ золотыхъ тры, хустка, едвабьемъ червонымъ вышываная, за золотыхъ два купленая, рукавицы замшовые, купленые за золотыхъ полтора. И такъ злупившы тое одѣнье, тое тѣло забитое небощыка Лиштвановича подъ тымъ гумномъ своимъ покинули, а у того Стефана Терешковича, кгды онъ остатокъ здоровья своего отъ нихъ уносилъ, отпало чересъ, въ которомъ было грошей готовыхъ копъ двѣ, поесъ зъ ножомъ отпалъ, купленый за грошей двանадцать литовскихъ, шапка, лисомъ обложоная, за копу грошей купленая, рукавицы скураны зе сподками, за грошей дванадцать купленые. Кгды о таковомъ окрутномъ замордованью сына своего онъ Вешторъ Лиштванъ взялъ вѣдомость, а немогучы такъ борздо енерала затегнути, на другій день сего жъ року вышменованого, мѣсеца Августа двадцать шостого дня, ужывшы въ томъ енерала пана Каспера Пневского и старца волости истецкое Гарасима Киселя, шодшы подъ гумно тыхъ незбожныхъ забойцовъ Михайловичовъ, тое тѣло замордованое на смерть небощыка сына своего взяли. А кгды панъ Пневскій, огледавшы оное, хотѣлъ тыхъ забойцовъ въ той деревни лавнику и мужомъ припаручыть, которые тые Михайловичы, помочники ихъ и лавники и вси мужове съ тое деревни на тотъ часъ поховали. А такъ онъ Вешторъ Лиштванъ тое тѣло забитое сына своего взявшы въ семъ року тисеча шесть сотъ сорокъ шостомъ мѣсеца Сентября второго дня, до замку гродского Полоцкого прывезшы, предъ врадомъ кгродскимъ Полоцкимъ оказывалъ, гдѣ врадъ огледавшп тое тѣло небощыка Өедора Лиштвановича, велѣлъ поховать, за чымъ онъ Өедоръ Лиштвановичъ, понесшы таковый незносный жаль свой въ забитью сына своего, а онъ панъ Артемъ Микуличъ, взявшы отъ него и отъ того Терешковича вѣдомость, будучы на сей часъ паномъ тое маетности Бѣлое, хотечы съ тыми поддаными его милости князя Окгинского правомъ о таковое замордованье чынити и о збитье того Терешковича, такъ же и тыхъ речей зъ небощыка злупеныхъ и все на самомъ его милости и на тыхъ мужобойцовъ реквировати у суду належного и зъ нихъ справедливости собѣ у его милости доходить, на сей часъ далъ сію жалобу свою до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записать. Которая есть записана.

Изъ книгъ Полотской ратуши за 1646 г. (стран. 373).

156.

1646 Сентября 7. Донесеніе вознаго по дѣлу объ убійствѣ панцырнаго боярина крестьянами князя Огинскаго.

Przy bytności imci pana Krysztopha Jesmana, lantwoyta Połockiego, pred nami burmistrzami, raycami i ławnikami, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącymi, stanowszy personaliter jenerał jego kr. mci y woźny woiewodstwa Połockiego Kasper Pniewski, kwit swoy relacyiny ku zapisaniu do xiąg mieyskich Połockich przyznał, w te słowa pisany: Ja Kasper Pniewski, ienerał jego kr. msci woiewodstwa Połockiego, zeznawam tym moim relacyinym kwitem,

iż w roku teraznieyszym tysiąc szesc set czterdziestym szostym mca Augusta dwudziestego szostego dnia, maiąc ia ieneral przy sobie strone dwoch szlachcicow pana Iwana Jankowskiego a pana Stefana Piotrowskiego, s ktorą to stroną szlachtą byłem użyty od boiarzyna ięgo kr. msci maiętnosci Białey, na pograniczu w woiewodstwie Połockim leżącey, a na ten czas w dzierżawie sławetnego pana Arcioma Mikulicza Chodyki będącey, Wesztorta Lisztwana do domu iego w tey maiętnosci stoiącego na oglądanie zamordowania zabitego ciała syna iego Fiedora Lisztwanowicza od poddanych iego mosci kniazia Bogdana s Kozielska Oginskiego maiętnosci iego mosci Kołpina, tamże poblizu od nich mieszkaiązych na derewni Krasney. Gdzie tego roku, mca y dnia wysz mianowanego, ia ieneral z stroną szlachtą y z samym panem Wesztorem Lisztwanem y ze starcem włosci isteckiey Harasimem Kisielem, przyiachawszy do derewni iego msci kniazia Oginskiego Krasney, w stanie Kołpinskim będącey, do poddanych Proszka y Waska y trzeciego brata ich Bieluia Michayłowiczow, gdzie pod gumnom tych Michayłowiczow, wedle płotu, widziałem mieysce, na ktorym nieboszczyka Fiedora Lisztwanowicza zamordowano y ciało leżące widziałem ze wszystkiego odzienia złupione zamordowane, gdziem go y oglądał. Widziałem naprod w głowie z boku prawego ranę okrutnę, kiiem uderzoną, przebitą, krwawą, y z lewego boku na tey że głowie także rana okrutnie kiiem uderzono aż do mozgu przebita, na wierchu głowy także okrutnie rana kiiem uderzona, przebita, krwawa, y wszystka głowa zbita krwią spłyneła; na nim że nieboszczyku Lisztwanowiczu bok prawy kołem znać uderzony, aż wnętrznosci z niego wyszli, także y łono same przebito aż precz wyskoczyło, ręce obiedwie pobite, poszarpane, palce wszystkie poprzebiane twarz z obustron widziałem powyiedano y nos zszarpany y wszystkie ciało okrutnie zmordowane nalazłem. Ktore takowe okrutne zamordowanie rodic tego nieboszczyka Lisztwanowicza, Wiesztort Lisztwan mianował mnie, ienerału, y tey stronie szlachcie, iż stałe od poddanych iego msci kniazia Bogdana s Kozielska Oginskiego, imieniu iego msci Kołpniu, na tey dierewni Krasney mieszkaiących Proszka, Waska y trzeciego Białuia Michayłowiczow: tego roku wyszmianowanego mca Augusta dwudziestego czwartego dnia, na dzień dwudziesty piąty zaprosiwszy, nieboszczyka Lisztwanowicza i drugiego sąsiada iego Stephana Ciereszkowicza do domu swego na nawiedzenia rzkomo przyiacielskie, gdzie onego nieboszczyka Lisztwanowicza, iakom słyszał od roznych ludzi postronnych, że umyslnie na zabicie zaprosili. Tedy gdy nieboszczyk y z tym Ciereszkowiczem szli do domow swych, ci niezbożni Michayłowiczy trzey bracia z pomocnikami swymi, zasadziwszy się pod tym gumnem swoim, tyransko kiiami y koliem zamordowali y tego Stephana Ciereszkowicza, będącego przy nim nieboszczyku, kiiami zbili, y ieżeliby nie uszedł, y iego by także na smierć zabili. Do ktorego w dom byłem użyty y z tą stroną szlachtą w tey że maięnosci Białey, niepodaleku stoiącey, gdziem widział mianowanego Cierszkowicza barzo chorego, zbitego, w ktorego za okazywaniem widziałem na samym wierzchu głowy w samey czuprynie rana kiiem uderzona sinio spuchłą, na ręce lewey palec mnieysze przetrącony y rana w nim krwawa, ktorey mianował, że od tych że Michayłowiczow sobie stałą przy nieboszczyku Lisztwanowiczu. A potym ia ieneral y s tą stroną szlachtą, oglądawszy te zabite ciało nieboszczyka, według prawa, chciałem tych zboycow Michayłowi-

czow. preyparęczyć, ktory s tego domu swego umyslnie pochodzili y wszyscy chłopi y mużewie z tey derewnie, żeby nie było komu przyparęczyć. Tedy iuż on Wesztort Lisztwan, wziowszy te zabite ciało syna swego, oswiadczywszy się mną ienerałem y tą stroną szlachtą, ze mno y z tą stroną według porządku prawnego roku teraznieyszego tysiąc szesc set czterdziestego szostego mca Septembra wtorego dnia do zamku krola iego msci Połockiego w trunie złożywszy, przyprowadzili y na urzędzie grodskim Połockim okazowali. Ktore ciało zabite nieboszczyka Fiedora Lisztwanowicza urząd grodzki Połocki, oglądawszy y te wszystkie okrótne rany nieboszczyka widziawszy, kazał pochować. Przy tym też mianował pan Lisztwan, że nie mało rzeczy pobrali przy nieboszczyku synu iego i temu Stephanu Ciereszkowiczu ci niezbożni zaboycy, ktore specifice szyrzey na protestacij w tey sprawie opisane są. Gdzie on Lisztwan oswiadczywszy urzędem y mno ienerałem y stroną, te ciało, zwiozszy z urzędu, pochował. Na czym wszystkim ia ienerał, com słyszał y widział, dał ten moy relacyiny kwit z pieczęcią y podpisem ręki mey a s pieczęciami tey strony szlachty, na ten czas przy mnie byłey, ku zapisaniu do xiąg mieyskich Połockich. Pisan roku, mca y dnia wysz pisanego. U tego kwitu pieczęci przycisnionych trzy a podpis ręki ieneralskiey tymi słowy: Kasper Pniewski ienerał iego kr. mosci y wozny woiewodstwa Połockiego, ręką swą. Ktory to ten kwit, za oczewistym zeznaniem ieneralskim, iest do xiąg mieyskich Połockich zapisan.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 годъ (стр. 374).

157.

1646 Сентября 14. Постановленіе Полотскаго Магистрата по вопросу о томъ, чтобы Жиды селились въ Полотскѣ только на шести плацахъ.

Burmistrze, raycy y ławnicy miasta iego kr. msci Połockiego, tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim zasiadaiące, oznaymuiemy wszem wobec y każdemu zosobna, komu by o tem wiedzieć należało, iż cosmy byli postanowili z żydami, w miescie Połockim mieszkaiącymi, aby oni tylko a nie więcey szesc placow sobie wieczystych tu w miescie Połockim między nami mieli. A yż iuż te szesc placow żydzi w Połocku maią, i tak aby się więcey nie mnożyło, takowe sami między sobą postanowienie czyniemy, że nigdy my sami y po nas następuiący magistrat Połocki wieczystego przyznania na domy żydowskie tu na ratuszu przyimować nie mamy y nie maią. Co dla pamięci kazalismy do xiąg naszych mieyskich Połockich zapisać. Co iest zapisano.

Изъ книги Полотской ратуши за 1646 годъ (стр. 376).

158.

1649 г. Февраля 17. Постановленіе по дѣлу мѣщанки Полюши Знайшовой съ зятемъ ея Андреемъ Ивановичемъ и его сообщниками объ убійствѣ ими ея мужа.

Przy bytnosci pana Lorensa Zgurskiego, ławnika miasta Połockiego, na mieyscu iego mosci pana Jana Bolesława Bogatyra Kosarowskiego, ekonoma i lantwoyta Połockiego, przed nami burmistrzami, raycami y ławnikami tego roku na sprawach sądowych w ratuszu Połockim będącemi, stanowszy oczewisto mieszczanka miasta Połockiego Polusza Michayłowna Afanasowa Znaiszowa, sama i z umocowanym swym panem Alexandrem Szpakowiczem, żałowała na mieszczanina togoż miasta Połockiego Andrzeia Iwanowego, zięcia, i na pomocnikow iego Jarmosze Owczynke i Stanisława iakiegoś, o to, iż on Andrzey pomieniony i z pomocnikami wyż pomienionemi, na zły uczynok y mężoboystwo przysposobionemi, smiał on sam i pomocnicy onego uczynić, nie pamiętaiąc na srogość prawną na takowych ludzi swawolnych, zaprosiwszy i używszy do domu swego Andrzey pomienionego Afanasa Znaisza, iako towarzysza swego, spolnie w handlach będącego, dnia osmego mca Februarija roku tysiąc szesc set czterdziestego dziewiątego, w wieczor pozno, mogło być o godzinie siodmey, iako by na uczte, a to umyslnie, aby go zbił, zmordował i o smierć przyprawił, czyniąc dosyć swemu złemu zamysłowi i przywodząc swoy tyranski zamysł, będąc iedney namowy z pomocnikami swemi, bez dania przyczyny, człowieka sobie ni wczym niewinnego, naprod w domu swym zbili, zmordowali pomienionego Afanasa. Widząc na się tak zły hak, on Afanas uchodził iak mogąc od nich. Będąc oni zaiątrzeni do krwi niewinney i nie hamuiąc się w swym złym zamysle i mężoboystwie, gdy od nich uchodził do domu swego, tam że on, Andrzey z pomocnikami swemi, wypadszy na ulice nie respectuiąc y nie rozpamiętywaiąc, coby za tym było, smiał go Afanasa koczergą żelazną uciekaiącego w głowe uderzyć, od ktorego uderzenia na ziemie padł. Tam że on Andrzey i z pomocnikami swemi bili, mordowali bez litosci, iuż na ziemie leżącego, gdyby nie ludzi nadeszli, pewnie by na tymże mieyscu oraz o smierć przyprawili. Jako też od tego zbicia i mowe zamknął, a potym z tego zbicia i z mordowania umarł i s tego swiata smiercią zszedł. Ktorego to Afanasa Znaisza zabitego ciało tu na urząd do ratuszu Połockiego przyprowadzilismy i prosimy o panow ławnikow i o sługę urzędowego na oglądanie tego zabitego ciała a zatym o przywołanie samego mężoboice i iego pomocnikow i o zagaienie sądu w sprawie kryminalney, aby się tak sam mężoboyca, iako i iego pomocnicy do prawa o to mężoboystwo stanowili i skutecznie się usprawiedliwili. My urząd, zachowuiąc się we wszystkim według nauki prawa Maydeborskiego, zagaiwszy sąd o to mężoboystwo, iako w sprawie kryminalney, naprzod przydalismy z posrodku siebie dwoch panow ławnikow, pana Bogdana Samuelewicza i pana Andrzeia Białousowicza i przy nich sługę urzędowego mieyskiego przysięgłego, Filona Rabca, na oglądanie tego zabitego ciała, do ratusza przywiezionego. Ktorzy zaraz tegoż dnia oglądawszy, przed nami urzędem zeznali, iż widzieli tego nieboszczyka Znaisza zabitego, w trunie leżącego; na ktorym widzieli ranę okrutnie wielką w głowie na samym rogu czoła z lewego bo-

ku uderzoną i kość przebitą; od ktorey rany a przytym i od inszego bicia, mianowali, mowe zamknął, a potym i umarł. O ktore takowe mężoboystwo, za domawianiem żony nieboszczykowskiey i umocowanego iey, my urząd kazalismy, przez tego sługę urzędowego Filona Rabca, pomienionego Andrzeia, iako samego mężoboyce, i iego pomocnikow Jarmosze Owczynke i Stanisława do prawa przywołać. Ktorych sługa wołał po zagaieniu sądu naszego raz pierwszy przeciwko domu nieboszczykowskiego i przeciwko domu tego samego mężoboycy Andrzeia; powtore na ulicy Proboyney, idąc z rynku do rzeki Połoty; potrzecie w rynku przed ratuszem; a czwarty raz przy samym ciele w ratuszu Połockim; na kożdym mieyscu z tych czterech razow, przy zgromadzeniu wiela ludzi i rożnego pospolstwa, tego Andrzeia, samego mężoboyce, i pomocnikow Jarmosze Owczenke i Stanisława w głos wołał, aby się stanowili do prawa i o to mężoboystwo iako w zagaionym sądzie usprawiedliwili. Lecz żaden z nich, to iest iako samy pryncypał, tak i pomocnicy iego na żadne przywołanie nie odzywali się i sami oczewisto a ni przez kogo inszego o to mężoboystwo w zagaionym sądzie nie usprawiedliwiali się. Za czym plenipotent powodowey strony pan Szpakowicz, ukazuiąc i czytaiąc rozne artykuły z prawa Maydeborskiego, domawiał się, aby ten sam mężoboyca Andrzey i iego pomocnicy byli w rzeczy samey na upad zdani, obanitowani, na gardło wskazani, a maiętność tego samego mężoboycy Andrzeia, leżąca i ruchoma, tu w miescie Połockim będąca za głowszczyzna nieboszczyka Afanasa Znaisza żenie nieboszczykowskiey przysądzona. My urząd, bacząc to, że pomocnik ieden tey sprawy obwiniony Stanisław iest do więzienia mieyskiego posadzony, chcąc te sprawe pospołu sądzić, odłożylismy do dnia trzeciego, przydawszy i temu Stanisławowi, iako pomocnikowi w tey sprawie obwinionemu, dla obrony prawney, za plenipotenta pana Krysztofa Lewickiego, pod tym że zagaionym sądem iako w sprawie kryminalney. A gdy dzień trzeci z odkładu naszego, to iest dziewiętnastego February, przypadł, iuż przy bytnosci mnie samego, Jana Bolesława Bohatyra Kosarowskiego, ekonoma i lantwoyta Połockiego, aktorka Afanasowa Znaiszowa i z plenipotentem swym panem Szpakowiczem, a pomocnik Stanisław z Krysztofem Lewickim oczewisto staneli, a sam mężoboyca Andrzey i drugi pomocnik Jarmosza Owczynka nie stanowili się i nie odzywali, ani żadney wiadomosci o sobie nam, urzędowi, i stronie powodowey nie uczynili. Za czym, postępuiąc daley w prawo, plenipotent strony powodowey, iako w sprawie sądu zagaionego kryminalney, powtorze domawiał się tego Andrzeia i pomocnikow na upad w rzeczy zdania i ich samych banitowania i na gardło wskazania, a z maiętnosci przysądzenia głowszczyzny, według pierwszego domawiania swego, a tego Stanisława pomocnika, iako na gorącym uczynku, też domawiał się, aby był wskazan na garło. Na ktorą żałobe, od aktorki przekładaną, plenipotent od Stanisława, za pomocnika obwinionego, pan Krysztof Lewicki, powiedział: niewinnie ten Stanisław iest do więzienia osadzony i taką turbacyą cierpi, abowiem niwczym w tey sprawie nie iest winien i przyczyną smierci tego nieboszczyka, Afanasa Znaisza, nie iest; bo gdy Andrzey, samy pryncypał, nieboszczyka Znaisza bił, a żona tego Andrzeiowa krzykneła, o ratunek prosząc, tedy on Stanisław wypadszy ratował, bo w iedney gospodzie z tym Andrzeiem mieszkał, a tego nie bił; a iesliby był winien, toby uciekał; ale to sam dobrowolnie do

urzędu przyszedł; i tak go za tym dobrowolnym przysciem i za obwinieniem tey Znaiszowey do więzienia posadzono; ale on Stanisław nie s tym sposobem wtenczas na ulice wypadł, żeby go miał bić, ale s tym, żeby go ratował i pomocnikiem Andrzeiowi do smierci nieboszczyka Znaisza nie był. Na czym bierze się do przysięgi, by i samotrze, a zatym prosi o wolność. Na to umocowany od aktorki powiedział: znacznie się to pokazuie, że ten Stanisław był pomocnikiem Andrzeiowi i iest przyczyną smierci nieboszczyka Znaisza, bo w iedney gospodzie z mężoboycą mieszkał; i skoro to mężoboystwo popełnili, zaraz Andrzey z Owczynką ucieka, a ten Stanisław z tey gospody gdzieś indziei wyprowadza się. I iesliby ten Stanisław był niewinien, czemuż zaraz tegoż czasu do urzędu nie szedł i o tym mężoboystwie nie oznaymił? Ale iuż teraz iest do tego prawnie przymuszony, niech też to zarowno cierpi, co zasłużyli wszyscy trzey pospołu. A na ostatek stawiemy swiadka, mieszczanina tuteyszego Połockiego dobrze osiadłego Mikite Hrehoriewicza, ktory to widział, kiedy nieboszczyka Znaisza oni bili. Ktory to swiadek, będąc na dzień dzisieyszy przez sługę urzędowego zakazany, oczewisto stanowszy, pod przysięgą, na swiadki wydaną, zeznał: iż prawie w ten czas, usłyszawszy krzyk i wołanie, nadszedłem na ulicy, gdy nieboszczyka Znaisza bito, stało nad nim dwoie ludzi, ktorzy go bili, a on wołał; ale tego Stanisława nie znam, iesli on tam był, abo nie był; bo w nocy było ciemno, nie mogłem się dobrze przypatrzyć. Ktorego swiadectwa aktorka podpieraiąc a konaiąc wszystkich trzech, tak samego pryncypała mężoboyce, iako i pomocnikow Jarmosze Owczynke i tego Stanisława na garło i na banitią i wskazania głowszczyzny, brała się samotrzec do przysięgi na tym, iż oni wszyscy trzey, Andrzey, Jarmosza Owczynka i ten Stanisław, bezwinnie męża iey Afanasa Znaisza zabili. Przy ktorym domawianiu z obudwu stron umocowani rozne artykuły z Saksonu i s porządku prawa Maydeborskiego, także i z inszych praw, na swoie strone na pomoc i obrone zażywaiąc, przed nami urzędem pokładali, czytali i szeroko na obie stronie ukazowali. A tak my urząd, w tey zagaioney kryminalney sprawie Poluszy Michayłowny Afanasowey Znaiszowey z Andrzeiem Iwanowym, zięciem, iako samym pryncypałem, a s pomocnikami iego Jarmoszą Owczynką i Stanisławem o zabicie męża iey Afanasa Znaisza, ponieważ się to istotnie i dowodnie pokazało, że ten Andrzey Afanasa Znaisza zabił i sam, iako pryncypał, z iednym pomocnikiem swym Jarmoszą Owczynką precz z Połocka uciekł, a Stanisław, iako drugi w tey że sprawie obwiniony pomocnik, będąc przy tym zabiciu i w iednym domu z tym Andrzeiem mieszkaiąc, nie dawszy o tym mężoboystwie urzędowi wiedzieć, precz z tey gospody gdzies na insze mieysce wyprowadził się, zkąd się znaczy, że wszyscy trzey, Andrzey, iako pryncypał, i ci obadwa pomocnicy przyczyną smierci nieboszczyka Afanasa Znaisza byli, dla czego wszystkich trzech winnymi być uznawszy, że nieboszczyka Afanasa Znaisza samotrzeciey, iako się sama brała przysięgą wykonać po dacie tego dekretu naszego, dnia trzeciego nakazuiemy na tym, iako bezwinnie on Andrzey samy pryncypał i z pomienionemi pomocnikami swemi męża iey zabili i zamordowali, a za wykonaniem takowey przysięgi tego Andrzeia, iako samego pryncypała na garło wskazuiemy. A ponieważ do prawa się nie stanowił i w sprawie kryminalney i zagaioney nie daiąc o sobie żadney wiadomosci, precz s Połocka uciekł, iako zbiegłego, wywo-

łancem czyniemy, ktory gdzie kolwiek ukaże się i sposcignąc go mogą, ma być na garle pokarany. A głowczyzny za tego zabitego Afanasa Znaisza według prawa kop szescdziesiąt groszy Litewskich ze wszystkiemi szkodami, nakładami prawnemi przysądzamy; rozdzielaiąc na trzy częsci takim sposobem: to iest dwadziescie kop na maiętnosci wszelakiey Andrzeiowey, drugą dwadziescie kop na Jarmoszy Owczyncе i maiętnosci wszelakiey iego, a trzecią dwadziescie kop na tym Stanisławie; ktory to Stanisław, iż żadney osiadłosci w miescie Połockim nie ma, tedy w więzieniu ma być zatrzymany, aż się w swoiey trzeciey częsci za dwadziescie kop, iako pomocnik, iey Afanasowey Znaiszowey uisci i skutecznie dosić uczyni, a za dwie częsci tey głowszczyzny do szesciudziesiąt kop rachuiąc, to iest za dwadziescie kop do maiętnosci wszelakiey leżącey i ruchomey Andrzeiowey, iako samego pryncypała, i za dwadziescie kop i za szkody prawne do maiętnosci Jarmoszy Owczynki leżącey i ruchomey i do osoby iego samego, ktora się gdzie kolwiek okazać i nalezć może, na odprawę odsyłamy. A gdy dzień trzeci przysiędze złożony dnia dwudziestego wtorego Februаry przypadł, czyniąc nakazowi naszemu dosić Afanasowa Znaiszowa Polusza Michayłowna z Marią Artemowną Michayłową i z Maximem Kuryłowiczem, bratem nieboszczykowskim, samotrzec przysięgę przed nami urzędem i przy obecnosci tego Stanisława pomocnika, w głos na tym wszystkim, iako iey iest nakazano, wykonała. Ktora sprawa, iako się po wszystkie czasy przed nami, urzędem, toczyła, iest do xiąg mieyskich Połockich zapisana.

Изъ книги Полотской ратуши за 1649 годъ (стр. 99).

159.

1649 г. Декабря 14. Избраніе Полотскими обывателями изъ среды Православной двухъ кандидатовъ въ бурмистры—Абрама Юревича и Ивана Зимницкаго.

Обранье двухъ електовъ зъ релiи Руское на бурмистровство, пана Абрама Юревича и пана Ивана Зимницкого, райцовъ.

Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, поспольство мѣщане мѣста Полоцкого, зебравшы се въ ратушу, згодне обрали на бурмистровство по смерти небощика пана Давыда Парфеновича, бурмистра Полоцкого, водлугъ права и привилеевъ, мѣсту тому наданыхъ, двухъ електовъ славетныхъ пана Абрама Юревича и пана Ивана Зимницкого, райцовъ Полоцкихъ, зъ релiи Кгрецкое, на рокъ, дасть Панъ Богъ, прышлый тисеча шестьсотъ пятьдесятый. Съ которыхъ то двухъ електовъ одного которого ясневельможный его милость панъ воевода Полоцкій оберыть и на тое бурмистровство конфирмуеть, теды въ прышломъ року, выконавшы прысегу, на бурмистровство описаную, урядомъ своимъ бурмистровскимъ ажъ до конца жывота своего шафовати маеть. Которая таковая згодная уфала есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записана.

Изъ книги Полотской ратуши за 1649 годъ (стр. 143).

160.

1649 г. Апрѣля 26. Заявленіе передъ судомъ Полотскаго мѣщанина Степана Войны, что онъ больше не будетъ пить меда и горѣлки, подъ условіемъ наказанія.

Прызнанье Степана Войны, ижъ не маеть до смерти меду и горѣлки пити.

Пры бытности пана Лѣренса Кгурского, лавника мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Болеслава Богатыра Косаровского, економа и лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучими, постановившы се очевисто мѣщанинъ мѣста Полоцкого Стефанъ Война, добровольно прызналъ, ижъ дей я отъ дня сегоднешнего не маю меду и горѣлки пити ажъ до смерти своее. А если бымъ я коли кольвекъ меду або горѣлки упилъ се, теды вольно будеть, за симъ добровольнымъ прызнаньемъ моимъ вашыхъ милостей враду, казать до турмы осадить и, водлугъ воли и уподобанья своего, за тотъ учынокъ карать, которому каранью я противенъ быти не маю. Которое таковое прызнанье Степана Войны, ижъ не маеть меда и горѣлки пити до смерти, есть до книгъ меских Полоцкихъ записано.

Изъ книгъ Полотской ратуши за 1649 годъ (стр. 236).

161.

1649 г. Іюня 4. Заявленіе предъ судомъ Полотскаго мѣщанина Ѳедора Биндаса, что онъ больше не будетъ играть въ карты и пить горѣлки, подъ условіемъ наказанія.

Прызнанье Ѳедора Биндаса, кравца, ижъ если бы пилъ медъ або горѣлку, за тымъ прызнаньемъ его, вольно до турмы взяти.

Пры бытности пана Омельяна Шеремета, лавника мѣста Полоцкого, на мѣйсцу его милости пана Яна Болеслава Богатыра Косаровского, економа и лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полотскомъ будучыми, постановившысе очевисто мѣщанинъ мѣста Полоцкого Ѳедоръ Биндасъ, кравецъ, добровольне прызналъ, ижъ если бымъ я въ въ карты игралъ, а бо ли медъ и горѣлку пилъ, за досвядченьемъ на мене презъ кого кольвекъ, теды вольно будеть кождому, за тымъ моимъ добровольнымъ прызнакомъ, за тые пополненые учынки до турмы осадить, а урадъ маеть еще мене першый разъ презъ цекляровъ карбачами казать покарать пры яткѣ; а потомъ, еслибы се не направилъ и тые учынки выполнивати почалъ, теды вольно будетъ вжо мене карбачами презъ цекляровъ на камени публице покарать. Которое таковое прызнанье Ѳедора Биндаса, кравца, есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полотской ратуши за 1649 годъ (стр. 302).

162.

1652 г. Апрѣля 10. Опредѣленіе повинностей, которыя долженъ платить Михалко Ходоровичъ, принятый въ число Полотскихъ мѣщанъ.

Прызнанье подъ осѣлость мѣскую Михалка Ходоровича до мѣшканья на кгрунтѣ мѣскомъ въ Мамоновщынѣ.

Бургомистры, райцы и лавники мѣста его королевской милости Полоцкого, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючіе, ознаймуемъ тымъ нашымъ листомъ, ижъ, прывлащаючы мѣсту Полоцкому пожытокъ, позволили есмо Михалку Ходоровичу на кгрунтѣ мѣскомъ, на Мамоновщынѣ, за Шорошковскимъ бродомъ, надъ рѣкою Полотою будовати се и всякіе пожытки собѣ тамъ нашечы, оруючы, боронуючы—вынайдовать и на той осѣлости мѣской жыть. Съ которое тое земли мѣское маеть за теперешнѣй рокъ, въ день Покрова Пресвятое Богородицы, заплатить до скрынки мѣское копъ чотыры грошей литовскихъ, а потомъ вжо на кождый рокъ маеть платить до скрынки мѣское съ тое земли, побудовавшисе и тамъ огледавшысе, опрочъ иншыхъ повинностей, по копъ шесть грошей лит. ровно. Въ чомъ ему Михалку Ходоровичу мы теперешнїй и по насъ наступуючый маистратъ жадною перешкодою быти не маеть и мѣти не будеть мочы. И на томъ мы маистратъ Полоцкій дали ему Михалку Ходоровичу сесь нашъ листъ съ печатью мѣскою радецкою и съ подписомъ рукъ насъ, радецъ сегорочныхъ. Писанъ у Полоцку, року тисеча шесть сотъ пятьдесятъ второго, мѣсеца Апрѣля десятого дня.

Изъ книги Полотской ратуши за 1652 годъ (стран. 112).

163.

1652 г. Мая 17. Правительственное распоряженіе о томъ, чтобы мѣщане Полотскіе не продавали хлѣба въ Ригу.

Lantwoyt, burmistrze, raycy y ławnicy miasta i. k. msci Połockiego, zabiegaiąc drogosci, wszystkim wobec mieszczanom Połockim oznaymuiemy y przykazuiemy, abyscie się od tego czasu żaden nie smiał, zaieżdzaiąc po rożnych drogach lądem i wodą za miasto i tu w miescie, zborza na zysk y na wyprowadzenie z Połocka zakupować i przedawać, iedno kożdy kto by prowadził zborze do Połocka, niech sam przyiachawszy ludowi pospolitemu przedaie cenę taką, iako na tenczas w Połocku iest. Bo dla tego zabiegania za miasto y dla wyprowadzenia z Połocka zborza, drogość zamnożyła się i mnoży, y ludowi pospolitemu głod cierpieć przychodzi. W czem na sprzeciwnego i nieposłusznego za doswiadczeniem, winę zakładamy na oprawę miasta Połockiego sto kop, a zborze to, ktore na przekup i zysk kupi, abo za miasto będzie wyprowadzał na szpitale, w miescie Połockim będące, zabrane y obrocone być ma. Pisano w Połocku, dnia siedmnastego Maia, tysiąc szesc set pięddziesiąt wtorego roku.

Изъ книги Полотской ратуши за 1652 годъ (стран. 154).

164.

1655 г. 7 Мая. Письмо наказного Запорожскаго атамана Ивана Ничипоровича къ обывателямъ г. Старого Быхова, чтобы они сдали городъ Царю Алексѣю Михайловичу.

Паномъ мѣщаномъ и всему поспольству, на сесь часъ зостаючому въ Быховѣ Старомъ. Зычимъ вамъ отъ Господа Бога здоровья доброго. Яко смо передъ тымъ непоеднокроть писали до васъ, жадаючы, абысте, не будечы спротивными воли Всемогущого, добровольне поклонили ся Его Царскому Величеству; про то и теперь презъ тое мое писанье жадаю и вѣрне жычу, яко добрый пріятель: не будьте ваша милость противными и не жадайте крови пролитія, бо вси естесмо хрестіане. Зычымъ, рачьте ваша милость поддати ся подъ крѣпкую и высокую руку Его Царского Величества такомужъ пану хрестіанскому, яко мы сами. Видите ваша милость сами, што се дѣеть: сподѣвалисте се на Радивила, жебы васъ охоронилъ отъ войска Его Царского Величества и Запорозскихъ, але жадное помочы вамъ немашъ и мѣти отъ него не будете; бо намъ первѣй по Сожъ рѣку, потомъ по Днѣпръ а теперь по Березыну поступати мусѣвъ, и певни есмо, же насъ оттуль хоть бы и хотѣлъ рукговати, не можеть, чуючы и самъ войско валечное Его Царского Величества, со всихъ сторонъ наступуючое; яко сподъ Шепелева любо и ушолъ, по старому знайдемъ мы его не только у Вильни, але и у Краковѣ; маемо надѣю у Господа Бога и помощъ у Пресветой Богородицы, кождый нашъ сопротивникъ же рукъ нашихъ неуйдеть. Зачымъ рачьте се, ваша милость, змиловати ся такъ надъ собою яко жонами и дѣтками своими а поклонити се Его Царскому Величеству безъ розляньякрови. А я цнотливымъ словомъ и добрымъ сумнѣньемъ вамъ обѣцую—жадного укривженья мѣти не будете. А если бы тежъ немѣли добровольне поклонити, то не на насъ, але сами на себе плакати будете; бо хоть бы намъ пришло презъ цѣлое лѣто стояти, теды васъ доставати будемъ. Чуете и отъ тыхъ, которые у Гомлю были, же вси вцале прѣ здоровью и при всихъ набыткахъ своихъ зостають, а ваша милость спротивяете ся воли Господа Бога и воли Радивила, а хочете усю Литву задержати своимъ однымъ Быховомъ. Того доказати не можете. По сотно кротнымъ упоминаньемъ упоминаю, жебысте се поклонили Его Царскому Величеству, а надъ собою, жонами и дѣтми своими змиловали се. Бо вѣдайте о томъ певне, коли васъ достанемъ презъ мечь, и малого дитяти живити не будемъ. А въ томъ на мудрый вашъ розсудокъ полецаемъ, о респонсъ пильно вашу милость жадаемъ. Притомъ Господу Богу васъ поручаю. Датъ съ табору зъ Ново-Быхова року 1655, Мая 7 дня. Вамъ во всемъ зычливый Иванъ Ничыпоровичъ, гетманъ наказной войска Его Царского Величества Запорожского.

Найдено г. Попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа И. П. Корниловымъ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки.

165.

1736 г. Ноября 9. Явка подтвердительной граноты Августа III на прежде данныя права Православной Дисненской церкви.

Przed nami Janem Thaddeuszem Alexandrowiczem y Michałem Ołowiaszką, burmistrzami, y przed nami raycami, ławnikami miasta iego kr. mci Połockiego, tego roku dla spraw sądowych w ratuszu Połockim zasiadaiącemi, comparentes personaliter pod czas sądow i. kr. m. Maydeborskich w ratuszu Połockim sławetni pan Tymophey Borodulski, burmistrz, y pan Jan Dubino, pisarz, urzędnicy i. kr. msci miasta Dzisnienskiego, przywiley naiasnieyszego krola imci Augusta trzeciego, pana naszego miłosciwego, szczęsliwie nam teraz panuiącego, na erekcyą cerkwi de nova radice w miescie Dzisnienskim, nie w uniey będącey, nadany y służący, ad acta podali, sequente tenore pisany: August trzeci, z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki, Kiiowski, Wołynski, Podolski, Podlaski, Inflantski, Smolenski, Siewierski y Czernihowski a dziedziczny xiąże Saski y elektor etc. Oznaymuiemy ninieyszym listem, przywileiem confirmacyinym naszym, wszem wobec y kożdemu zosobna, komu o tym wiedzieć należy, iż pokładany był przed nami list przywiley na pargaminie po polsku ręką nayiasnieyszego swiętey pamięci Augusta wtorego krola Polskiego antecessora nayukochanszego oyca naszego podpisany, cały, zdrowy, nienaruszony, y żadney suspicyi niepodlegaiący, pieczęcią mnieyszą W. X. Litt. wiszącą, stwierdzony, zawieraiący w sobie confirmacya prawa cerkwi Dzisnienskiey służący, ktorego listu tenor od słowa do słowa taki iest: August wtory, z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Zmudzki, Kijowski, Podolski, Podlaski, Inflantski, Smolenski, Siewierski y Czernihowski a dziedziczny xiąże Saski y elektor. Oznaymuiemy tym listem, przywileiem naszym, komuby o tym wiedzieć należało. Iż pokładany był przed nami przywiley swiętey pamięci krola imci Jana trzeciego, antecessora naszego ręką podpisany y pieczęcią W. X. L. zapieczętowany cały, nienaruszony y żadney suspicyi w sobie nie maiący, ktory tak się w sobie ma: Jan trzeci z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewski, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Kijowskie, Wołynskie, Podlaskie, Podolskie, Inflantskie, Smolenskie, Siewierskie y Czernihowskie. Oznaymuiemy tym listem przywileiem naszym, komu by o tym wiedzieć należało, iż pokładany był przed nami przywiley swiętey pamięci krola imci Jana Kazimierza, antecessora naszego ręką onego podpisany a pieczęcią większą W. X. Lit. zapieczętowany, oryginalny, cały, nienaruszony y żadney suspicyj w sobie niemaiący, ktory w ten przywiley nasz ingrossuiąc od słowa do słowa tak się w sobie ma: Jan Kazimierz z Bożey łaski krol Polski, wielki xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflantskie, Smolenskie, Czernihowskie a Szwedzki, Wandalski dziedziczny krol. Oznaymuiemy tym listem naszym, komu to wiedzieć należy, iż pokładany był przed nami uniwersał swiętey pamięci krola imci Władysława IV, pana brata naszego ręką onego podpisany a pieczęcią mnieyszą W. X. L. zapieczętowany, w rzeczy niżey wyrażony, ktory w ten przywiley nasz ingrossuiąc od słowa do słowa tak się w sobie ma:

Władysław czwarty, z Bożey łaski krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Mazowieckie, Zmudzkie, Inflantskie, a Szwedski, Gotski, Wandalski dziedziczny krol, obrany wielki Car Moskiewski. Wszem wobec y kożdemu zosobna, osobliwie woiewodom, kasztelanom, starostom, dzierżawcom, urzędom ziemskim, grodzkim y wszystkim obywatelom W. X. L. duchownego y swieckiego stanu ludziom kondycyj szlacheckiey, także urzędom mieyskim, woytowskiemu, burmistrzowskiemu, radzieckiemu, ławniczemu y wszystkiemu pospolstwu czyniemy wiadomo. Iż na przyszłym szczęsliwey koronacyj naszey seymie, uspokaiaiąc ludzi religiey Greckiey nieunitow z ludzmi religiey Greckiey w uniey z kosciołem swiętym Rzymskim będącymi, nim dalsze na przyszłym, da Bóg, seymie gruntowne nastąpi uspokoienie, pewne cerkwi z przynależnosciami w miastach naszych nieunitow naznaczylismy, mianowicie: w Połocku cerkiew Narodzenia Pańskiego, w Dzisnie Zmartwychwstania Panskiego, dla ktorych odebrania y w possessyą nieunitow podania urodzonego Konstantego Rosickiego, dworzanina naszego, posyłamy, chcąc mieć y rozkazuiąc, aby zaraz te pomienione cerkwie ludziom religiey Greckiey nieunitom w possessyą podali skutecznie y przy pomieoionem dworzaninie naszym ustąpili, y żadney przeszkody w używaniu wolnego nabożenstwa w nich nie czynili, inaczey nieczyniąc dla łaski naszey. Dan w Krakowie XVII dnia msca Marca, roku Panskiego MDCXXXIII, panowania naszego Polskiego y Szwedskiego 1 roku. Vladislaus Rex. Stanisław Naruszewicz, pisarz. Pieczęc mnieysza W. X. L.—My tedy Jan Kazimierz krol, do prosby takowey łaskawie się skłoniwszy, y zwysz inserowany uniwersał we wszystkich onego punktach, klawzulach, kondycyach y obowiązkach mocą y powagą naszą krolewską stwierdzamy, zmocniamy, approbuiemy, y to mieszczanom naszym Dzisnienskim waruiemy, iż nietylko przy dawney cerkwi od swiętey pamięci krola imci pana brata naszego miłosciwie pozwoloney, ale y przy nowo pobudowaney Swiętego Spasa, nie w uniey będącey, y ktore napotym wystawić będą mogli podług przywileiu Ruskim pismem pisanego swiętey pamięci krola imci Zygmunta Augusta de data w Lublinie roku panskiego MDLXIX, mca Januarii dwudziestego dnia, wiecznymi czasy zostawać maią. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy, pieczęc W. X. L. przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie dnia XXV msca Julii roku Panskiego MDCLXI, panowania naszego Polskiego XIII roku a Szwedzkiego XIV roku. Jan Kazimierz krol, Andrzey Kotowicz, pisarz W. X. L. A zatym wniesiona iest do nas, przez panow rad y urzędnikow naszych, przy boku naszym będących, prosba, abysmy iako ten przywiley teraz inserowany mocą y powagą naszą stwierdzili tak y to ludziom y mieszczanom Dzisnienskim religii Greckiey nieunitow na wieczne czasy nadali, iż gdyby ta cerkiew Zmartwychwstania Panskiego, w miescie Dzisnienskim będąca, za czasem y laty do ruiny przyszła, żeby naprawić y restaurować, in quantum by zaś przeż ogień nieprzyiaciela y inne przypadki zniesiona była, de novo wybudować y wymurować y wszelakiey do niey requisita należytości apparaty, tak też dzwony podług wszelakiey możnosci przysposobić y w zawiedywaniu mieyskim mieć bez żadney przeszkody na wieczne czasy wolno było. My tedy krol, do prozby panow rad y urzędnikow naszych za mieszczany y ludzmi Dzisnienskiemi, nie w unij będącemi, łaskawie się skłoniwszy, iako przywiley swiętey pamięci antecessora naszego Ja-

na Kazimierza we wszystkich punktach y paragrafach mocą y powagą naszą na wieczne czasy stwierdzamy, tak y to in perpetuum nadaiemy, że maią y mocni będą mieszczanie Dzisienscy, w nieuniey będącą cerkiew Zmartwychwstania Pańskiego nie tylko do upadku przychodząca naprawiać, restawrować, ale też upadłą albo przez ogień nieprzyiaciela y inne przypadki zniszczoną albo zniesioną de novo wybudować lub wymurować y wszelakie do niey należytosci requisita y apparaty tak też dzwony cum omnibus attinentiis przysposobić y tą cerkwią zawiadywać (wyiowszy zakonnikow teyże religii Greckiey, nad ktoremi jurysdikcya duchowna, nie w uniey będąca, władzą y zwierzchność mieć ma) bez żadney praepedycyi; incontravenientes zaś et convulsores tego przywileiu winy, w prawie pospolitym opisane, zakładamy. Naco dla lepszey wagi ręką się naszą podpisawszy, pieczęc W. X. L. przycisnąć rozkazalismy. Dan w Grodnie, na seymie walnym, dnia XXX Januarii, roku Panskiego MDCLXXIX, panowania naszego V roku. Jan krol. Locus sigilli minoris cancellariae magni ducatus Lithvaniae. A zatym wniesiona iest do nas przez panow rad naszych od sławetnych Piotra Suszczewicza, burmistrza, Stefana Michałowicza Dubinę, pisarza, y Pawła Krzywiejka, ławnika, mieszczan Dzisnienskich, pokorna supplika, abyśmy wzwysz wyrażony przywiley mocą y powagą naszą stwierdzili. My tedy August wtory krol, do pomienioney suppliki łaskawie się skłoniwszy, wzwysz inserowany przywiley we wszystkich iego kondycyach, clauzulach y artykułach mocą y powagą stwierdzamy y umocniamy, y monastyr tych zakonnikow cerkwi Zmartwychwstania Pańskiego, Dzisnienskiey, iako teraz iest w swoiey szerokosci, miedzach y wybudowaniu, przy teyże granicy wiecznie zachowuiemy, w nabożenstwie zaś Greckim y chwale Bożey, iako za antecessorow naszych bywało, y processye na swoich zwyczaynych mieyscach odprawowane były, tedy y teraz za szczęsliwego panowania naszego aby ci zakonnicy y mieszczanie ku rozszerzeniu miasta w swoich wolnosciach cieszyć się mogli, mieć chcemy po wielebnych władykach, w uniey będących y przełożonych ich, aby żadna ujma y ubliżenie w obrzędach y nabożenstwie Greckim w cerkwi pomienioney Zmartwychwstania Pańskiego nie była, dla czego zaręki kop dziesięc tysięcy Litewskich zakładamy, y dla lepszey wiary ręką się własną podpisawszy, pieczęcią W. X. L. stwierdzić rozkazalismy. Dan w Warszawie, dnia XVI mca Sierpnia, roku Panskiego MDCXCIX, panowania naszego wtorego roku. Augustus Rex. Mieysce wiszącey pieczęci; confirmacya przywileiu cerkwi Dzisnienskiey należąca. Supplikowano nam iest przez sławetnych Jana Kłypy, radcy, y Jana Dubbiny, pisarza, mieszczanow Dzisnienskich, abysmy zwysz inserowany list powagą naszą krolewską stwierdzić, zmocnić y approbować raczyli. My tedy August krol, z wrodzoney naszey ku poddanym łaskawosci y pomienioney supplice łaskawie dogadzaiąc, przerzeczony list we wszystkich iego klausulach, artykułach, kondycyach y obowiązkach (in quantum jure est) stwierdzamy, zmocniamy y approbuiemy ninieyszym listem naszym, mieć chcąc mocy niewzruszoney wiecznymi czasy, prawa nasze krolewskie, rzeczypospolitey, y koscioła swiętego Rzymskiego katholickiego wcale y nienaruszenie zachowuiąc. Na co się dla lepszey wiary ręką naszą podpisawszy, pieczęc W. X. Litt. przycisnąć rozkazalismy. Dan w Warszawie, dnia XX mca Julii, roku Panskiego MDCCXXXVI, panowania naszego III roku. U tego listu

confirmacyinego przywileiu pieczęc wielka wisząca W. X. L. a podpis ręki krolewskiey his expressis: Augustus Rex. Confirmacya praw y przywileiow na cerkiew Dzisnienska Greckiey religiey nie w uniey będącey Zmartwychwstania Panskiego. A na zatyłku tego przywileiu napis kanclerski, z podpisem ręki sekretarskiey tali methodo cancellariata: Illustrissimi et excellentissimi domini Joannis Friderici, comitis in Kodeń, Czarnobyl et Dorohostaie Sapieha supremi cancelarii magni ducatus Lithvaniae Brestensis etc. Capitanei sigillum. Est in actis—Felix Stanislaus Owsiany, sacrae regiae maiestatis sigilli majoris magni ducatus Lithvaniae secretarius mpria. Ktory takowy list confirmacyiny przywiley, przez wysz wyrażonych osob oczewisto ad acta podany iest do xiąg iego kr. msci maydeborskich Połockich przyięty y wpisany.

Изъ книги Полотской ратуши за 1736 г. (стран. 78).

166.

1762 г. Іюня 25. Заявленіе Минскаго скарбника Герждовича о происшедшемъ въ Минскѣ пожарѣ и о сгорѣвшихъ при семъ Минскихъ земскихъ книгахъ и трибунальныхъ Минской каденціи, съ указаніемъ за какіе годы.

Przed nami sędziami, na trybunał głowny W. X. Litt. z woiewodztw, ziem y powiatow w roku teraznieyszym tysiąc siedmsetnym sziescdziesiątym wtorym obranemi, comparendo personaliter w trybunale głownym W. X. Litt. patron iegomość pan Jan Gierzdowicz, skarbnik woiewodztwa Minskiego, opowiadał, prezentował y ad acta xiąg trybunału głownego W. X. Litt. spraw wieczystych podał regestr xiąg ziemskich woiewodztwa Minskiego y trybunału gł. W. X. Litt. wieczystych, dekretowych, potocznych, introligowanych, regestrow sądowych, oczewistych y potocznych protokołow et varii tituli autentycznych dokumentow susceptowanych y niesusceptowanych, oraz roznych spraw, papierow y rzeczy, in locatione będących, czasu konflagraty w Minsku pogorzałych. Ktory regestr podaiąc ad acta, prosił nas sądu, aby, ze wszelką w nim inserowaną rzeczą, był do xiąg trybunału gł. W. X. L. przyięty y wpisany. Jakoż my sąd pomieniony regestr przyiąwszy w xięgi de verbo ad verbum wpisać pozwolili, ktorego tenor sequitur estque talis: Regestr xiąg ziemskich woiewodztwa Minskiego y trybunału gł. W. X. Litt. wieczystych, dekretowych y potocznych introligowanych regestrow sądowych oczewistych, y potocznych protokołow variique tituli autentycznych dokumentow susceptowanych y niesusceptowanych, item roznych spraw, papierow y dalszych rzeczy, in locatione zostaiących, niżey wyrażonych, w kamienicy ichmosciow panow Jeleńskich będących, przy gwałtowney konflagracie miasta Minska, ze dnia szostego na dzień siodmy Junii roku tysiąc siedmset szescdziesiąt wtorego zgorzałych przez w. imci pana Felixa Kublickiego Piottucha, namiesnika ziemskiego Minskiego, sporządzony. Primo: xięgi wieczyste, potoczne, dekretowe, y regestra sądowe, protokoły, oczewiste y potoczne, ziemskie woiewodztwa Minskiego, zacząwszy od roku tysiąc szescset czterdziestego pierwszego aż do roku ty-

siąc siedmset dziesiątego, oraz w tych latach kaptyrowych wszystkie zgorzały. Secundo: xięgi wieczyste trybunalskie kadencyi Minskiey, zacząwszy od roku tysiąc szescset czterdziestego pierwszego aż do roku tysiąc siedmset pięcdziesiąt dziewiątego, także teraznieyszey kadencyi za łaski i. wmnego imci pana Paca wyięte wszystkie pogorzały. Tertio: xięgi potoczne trybunalskie kadencyi Minskiey, zacząwszy od roku tysiąc szescset szescdziesiątego aż do roku tysiąc siedmset szescdziesiąt pierwszego wszystkie zgorzeli. Daty xiąg pogorzałych: roku tysiąc szescset czterdziestego pierwszego, roku tysiąc szescset czterdziestego siodmego tomow dwa, roku tysiąc szescset czterdziestego dziewiątego tomow dwa, roku tysiąc szescset pięcdziesiąt wtorego, roku tysiąc szescset szescdziesiąt trzeciego, roku tysiąc szescset osmdziesiąt trzeciego, roku tysiąc szescset dziewięcdziesiąt piątego, roku tysiąc siedmset piętnastego, roku tysiąc siedmset siedmnastego tomow dwa. Xięgi dekretowe trybunalskie kadency Minskiey: roku tysiąc siedmset dwadziestego trzeciego, roku tysiąc siedmset dwadziestego czwartego, roku tysiąc siedmset dwudziestego siodmego, roku tysiąc siedmset dwudziestego osmego, roku tysiąc siedmset dwudziestego dziewiątego, roku tysiąc siedmset trzydziestego, roku tysiąc siedmset trzydziestego pierwszego, roku tysiąc siedmset trzydziestego szostego, roku tysiąc siedmset trzydziestego dziewiątego, roku tysiąc siedmset czterdziestego, roku tysiąc siedmset czterdziestego pierwszego, tysiąc siedmset czterdziestego wtorego, tysiąc siedmset czterdziestego trzeciego, tysiąc siedmset czterdziestego piątego, tysiąc siedmset czterdziestego siodmego, tysiąc siedmset czterdziestego dziewiątego, tysiąc siedmset pięcdziesiąt pierwszego, tysiąc siedmset pięcdziesiąt wtorego, tysiąc siedmset pięcdziesiąt trzeciego, tysiąc siedmset pięcdziesiąt piątego y szostego, tysiąc siedmset pięcdziesiąt siodmego y osmego, roku tysiąc siedmset szescdziesiąt pierwszego, roku tysiąc siedmset szescdziesiąt wtorego. Protokuły oczewiste, potoczne, zapisowe, wszystkie regestra (excepto pod datami tysiąc siedmset czternastego, tysiąc siedmset siedmnastego, tysiąc siedmset dziewiętnastego, tysiąc siedmset dwudziestego pierwszego, tysiąc siedmset dwudziestego piątego, tysiąc siedmset dwudziestego siodmego, tysiąc siedmset dwudziestego dziewiątego, tysiąc siedmset trzydziestego pierwszego, tysiąc siedmset trzydziestego piątego, tysiąc siedmset trzydziestego siodmego, tysiąc siedmset trzydziestego dziewiątego, tysiąc siedmset czterdziestego pierwszego, w kosciele ichmosciow panien Benedyktynek ocalałych) zgorzeli. Dokumenta rożne tak ziemskie iako trybunalskie, lokacyine, komportacyine, item rożne rzeczy w teyże kamienicy znayduiące się spłoneli. U tego regestru podpisy rąk tali tenore sequuntur. Do ktorego regestru przy użytych ichmsciach panach przyiaciołach, czasu tey konflagraty będących y ze żadnym sposobem dla otoczenia zewsząd ognia ratować nie można było widzących, własną ręką moią podpisuię się Felix Kublicki Piottuch, namiesnik ziemski woiewodztwa Minskiego mp. Franciszek Kołłupayło mp. Ignacy Michałowski r. pttu Oszmians. pisarz komor. Minski. Paweł, Jozef Wierzbicki p. Mins. mp. Jan Antoni Krupski mp. Krysztof Hlinski Lichodzieiewski M. H. S. Ktory to takowy regestr za podaniem onego przez wyż wyrażonego patrona do akt, iest do xiąg trybunału gł. W. X. Litt. spraw wieczystych przyięty y wpisany. Jan Hlebicki Jozefowicz star. sędzia powiatu Orszanskiego y marszałek tr. gł. W. X. Litt. Roku 1777 Nowem-

bra 24 d. widymus wydan. 1786 mca Nbra 11 dnia widymus wydany. 1791 Febr. 28 d. widymus wydany.

Хранится въ Вил. Центральномъ Архивѣ, въ актовой книгѣ 6. Главнаго Литовскаго трибунала за 1762 г. № 130.

167.

1800 г. Октября 27. Заявленіе Виленскаго земскаго регента о происшедшемъ въ канцеляріи Виленскаго земскаго суда пожарѣ и о сгорѣвшихъ при семъ восьмидесяти связкахъ документовъ, а также и цѣлыхъ книгъ, съ указаніемъ за какіе годы.

Na sądach głownych Litewskich stawaiąc osobiscie pan Tomasz Wileyko, regent ziemski Wilenski, oswiadczenie, poniżey szczegółami wyrażone, o zaszłym wypadku ze skutkow pożaru do akt podał, ktore co do słowa tak się wyraża: Tomasz Wilejko, regent ziemski Wilenski, ninieyszym oswiadczam, że w roku teraznieyszym tysiącznym osmsetnym Oktobra dwodziestego szóstego dnia o godzinie osmej wieczorem, gdy kancelarya sądu ziemskiego rozeszła się, a pozostał tylko dozorujący kancelaryą Leon Boryczewski, któren (tak wedle iego wyznania okazało się teraz, a z czem dotąd się taił, podlega czasami wypadkom choroby S. Walentego, iakoż tą razą gdy obięła iego niespodzianie ta choroba) nie będąc w stanie pogasić wszystkich swiec odeszłey od pracy kancelaryi, od czego ale iakim porządkiem dociec nie można, wszczął się pożar, i chociaż za usiłowaniem miejskich pożarnych rynsztunkow pożar wraz został ugaszonym, iednak wbrew wszystkich usiłowań uchronienia sądowych dokumentow i akt uległy zniszczeniu skutkiem tego pożaru wiele komportowanych anexow do spraw cywilnych iuż osądzonych w osmdziesięciu fascykułach zgorzało, a iakie mianowicie to się okaże po zabraniu kwerendy z protokołami sądowemi. A także zgorzały wieczyste akta sądu ziemskiego Wilenskiego, to iest xięgi za lata 1667, 1669, 1673, 1674, 1675, 1679, 1682, 1683, 1684, 1685, 1686, 1687, 1688, 1689, 1690, 1691, 1692, 1693, 1694, 1695, 1696, 1697, 1698, 1699, 1705, 1706, 1707, 1708, 1732, 1733, 1734, 1735, 1736, 1737, 1738, 1739, 1740, 1741, 1742, 1743, 1744, 1745, 1746, 1747, 1748, 1751, 1757, 1758, 1759, 1760, 1761, 1762, 1763, 1764, 1765, 1766, 1767 i dwie xięgi grodzkie Wilenskie za lata 1793 i 1794, wzięte przez sąd ziemski czasowie w sprawie Walentynowiczow z Szyrynami do kwerendy, także spaliły się. Aby tedy z racyi takowego nieszczęsliwego wydarzenia, iakową nie wciągneło na mnie odpowiedzialność, iako regenta tegoż sądu, ninieyszym widzę potrzebę oswiadczyć, że z powodu choroby regenta grodzkiego pana Kazimierza Wołodki, podobało się sądowi ziemskiemu naznaczyć mnie spełniać iego obowiązek, a zatym iesliby z odpowiedzialnoscią narzekano na chwilowy po kancelaryi sądu ziemskiego nieporządek przy spełnieniu mną dwóch obszernych obowiązkow takowy stosowanym iedynie do mojej osoby, a szczególnie w okolicznosci wypadku od ognia bydz nie może. O czem do xiąg publicznych podaiąc te moie zeznanie własną ręką stwierdzam.

58

Datt ut supra— podpis następuiący: Tomasz Wilejko, regent ziemski Wilenski. Które to oswiadczenie za podaniem onego do akt iest do xiąg sądu głownego Litewskiego wpisane. Benedykt Morykoni, marszałek sądu głownego Litt., Antoni Sylwestrowicz, miejsce pisarza zastępuiący, Karol Zawadzki, regent aktowy.

Изъ актовой книги Литовскаго Главнаго суда за 1800 г. (стран. 48), хранящейся тамъ же.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

АРХЕОГРАФИЧЕСКАГО СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*		*Нужно*:
201	1 св.	напа	пана
205	9 сн.	молости	милости
207	6 св.	которохъ	которомъ
208	4 сн.	Устиній	Устиній.
263	18 сн.	Полоцкого	Полоцкого,
288	13 св.	послѣ *гроша*	пропущено: *а изъ Риги два тройныхъ*